

5744

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

I. II

Академика **А. Н. Веселовскаго.**

Alexander Nikolawitch Weselowsky

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XXXIX-МУ ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 5.

—
2
—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ. 1881.

ПРЕДАЕТСЯ У КОММИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

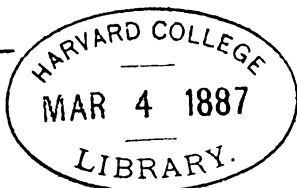
Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Копъ, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

—
Цена 35 коп.

~~27231.34³~~
27231.34.5
✓

Smith Fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

181-141
4/6

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

(Академика А. Н. Веселовскаго).

Занимаясь съ нѣкотораго времени вопросомъ о составѣ и развитіи южно-русскаго эпоса, я разработывалъ частями его отдѣльные циклы ¹⁾, стараясь опредѣлить ихъ какъ особи и вмѣстѣ услѣдить идею ихъ связи съ цѣлымъ. Такимъ образомъ получились ряды обобщеній, обнимающихъ весь южно-русскій былевой эпосъ. Самый характеръ изслѣдованія, опредѣленный своеобразнымъ качествомъ матеріала, указываетъ мѣсто этимъ обобщеніямъ не въ предисловіи, а въ послѣсловіи къ изслѣдованію. Основанныя на извѣстномъ, хотя-бы и значительномъ количествѣ частныхъ наблюденій, они явились-бы въ началѣ труда программой, которая связала-бы отчасти ихъ дальнѣйшую объективную выработку, обусловленную не столько новыми данными, открытіе которыхъ всегда возможно, сколько повѣрочнымъ, взаимнымъ сравненіемъ частныхъ выводовъ, полученныхъ изъ изученія каждой былинной группы порознь. Такой обоюдный контроль представляется мнѣ однимъ изъ немногихъ экзегетическихкихъ приемовъ при критикѣ пѣсеннаго преданія, не записаннаго въ древнихъ текстахъ, которые позволили-бы построить его

¹⁾ См. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Archiv für slavische Philologie, III, p. 549—93.

генеалогію; выработавшаго цѣлый рядъ опредѣленно-очерченныхъ богатырскихъ типовъ, которые, сами являясь вопросомъ историческаго сложенія и послѣдовательныхъ нарощеній, не могутъ служить исходной точкой для возстановленія древней пѣсенной основы.

Между тѣмъ и частные результаты, добытые при разборѣ отдѣльныхъ былинныхъ группъ, въ свою очередь нуждаются въ повѣркѣ — со стороны лицъ, занимающихся тѣмъ-же вопросомъ. Съ этою цѣлью и печатаются слѣдующіе опыты. Что касается до порядка ихъ появленія, то онъ не отвѣчаетъ органической программѣ, выражающей идею былиннаго развитія, какъ *пока* она представляется автору — потому именно, что повѣрочныя изслѣдованія могутъ повести къ ея, теперь не предусмотрѣннымъ, измѣненіямъ.

I.

Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри.

I.

Малорусское сказаніе о «златыхъ вратахъ» записано было и издано впервые Кулишемъ ¹⁾ и въ той-же редакціи воспроизведено гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ ²⁾. Подъ Киевомъ (въ Гвоздовѣ) слышалъ его, и почти въ томъ же пересказѣ, польскій писатель Михаилъ Грабовскій ³⁾; въ Киевѣ-же слышалъ его, въ дѣтствѣ, г. Стояновъ, но еще въ формѣ пѣсни ⁴⁾; далѣе будетъ сказано нѣсколько словъ о варьянтѣ легенды, сообщенномъ Н. И. Костомаровымъ ⁵⁾. Въ недавнее время новая редакція того-же сказанія напечатана была въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ Драгоманова ⁶⁾.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось возвращаться къ этой ле-

¹⁾ Кулишъ, Записки о Южной Руси I, стр. 3—5.

²⁾ Историч. пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова I, № 15.

³⁾ Кулишъ I. с. стр. 5 прим.

⁴⁾ Антон. и Драгом. I. с. стр. 51.

⁵⁾ Костомаровъ, Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества, Бесѣда 1872 г. XII, стр. 39—40.

⁶⁾ Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разказы стр. 249—251.

гендѣ ⁷⁾ и предложить ея объясненіе, съ сущностью котораго согласились новѣйшіе изслѣдователи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ ⁸⁾. Настоящая замѣтка назначена не столько отмѣнить, сколько видоизмѣнить мое прежнее объясненіе — въ интересахъ южнорусскаго эпоса. Л. Н. Майковъ (О былинахъ Владим. цикла, стр. 32) и О. Э. Миллеръ (Илья Мур., стр. 694) сближали Михайлика малорусской легенды съ Михайломъ Игнатьевичемъ русской быliny. Новый варьянтъ послѣдней, сообщаемый мною далѣе, даетъ этому сближенію болѣе прочныя основы.

Легенда о «золотыхъ воротахъ», въ редакціи Кулиша, разсказывается такимъ образомъ: Какъ было лихолѣтье, пришелъ чужеземець, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ печеню (жаркое). «Э», говоритъ, «да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте», говоритъ Кіевлянамъ, «выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю». Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: «Чтѣ-же? выдадимъ!» А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣтъ вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ:

Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!

Погана ва́ша рада:

Якъ-би́ ви Михайлика не отдавали,

Поки світь сднця, вороги́ бѣ Кіева не достали!

⁷⁾ Въ замѣткѣ, помѣщенной въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ 1874 г. Октябрь по поводу 1-го выпуска пѣсенъ гг. Антоновича и Драгоманова; въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Легенда о возвращающемся императорѣ Ж. М. Н. Пр. 1875 г. Май, стр. 78—79; въ отчетѣ о Малорусск. нар. предан. и разсказахъ Драгоманова, помѣщенн. въ Древней и Новой Россіи 1877 г. Февраль.

⁸⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малорусск. народа, II, предисловіе стр. VII.

И поднялъ онъ копьемъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святаго жита, и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и пошли по́топтомъ.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка; больше ничего не ѣсть. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И, наступить, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто нибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли» — то золото такъ и засіяетъ. Если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!» — то золото такъ и померкнетъ.

Въ пѣснѣ, слышанной Стояновымъ, Михайликъ стрѣлялъ три раза: въ первый разъ онъ выбилъ у султана трубку изъ зубовъ, другою стрѣлою убилъ его самого, а третьею — его жену.

Редакція той-же легенды, записанная Трусевичемъ ¹⁾, предлагаетъ кое-какія новыя подробности — между прочимъ ту, что насильникъ Кіева названъ Батысмъ. Принадлежитъ ли разскащику отождествленіе Михайлы съ основателемъ Михайловскаго монастыря (построеннаго Святополкомъ — Михайломъ) — мы не знаемъ. Какъ въ предъидущемъ пересказѣ легенда начинается съ того, что войско Батыя стало въ Вышеградѣ (*wójska jego stanęły w Wyszogrodzie*). Далѣе она передается такимъ образомъ.

Wiele razy Batij przypuszczał szturm do Kijowa, ale zawsze napróżno. W Kijowie mieszkał w owe czasy znakomity rycerz *Michałko* (ten sam właśnie, który zbudował Michałowski monastér), był on oddawna postrachem tatarwy i dzielnym obrońcą Kijowa. Wiedział to dobrze Batij, że dopóki tylko żyje na świecie Michałko, do sądnego dnia, nawet, nie wziąć mu Kijowa; wiedział to psia wiara, ale ba! nie mógł na to poradzić. Jednego tedy

¹⁾ Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijów 1870, стр. 237—8.

razu Michałko, opatrując straże, zobaczył z wałów Batego, siedzącego, ze swoją tatarwą, na wyszogrodzkiej górze. Akurat jedli oni wtedy obiad. Michałko napisał drobnymi literami piśmo, w którym radził Batemu odejść od Kijowa, przywiązał to piśmo do strzały i wypuścił ją z łuka do Batego. Srebrna łyżka wypadła z ręki tatarskiego Atamana. Strzała jak raz przeszła mu rękę na wylot. Rozwścieklony Batyj w tej że chwili wysłał posłów do Kijowa z tym rozkazem, żeby mu wydali natychmiast Michałka; w przeciwnym, bowiem, razie, groził spalaniem całego miasta i wyrznięciem w niem wszystkich micszkańców, nie wyjmując nawet kobiét i dzieci drobnych. Michałko poprzysiągł pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańce nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Otoż tedy strach otrzymał, wreszcie, zwycięstwo i Kijowianie uradzili pomiędzy sobą wydać Michałka. Dowiedziawszy się o tém Michałko, prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on tedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotsky. Tam zgromadzonemu ludowi, przedstawił Michałko smutną dolę Kijowa, jaka go czeka po wejściu tatarów, a w końcu, widząc niezachwiane postanowienie Kijowian, rzekł: «oj panowie gromada! kiepskaż wasza rada» (Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada), a powiedziawszy to Michałko uderzył kopiję w złote wrota, podniósł je na plecy, jakoby kopiec siana, i, wraz z niemi, powoli wyjechał z miasta. Od tego czasu złotych wrót nie stało w Kijowie. Mówią starzy ludzie, że kiedyś powrócą i złote wrota i Michałko, ale kiedy? Jeden Bóg święty raczy to wiedzieć.

Въ легендѣ, слышанной Н. И. Костомаровымъ, Михайликъ назывался *Михайломъ Семилиткомъ*; онъ необыкновенный ребенокъ, которому предстоитъ возростать въ Константинополѣ.

Переходимъ къ легендѣ, изданной Драгомановымъ, въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и розказахъ.

— Колись, каже, давно то ще, був князь на світі Владимир. Володимер князь царствомъ всімъ обладує, а Михаїл то *син цирський*, али ще він молодий, то на царство ёго не садовлять; нехай підростає, а Володимер то старіщий, то він усімъ і править. Добре, так оце діється. . . . А в стороні Татарє свое царство мають. То ніби їдно царство, а то татарське друге, і в стороні татарє живуть. І знахорі татарські стали ворожити, догадались про Михаїла, кажуть своїмъ: «глядіть, щоб не було чого нам, росте з боку коло нас такий і такий Михаїл; тепер от ёго і нечути, а виросте той Михаїл, тоді вже будемо знати, шо то за Михаїл; кажуть знахорі, шо воїн, воїн з ёго вийде, може ше світ не бачив такого ліцера». Росказали знахорі про Михаїла; тепер треба шось робити. Татарський пише до Владимира: «ми довідались, пише Татарський, за Михаїла, він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте — то віддай нам ёго, будьмо сватами». Ото Володимер скликає людей, говорять, шо Татарський хоче до себе взяти Михаїла, далі дає цю річ до Санату. Міркували скрізь, чи зробити так, як Татарський пише, і присудили, шо віддаймо малого. Вся громада сказала так... —

Ну, ото присудили так, Володимер примітив, шо Михаїл став хмурний дуже, ходить такий засмучаний.... *А Михаїл був уже паробок літ 18.* Спитав Володимер ёго: «що ёму за туга така?» *Михаїл-дитячко!* чого ти засмучаний такий?

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кііва на тебе йде....

Міні так здається, шо журитись тобі нема чого. Михаїл і каже Володимерові:

Господару-Цару Володимеру!
Так, в мене чаша золотая,
Вина повная
Завжде....

І часть Кїѣва на мене їде,
Али Кїѣвська громада,
То зла в неї рада. . . .

Володимир на цеє промовчав. А Михаїл каже до меча свого, що на стїні висїв:

Мечу мїй мечу! та на Татарове,
Мечу мїй мечу! та на Юлапове. . . .

Михаїлові буйдуже, що Татаре хтять ёго брати, він меч свой як візьме, то. . . . Али Володимир цеє вислухав і дивиться, що Михаїл малий такий, і каже ёму: *«Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосїбне, то тра щоб бути лїт 20 або 30, тоді хїба за меч можна братись»*. Влодимир так до Михаїла говорить, а Михаїл ёму одказує по своёму:

*«Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море сиченьке:
Воно попливе як і стареньке»*.

Тодї Володимир каже до Михаїла: «як так оце ти говориш, то, Боже, тебе благослови».

Посля того Михаїл взяв меч, копію, коня ёму вивели; їде Михаїл і зострічає, що стоїть Татаруга, Турок той; Михаїл нічого не робив, оно перехрестив вісько татарське своїм мечем. То по обидві сторони Михаїла не стало того віська: на лїву сторону то так як огнем спалило, на праву — так як солому виклав. Як посїв тее вже вісько, Михаїл, то поїхав в світа і пришлось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворїтьми поїхав за якісь *горн*. . . . і став там жити, тай досї, каже, живий. . . . а може й помер. . . . Так оце розказують про Михаїла. . . .

Конець этой легенды, особливо въ редакціи Кулиша, ея эсхатологическій характеръ (ожидаемое въ будущемъ возвращеніе Михайлика въ Кїевъ), связь Кїева съ Царьградомъ, пако-

нецъ имя Михаила — все это повело меня къ заключенію, что въ легендѣ мы имѣемъ народный, приуроченный къ Киеву пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ русскихъ текстахъ Откровеній Меодія интерполированной редакціи ¹⁾. Популярность Откровеній, распространенныхъ во множествѣ списковъ, легко объясняла такого рода мѣстное, народное примѣненіе, примѣровъ котораго можно-бы привести не мало: многія изъ такъ называемыхъ мѣстныхъ сказаній ни что иное, какъ локализованныя повѣсти и анекдоты, такъ что интересъ локализации состоитъ не столько въ содержаніи сказаній, сколько въ открытіи причинъ, вызвавшихъ ихъ приуроченіе.

Разсказъ интерполированныхъ Откровеній слѣдующій:

Въ послѣднія лѣта выйдутъ Измаильтяне и поплѣнятъ всю землю и дойдутъ до Рима; дважды побѣжденные Римлянами, они «Римъ возьмутъ, а не всю землю, и дойдутъ до Говата великаго, иже есть за Римомъ». Здѣсь произойдетъ великая сѣча, и побѣда останется на сторонѣ Измаильтянъ, которые овладѣютъ Персіей, Греціей, Ассиріей, Египтомъ и морскими островами; останется только одинъ городъ на морѣ Эоіопскомъ (т. е. византійскомъ, какъ поясняетъ греческій текстъ), не взятый врагами; очевидно, Константинополь. Измаильтяне подступятъ къ нему, «прійдутъ къ златымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не отверзошась. Тѣмъ же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся сватыа Софїи». Тогда явится избавитель: «Возстанетъ на на царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во има его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и положитъ во святѣй Софїи на алтарѣ. Тогда царь Михаилъ «возстанетъ яко отъ сна и возьметъ мечъ свой и рече: «дадите ми конь борзъ», и пойдетъ противу Измаиловичъ съ великою яростію и нанесетъ мечъ свой на нихъ съ гнѣвомъ. Ангелъ же господень, первое ходивый со Измаиловичи, обра-

¹⁾ См. Тихонравовъ, Нам. русск. отр. литер. II, № III, стр. 255—263 и ркп. Имп. Публ. Библ. XVII № 82 (1602 г.) Сл. Опыты по истор. разв. христіанск. легенды I. с. стр. 62—73.

тится съ Михайломъ на нихъ и разслабитъ сердце Измаильяномъ, яко воду, а тѣлеса ихъ аки воскъ растають, и мужество ихъ ни во что же будетъ». Побѣдивъ враговъ Михайлъ воцарится, и настанетъ повсюду тишина и благоденствіе и добродѣтельное житіе; но люди вскорѣ забудутся, начнутъ жить беззаконно, и за то разгнѣвается на нихъ Господь: «и повелитъ Господь Михайлу царю скрытися въ единомъ (отъ) острововъ морскихъ. И увидетъ царь Михайлъ въ корабль, и отнесетъ его Богъ въ единъ отъ острововъ морскихъ, и пребудетъ въ немъ до уреченнаго ему времени». Слѣдуетъ въ текстѣ Откровеній пространная вставка изъ житія Андрея Юродиваго: тогда разверзнутся горы «сиверскія», и выйдутъ оттуда Гогъ и Магогъ и будутъ неистовствовать и дойдутъ до Іерусалима и Іосафатовой долины, гдѣ будутъ побиты архангеломъ. Беззаконные цари слѣдуютъ другъ за другомъ въ Царьградъ — за тѣмъ текстъ продолжаетъ: Антихристъ родится въ Хоразинѣ, вскормленъ въ Висаидѣ, воцаряется въ Капернаумѣ. «Егда же Божіимъ повелѣніемъ царь Михайлъ отъ морскихъ острововъ принесенъ будетъ и сядетъ во Іерусалимѣ на царство и будетъ царствовать 12 лѣтъ», — Антихристъ придетъ къ нему и послужитъ и будетъ имъ возлюбленъ; и будетъ сначала крогокъ и смиренъ, богобоязливъ, нищелюбъ, и станетъ творить чудеса. «Егда же придетъ 12 лѣтъ, и тогда царь Михайлъ, возставъ и придетъ на мѣсто святыя Голгооы, идѣже распяты Христъ Богъ нашъ. И ту снидетъ съ небеси животворящій крестъ Господень и станетъ на мѣстѣ Голгооы. Царь же Михайлъ, ставъ предъ нимъ, и сойметъ вѣнецъ свой съ главы своея и возложитъ его на животворящій крестъ. Царь же, воздѣвъ рудъ свои на небо, и предастъ царство свое Богу.... И паки животворящій крестъ взыдетъ на небо предъ всѣми людьми и съ вѣнцемъ царя Михайловымъ. Царь же предастъ душу свою въ рудъ Божія и уснетъ вѣчнымъ сномъ».

Отношенія этого эпизода къ малорусскому сказанію о Михайликѣ (за вычетомъ мѣстнаго приуроченія и народныхъ чертъ,

въ родѣ малолѣтства богатыря) представлялись мнѣ слѣдующими: Измаильтяне осаждаютъ Византію, какъ Татары Кіевъ; тамъ и здѣсь Михайль — Михайликъ является освободителемъ; тотъ и другой удаляются на время, и возвращеніе обоихъ ожидается въ неопредѣленномъ будущемъ: будетъ время. Связь Кіева съ Царьградомъ (куда удаляется Михайликъ, гдѣ онъ, по другой редакціи, воспитывается), упоминаніе золотыхъ воротъ (перенесенныхъ изъ Кіева въ Царьградъ; сл. въ эпизодѣ Меѳодія золотыя врата, къ которымъ подступаютъ Измаильтяне), наконецъ эсхатологическій характеръ послѣдней части Малорусской легенды: таковы были основанія, увлекшія меня къ предположенію, что въ сказаніи о Михайликѣ сохранилась въ иной обстановкѣ, съ Кіевомъ и Татарами вмѣсто Царьграда и Измаильтянъ, повѣсть о послѣднемъ императорѣ Византіи, Михаилѣ ¹⁾). Знакомство съ новой редакціей русской былины о Михаилѣ Даниловичѣ заставило меня видоизмѣнить этотъ взглядъ. Я предполагаю, что въ кіевскомъ богатырскомъ эпосѣ дѣйствительно существовалъ рассказъ о малолѣтнемъ богатырѣ Михаилѣ, что онъ сохранился въ великорусскихъ былинахъ о Михаилѣ Даниловичѣ, тогда какъ одна изъ редакцій подпала вліянію эсхатологическаго сказанія о послѣднемъ императорѣ и обернулась — малорусской легендой о Михайликѣ.

Прежде чѣмъ предложить доказательства, постараемся свести къ немногимъ общимъ чертамъ содержаніе легенды, извлекаемая изъ извѣстныхъ намъ редакцій.

1. *Михаилъ* — юный богатырь; ему семь лѣтъ (Костомаровъ), или 18 (Драгомановъ) — цифра, вѣроятно, ошибочная (вмѣсто 12?), поставленная рассказчикомъ по требованіямъ вѣроятія, тогда какъ онъ же заставляетъ Владиміра обращаться къ Михайлику не иначе, какъ съ воззваніемъ: Михайтко-дитячко! молоде ти і неспосібне (ему 18-ть лѣтъ), то тра щоб бути літ 20 (!) або 30, тоді хіба за меч можна братись». Очевидно,

¹⁾ Опыты I. с. стр. 78.

что и въ редакціи Драгоманова Михалятко — Михайликъ Кулиша — являлся мальчикомъ. Онъ сильный богатырь, про то знаютъ Татары (Кулишъ, Драгомановъ) и потому его боятся. Замѣтимъ въ пересказѣ Драгоманова: *Татарове-Юланове*. Только въ этомъ послѣднемъ пересказѣ Михайлъ является въ какихъ-то неясныхъ, какъ будто родственныхъ отношеніяхъ къ Владиміру, котораго величаютъ: «Господару Царю» (царь-государь). Рассказывается такъ: Владиміръ князь править всѣмъ царствомъ, онъ *старшій*, а Михайлъ, *сынъ царскій*, былъ еще юнъ, «то на царство его не садовлять». Въ другомъ мѣстѣ Владиміръ говоритъ ему, что «на него идетъ» часть Кіева, а татарскій царь пишетъ про него: «він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте». Можетъ быть, эти родственныя отношенія Владиміра и Михайла принадлежатъ древнему сказанію — хотя положительнаго здѣсь сказать ничего нельзя, при недостаточности данныхъ. Выраженіе: «і часть Киіва на тебе йде» мы постараемся объяснить въ иной связи.

2. *Татары-Юланове подходятъ подъ Кіевъ.*

3. *Недрузи Михаила, Кіевляне, требують его выдачи татарамъ. Онъ жамуется на поганую, злую раду Кіевлянъ.* Такъ въ редакціи Кулиша и въ пересказѣ Драгоманова.

4. *Михаилъ выходитъ противъ татаръ;* Владиміръ его удерживаетъ. Когда юноша берется за мечъ, чтобъ идти на вражье войско, Владиміръ останавливаетъ его словами: ты еще молодъ, не твое это дѣло — а Михайлъ отвѣчаетъ ему, что богатырство у него рожденное, какъ вылупившемуся изъ яйца утенку прирождено плавать по сипему морю ¹⁾.

5. *Михаилъ побиваетъ Татаръ-Юлановъ.*

6. *Онъ удаляется въ Царьградъ, куда перенесъ и золотыя ворота, гдѣ живеть, питаясь водой и просфорою; или же въ какія-то горы.*

¹⁾ Сл. относительно этой анекдотической черты новеллу въ Вилла Альберти и у Des Periers. Сл. Вилла Альберти стр. 289—290.

II.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго¹⁾ напечатаны двѣ былины подъ заглавіемъ: Данило Игнатьевичъ съ сыномъ. Такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является сынъ, и этотъ сынъ названъ Михайломъ (такъ у Кирѣевскаго № II и въ сказкѣ-побывальщинѣ, сообщенной ниже; въ № I Кир. имя ему Иванъ), то ближе къ дѣлу было-бы такое заглавіе: Былины о Михайлѣ Даниловичѣ.

1. Въ Кіевѣ постригся въ монастырѣ сильный, могучій богатырь Данило Игнатьевичъ. Прослышали орды невѣрныя, что не стало у Владиміра сильнаго богатыря, и пишутъ ему ярлыки: пусть вышлетъ имъ поединщика, не то они выжгутъ, вырубятъ все его царство и самого его въ полонъ возмутъ. Растужился, расплакался Владиміръ князь, что некому у него съѣздить въ чисто поле, некому привести языка поганаго. Приходитъ къ нему молодой выюношь, «*дѣнадцатилѣтцъ*»; былина называетъ его Иваномъ Даниловичемъ, но сравненіе съ другой былиной и побывальщиной, какъ и слѣдующее сближеніе съ Михайломъ малорусскаго сказанія, заставляютъ предположить здѣсь позднюю замѣну одного имени другимъ, болѣе ходячимъ. Далѣе мы будемъ называть двѣнадцатилѣтняго богатыря Михайломъ. Онъ вызывается передъ княземъ съѣздить въ чисто поле, провѣдать орды великія, привести языка поганаго. Владиміръ останавливаетъ его — его молодостью:

Молодохонекъ, зеленехонекъ,
Ты на большихъ бояхъ не бывывалъ.

Но Михайлъ говоритъ ему, что онъ пойдетъ къ батюшкѣ родимому, возьметъ у него благословеньце великое, попроситъ коня и сбрую богатырскую.

¹⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 3, стр. 39—51.

Былина непосредственно переноситъ насъ къ этой сценѣ.
Михайло въ монастырѣ:

Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичъ!
Дай ты мнѣ благословеньце великое,
Коня добраго и сбрую богатырскую.

Отецъ также пытается остановить его, указывая на его юные годы, но потомъ склоняется на его просьбы.

Юноша ѣдетъ въ чистое поле, а татарской силѣ конца не видно, смѣты нѣтъ. Конь подъ нимъ разъярился и свалилъ его; всталъ молодецъ на рѣзвы ноги, взявъ Татарина за ноги и сталъ побивать имъ силу невѣрную; всю побилъ и легъ ночевать въ шатрѣ. Между тѣмъ конь его прибѣжалъ къ монастырю, гдѣ сидѣлъ его отецъ; какъ увидѣлъ его Данила, вскочилъ на него, прискакалъ къ шатру,

И — пыхъ изъ лука стрѣлой — шатерь бѣлый сшибъ,
И увидѣлъ свое дѣтище.

Затѣмъ оба отправляются къ Владиміру.

Конецъ былины представляется мнѣ нѣсколько скомканнымъ, хотя не безефектно. Настоящее мѣсто шатра и опочива, вѣроятно, сохранилось въ побывальщинѣ.

2¹⁾). Былина открывается однимъ изъ обычныхъ пировъ Владиміра, на которомъ всѣ напивались и всѣ порасхвастались, кто чѣмъ. Одинъ молодецъ не пьетъ, не ѣстъ, и не хвастаетъ.

И повѣсилъ молодецъ да буйну голову:
Ише на имя Данила свѣтъ Игнатьевичъ.

На вопросъ Владиміра онъ отвѣчаетъ

- Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видъ хвастатп?
- Ни двора-то у меня широкаго не было,
- Золотой у меня казны видъ не лучилося,
- А и сила-та была видъ во мнѣ ровная.

¹⁾ Замѣтимъ, что для этой былины издатель имѣлъ еще другой вариантъ или «образецъ», въ которомъ юноша-витязь также носилъ имя Михаила.

- Видь служилъ я у тебя да пятьдесятъ годовъ,
- Да убилъ я тобѣ видь пятьдесятъ царевъ,
- А мекдой силы убилъ — да той и смѣту нѣтъ.
- Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
- Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѣстные,
- Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
- Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.

А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:

- «Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
- «Ише нѣкому дѣлать видь защиты всему Киеву».

Еще разъ просится Данило, и указываетъ Владиміру на своего сына:

- Да и будетъ тѣ защита всему Киеву:
- Есть видь у меня да сынъ Михайлушко.

И Владиміръ отпускаетъ его. Далѣе былина совпадаетъ съ ходомъ предъидущей; рассказъ о томъ, какъ Данила Игнатьевичъ отпросился въ монастырь (сл. далѣе № 3) является прелюдіей къ пѣснѣ о Михаилѣ.

Невѣрные цари узнали,

Што во Киеви богатыри ушли въ монастыри.

И вотъ подь Кіевъ подходитъ невѣрный царь и требуетъ «поединщины». Смотритъ Владиміръ — а вражьей силы въ полѣ «будто облако ходячое нагонено»; на пиру онъ три раза («въ первой, второй, во третей накѣнъ») спрашиваетъ у своихъ бояръ, князей и палиницъ удалыхъ, не найдется ли кого, кто бы съѣздилъ въ чисто поле пересчитать силы невѣрныя? Но большой хоронится за средняго, а средній хоронится за младшаго, а отъ младшаго Владиміру отвѣту нѣтъ.

- А и въ тую-то пору было, во то время
- Выходилъ тутъ добродне доброй мѣлодецъ
- Изъ за тово онъ стола видь бѣлодубова,
- Ише на имя Михайло да Даниловичъ.
- Понизѣшеньку онъ Владиміру поклоняется,
- Помалѣшеньку ко Владиміру подвигается:
- Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто полѣ,
- Пересчитывать-то видь силъ невѣрныя.

А отвѣтъ таковъ держалъ ему Владиміръ князь:

«Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!

«А и ростомъ-то видь ты же есть малешенёкъ,

«Да и разумомъ-то ты же есть глупешенёкъ;

«Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,

«Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову».

Разгнѣвался тутъ Михайло: скоро шелъ «по сѣреды кирпичныя», отворялъ двери на пяту и хлопнулъ ими такъ крѣпко, что онѣ разсыпались на щепы, а палата зашаталась. Пошолъ къ своей матери, осѣдлалъ лошадь добрую, выѣзжаетъ во чисто поле — и тутъ раздумался, что не съѣздилъ онъ къ своему родителю, не взялъ у него благословленіе. Онъ поворачиваетъ къ монастырю. «А въ тую пору мать сыра земля да зазыбалася, — Старо старчишипо Данильшо засовалося: — А не мой ли видь пріѣхалъ да Михайлушко?» Онъ спрашиваетъ сына: куда путь держитъ?, и узнавъ обо всемъ, начинаеть отговаривать его тягостью взятаго на себя порученія:

— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,

— Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

А и то видь какъ Михайлу да не показалося,

Скоро поворачивалъ добра коня въ чисто поле.

И рыкалъ да старо старчишипо Данильшо гласомъ громкіемъ:

— Стой-ко ты, Михайло, да удѣржи коня,

— Да возьми-тко отъ меня благословленьѣ полноѣ.

— А поѣдешь ты, Михайло, во чисто полѣ,

— *Вытдѣшь ты на шеломи на окатисто,*

— А по Русекому — на гору да на високую,

— Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,

— Ише требуй-ко ты бурушка косматого:

«Ай, которой же служишь ты мойму батюшки,

«Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушку!»

— Прибѣжить тутъ конь да видь косматые,

— Стоить онъ на горы да на высокія;

— Да отиѣр-ко ты, Михайлушко, какъ пять локотъ,

— И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,

— Да во сторону копай да ты во востосьную:

— А и тутова збруя да видь богатырская.

Михайло все достаетъ по указанію отца, поѣхалъ въ чисто полѣ:

Забречала его палица боѣная,
 Засвистѣла его сабля, сабля вострая.
 Выходило старо старчишко Данильшо на зеленый лугъ,
 Да просилъ онъ Спаса съ Богородицей:
 — Ты, Спаса всемилослива Богородица!
 — Да прими-тко ты моленье пустынное,
 — Да прими-тко ты моленье скоро на-скоро,
 — Помоги-тко ты сыну Михайлушке:
 — Исполнять онъ все да дѣла добрыя,
 — Ише дѣлать онъ защиту всему Киеву.
 Только въ тую было пору, въ то время
 Доброй конь у Михайла провѣщился:
 «Бей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
 «Не заѣжай-ко се, Михайло, въ силу въ матыку:
 «А и копаютъ тутъ *уланове* три погреба,
 «А три погреба копаютъ тутъ глубокіе,
 «И становятъ тутъ у погребъ копыя вострые,
 «Ише первой-отъ я погребъ дакъ перѣскочу,
 «Видь и другой-отъ я погребъ да перѣскочу,
 «А третьёго мнѣ-ка погреба не перѣскочить».

Онъ дѣйствительно не перескочилъ третьяго, упалъ на заднія ноги, уронилъ Михайла въ глубокій погребъ, гдѣ его схватили «уланове поганые», вязали ему руки бѣлыя петлями шелковѣыми, ковали въ желѣза тяжелья ноги рѣзвыя, повели къ царицу ко Уланишу. — Михайло молится «Спасу съ Богородицей», и у него «съ двое съ трое силы прибыло»: онъ разорвалъ петли, сломалъ желѣзки и, ухвативъ «ослядь телѣжную», началъ ею помахивать. «Какъ впередъ-то онъ махнетъ — дакъ тѣто улица, — А назадъ-ту отмахнетъ — дакъ переулочекъ».

Далѣе былина № 2 спутала подробности, настоящей смыслъ которыхъ легко возстановить при помощи № 1 ¹⁾). Разказавъ о томъ, какъ Михайло перебилъ татаръ ослядью, № 2 продол-

¹⁾ Изд. пѣсень Кирѣвскаго, по моему мнѣнію, превратно поняли соотношенія слѣдующаго эпизода въ № 1 и 2. См. 1. с. стр. 41, прим *.

жаеть: тутъ прибѣжалъ къ нему его конь, онъ садится на него, снова побиваетъ татаръ, а царицу Уланицу отсѣкаетъ голову; ѣдетъ по чисту полю — а ему на встрѣчу старчище Данилище, принимаетъ Михайла за погананаго улановина, убившаго его сына, и готовъ вступить съ нимъ въ бой. Какъ видно, появленіе коня мало мотивировано, такъ какъ Михайло уже успѣлъ осилить неприятеля, и остается непонятнымъ, почему именно Данило является на мѣсто битвы съ готовымъ подозрѣніемъ, что его сынъ убитъ. Настоящая послѣдовательность былины была слѣдующая: Михайлъ Даниловичъ, сброшенный съ коня, расправляется съ татарами, убиваетъ царица Уланица; между тѣмъ его конь прискакалъ въ монастырь, и у Данилы вполнѣ естественно является мысль, что его сына нѣтъ болѣе въ живыхъ.

И вотъ, вооружившись желѣзною клюкою въ сорокъ пудовъ, онъ идетъ (или ѣдетъ на конѣ Михайла, какъ въ № 1), приговаривая:

- Ой же вы еси, уланове поганые,
- А убили у меня вы сына Михайлушка!

Встрѣтивъ сына, онъ не призналъ его:

- Ой же ты, улановицъ поганые!
 - Да подвинься-ко сюда, да ко мнѣ старому,
 - Дакъ розсѣбу я тя клюкой п съ конемъ на двоє.
- А скривчалъ Михайло гласомъ скромкѣемъ,
Ише скромкѣемъ онъ гласомъ, да робечѣемъ:
«Стой-ко-се ты, монахъ, да удѣржи коня,
«Приздыни-тко ты свой колпакъ шелковые,
«Втогда да увидишь, кого надобѣть!»
Приздынулъ монахъ колпакъ шелковые,
Подѣвжалъ втогда Михайло близъ его.

Отецъ и сынъ узнали другъ друга, и Михайло сообщаетъ отцу, въ какой онъ былъ бѣдѣ, а убить не былъ:

- «Видно ваши-то молитвы да пустынные
- «Видь послѣдовали въ Спасу многимилюбу!

«Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѣстные,
 «Да моли-тко ты, моли Бога по прежнему,
 «А самъ-оть я поѣду видѣ во Кіевъ градъ».

Въ Кіевѣ Владиміръ встрѣчаетъ его почетнымъ пиромъ.

3. Былина о Данилѣ Игнатьевичѣ, помѣщенная въ сборникѣ Гитъфердинга подъ № 192, представляетъ редакцію значительно сокращенную. Начало сходно съ № 2 Кир.: былина открывается пиромъ у Владиміра ¹⁾, у котораго Данило отпрашивается въ монастырь; но кому будетъ защищать Кіевъ? Отвѣчаетъ Данило:

«Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
 «Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ,
 «И будетъ стоять по городи по Кіеву
 «И по тебѣ Владиміръ стольне-кіевской».

Сынъ Данилы названъ, какъ Кир. № 1, Иваномъ. — Татары подходятъ подъ Кіевъ; на пиру Владиміръ вызываетъ своихъ бояръ, богатырей и поляницъ — выбрать поединщика

Ѣхать во далечо чисто полѣ,
 Намъ сѣзѣ считать, полки высмѣкать».

Иванъ вызывается на подвигъ.

Говоритъ царь таково слово:
 «Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
 И говорятъ вси князи, вси бояре,
 Все сильни могучи богатыри,
 Все поляницы удални:
 — Видѣтъ добра молодца по походочкамъ,
 — Видѣтъ добра молодца по поступочкамъ.
Намивалъ осударь чару зелена вина,
 Вѣсомъ та чара полтора пуда,
 Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко единой рукой,
 Выпивалъ Иванушко на единый духъ».

¹⁾ Въ текстѣ онъ спутанъ съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Вид'ли добра молодца сядучись,
 Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
 А во чистомъ поли курева стоить,
 Курева стоить, дымъ столбомъ летить,
 На встрѣчу бѣжить родной батюшко,
 Онъ голосомъ кричить, шляпой маме:
 «Молодой Иванушко Данильевичъ!
 «Ты не ѣдь-ко въ цѣлый гузь,
 «Ты не ѣдь-ко въ поль-гуза,
 «Ты силу руби съ одного плеча».

Посѣщенія отца въ монастырѣ нѣтъ, и нѣтъ его вторичнаго появленія въ концѣ былины. Конь Ивана (Михаила) «жертвуетъ» человѣческимъ голосомъ, что татары копали погребѣ глубокіе, и что третій ему не перескочить. И конь и всадникъ попадаютъ въ погребъ.

Расплакался добрый молодець.
 Богородица Иванушку гласъ гласить,

поучаетъ его, какъ порвать путы и желѣза — и былина кончается рассказомъ о томъ, какъ юный богатырь «сталъ татаринномъ помахивать».

4. Слѣдующая побывальщина, сохранившаяся въ ркп. XVIII вѣка, сообщена мнѣ Л. Н. Майковымъ ¹⁾. Она озаглавлена:

**Гистория о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче
 двенатцати летъ.**

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде киеве, у великаго князя владимера всеславьевича, было пирование почестное на руския сильные богатыри. Пьеть, естъ велики князь, те-

¹⁾ Она находится въ рукописи, принадлежащей Московскимъ Публичному и Румянцевскому Музеямъ № 774. Рукопись эта составляетъ тетрадку въ 4-ю долю листа, занимающую въ себѣ 12 листовъ и писанную скорописью второй половины XVIII в.; на листѣ первомъ находится заглавіе, помѣченное выше, а съ листа 2-го идетъ самый текстъ; оканчивается онъ на оборотѣ листа 11-го.

шится, а надъ собою кручины не ведаеть. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставитъ без привези, бежитъ во светлую горницу, предъ княземъ колпака не сымаетъ; и сталъ говорить ему: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской, пьешь ты и ешь и тешился, а надъ собою, государь, кручины не ведаешь; идетъ из большия орды царь бахметъ сынъ тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысячы; да с нимиже идутъ семь князей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячъ; да с нимиже идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всеи силы с царемъ бахметомъ сыномъ тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хочеть твои столною градъ киевъ за щитомъ взять, князеи и бояръ всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить». Тогда велики князь *владимеръ всеславьевичъ киевской* закручинился; *наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тридцати богатырямъ и говоритъ имъ: «Которой из васъ выпьетъ турей рогъ меду слаткова, тотъ бы вынулъ ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую».* И в то время болшей богатырь хоронитца за меньшихъ, а меньшай богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не внимаетъся. Потомъ изъ техъ богатырей *выступаетъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь велики владимеръ всеславьевичъ киевской! Я, государь, выпью турей рогъ меду слаткова и выйму ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую».* И в то время въговорить велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской: *«Младъ михаило сынъ даниловичъ, малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ, всево тебе от роду двенадцать летъ; а умомъ ты, михаило сынъ даниловичъ, глупешенекъ, в чистомъ поле не бывалъ¹⁾, криваго ты человека не види-*

¹⁾ Вѣроятно: не бывавалъ.

валъ, на крепкомъ деле не ставалъ, ребячьимъ умомъ говоришь». Ответъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь владимерь всеславъевичъ киевской! Вели, государь, поимать гоюля и вели держать три года, да пусти, государь, того гоюля на воду, и умъет-ли тотъ гоюль по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неуимчиво». Тогда великому князю владимеру всеславъевичу киевскому то слово полюбилось. И говорить ему, младу михаилу сыну даниловичу ¹⁾: буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде киеве. — Отвѣтъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Много твоего государскаго жалованья». — И оседлалъ младъ михаила сынъ даниловичъ добраго коня наступчитова с черкасскимъ седломъ и подтянулъ двенатцатью подпружинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепкой доспехъ богатырской и положилъ на главу свою златой венецъ. И садился младъ михаило сынъ даниловичъ на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис киева града не воротами, а ²⁾ скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, к отцу своему даниле ивановичу ³⁾ просить от него прощенья и благословенья. Тогда приехалъ младъ михаило сынъ даниловичъ ко отцу своему данилу ивановичу и сталъ у него просить благословенья: «Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича и вынетъ ис под знамени ⁴⁾ челоуѣка перваго, которой ведаеть думу царскую». Потомъ сталъ говорить отецъ его данило ивановичъ: «Чадо мое милое, младъ михаило сынъ даниловичъ ⁵⁾, азъ я в киеве жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис киева побывалъ девяносто побойщевъ и ис под знамени челоуѣка перваго не вынимывалъ, и х киеву къ великому князю вла-

¹⁾ Ркп. младъ михаила сынъ даниловичъ.

²⁾ Ркп. и.

³⁾ Въ №№ 1 и 2 онъ названъ по отчеству Игнатъевичемъ. Въ связи съ «Ивановичемъ» нашего также стоитъ, быть можетъ, названіе Михаила — Иваномъ въ № 1.

⁴⁾ Ркп. земли.

⁵⁾ Ркп. Ивановичъ.

димеру всеславьевичю не проваживалъ и на муку такова человека не давивалъ и греха на себя не принимывалъ. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добивайся до знамени перваго¹⁾; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добивайся до знамени последнею, и ни на кого не надейся: Богъ тебѣ, чадо мое, на помощь подасть». Тогда младъ михайло сынъ даниловичъ взялъ у отца своего благословеніе и прощенье и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича. Тогда поглядить в сторону — сила рать великая, в другую сторону посмотреть — и тово болѣе, а на третью сторону поглядеть — аки вода сильная колыбается. Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ утрашился и рече себѣ: Буде поехать мне молотдцу не побивъ побоища к столному граду киеву и великому князю владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позоръ мне будетъ великой; а какъ побью побоище и с того побоища поеду к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичу киевскому, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя владимера всеславьевича киевскаго и от своей братьи великая. Тогда младъ михайло сынъ даниловичъ помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напущать онъ на полки татарскіе, что ясенъ соколь на стада на галечья²⁾. Тогда выезжаютъ противъ михайла сына даниловича сильныя богатыри три брата братовича, а с ними силы выходятъ по три тысячи. Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ убилъ трехъ братьевъ братовичевъ, такоужъ и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князей ширскихъ, а силы с ними по семи тысячъ; и младъ михайла сынъ даниловичъ убилъ семь князей ширскихъ, такоужъ и силу ихъ

¹⁾ Ркп. чернаго, очевидно ошибочно; сл. далѣе противоположеніе: (перваго) — последнею.

²⁾ Сл. Слово о Полку Игоревѣ: не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, *иличи стады* бѣжать къ Дону великому. Въ битвѣ подъ Перемышлемъ 1097 г. половецкій ханъ Бонякъ, по словамъ лѣтописи, сбиваетъ Венгровъ въ мячь, точно такъ какъ соколь сбиваетъ галокъ. Соловьевъ, Ист. Россіи, II (1852 г.) p. 62—3.

всю побилъ. А потомъ выехали противъ михайла сына даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысечь; тогда младъ михайла сынъ даниловичъ убилъ сорокъ царевичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ михайла сына даниловича мурзы уланова, и говорятъ ¹⁾ ему таково слово: «Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовутъ и по отчеству? и дай ты намъ сроку на три дня». — Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ держитъ: «Зовутъ меня по имени михайлою, а по отчеству даниловичемъ, а ежу я ис краснаго столного града киева отъ великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». То михайла сынъ даниловичъ далъ имъ сроку на три дня, а самъ поехалъ къ белому своему шатру полотняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дня и три нощи бес просыпу ²⁾. А мурзы уланова в ту пору около полковъ своихъ копали рвы глубокия, ва рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстыми ³⁾ ордынскими, делали мосты опрометныя. Тогда младъ михайла сынъ даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарския — первой полкъ побилъ; тогда напустилъ на второй полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ на третей полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ михайло сынъ даниловичъ ввалился въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а михайлу сына даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти, и повели ево в полки татарския ко царю бахмету сыну тавруевичю. Что взговорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «михайле сыну даниловичю, какъ тебя, молотца, по имени зовутъ, и которой ты деревни или вотчины»? Ответъ держалъ младъ михайла сынъ даниловичъ: «Государь царь бахметъ сынъ тавруевичъ, по имени меня зовутъ михайлою, а по отчеству сынъ даниловичъ; а ежу

¹⁾ Ркп. — ить.

²⁾ См. эпизодъ съ шатромъ въ концѣ № 1 и выше мою замѣтку по его поводу.

³⁾ Ркп. полстыми.

я истолного града с киева от великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». Тогда сталъ ему говорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: михаиле сыну даниловичю, служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; я тебѣ у себя в золотой орде долю ¹⁾ дамъ да треть своего царства. Отвѣтъ держитъ младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею вострою — над твоею шеею толстою». Тогда взговоритъ царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «Мурзы, улановя, возьмите михаилу сына даниловича за бѣлые руки и поведите ево за бѣлые шатры полотняные и снимите с него буйную ево голову». — Потомъ сталъ имъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ: «Кто хоцетъ жить подолше, тотъ бжижъ подале, а хто хоцетъ жить поменше, тотъ подвинся поближе». — Тогда взговорятъ ему мурзы улановя: «Брате михаиле, теперь ты у насъ в рукахъ, а грозижъ намъ». — Потомъ не ясенъ соколъ вострепенулся, а младъ михаила сынъ даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людей многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис под телеги ордынской ось выломилъ и учалъ ихъ побивать на все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного, и тутъ полки клонилъ. Уже михаило сынъ даниловичъ уже по колени в крови бродитъ. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь бахметъ сынъ тавруевичъ и бьетъ челомъ о сыру землю: «Государь мой, младъ михаило сынъ даниловичъ, отпусти ты меня в мою орду хотя саматретья, и аз бы в своей орде племя развелъ». Тогда сталъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Отпущу я тебя в твою орду за то саматретья, что азъ былъ у тебя в поимани, — в болшей орде долю давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду». Тогда царь бахметъ сынъ тавруевичъ поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ михаила сынъ даниловичъ уби-

¹⁾ Сл. далѣе: в болшей орде долю давалъ да треть своего царства.

рался и вооружался и садился на свой доброй конь и поехалъ к столному граду киеву, к великому князю владимеру всеславьевичю. Тогда лихъ былъ ка михайлу сыну даниловичю ¹⁾ оговорщикъ в киеве, оговорилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской! Младъ михайло сынъ даниловичъ ездитъ по деревнямъ да по вотчинамъ, пилъ да елъ да бражничель, а не у твоего ²⁾ дела царскаго былъ». Тогда великии князь владимеръ всеславьевичъ киевской ка михайлу сыну даниловичю ³⁾ разкручинился и велель его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую, сорока сажень, где сидель ставерха сынъ годиновичъ. Посадили михайлу сына даниловича въ яму глубокую; и велель ему на неделю мѣста хлѣба по снопу по овсяному давать: то ему михайле сыну даниловичю за выслугу. И накрыли цкою железною, и зарыли землю накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. Потомъ велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской призываетъ слугу своего вернаго, по имени зовуть илью муромца, проведать о побойще михайла сына даниловича; «коли онъ побилъ силу рать великую, то я ево (ис?) тюрьмы выпущу». Тогда илья муромецъ скоро метался и садился на свой доброй конь и поехалъ в чистое поле на шеломъ на бакановъ. И ездитъ илья муромецъ двенатцать дней и не могъ онъ доехать трупу татарскаго; и потомъ изъехалъ ⁴⁾ трупъ татарской — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а гдѣ при вражке, тутъ по колени коню крови, а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови. Потомъ илья муромецъ возвратился к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ илья муромецъ среди двора государева и ставить своего коня бес привези, а самъ бежитъ скоро в бѣлокаменные палаты и молитца честнымъ образомъ и бьетъ челомъ

¹⁾ Ркп. сына даниловича.

²⁾ Ркп. своего.

³⁾ Ркп. даниловича.

⁴⁾ Ркп. изъехалъ?

великому князю владимеру всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговорить илья муромецъ: «Гои еси велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побойща такого не побивывалъ, что грозно побилъ по боище младъ михаила сынъ даниловичъ. А трупу татарскаго — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а где при вражке, тутъ по колени коню крови, а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови». Тогда велики князь владимеръ всеславьевичъ киевском в тот часъ велелъ изъ ямы вынуть михаила сына даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели ево пред великаго князя владимера всеславьевича киевскаго. Что взговорить велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской: Михаиле сыну даниловичю! буди ты от меня пожалованъ, злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоятъ не объезжаны. — Тогда сталъ говорить младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь мой великій князь владимеръ всеславьевичъ киевской! много твоего государскаго жалованья; пожалуй, государь, *отпусти ты меня к батюшке даниле ивановичю в монастырь постритца; а у тебя, государя моего, в великомъ столномъ граде киеве мизи оговорщики: не велятъ тебѣ, великому князю владимеру всеславьевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменя*» (?) — Потомъ велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской отпустилъ млада михаилу сына даниловича *двенатцати летъ* к отцу его даниле ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чинъ. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому поклонился и чуднымъ образомъ помолился и поехалъ к отцу своему даниле ивановичю в монастырь. *И приехавши в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великой славе и чести до смерти своеи. Темъ сия исторія конецъ восприяла*».

Сообщенная здѣсь впервые сказка-побывальщина, сохранившая во всемъ своемъ складѣ слѣды былиннаго изложенія и нерѣдко цѣлыя стихи, интересна, не столько подробностями языка

и указаніями на другихъ богатырей и пѣсни кіевскаго цикла, сколько своими отношеніями къ разсмотрѣннымъ выше былинамъ о Михаилѣ Даниловичѣ №№ 1, 2 и 3. Характеризуя послѣднія, героемъ которыхъ представился г. Безсонову не Михайло, а отецъ его Давило, издатель сборника Кирѣевскаго усмотрѣлъ въ нихъ «отрывокъ сказаній о послѣднихъ дняхъ нѣкогда грознаго и страшнаго богатыря (т. е. Данилы): будемъ ожидать открытія пѣсень о былой его славѣ»¹⁾. Если ожиданія эти не оправдались по отношенію къ біографіи Данилы, то для критики пѣсень о Михаилѣ Даниловичѣ «Гистория» предлагаетъ весьма важный матеріалъ.

«Гистория» ни что иное, какъ прозаическій пересказъ былины, стихъ которой иногда легко возстановить, удаливъ не нужныя повторенія. Примѣры легко подобрать во всѣхъ частяхъ текста. Такъ въ началѣ:

Бысть во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У великаго князя Владиміра
Было шриваніе почестное
На русскіе сильныя богатыри.
Шьетъ, ѣстъ великій князь, тѣшитса,
А надъ собою кручины не вѣдаеть и т. д.

Или:

Какъ побью я побоище
И поѣду къ стольному граду Кіеву
Къ великому князю Владиміру,
Будеть мнѣ честь и хвала
Отъ великаго князя Владиміра
И отъ своей братьи великая.

«а какъ побью я побоище и *с тою побоища* поеду к столному граду киеву к великому князю владиміру *всеславѣвичу киевскому*, то будетъ мнѣ честь и хвала от великаго князя владимера *всеславѣвича киевскаго* и от своен братьи великая».

Грамотнику пересказчику принадлежитъ, вѣроятно, эпитетъ Владиміра: *великій князь*, вмѣсто «ласковаго», и такія формы

¹⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ в. III, приложенія стр. IV.

какъ *бысть, хочеть, рече, азъ*, и т. п.; въ остальномъ сохранился народный словарь, въ которомъ замѣтимъ: *шеломъ* въ значеніи холма: изъ шелому изъ баканова, на шеломъ на бакановъ (трижды); сл. шеломя въ Словѣ о Полку Игоревѣ; шеломя окатисто въ былинѣ о Михаилѣ № 2; шеломя окатное (оскатное) въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Рыбн. I, 103, 104; шеломы окатистые (Пам. великорусск. нар. Прибавл. къ Изв. Акад. Наукъ, Спб. 1855, стр. 77. Слич. стр. 118, 119, 123: по замѣчанію записавшаго былину шеломя значить — холмъ необрывистый, пологій. — Ср. шеломъ — въ смыслѣ утеса, Каз. губ.). — *Сердце неумичиво* (Даль а. в. неумичивое). — *Добраго коня наступчивова* (дважды); сл. Кир. Пѣсни II, 64: наступчатый; VIII, 7, тоже, о конѣ: съ перевозу-то съ вась беру По добру коню наступчату; у Даля помѣчено лишь: наступчивый; сл. Кир. Пѣсни II, 45, Рыбн. I, 82, 15, IV, 101: наступчивый (о конѣ). — И сталь *напущать* онъ на полки татарскіе, что *ясенъ соколъ на стада на галечья*; сл. Слово о Полку Игоревѣ: не .і. соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, и выше стр. 21 прим. 2. — «Ва рвахъ тыкали *тарчи* вострыя, крыли *полстыми* (рпк. полстыми) ордынскими, делали мосты *опрометныя*. Сл. стар. торчъ = копейное древко, ратовище (Даль а. в. торгать); Кир. I, 3, стр. 120: Заплетайте вы туры высокія, А ставьте *поторчины* дубовыя, Колотите вы надолбы желѣзныя; торчей Псковск. Тверск. = замѣтка на полѣ, тычка (Дополн. къ Оп. областн. великор. языка а. в. торчей и поторкать. Сл. Рыбн. I, 30, 111: Гдѣ было татарина кольемъ тарыкать; ib. 136, 175: сталь косматаго бурушка потаркивати). — Прилагательному *опрометный* Даль а. в. даетъ лишь значеніе: скорый, легкомысленный и т. п.; опрометные мосты, несомнѣнно, перекинутые: во рвахъ натыканы ратовища и на нихъ раскинуты полости — будто ровное мѣсто: въ эту то западню и попадаетъ богатырь. — *Дограбился до сотка* каменнаго и тутъ полки клонилъ.

Названіе холма «бакановымъ» принадлежитъ къ реальнымъ подробностямъ русскаго эпоса, и если я не ошибаюсь, еще

встрѣчается въ поющихъ нынѣ пѣсняхъ. (Сл. впрочемъ: барханъ — отдѣльный песчаный холмикъ въ землѣ Ур. Каз. войска, и Рыбн. II, № 11, стр. 41: А Добрыня Никитовичъ на Воргановыхъ горахъ). — *Тавруевичъ*, отечество Бахмета (= цариче Уланище № 2-го), встрѣчается въ былинахъ о Щелканѣ Дудентьевичѣ въ формѣ Таврольевичъ. — *Три брата братовича* — это не братья-ли Сбродовичи другихъ пѣсенъ? — О семи *ширскихъ князьяхъ* я ничего не знаю. — Интересно указаніе на былинку о Ставрѣ Годиновиѣ, посаженномъ въ темницу — по особой формѣ его имени: *Ставерха*. — «*Турей рогъ меду слаткова*» является необычной замѣной эпической чаши; *тридцать*, какъ типическое число богатырей Владиміра, чередуется въ былинахъ съ двѣнадцатью и семью (сл. напр. былины о семи богатыряхъ и о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри). — Отношенія богатырей къ князю представляются, какъ служилыя: Илья Муромецъ — его вѣрный слуга, живетъ у него тридцать три года; въ былинѣ у Кирѣев. № 2 Данило служитъ у него пятьдесятъ годовъ и на девяностомъ отпрашивается въ монастырь (сл. Гисторію: азъ я в Киевѣ жилъ девяносто летъ, выезжаячи ис Клева побивалъ девяносто побоищевъ).

Гисторія не знаетъ разсказа, съ котораго начинается Кир. № 2: какъ старый Данила просится у князя на покой; я предполагаю, что этотъ эпизодъ (вызванный желаніемъ объяснить себѣ, почему отецъ Михаила живетъ въ монастырѣ), можетъ быть, поздняго происхожденія. — Затѣмъ Гисторія совпадаетъ съ ходомъ былинъ 1 и 2, опускаая подробность, вѣроятно, принадлежавшую къ древней формациі сказанія: о томъ, что конь Михаила, сбросивъ его, прибѣжалъ къ отцу, и тотъ выходитъ отмстить за сына, котораго считаетъ убитымъ, встрѣчается съ нимъ и, не признавъ его, готовъ съ нимъ сразиться (см. № 2). — Въ концѣ всѣ три редакціи расходятся другъ съ другомъ: въ № 1 отецъ и сынъ вмѣстѣ ѣдутъ въ Киевъ; въ № 2 Данило идетъ въ монастырь, а Михайло къ князю Владиміру. Такъ и въ Гисторіи — съ тою разницею, что разсказъ здѣсь поведенъ

дальше. Это-то продолженіе, которое я считаю не придѣланнымъ къ Гисторіи, а опущеннымъ въ №№ 1 и 2, представляется мнѣ особенно важнымъ, такъ какъ оно раскрываетъ отношенія сѣверно-русскихъ былинъ о Михайлѣ Даниловичѣ къ малорусской легендѣ о Михайликѣ.

Михайло возвращается въ Кіевъ съ побѣдой, но у Владимира его оговорили: будто онъ у дѣла царскаго не былъ, а вмѣсто того пилъ, да ѣлъ, да бражничалъ. Раскручинился Владимиръ, велитъ посадить Михаила въ яму глубокую, давать ему въ недѣлю по снопу овсяному за выслугу — а Илью Муромца посылаетъ провѣдать о нобоищѣ: коли Михайло въ самомъ дѣлѣ побилъ силу-ратъ великую, онъ его изъ тюрмы выпуститъ. Илья привозитъ вѣсти о побѣдѣ, и Владимиръ не только освобождаетъ Михаила, но и хочетъ его пожаловать. Михайло отъ всего отказывается: въ Кіевѣ ему нѣтъ житья отъ лихихъ оговорщиковъ, и онъ проситъ князя отпустить его въ монастырь, гдѣ онъ и постригся.

Развязка напоминаетъ, въ общихъ чертахъ, былинну о Суханѣ или Сухманѣ Одихмантьевичѣ, одномъ изъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей кіевского цикла ¹⁾. Вызвавшись до-стать Владимиру живьемъ лебедь бѣлую, онъ отправился за ней, но встрѣтилъ по дорогѣ сорокъ тысячъ татаръ поганыхъ и побилъ ихъ. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ возвращается къ Владимиру, но тотъ не повѣрилъ его разсказу и велитъ посадить его въ глубокой погребъ. Богатыри, посланные Владимиромъ, донесли ему, что они дѣйствительно видѣли побитую татарскую рать. Тогда Владимиръ велитъ привести къ себѣ Сухмана и хочетъ его пожаловать; но оскорбленный княземъ Сухманъ не идетъ къ нему: «не умѣлъ меня солнышко миловать, не умѣлъ меня солнышко жаловать, а теперь не видать меня во ясны очи». Выдергивалъ онъ листочки маковые съ тыхъ ранъ со кровавыхъ, а самъ приговаривалъ: «потечи Сухманъ-рѣка отъ моея крови горячія, отъ горячія крови отъ напрасныя».

¹⁾ Рыбн. I, № 6, стр. 26 и слѣд.

Въ Гисторіи - былинѣ о Михаилѣ — исходъ разнится тѣмъ, что оскорбленный витязь уходитъ въ монастырь. Удаленіе отъ міра обыкновенно освящало собою конецъ долгой, иногда трехъ-возможной боевой жизни: какъ Данило въ № 2 живетъ въ рознь съ женою, спасаясь въ монастырѣ, такъ часто въ нашей исторіи полюбовно расходились въ старости своей супруги, чтобъ остатокъ дней посвятить одному Богу ¹⁾. Какъ на западѣ пресыщенный подвигами и успѣхами рыцарь запирался въ келью и герои западнаго эпоса, Ренò de Montauban и Вальтеръ Аквитанскій кончаютъ дни въ святости — такъ и объ Ильѣ Муровцѣ существуютъ преданіе, что онъ посхимился, «*вселился въ пещеру*», построилъ «церкву пещерскую, тутова старь и окаменльз» (сл. О. Миллеръ, Илья Мур. стр. 797 и слѣд.), сталъ каликой (Чоботокъ Кольнофойскаго?) ²⁾ — и слѣдуетъ, быть можетъ, приписать одному случаю, что этотъ эпизодъ выпалъ изъ его былинъ. Но духъ отваги, крѣпость мышцъ не оставляютъ этихъ витязей-отшельниковъ и подъ иноческой рясой: въ минуту опасности Вальтеры, Ренò, Ильзаны выходятъ изъ монастырскихъ затворовъ и совершаютъ чудеса храбрости — какъ Данило Игнатъевичъ въ былинахъ о его сынѣ и Старчице Белогремлице (Пилигримице), крестовый батюшка Василья Буслаевича — въ былинахъ о послѣднемъ. — Врагамъ на руку это удаленіе богатырей

¹⁾ Кир. I. с. III прилож. стр. III. Въ былинѣ № 2 просвѣчиваетъ и другой мотивъ удаленія Даниила въ монастырь: недовольство на князя: жилъ онъ у него пятьдесятъ лѣтъ, не нажилъ ни золотой казны, ни двора широкаго. Да и сила у меня была малая (равная), прибавляетъ онъ иронически; жаловатъ было не за что: онъ убилъ всего 50 царей, а темной силы и смѣтѣ нѣтъ.

²⁾ Чоботокъ = калига (откуда калика)? Впрочемъ, Лассота отличаетъ богатыря Чоботка отъ Ильи: «ein Riesz und Bohater Czobotka genendt, von dem sagt man, dass er einmalls von neben seinen Feinden unversehens überfallen worden, gleich wie er den einen Stiefel angelegt; als er aber in der Eill zu keiner andern Wehr kommen können, hat er sich mitt dem andern Stiefel, so er noch nicht angezogen, zur Gegenwehr gesetzt undt sie alle damit erlçgt und davon den Nahmen bekommen. — Въ русскихъ былинахъ богатыри, застигнутые врасплохъ, схватываютъ ослѣдъ желѣзную, или отмахиваются татаринномъ, взявъ его за ноги, либо колпакомъ, шляпой «земля греческой». Отмахиваніе чоботомъ могло исчезнуть въ сѣверно-русскихъ пересказахъ.

отъ ратнаго дѣла: въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ № 2 невѣрные цари подходятъ подъ Кіевъ, когда довѣдались,

Што во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри,

посхимились. Побѣдоносные въ борьбѣ съ земными врагами они не устояли въ борьбѣ съ нездѣшной силой, принуждены ей покориться. Былина о томъ, какъ перевелись на святой Руси богатыри, образно представляетъ этотъ моментъ.

Выѣхали однажды на Сафатъ рѣку Илья и Добрыня, Алеша Поповичъ и др.; на восходѣ краснаго солнышка видятъ — черезъ рѣку переправляется неслѣтная сила басурманская. Бросились они на нее, стали колоть-рубить, изрубили силу поганую.

И стали витязи похвалятися:

«Не намахалися наши могучія плечи,

«Не уходилися наши добрые кони,

«Не притупились мечи наши булатные!»

И говорить Алеша Поповичъ младъ:

«Подавай намъ силу нездѣшную:

«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,

Такъ и явились двое воетелей,

И крикнули они громкимъ голосомъ:

— А давайте съ нами, витязи, бой держать,

— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Не узнали витязи воетелей;

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,

Поднялъ онъ коня борзаго,

Налетѣлъ на воетелей

И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:

Стало четыре — и живы всё.

Такъ-же двоицца нездѣшная сила подъ ударами Добрыни, Ильи и всѣхъ витязей вмѣстѣ:

Стали они силу колоть-рубить,

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались богатыри, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры, да тамъ и окаменѣли. Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси ¹⁾).

Старые герои удаляются на склонѣ дней, побѣжденные христіанской идеей, въ пещеры, въ горы, т. е. въ монастыри. У насъ «монастыреве на *gorax* стаща, черноризци явишася», говоритъ Иларіонъ ²⁾); «богатыри ушли въ монастыри».

Этимъ удаленіемъ пользуются враги, но находятъ себѣ неожиданный отпоръ; въ Guy de Bourgogne молодое поколѣніе паладиновъ побѣждаетъ сарацинское войско; у насъ такая неожиданная побѣда достается двѣнадцатилѣтнему Михаилу Даниловичу. Но и онъ удаляется въ монастырь, обиженный княземъ, какъ другіе уходили въ него въ юныхъ лѣтахъ и полные силъ, избѣгая мірскаго соблазна. Такъ разсказывается о сынѣ перваго боярина Изяславова, по имени Іоанна: почувствовавъ въ себѣ сильное призваніе къ иноческой жизни, онъ явился къ пещерѣ Антонія, облекшись въ свѣтлую одежду, на богато убранномъ конѣ, окруженный отроками, и когда отцы пещерники при встрѣчѣ поклонились ему, по обычаю, какъ вельможѣ, онъ самъ поклонился имъ до земли; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее передъ Антоніемъ, поставилъ передъ нимъ своего коня и сказалъ: Твори съ нимъ, что хочешь; я уже презрѣлъ все мірское, хочу быть инокомъ, жить съ вами въ пещерѣ, и никогда не возвращусь въ домъ свой. — Его постригли подъ именемъ Варлаама ³⁾).

III.

Пѣсенныя сказанія о Михаилѣ Даниловичѣ могутъ быть сведены къ слѣдующей схемѣ.

¹⁾ Кир. IV, стр. 108—115. Съ окаменѣніемъ богатырей сл. старослѣв. *stein* въ значеніи кельи отшельника, Fms. X, 373; *setjask í stein*, Nj. 268, Grett. 162, Trist; *gefa sik í stein*, Játv. ch. 8; *sitja í helgum steini*.

²⁾ Прибавл. къ Твор. св. Отц. II, 241.

³⁾ Исторія русск. церкви Макарія, 2-е исправл. изданіе, т. II, стр. 53—55.

1. Михайлъ — юный богатырь; ему двѣнадцать лѣтъ.
2. Татары съ царемъ Уланищемъ подходятъ подъ Кіевъ.
3. Михайлъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ его оставливаетъ:

Младъ Михайло сынъ Даниловичъ,
 Малымъ ты малѣшенекъ
 А молодымъ ты молодѣшенекъ:
 Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ;
 А умомъ ты, Михайло, глупѣшенекъ,
 Въ чистомъ полѣ не бывывалъ,
 Кривого человѣка не видывалъ,
 На крѣпкомъ дѣлѣ не ставвалъ,
 Ребятнымъ умомъ говоришь.
 Отвѣтъ держитъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь князь Владиміръ Всеславьевичъ!
 Вели, государь, понять гоголя
 И вели держать его три года
 Да пусти того гоголя на воду,
 Умѣеть-ли гоголь по водѣ плавати?
 Такъ-то богатырское сердце неуимчиво. («Гисторія»).

Тогда Владиміръ подноситъ ему чару зелена вина («турей рогъ меду слаткова») говоритъ ему: «буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Кіеве».

4. Михайлъ побиваетъ татаръ и убиваетъ царице Уланище.
5. Лихой оговорщикъ (далѣе въ гисторіи говорится о лихихъ оговорщикахъ) наклеветалъ на него передъ княземъ, который его заточаетъ.
6. Михайло удаляется въ монастырь, не смотря на уговоры князя и на обѣщаніе награды:

Михаиле сыну Даниловичу,
 Буди ты отъ меня пожалованъ:
 Злата казна про тебя не запечатана,
 Драгоценное платье не изношено,
 Добрые кони стоятъ не обѣзжаны.
 — Говоритъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь великій князь Владиміръ Всеславьевичъ,

Много твоего государскаго жалованья.

У тебя въ стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ градѣ Кіевѣ лихи оговорщики,
Не велятъ тебѣ служить вѣрой-правдою. («Гисторія»).

Подъ эту схему не трудно подвести и ту, которую мы составили выше на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ малорусскихъ легендъ о Михайликѣ. Существенная разница состоитъ въ перестановкѣ двухъ §§ и въ измѣненіи мотива оговора, клеветы. Вотъ какъ перестраивается рассказъ о Михайликѣ въ примѣненіи къ схемѣ былинъ о Михайлѣ Даниловичѣ:

1. Михайликъ — юный богатырь; ему 7 или 12 (вмѣсто 18) лѣтъ.

2. Татары — юланове подходятъ подъ Кіевъ.

3. Михайликъ выходитъ противъ нихъ, Владиміръ его останавливаетъ: «Михалятко-дитятко! молоде ти и неспособне, то тращоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись». — Михайль отвѣчаетъ:

Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море синеньке:
Воно попливе як і стареньке.

(Владиміръ подносилъ ему чашу, говорилъ что «часть Кіива на тебе иде»).

4. Михайло побиваетъ татаръ-юлановъ.

5. Кіевляне оговариваютъ Михайлика.

6. Онъ удаляется, не смотря на то, что Владиміръ останавливаетъ его словами, являющимися, въ восстановленномъ текстѣ былины, эпическимъ дублетомъ эпизода, стоявшаго уже въ § 3, и въ немъ единственно удержаннаго русскими пересказами.

Владиміръ говоритъ Михайлику:

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кіива на тебе иде.

Михайликъ отвѣчаетъ:

Господару-Цару Володимеру!
 Такъ, в мене чаша золотая
 Вина повная
 Завжде....
 І часть Кѣва на мене ѣде,
 Али Кѣвська громада,
 То зла в неї рада.

(въ редакціи Кулиша: Ой Кияне, Кияне, панове громада — Погана ваша рада).

Онъ удаляется въ Царьградъ, унося съ собою золотыя ворота. Тамъ онъ живетъ, питаясь водой и просвирою. Въ передачѣ Драгоманова онъ «поѣхав за якісь *гори*.... и став там *жити*»: на горахъ или въ горахъ, т. е. въ монастырѣ или въ пещерахъ, гдѣ онъ спасается, подвергая себя посту?

Какъ видно, содержаніе сѣвернорусскихъ былинъ о Михайлѣ и южнорусской легенды о Михайликѣ, за немногими исключеніями, совпадаетъ одно съ другимъ. Главное отличіе, опредѣлившее и перетасовку содержанія, состоитъ въ требованіи Кіевлянъ — выдать Михаила татарамъ, о чемъ былины ничего не знаютъ. Въ послѣднихъ вся вина падаетъ на Владиміра, повѣрившаго оговорщикамъ, тогда какъ въ южнорусской легендѣ вина «злой рады» принадлежитъ кіевлянамъ, и князь нехотя подчиняется ей, обнаруживая дружественныя отношенія къ молодому Михаилу. Можетъ быть, мы вправѣ говорить о двухъ редакціяхъ одного и того-же сказанія, распредѣлившихся между сѣверомъ и югомъ. Южная редакція сохранила въ легендѣ о Михайликѣ, не смотря на ея благочестиво-мистическую обработку, черты и отношенія древнѣйшей пѣсни, зародившейся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшей княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады: ея-то злая рада заставила удалиться Михаила, потому что татары требовали его выдачи и горожане опасались за себя; князь долженъ склониться къ ихъ желанію, и Михаилъ идетъ; Владиміру хотѣлось-бы удержать

Михаила, своего сродника: не ходи, тебѣ хорошо живется, у тебя чаша всегда полная, да и часть Кіева тебѣ достанется. Но Михайликъ отвѣчаетъ указаніемъ — на злую раду громады, съ которой не желаетъ вѣдаться — и какъ бы въ насмѣшку надъ нею одинъ побиваетъ непріятельскую рать. — Мистическая легенда обратила эту побѣду въ какое-то чудо.

Мы имѣемъ дѣло съ пѣсню, отзывающеюся той порой, когда городская громада-вѣче могла еще изгонять князя дружинника, а въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго, имъ на зло, блестящую побѣду надъ вражьиѣ войскомъ. Въ этой связи родственныя отношенія Владиміра къ Михаилу, о которыхъ говорить южнорусская легенда, представляютъ древнюю черту, о которой сѣвернорусскія былины забыли. Въ нихъ Владиміръ является единодержавнымъ властителемъ Руси, у него нѣтъ ни братьевъ, ни сыновей, ни сродниковъ; богатыри находятся у него въ услуженіи; такъ и Илья Муромецъ. Между тѣмъ по свидѣтельству норвежской Тидрекъ-саги (XIII в.) ярль Иліасъ греческій (т. е. русскій) является братомъ Владиміра — и мы не имѣемъ никакого права заподозривать сагу въ ошибку и извращеніи другихъ, болѣе древнихъ отношеній.

Если извращеніе произошло, то всего скорѣе его ожидать именно въ кругу сѣверно-русскихъ былинь. Отрѣзанныя отъ почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками отъ историческихъ отношеній, которыя воплотились въ нихъ впервые, онѣ поневолѣ должны были исказить ихъ въ уровень съ новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, въ которой имъ суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Приуроченіе вышло не полное. Образы южнорусской природы обратились въ общія мѣста, не разцвѣтясь новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная изъ жизни, изъ своего непосредственнаго прошлаго, однимъ словомъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ пѣвецъ могъ-бы по-

стоянно почерпать чувство мѣры и норму вѣроятія: перепѣвалась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на ново, иначе она была-бы полупонята. Отсюда явленіе шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага русской земли, онъ почти не коснулся; но онъ являлся во всей силѣ, когда на сцену выходило Идолище поганое, Змѣй или Старчище-пилигримище, съ исполинскимъ колпакомъ-колоколомъ и клюкой, или — на этотъ разъ татаринъ — царище Уланище (Кир. 1. с. № 2):

Вить ушишша-та у царишша — быдто блѣдишша,
 А глазишша-та у царишша — быдто чаши пивныя,
 А носишшо-то у царишша — быдто палица боевая.

Въ чертахъ этого шаржа несомнѣнно сказалось сѣверно-русское народное примѣненіе, вѣроятно, не останавливавшееся на однихъ виѣшнихъ сторонахъ эпоса (деревни, вотчины Гисторіи), а проникавшее въ его суть и глубь, чтобы пересоздать его по своей мѣркѣ. Вѣроятно, этому процессу принадлежатъ сословныя характеристики богатырей, сдѣлавшія Алѣшу сыномъ попа, Добрыню бояриномъ и т. д. Надо полагать, что въ древнихъ пѣсняхъ объ этихъ богатыряхъ были данныя, изъ которыхъ, при извѣстныхъ средствахъ примѣненія, могли выработаться позднѣйшіе сословные типы. Тоже можно замѣтить и объ Ильѣ Муромцѣ: представленіе его крестьяниномъ принадлежитъ, быть можетъ, сѣвернорусской порѣ эпоса: въ старыхъ пѣсняхъ о немъ открылись сѣвернымъ сказателямъ черты, которыя были такъ поняты или такъ истолкованы: въ богатырѣ, подвиги котораго были имъ особенно симпатичны, они увидѣли своего героя, крестьянина-богатыря. Въ XIII вѣкѣ его знали еще ярломъ-дружинникомъ.

Подобнаго рода процессъ, примѣненія и односторонняго пониманія, совершился и надъ древней былинной о Михаилѣ. Распря громады-вѣча съ княземъ, лежавшая въ ея основѣ, была забыта — вмѣстѣ съ забвеніемъ вѣчевыхъ порядковъ, являющихся

уже со второй половины XIV вѣка — лишь въ видѣ исключенія. Это вызвало въ былинѣ новый мотивъ: вмѣсто совѣта громады явились оговорщики, а вмѣстѣ съ ними и роль Владиміра приняла существенно враждебную окраску: онъ уже не дѣйствуетъ, увлеченный народнымъ рѣшеніемъ, противъ своей воли: онъ послушался оговора, и вся вина лежитъ на немъ. — Сѣверно-русскій сказитель, не понявъ участія громады, свелъ историческій моментъ борьбы между княземъ и вѣчемъ — къ княжескому капризу, отъ котораго страдаетъ неповинный дружинникъ.

При толкованіи русскихъ былинъ необходимо слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, подвергавшимся не только историческому и бытовому примѣненію, но и всѣмъ случайностямъ устнаго пересказа, не рѣдко собирающаго въ одно, что пѣлось порознь, или-же разбрасывающаго по разнымъ пѣснямъ и лицамъ, что пѣлось въ одной пѣснѣ и объ одномъ лицѣ. — При такомъ качествѣ матеріала въ высшей степени важно бываетъ — опереться на источникъ, стоящій внѣ его, по крайней мѣрѣ отъ него обособившійся и не пережившій всѣхъ его превращеній. Я разумѣю, въ данномъ случаѣ, малорусскую легенду о Золотыхъ воротахъ. Сравненіе ея съ нашими былинами о Михаилѣ позволило намъ возстановить съ нѣкоторою вѣроятностью ихъ первичную схему. Слѣдующій разборъ дастъ намъ возможность внести въ нее нѣсколько другихъ подробностей, вѣроятно ей принадлежавшихъ. — Обратимся къ былинамъ о Ермакѣ.

IV.

Гильф. № 92. Калинъ царь посылаетъ къ князю Владиміру татарина съ требованіемъ — очистить для него палату княженецкую, подворья богатырскія. Владиміръ обращается къ помощи своихъ богатырей, и они *вытѣзжаютъ* изъ Кіева, обѣщая съ неприятелемъ «поправиться». Былъ у *Владиміра* любимый *племянчикъ*,

Младнй Ермакъ Тимофеевичъ, —
 А приходить онъ къ дядюшкѣ къ князю Владимиру,
 А бьетъ челомъ, покланяется:
 «А дядюшка князь ты Владимиръ стольнѣ-кїевской!
 «А дай мнѣ прощеньице благословленьице
 «А изъ города изъ Кїева повывѣхати!»
 А прогóворить князь Владимиръ стольнѣ-кїевской:
 — Ай же любимый мой племянчикъ,
 — Младнй Ермакъ Тимофеевичъ!
 — *А ты младшешенекъ да ты змуншешенекъ,*
 — *А отъ роду вѣку дѣтънадцать лѣтъ,*
 — А устрашишься ты вѣдь ужáхнешься
 — Силы войска татарскаго:
 — Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
 — А изъ города изъ Кїева повывѣхати. —
 А сирогóворить младнй Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Дядюшка князь Владимиръ стольно-кїевской!
 «А ты дашь мнѣ прощеньице, повывѣду,
 «Аль не дашь мнѣ прощеньица, повывѣду».

Выбравъ на конюшнѣ коня добраго, взявъ копье и палицу, онъ выѣзжаетъ изъ Кїева, видитъ въ полѣ шатры, гдѣ расположились богатыри, которыхъ упрекаетъ, что они тѣшатся, забавляются, тогда какъ Владимиръ остался кручиновать, печаловать. Богатыри велѣли ему взлѣсть на сырой дубъ — поглядѣть на войско татарское; когда онъ долго не возвращается, посылають за тѣмъ-же Алешу Поповича. Смотритъ Алеша съ сыра дуба — а Ермакъ ѣздитъ по татарской силѣ, куда ѣздитъ — туда улица, а повернетъ — переулками. Къ нему отряжаютъ Добрыню, чтобъ онъ уговорилъ его словами ласковыми, удержалъ баграми желѣзными, укротилъ-бы сердце богатырское. (Сл. Рыбн. I, № 21). — Былина № 105 Гильф. открывається такимъ-же посьствомъ Калина, которому Илья Муромецъ отвозить княжескіе подарки; испросивъ у Калина сроку на три мѣсяца, Илья *отплъзжаетъ* на гору Латинскую, гдѣ «стоятъ войны кїевскіе — тридцать воиновъ безъ воина». Между тѣмъ Владимиръ повѣсилъ буйну голову; «нѣтъ во Кїевѣ защитчиковъ», говоритъ онъ

племяннику, Ермаку Тимофеевичу — а тотъ просится у него выѣхать «во тую силу во поганую — попробовать своихъ плечъ богатырскихъ». Владиміръ отказываетъ ему въ этомъ, но даетъ свое благословеніе — выѣхать на горушку Латынскую. вмѣсто того Ермакъ, выбравшись изъ Кіева, обращается на Калиново войско, которое «валомъ валить». Илья увидѣлъ его съ горы и посылаетъ къ нему Алешу Поповича, а за тѣмъ Добрыню — упросить его словами ласковыми, накинуть на него «храпы бѣлые — чтобы укротилъ свое сердце богатырское». Не удается это ни Алешѣ, ни Добрынѣ, ни самому Ильѣ — и былина кончается тѣмъ, что самъ Илья, не смогну укротить юнаго богатыря, вмѣстѣ съ нимъ пускается побивать Татаръ. — Сл. Рыбн. I № 20: Владиміръ плетъ Калину подарки по совѣту богатырей, *стоящихъ на заставѣ* и посылающихъ къ нему гонца; двѣнадцати-лѣтній Ермакъ — *племянникъ* князя; Илья смотритъ на его богатырскіе подвиги со Скать-горы; посылаетъ удержать его Алешу, Добрыню, укрощаетъ его самъ. «Тутъ молодой Ермакъ онъ *преставился* (?)». Богатыри побиваютъ Калиново войско. — Въ былинѣ у Кир. I, 1 стр. 58—66 мѣсто Калина занимаетъ Мамай, Владиміръ проситъ у него срока на три мѣсяца, по совѣту Ильи, который *отправляется* въ поле за тридевятью богатырями: Алешей, Самсономъ, Свѣтогоромъ, Дономъ Ивановичемъ, Иваномъ Кольвановичемъ. Онъ встрѣчаетъ ихъ, и они просятъ его войти во бѣлъ шатеръ, выпить чару зелена вина. Съ той ли чары Илью хмѣль зашибъ — и онъ засыпаетъ на двѣнадцать дней. Между тѣмъ Владиміръ «посылаетъ ко Ильѣ онъ *племянника*, — молодова Ермака Тимофеевича» — далѣе Ермакъ величаетъ Илью дядюшкой; — о томъ что онъ дѣлаетъ это по настоятельной просьбѣ молодаго богатыря, а не по своей волѣ, — нѣтъ рѣчи. Ермакъ наѣзжаетъ на шатеръ, отказывается войти въ него и испить чару — и, оборотивъ коня къ Кіеву, вступаетъ въ бой съ татарами, обступившими городъ:

*Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не убыло,
А Ермакъ изъ силы выбился.*

Онъ ложится опочивъ держать, а богатыри тѣмъ временемъ доканчиваютъ побѣду и вмѣстѣ съ Ермакомъ возвращаются въ Кіевъ. — Былина переходитъ далѣе въ другую (?): о боѣ Ермака съ Бабищей Мамашной. — Эпическое выраженіе, что вражьей силы все «не убыло», разработано въ нѣкоторыхъ былинахъ въ извѣстный уже намъ эпизодъ о гибели богатырей на Руси. Такъ въ № 138 Гильферд.: самъ Владиміръ по совѣту Ильи, везетъ подарки Калину; всѣ двѣнадцать богатырей *выъзжаютъ* на заставу великую, между тѣмъ какъ Владиміръ одинъ остается въ Кіевѣ, а за Кіевъ градъ постоять некому.

*Съ того царева со кабака,
Зъ-за тнхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,
Повыскочилъ младый Ермакъ Тимошевичъ,*

называетъ Владиміра *крестнымъ батюшкой*, проситъ коня, чтобъ поѣхать на заставу; Владиміръ отговариваетъ его, но затѣмъ принужденъ уступить. Далѣе былина развивается, какъ № 92 Гильф. (сырой дубъ), но представляетъ своеобразное окончаніе: по наказу Ильи богатыри скрутили Ермака, вывели изъ силы великой, не то онъ, младый вьюношь, перервется, не будетъ впредь богатыремъ. Послѣ того они принимаются бить татари, перебили ихъ, порасхвастались:

*«Кабы бѣла на небо лѣстница,
«Мы прибили-бн ми всю силу небесную».
А тутъ убьютъ татарина — станетъ два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Прибились они, примучились,
И другъ друга прикололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,*

кромѣ Ермака, который одинъ возвращается въ Кіевъ. — Такое-же окончаніе представляетъ былина № 121 Гильф.: посоль-

ство Калина; Владиміръ не отдаривается; Илья Муромецъ обѣщается постоять за Кіевъ, но проситъ отдохнуть двѣнадцать дней. Этимъ объясняется *отъѣздъ* богатырей и ихъ отдыхъ въ шатрахъ. Ермакъ также просится у Владиміра, который отговариваетъ его молодостью: ему семнадцать лѣтъ. — Да гдѣ-же родной твой батюшка? спрашиваетъ его Владиміръ:

Мой то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
Въ старци ушолъ постригаться.

Отъѣздъ Ермака, который пріѣзжаетъ къ богатырскимъ шатрамъ; Илья велитъ ему взлѣзть на широкой дубъ, посмотрѣть на войско татарское — послѣ чего онъ отправляется побивать татаръ. Илья также «высталъ ли въ тотъ широкъ дубъ» и также выѣзжаетъ въ поле. Вмѣстѣ они прирубили поганую силу; тутъ расхвастался Илья:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы мы силу всю небесную!»
Розрубить татарина одинаго,
А сдѣлается съ една два.

«Пересѣлся» тутъ Илья «отъ этихъ татаръ да отъ поганыхъ»:

Окаменѣлъ его конь да богатырской,
И сдѣлался мощи да святыи
Да со старѣ казака Ильи Муромца

(Сл. Рыбн. I, № 22).

Былина Гильф. 69 сохранила въ нѣкоторыхъ чертахъ связь съ той особой рецензіей былины о Калинѣ, въ которой Илья Муромецъ сидитъ въ тюрьмѣ, куда заключилъ его Владиміръ и откуда онъ принужденъ его выпустить въ минуту опасности, поклониться ему: тогда Илья ѣдетъ собирать богатырей, разсердившихся на Владиміра за его расправу съ Ильей и *выгнавшихъ* изъ Кіева. Въ № 69 Гильф., когда Апраксія узнаетъ о требованіяхъ Калина, она говоритъ Владиміру:

А ѿ выпущай заторемичиковъ уршиниковъ,
 А ѿ прощай-ко во всѣхъ винахъ великихъ,
 А ѿ какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестень пиръ,
 А ѿ какъ призывай-ко сильнихъ могучихъ богатырей,
 Призывай-ко старая казакъ да Илью Муромца.
 А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
 А може пріѣде къ тебѣ да на почестень пиръ.

Далѣ эти аллюзии не разработаны: Илья на пиру у Владиміра велитъ отправить къ Калину пословъ съ подарками и проситъ срока, а самъ *уѣзжаетъ* собирать дружину. Между тѣмъ срокъ проходитъ, а Илья нѣтъ; тогда молодой Ермакъ просится у Владиміра — поѣхать съискать Илью Муромца. Три раза онъ проситъ, три раза отказывается Владиміръ и *трижды подноситъ богатырю по чартъ зелена вина*. Слѣдуетъ отѣздъ Ермака: онъ прямо направляется къ татарскому войску, въ то время какъ съ другой стороны на него-же наѣзжаетъ Илья съ своей дружиной; богатыри «силу присѣкли до единаго». — Таковую же связь съ упомянутымъ выше особымъ цикломъ былинъ о Калинѣ (Илья въ погребу; недовольные богатыри въ отлучкѣ), хотя менѣе ясную, представляетъ Рыбн. I № 19: узнавъ требованія Калина, Владиміръ поочередно обращается за помощью къ Добрынѣ, Михаилу, Потокѣ, Ильѣ; всѣ отказываются: они не могутъ болѣе служить — стоятъ за Кіевъ градъ и всѣ *«поворотъ держатъ»*. Тогда *племянникъ* Владиміра, младъ Ермакъ Тимофеевичъ, просится у него на подвигъ; тотъ удерживаетъ его, но подъ конецъ позволяетъ выбрать коня и ратную сбрую. Ермакъ находитъ богатырей въ шатрахъ, упрекаетъ ихъ; Илья велитъ ему взойти на гору и посмотрѣть на татарскую силу; Ермакъ бьется съ ней три дня и три ночи; проснувшійся Илья спрашиваетъ, вернулся-ли Ермакъ съ горы, и узнавъ что его нѣтъ, выговариваетъ русскимъ богатырямъ: «Погубили вы головку наилучшую, — Бьется тамъ Ермакъ — пересядется!» И богатыри отправляются къ нему на помощь: «Укrotи свое сердце богатырское», говоритъ ему Илья, «А мы нонь за тебя пороботаемъ». Прибили они всю силу въ три часа.

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ эти былины о Калинѣ и Ермакѣ къ тому циклу пѣсень, въ которыхъ главную роль играетъ Илья, выпущенный изъ заключенія Владиміромъ? — Илья посаженъ Владиміромъ въ «глубокъ погребъ», богатыри, оскорбленные несправедливостью князя, отказываются служить ему и *выѣзжаютъ* изъ Кіева. Когда является посланный Калина, Владиміръ освобождаетъ Илью, винится передъ нимъ и проситъ защиты; Илья отправляется искать богатырей, находить ихъ въ шатрахъ, сообщаетъ просьбу Владиміра. Тѣ не хотятъ о ней слышать — но подъ конецъ соглашаются, и всѣ вмѣстѣ собираются противъ татаръ; между ними названъ одинъ, къ которому Илья и держитъ рѣчь: его крестный батюшка, Самсонъ Самойловичъ (№ 57 Гильф.; сл. № 75 *ib.*), или дядюшка Самсонъ богатырь (№ 296 *ib.*), Самсонъ Нанойловичъ (*ib.* № 304). Но Ильѣ «не спится, мало сѣбится»: онъ выѣзжаетъ одинъ, рубить рать-силу поганую, его конь перескочилъ черезъ два подкова татарскихъ, въ третій свалился Илья, а его конь убѣжалъ. Илью ведутъ на казнь; какъ взмолился онъ всѣмъ святителямъ, его конь примчался изъ чиста поля, разорвалъ его путы шелковья, и Илья стрѣляетъ на ту гору, гдѣ въ шатрахъ покоятся богатыри. Они предупреждены, и являются на встрѣчу Ильѣ (Гильф. № 57). Тоже содержаніе въ № 75 Гильф., только здѣсь богатыри не хотятъ ѣхать на помощь Владиміру и выѣзжаютъ лишь на помощь Ильѣ (сл. *ib.* № 296; въ № 257 нѣтъ богатырей; въ 304, наоборотъ, забыто заключеніе Ильи, но развитіе тоже, что въ №№ 57 и 296).

Сближая эту былинку съ пересказанными выше пѣснями о Ермакѣ и Калинѣ, легко замѣтить общія черты, остающіяся за вычетомъ особенностей: 1) Ермакъ выѣзжаетъ изъ Кіева, когда тамъ *нѣтъ богатырей*; находитъ ихъ покоящимися въ шатрахъ, говоритъ имъ объ опасности, самъ пускается на татарское войско; богатыри являются ему на помощь; между ними главный Илья Муромецъ, который въ одной пѣснѣ Кир. I, 1 стр. 58—66 названъ его дядей. 2) Илья (выпущенный изъ тюрьмы) вы-

ѣзжаетъ изъ Кіева, гдѣ *богатырей не «случилось»*, наѣзжаетъ на шатры, просить богатырей о помощи, самъ выходитъ противъ татаръ; богатыри выручаютъ его; главный между ними — его дядя или крестный батюшка: Самсонъ Самойловичъ или Нанойловичъ. 3) Мы можемъ установить еще третью параллель: между этими былинными сюжетами и пѣснями о Михаилѣ Даниловичѣ. Михаилъ выѣзжаетъ изъ Кіева (Ермакъ, Илья), ѣдетъ за совѣтомъ къ богатырю, какъ Илья и Ермакъ обращаются къ богатырямъ, расположившимся въ шатрахъ, на заставѣ. Родственнымъ отношеніямъ Ильи къ Самсону, Ермака къ Ильѣ, отвѣчаютъ такія-же въ пѣснѣ о Михаилѣ: онъ совѣтуется со своимъ отцемъ, богатыремъ, ушедшемъ въ монастырь, какъ въ одномъ пересказѣ былины объ Ермакѣ (Гильф. № 121) отецъ его также пострится въ старцы. Какъ Илья, такъ и Михаилъ попадаютъ въ подкопы; богатыри являютъ на помощь Ильѣ, между ними его дядя или крестный батюшка Самсонъ; родной отецъ Михаила догадывается объ его участи, увидѣвъ коня, сбросившаго его (та же черта въ былинахъ объ Ильѣ), и идетъ къ нему на помощь; не признавъ его, онъ готовъ съ нимъ сразиться. Этотъ эпизодъ, можетъ быть, объяснить намъ подробность въ былинахъ о Ермакѣ: что Илья, выѣхавшій къ нему на помощь, налагаетъ на него храпы, чтобъ укротить его сердце богатырское. Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михаилѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсень о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ неузнаннымъ.

Позволено поставить вопросъ: въ какой изъ разобранныхъ нами былинныхъ группъ принадлежали первоначально общія мѣста, опредѣлившіяся, какъ таковыя, изъ предъидущаго сопоставленія? Онѣ сводятся къ типу *юнаго богатыря*, выѣзжающаго самовольно на бранный подвигъ и получающаго помощь отъ старшаго, ему родственнаго. — На сколько этотъ эпизодъ слѣдуетъ считать подлиннымъ въ былинахъ объ Ильѣ — это зависитъ отъ нашей точки зрѣнія на былинный типъ Ильи, какъ

старого, матераго, и на древность такъ называемыхъ богатырей «старшихъ», къ которымъ принадлежитъ и Самсонъ Нанойловичъ. Смотри потому, какъ мы уяснимъ себѣ этотъ хронологическій вопросъ, сложится и наше рѣшеніе о значеніи выше разобраннаго эпизода: онъ представится намъ либо перенесеннымъ отъ Ильи къ богатырямъ младшимъ, либо разработаннымъ въ былинахъ объ Ильѣ по типу пѣсенъ о послѣднихъ, сыновьяхъ и племянникахъ: Ермакъ названъ въ былинахъ о немъ *племянникомъ* Владиміра; Михайликъ также находится въ какихъ то родственныхъ отношеніяхъ къ нему: онъ царскій сынъ, на его долю приходится часть Кіева; эти отношенія слѣдуетъ, вѣроятно, распространить и на Михаила русскихъ былинъ. Въ крайне запутанной былинѣ о князѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10) племянникомъ Владиміра является какой-то Василій Ивановичъ. Не Василій-ли Игнатьевичъ, Пяница?

V.

Уже Майковъ (I. с. 32) замѣтилъ, что въ лицѣ Михайлика, вѣроятно, соединились Михайлъ Даниловичъ и Василій Пяница русскихъ пѣсенъ. О послѣднемъ поется, что онъ освободилъ Кіевъ отъ подступавшей подъ него татарской силы, и былины начинаются съ эпизода, напоминающаго чудесную стрѣльбу Михайлика. Когда Батыга подошелъ подъ Кіевъ и потребовалъ себѣ поединщика (Рыбн. II, № 11, стр. 41, ст. 53; III, № 37, стр. 222, ст. 32), всѣ богатыри въ отлучкѣ.

А случилось во Кіевѣ голь кабакал,
А Василей сынъ Игнатьевичъ.
Направляетъ онъ стрѣлочку каленую,
Онъ стрѣляетъ по бѣлимъ по шаграмъ,
А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушки,

сына и зятя Батыевыхъ, да «дьячка да выдумщика» (Гильф. № 41, стр. 206. Сл. тройкую стрѣльбу Михайлика въ пѣснѣ,

слышанной Стояновымъ). Батыга требуетъ его выдачи, какъ и въ малорусской легендѣ татары требуютъ выдачи Михайлика. Далѣе сходство между былинной и легендой прекращается — въ общемъ, но частныя совпаденія подробностей замѣчательны, открывая просвѣты въ тайны постоянного сложенія и, вмѣстѣ, искаженія народной пѣсни. Последнее раскрывается мнѣ въ представленіи Василья — пьяницей, «упьянсливымъ», голю кабакою. Такъ во всѣхъ былинахъ о немъ и Батыгѣ; такъ даже въ № 258 Гильф., сохранившемъ несомнѣнно слѣды древности въ чертѣ, снова сближающей Василья съ Михайликомъ: Василій — двѣнадцатилѣтній мальчикъ, какъ Михайло, какъ Константинъ Сауловичъ въ былинахъ о немъ (ему 9 или 12 лѣтъ), Добрыня и Волхъ и Федоръ Тиронъ русскаго духовнаго стиха.

Только во Кіевѣ осталось во городѣ

Одна-та вѣдь голь-та кабацкая,

Молодые Василей Игнатьевъ сынъ.

Да съ младые мѣта онъ во двѣнадцать мѣтъ,

Да онъ пропилъ житье бытѣ отеческо богатство (стр. 1180).

Былина Гильф. № 18 поняла это иначе: по голямъ-то гулялъ *двѣнадцать мѣтъ*. Сл. Рыбн. I № 29, II № 10. Упьянсливость молодого богатыря явилась слѣдствіемъ наивнаго, простонароднаго обобщенія одной черты, находившейся въ древней пѣснѣ и легко возстановимой по моему мнѣнію: въ малорусской легендѣ (Кулишъ) Михайликъ стрѣляетъ въ татаръ, которые требуютъ его выдачи; Владиміръ напутствуетъ его чашей. Я уже указалъ выше на настоящее мѣсто, къ которому слѣдуетъ приурочить, согласно съ русскими былинами о Михайлѣ, слова Владиміра къ Михайлику (по Драгомановской редакціи):

В тебе чаша золотая

Вина повна?

Въ былинахъ о Васильѣ и Батыгѣ — Василій убиваетъ сына и близкихъ людей Батыги, татары требуютъ выдачи виновнаго, и Владиміръ посылаетъ его, также напутствуя его чашей, или скорѣе

тремя чашами, заповѣданными древнерусскимъ домостроемъ. Эта черта, открывавшая древнюю былинну (сл. также былинну № 69 Гильф. о Ермакѣ), послужила въ сѣвернорусскихъ ея пересказахъ къ характеристикѣ ея протагониста, какъ упынсливаго. Его находятъ въ кабакѣ (сл. № 138 Гильф. о Ермакѣ) и приводятъ къ Владиміру; онъ проситъ опохмѣлиться.

Наливае онъ чару зелена вина,

Другу наливае пива пьяваго,

А ѣ третью рюму да сладкаго меду (Гильф. № 18, стр. 118).

Только тогда онъ отправляется къ Батыгѣ, у котораго также проситъ опохмѣлиться — и затѣмъ уже побиваетъ татаръ.

Эту характерную упынсливость Василя едва-ли не слѣдуетъ приписать самостоятельной поэтической дѣятельности сѣвернорусскихъ пересказчиковъ, пересоздавшихъ по своему, на основаніи одного внѣшняго мотива, двѣнадцатилѣтняго богатыря древней пѣсни. Такого рода искаженія не рѣдки въ нашемъ эпосѣ. Если это толкованіе вѣрно, то въ связи съ нимъ можно-бы объяснить и самое имя богатыря: Василій упынсливый подставился, быть можетъ, на мѣсто другаго имени, потому что былъ народнымъ типомъ пьяницы. Въ древне-русской словесности извѣстно слово «Василя о томъ, какъ подобаетъ воздръжатиcя отъ пьянства»¹⁾; русскій духовный стихъ перевелъ эти назиданія въ конкретные образы: Василя Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питье²⁾. Типическое имя было готово.

Сообщенное выше содержаніе былинъ о Васильѣ позволяетъ намъ предложить нѣсколько соображеній объ ихъ отношеніяхъ къ пѣснямъ о Михаилѣ и къ легендамъ о Михайликѣ. Последнія

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Сборн. отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ т. XII (1875) стр. 321—6.

²⁾ Якушкинъ, Русск. пѣсни № XVI; Безсоновъ, Калики VI, № 572 и слѣд.

мы старались свести къ одной общей схемѣ, выбирая изъ нихъ лишь *общія черты* и вмѣняя ихъ тому предполагаемому первообразу, изъ котораго потекли и наши былины о Михайлѣ Даниловичѣ. Къ этимъ общимъ чертамъ мы не нашли возможности отнести слѣдующія: 1) *стрѣльба богатыря*: рассказывается о Михайликѣ¹⁾, не о Михайлѣ; 2) *требованіе его выдачи со стороны татаръ*: передается о Михайликѣ, не о Михайлѣ — вслѣдствіе чего наше сближеніе соответствующихъ эпизодовъ былинь и легенды должно было выразиться общимъ мѣстомъ: удаленія Михаила — Михайлика (въ легендѣ по требованію татаръ и настоянію кievской рады; въ былинѣ по наговорамъ). Въ 3) можно было колебаться относительно мѣста, какое занималъ въ древней былинѣ эпизодъ о *чашѣ*, которою князь чествовалъ богатыря. Согласіе былинь о Михайлѣ и о Васильѣ рѣшаетъ противъ кievской легенды. Такимъ образомъ всѣ ея подробности покрываются соответствующими чертами русскихъ былевыхъ пѣсенъ — потому что былины о Васильѣ позволяютъ намъ еще разъ видоизмѣнить предложенную не разъ схему древнѣйшей пѣсни:

1. Михайлъ — юный богатырь.

2. Татары подходятъ подъ Кіевъ. *Онъ въ нихъ стрѣляетъ. Татары требуютъ его выдачи.*

3. Михайлъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ останавливаетъ его, *подноситъ ему чашу*, обѣщаетъ награды.

4. Михайлъ побиваетъ татаръ.

5. Его оговариваютъ.

6. Онъ удаляется въ монастырь.

Это предполагаемое содержаніе древней пѣсни неравномѣрно распредѣлилось въ позднихъ русскихъ и малорусскихъ пересказахъ. Былины о Васильѣ сохранили исключительно первые четыре

¹⁾ Съ стрѣльбой Михайлика сл. слѣдующую черту въ малорусской легендѣ о Пали: онъ обступилъ мазепино войско, «а Мазепа проклятий сидитъ у камяному мури на третѣму етажі і чай пѣе.... Палий подививсь, і як пустив стрілу, та стріла Мазепи в шклянку попала» и т. д. Драгомановъ, Малорусскія народн. предан. и рассказы р. 204.

эпизода пѣсни, былины о Михаилѣ ихъ сократили, развивъ преимущественно ея конецъ. Малорусскіе пересказы легенды удержали её цѣликомъ, но сплотивъ въ одинъ мотивъ, что вначалѣ пѣлось раздѣльно: мотивъ выдачи съ мотивомъ удаленія, по требованію злой рады горожанъ. Что послѣдняя отвѣчаетъ именно наговору русскихъ былинь о Михаилѣ, выясняется изъ связи этого эпизода съ непосредственно слѣдующимъ: удаленіе Михаила въ монастырь едва-ли можно отдѣлять отъ таинственного исчезновенія Михайлика. — На дальнѣйшія видоизмѣненія древней пѣсни на русской почвѣ въ пѣсняхъ о Васильѣ Игнатьевичѣ указано было выше.

Я не утверждаю, чтобъ послѣдней предложенной нами схемѣ отвѣчала когда-либо такая-же *цѣльная тѣсня* о Михаилѣ. Для нашей цѣли было-бы достаточно, еслибъ намъ удалось возстановить содержаніе того *цикла* пѣсенъ, связанныхъ общностью героя и единствомъ эпической темы, котораго отдѣльные отрывки дошли до нашей поры, разбредясь по разнымъ легендарнымъ и былиннымъ группамъ.

Нѣкоторыя пѣсни о Васильѣ становятся особо, какъ продуктъ внѣшняго смѣшенія. Въ былинь у Кириши (Кир. I, 1, стр. 70—76) Василій Пьяница стрѣляетъ съ башни въ татаръ и убиваетъ зятя царя Калина (= Батыги другихъ пѣсенъ). Царь требуетъ его выдачи. Какъ и въ другихъ былинахъ — въ то время «богатырей въ Кіевѣ не случилось». На выручку является возвратившійся Илья Муромецъ: вмѣстѣ съ Владиміромъ, перодѣтымъ поваромъ, онъ отправляется въ татарскій станъ съ «честными подарками» и побиваетъ вражье войско. Василій не показывается въ дальнѣйшемъ ходѣ былины: расправившись съ татарами, Илья застаётъ его въ Кіевѣ «на кружалѣ Петровскимъ». Въ былинь № 170 Гильф. Калинъ требуетъ себѣ поединщика; богатырей въ Кіевѣ нѣтъ; тогда «Васильюшка упынсливый» предлагаетъ Владиміру — пойти оповѣстить отсутствующаго Илью, который и расправляется съ Калиномъ. — Такое-же смѣшеніе представляетъ былина № 186 Гильф.: на Кіевъ на-

ѣхалъ *идолице* великое, требуетъ себѣ поединщика. О томъ, что въ Кіевѣ нѣтъ богатырей — былина умалчиваетъ, но положеніе дѣла представляется очевидно то-же:

Бѣда пришла неминучая.

А ѣ говорить тутъ Василей ушьясливой,

Говорить тутъ онъ таково слово:

— Стольнїа князь стольнѣ-кіевской!

— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,

— Ретливó сердце мнѣ пріобкатить,

— Буйна голова мнѣ извеселить.

Ему наливаютъ чару зелена вина въ полтора ведра, онъ беретъ въ руки «кляху» богатырскую. — Далѣ былина переходитъ въ другую: объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, причемъ Василій является каликой, въ роли каликъ Иванища, *Игнатища* (Рыбн. III, № 9) или Данилы *Игнатьевича* (Кир. IV, стр. 22—38). Смѣшеніе объясняется механически: Василій въ пѣсняхъ о немъ обыкновенно прозывается *Игнатьевичемъ*¹⁾; *Данило Игнатьевичъ* извѣстенъ намъ изъ пѣсенъ о Михайлѣ: это — монахъ богатырь, снабжающій конемъ и ратной сбруей своего сына, юнаго богатыря, какъ въ былинахъ объ Идолицѣ Илья беретъ каличьеское платье и «земле-грецкую шляпу, сорокъ пять пудовъ» у богатыря-калики, *дяди* Данилы Игнатьевича (Кир. I. с.). — Эта черта обращаетъ насъ къ пѣснямъ объ Ильѣ и Идолицѣ: можетъ быть, онѣ дадутъ намъ возможность уяснить нѣкоторыя подробности легенды о Михайликѣ. Въ связи съ этими пѣснями мы поставимъ былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ.

VI.

1. *Илья и Идолице*. *Идолице* поганое обнасилничалъ Кіевъ, пока Илья былъ въ *отлучкѣ* (Кир. I, 4, стр. 18: двѣ-

¹⁾ Только въ былинѣ Кир. I, 2, стр. 93—6 Василій пьяница названъ Казимировичемъ, т. е. Казимировичемъ.

надцать лѣтъ). Калика «Сильный Иванище», встрѣтившись съ нимъ, говоритъ ему о томъ; Илья мѣняется съ нимъ платьемъ; явившись въ Кіевъ каликой, говоритъ, что пришелъ со степей Цѣцарскихъ поклониться пресвѣтлому князю Владиміру, и побиваетъ Идолище шляпой земли греческой (Кир. I. с. р. 18—21; сл. iv. I, 1, стр. XXI—XXII: сказку объ Ильѣ Муромцѣ; «Колѣчища прохожій» не названъ). — Въ былинѣ № 4 Гильф. *Идолище* подошелъ подъ Кіевъ, когда не было тамъ «русьскихъ могучихъ богатырей» кромѣ Алешеньки Левонтьевича; *Илья Муромецъ ѣздилъ въ то время у Царя-града*. На дорогѣ въ Кіевъ ему встрѣчается «Пereгримищо да тутъ могучій Иванищо», который извѣщаетъ его о бѣдѣ, постигшей Владиміра. Дальнѣйшій ходъ былины тотъ-же. — Въ былинѣ № 144 Гильф. насильникъ Кіева названъ *татариномъ*; калика переходящая безъ имени; «въ Кіевѣ богатырей не случилось» (сл. Рыбн. III, № 7). — Гильф. № 245: «*Едолище*, по прозванію Батыга Батыговичъ»; «переходящая калика бродимая», «славно Иванище»; *по дорогѣ въ Кіевъ* Илья проситъ голей кабацкихъ опохмѣлить его и самъ выкатываетъ имъ три бочки. Развязка та-же. — № 22 Гильф. *Батыга Батыговичъ* подходит подъ Кіевъ, Владиміръ выходитъ къ нему съ подарками, проситъ хлѣба-соли покушать, а самъ *посылаетъ отпочку* Ильѣ Муромцу, во чисто поле. Илья является въ одеждѣ калики, убиваетъ Идолище и затѣмъ побиваетъ рать силушку великую. Калики переходящаго нѣтъ, былина забыла его, или, скорѣе, пѣвецъ припуталъ къ его имени событіе, стоящее внѣ содержанія былины: въ другихъ ея пересказахъ калика, встрѣчающійся съ Ильей, называется сильнымъ могучимъ Иванищемъ; наша былина рассказываетъ послѣ побѣды Ильи, и внѣ всякой связи съ ней, о томъ, какъ онъ сватаетъ своего братца названнаго, «Иванушка могучаго», за дочь короля «литомскаго» (Литовскаго, политовскаго). — Въ былинѣ Рыбн. I, № 15 отлучка Ильи забыта, и послѣдовательность спутана, въ сравненіи съ предъидущими пересказами, но содержаніе то-же (*Одолище*, каличище Иванище).

Насильникъ названъ то Идолицемъ, то Батыгой. Илья находитъ въ отлучкѣ. Одна изъ былинъ (Гильф. № 4) говоритъ, что онъ ѣздилъ у Царя-града, когда надъ Кіевомъ стряслась бѣда. Эта локализациа въ нашемъ случаѣ едва-ли случайна: она поддерживается цѣлымъ кругомъ пѣсень, въ которыхъ мотивъ предъидущихъ является приуроченнымъ именно къ Царьграду.

Такъ въ былинѣ № 48 Гильф. (сл. ту же редакцію № 17 у Рыби. I). Калика «сильной могучей Иванище» ходилъ молиться къ городу Еросолиму и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ.

Какъ тутъ было еще въ Царі-гради
Наѣхало погано тутъ Идолицо,
Одохли какъ погани вси татарева.

Узнавъ отъ пойманнаго имъ татарина, какой у нихъ тамъ Идолице, калика идетъ впередъ и встрѣчается путемъ дорожкой съ Ильей Муромцемъ. На его вопросъ, откуда онъ путь держитъ и все-ли въ Царьградъ по старому, онъ сообщаетъ ему о татарскомъ погромѣ:

Наѣхалъ есть поганое Идолицо,
Святни образа были похоботы,
Въ черни грязи были потоптаны,
Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ.

Илья упрекаетъ калику, зачѣмъ онъ не выручилъ «царя-то Константина Боголюбова», и, обмѣнявшись съ Иванищемъ платьемъ, идетъ въ образѣ калики перехожаго въ Царьградъ (допросъ пойманнаго имъ татарина является далѣе дублетомъ къ предъидущему), просить у Константина Боголюбовича милостыни спасенья, а затѣмъ расправляется съ Идоломъ и татарами — какъ въ былинахъ, приурочившихъ эти событія къ Кіеву. Царь благодаритъ Илью, предлагаетъ ему остаться у него «на жительствѣ», пожаловать его воеводою.

Какъ говоритъ Илья ему Муромецъ:
«Спасибо царь ты Константинъ Боголюбовицъ!
«А послужилъ у тя стольки я три часу,

«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
 «Да я у тя еще слово гладкое,
 «Да еще увѣтливо да привѣтливо.
 «Служилъ-то я у князя Володимера,
 «Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
 «Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккіи,
 «А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
 «Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.

Тѣмъ не менѣе онъ не хочеть остаться въ Царьградѣ и, богато одаренный царемъ, возвращается въ Кіевъ. По дорогѣ онъ снова обмѣнялся платьемъ съ Иванцемъ:

Прощай-ко нунъ ты сильной могучо Иванцо!
 Впредь ты такъ да больше не дѣлай-ко,
 А выручай-ко ты Русію отъ поганиныхъ.

«Русія» подставилась въ памяти пѣвца случайно, по смѣшенію двухъ рецензій былины, приуроченныхъ то къ Кіеву, то къ Царьграду. — Подобное-же забвеніе пѣвца представляетъ одна былина у Кирѣевскаго. Въ предъидущемъ пересказѣ калика, идя изъ Іерусалима, заходилъ въ Царьградъ и далѣе рассказывалъ Ильѣ объ Идолищѣ, который обнасмилничалъ Царьградъ и царя Константина Боголюбовича. У Кир. I, 4, 22—38 Іерусалимъ и Царьградъ смѣшаны: калика Данило Игнатьевичъ говоритъ Ильѣ:

Иду я отъ града Ерусалима,
 Отъ царя Константина Боголюбова,

и рассказываетъ объ Идолищѣ, вселившемся въ Іерусалимъ. Далѣе былина развиваетъ въ общихъ чертахъ содержаніе предъидущей, но заключительныя слова не мотивированы: когда Ильѣ побилъ Идолище, и Константинъ хочеть наградить его казной, Ильѣ отвѣчаетъ:

Чтò мнѣ надобно, каликѣ переходяему?
 На приходѣ ты гостя не учествовалъ,
 На походѣ-то гостя не учествовать!

Пѣсня либо забыла досказать, чѣмъ не учествовалъ Илью Константинъ, либо перепутала послѣдовательность фабулы: въ № 48 Гильф. Илья выражаетъ такое именно неудовольствіе на Владиміра, у котораго онъ не выслужилъ ни хлѣба-соли, ни слова гладкаго; его удаленіе изъ Кіева, очевидно, мотивировано такимъ неудовольствіемъ.

Былина № 196 Гильф. не вноситъ никакихъ новыхъ чертъ въ пересказъ извѣстнаго намъ содержанія: Илья встрѣчаетъ въ чистомъ полѣ калику Иванища, слышитъ отъ него вѣсти объ Идолицѣ и Царьградѣ и, переодѣтый каликой, очищаетъ Царьградъ (сл. еще №№ 106, 178 Гильф.).

2. *Илья и Голи Кабацкія*. И въ этомъ циклѣ былинъ мы встрѣчаемъ тоже двойственное приуроченіе. У Гильф. № 239 калика идетъ по городу Кіеву, заходитъ на царевъ кабакъ, проситъ цѣловальниковъ, чтобъ они его опохмѣлили. Тѣ не вѣрятъ ему; бѣдныя голи кабацкія, мужики деревенскіе, сложились и наполнили его. Тогда самъ калика принимается угощать ихъ, насильно выкатывая у цѣловальниковъ бочки вина. Тѣ идутъ жаловаться къ Владиміру, который велитъ позвать къ себѣ калику— а тотъ идетъ по городу, кричитъ громкимъ голосомъ:

А й ты Владиміръ князь столень-кіевской!
Получай-ко сумму за зелено вино
Ты съ донского казака-ли съ Илья Муромца:
Я пойду теперь старикъ во чисто полѣ,
И на ту пойду дорогу на латынскую,
И на ту пойду заставу богатирскую,
Да подъ тотъ пойду, старой, подъ сырой дубъ.

«*Сырой дубъ*», какъ увидимъ далѣе, подставился въ народномъ произношеніи вмѣсто *Царьградъ*. (Короткій пересказъ Гильф. № 281, я обхожу).

Другія былины (Гильф. № 220, Рыбн. III, стр. 37—40) приурочиваютъ то же дѣйствіе — къ Царьграду. Илья «калика переходящая» приходитъ изъ Кіева, и повторяется рассказъ о голяхъ, при чемъ роль Владиміра играетъ царь Константинъ Бого-

любовичъ. Царь требуетъ его къ себѣ, а Илья удаляется, какъ въ предъидущей былинѣ, со словами:

Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовецъ!
 Да ищи казну за Ильей славнымъ Муромцемъ,
 Да приходилъ къ тебѣ на славу на великую,
 Да и пить зелено вино безденежно.

И онъ идетъ во чисто поле, раздернулъ бѣлый шатеръ и ложится опочивъ держать.

Можно объяснить себѣ двоякое приуроченіе однихъ и тѣхъ-же событій (Идолище; голи кабацкія) простымъ перенесеніемъ ихъ отъ одного мѣста къ другому, что легко вмѣнить самодѣтельности народнаго пѣвца. При такой постановкѣ вопроса предостояло-бы рѣшить себѣ: какое изъ двухъ приуроченій древнѣе? Но уже изъ сообщенныхъ выше пѣсенъ видно, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣлъ Идолище; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ, первоначально приуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ рассказывающихся безразлично о томъ и другомъ. Былина № 232 Гильф., дѣйствительно, распредѣляетъ оба эпизода между Кіевомъ и Царьградомъ, такъ что къ первому привязанъ рассказъ о голяхъ, а эпизодъ объ Идолицѣ отнесенъ къ Царьграду. Илья приходитъ въ Кіевъ въ образѣ калики; слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности о голяхъ. Потребованный Владиміромъ, Илья уходитъ, приговаривая:

Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
 Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
 Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,
 Ея на славу приходилъ въ стольній Кіевъ градъ,
 Да пошелъ-де Илья ко Царю-граду.

По дорогѣ онъ встрѣчаетъ «сильнаго могучаго да Иванищо», узнаетъ отъ него, что Цареградомъ «Овладѣло да поганое Издо-

лицо», отъ котораго Илья и освобождаетъ Константина Боголюбовича.

Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно. Приуроченіе Идолица къ Кіеву могло быть не случайнымъ, а вызвано какимъ нибудь мотивомъ древней былины, подобно тому, какъ упоминаніе Кіева и Царьграда въ первичной ея редакціи дало толчекъ къ безразличному географическому приуроченію пѣсенныхъ мотивовъ, на что указано выше. Въ былинѣ Гильф. № 245 Илья опохмѣляется съ голями передъ встрѣчей съ Идолицемъ въ Кіевѣ; въ другихъ сцена съ голями кабацкими въ Кіевѣ связана непосредственно съ какимъ нибудь освободительнымъ подвигомъ Ильи: онъ бился съ разбойниками (Гильф. № 249), привезъ въ Кіевъ Соловья разбойника и не былъ учтенованъ княземъ Владиміромъ (Рыбн. II, № 63), не позванъ на почестень пирь (Рыбн. I, № 18); одна былина о Калинѣ (Гильф. № 257) начинается съ разсказа о голяхъ, съ которыми Илья упивается: обливалъ шубу зеленымъ виномъ,

Самъ волочилъ по лужечку зеленому,
Онъ ко шубы приговаривалъ:
«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.
Судить ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина,
Да по этому лужечку зеленому,
А ему отъ моихъ бѣлыхъ рѣкъ плакати?»

Цѣловальники доносятъ о томъ Владиміру, наклепавъ на Илью, будто онъ пожелалъ другаго:

Да судить-ли мнѣ Богъ волочить собаку князя Владиміра.

За это онъ посаженъ въ «погребъ глубокіе», и былина развивается далѣе по типу нѣкоторыхъ пѣсенъ о Калинѣ.

Насколько расплывчивый матеріалъ былинъ позволяетъ заключеніе къ ихъ первичному составу, предшествовавшій обзоръ позволяетъ такой выводъ: въ былинахъ объ Идолицѣ эпизодъ о голя кабацкой былъ мотивированъ какимъ нибудь непризнан-

нымъ подвигомъ Ильи, который удалялся вслѣдствіе этого не признанія, либо вслѣдствіе наговора — какъ Михайлъ Даниловичъ въ побывальщинѣ о немъ. Онъ удаляется въ Царьградъ— какъ Михайликъ малорусскаго сказанія. Если въ послѣдней легендѣ эта черта, дѣйствительно, древняя (въ Костомаровскомъ пересказѣ Михайликъ даже возрастаетъ въ Царьградѣ), то мы можемъ предположить для древнихъ былинъ о Михайлѣ двойственную редакцію: по одной онъ удалялся въ Царьградъ, по другой — въ монастырь (какъ въ напечатанной выше побывальщинѣ); малорусская легенда отразила, быть можетъ, слѣды того и другаго извода, въ комбинаціи Царьграда и золотыхъ воротъ Кіева съ постнической жизнью богатыря. Вліяніе мееодіевской статьи, предположенное мною, дало этому соединенію мистическій оттѣнокъ: Михайлъ удалился, но когда нибудь вернется, какъ послѣдній императоръ греческаго откровенія.

Роль Царьграда въ русскихъ былинахъ обращаетъ на себя особое вниманіе. Илья является поочередно въ Кіевѣ и Константинополѣ не только въ былинахъ объ Идолищѣ, но и въ «Сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ», къ которому я думаю обратиться впослѣдствіи, когда текстъ этого сказанія, находящійся въ рукописи XVII вѣка (въ библ. Е. В. Барсова), будетъ изданъ въ цѣломъ либо въ вариантахъ, и такимъ образомъ откроются новые матеріалы для его критики.

II.

Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка.

Проф. Первольфу я обязанъ указаніемъ на упоминаніе Ильи Муромца въ вѣстовой отпискѣ Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому «изъ Орши, 1574 года, Августа 5 дня». Это — на 20 лѣтъ раньше извѣстнаго свидѣтельства Эриха Лассоты (1594 г.) о гробницахъ Ильи Муромца и его товарища, видѣнныхъ имъ въ одномъ придѣлѣ кievской св. Софіи. Русскій былинный эпосъ, при своей несомнѣнной древности, такъ бѣденъ регестами, которыя позволили-бы прослѣдить его развитіе въ прошломъ, что всякое новое свѣдѣніе о немъ является не лишнимъ. Я не стану преувеличивать значеніе сообщаемаго здѣсь; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былинъ, такъ какъ Воловичу должны-же были быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное. Многія изъ свидѣтельствъ, собранныхъ В. Гриммомъ въ его *Deutsche Heldensage*, не имѣютъ иной цѣли, какъ доказать, хотя-бы и позднее, распространеніе извѣстныхъ эпическихъ сюжетовъ въ литературѣ и народномъ преданіи.

Письмо Кмиты было дважды издано: въ первый разъ Малиновскимъ и Пржездзецкимъ (Zrządła do dziejów polskich, wyd. przez M. Malinowskiego i A. Przezdzieckiego, t. II, Wilno, 1844, стр. 287—292), во второй Археографическою комиссіею (Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. III, Спб. 1848, № 58, письмо XIV, стр. 174), послѣднею — въ видѣ извлеченія, на что указываютъ точки, иногда (и не вездѣ, гдѣ-бы слѣдовало) поставленныя въ текстѣ. Этотъ способъ изданія позволилъ сократить письмо Кмиты на одну пятую его часть; вмѣстѣ съ другими сократилась и интересующая насъ подробность объ Ильѣ Муромцѣ.

Я приведу начало письма по изданію Малиновскаго, отмѣчая въ немъ курсивомъ мѣста, сохраненныя Археографической комиссіею. Это уяснитъ соотношеніе двухъ текстовъ.

Jasne welmożny miłostiwuj pane trockij, pane, pane mo miłostiwuj!

O nowinach hodnych wiadomosci waszej m. p. m. m., zwłaszcza o posłancach j. kr. m. do Moskwy, o przyjściu ich do Orszy, postanowieniu na granicach Awhusta perwoho dnia, o tom wsem dałem już osobliwym listom moim do wsich w obce w. m. panow Rad wiadat'; s ktoroho mam za to: że w. m. m. m. pan sprawit' raczył, jako i listy jeho korolewskiej miłosti panow posłanczow doszli, ktorzyje znat' czerez pana Suchodolskoho iti mieli. A szto sie potem ponowit, nieomieszkam w. p. m. dat' znat'. A na tot czas, z łaski Bożoj, z owej strony ticho, i peremirja sie doczasnoho spodiewamy, i tut o wsiem sie tom s pany sekretary, wedle nauki w. m. panow namowiło i sprawiło, i o innych sprawach nieprzyjatelских, wiadomostiej wszelakich, ich miłostiam oznajmiło, wontpit' (?) w. panskim miłostiam niepotrzeba. W ktoroj otprawie doszlo mie pisanje w. m. m. m. pana, s Polski pierwiej sieho, i tepier, czerez sluzebnika mojeho Zuba, o otjechanie hosudarskoje i o inszije riezcy, ktoroje, miłostiwuj hosudariu, chotiaz podoloznoje ale Bohodochnowennoje niedarmo movi pismo: «zapowied' hospodnia iz dalecze proswieszczajuszczecze oczy», a nie-

tolko oczy, ale i serce moje oswietilo. *Diwnyje sut' sud'by Bożi! my ot worot, a on diroju won. Nie tolko nam to rozumieti, ale takoho hosudarskoho otjechania wsemu swietu niewmiestiti. Nieslychana ot wieku, aby chto sleporożenu otworył oczy: tak i pomanzańcu Bożemu tym sposobom od poddanych swoich ujechati!* Owa wtoryj jest Neptonow! *by tu w. m. p. m. m. uszy swoi miel, jakijże okolo toho szmer na Moskwie, jakij pry hranicach! Strach Bożij! O wsem wse wiedajut, prekladajuczy to żiwot hosudarskij, jako był w rukach naszych, котораја jemu była wczastnost, jakij pokoj, jakowaja wdіacznost', szto za roskosz, szto za posłuszeństwo, jakaja soromota czerez ceduły za oczy i w oczy, jaka prespiecznost' zdrowia jeho, jaka tepier obelziwost', pochwałki, odpowiedi! jesliby czoho komu niedał, jesliby też wedle prawa komu sudił, wytiehajuczy remienja z nas, i szto za wichowanje miel, uruhania, posmiechu, prikrostiej, samemu i słuham jeho Francuzam, rozberaniem majetnosti jeho, imenej, skarbów, diw Bożij i strach Bożij! Niewymowit', niewypisat' toho czołowiek nie może, и т. д.*

Перехожу къ интересуещему насъ эпизоду письма: «Słowiesa hospodnia, słowiesa czysta, Ty nas, Hospodi, sochraneszы i sobludeszы ny ot roda»¹⁾. — *Pan i hosudar moj miłostiwuj, piszesz o ostrożnost moju, jesliby i powtore w takich słuśbach rozkazowano i używano, abym sie opatrował jako j. m. pan Haraburda. Hosudaru pane! i kaszy nie chcuzu, i po wodu nie idu. — Pisse mi hosudarinia moja pani trockaja: ożohszysia na mołoce weleno na wodu dut'. Ja toho i pierwiej nie znał szto czynit', tolko szto weleno czynit' toje czynit'*²⁾; a seje pisanije w. m. hosudariej moich...³⁾ Boh i slepomu oczy otworit i wse pered w. m., da Boh,

¹⁾ Интересно употребленіе рода въ смыслѣ *земли*, по смѣшенію *земля* съ *челвкъ*. Примѣры см. у Миклошича, Lex., а. в. родъ. См. въ Ирвинномъ мученіи (Тихомировъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 151): плодъ бо суть родствоу огни.

²⁾ На этомъ кончается письмо въ изданіи Археограф. комиссіи, и слѣдуетъ помѣтка: «Данъ зъ Орши, року 74, Августа 5 дня».

³⁾ Точки въ изданіи Малиновскаго.

prijechaniem moim okažu, tolko, hosudaru, czołom bju o nauku, czy źdati mnie posłancow z Moskwy, abo zaraz jechati, szto bych rad serdecznie uczynił aby u Wilnie w. p. m. zajechał. A szto w. m. pan moj miłostiwuj raczysz pisat', iż j. m. pan podskarbi, za pryczynoj u w. m. panskoju, obiecał menie czymkolwiek na strawu mnie i na posłańcy obslati, ino hosudariu niczoho mi nie posłał j. m. Nieszczasnyj jeśmi dworanin, zhib jesmi w nendzy, a bolsz z żalu: ludi na kaszy perejeli kaszu, a ja z hołodu zdoch na storoży. Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Iii Murawlenina i Sołowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet służb naszych potreba. — Въ концѣ письма Кмита еще разъ возвращается къ тѣмъ-же жалобамъ и просьбѣ о помощи.

Какимъ образомъ Кмитѣ подвернулась память о богатыряхъ — видно изъ связи, въ какой они являются въ письмѣ. Онъ самъ стоитъ на сторожѣ, погибая съ голода и холода; такъ ставвали на заставахъ старые богатыри. Ими также небрегли, какъ часто Владиміръ Ильею, но въ минуту опасности ихъ службъ бываетъ «надобѣ», и Владиміръ кланяется Ильѣ, котораго передъ тѣмъ засадилъ въ погребъ:

Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!
 Съѣзди, постарайся ради дому пресвятныя Богородицы,
 И ради матушки свято-Русь земли. (Рыбн. III, № 35).

«Муромецъ» — обычное прозвище Илья въ русскихъ былинахъ; въ этомъ отношеніи интересно, что два независимыя другъ отъ друга свидѣтельства о немъ, оба XVI вѣка, даютъ другую форму его имени: у Кмиты *Муравленинъ*, у Лассоты *Morowlin*, съ которымъ проф. О. Миллеръ¹⁾ сближаетъ Илью *Муровца* въ рассказѣ, заимствованномъ изъ записной книги разстриженнаго единовѣрческаго монаха Григорія Панкѣва²⁾.

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 300 прим. 108; сл. 1. с. стр. 261.

²⁾ Къ какой мѣстности относится преданіе, рассказанное Панкѣвымъ, изъ сообщенія проф. О. Миллера стр. 261 не ясно.

Соловей Будимировичъ въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, еслибы не представлялась вполнѣ естественной догадка, что имя перваго явилось случайно, на мѣсто любого другаго богатыря, и внѣ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будимировичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ — богатырь приѣзжій, и соединеніе его съ кievскимъ цикломъ чисто внѣшнее: я разумью тѣ былины, въ которыхъ Илья и съ нимъ другіе богатыри являются на кораблѣ Соколѣ (Кир. I № 7, стр. 22—23, № 5 стр. 40—41; Тихонравовъ, Лѣтописи, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11); такъ названъ чудесный корабль Соловья въ пѣснѣ о немъ у Кирши Данилова (№ I), и нѣкоторыя подробности описанія однѣ и тѣ-же, тамъ и здѣсь:

Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному (Кирша).
Бока сведены по звѣриному,
А нос-о-тъ да корма по звѣриному (Кир. I, р. 22).

Замѣтимъ, впрочемъ, что другія извѣстныя намъ редакціи былины о Соловѣѣ, представляя сходныя черты въ описаніи корабля, умалчиваютъ о названіи его Соколомъ — если, вообще, Соколъ — прозвище, а не эпитетъ:

Одинъ корабль получше всѣхъ:
У того было у сокола у корабля и т. д. (Кирша)
Плавать соколъ-корабль ровно тридцать лѣтъ
(Кир. I, стр. 22).

Общія черты былины о Соловѣѣ во всѣхъ записяхъ существенно однѣ и тѣ-же: исключеніе составляетъ редакція у Кирши съ эпизодомъ о «голомъ шалѣ Давидѣ Поповѣ», котораго не знаютъ другіе пересказы: эпизодомъ, если не вторгшимся цѣликомъ въ первичныя рамки пѣсни, то во всякомъ случаѣ сильно ихъ измѣнившимъ. Въ слѣдующей передачѣ содержанія я приму его въ расчетъ лишь условно ¹⁾.

¹⁾ Въ основу слѣдующаго пересказа взять текстъ Кирши.

Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будимировича ¹⁾

Вѣдутъ ко городу [ко] Кіеву.

Всѣ они изукрашены богато, получше всѣхъ соколъ-корабль, оснастка котораго изображена въ фантастическихъ чертахъ, разнообразившихся въ дальнѣйшихъ перепѣвахъ: это — какой-то чудный, морской звѣрь, вмѣсто очей у него вставлено по яхонту, вмѣсто бровей прибivano по соболю, вмѣсто гривы — двѣ лисицы бурнастыя и т. д. И въ остальномъ устройствѣ та-же диковинная роскошь, какъ въ подаркахъ Владимиру и его книжникѣ: соболя и лисицы и «камка бѣлохрущатая»:

Недорога камочка — узоръ хитерь:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замысли Соловья [сына] Будимировича.

Владимиръ предлагаетъ ему для подворья княжескіе и боярскіе дворы; но Соловей отказывается отъ этого:

Только ты дай мнѣ законъ земли,
Непаханная и неоранная,
У своей, осударь, княженецкой племеницы,
У молоды Запавы Путятинны, ²⁾
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеня, въ оршениа
Построить мнѣ Соловью снаряженъ дворъ.

¹⁾ Гильф. № 53: Гудимировичъ; № 68: тоже; Рыбн. III № 32 и 33: Будимировичъ и Гудиморовичъ.

²⁾ Рыбн. IV, № 11: Забава Путятична; ib. III, № 32: Забавушка Путятична; II, № 31: Любава Путятична; I, № 53: Забава Путятична; № 54: Любавушка Запавична. — Гильф. № 36: Забава Путятична; № 53: Любавушка Забавишна; № 68: Забавушка Путятична и Утятична; № 199: Забава Путятична; № 208: Забава Путятична.

Иначе выражено это желаніе Гильф. № 68 (сл. Рыбн. III, № 31; IV, № 11):

Есть у тя молода племянница,
 Молода Забавушка Путятична,
 У ней какъ есть во зеленахъ садахъ
 Дубинца вязь повѣрощеноѣ:
 Позволь-ко мнѣ-ка нунь су (такъ!) повѣрубити,
 Изъ саду вонъ мнѣ повѣметати,
 Построить мнѣ да тамъ три терема,
 Со трѣми со сѣнями съ нарядными.

Подробность о «зеленомъ садѣ» княжеской племянницы принадлежитъ къ несомнѣнно основнымъ чертамъ пѣсни, хотя инныя редакціи еѣ забыли или исказили¹⁾. Слѣдуетъ помнить, что Соловей прѣхалъ свататься, что его поѣздка, въ сущности, брачная: съ этой точки зрѣнія его подарки представляются свадебными, а его просьба Владимиру освѣтится символикой русскихъ свадебныхъ пѣсень. Соловей просить отвести ему загонъ земли «непаханой, неораной», въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орешеньѣ; онъ хочетъ повѣрубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвчества — садомъ-виноградомъ: это «вишневый садойко», который дѣвушка садить, холить — и который грозитъ вытоптать женихъ съ поѣзданами:

*Ой ходила Марися по новимъ двору,
 Сіяла садъ-виноградъ съ прилолу,
 Забула воритечки заченити,
 Ажъ мусіла батенька просити:
 «Ой піди-жъ, мій батеньку, зачини воритця:
 Якъ приде Иванъ зъ боярами,
 То витопче садъ-виноградъ кониками²⁾,*

¹⁾ Рыбн. I, № 34: терема ставятся середь города, середь рыночка; сл. Рыбн. II, № 31: на горку на конную, Во тотъ-ли садъ во Путятичной (сл. Гильф. № 36: подите-тко на горку вы на конную; садъ забыть); Гильф. № 53 (середь города да середь Кіева).

²⁾ Труды этнограф. стат. эксп. въ западно-русс. край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-зап. отдѣл. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. IV, стр. 70—1, № 19.

либо: То потопче мої квіти чобітками,
Повносить за ворота підівками ¹⁾ и т. п.

Великорусскимъ пѣснямъ знакомы тѣ-же представленія «зеленаго сада, винограда», «вишенья», куда залетають соловей, соколы-женихъ ²⁾, топтанья муравы, порчи сада:

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая.
Кто ту траву топталъ,
Кто ту топталъ шелковую?

.
Ай топталъ Николай сударь,
Ай топталъ Ивановичъ.

Или отецъ невѣсты спрашиваетъ:

Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
Кто жельзну тымъ переломилъ?
Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ? ³⁾

То-же у бѣлоруссовъ:

За сѣнями, сѣнями зялёнь садъ,
Нихто ў тымъ садзѣ ня бываецъ,
Одна только Ганулька гуляецъ:
Синіи васильки сѣяла,
А чарвоную рожу садзила. . . .
Тогда прыгсай Супронька самъ-дзесять,
Пустнѣ коника ў зяленъ садъ,
Синіи васильки потоптай,
Чарвоную рожу сорвай ⁴⁾.

Образы сада, попорченной лозы и т. п. не безызвѣстны въ эрозической пѣснѣ другихъ народовъ; сорванная роза лежитъ въ основѣ аллегоріи Roman de la Rose.

¹⁾ I. с. стр. 288 № 732; сл. стр. 113 № 136, стр. 121—2 № 150—151, стр. 178 № 349 (сл. ib. p. 326 № 862).

²⁾ Шейнъ, Русск. нар. пѣсни стр. 414 № 4, стр. 484 № 13.

³⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, т. I, кн. 3-я, стр. 116, № 33; стр. 136, № 104 (стр. 151, № 169).

⁴⁾ Шейнъ, Бѣл. нар. пѣсни, стр. 475, № 67.

Въ связи съ этой символикой стоитъ и просьба Соловья, только что значеніе ея затемнилось образомъ диковинныхъ теремовъ, вырастающихъ за одну ночь въ саду Запавы подъ булатными топориками работныхъ людей. Когда на утро проснулась Запава, златоверхіе терема показались ей видѣніемъ: посмотрите-тко, говоритъ она нянюшкамъ и мамушкамъ, «что мнѣ за чудо показалося». Тѣ отвѣчаютъ: «Матушка, Запава Путятшна! Изволь-ко сама посмотри: Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло». И Запава наряжается, идетъ въ свой зеленый садъ:

У перваго терема послушала:

Туть въ теремѣ щелчить-молчить —

Лежить Соловьева золота казна;

Во второмъ теремѣ послушала:

Туть въ теремѣ по тихоньку говорятъ,

По маленьку говорятъ, всё молитву творять, —

Молятся Соловьева матушка

Со вдовы честны, многоразумными;

У третьяго терема послушала:

Туть въ теремѣ музыка гремитъ:

Играеть Соловей на гуслихъ ¹⁾).

Входила Запава въ сѣни косящата,

Отворяла двери на пату —

Больно Запава испугалася,

Рѣзвы ноги подломилися,

Чудо въ теремѣ показалося:

На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,

На небѣ мѣсяцъ — въ теремѣ мѣсяцъ,

На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,

На небѣ заря — въ теремѣ заря

И вся красота поднебесная.

Мѣсяцъ, солнце, звѣзды въ теремѣ (сл. Рыбн. III, № 33; IV, № 11) напоминаютъ такой-же параллелизмъ колядокъ, только въ былинѣ онъ не выдержанъ и не примѣненъ въ полнотѣ. Бе-

¹⁾ Сл. Рыбн. I № 53, в. 220 слѣд.; № 54, в. 209; IV № 11, в. 119; III № 32 в. 149 и др.

ремъ на выдержку отрывокъ бѣлорусской колядки ¹⁾: колядовщици просятъ хозяина — выглянуть на свой дворъ:

Ё твоемъ дворку якъ ё ванку, —
 Увесь тыномъ тынинь,
 Тыномъ тынинь, ёсё жалёзнымъ,
 Вороцити ёсё золотые,
 Вєрвички ёсё мидзяныє,
 Замочки витранне,
 Подворотница — рыба косточка.
 Иване слаўный пане!
 Ё твоемъ дворку якъ ё ванку:
 Пяць цярамоў зь прицаромькамі,
 Ё водномъ цяраму — ясенъ мѣсяць,
 А ё другимъ цяраму — ясна зоружка,
 Ё треццимъ цяраму — буйны вѣтры,
 А ё чатвертымъ цяраму — дробны звѣзды,
 Да ё пятымъ цяраму — ясны зоры,
 Ясны зоры, ясно соўнца.
 Ясенъ мѣсяць — самъ Иванька,
 Ясна зора — яго жѣнка,
 Буйны вѣтры — яго сыны,
 Дробны звѣзды — яго цурки,
 Ясны зоры — яго навѣстки.

Уподобленія такого рода встрѣчаются и въ свадебныхъ пѣсняхъ, напр. въ слѣдующей корованой:

Бувавъ-же я, чувавъ-же я .
 Місяца зь зорю.
 Не есть-же то, не есть-же то
 Місяць изь зорю,
 А есть-же то, а есть-же то
 Иванко зь жоною,

или: «ясенькій місяченько» — то «ридненькій батенько», «ясная зуронька» — «ридная матюнка» ²⁾. Символика обрядовой пѣсни

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 45—7, № 91.

²⁾ Чубинскій, 1. с. стр. 245, № 584; стр. 378, № 1056.

шла на встрѣчу хитрымъ украшеніямъ терема, замысламъ Соловья Будимировича, и должна была сливаться съ ними.

Соловей играетъ на гусяхъ; сидитъ на стулѣ червленомъ, золоченомъ, забавляется съ дружиной, — говорится въ нѣкоторыхъ редакціяхъ пѣсни (Рыбн. I № 54; Гильф. № 53). Увидѣвъ Запаву, онъ

Бросилъ свои звончаты гусли,
 Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
 Кладъ на кровать слоновыхъ костей,
 Да на тѣ-ли перины пуховыя:
 «Чего-де ты, Запаву, испужалася?
 Мы, де, оба, на возрастѣ». —
 А и я, де, дѣвица, на выданьѣ,
 Пришла, де, сама за тебя свататься.
 Тутъ они и помолвили.

Въ № 199 Гильф. Соловей приглашаетъ Запаву сѣсть на ремечать стулъ,

А стали они играть во шахматы.
 А ѣ тутъ-ли Соловей снѣ Будимировичъ,
 Разъ тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ,
 Другой тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ,
 Третьей тотъ сыгралъ, Запаву поигралъ.
 А говорить тутъ Запаву дочь Путятична:
 «Ахъ молодець ты заужишекъ добръ!
 Кабы взялъ за себя, я-бы шла за тебя».

Приведемъ нѣсколько параллелей изъ свадебныхъ пѣсень.

Молодець-женихъ играетъ на гусяхъ:

Ой у полі садочокъ некритий,
 Зеленою рутонькою обвитий,
 А въ тому садочку никто не бувавъ,
 Молодой Ивашко въ гуслі гравъ
 И свою Марусю підмовлявъ ¹⁾

¹⁾ Чубинскій I. с. стр. 86, № 68.

Ай ты свѣтъ мой, свѣтлая свѣтлица,
 Ахъ ты свѣтъ-ли моя, столовая горница,

 На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена,
 Косяцатыми овошками во зеленый садъ,
 Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
 Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ,
 Наставлены столы-то всё дубовые,
 Разостланы скатерти бранныя;
 А за тѣмъ-ли столомъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ,
 Онъ игралъ во гусли звончатыя,
 Онъ наигрывалъ волю, волю батюшкину,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
 Приходила гусли слушать Ольга душа,
 Приходила гусли слушать Аеанасьевна и т. д. ¹⁾

Игра съ шахматами:

Течеть винная рѣченъка,
 Сахарная источинка,

 Далеко рѣка во садъ прошла,
 Не далече во зеленый протекла.

 У родителя у батюшка
 Было умное дитяго,
 Было умное разумное,
 Было тихое смиренное.
 Оно ходило, похаживало,
 Гуляло погуливало,
 По высокимъ новымъ горницамъ,
 Изъ горницъ въ шатеръ взошло
 Къ удалому добру молодцу.
 Она будила, пробуживала:
 Ужь ты встань душа, умный мой,

¹⁾ Сахаровъ I. с. стр. 198, № 4.

Я пришла къ вамъ разгуляться,
 Во игры играть, во шахматы.
 Обыграла красна дѣвица душа
 Удалого добра молодца,
 Проигрался удалой молодецъ, —
 Съ правой руки значенъ перстень,

 Проигралася красна дѣвица душа
 Удалому добру молодцу,
 Проиграла свою волю волюшку ¹⁾.

Слич. слѣдующій вариантъ

Ты рѣка-ль моя рѣченька,

 У тебя-ли, у рѣченьки,
 Берега были хрустальные,
 А пески были жемчужные;
 Какъ на томъ-ли на бережку,
 Что стоялъ бѣлтонкой шатерь,
 Ужъ какъ вышла дѣвица изъ терема,
 Что пришла ко бѣлу шатру,
 Что будила, побуживала
 Удалаго, добраго молодца.

 «Я пришла позабавиться
 Въ политавры (?) во золотны».
 Проиграла красна дѣвица,
 Проиграла золотъ перстень и т. д. ²⁾

Игра въ шахматы, тавлеи нерѣдко служила средневѣковымъ поэтамъ для любовной символики; нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко и реально, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи Вильгельма IX, графа Пуату (*Ben voill que sarchon li pluzor*).

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи, часть вторая: Народная словесность (Москва 1878), стр. 88, № 9 (изъ Мезени).

²⁾ Сахар. I. с. стр. 113, № 24.

Выборъ дъвоушкой суженаго: она выходитъ изъ терема, на широкій дворъ, въ зеленый садъ, садилась за дубовый столъ, смотрѣла пріѣзжихъ гостей, «выбирала себѣ суженаго»; «ужъ выбравши любовалася, — любовалася, красовалася: — ужъ какъ-то онъ мнѣ понравился, — ужъ какъ-то онъ мнѣ по сердцу» и т. д. ¹⁾).

Вернемся къ разбору былины. Выше было замѣчено, что текстъ Кирши кончается эпизодомъ, котораго не знаютъ другіе пересказы: мать Соловья — непременно являющаяся въ сообществѣ сына во всѣхъ былинахъ о немъ — прослышала о его помолвкѣ и отсрочиваетъ свадьбу: пусть сначала поѣдетъ за море, расторгнется и тогда уже женится. Отсутствіемъ Соловья пользуется «голой шаль Давидъ Поповъ», рассказываетъ, что видѣлъ Соловья за моремъ, гдѣ онъ попалъ въ «протаможье», и что корабли у него отобраны. Владимиръ закручинился, но вскорѣ вздумалъ о свадьбѣ: отдать Запаву за Давида Попова. Въ самый день свадьбы пристають къ Кіеву корабли Соловья; онъ и его дружина въ каличейскомъ платьѣ, но Запава тотчасъ-же узнаетъ своего «обрученнаго» жениха, пошла съ нимъ за столы бѣлодобовые, на большое мѣсто, а надъ Давидомъ Поповымъ смѣется: здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать! Это — слова Добрыниной жены къ Алешѣ Поповичу въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ. На сходство нашего эпизода съ такимъ-же окончаніемъ послѣднихъ указано было уже въ примѣчаніи къ былинѣ Кирши въ изданіи пѣсень Кирѣвскаго; слѣдуетъ, быть можетъ, пойти и дальше, посмотрѣвъ на весь этотъ эпизодъ, какъ на перенесенный изъ былинь о Добрынѣ. Поводомъ къ тому могло послужить имя *Запавы*, общее пѣснямъ о Соловьѣ и былинамъ о Добрынѣ, хотя и не специально тому ихъ циклу, въ которомъ Алеша *Поповичъ* является въ роли Давида *Попова*. Заключить изъ этого перенесенія, что первоначально въ пѣсняхъ о Добрынѣ Запава занимала иное мѣсто, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ пере-

¹⁾ I. с. стр. 122—123, № 56.

пѣвахъ, я пока не рѣшусь. Ясно, во всякомъ случаѣ, что о ней пѣли и при Соловьѣ, и при Добрыньѣ, иначе становится непонятнымъ нарощеніе пѣсни у Кирши, чисто внѣшнее, потому что сюжетъ пѣсни естественно исчерпывался бракомъ. Такъ въ большинствѣ записанныхъ послѣ Кирши былинъ; если въ № 208 Гильф. и Рыбн. I № 53 этого нѣтъ, и Соловей уѣзжаетъ, не сочетавшись бракомъ съ Запавою, то объясняется это своеобразнымъ пониманіемъ ея типа, котораго нѣтъ и слѣда въ редакціи Кирши. У него Запавъ говоритъ Соловью, что сама пришла за него свататься — и они помолвились. У Рыбн. I № 54 = Гильф. № 53 на такое-же предложеніе Запавы Соловей отвѣчаетъ:

Ты всѣмъ мнѣ, дѣвушка, во любовь пришла,
Однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла,
Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь.

Тѣмъ не менѣе онъ ѣдетъ свататься за нее къ Владиміру и, лишь исполнивъ эту обрядность, принимаетъ съ ней златые вѣнцы. У Рыбн. II, № 31 онъ ограничивается однимъ замѣчаніемъ Запавѣ и новаго сватовства нѣтъ (то-же ib. III, № 32, IV № 11; Гильф. № 199), или онъ посылаетъ её напередъ къ Владиміру — бить ему челомъ, «чтобы онъ завѣлъ какъ нынѣ почестный пиръ» (Гильф. № 68). — Очевидно, сватовство Запавы понято было, какъ нѣчто выходящее изъ обрядоваго приличія; вотъ почему иные пѣвцы и не довели её до свадьбы, заставивъ Соловья собрать свои значеные терема и отѣхать въ свою землю. У Кирши не видно такого отношенія къ дѣвицѣ-самокруткѣ, просватывающей самое себя, какъ Петруша сербской пѣсни, которая даже похищаетъ себѣ жениха: многіе домогались ея руки, приходили со всѣхъ концевъ свѣта, она всѣмъ отказываетъ, просить отца:

Вѣи ти бави орахову грађу,
И набави тридесет мајстора,
Те ми гради орахову лађу,
И у лађи тридесет весала,
Свако весло дрво шимширово,

И у лађи тридесет возара,

 И у лађи шеја свакојака
 А при томе вина и ракије,
 А највише перја окатога.

На этой чудной ладѣ, напоминающей корабль Соловья Будимировича, Петруша ѣдетъ въ столичный Бѣлградъ, чтобы достать себѣ въ мужья красиваго Влаховича Стояна. Сестра его пришла къ берегу по воду, когда увидѣла диковинный корабль, о которомъ рассказала брату; тотъ отправился поглядѣть на него, его приняли и напоили и пьянаго увезли; когда онъ проснулся на третій день, онъ былъ женихомъ Петруши ¹⁾. Петруша — дочь Ледьянскаго царя; попытка объяснить названіе Леђана была недавно сдѣлана Новаковичемъ и привела его къ слѣдующимъ результатамъ: Лахъ, т. е. полякъ, выражается у мадяровъ словомъ lengyel; отсюда сербское Ledianin (= legjanin), прозвище венгерскаго короля Владислава, т. е. польскій, полякъ; съ забвеніемъ смысла этого прозвища, Ледьянинъ былъ понятъ какъ живущій, властвующій въ какомъ-то городѣ Ледьянѣ и т. д. Сомнѣніе, что Ледьянъ, можетъ быть, = Млѣтки, Венеція, устраняется, по мнѣнію Новаковича, той-же пѣсней о Петрушѣ, которая сама родомъ изъ Ледьяна, тогда какъ за неѣ сватается, между прочимъ, какой-то Марко изъ Венеціи. Такое соединеніе названій, само по себѣ, еще не ведетъ къ заключенію, что Ледьяна не слѣдуетъ искать въ Венеціи, такъ какъ древнія и новыя, забытыя и живыя названія одной и той-же мѣстности легко могутъ соединяться въ одной и той-же пѣснѣ.

Нашъ Соловей такой-же приѣзжій, какъ и Петруша. Откуда онъ родомъ? Онъ изъ за моря *синяго*, «отъ славнаго города *Леденца*» (Кирша); «изъ-за славнаго синя моря Вольнскаго, Изъ

¹⁾ Novaković, Vila 1866 p. 425; сл. того-же автора: Ueber Legjan-grad (Ledjan-stadt) der serbischen Volkspoesie, у Jagić'a, Archiv. f. slav. Philologie, III, 124—130.

за того *Кодольскаго* острова, Изъ за того лукоморья зеленаго» (Рыбн. I, № 53); съ синя моря съ *Турецкаго* (ib. I, № 54, сл. Гильф. № 36, 53, 199), «изъ за того-ли (было) острова *Кодольскаго*, — той-то земли *Веденецкія* (Рыбн. II, № 31); изъ за горы Сорочинскія, изъ того-ли острова *Кодольскаго*, изъ славнаго моря за *Дунайскаго* (ib. III, № 32); изъ за острововъ *Кодольскіихъ* (ib. III, № 33); изъ за моря за *Дунайскаго*, изъ за острова *Кодольскаго* (Гильф. № 68); по морю по Веряйскому, по морю по *Дунайскому*, изъ за острова *Кодольскаго* (ib. № 208; сл. Рыбн. IV, № 11: море Вирянское; «по синю морю Верейскому» въ одной свадебной пѣснѣ у Снегирева, Русск. Простонародн. праздники, IV, стр. 181). Свести эти показанія, съ цѣлью доискаться настоящихъ названій, едва-ли возможно. Синее, Турецкое, Дунайское море указываютъ на югъ; Леденець и Веденецкая земля несомнѣнно стоятъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вм. Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (ркл. Е. В. Барсова, XVII в.): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: «Корлязи, *Вендици*, Фрягове». Леденець легко бы объяснить искаженіемъ Веденца; аналогія Ледяна устраняется объясненіемъ Новаковича. — Кодольскаго острова я потому не рѣшаюсь объяснить, что на форму имени могло подѣйствовать созвучіе. Сл. Рыбн, III, № 32:

У якорей колечки серебряные,
У колечиковъ *кодолы* съ семи шелковъ.

Кодолы толкуются: толстые канаты (сл. Рыбн. I, № 53, стр. 326 v. 21).

Обобщая сказанное нами въ разборѣ былинь о Соловьѣ, мы будемъ скромны въ выводахъ. Въ основѣ—это былина о брачной поѣздкѣ какого-то заморскаго молодца, прельщающаго свою невесту роскошными диковинками; это — не былина объ увозѣ невесты. Что другое, какъ не брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ — разработать его общими мѣстами пѣсенной

свадебной символики? Оттуда указанные мною аналогіи. — Необходимо предположить, что прошло много времени, прежде чѣмъ Илья Муромецъ и другіе богатыри собраны были на кораблѣ-Соколѣ, т. е. сдѣлался возможнымъ синкретизмъ, обличающій упадокъ народной поэзіи, въ родѣ того, который свелъ въ поэмѣ о Rosengarten'ѣ героевъ различныхъ цикловъ нѣмецкаго эпоса. Если сопоставленіе Ильи и Соловья Будимировича въ отпискѣ Кмиты позволено истолковать въ томъ смыслѣ, что оно было навѣяно какой нибудь изъ подобныхъ синкретическихъ былинъ, то слѣдуетъ предположить, что въ концѣ XVI вѣка былина о Соловьѣ была уже древнею.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ XXXVI, № 3.

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

III — XI.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Ноябрь 1884 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

III.

Былины о Саулѣ Леванндовичѣ и греческая пѣсня объ Армури ¹⁾.

Проф. Дестунисъ описалъ и отчасти обнародовалъ содержаніе сборника, помѣченнаго въ каталогѣ греческихъ рукописей Имп. Публ. Библиотеки №-мъ ССII-мъ. Содержаніе это слѣдующее:

1. (Заглавія нѣтъ, но оно можетъ быть возстановлено по изданію Вагнера) Διηγησις παιδιοφραστος των τετραποδων ζωων.
2. Διηγησις του παρικολογου.
3. Προς τον ανεψιον αυτου ο κυρ σπανι παραγγελι του με ποδον εις τα ξενα.
4. Του Αρμουρι.
5. Περι της αναλωσεως και της αιχμαλοσιας ην γεγωνεν ηπω των Περσον εις αττικιν αδυνα.
6. ἃ β̄ συνακτικι περι πεδευσεως ανθρωπου.
7. Ο πουλολογος.
8. Заглавія нѣтъ; первый стихъ: Εδα συναξου λογισμε και λεπτηνη μου γνωσι.

¹⁾ Содержаніе этой и двухъ слѣдующихъ главъ (IV, V) воспроизводитъ отчасти мою статью, помѣщенную въ Archiv f. Slav. Philologie, т. III, стр. 549 слѣд.: Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos.

9. Заглавія недостають; первый стихъ: ω παραδόξος συμφορά,
 ω σκοτισμα ανθρωπων.

Изъ 9 номеровъ сборника №№ 1, 2 и 7 были изданы по другой рукописи Вагнеромъ въ его Carmina graeca mediae aevi (Lipsiae, 1874); №№ 4 и 5 напечатаны впервые проф. Дестунисомъ по петербургскому тексту ¹⁾, время написанія котораго можетъ быть опредѣлено приблизительно. Въ «Шуточномъ разсказѣ о четвероногихъ животныхъ (Διγῆσις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων) говорится, что споръ между ними произошелъ въ 1365-мъ году; стихотвореніе, помѣщенное въ № 5 нашего сборника: «О завоеваніи и покореніи Аттической Аѳины Персами» (περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰγυμαλοσίας ἢ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθῆνα) относится, по мнѣнію издателя ²⁾, къ извѣстному покоренію Аѳинъ Турками въ 1456 году. Если такъ, то мы получили terminus a quo нашей рукописи, которая могла быть списана лишь позже этого событія. По общему характеру письма можно-бы отнести её къ значительно поздѣйшему времени, замѣчаетъ проф. Дестунисъ ³⁾, отказываясь отъ болѣе точнаго опредѣленія за недостаткомъ необходимыхъ данныхъ.

Перломъ сборника является историческая пѣсня-былина объ Армури, значительно обогащающая наши свѣдѣнія о народномъ, средне-греческомъ эпосѣ, достойно становящаяся рядомъ съ извѣстной пѣсней: о сынѣ Андроника ⁴⁾ — и тѣми древнѣйшими

¹⁾ Объ Армурѣ, греческая былина византийской эпохи. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Гавріиль Дестунисъ. Τοῦ Ἀρμούρη, ἄσμα δημοτικὸν τῆς Βυζαντινῆς ἐποχῆς, ἐκδοθέν, ῥωσιστὶ μεταφρασθὲν καὶ διεξηγηθεὺς παρὰ Γαβριὴλ Δεστούνη. Ἐν Πετρούπολει, 1877. — О покореніи и плѣненіи, произведенномъ Персами въ Аттической Аѳинѣ. Греческое стихотвореніе эпохи турецкаго погрома. Издалъ, перевелъ и объяснилъ Г. Дестунисъ. СПб. 1881.

²⁾ Армури, стр. I—II.

³⁾ Ibid. стр. III.

⁴⁾ Сл. Max. Büdinger, Mittelgriechisches Volksepos, Leipz. 1866; Legrand, Recueil de chansons populaires grecques (Paris 1874). Сл. теперь Дестуниса, Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средне-вѣковаго періода (1888 г.), стр. 68 слѣд.

пѣснями-былинами, которыя легли въ основу поэмы о Дигенисѣ. — Пѣсня объ Армури дошла до насъ въ неполномъ видѣ; сохранилось всего 200 стиховъ, но недостаетъ, очевидно, немногого; по моему мнѣнію усѣченъ конецъ; попытка возстановленія предложена будетъ дальше. Что касается до заглавія, то начало ех mediis rebus совершенно въ стилѣ народной эпикѣ и не даетъ повода предположить здѣсь какой-бы то ни было пропускъ. — Герой носить имя Армури, такъ названъ и его отецъ; издатель не пытается объяснить намъ это имя или прозвище ¹⁾ и позволяетъ себѣ лишь въ общихъ чертахъ опредѣлить историческія отношенія самой пѣсни. Они указываютъ на продолжительный періодъ борьбы Византійцевъ съ Сарацинами въ Сиріи, что относить насъ ко времени отъ VII по XI-ое столѣтіе; событія, воспѣтыя въ былинѣ, могли совершиться въ промежутокъ между этими двумя датами, вѣроятно подальше отъ первой и не позже половины XI вѣка ²⁾. Это хронологическое опредѣленіе подтверждается, въ извѣстной мѣрѣ, и словаремъ пѣсни: въ ея 200-хъ стихахъ находится нѣсколько арабскихъ словъ, но ни одного турецкаго, а слова романскаго пошиба указываютъ на древнюю либо средне-вѣковую латынь, не на спеціально-романское, напр. итальянское происхожденіе.

Проф. Дестунисъ присоединилъ къ изданному имъ тексту прекрасный русскій переводъ, а въ примѣчаніяхъ и предисловіи къ нему предложилъ рядъ интересныхъ наблюдений, частью касающихся отдѣльных словъ, частью привлекающихъ къ сравненію матеріалъ современной народной греческой пѣсни, въ поясненіе такого-же, народнаго характера нашей былины. Этими замѣтками мы воспользуемся впоследствии; пока предложимъ краткій, по возможности, пересказъ самого текста, минуя повторенія и длинноты лишь тамъ, гдѣ умолчаніе не вредитъ характеристикѣ стиля.

¹⁾ См., однако, его Разысканія, I. с., стр. 114.

²⁾ Армури, стр. VI—VII.

I.

«Нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки (τὰ ἀρχοντόπουλα) выйдут верхомъ; только лишь государя Армура сынъ не выѣзжаетъ верхомъ. И тогда-то мальчикъ идетъ къ своей мамѣ: «Пускай ты, мама, на моихъ братьевъ порадуешься! . . . пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься: отпусти меня, мама, верхомъ поѣхать!» И тогда мать говоритъ Армуру: «ты мальчикъ малолѣтка, не слѣдь тебѣ верхомъ! а ужь коли охота беретъ, сыночекъ милый, верхомъ поѣхать. . . , тамъ, наверху виситъ копые отца твоего, что государемъ батюшкой твоимъ изъ Вавилоніи взято, сверху и до-низу все золотое, жемчугомъ обсыпано; согнешь его разъ, согнешь два раза, а какъ три раза согнешь, тогда и поѣдешь». Тогда малъ Армуровичъ плача на лѣстницу поднимается, а смѣясь съ лѣстницы спускается¹⁾: прежде чѣмъ захватилъ копые — оно ужь давало себя хватать, прежде чѣмъ его встряхнулъ — ужь встряхивалось; къ рукѣ своей привязалъ его, тряхнулося, согнулося. . . . И пошелъ опять мальчикъ къ матери: «А хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобою его изломлю?» — Какъ увидѣла это мать, велитъ архонтамъ осѣдлатъ воронаго отцовскаго, «что двѣнадцать ужь годовъ, воды не пиваль, что двѣнадцать ужь годовъ подъ верхомъ не бываль, что разъѣдаетъ подкову гвоздчатую, что стоитъ какъ вкопанный»²⁾. — Съѣлъ на него Армури, и «пока сказалъ «прощайте», на тридцать миль умчался, пока отозвался ему, умчался на шестьдесятъ на пять». На берегу Евфрата (Ἀφράτης) онъ разъѣзжаетъ вверхъ и внизъ, ища переѣзда, какой-то Саракинъ глумится надъ нимъ съ противоположной стороны: «у Са-

¹⁾ *Κλαίοντας ἀναβαίνει τὴν σκάλαν, γελῶντας καταβαίνει; пр. Дестунисъ сравниваетъ Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 23, v. 13: παιζογελῶντ' ἀνέβαινε, κλαίοντα καταβαίνει.

²⁾ Сл. Дестунисъ, Разысканія, I. с. стр. 102, гдѣ есть поправки къ первому переводу поэмы.

ракиновъ такіе кони, что вѣтеръ нагоняють, что голуби (τὴν φάσσαν) и куропатку на лету хватають, а зайца въ гору бѣгучи догоняють; поиграють ими, поласкають ихъ (Дестунисъ дополняетъ: καὶ ἀφήνουν νὰ πετῶσιν или καὶ ἐλεύθερα τὰ ἀφήνουν: отпустить ихъ), а тамъ, когда вздумается, опять побѣгутъ и словятъ! И все-же Евфрата-рѣки переѣхать не могутъ! А ты на своей клячкѣ хочешь его переѣхать!» — Разозлился на эти слова молодець, пришпориваетъ коня, хочетъ переѣхать рѣку; а она-то разлилась, заходила тяжелыми волнами:

43 ἦτον ὁ Ἀφράτης δυνατὸς, ἦτον καὶ βουρνωμένος,
εἶχεν καὶ κύματα βαρέα, ἦτον καὶ ἀποχυμένος.

Снова понукаетъ Армури своего воронка, взмолился звонкимъ голосомъ:

47 εὐχριστῶ σε, Θεε καλέ, καὶ μυριοευχριστῶ σε
ἐσύ με ἐδῶχες τὴν ἀνδρείααν, καὶ... (?) με τὴν παίρνει τώρα¹⁾.

Ангельскій голосъ вѣщаетъ ему съ высоты: «Воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди (? εἰς τὸ μπροστοβοῦρκιν), бодни воронаго своего, чтобы переѣхать на ту сторону». — Наставленіе нѣсколько загадочное — либо переводъ слишкомъ подстрочный. Ангелъ говорить: пришпорь коня, переѣзжай, какъ есть въ одеждѣ, черезъ рѣку, что передъ тобою (μπροστοβοῦρκιν? Βούρκα, βοῦρκιν: raptano, malta, acquazzo; сл. v. 43 объ Евфратѣ: βουρνωμένος), метни копьемъ въ финиковое дерево (по ту сторону рѣки). — Армури перебирается за Евфратъ и, не давъ «одеждѣ своей высохнуть», наѣхалъ на Саракина, ударомъ кулака вышибъ ему челюсть и спрашиваетъ: гдѣ войска? — Не пристало храбрецамъ — прежде ударить, а потомъ разспросить, говорить Саракинъ: «клянуся государемъ солнцемъ милымъ, клянуся его милой матерью (v. 61 μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυ-

¹⁾ Дестунисъ обозначилъ точками опущенное имъ непонятное слово: ὀβάρα(?). Но второе полустишье не указываетъ на пропускъ.

κείαν του μάνα; сл. v. 76, 87, 95), вчера насъ было набрано до сотни тысячъ, всё молодцы, отборные, съ зелеными щитами: это такой удалый народъ, что имъ и тысячи не страшно, ни тысячи, ни десятка тысячъ, ни сколько-бы имъ ни встрѣтилось». — Взвѣхавъ на вершину горы, Армури видитъ несчетное войско и раздумался: «коги нападѣ на нихъ невооруженныхъ, всегда будутъ хвастаться, что я засталъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣряться». И онъ кричитъ, что есть силы: Вооружайтесь Саракины, собаки вы поганья (v. 72 σκυλιὰ μαγαρισμένα; сл. v. 92); Армурычъ (Ἀρμουρόπουλος), сынъ Армура, храбрый богатырь, переѣхалъ рѣку! — Завязывается битва:

80 καὶ τότε πάλιν τὸ παιδίον καὶ αὐτὸ καλὸ τ'ἀρίστι
 ὠραῖον σπαθίτζιν ἔσυρε ἀπὸ ἀργυρὸν φηκάριν
 εἰς τὸν οὐρανὸν τὸ ἀπέταξεν, εἰς τὸ χέριν του τὸ δέχθη
 κροῦ πτεριστηρέαν τὸν μαύρον του, ἐκεῖ κοντὰ ζυγώνει
 «ἀπὸ τὸ γένος τοῦ διαβό ἄν σᾶς ἀλησιμονῆσω».
 Καὶ συγκροτάει πόλεμον καλὰ, ἀνδρειωμένα
 τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔκοπε, ἡ μέση ἔδαπανᾶτον
 μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκείαν του μάνα,
 ὅλην τὴν ἡμέραν τοὺς ἔκοπτε τὴν ἄνω ποταμίαν,
 καὶ ὅλην τὴν νύκτα τοὺς ἔκοπτε τὴν κάτω ποταμίαν.
 ἔθεσεν καὶ ἀπόθεσέν τους, κανένα δὲν ἀφῆκε.

Армури спѣшивается, чтобъ освѣжиться, а въ это время одинъ «собака Саракинъ» уводитъ его воронаго и уносить палицу. Сорокъ миль гонится за нимъ пѣшій молодецъ, нагнавъ его у востокъ Сиріи, отсѣкъ ему руку и приговариваетъ:

99 ἄμε καὶ ἐσύ, Σαρακηνέ, νὰ πῆς καὶ σὺ μαντάτο.

До сихъ поръ мы знали объ отцѣ Армури лишь то, что онъ отсутствуетъ, что его дома желаютъ видѣть: «пускай ты съ моимъ батюшкой свидишься», говоритъ Армури матери въ началѣ пѣсни. Теперь мы узнаемъ, что старикъ Армури въ плѣну у Саракинъ и сидитъ снаружи у двери своей тюрьмы, когда является на сцену раненый молодецъ Саракинъ. Отецъ тотчасъ-же узналъ своего воронка, палицу своего сына — а всадника-то не видѣть.

103 βαρέα βαρέα ἀναστέναξεν καὶ ἐσείστη ὁ πύργος ὅλος.
 καὶ τότε πάλιν ὁ ἀμηρᾶς τοὺς ἄρχοντες ἐλάλει:
 «ἄμετ' ἰδέτε οἱ ἄρχοντες, τί ἔχει καὶ ἀναστένάζει;
 ἂν ἔν τὸ γιώμα του κακόν, νὰ φάγη ἐκ τὸ δικό μου,
 εἴτ' ἔνε τὸ οἰνάριον του κακόν, νὰ πίνῃ ἐκ τὸ ἐδικόν μου,
 εἴτε βρωμᾶ ἢ φυλακί, νὰ τὴν μοσχοκαπνίσουν,
 εἴτε εἶναι βαρέα τὰ σίδηρα, νὰ τὰ λαφροκοπήσουν».

Не отъ вина и не отъ пищи и не отъ тяжелыхъ цѣпей мое горе отвѣчаетъ узникъ (v. 110 слѣд.), эпически повторяя, но въ смыслѣ отрицанія, слова и содержаніе эмировой рѣчи: горе мое въ томъ, что я узналъ своего коня и палицу сына, а его самого не вижу. — «Погоди, Армуръ мой, погоди немножко, говорить ему эмиръ: пусть крѣпко ударятъ въ органы, пусть громко въ трубы затрубятъ, пусть соберется Вавилонія и вся Каппадокія, и тогда, гдѣ-бы ни находился твой сынокъ, . . . пусть со связанными назади руками приведутъ его къ тебѣ. Подожди еще немножко». Ударили въ органы, затрубили въ трубы, — и никто не явился, кромѣ однорукаго Саракина ¹⁾, который, на вопросъ эмира, принимается рассказывать о пораженіи саракинскаго войска молодымъ Армури. Согласно стилю народной эпической пѣсни рассказъ этотъ воспроизводитъ, большей частью дословно, и въ третьемъ лицѣ, то, что мы знаемъ уже объ этомъ дѣлѣ отъ лица самого пѣвца: ст. 134—137 = ст. 62—65, ст. 139—152 = ст. 71—84, ст. 153—158 = ст. 86—91, ст. 160—166 = ст. 93—99. Подобныя повторенія встрѣчаются и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника.

«Небось хорошо это, Армуръ ты мой, что творить твой сынокъ?!», говорить эмиръ старому узнику. «Тогда-то мой Армуръ прекрасную грамотку пишетъ и съ птичкою посылаетъ ее, съ прекрасною ласточкою: «Скажи ты ему, сыну суки, чаду беззаконія (v. 171: εἶπε τῆς σκύλας τὸν υἱόν, τῆς ἀνομίας τὸ τέκνον): гдѣ только встрѣтитъ Саракина, чтобъ его миловалъ,

¹⁾ κουτζαχέρης v. 125, 126. Сл. Μουχοεράρης, прозвище, которымъ Павликиане переводили арабскую кличку эмира Ambron'a: Alakta = однорукий.

какъ-бы не попался ему въ руки, и ему помилованія не будетъ». А юноша тогда прекрасную грамотку пишетъ, съ птичкою посылаетъ её, съ прекрасною ласточкой: «Скажите государю моему, милому моему батюшкѣ, что пока я вижу наши хоромы на двойныхъ запорахъ, пока вижу маму мою, одѣтую въ черномъ, пока вижу братьевъ моихъ, одѣтыхъ въ черномъ, до тѣхъ поръ я гдѣ ни найду Саракина, кровь его я выпью; а коли-то раззадорятъ меня — такъ я и на Сирію налягу: закоулки (v. 182: τὰ στεμνο-ρῶμα) Сиріи головами наполню, сухіе гребни (v. 183: τὰ ξηρο-ράχια) Сиріи я кровью наполню». Какъ услышалъ это эмиръ; убоялся, велитъ вывести стараго Армура: пусть вымоется въ банѣ, перемѣнится, отобѣдаетъ за его столомъ. По обѣдѣ онъ говоритъ ему: «Ну-же, Армуръ ты мой, ну-же иди на свою родину и наставь ты своего сына: зятемъ его возьму, не къ племянницѣ и не къ двоюродной, а къ моей дочери, свѣту моему, очамъ моимъ. Наставь ты сына своего..., гдѣ только встрѣтитъ Саракина, пусть его милуетъ; а коли прибыль перепадетъ, пусть вмѣстѣ дѣлать, . . . и пусть живутъ въ любви».

Этимъ кончается петербургскій текстъ былины; кончалась-ли такимъ образомъ и самая былина — вотъ вопросъ.

II.

Въ народномъ характерѣ разобранной нами пѣсни не можетъ быть сомнѣнія: за него говорить и языкъ и весь стиль и поэтичскіе обороты — знакомыя общія мѣста современныхъ греческихъ пѣсень. На интересныя параллели указалъ проф. Дестунисъ (стр. XVI слѣд.); я воспользуюсь нѣкоторыми изъ его указаній, чтобы присоединить къ нимъ новыя.

Старый Армури, увидѣвъ своего коня и палицу сына, тяжело вздохнулъ, такъ что башня дрогнула, а эмиръ велитъ спросить его, чѣмъ онъ недоволенъ: виномъ-ли или пищей и т. д. (ст. 103—107). Сл. Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 19, 6—10:

ὁ Γιάννης ἀναστέναξε κι' ἡ φυλακὴ ἐταράχθη.
 Βασίλοπούλα τᾶκουσε μέσα 'ς τὴν κάμαρά τση
 καὶ στέλνει καὶ τὸν ἐκραξε γιὰ νὰ τὸνε βωτήση.
 — Γιάννη, ἂν πεινᾶς δὲ γεύεσαι, Γιάννη, ἂν διψᾶς δὲν πίνεις;
 Γιάννη, τ' ἔχεις καὶ θλίβεσαι καὶ βαρυαναστενάζεις; ¹⁾).

Шесть разъ встрѣчается въ текстѣ типическая клятва героя — солнцемъ и его матерью: *μὰ τὸν κύρ ἥλιον τὸν γλυκύν, μὰ τὴν γλυκεῖαν τοῦ μάνα*. Проф. Дестунисъ (р. XII) напоминаетъ по этому поводу известное въ новогреческой народной поэзій олицетвореніе: *κύρ Χάρος, ὁ κύρ Βοριάς*; новогреческія сказки знаютъ такое же олицетвореніе солнца и его матери, являющейся и въ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ, малорусскихъ, чешскихъ, словенскихъ, польскихъ и румынскихъ сказкахъ ²⁾. — Народное представленіе солнцевой матери восходитъ такимъ образомъ въ глубь среднихъ вѣковъ, какъ съ другой стороны солнце-исполняѣ новогреческихъ повѣрій уже зародилось въ *γίγας ἥλιος* Θεодора Προδρομα (*Ῥοδάνθ. καὶ Δοσίκλ. βιβλ. ζ, v. Γ*) ³⁾.

Птица-вѣстникъ (въ Армури: ласточка) принадлежить къ любимымъ образамъ народной поэзій; онъ знакомъ и романо-

¹⁾ Сходно съ этимъ ib. I, 2, № 20, 5 слѣд.; сл. Ραζωω, *Carmina popularia* № 449, 11—18; Дестунисъ, Армури, стр. XVIII, прим. 26. Сл. въ былинахъ объ Иванѣ-Гостинѣ сынѣ вопросъ Владимира: почему онъ не ѣсть, не пьетъ, не хвастаетъ:

Мѣсто-ли было тебя не по любви,
 Хлѣбъ-да-соль не по души,
 Цярой тебя пообошли,
 Пьяница не надсмѣялась-ли?

Гильф. № 135; сл. Рыбн. III, № 34, vv. 24—26.

²⁾ См. Лѣтописи русск. литературы 1859—1860, V: Женитьба солнца на красавицѣ Грозданкѣ; Аванасьевъ, Поэтич. возрѣнія, I, p. 177, 180; II, стр. 40—1, 126, 129; III, стр. 390; Πολίτης, 'Ο ἥλιος κατὰ τοὺς δημώδεις μύθους и отчетъ въ мѣхъ Разысканіяхъ, VIII, стр. 295.

³⁾ Сл. еще Никиту Евгеніана, Δοσίκλ. καὶ Χαρίκλ., V, v. 2 (τοῦ γίγαντος καὶ φεραυτοῦς ἡλίου). Выраженіе, близкое къ образамъ новогреческой пѣсни, о красавицѣ, какъ дочери, отродѣ солнца, также встрѣчается у Никиты, I. с. B, v. 76, 85.

германскому миннезангу. Уландъ и Ваккернагель ¹⁾ собрали нѣсколько указаній на распространенность этого народно-поэтического представленія. Голубь, какъ вѣстникъ любви, встрѣчается уже въ Антологіи, № 14; въ болгарской пѣснѣ плѣнный Богданъ пишетъ своей женѣ Ангелинѣ письмо — на крылѣ голубя; тотъ-же образъ извѣстенъ и народной греческой поэзіи ²⁾.

Эпическимъ стилемъ отзывается и похвальба витязей, особливо передъ битвой. Ты хочешь за Евфратъ переѣхать, кричить Саракинъ. Армури, а того не смогутъ и наши кони, что вѣтеръ нагоняють, голубя и куропатку на лету, зайца на бѣгу хватають!

Такъ хвалится и Дигенисъ (не о конѣ):

1481 Τρεῖς φοραὶς εἰς τάνηφορο τὸν λαγὸν ἐπιασά τον
καὶ ἄλλαις πάλιν τρεῖς φοραὶς ὀπίσω ἴγυρισά τον
καὶ πέρδικα πετάμενη ἐπλωνα, καὶ πικρά την,
το χέρι μου, καὶ ὕστερα ἐγὼ ἐμέρωνά την ³⁾;

а въ-критской пѣснѣ ⁴⁾ о молодцѣ говорится:

Ἐ τὸ γλάξιο πιάν' ὁ νιὸς λαγὸ. Ἔς τὸν πηδο πιάν' ἀγρίμι,
τὴν πέρδικα τὴν πλουμιστή, ὀπίσω τὴν ἀρίνει.

Укажу въ этой связи на стремительную поѣздку Армури:

29 ὥστε νὰ εἰπῆ ὅτι ἔχετε ὑγαίαν, ἐδιέβη, τριάντα μίλια,
ὥστε νὰ τὸν ἐπιλογηθοῦν, ἐδιέβη, ἐξήντα πέντε.

Сл. тѣ-же почти выраженія въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакелларія: Петръ, увозя жену Константина, пришпорилъ своего коня Склерокарта, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать: «Будьте здоровы!», онъ уже умчался на тысячу миль. прежде чѣмъ закрычалъ: «Прощайте!», проскакалъ другую тысячу (№ 2; тоже въ № 3:

¹⁾ Ulunds Schriften. III, стр. 110 слѣд.; Wackernagel, *Epik pteroynta*. Basel, 1884.

²⁾ Безсоновъ, Болг. пѣсни, I, стр. 19—31: Богданъ; сл. Младинови Болг. нар. пѣсни, № 89; *ibid.* № 63; Müller (Fauriel), *Neugriechische Volklieder*, II, стр. 46, № XXI; Passow, № CXCVIII, и *passim*.

³⁾ Lambros, *Collection de romans grecs*, p. 172.

⁴⁾ Jeannakaki, *Ἀρχαὶ Κρητικὰ*, № 142.

пѣсня о Θεοφιλακῆ) ¹⁾). Иначе выражена чудесная скорость бѣга въ пѣснѣ изъ Архипелага: воронко бѣжить, что вѣтеръ, за нимъ гонятся, но онъ исчезъ изъ виду; у кого изъ преслѣдовавшихъ конь былъ быстрый, тотъ еще видѣлъ пыль отъ мчавшагося; у кого былъ поплоче, не видѣлъ и пыли:

58 Μηδὲ τὸν μαῦρον εἶδανε, μηδὲ τὸν κονιαρτό του
 Ὅπουχε μαῦρο γλήγωρο, εἶδε τὸν κονιαρτό του,
 Ὅπουχε μαῦρο πάραχα, μηδὲ τὸν κονιαρτό του.

(Passow, № ССССХХХІХ, р. 319—20). Сл. соотвѣтствующія выраженія въ нашихъ былинахъ:

Только видѣли стараго сѣдучись,
 А не видѣли стараго поѣдучись,
 Только куревко въ полѣ воскурилось,
 Туманъ въ полѣ затуманился

(Рыбн. I, № 13, vv. 91—94; сл. ib. № 47, v. 76—8);

И видели добра молодца сядуци,
 И не видели добра молодца поѣдуци

(Гильфердингъ № 107; сл. № 217, стр. 1026);

Еще видѣли, — Илья на коня-то сѣлъ,
 А не видѣли, — куда поѣзду далъ

(Кир. I, стр. 78; сл. ib. стр. 57; IV, стр. 14);

Только видѣли молодца на конѣ сядучись,
 А не видѣли со двора его поѣдучись.

(Рыбн. I, № 27, v. 258—9). Сл. ib. I, № 30, v. 70—2; II, № 28, v. 78—9, 139—140; № 65, vv. 38—39; Гильф. № 206, стр. 968.

Армури хвастается своей силой: «а хочешь-ли, мама, хочешь-ли, передъ тобой его изломлю», говоритъ онъ матери, указывая на тугое отцовское копье. Сознаніемъ несокрушимой

¹⁾ Σακελλαρίου, Τὰ Κυπριακὰ, т. III.

мощи, выражающимся въ грубыхъ формахъ похвальбы, но переходящимъ въ сознание «чести и хвалы молодецкой», отзывается его рѣшеніе — не нападать неожиданно на враговъ, не приготовившихся встрѣтить его, чтобы не дать имъ повода говорить, будто онъ не хотѣлъ помѣряться съ ними равными силами: «Саракины вооружайтесь, собаки вы поганья, живо надѣньте брони, . . . повѣрьте вы тому, что Армуръ переѣхалъ, Армурычъ, сынъ Армура, храбрый богатырь». Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ отнести къ тому эпизоду русскаго Девгенія, гдѣ греческіе витязи посылаютъ къ эмиру плѣнныхъ Саракинъ, чтобы предупредить его: «да не рекъ бы онъ такъ, Амиръ царь, что мы придоша къ нему татемъ»¹⁾. Такъ и наши былинныя богатыри не нападаютъ на спящаго врага:

Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая
А бить-то мнѣ-ка соннаго что мѣртваго

(Гильф. № 49: Добрыня и Алеша), а въ старо-славянскои повѣсти о Троянскихъ Дѣянїяхъ²⁾ такъ именно говорятъ старецъ Прїамъ Ахиллу, когда тотъ, проснувшись, вдругъ увидѣлъ его въ своемъ шатрѣ: «Не боя са, господине, штъ млада того нѣсмъ створилъ, да снаца витеза погоубла». — Непосредственно реально выражается то-же кичливое чувство мощи въ пѣснѣ о сынѣ Андроника, когда онъ велитъ связать себя по рукамъ и по ногамъ, зашить глаза тройною ниткою, прицѣпить подъ мышку свинцу и заковать ноги въ двойныя желѣзныя кляпцы — за тѣмъ лишь, чтобы показать свою силу³⁾, — какъ наши старшіе богатыри похваляются, что повернули бы землю, если бы были у нихъ кольца, одно въ землѣ, другое въ небѣ.

Молодецкую похвальбу вижу я и въ швырянїи сабли къ небу и подхватыванїи ея на лету, передъ началомъ битвы (Армури, в. 81—2). Параллельныя мѣста изъ новогреческихъ пѣсень,

¹⁾ Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380.

²⁾ Miklovich, Trojanska priča, Starine, III, 180.

³⁾ Дестунисъ, Разысканїя, стр. 70.

приведенныя проф. Дестунисомъ въ объясненіе соотвѣтствующаго положенія въ былинѣ объ Армури, не уясняютъ дѣла ¹⁾). Мы имѣемъ дѣло съ типическимъ образомъ, характеризующимъ представленіе битвы — богатырской потѣхой, въ которой весело и кичливо проявляется молодецкая удаль. Въ русскихъ, сербскихъ, болгарскихъ (и румынскихъ) пѣсняхъ витязь, выѣзжая на бой, точно расправляетъ свои мышцы, швыряя высоко, подь облака, свою палицу, копье либо саблю, и подхватывая на лету тяжелое оружіе, которымъ вращаетъ легко, точно лебединымъ перомъ ²⁾).

Это — естественная прелюдія къ битвѣ — и битва началась: Армури «заводитъ бой крѣпко, мужественно, все по краямъ рубилъ, а середина изводилась. Въ кипрской пѣснѣ у Сакелларія № 2 Константинъ бьется съ неприятельскимъ войскомъ: бросится на задній полкъ, передній идетъ въ разсыпную, бросится на передній, задній не можетъ устоять (сл. ib. № 3: Θεοφιλακτῆ πο κραμαῖς βραχίονα, μέσην ἀπὸ τοῦ ἀριστεροῦ). — Точнаго соотвѣтствія къ этой эпической формулѣ я не знаю. Въ былинѣ у Кир. III, № 2, стр. 119 поется:

Туть Константиноуша Сауловичъ
Зачалъ Татаровъ съ краю бить;

Тамъ-же, № 2, стр. 48, vv. 161—2:

Бей-ко ты, Михайло, силу съ *крайчику*,
Не заѣжай-ко се, Михайло, въ силу въ *матику*.

Сл. Кир. IV, № 6, стр. 44:

Доставалася Самсону *рука правая*,
Ниятѣ съ Алешей *рука лѣвая*,
Илейкѣ доставалась *середка силы, матица*

(сл. Армури v. 86: τὰς ἄκρας, ἄκρας ἔχοπε, ἢ μέση ἐδαπανᾶτον).

¹⁾ Сл. стр. XVIII—XIX: Ραββω, № ССССХVIII, v. 35; Νεοελληνικά Ἀνάλεκτα I, 2, № 27 и 17: золотую сабельку, золотой ножъ выхватилъ онъ изъ серебряныхъ ноженъ, къ небу подбросилъ, а онъ очутился въ сердцѣ, вонзился въ шею.

²⁾ Сл. О. Миллеръ, Илья Муромецъ, p. 16, 23, 185, 243, 362, 569 (примѣры изъ былинъ можно-бы безъ труда умножить); Буслевъ, Русск. богат. эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 92; Безсоновъ, Болг. пѣсни I, стр. 15, прим. 5; мои Разысканія VI, стр. 259.

Такъ и въ нашемъ Девгениі говорится о трехъ братьяхъ-вѣтязяхъ: «болшой братъ поѣде съ правыя руки, середній въ болшой полкъ, а меншой съ лѣвую руку¹⁾. — Войско Сарацинъ, излюбленное прозвище которыхъ: *θηλια μαχαρισμένα*, напоминаетъ «собаку-Калина царя» нашихъ былинь, вооружено зелеными щитами, *πρασινοςχοιταράτοι*; издатель спрашиваетъ себя, не стоять-ли этотъ эпитетъ въ связи съ особымъ значеніемъ, какое дается зеленому цвѣту у магометанъ. Припомнимъ съ одной стороны Дигениса поэмы (по изданію Саавы и Леграна), у котораго въ рукахъ зеленое арабское копье (не съ зеленымъ-ли значкомъ?), съ другой — зеленые шлемы старофранцузскаго эпоса.

Богатырская сила витязи проявляется съ юныхъ лѣтъ: мальчикъ Армури сгибаетъ отцовское копье, тряхнулъ имъ, хочеть его сломить; никогда не ѣздилъ верхомъ, а только руками приударилъ, и сталъ всадникомъ. Такъ и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника: когда ему было два года, онъ схватился за мечъ, брался за копье; въ три года онъ уже ходитъ, ничего не боится, и слава о немъ гремитъ. — Трапезунтская пѣсня о Порфиріи выражаетъ его зачинающуюся мощь — гигантскимъ аппетитомъ: ему день отъ роду, а онъ уже съѣдаетъ сухарь, на второй день — цѣлый коровай; на пятый — всѣ хлѣбы, что были въ печи:

Μονοήμερος ἔτονε κ' ἔφαγεν παξιμάτιν,
διήμερος ἐγέντονε, ἔφαγ' ἕναν φουτάρην,
πεντεήμερος ἐγέντονε, ἔφαγεν τὴν φουρνέαν.

Другая пѣсня изъ той-же мѣстности поеть о «сынѣ монахини», Порфиріи, что еще въ колыбели онъ съѣдалъ по барану и овцѣ. Сыномъ монахини дѣлаетъ Порфирію и пѣсня изъ Сяры: въ пятницу она родила его, въ субботу окрестила, а въ воскресенье онъ просить дать ему бобовъ пощелкать; на пятый день онъ

¹⁾ Пам. старинн. русск. лит., II, стр. 380. — Въ Джангаріадѣ Altan-Zadschi сражается по срединѣ, Bogda-Dschangar на правомъ, Chongor на лѣвомъ крылѣ. Сл. Bergmann, Nomadische Streifereien unter den Kalmücken. Riga 1805, IV, 212—213.

берется за саблю, на шестой за копье, а на седьмой похваляется, что не боится никакого храбреца:

Ἦ καλογορηὰ ἐγέννησε τὸ γυιό της τὸ Πορφύρην,
 παρασκευὴ τὸν γέννησε, σάββατο τὸν βαφτίζει,
 κυριακὴ ἐζήτησε κουκκιά νὰ κοκκαλίση,
 ἔς τῆς πέντε πιάνει τὸ σπαδί, ἔς τῆς ἕξι τὸ κοντάρι,
 καὶ ἔς τῆς ἑπτὰ καυχῆστηκεν πῶς ἄνδρασι δὲν φοβᾶται π. т. д. ¹⁾.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ юный богатырь проявляетъ себя въ недѣтскихъ «шуточкахъ», приводящихъ въ ужасъ всѣхъ окружающихъ:

Сталъ Васенька на улочку похаживать,
 Не легкія шуточки пошучивать:
 За руку возьметъ, рука прочь,
 За ногу возьметъ, нога прочь,
 А котораго ударить по горбу,
 Тотъ поидетъ, самъ сугулится ²⁾.

Такъ и въ сказкѣ о Русланѣ, персидскомъ Рустанѣ, пересказанной по какому-то восточному оригиналу ³⁾.

Малычику-богатырю соотвѣтствуетъ и богатырскій жеребенокъ, точно предназначенный для него, подчиняющійся лишь его волѣ. Новогреческихъ пѣснямъ это представленіе извѣстно, но оно смѣшивается иногда съ другимъ, такъ-же народнымъ: о ста-

¹⁾ Сл. E. Legrand, Chansons populaires grecques, publiées avec une traduction française etc. Spécimen d'un recueil en préparation (Paris, 1876), p. 12—15. См. еще тѣ-же подробности въ былинахъ о Порфиріи-Лиссарѣ у Дестуниса, Разысканія № 16—19, стр. 79—84, и въ пѣснѣ о сынѣ Андроника ib. стр. 68 слѣд.

²⁾ Рыбн. I, № 55; Гильфердингъ, № 30, стр. 152—153; сл. стр. 215, 722 и т. д. То-же въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ, о которыхъ см. далѣе. Сл. Radloff, Proben der Volksliter. der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, II, 254—5.

³⁾ Въ Шахъ-намѣ о Рустамѣ разсказывается слѣдующее: его кормятъ грудью десять кормилицъ; позднеѣ онъ съѣдаетъ столько мяса и хлѣба, сколько пять взрослыхъ мужчинъ. Дѣдъ дивится его росту, широкой груди, крѣпкимъ, верблюдо-подобнымъ ногамъ, львиному сердцу, силѣ льва и пантеры. Но о «шуточкахъ» нашего Руслана нѣтъ и рѣчи.

ромъ, заброшенномъ, отцовскомъ или дѣдовскомъ конѣ, ожидающемъ появленія юнаго витязя, чтобы помолодѣть и снова окрылиться. Конь молодаго Армури принадлежитъ, вѣроятно, ко второй категоріи: онъ двѣнадцать лѣтъ какъ не бывалъ подъ сѣдломъ — потому, можетъ быть, что столько именно лѣтъ отсутствовалъ его хозяинъ, отецъ молодаго Армури. — Необходимо предположить, что пѣвецъ слѣдующей трапезунтской пѣсни смѣшалъ оба ходячія представленія, потому что въ началѣ говорится о старомъ конѣ, а далѣе къ нему обращаются какъ къ — жеребенку. Если это не смѣшеніе, то въ названіи «жеребенка» можно искать прои́в.

Апелаты похитили жену Акрита, когда его самого не было дома. Птица приноситъ ему вѣсть о похищеніи; онъ спѣшитъ домой, видитъ всѣ двери растворенными, окна безъ ключей, идетъ въ конюшню и обращается съ просьбой къ конямъ: Скажите, Бога ради, который изъ васъ бѣжитъ проворно? — Ни одинъ не отвѣчаетъ, не издаетъ звука; проговорился лишь *древній конь*: Дай мнѣ отборнаго корму, и я умчу тебя. — Акритъ садится на него, поѣхалъ. На Девскомъ мосту Элины хотятъ задержать его, а онъ говоритъ: Пропустите меня черезъ мостъ, у меня конь — молодой *жеребенокъ* и не можетъ обойтись безъ корму; моя милая — дѣвица молодая и не можетъ обойтись безъ меня. — Доѣхавъ до воротъ города, куда увлекли его жену, онъ держитъ привратникомъ ту-же рѣчь: Откройте мнѣ, привратники, чтобы мнѣ войти! Мой конь — молодой жеребенокъ и т. д.! ¹⁾. — Въ приведенной выше кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 2) Петръ увозитъ жену Константина, который также обращается къ своимъ конямъ съ вопросомъ: который изъ нихъ возмется догнать свою похищенную госпожу. При этихъ словахъ боевые кони падаютъ замертво, молодые жеребята мочатся кровью, проговорилъ лишь одинъ конь: Я силенъ и смѣлъ, и догоню мою госпожу, что таи-

¹⁾ Sathas et Legrand, Les exploits de Digenis Akritas, Introd. p. LVII—VIII. Сл. Дестунисъ, Разысканія № 3, стр. 15 слѣд.

комъ кормила меня ячменемъ изъ своего передника, пошла изъ серебрянаго ковша. Наложил на меня двѣнадцать сѣделъ, десять попонъ и 18 подпругъ, и я помчусь быстро; только не шпорь меня. Сл. такой-же наказъ коня—не шпорить его—у Legrand, Recueil de chansons pop. grecques № 145, vv. 17—19; для сюжета — Passow'a Carm. pop. №№ 439, 440: та-же просьба, обращенная къ конямъ:

Ποιὸς εἶν' καλὸς ἀπὸ τ' ἐσᾶς τοῦς ἐβδομηνταπέντε,
 Ν' ἀστράψῃ ἐπὶ τὴν ἀνατολὴ καὶ νὰ βρεθῇ ἐπὶ τὴν δύσι;»
 Οἱ μαῦροι ὅσοι τ' ἄκουσαν, ὄλ' αἶμα κατουρῆσαν
 Κ' ἡ μαῦρες ὅσες τ' ἄκουσαν, ὄλες πουλάρια ρίξαν,
 Κ' ἕνας παλιὸς γερούτσικος καὶ σαραντοπληγιάρης
 'Εγὼ μὰ γέρωσ κι' ἄρρωστος, ταξειῖδια δὲν μοῦ πρέπει.
 Μὰ γιὰ χατῆρι τῆς κυρᾶς νὰ μακροταξειδέψω,
 'Οποῦ μ' ἀκριβοτάγιζε ἐπὶ γῦρο τῆς ποδιάς της,
 Κι' ὅπου μ' ἀκριβοτότιζε ἐπὶ χούφτα τοῦ χεριοῦ της.

(Passow № 439) ¹⁾.

Эпическая подробность о конѣ, съѣдающемъ «подкову гвоздчатую», встрѣчается и въ кипрскихъ пѣсняхъ у Сакеларія, №№ 3 и 16: о конѣ, раздробляющемъ камень и желѣзо, пожирающемъ удила; въ одной пѣснѣ съ Олимпа то-же говорится о трехъ коняхъ:

Τοῦ Κῶστα τρώει τὰ σίδηρα, τ' Ἀλέξη τὰ λιθάρια,
 καὶ τοῦ μικροῦ Βλαχόπουλου τὰ δένδρα ξεριζώνει ²⁾.

Русскія и румынскія сказки знаютъ чудесныхъ коней, которыхъ кормятъ — горячими угольями.

Въ нашихъ былинахъ и сказкахъ богатырскіе кони рисуются въ тѣхъ-же самыхъ чертахъ, восполняющихъ греческія пѣсен-

¹⁾ Сл. Müller (Fauriel), l. c., II, № XI. Въ пѣснѣ у Jeannarakі № 263 сыновъ вдовы обращается къ своему коню съ обѣщаніемъ другого рода: раззолотить его, золотыя подковы сдѣлать, стремена и уздечку изъ перстней русской дѣвicy.

²⁾ Τραγούδια τοῦ Ολύμπου, συλλεγόμενα ὑπὸ Αἰθ. Κ. Οἰκονομίδου, стр. 54, № 72.

ныя преданія, либо восполняемыхъ ими. Ихъ быстрота изумительна: Мать Дигениса посылаетъ ему трехъ коней,

619 ἵππου πεποῦν ἅ τ' ἑρᾶκια
γὰρ ἢ πρῶτον ποταμούς καὶ τὰ πλάτεια κυλάκια ¹⁾).

Съ болѣе чудесными чертами являются они въ русской повѣсти о Девгеніи ²⁾: одинъ конь — вѣтеръ, другой — громъ, третій — молнія. Сарацинамъ поручено увезти эмира вмѣстѣ съ его милой: какъ только выведутъ они ихъ изъ греческаго царства, да сядутъ на коня-вѣтеръ, такъ и станутъ невидимы. — Конь витязя зовется «*ἰορρογόνατε καὶ ἀνεμοκυκλοπόδη*» (Jeannaki № 263), онъ такъ легокъ, что не поднимаетъ пыли (*κερνιαχτούς ἐν βράλλει*, Сакедларій, I. с. III № 3); конь Константина (Passow, Sam. рор. № DXV) мчится, — спереди, словно молнія, сзади будто громъ ³⁾; не та-же-ли идея быстроты възвала первоначально и образъ коня, напр. въ былинахъ о Сокольникѣ:

Подъ нимъ конь, какъ лютый звѣрь,
Изъ ноздрей-то искры сыплются,
Изъ ушей-то дымъ столбомъ стоитъ?

(Рыбн. I, № 13, в. 14—16 и друг.).—Конь русскихъ сказокъ ⁴⁾ и былинъ поднимается выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго,

И ископытъ мечѣ кониную
И по-повыше лѣсу онъ жароваго,
И по-ниже онъ облака ходячаго.

(Гильф. № 252: Михайло Дородовичъ); сл. Кир. III, стр. 111, № 2, в. 44 слѣд. (Суровець—Суздадецъ):

¹⁾ Lambros, I. с. p. 198.

²⁾ Пам. старинн. русск. литер. II, стр. 383. См. мои Отрывки византийскаго эпоса въ русскожъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣсти. Европы, 1875 г., Апрель, стр. 758; Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russ. Revue 1875, IV Jahrg., 6-es Heft, p. 549.

³⁾ См. въ poemѣ о Дигенисѣ, изд. Ламбромъ (стр. 121: В, 201—204):

Τὸ ἄλογο τοῦ Κωνσταντῆ ἔτρεχεν ἔς τὸν ἀέρα·
εἰς τὸ κεφάλι εἶχε νεῖαν χρουσό ἀστέρα,
καὶ ὀπίσω ἔς τὴν ῥάχι του ἄτον ζωγραφισμένο,
ἀπὸ χρυσάφι καθαρό καὶ λίθους κοσμημένο.

⁴⁾ См. Кир. III, Прилож. стр. XXVIII—IX.

Подымается его добрый конь
 Выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Горы и доли между ногъ пускаетъ,
 Быстрыя рѣки перепрыгиваетъ,
 Широкія раздолья хвостомъ устилаетъ,
 По землѣ бѣжитъ — земля дрожитъ,
 Въ лѣсу раздается — на нивахъ чуть

(сл. Кир. IV, Прилож., стр. XXIX, в. 61—3: о Суровцѣ-Суздальцѣ);

Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
 А другаго ускока не могли найти

(Кир. I, № 6, стр. 42, vv. 24—5); либо скачетъ черезъ стѣну
 бѣлокаменну (Кир. I, стр. 60, № 1),

Рѣки, озера перескакивалъ,
 А темные лѣса промежь ногъ пушалъ

(Рыбн. I, № 9, vv. 27—8; сл. ib. № 10, vv. 43—5; Кир. IV,
 № 6, стр. 40, vv. 58—9: о татаринѣ; Гильф. № 287: объ
 Ильѣ); конь Михайлы Казарянина скачетъ съ берега на берегъ,

Котора рѣка шириною пятнадцать верстъ

(Кир. IV, стр. 92, в. 38); конь Дюка перенесся за Днѣпръ

За цѣлый за помахъ за лошадиннй,
 И за цѣлую за версту онъ за мѣрную

(Рыбн. I, № 48 vv. 357—8. См. вообще пѣсни о Дюкѣ); Бу-
 рушко-косматушко Ивана Гостиного сына

побѣгалъ по пятидесять вѣрстъ,
 Своѣкомъ поскакалъ по семидесять вѣрстъ,
 Засниплъ онъ по змѣиному,
 Заревѣлъ онъ по звѣриному:
 Съ горъ желтѣи пѣски сподымалися,
 Бѣлая вода всколыхалася,
 Съ теремѣвъ шатры посвалилися.

(Кир. III, № 1, стр. 3, в. 60—66)

Триста жеребцовъ испугались,
 Съ княженецкаго двора разбѣжались:
 Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
 Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ,
 Полоненъ воронкò въ золоту орду бѣжить,
 Онъ хвостъ поднимъ, самъ всхрапываетъ

(ib. № 3, стр. 8, vv. 130—135; сл. Гильф. № 133, стр. 696)—
 какъ въ кипрской пѣснѣ кони, кромѣ одного, богатырскаго, пу-
 гаются и падаютъ замертво въ виду предстоящаго бѣга ¹⁾).

Та-же Кипрская пѣсня у Сакулларія (II, № 2) представляетъ
 еще и другую интересную параллель къ нашимъ былинамъ: какъ
 тамъ конь заказываетъ положить на себя 12 сѣдель, 10 поповъ
 и 18 подпругъ, такъ поется напр. и о Дюкѣ Степановичѣ:

Сталь сѣдять-уздать добра коня,
 Накидывать потнички на потнички,
 Накладывать войлочки на войлочки,
 На верѣхъ накладывалъ сѣдельшко Черкасское,
 И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
 Натягивалъ онъ тринадцату,
 Не для ради красы-басы,
 А для ради укрѣпы богатырскія

(Рыбн. I, № 47, vv. 37—44); либо для того,

¹⁾ Въ еще болѣе гиперболическихъ чертахъ представляется быстрота коней въ тюркскихъ и татарскихъ пѣсняхъ. См. въ собраніи Radloff'a, I. c. II, пѣсня объ Altyn-Mergän (стр. 278 слѣд.) и Sugdjul Mergän (стр. 307 слѣд.); въ Schifner, Heldensagen der Minussinischen Tataren — пѣсни о Kap Mirgän и Küreldi Mirgän (стр. 235 слѣд.), объ Alten Toktai и Alten Areg (стр. 313 слѣд.). См. еще Schmidt, Die Thaten Bogda Gesser Chan's, стр. 180—181 и Zeitschr. für deutsche Mythologie, II, p. 262 слѣд. — Въ мордовской сказкѣ о «красавцѣ Даматѣ» такъ описаны кони царя Грома: «Изъ глазъ его коней огни блещутъ, изъ ноздрей дымъ валить, уши прядутъ веретенами, ноги играютъ пестами, хвостъ вѣетъ начевками; когда они бѣгутъ, земля дрожьмя дрожить, небо звеня звенить; изъ подъ ногу ихъ огни, высѣкаясь, молніей блещутъ. Когда они скачутъ, медвѣди и волки, испугавшись, по лѣсу прячутся, змѣи на своемъ пути, ошалѣвши, въ оцѣпененіе приходятъ, ястреба въ поднебесьи за облака прячутся». См. Образцы мордовской народной словесности, вып. II, Сказки и загадки, стр. 129; сл. стр. 167 (конь «легче земли»).

Чтобы добрый конь съ-подъ сидла не выскочилъ,
Добра молодца съ коня не выругилъ

(ib. № 49, vv. 69—70; сл. ibid. № 24, v. 12—19: Добрыня; Кир. I, стр. 59, № 1, v. 59—63: объ Ильѣ Муромцѣ; Гильф. № 8, стр. 75: Чурила; № 189, стр. 919: то-же; и passim).

Русскія сказки рассказываютъ о неприглядномъ, «шелудивомъ» жеребенкѣ, котораго юный витязь кормить сорочинскимъ пшеномъ, бѣлояровой пшеницей, поитъ сытой медвяной, валяетъ въ травѣ по утренней росѣ, — послѣ чего тотъ становится ровней богатырю, настоящимъ богатырскимъ конемъ. Такимъ чудеснымъ жеребенкомъ представляется мнѣ бурушка Ивана Гостиного сына, которымъ онъ хвалится на пиру у Владиміра; въ описаніи его есть, несомнѣнно, такая-же доля шаржа, какъ и въ малорусской колядкѣ: о молодцѣ, хвастающемъ своимъ конемъ передъ королемъ:

Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каурушка,
Трѣхъ годковъ жеребѹшечка:
Маленькій, космáтенькій,
Глазочки какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостикъ его семідесять

(Кир. III, № 1, стр. 2, vv. 24—31; сл. Разысканія VI, стр. 281—2). На этомъ-то бурушкѣ Иванъ готовится бѣжать въ запуски съ жеребцами князя Владиміра; и вотъ онъ идетъ въ конюшню, кланяется своему коню «во правое копытечко», просить его сослужить ему службу. Тотъ отвѣчаетъ:

Ахъ ты Ванюшко, Гостиный сынъ!
Сослужу я тебѣ слѹжебку,
Не царскую, не государскую,
А свою собственную:
Накорми-жь ты меня пшеной яровою,
Ты напои меня бѣлой ключевой водою,
Выведи меня во чистое поле,

Пусти меня на травы зелѣныя,
Накорми меня травой шелковою,
Самъ покатайся и меня покатай.

(Кир. ib. стр. 2—3, vv. 45—54; сл. *ibid.* № 3, стр. 6, vv. 91—3).
И онъ становится «добрымъ конемъ», какъ бурый, косматенькій,
«немудрый» жеребчикъ Ильи Муромца (Рыбн. I, № 8, v. 89 слѣд.).
Такъ шелудивый Шарацъ Марка Кралевича крѣпнеть, будучи
напоенъ виномъ, скачетъ на три копыща вверхъ, на четыре въ
длину и т. д. ¹⁾).

Рядомъ съ представленіемъ чудснаго жеребенка, подъ стать
юному богатырю, извѣстно въ русскихъ сказкахъ и пѣсняхъ
еще и другое: старый дѣдовскій, отцовскій конь, когда-то слу-
жившій древнимъ богатырямъ, стоитъ заброшенный и забытый,
потому-ли, что его считаютъ негоднымъ, или богатырей болѣе
нѣтъ; но стоитъ явиться юному витязю, и старый конь тотчасъ же
распознаетъ его, соберется съ силами, выдержитъ стоя, какъ
вкопанный, ударъ богатырской руки по хребту, отъ чего при-
сѣдаютъ другіе кони ²⁾, и вновь готовъ на боевые подвиги.

Владимиръ велитъ Добрынѣ и Ильѣ «ѣхать въ путь бога-
тырскую»,

Выправляти дани выходи за двѣнадцать лѣтъ,
Во тыи Индѣи во богатии.

Добрыня жалуется матери, что у него нѣтъ «добра коня».

Отвѣчае добра да ему матушка:
«Ты Добрынюшка сынъ Микитиничъ!

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 182—188, 260—61, 598 собралъ
нѣсколько указаній для характеристики богатырскаго жеребенка въ народной
позіи. О Шарцѣ см. Jagić въ Arch. f. slav. Philol. V, стр. 446. Разсказъ
о томъ, какъ Марко Кралевичъ добылъ своего коня, помѣщенъ въ Ма-
тицѣ III, 858—9; пѣсня о томъ-же въ Даницѣ 1861 г., стр. 59.

²⁾ Сл. сказку объ Ильѣ Муромцѣ у Кирѣвскаго I. с. I, стр. II Приложе-
нія. Такимъ-же точно образомъ пытаются крѣпость своихъ коней Рустамъ
и Зохрабъ въ Шахнамѣ, Русланъ въ русской сказкѣ, Ag-Ai въ одной пѣснѣ
минусинскихъ татаръ (Schiefner, l. c. стр. 88—4), Вольфдитрихъ (Holtzmann,
Der grosse Wolfdietrich, строфа 1464) и друг.

Поди на конюшню стоялю,
 А на другу поди ты на конюю,
 Выбирай добра коня учёнаго.
 Бude тутъ тебѣ не прилюбится,
 Опускайся въ погрѣбы глубокіи,
 Стоитъ добрый конь богатырскіи
 На двѣнадцати цѣпочахъ серебряныхъ,
 На двѣнадцати тонкихъ поводяхъ,
 На тыхъ-ли на поводяхъ шелковныхъ,
 А не нашего шолку — Шемахинскаго».

Не слюбились Добрыниѣ кони на конюшнѣ, опускался онъ
въ погрѣба глубокиѣ,

Увидѣлъ коня онъ добраго,
 Онъ валился коню во праву ногу:
 «Ужъ ты добрый конь богатырскіи!
 Служилъ конь и батюшкѣ,
 Служилъ добрый конь дѣдушкѣ,
 Послужи-тко Добрыни Микитичу
 Во тѣи путі богатырскіи

(Гильф. № 206, стр. 966—7. Сл. Рыбн. I, № 24, в. 134: Обсидлалъ онъ — Добрыня — дѣдушкова добра коня). — Въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ точно также говоритъ старикъ Данило молодому сыну, отправлявшемуся въ поле «пересчитывать-то видъ силы невѣрные»:

А пойдѣшь ты, Михайло, во чисто поле,
 Выйдѣшь ты на шеломи на окатисто,
 А по Русскому — на гору да на высокую,
 Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
 Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
 «Ай, которой же служилъ ты мойму батюшкѣ,
 Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушкѣ!»
 Прибѣжить тутъ конь да видъ косматые,
 Стоитъ онъ на горы да на высокіи».

(Кир. III, № 2, стр. 46—47, vv. 126—134; сл. мои Южно-русскія былины I, стр. 16).

И богатырскій конь служить своему хозяину дѣломъ и совѣтомъ: оповѣщаетъ Добрыню о томъ, что его жена готовится выйти замужъ (Кир. II, № 4, стр. 6, в. 65 слѣд.), предупреждаетъ Михайлу и Илью, что имъ не перескочить третьяго погребя (ib. III, № 2, стр. 48, в. 160 слѣд.; IV, № 6, стр. 44—5, в. 210 слѣд.), какъ кони Момчилы и Марка общаются вынести ихъ изъ вражьей орды (Миладиновы № 105, Чолаковъ № 31, стр. 286 слѣд.); богатырь проситъ коня помочь ему въ бѣдѣ: Добрыня и Иванъ Гостиный сынъ падаютъ ему въ правую ногу, въ копытчко, Илья (Рыбн. I, № 12, в. 116 слѣд.) молитъ своего бурушку косматенькаго послужить ему, чтобы поганый не побилъ его въ чистомъ полѣ, не срубилъ-бы буйной головушки и т. п. Сроднившись съ богатыремъ, конь раздѣляетъ его горе и радость, пріязнь и вражду: Шарацъ королевича Марка самъ участвуетъ въ его битвѣ, кусая вражьего коня ¹⁾; Дюкъ Степановичъ наѣхалъ въ полѣ на шатерь, у полости съ пшеницей бѣлояровой поставлена лошадь богатырская; Дюкъ не рѣшается войти въ шатерь, какъ-бы не убилъ его спящій въ немъ богатырь, и онъ ставитъ своего коня къ чужому, у одной полости:

Если кони смирно станутъ ѣсть пшеницу бѣлоярову,
 Поѣду въ шатерь — не тронетъ богатырь,
 А если кони драться стануть,
 Поѣду на увѣздъ — могу-ль уѣхати?

Кони стоятъ смирно, спящимъ богатыремъ оказывается Илья (Рыбн. I, № 47, в. 132 слѣд.; II, № 30, в. 125 слѣд.). Братство (названное) русскихъ богатырей перенесено и на ихъ коней: конь Дюка говоритъ хозяину, чтобы онъ не боялся за него, пусть бьется «въ великъ закладъ»,

Не уступлю я братьямъ большімъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,
 А середній братъ у Добрыни Мивитинца,

¹⁾ Jagić l. c., стр. 446.

А я третій братъ у Дюка Степановича,
А четвертій ужъ братъ у Чурилы Опленкова

(Рыбн. I, № 48, vv. 334—339); сл. Рыбн. III, № 34, vv. 71—3:
конь Ивана Гостиного сына провѣщился своему хозяину:

Я твою буйну голову повыкуплю,
Князя Владиміра въ стаду приведу,
А большаго брата посоромлю

(т. е. Владимірова коня. Сл. Гильф. № 135, р. 699). — Въ пѣснѣ съ Олимпа ¹⁾ кони Константина, Алексѣя и Влахопула привязаны рядомъ въ то время, какъ ихъ хозяева пируютъ вмѣстѣ.

Эпическій образъ коня въ поэмѣ объ Армури далъ намъ поводъ къ сближеніямъ, заведшимъ насъ далеко въ область русскаго былиннаго стиля. Я сдѣлалъ это не безъ умысла, если, можетъ быть, и не достигъ его цѣли: разъяснить *ближайшее* сходство народно-поэтическихъ образовъ греческихъ и русскихъ былинъ, въ чертѣ того общаго сходства, которое достаточно объясняется единствомъ эпического развитія. Болѣе прочные выводы въ указанномъ направленіи находятся въ полной зависимости отъ повторенія и расширенія сравненій, напр. на германороманскую область. Ограничусь пока общей характеристикой роли, какую играетъ конь въ средневѣковомъ французскомъ эпосѣ, напр. въ *chansons de geste* объ Ogier, въ *Aliscans*, *Garin*, *Guillaume d'Orange*, *Fierabras*, *Renaut de Montauban* и др. Характеристика эта была сдѣлана Тоблеромъ ²⁾:

«Если вообще можно сказать, что средніе вѣка относились къ животному міру любовнѣе, чѣмъ мы, усматривая въ немъ нѣчто отличное отъ человѣческаго не столько по существу, сколько по степени (доказательство тому въ баснѣ и легендѣ, въ естественно-историческихъ представленіяхъ среднихъ вѣковъ,

¹⁾ Τραγούδια τοῦ Ὀλύμπου, № 54, стр. 172.

²⁾ Tobler, Ueber das Volksthümliche Epos der Franzosen, *Zeitschr. f. Völkerpsychologie u. Sprachwissenschaft*, IV, стр. 203—204.

въ ихъ правѣ и художественной символикѣ), то едва-ли какое нибудь другое животное пользовалось такимъ почетомъ, какъ конь, взысканный природой, особливо дорогой каждому рыцарю за услуги, имъ оказываемыя. Конь — лучшее достояніе, вѣрный товарищъ витязя; онъ дѣятельно помогаетъ ему въ битвѣ, мчитъ его, куда онъ ни потребуетъ, безбоязненно бросаясь въ опасность, схватываясь съ его врагами и ихъ конями; слушается словъ хозяина, и когда иной разъ рыцарю случится, послѣ долгаго бѣга или битвы, подбодрить его ласковою рѣчью, обѣщаніемъ овса въ изобиліи и соломы на подстилку, онъ снова собирается съ силами и совершаетъ невѣроятныя вещи. Бодрствуя, онъ нерѣдко спасаетъ безпечно уснувшаго господина; его кровь питаетъ голодающаго. И хозяинъ знаетъ, чѣмъ онъ одолженъ коню, онъ обращается къ нему всегда дружественно и признательно и не рѣшается даже въ бою умертвить лошадь противника.

Интересно встрѣтить въ романскомъ эпосѣ, прошедшемъ черезъ руки литературныхъ пересказчиковъ, отраженіе того двойкаго представленія о богатырскомъ конѣ — конѣ-жеребенкѣ и дѣдовскомъ, старомъ, которое мы нашли въ русскихъ былинахъ и новогреческихъ пѣсняхъ. Конь Роланда зовется *veillantif* (*Chanson de Roland*, v. 1153), можетъ быть, *viel-antif* (*antif* = *antiquus*) = старо-древній; съ другой стороны *Babieca* поэмы о Сиде толкуется какъ: глупый, неразумный, и уже проф. Буслаевъ сблизжалъ это представленіе — съ шелудивымъ, «немудрымъ» жеребчикомъ нашихъ былинъ и сказокъ¹⁾.

III.

Стилистическій разборъ былины объ Армури влечетъ за собою другой: разборъ ея содержанія и плана. Мыслимо-ли и въ обычаяхъ-ли народной поэзіи такая развязка пѣсни, какую пред-

¹⁾ Сл. *Damas-Hinard*, *Poème du Cid*, *Vocabulaire*, а. v. *Babieca*; *Diez*, *Etymol. Wb.* а. v. *bava*; Буслаевъ, въ Приложенія къ *Зап. Ак. Наукъ*, т. V, стр. 36.

ставляетъ петербургскій текстъ? Я выше высказалъ на этотъ счетъ сомнѣніе: развязка, очевидно, усѣчена. Представимъ себѣ еще разъ весь ходъ былины. Отецъ Армури въ плѣну у Саракинъ; его сынъ, богатырь съ юныхъ лѣтъ, котораго отецъ оставилъ дома еще мальчикомъ (либо онъ родился въ отсутствіи отца), идетъ его отыскивать и съ перваго разу побиваетъ вражье войско. Еще не зная о томъ ничего, эмиръ говоритъ старику Армури, сѣдующему о сынѣ, что онъ велитъ привести его съ связанными назадъ руками. Послѣ этого понятенъ страхъ старика, какъ бы сынъ не попался въ плѣнъ, и его грамотка къ юному витязю: пусть милуетъ Саракинъ, иначе и ему помилованія не будетъ. Но сынъ не думаетъ слушаться, и вотъ эмиръ рѣшается освободить плѣнника и послать его на родину, чтобы склонить сына къ миру обѣщаніемъ почетнаго брака.

Если-бы сюжетомъ былины было: освобожденіе изъ плѣна стараго Армури, мы нашли-бы такую развязку естественной. Но герой пѣсни, очевидно, не старикъ, а сынъ, и неестественнымъ представляется, что пѣсня такъ неразсчитливо удалила со сцены главное дѣйствующее лицо, не давъ ему «досказаться». Мы ожидаемъ его встрѣчи съ отцемъ — мирной или бранной? Послѣдняя принадлежитъ къ положеніямъ, излюбленнымъ въ народномъ эпосѣ, между прочимъ, въ русскомъ. На широкое распространеніе этого мотива указывали Édélestand Du Méril, Anthes, R. Köhler, O. Миллеръ и друг.; къ собраннымъ ими параллелямъ легко было-бы присоединить и новыя ¹⁾. Изъ русскихъ извѣстны бы-

¹⁾ Éd. Du Méril, Hist. de la poésie scandinave, стр. 417—440; Carl Anthes, Das Deutsche Hildebrandslied und die iranische Sohrabsage, Weimar. Jahrbuch, IV B., I-es Heft (1856), ib. IV B., II-es Heft: замѣтки R. Köhler'a; O. Миллеръ въ Herrig's Archiv für das Studium d. neueren Sprachen, XXXIII, 257; его-же: Илья Муромецъ, 1-я глава; R. Köhler въ Revue critique 1868 г., II, стр. 413—414 (сл. тамъ-же, стр. 414: примѣчаніе G. Paris'a) и въ Richards II bians, ed. Förster'a, p. XXIII. — Сл. Kölbing, Beiträge, стр. 197; Floovant, ed. Michelant et Guessard, Sommaire, стр. XXXIV; Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 406—7; Romania, № XXIX, стр. 60 (G. Paris); Jagić, l. c., стр. 444: бой Марка Краевича съ племянникомъ.

лины о боѣ Ильи съ Сокольниковъ; эпизодъ пѣсни о Данилѣ Игнатьевичѣ, готовящемся сразиться съ сыномъ, котораго призналъ за татарина (Кир. III, № 2, стр. 49—50, в. 210 слѣд.); наконецъ такой-же эпизодъ въ былинѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, представляющей во всемъ своемъ развитіи такія черты сходства съ поэмой объ Армури, что подробное изложеніе ея кажется намъ необходимымъ.

До насъ дошли двѣ былины о Саулѣ или Саурѣ Леванидовичѣ (Ванидовичѣ) съ сыномъ, у Кир. III, стр. 113—116=№ I и стр. 116—124=№ II. Далѣе мы дѣлаемъ ссылки на №№ I—II.

Изъ сильнаго было царства Астраханскаго,
Жилъ-былъ тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ.
Накопиль онъ силушки себѣ многое множество,
Накопя онъ силушки въ походъ пошелъ,
Въ походъ пошелъ подъ три царства:
Подъ первое царство Латвиское,
Подъ другое царство Литвинское,
Подъ третіе царство Сорочинское

(№ I; въ № II Саулъ Леванидовичъ ѣдетъ «за море синее, въ дальну орду, въ Половецку землю»)

Провожала его молодая жена,
Провожала она его за два рубежа,
Отъ третьяго назадъ воротилася.
Входила она на вышку на высокую,
Становилася на бѣль-горючъ камень,
Глядѣла-смотрѣла въ чисто поле:
«Далеко-ли идетъ мой князь
Сауръ сынъ Ванидовичъ?»
Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалася она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалася, —
Во чревѣ дитя встрепенулося.
Она пишетъ ярлыкн скоронисные,

Посылаетъ за самимъ княземъ,
 Чтобы князь Сауръ сынъ Ванидовичъ
 Воротился домой:
 «Молодая княгиня беременна».

Догоняетъ его скорый посолъ,
 Кладетъ пакеты на бѣлы руки.
 Пакеты тѣ онъ прочитываетъ:
 «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ,
 Да не въ другой разъ она меня назадъ ворочаетъ:
 Теперь не ворочусь я домой!
 Коли дочь родить — пой-корми пятнадцать лѣтъ,
 А на шестнадцатомъ за-мужъ отдай;
 А сына родить — такъ легѣй его до восьми годовъ,
 А на девятомъ году присылай его ко мнѣ на помощь» (№ I).

Въ № II нѣтъ эпизода о змѣѣ: княгиня сама говоритъ отъѣз-
 жающему мужу, что она «черевоста», и слышитъ отъ него тѣ-же
 наказы относительно будущихъ — сына или дочери. За то
 дѣтство и недѣтскія «шуточки» и первый выѣздъ юнаго богатыря
 рассказаны здѣсь подробнѣе, онъ и мать его, анонимные въ № I,
 названы: Константинушкой Сауловичемъ и Еленой Азвѣковной
 или Александровной. — Ребенокъ родится вскорѣ по отъѣздѣ
 мужа:

А и царское дитя не по годамъ растетъ,
 А и царско дитя не по мѣсяцамъ;
 А которой ребенокъ двадцати годовъ,
 Онъ, Константинушка, семи годковъ.
 Присадила его матушка грамотѣ учиться:
 Скоро ему грамота далася и писать научился.
 Будетъ онъ Константинушка десяти годовъ,
 Сталь-то по улицамъ показивати,
 Сталь съ ребятами шутку шутить,
 Съ усатыми, съ боролатыми,
 А которые ребята двадцати годовъ,
 И которые во полу-тридцати, —
 А всѣ вѣдь дѣти княженецкіе,
 А всѣ-то вѣдь дѣти боярскіе,
 И всѣ-то вѣдь дѣти дворянскіе,

Еще-ли дѣти купецкіе. —
 Онъ шутку шутить не по ребячю,
 А творки творилъ не по маленькимъ:
 Котораго возметъ за руку,
 Изъ плеча тому руку выломить,
 И котораго задѣнетъ за ногу,
 По ногу оторветъ прочь;
 И котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричить-реветъ, окорачъ ползетъ,
 Безъ головы домой придетъ.
 Князи-бояра дивуются,
 И всѣ купцы богатые:
 «А что это у насъ за уродъ ростетъ,
 Что это у насъ за выблядочекъ?»
 Доносили они жалобу великую
 Какъ-бы той царицѣ Азвяковнѣ,
 Молодой Еленѣ Александровнѣ.
 Втапору скоро завела его матушка во теремы свои,
 Того-ли млада Константинушку Сауловича,
 Стала его журить-бранить,
 А журить-бранить, на умъ учить, смиренко жить.
 А младъ Константинъ сынъ Сауловичъ
 Только у матушки выпросилъ:
 «Гой еси, матушка,
 Молода Елена Александровна!
 Есть-ли у меня на роду батюшка?» (№ II)

Мать рассказываетъ ему объ отцѣ и объ его наказѣ.

Много царевичъ не спрашиваетъ,
 Выходилъ на крылечко на красное:
 «Конюхи, приспѣшники!
 Осѣдлайте скоро мнѣ добра коня
 Подъ то сѣделечко Черкесское,
 А въ задней слугѣ и въ передней слугѣ
 По тирону по каменю,
 По дорогу по самоцвѣтному,
 А не для ради меня молодца,
 Басы для-ради, богатырскія крѣпости,
 Для-ради пути для дороженьки,

Для-ради темной ночи осенней,
 Чтобы видѣть при пути-дороженьки
 Темна ночь до бѣла свѣта.
 А и только вѣдь матушка видѣла:
 Ставалъ во стремя вальщатое,
 Садился въ сѣделечко Черкесское;
 Только онъ въ ворота выѣхалъ,
 Въ чистомъ полѣ дымъ столбомъ;
 А и только съ собою ружье везеть,
 А везеть онъ палицу тяжкую,
 А и мѣдну литу въ триста пудъ (№ II).

Розстань на дорогѣ, встрѣченная юнымъ богатыремъ, — типическая подробность былиннаго эпоса, и здѣсь не у мѣста: Кон-стантинъ выбираетъ среднюю дорогу, которая сулитъ богатырю «смерть напрасную» — а онъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ татарами, которые въ № II замѣнили Сарацинъ № I. Подѣхавъ къ рѣкѣ Смородинѣ въ то время, какъ черезъ нея перевозился съ своимъ войскомъ «Кунгуръ царь Самородовичъ» (сл. Смородина — Самородовичъ и у Гильфердинга № 304: Калинъ Смарадоновичъ), онъ принимается «Татаровъ съ краю бить», бьется два дня, счастливо избѣгаетъ вражью западню (v. 178: усмотрѣлъ ихъ Татарскіе вымыслы), изъ Татаръ кого перебилъ, кого домой отпустилъ, а самого Кунгура въ крохи разбилъ.

Такъ въ № II. Иначе описываются бранные подвиги молодого богатыря въ № I: какъ подошелъ онъ къ царству Сорочинскому,

Увидали старики Сорочинскіе,
 Они дѣлали сходен все великія:
 «Подступила намъ, братцы, сила несмѣтная,
 Просютъ поединщика.
 Возговорили старики Сорочинскіе:
 «Есть у насъ, братцы, полоненочекъ, затюремщикекъ,
 Пошлемъ мы его напротивъ силы поединщикомъ».

Приходили же старики Сорочинскіе къ земляной тюрьмѣ:
 «Ты гои еси, полоненьщикекъ,
 Ты гои еси, затюремщикекъ!
 Сослужи ты намъ службу великую,

Напротивъ силы поединщикамъ».

 Возговорилъ есь князь Сауръ сынъ Ванидовичъ:

 «Ой ты гой еси, старикъ Сорочинскіе,

 Давайте мнѣ коня добраго

 И зброю богатырскую».

 Сѣлъ на добра коня

 И полетѣлъ напротивъ силы во чисто поле.

 Стѣхались, поздоровались

 И поцѣловались, врозь разтѣзжались,

 И билась день до вечера,

 И никто никого не одолѣваетъ.

 И взорѣлъ князь Сауръ

 Сынъ Ванидовичъ на небо:

 «Помоги ты мнѣ, Господи,

 Молодаго война изъ сѣдла выладить!»

 И выладилъ изъ сѣдла

 И палъ ему на бѣлу грудь

 И сталъ его спрашивать:

 «Охъ ты гой еси, молодой воинъ!

 Какого ты роду-племени?»

 — Не моя въ полѣ Вожья помощь!

 Не сталъ-бы я много спрашивать,

 Срубилъ бы съ тебя буйну голову

 По самыя могучія плечи!

 Былъ у меня батюшка,

 Князь Сауръ сынъ Ванидовичъ,

 Пошелъ воевать подъ три царства,

 Тамъ и пропалъ. —

 Тутъ князь Сауръ сынъ Ванидовичъ заплакалъ,

 И поднялъ за бѣлы руки, и возговорилъ:

 «Ой ты гой еси, добрый молодець,

 Вѣдь я твой родной батюшка!»

 Тутъ онъ написалъ письмо

 И послалъ гонца къ своей матушкѣ:

 — Гой ты еси, моя родная матушка,

 Выручишь я роднаго батюшку». (№ I).

№ II представляетъ, начиная съ эпизода о битвѣ съ татарами-Сарацинами, несомнѣнное искаженіе № I, который, съ своей стороны, могъ утратить кое-какія древнія черты, возстановимыя

изъ втораго варьянта. Такъ битва Константина съ войскомъ царя Кунгура сохранилась лишь во второмъ, поединокъ съ отцемъ — только въ первомъ, а во второмъ лишь въ крайне искаженномъ видѣ, за которымъ, впрочемъ, легко возстановить черты подлинника. Послѣдовательность здѣсь такая: Константинъ перебилъ Татаръ вмѣстѣ съ ихъ царемъ Кунгуромъ; затѣмъ онъ подъѣзжаетъ къ городу Угличу, вызывая поединщика; Углицкіе мужики заманиваютъ его хитростью и сажаютъ въ погреба глубокіе; между тѣмъ Саулъ Леванидовичъ, который въ этой версіи и не является плѣнникомъ, вернулся домой (во второй половинѣ былины его царство зовется: Алыберскимъ), узнаетъ, что въ его отсутствіи жена родила сына, который отправился въ поиски за нимъ; онъ тотчасъ-же ѣдетъ къ Угличу, проситъ

Чтобы выдали такого удача добра молодца,
Который сидитъ въ погребахъ глубокихъ.

«Мужики Угличи» вначалѣ отпѣкиваются, а затѣмъ старики сошлись,

Выводили тутъ удача добра молодца
Изъ того ли погреба глубокаго,
И сымали желѣза съ рѣзвыхъ ногъ,
Развязали гербуры шелковые,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А мѣду литу въ треста пудъ,
И его платъице царское, цвѣтное.

Сынъ и отецъ признаютъ другъ друга; боя нѣтъ вовсе.

Въ редакціи этого эпизода, какъ онъ представляется въ № II, отецъ и сынъ отчасти помѣнялись мѣстомъ, Угличи вошли въ роль Татаръ-Сарацинъ. Послѣдовательность могла быть, первоначально, такая: царь Саулъ попадаетъ въ плѣнъ, куда его увлекаютъ хитростью (какъ въ № II Угличи его сына Константина); является Константинъ, вызываетъ поединщика; противъ него

выпускають его отца-плѣнника. Былина могла кончатся—боемъ и признаніемъ.

Основаніемъ этого гипотетическаго возстановленія служить, съ одной стороны, нашъ № I, съ другой — поэма объ Армури, на всемъ своемъ протяженіи, за исключеніемъ конца, который по моему мнѣнію, восполняется въ свою очередь при помощи нашихъ былинъ. Для тѣхъ и другихъ планъ можетъ быть принять общій:

1. Отецъ въ отлучкѣ, въ плѣну. . .

2. Сынъ, родившійся въ его отсутствіи, съизмала проявляетъ богатырскую силу, ѣдетъ отыскивать отца, побиваетъ вражье войско.

3. Противъ него высылають плѣнника-отца. Поединокъ и спознаніе.

Отецъ носить въ былинахъ имя Саула = Саура, жена въ № II: Елены Азвяковны или Александровны; сынъ, тамже, имя Константина. Все это указываетъ на византійское пѣсенное или историческое преданіе, отразившееся въ нашемъ эпосѣ рядомъ эпониновъ: Константинъ Боголюбовичъ и его жена Елена Александровна царятъ въ Константинополѣ по былинамъ объ Ильѣ¹⁾; Константинъ и Саулъ (= Самуилъ) извѣстны изъ духовныхъ стиховъ о Θεодорѣ Тиронѣ и восходятъ, несомнѣнно, къ новогреческому оригиналу²⁾; отечество Леванидовичъ взято, вѣроятно, отъ Левона, Леона = Льва, Левуя, Алевуя, Кир-Лея повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ и константинопольской топографіи епископа Антонія³⁾. Съ этими именами, очевидно, не гармонируютъ Татары № II, и слѣдуетъ отдать предпочтеніе № I, гдѣ

¹⁾ Сл. Кир. IV, стр. 22 слѣд.; Сказаніе о семи русскихъ богатыряхъ въ Пам. стар. Русск. литер. II (по ркп. XVIII в.); то же въ изданіи Е. Барсова (по ркп. XVII в.); Гильфердингъ № 48, 196, 282.

²⁾ Сл. мои Разысканія I, стр. 12—13; II, стр. 159.

³⁾ См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (Славянскій сборникъ т. II), стр. 132—133; 157 слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 10—12.

враги названы Сарацинами, какъ съ Сарацинами-же бьется и Армури.

Я не далекъ отъ предположенія, что за былиной о Саулѣ Леванидовичѣ скрывается оригиналъ какой нибудь греческой народно-эпической пѣсни, близкой по типу къ пѣснѣ объ Армури и также воспѣвавшей битвы юнаго храбреца съ малоазіатскими исконными врагами Византіи. Благодаря своей обособленности отъ кievскаго и владимировскаго центровъ, къ которымъ притянуло почти все древнее содержаніе нашего эпоса, эта былина сохранила въ относительной свѣжести слѣды своего происхожденія — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ и Сарацинъ, которыхъ № II уже переименовалъ Татарами. Это — такой-же признакъ начинавшагося приуроченія, какъ и имя татарскаго царя Кудгура, вѣроятно, такое-же эпонимическое, какъ Курганъ, Кумбаль былинъ о Суздальцѣ.

Предположеніе, что византійскія былины могли проникнуть на югъ Россіи и занять мѣсто въ ея эпическомъ циклѣ, не имѣетъ, само по себѣ, ничего невѣроятнаго. Слѣдуетъ припомнить греческую колонизацію нашего Крыма, роль Сурожа въ судьбахъ древней Россіи, международное пѣсенное общеніе, сплавившее средневѣковую Европу тѣснѣ и многообразнѣ, чѣмъ мы обыкновенно полагаемъ. Греческія пѣсни о сыновьяхъ Романа Лекапина (945 г.) пѣлись, по свидѣтельству Ліутпранда, не только въ Европѣ, но въ Африкѣ и Азіи; въ этомъ такая-же доля риторическаго преувеличенія, какъ и у автора Слова о Полку Игоревѣ, заставляющаго Нѣмцевъ и Венеціанъ, Грековъ и Моравянъ вторить пѣснямъ о славныхъ подвигахъ кievскихъ князей. Но за шаржемъ скрывается и доля дѣйствительности: отрывки византійскихъ новеллъ заходили уже въ X вѣкѣ къ нѣмецкимъ шпильманамъ; византійскіе отголоски легко встрѣтить въ поэмахъ о Ротерѣ, о Hug- и Wolfdietrich'ахъ. Русскіе перепѣвы византійскихъ пѣсень принадлежатъ тому-же теченію, и ихъ необходимо принять въ расчетъ, изслѣдуя судьбы византійскаго вліянія на литературы запада.

IV.

Былины объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Ираклѣи.

I.

Пѣсни о бѣгѣ въ запуски богатырскихъ коней популярны въ румынской, русской и новогреческой народной поэзіи, какъ были когда-то въ старофранцузскихъ поэмахъ. Изъ области послѣднихъ упомяну лишь о знаменитой скачкѣ въ Renaut de Montauban; о соответствующихъ эпизодахъ въ Egacles и Voyage de Charlemagne будетъ рѣчь далѣе. Въ новогреческой пѣснѣ (Parsow, Carmina popularia, № DXV) Константинъ бьется съ царемъ объ закладъ о свою голову, что его конь перебѣжитъ царскихъ коней, и остается побѣдителемъ въ состязаніи:

‘Ο Κωνσταντῆς κι’ ὁ βασιλιάς ἀντάμα τρῶν καὶ πίνουν,
Κι’ ἀθηβολὴν εὐρήκανε ποιὸς ἔχει κάλλιο μαῦρο.
‘Ο βασιλιάς βάνει φλωριά, τί ἔχει πολὺ λογάρι,
Κ’ ὁ Κωνσταντῆς εἶναι φτωχὸς καὶ βάνει το κεφάλι.
‘Ὡς τ’ ἄκουσε κ’ ἡ λυγερὴ τοῦ Κωνσταντῆ ἡ γυναῖκα,
Στὸ σταῦλον ἐκατέβηκε, βρῶμι στὸ σφραῖστο βάνει:
«Ἄν ἀπεράσης μαῦρέ μου τοῦ βασιλιάς τὸ μαῦρο,
Θὰ νὰ σοῦ σκῶσω τὴν ταγὴν σαρανταπέντε φοῦκτες.
Τούταις ταῖς ζάβαις ποῦ φορῶ, πέταλα θὰ σταῖς κάμω
Καὶ τὰ σχολαρχικάκια μου καρφιὰ τῶν πεταλιῶν σου».

Σαράντα μίλια τρέξανε και τὰ σαράντ' ἀντάμα
 Και στὰ σαράντα τέσσερα πρὸς τὰ σαράντα πέντε,
 Στέκει και διαλογίζεται τὰ λόγια τῆς κυρᾶς του.
 Σὰν ἀστραπή τοῦρτ' ἀπ' ὀμπρὸς και σὰ βροντ' ἀπὸ πίσω.
 Τὸν ἄφηκ' ἀπὸ πίσω του δέκα μιλιῶνε τόπο
 «Στέκα κ' ἐγῶμαι βασιλιάς, μὴ μὲ παραντροπιάζης.
 Τὸ στοίχημα ποῦ βάλλαμε, διπλὸ νὰ σοῦ τό δώσω».

Таково, въ сущности, содержание нѣкоторыхъ малорусскихъ колядокъ и нашихъ былинь объ Иванѣ Гостинѣ сынѣ: тамъ и здѣсь таже похвальба молодца передъ королемъ, княземъ, и тѣ-же результаты бѣга. Въ русскомъ эпосѣ извѣстны пѣсни еще и о другомъ ристаніи — Дюка Степановича въ запуски съ Чурилой. Сюжетъ, очевидно, принадлежалъ къ числу излюбленныхъ; этимъ обстоятельствомъ я склоненъ объяснить, почему изъ цикла пѣсенъ объ Иванѣ Гостинѣ сынѣ сохранились главнымъ образомъ лишь тѣ, которыя воспѣваютъ именно его состязаніе на коняхъ. Что такой циклъ дѣйствительно существовалъ и еще возстановимъ по отрывкамъ и намекамъ — это я намѣренъ доказать или по крайней мѣрѣ сдѣлать вѣроятнымъ въ настоящей главѣ. Начну съ пѣсни о «бѣгѣ».

Вызовъ къ нему исходитъ отъ князя: во полу-пирѣ

Владиміръ князь разпотѣшился,
 По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Такovy слова поговариваетъ:
 «Гой еси, князи и бояра,
 И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
 Есть-ли во Кіевѣ таковъ человекъ,
 Кто-бъ похвалился на триста жеребцовъ,
 На триста жеребцовъ и на три жеребцы похвалены, —
 Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
 И который полоненъ воронкѣ въ Большой ордѣ,
 Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ,
 Какъ у молода Тугарина Змѣевича:
 Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
 Два деваносто-то мѣрныхъ вереть,
 Промежъ обѣдней и заутренею?»

Какъ бы меньшей за большаго хоронится,
 Отъ меньшаго ему тутъ князю отвѣту нѣту.
 Изъ того стола княженецкаго,
 Изъ той скамьи богатырскаго,
 Выступаетъ Иванъ Гостиной сынъ,
 И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
 Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
 «Гой еси ты, сударь, ласковой Владиміръ князь,
 Нѣтъ у тебя въ Киевѣ охотниковъ,
 А и быть передъ княземъ невольникомъ».

Онъ принимаетъ его вызовъ: скакать отъ Кіева до Чернигова.

Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
 Промежу обѣдни и заутрени,
 Ускоки давать коншны,
 Что выметывать раздолья широкія.
 «А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 О своей буйной головѣ». —
 За князя Владиміра держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, тутъ, де, гости корабельщики,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;
 А нѣто, де, тутъ за Ивана поруки не держать,
 Пригодился тутъ владѣва Черниговской,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ они поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей —
 Подписался.

(Кир. III № 3, стр. 4—5, vv. 10 слѣд.; сл. Гильф. № 133;
 въ № 307, замѣнившемъ Ивана Гостиного сына — Иваномъ
 Годиновичемъ, Владиміръ хвалится тремя добрыми конями).
 Иначе у Рыбн. III № 34 (и у Гильф. № 135): здѣсь поводомъ
 бѣга не вызовъ князя, а похвальба богатыря на пиру, гдѣ всѣ

Наѣдался,

Всѣ на почетномъ напивался,
 Всѣ на пиру порасхвастались.
 Ктоль хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Ктоль хвастаетъ молодой женой,

Ктоль хвастаетъ золотой казной?
 Умный хвастаетъ отцемъ-матерью,
 А безумный хвастаетъ молодой женой,
 Богатый хвастаетъ золотой казной.
 Душка Иванъ Гостинный сынъ
 Не ѣсть, не пьеть, не кушаетъ,
 И бѣлой лебеди не рушаетъ,
 И ни чѣмъ онъ, молодець, не хвастаетъ.
 Говоритъ Владиміръ князь стольно-Кіевскій:
 «Душка Иванъ Гостинный сынъ!
 Что ты не ѣшь, не пьешь, не кушаешь,
 Бѣлыя лебеди не рушаешь,
 И ни чѣмъ ты, молодець, не хвастаешь?
 Хлѣбъ-ли соль тебѣ не по душѣ,
 Чарою-ль тебя пообошли,
 Али пьяннца надъ тобою надсмѣялася?»
 Тутъ душка Иванъ Гостинный сынъ
 Говоритъ ему не съ упадкою:
 Хлѣбъ-соль мнѣ была по душѣ,
 Чарою меня не обошли,
 И пьяннца надо мной не надсмѣялася.
 А не чѣмъ мнѣ, молодцу, похвастати,
 А столько я похвастаю:
 Есть-ли у васъ единъ молодець
 Ъхать-то на добрыхъ коняхъ
 Ко тому ко городу Чернигову,
 А перебѣгу ровно триста верстъ
 И тридцать три версты мѣрныхъ:
 И съѣздитъ намъ промежъ обѣдней и заутреней,
 Съѣздитъ намъ и ко обѣдни поспѣтъ?

Онъ бѣется о закладъ съ княземъ:

Ты заложн казны своей сорокъ тысячей,
 А я заложу свою буйну голову,

а Владиміръ говоритъ:

Во хмѣлѣ дѣтина порасхвастался,
 Не на комъ тебѣ будетъ повиѣхати.

Дѣйствительно: у Ивана конь какъ будто не видный: косматый бурушко (Гильф. № 133), «трехъ годковъ жеребушечка» (Кир. III

№ I, стр. 2, в. 26), «бурочко, косматочко, троелѣточко» (ib. № 3, стр. 6, в. 67). Я указалъ въ предыдущей главѣ, что это — сказочный, неприглядный и шелудивый жеребенокъ, становящійся въ рукахъ юнаго богатыря чудеснымъ конемъ. Иванъ обращается къ нему съ просьбой, припадаетъ къ правому копыту (Кир. III № I, стр. 2, в. 42), въ ножку правую, во лѣвую во ноженку (Гильф. № 135, 133; Рыбн. III № 34, в. 59), говорить, что пробилъ свою буйную голову (Гильф. № 135), что «въ пьяномъ разумѣ поросхвастался» (Гильф. № 133). И конь обѣщаетъ постоять за хозяина: велитъ кормить себя пшеницей яровою, либо пшеномъ сорочинскимъ, поить водой ключевою, либо сытой медвяной, пустить на травы зеленыя три дня по зарѣ (Кир. III № 1, стр. 3, в. 49 слѣд.; № 3, стр. 6, в. 91 слѣд.). — До бѣга, въ сущности, дѣло не доходить: одно появленіе бурушки, его чудовищное ржаніе наводитъ на всѣхъ трепеть. Въ редакціи Кирши Данилова (Кир. III № 3, стр. 7—8, в. 122 слѣд.; сл. Гильф. № 135, стр. 699) это рассказывается въ особенно яркихъ краскахъ:

Онъ будетъ, де, Иванъ, среди двора княженецкаго,
 Стасть его бурко передомъ ходить
 И копытами онъ за шубу посапывать,
 И по черному соболу выхватывать,
 Онъ на всѣ стороны подбрасывать:
 Князи и бояра дивуются,
 Купецкіе люди засмотрѣлися;
 Зрываетъ бурко по туринному,
 Онъ шипъ пустилъ по змѣиному, —
 Триста жеребцовъ испугался,
 Съ княженецкаго двора разбѣжался.

Испугались князья и бояре, Владиміръ

Кричитъ самъ въ ошопечко косящатое:
 «Гой еси ты, Иванъ Гостиной сынъ!
 Уведи ты уродья со двора долой:
 Просты поруки вѣрникія, заиси всѣ изодранія»

(сл. Гильф. № 133, стр. 696).

Вталоры владыка Черниговскій
 У великаго князя на почестномъ пирѣ
 Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
 Велѣлъ похватить корабли
 Съ тѣми товары заморскими;
 — «А князп, де, и бояра нкуда отъ насъ не уйдутъ».

Иначе у Рыбн. III № 34, в. 141 слѣд.: заплативъ Ивану «великъ закладъ», Владиміръ проситъ его подарить ему «добра коня». Тотъ отвѣчаетъ:

Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
 Мой конь купленъ въ Большой Орды,
 Въ Большой Орды изъ-подъ матери.
 За коня было плочено пятьсотъ рублевъ,
 А съ проводинами сталъ цѣлу тысящу.
 Развѣ Владиміра конемъ подарить?

И онъ даритъ ему коня; но вскорѣ конюхи князя докладываютъ ему, что конь

Пшены не ѣстъ и меда не пьетъ,
 Скрычалъ онъ по звѣрному,
 И засвисталъ онъ по змѣиному
 И прибилъ онъ всѣхъ жеребчиковъ. —
 Владиміръ князь стольно-Кіевскій
 Сказалъ душка Ивану Гостиному:
 «Что не надобенъ мнѣ твой добрый конь,
 Мнѣ не надобенъ; поѣзжай домой!»

Эта развязка, несомнѣнно, собрана изъ мотивовъ, раньше встрѣчавшихся въ пѣснѣ: звѣриный покрикъ бурушки перенесенъ къ концу изъ того эпизода былины, гдѣ онъ впервые является на дворѣ князя; что онъ купленъ жеребенкомъ въ Большой Ордѣ — не новая черта, а также заимствованная: одинъ изъ коней, состояющихся съ бурушкой, «полонень... во Большой Ордѣ» (Кир. III № 3, стр. 4, в. 19); у Гильф. № 307 бурушко

Ивана, купленный «селяточкомъ» за моремъ, затопталъ и залягалъ на смерть златогриваго и сивогриваго коней, а

Половѣной воронкѣ Илья Муромча,
Полоненный воронко едва высочилъ.

Черта древняя, засвидѣтельствованная особой былинной¹⁾. Хотѣлось, очевидно, знать, откуда взялся у Ивана его чудесный конь; отвѣтъ явился сборный, потому что подлинный былъ забыть — съ утратой полнаго пѣсеннаго цикла объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ.

Кое-что могли запомнить русскія сказки. Они рассказываютъ намъ о царевичѣ Иванѣ, объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, какъ тотъ и другой раздобыли своихъ коней: они стояли въ подземельяхъ, погребахъ, гдѣ ихъ заперъ за двѣнадцатю дверями, за двѣнадцатю замками, какой-то древній богатырь; и они привѣтствуютъ громкимъ ржаніемъ пришествіе юнаго витязя, передъ которымъ склоняютъ колѣна²⁾. Интереснѣе для нашего вопроса третья сказка объ Иванѣ (Аванасъевъ, Нар. русск. Сказки II № 107): жилъ-былъ старикъ со старухой, старыепрестарые, а дѣтей у нихъ не было, хотя они постоянно молили Бога о ниспосланіи имъ наслѣдника. И вотъ старикъ даетъ обѣтъ: коли родится у него сынъ, взять ему въ кумовья перваго встрѣчнаго. Старуха забеременѣла и родила сына; мужъ пошелъ искать кума, и такъ какъ первый, кто ему попался на встрѣчу, былъ царь, то его и позвали на крестины. Царскаго крестника назвали Иваномъ; десяти лѣтъ онъ уже былъ высокъ ростомъ

¹⁾ См. далѣе гл. X. Въ былинѣ о Михайлѣ Казариновѣ (Кирша № XXI) богатырь освобождаетъ свою сестру-полонянку отъ трехъ татаръ, сажаетъ её на своего коня, самъ ѣдетъ верхомъ на татарскомъ, а двухъ коней ведетъ въ поводу. Владимиръ говоритъ ему:

У меня есть триста жеребцовъ,
И три любимы жеребца,
А нѣтъ такого одинаго жеребца!
Исполать тебѣ доброму молодцу.

²⁾ Кир. III, Приложенія, стр. XXVI—VII.

и силенъ, а крестный посылаетъ за нимъ, хочетъ его повидать. Путь былъ далекій, надо было раздобыть лошадь; вотъ отецъ и даетъ Ивану сто рублей, велитъ ему пойти въ городъ на конную и выбрать себѣ коня. По дорогѣ повстрѣчался съ Иваномъ старикъ и даетъ ему совѣтъ, отъ соблюденія котораго зависитъ его счастье: какъ придешь на конную, увидишь мужика съ тощей, паршивой клячей, еѣ и бери; сколько бы за нее не запросилъ хозяинъ, давай, не торгуйся; лошадь поведи домой, паси еѣ по утренней и вечерней росѣ въ теченіи двѣнадцати дней — тогда ты еѣ узнаешь. — Иванъ такъ и дѣлаетъ, привелъ лошадь домой; отецъ недоволенъ, жалуется что деньги потрачены даромъ; по прошествіи двѣнадцати дней, когда Иванъ исполнилъ все повелѣнное старцемъ, его лошадь преобразилось, стала сильной и красивой — и юный витязь отправляется на ней ко двору. — Дальнѣйшее развитіе сказки лежитъ, собственно говоря, внѣ вопроса насъ занимающаго: царь отличаетъ передъ другими своего крестника, вызывая тѣмъ зависть въ придворныхъ, которые клепятъ на Ивана, будто онъ похвастался, что увезетъ и возметъ себѣ въ жены царевну Анастасію прекрасную, чтó живетъ въ тридесятѣ царствѣ, въ тридесятѣ государствѣ, въ мраморномъ дворцѣ. Царь повѣрилъ этому навѣту и велитъ Ивану, подъ страхомъ смерти, исполнить подвигъ, о которомъ онъ никогда не помышлялъ и который удастся ему при помощи его чудеснаго коня (сл. начало сказки № 165 у Аванасьева П).

Я полагаю, что въ связи съ сообщенной сказкой стоитъ другая: объ Иванѣ — крестьянскомъ сынѣ, рожденномъ послѣ трехлѣтняго безплодія родителей, богатырскомъ сиднѣ, ощутившемъ въ себѣ силу послѣ того, какъ выпилъ ендову пива, поданную ему нищимъ (Кир. III, Приложенія, стр. XXIII—XXIV). Оба сюжета являются соединенными въ одной былинѣ (побывальщинѣ) объ Ильѣ Муромцѣ (Рыбн. I № 8; сл. II № 2) и соответствующемъ чувашскомъ разсказѣ (Магнитскій, Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры, стр. 251 слѣд.): Илья — сидень; выпивъ «чарочку питьяца медвянаго» изъ рукъ каликъ

перехожихъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что «богатырско его тѣло разгорѣлося». Каліки говорятъ ему, между прочимъ:

55 «Доставай, Илья, коня собѣ богатырскаго,
Выходи въ раздольице чисто поле,
Покупай перваго жеребчика,
Станови его въ срубу на три мѣсяца,
Корми его пшеномъ бѣлояровымъ,
А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
Ты по три ночи жеребчика въ саду поважпвай,
И въ три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его къ тыну ко высокому:
Какъ станетъ жеребчикъ черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону,
Показай на немъ куда хочешь,
Будетъ носить тебя».

.....
89 Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видитъ: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматонькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ ¹⁾).

Существовалъ-ли въ былинной поэзіи подобный разсказъ о приобрѣтеніи коня Иваномъ Гостинымъ сыномъ — этого мы пока не знаемъ; за то сохранились два пѣсенныхъ отрывка и небольшой эпизодъ въ былинѣ о другомъ богатырѣ, свидѣтельствующіе, что объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ пѣлось нѣкогда что-то болѣе полное и цѣльное.

Пѣсня у Кир. III № I, стр. 1—3 въ большей своей части посвящена извѣстному намъ бѣгу въ запуски; но пѣвецъ переходитъ къ нему не прямо: онъ начинаетъ издалека, запѣвомъ, извѣстнымъ изъ другихъ былинъ ²⁾):

¹⁾ У Гильф. № 120 коня Ильи Муромца принадлежитъ не къ типу «немудраго жеребенка», а къ типу заброшеннаго дѣдовскаго коня.

²⁾ См. Запѣвы у Гильф. №№ 215, 222, 228, 254, 306 и друг.; Буслаявъ, Русскій богатырскій эпосъ, Русск. Вѣстн. 1862, т. 41, стр. 558—60.

Нашему хозяину честь-бы была,
 Намъ-бы, ребятамъ, ведро пива было:
 Самъ-бы испилъ, да и намъ бы поднесъ.
 Мы, малы ребята, станемъ сказывать,
 А вы, старички, вы послушайте,
 Что про матушку про шіроку про Волгу рѣку.
 Шірока рѣка подъ Казань подошла,
 А пошире подалъ подъ Астрахань.

Слѣдующіе два стиха могли быть началомъ пѣсни, къ которой, первоначально, относился приведенный запѣвъ:

Велкъ перевозъ подъ Новѣмъ-Городѣмъ,
 Бѣгъ выбѣгалъ тутъ насадничекъ.

Пѣвецъ запоминать продолженіе пѣсни и его память случайно перенеслась къ былинѣ о ристаніи Ивана Гостинаго сына. Переходитъ онъ къ ней чисто внѣшнимъ образомъ: тамъ пѣлось о похвальбѣ Ивана на пиру у князя Владиміра; у него обстановка другая: насадничекъ — и вотъ онъ продолжаетъ:

Въ этомъ во насадничкѣ сынъ со матерью,
 Пью они ѣдѣ, прохлаждаются,
 Промежду собою похваляются:
 Одинъ похвалился житьемъ-бытьемъ,
 А другой похвалился молодою женой,
 А третій похвалился саблей вострою.
 Взговоришь Ванюшка Гостинный сынъ:
 Ахъ вы братцы, вы бояры!

Одинъ похвалился житьемъ-бытьемъ,

.....

Я похваюсь своимъ каурушкой.

.....

Вотъ они и закладываются,
 Не объ стѣ рублей, не объ тысячи,
 А просто объ своей буйной головы:
 Какъ бы съ Кіева до Владиміра,
 Выѣхавши отъ заутренн,
 Къ ранней обѣднѣ поспѣть.

Владимиръ - городъ, вмѣсто Чернигова, очевидно, по памяти о князѣ Владимирѣ.

Въ этой сборной и, очевидно, испорченной пѣснѣ одна подробность отзывается чѣмъ-то древнимъ, — памятью о какой-то матери Ивана Гостинаго сына. Дѣйствительно: о ней и о ея сынѣ сохранилась, въ двухъ записяхъ, одна интересная былина, которую я и приведу цѣликомъ:

Какъ отъ батюшки было умнаго,
 Какъ отъ матушки да отъ разумнаго,
 Зарождается чадушко безумное,
 Что-ль по имени Иванушко Гостинной смѣть.
 Какъ не стало у Иванушка да родна батюшка,
 И остается у Иванушка да родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна.
 И унимаеть родна матушка да своего чада,
 И своего-ли чада милаго,
 И того-ли дитятка любимаго,
 И какъ по имени Иванушка Гостинаго.
 «И гой же ты свѣтъ мое чадо ненаглядное!
 И не ходи тко, чадо, да на царевъ кабакъ,
 И ты не пей-ко-сь, не кушай зелена вина,
 И не имѣй союзъ со голями кабацкими,
 И не связывайся, чадо, со жонками со курвами,
 И со тѣма-ли со дѣвками со блядками».
 И не послушалъ Иванушко да своей матери,
 И онъ сталъ тутъ пить, кушати да зелено вино,
 И сталъ онъ знаться тутъ со голями кабацкими,
 И съ тѣма-ли со жонками со блядками,
 И съ тѣма-ли со дѣвками со курвами.
 И какъ прослышала да ёво матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И приходила тутъ ево да родна матушка,
 Приходила она да на царевъ кабакъ,
 Испроговорить она да таково слово:
 «А гой-же вы народъ люди православныи!
 И не видали-ль вы моего да чада милаго,
 Чада милаго, дитя любимаго,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго?»
 Испроговорятъ народъ да православныя:
 «А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!

И не видали мы твоего да чада милого,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 Испроговорить тутъ Офимья Александровна,
 И что-ли ко тѣмъ голямъ ко кабацкімъ:
 «А гой же вы голи вы кабацкія!
 Вы сважите-тко да гдѣ моё есть чадо милое,
 И чадо милое, дитя любимое,
 И что-ль по имени Иванушко Гостиный сынъ?
 П за то дарю васъ златомъ серебромъ».

И привели тутъ голи кабацкія
 А ѣ оборванаго да добра молодца,
 А ѣ что-ль по имени Иванушка Гостинаго.
 И какъ беретъ Ивана родна матушка,
 И честна вдова Офимья Александровна,
 И какъ беретъ ево да за желты кудри,
 За желты кудри да за бѣлы руки,
 И за бѣлы руки да за златы перстни,
 И повела его на пристань корабельную,
 И ко тѣмъ-ли купцамъ да ко заморскімъ,
 И ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ.
 Испроговорить честна вдова Офимья Александровна,
 Испроговорить она да таково слово:
 «А гой же вы купци заморяна,
 И вы заморяна купци да ѣ вавилоняна!
 И вы купите-тко да моего чада,
 И моего-ли купите чада милого,
 И чада милого купите дитя любимого,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго,
 И дайте-тко за него мнѣ-ка-ва петьсотъ рублей».

Испроговорятъ купци да таково слово:
 «А гой же ты честна вдова Офимья Александровна!
 И не вора-ли продаешь да не разбойника?
 А ѣ отвѣтъ держитъ честна вдова Офимья Александровна
 И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
 «И я не вора продаю, да не разбойника,
 А своего-ли продаю да чада милого,
 И что-ль по имени Иванушка Гостинаго.»
 А ѣ отвѣтъ держитъ да добрый молодецъ,
 И что-ль Иванушко Гостиный сынъ,

И ко тѣмъ купцамъ да ко заморянамъ,
 Ко заморянамъ купцамъ да къ вавилонянамъ:
 «И не жалѣйте-тко вы да цѣлой тысящи,
 И что было-бы моѣй матушкѣ
 И до гробной доски ей да не септатися.»
 И тутъ пролилъ горячія слѣзы добрый молодець,
 И въ слезахъ-то добрый молодець словцо повымолвилъ:
 «И ты прощай-ко-сь, прощай да родна матушка,
 И какъ честна вдова Офимья Александровна,
 И по писаному была да родна матушка,
 А ѣ по житью бытью да змѣя лютая.»
 И тутъ простилася да родна матушка,
 А какъ простилася она да съ любимымъ сыномъ,
 Съ любимымъ сыномъ да со Иванушкомъ

(Гильф. № 172 = Рыбн. IV, № 13).

Изложеніе сообщенной нами былины представляетъ несообразности, указывающія, по моему мнѣнію, на забвеніе цѣльнаго пѣсеннаго преданія и на попытку округлить и осмыслить на-ново удержавшіеся въ памяти отрывки. Такой процессъ реставраціи, естественный въ позднѣйшей жизни всякаго народнаго эпоса, легче представить себѣ совершившимся не на исконной почвѣ «южно-русскихъ» былинь, а въ той сѣверной средѣ, куда проникли ихъ глухіе, невнятные отголоски.

Прежде всего пьянство Ивана, можетъ быть, такой-же поздній мотивъ, какъ и типъ пьяницы, упрочившійся за однимъ изъ младшихъ богатырей — Василиемъ ¹⁾. Что мать продаетъ сына-гуляку и въ то-же время величаетъ его чадомъ милымъ, любимымъ — можно бы объяснить особенною уступчивостью былиннаго эпитета; но эта уступчивость въ сопоставленіи противорѣчій идетъ, очевидно, черезъ край: по роду ты моя матушка, по житью-бытью змѣя лютая, говоритъ Иванъ проданный въ рабство — а былина поетъ о прощаньи матери съ «любимымъ» сыномъ и заставляетъ его просить купцовъ — дать за него

¹⁾ Сл. мои южно-русскія былины I, стр. 50.

цѣну вдвое большую противъ просимой, чтобы его матери можно было прожить безбѣдно до гробовой доски! Необходимо предположить въ просьбѣ Ивана сознание своей собственной цѣнности; вѣдь это одно и могло побудить купцовъ дать за него тысячу рублей вмѣсто пятисотъ; забота о матери, эпитеты милый, любимый объяснялись бы сами собою, если бы продажа была понята первоначально не какъ актъ материнскаго самоуправства. Всѣ это могло быть забыто и спутано — и явиться передъ нами позднѣе въ новой призрачной цѣльности, — со внесеніемъ мотива сына-гуляки, проданнаго въ кабалу.

Пока мы выяснили себѣ только слѣдующее: Иванъ Гостинный сынъ — сынъ вдовы, проданный матерью въ рабство; позднѣе мы встрѣчаемъ его при дворѣ Владимира, онъ обладаетъ чудеснымъ жеребенкомъ, бьется объ закладъ о свою голову, что перескачетъ на немъ княжескихъ коней, и остается побѣдителемъ бѣга. Я сообщу кстати содержаніе сказки-былины о другомъ Иванѣ-удовкинѣ сынѣ ¹⁾, съ цѣлью воспользоваться нѣкоторыми ея чертами, какъ комментарий къ нашимъ пѣснямъ. Иванъ, вдовій сынъ, сватается за дочь царя Волшана Волшановича; какъ въ нашихъ былинахъ о Гостиномъ сынѣ, такъ и здѣсь, герой бьется о свою голову: онъ станетъ «обряжаться», т. е. принимать различные образы; коли царь не узнаетъ его въ этихъ превращеніяхъ, пусть выдастъ за него дочь, не то отсѣчетъ ему «буйну головушку». Два раза онъ обращается горностаемъ, проникаетъ къ царевнѣ,

Въ палаты обернулся добрымъ молодцемъ,
Цѣловаль-миловаль онъ Марью Волшанову,
Цѣлуешь онъ, самъ прощается:
«Прощай, свѣтъ, моя любезная,
Смогу ли я обрядиться?»
Обернулся Ванька горностаемъ,

¹⁾ Рыбн. I № 76: О Ванькѣ удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ Волшанскомъ. Тотъ-же мотивъ въ греческой сказкѣ у Нанн'а, Griech. Märchen № 61 (сл. прим.). Сл. еще Liebrecht, Zur Volkskunde, стр. 152—3.

Опять онъ сманулъ въ подворотенку,
 Пошелъ-поскакалъ по чисту полю,
 Прошелъ-проскакалъ тридевятъ вазовъ,
 Тридевятъ вазовъ, тридевятъ цвѣтовъ,
 Тридевятъ цвѣтовъ, тридевятъ дубовъ,
 Зашелъ за тѣй-ли за единый дубъ,
 И сидитъ тамъ добрый молодецъ.

Оба раза царь узнаетъ о метаморфозахъ Ивана, справившись утромъ въ своей «книгѣ волшанской», «книгахъ волшенскихъ». На третій разъ Ивану помогаетъ Могуль-птица, въ благодарность за то, что онъ прикрылъ своимъ цвѣтнымъ кафтаномъ ея дѣтеншей, прозябшихъ и перемокшихъ въ гнѣздѣ. Она даетъ ему три перышка изъ своего праваго крыла и огниво, съ помощью которыхъ онъ лишаетъ волшанскую книгу ея вѣщей силы: она уже не открываетъ царю, куда дѣлся Иванъ, и Волшанъ сжигаетъ её, а дочь выдаетъ за вдовьяго сына.

Остановимся лишь на нѣкоторыхъ подробностяхъ этой сказки-былины. Ванька удовкинъ сынъ, обладающій чудеснымъ даромъ оборотничества, является при дворѣ царя Волшана, какъ Иванъ Гостинный сынъ, также сынъ вдовы, при дворѣ Владимира съ своимъ чудеснымъ бурушкой. Имя Волшанъ, несомнѣнно, въ связи съ црквнсл. влѣхвъ; его волшанскія книги—волшебныя. Нарядательное «Волшанъ» сложилось подъ впечатлѣніемъ идей волшебства, проведенныхъ въ разсказѣ; трудно представить себѣ, чтобы оно съ самаго начала стояло, какъ имя собственное, естественнѣе предположить, что оно прислонилось къ какому-нибудь болѣе древнему, созвучному. Древнерусская поэзія знаетъ вѣщую, грандіозную книгу царя Волотомана, Волотомона, Вотоломона, Волота и т. д., восходящаго, по очень вѣроятному мнѣнію проф. Ягича, къ имени Птоломея¹⁾. Въ одномъ русскомъ сказаніи о Соломонѣ — Волотомономъ названъ византійскій императоръ; съ другою стороны варианты этого имени переводятъ насъ

¹⁾ См. V. Jagič, Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik, въ Archiv f. Slav. Philol. I, стр. 87—88.

отъ Волотомана къ Волотоміру, Володимиру — и Владимиру. Гостиный сынъ Иванъ, объявляющійся при дворѣ Владимира, могъ впервые проявиться въ окруженіи какого-нибудь Константинопольскаго Волотомона—Волшана; первый стать на мѣсто втораго, Кіевъ на мѣсто Константинополя, греческая сказка-былина претворится въ былинну южно-русскаго цикла. Пока — это лишь одно теоретическое построеніе, отчасти лишь поддержанное предположенной нами генеалогіей гѣсенъ о Саулѣ Леваидовичѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ этой гипотезы обратимъ вниманіе еще на одну, можетъ быть, не случайную подробность, касающуюся роли Ивана Гостинаго сына въ нашихъ былинахъ. У Кир. III, стр. 70—71, № 4 (= Кирша Даниловъ) Владимиръ, думая жениться, говорить на пиру таково слово:

Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
 Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
 Только я Владиміръ князь холостъ хожу,
 А и холостъ я хожу, не женатъ гуляю:
 А кто мнѣ-ка знаетъ сопротивницу,
 Сопротивницу знаетъ красну дѣвицу?
 Какъ бы та была дѣвица станомъ статна,
 Станомъ бы статна и умомъ свершна,
 Ея бѣлое лице какъ бы бѣлой снѣгъ,
 И ягодицы какъ бы маковъ цвѣтъ,
 А и черныя брови какъ соболи,
 А и ясныя очи, какъ бы у сокола?

Никто изъ богатырей не находитъ отвѣта; нашелся лишь Иванъ Гостиный сынъ: въ Золотой Ордѣ, у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича, видѣлъ онъ двухъ его дочерей: Настасью и Афросинью (очевидно: вм. Апраксию) королевиченъ;

Сидитъ Афросинья въ высокомъ терему,
 За тридцать замками булатными,
 А и буйныя вѣтры не вихнуть на ее,

А красное солнце не печетъ лице.

.....
Посылай ты, сударь, Дуная свататься.

Афросинья-Апраксія выходитъ за Владимира. Ея типъ въ былинахъ крайне опредѣленный: она увлекается каликой Михайлой, милуется съ Чурилой и Тугаринымъ; она — невѣрная жена по былинному признанію. Въ виду послѣдующихъ параллелей намъ была-бы крайне важна черта, сохранившаяся въ редакціи Кирши Данилова, что именно Иванъ Гостиный сынъ указываетъ Владимиру его сверстницу. Но прозвище «Гостиный сынъ» здѣсь едва-ли не случайное; существеннѣе имя Ивана, появленіе котораго въ роли знатока невѣсть мы объяснимъ позднѣе изъ пѣсенъ о Дунаѣ-Иванѣ ключникѣ. Замѣтимъ, что на невѣсту Владимиру указываетъ обыкновенно Дунай (у Кирши являющійся лишь сватомъ), у Гильф. № 81 (= Рыбн. I № 31) Пермь или Пермилъ, вѣроятно тождественный съ лицомъ того-же имени, выступающимъ въ пѣсняхъ о Чурилѣ (и Дюкѣ); у Рыбн. III № 21: Илья; въ испорченной былинѣ у Гильф. № 125: Добрыня, по несомнѣнному смѣшенію съ Дунаемъ (сватами являются, нерѣдко, оба богатыря).

Въ заключеніи предложеннаго обзора мы позволимъ себѣ свести къ немногимъ чертамъ, что поютъ и сказываютъ объ Иванѣ-Гостиномъ сынѣ сохранившіяся о немъ былины и привлеченныя нами къ сравненію народныя сказки. Вѣроятность и послѣдовательность нашей схемы выяснится лишь въ связи съ слѣдующими далѣе сопоставленіями; пока еѣ придется принять на вѣру.

1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіи ихъ молитвы и обѣта. Какой-то старикъ научаетъ его, какъ ему достать чудеснаго жеребенка; быть можетъ, Ивану приписаны были и какія-нибудь другія чудесныя познанія (Сказка о доставаніи коня; былина о Ванькѣ удовкинѣ сынѣ).

2. Отецъ его умираетъ; его вдова продаетъ сына (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями (былина объ Иванѣ удовкинѣ сынѣ), испытываетъ, въ запуски съ царскими конями, быстроту своего жеребенка (былина объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ).

4. (?) Онъ указываетъ царю на его сверстницу — невѣсту, оказывающуюся впоследствии невѣрной женой.

II.

Это, пока апіорное, построеніе можетъ быть возведено при помощи слѣдующихъ данныхъ къ высокой степени вѣроятности.

Въ XII вѣкѣ Gautier изъ Арраса написалъ, слѣдуя какому нибудь нынѣ утраченному византійскому источнику, большую поэму объ Erasles = Иракліи, вскорѣ послѣ того пересказанную и по Нѣмецки ¹⁾. Сообщивъ намъ въ 5060-хъ первыхъ стихахъ легендарную исторію чудеснаго мальчика Ираклія, авторъ отождествляетъ его подъ конецъ (vv. 5060—6516) съ извѣстнымъ византійскимъ императоромъ того-же имени, заставляя его побѣдить Хосроя и снова отвоевать древо святаго креста. Это отождествленіе принадлежитъ, быть можетъ, фантазіи самого Gautier, но нѣчто не мѣшаетъ предположить, что и въ самой Византіи могъ ходить какой-нибудь баснословный рассказъ объ юности славнаго царя, подобный сообщенному въ поэмѣ. Его греческій оригиналъ утраченъ, либо еще не найденъ, но сохранился его варьянтъ, въ которомъ мѣсто чудеснаго мальчика или юноши заступаетъ чудесный старецъ. Эта редакція была недавно напе-

¹⁾ Сл. Eraslius, Deutsches und französisches Gedicht des XII Jahrhunderts, hrsg. v. Massmann. 1842. — Сл. Eraslius, deutsches Gedicht des XIII-en Jahrhunderts, hrsg. von Harald Graef. Strassburg, 1883.

чатана, по разнымъ текстамъ, Леграномъ¹⁾ и Вагнеромъ²⁾, при чемъ Gidel'ю принадлежитъ указаніе на ея отношенія къ сюжету Ираклія.

Передамъ вкратцѣ содержаніе той и другой легенды.

1. Повѣсть о мудромъ старцѣ.

Въ Византіи жилъ когда-то мудрый старецъ, богатый и семейный. Случалось такъ, что вслѣдствіи-ли неурожайнаго года или арабскихъ набѣговъ, онъ обѣднѣлъ. И вотъ онъ велитъ своимъ дѣтямъ связать себя и продать, точно преступника или раба. Услышавъ о томъ царь или топархъ и послалъ своихъ людей освѣдомиться о дѣлѣ. Они находятъ цѣну, какую запросили за старика, слишкомъ высокою, но тотъ убѣждаетъ ихъ не торговаться, ибо онъ стоить большаго: онъ знаетъ природу мушцинь и женщинъ, знатокъ въ лошадяхъ и драгоценныхъ камняхъ. — Царь очень доволенъ, что такой мудрецъ попался ему въ руку, тѣмъ не менѣе велитъ запереть его и заставляетъ нѣкоторое время голодать: въ день ему даютъ лишь по сухарю и однажды напиться. Между тѣмъ прибылъ изъ дальнихъ странъ купецъ и предлагаетъ царю купить у него за большую цѣну драгоценный камень. Привели изъ тюрьмы старика; онъ говоритъ, что камень многого не стоитъ, такъ какъ въ немъ гнѣздится червь — что подтвердилось на дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе старика опять заключили въ тюрьму, только удвоили ему дневной паѣкъ. Въ другой

¹⁾ Collection de documents pour servir à l'étude de la langue Néohellénique, 1-re série, № 19: *Περὶ τοῦ γέροντος τοῦ φρονίμου Μουτζοχοουρεμένου*. Сл. *Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France*, 6-e année, 1872: *Mémoires et notices*, p. 58 слѣд.: Gidel, *Histoire de Ptocholéon*. — Другой пересказъ изданъ былъ Леграномъ въ № 1 новой серии той-же Collection: *Recueil de chansons populaires grecques*, Paris, 1874, № 126, p. 258—284: *Ὁ σοφὸς πρεσβύτης*.

²⁾ Wagner, *Carmina Graeca medii aevi*, Lips. 1874, p. 277—303: *Βίος καὶ πολιτεία τινὸς δοκιμωτάτου καὶ σοφωτάτου γέροντος*. Сл. Liebrecht, *Zur Volkskunde*, стр. 208, къ № 126 Легранова сборника.

разъ его снова вызвали, чтобъ узнать его мнѣніе о продажной лошади; онъ говоритъ, что эта лошадь, будучи жеребенкомъ, вскормлена была коровимъ молокомъ, что опять-же оказалось вѣрнымъ. Старика снова заперли, а паёкъ увеличили. — Когда царь захотѣлъ жениться на дѣвушкѣ-красавицѣ, онъ обратился къ мудрецу за совѣтомъ и узнаетъ отъ него, что мать той дѣвушки была блудницей и сама она, выйдя за мужъ, станетъ торговать своимъ тѣломъ. Старика еще разъ увеличили его дневную порцію и на день начинаютъ выдавать по три сухаря. Подъ конецъ царю приходитъ на умъ разспросить своего узника о самомъ себѣ и своемъ происхожденіи. Тотъ требуетъ отъ царя предварительной клятвы, что онъ не сдѣлаетъ ему никакого зла, еслибы и услышалъ про себя что-либо дурное — и открываетъ ему, что онъ, на самомъ дѣлѣ, сынъ крестьянина, либо пекаря: онъ узналъ это изъ его обращенія съ нимъ, по тому, какъ онъ награждалъ его — увеличивая порцію хлѣба. Такъ поступать — не въ природѣ царя; прирожденная склонность оказалась въ немъ сильнѣе привычки. Опрошенная царемъ мать его сознается въ своемъ проступкѣ, а старикъ, щедро награжденный, отпущенъ на свободу. Въ одномъ изъ трехъ стихотворныхъ рассказовъ, говорящихъ о немъ, онъ названъ Львомъ, или ближе: бѣднымъ Львомъ, Πτωχολέων.

Этотъ рассказъ, быть можетъ, восточнаго происхожденія, что не трудно усмотрѣть изъ параллелей, собранныхъ D'Ansona'ой къ № 3 Cento Novelle antiche¹⁾. Что касается до соответствующей

¹⁾ Romania III: Le fonti del Novellino, стр. 164—165. Къ приведенной тамъ литературѣ слѣдуетъ еще присоединить повѣсть о бѣднякѣ изъ собранія рассказовъ, приписываемаго Рабби Ниссиму: пророкъ Илья предлагаетъ бѣдняку, чтобъ онъ продалъ его, какъ раба, а вырученныя деньги употребилъ бы на свое пропитаніе. Какъ тотъ ни отпѣкивался, Илья настоялъ на своемъ: Исполни мое приказаніе и продай меня. Царскій служитель покупаетъ Илью за 80000 динаровъ, и пророкъ тотчасъ-же обращаетъ на себя вниманіе царя, какъ искусный архитекторъ. Ему поручаютъ построить большой дворецъ въ шестимѣсячный срокъ, онъ созидаетъ его за ночь и самъ исчезаетъ до восхода солнца. См. Perles, Rabbinische Agada's in 1001 Nacht, ein Beitrag zur

этой новеллы послѣдняго сборника, то я считаю вѣроятнымъ, что ея болѣе или менѣе близкимъ источникомъ была какая-нибудь византийская повѣсть, сходная съ предъидущею. Вотъ содержаніе новеллы.

Nelle parti di *Grecia* ebbe uno Signore che portava corona di Re et avea grande reame et avea nome Filippo et tenea in sua *pregione uno savio greco per alcuno malfatto*; lo quale greco era di tanta sapienzia, che llo intelletto suo passava oltra le stelle. Et avvenne che a questo Re fue presentato delle parti di Spagna uno nobile distriere et di grande podere et di bella guisa. Mandò lo Re per malischalchi per sapere la bontà del distriere: *fuli detto che innella sua pregione era lo sovrano maestro di ccìd, intendente di tutte le cose*. Fece menare lo distriere al campo et fece traere lo greco di pregione et disse: Maestro, avisa questo distriere, *che m'è fatto conto che tu se' molto saputo*. Lo greco avisa lo cavallo et disse: Messere, elli he di bella guisa, ma tanto judico, che lo cavallo he notricato a latte d'asina (что оказывается вѣрнымъ) . . . Questo tenne lo Re a grande maraviglia: ordinò et stabilio che gli fosse dato mezo pane per die alle spese della corte. — Un altro giorno avvenne che lo Re raunò sue pietre pretiose. Rimandò per lo detto suo greco et disegli: Maestro, tu se' di grande savere, credo che di tutte le cose t'intendi: *se tt'intendi delle virtù delle pietre, quale ti sembra di più riccha valuta?* Lo greco avisò et disse: Voi quale avete per più cara? Lo Re prese una pietra tra l'altre molto bella et disegli: Maestro, questa mi sembra più bella et di maggior valuta. Lo greco la prese et miselasi nella palma et strinse lo pugno et misesela all'orecchie, et poi parlò et disse: Messere, qui àe uno vermine. Lo Re mandò per li maestri et fecela spezare, et trovossi inella detta pietra uno vermine. Et allotta lo Re lodoe lo greco d'oltra mirabile senno. Et ordinoe che uno pane intero li fosse dato per die alle

Geschichte der Wanderung orientalischer Märchen, вѣ Frankels Monatsschrift f. Gesch. und Wiss. d. Judenthums 1873, Februar, p. 68—69. Сл. Libro de los Exemplos № CXLVII.

spese di sua corte. *Poi dipo' non molti giorni lo Re ripensò di no essere legittimo.* — Онъ спрашиваетъ о томъ мудреца и тотъ, послѣ нѣкотораго колебанія, говоритъ ему, что онъ сынъ — пекаря (pisternaio), — что подтверждается показаніемъ матери царя, допытывающаго, какимъ образомъ мудрецъ дошелъ до этого открытія. Онъ отвѣчаетъ: *Messere, quando io vi dissi dello cavallo cosa così maravigliosa, voi mi stabiliste uno dono di mezo pane per die. Et della pietra quando vi dissi dello verme, voi mi stabiliste un pane intero; pensate, che allora m'avididi di cui voi eravate figliuolo.* Мудреца отпускаютъ съ почестями и большими подарками ¹⁾).

Передъ нами на сценѣ греческій мудрецъ, царь, властвующій гдѣ-то въ Греціи, съ греческимъ именемъ Филиппа: не намекъ-ли на царя — охотника до лошадей, пользующагося для этой цѣли познаніями своего узника? Въ общемъ впечатлѣніе итальянскаго разсказа такое, какъ будто компиляторъ *Centò novelle* имѣлъ передъ собою знакомую намъ византійскую повѣсть, но пересказалъ её въ своей обычной компендіозной манерѣ, выставляя лишь крупныя черты и тѣмъ затушевывая мотивированіе цѣлаго. Такъ мы напр. совсѣмъ не узнаёмъ, какимъ образомъ мудрецъ попалъ въ плѣнъ къ царю, да и вопросы послѣдняго являются совершенно случайными, ибо не видно, чтобы ему заранѣе была извѣстна вѣщая мудрость его плѣнника.

II. Повѣсть о мудромъ юношѣ.

Какъ византійская повѣсть о мудромъ старцѣ отразилась въ староритальянскомъ памятникѣ, такъ византійское-же сказаніе лежитъ въ основѣ старофранцузской поэмы объ Иракліи. Пересказывая её, мы распредѣлимъ содержаніе по параграфамъ, послѣдовательно отвѣчающимъ нумерамъ схемы, установленной нами для древнихъ пьесъ объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ.

¹⁾ *Le novelle antiche*, ed. Biagi, № III = Gualteruzzi № III, Borghini № II.

G'iere encor hui molt cier tenus,
Cil, ki m'avra, n'est pas venus.

Такія-же рѣчи держитъ онъ и царскому сенешалю, обратившему на него вниманіе и также подсмѣивавшемуся надъ высокою цѣною. Если цѣна не по немъ, то пусть отступится отъ него, говорить ему мальчикъ; только пусть знаетъ, что лучшаго приобрѣтенія онъ никогда не сдѣлаетъ. И онъ сообщаетъ ему, какими тремя чудесными знаніями онъ обладаетъ. Сенешаль хочетъ купить его; разставаясь мать и сынъ плачутъ, цѣлуютъ другъ друга, а мать сѣтуетъ:

581 Fieus, bien ait telle engendreüre!
Onkes plus douce porteuře
Ne fist mais femme, ke g'ai faite,
Et ceste iert mes tous jours retraite;
Ainc mes ne fu si dure mere
Con jou por lui, a Dieus biaux pere!
Ne n'iert mes el siecle vivant
La mere vendist son enfant,
Onkes mes nulle n'en fu teus,
Ramenbre t'ent, biau sire dieus!
Biau sire dieus, ramenbre t'ent!
Garde mon fil, maintien m'enfent,
Aies ent pité et de moi,
Car cest mercié fac jou por toi.

Между тѣмъ сынъ утѣшаетъ мать тѣмъ, что она продала его не по злому намѣренію, а Бога ради. Она, дѣйствительно, раздѣляетъ между бѣдными полученную ею цѣну, а сама идетъ въ монастырь.

Сенешаль ведетъ мальчика ко двору, гдѣ принужденъ выслушивать надсмѣшки надъ его слишкомъ дорогой покупкой; самъ императоръ, которому Ираклій заявилъ о присущихъ ему трехъ чудесныхъ дарованіяхъ, выражаетъ сомнѣніе, не шарлатанъ-ли онъ, и хочетъ испытать его. Съ этой цѣлью онъ велитъ снести на базаръ всѣ драгоцѣнные камни, какіе только находились въ Римѣ или его окрестностяхъ, а Ираклію приказываетъ выбрать

изъ нихъ самый дорогой, сколько бы онъ ни стоилъ. Ираклій разсматриваетъ ихъ цѣлыя груды, но проходитъ мимо, ничего не выбравъ. Видитъ, въ концѣ базара какой-то человекъ торгуетъ пряностями, рядомъ съ которыми онъ выложилъ и какой-то неприглядный камень, случайно найденный имъ по дорогѣ. Ираклій доволенъ: онъ, наконецъ, нашель, что ему нужно; спрашиваетъ продавца о цѣнѣ того камня, и когда тотъ запросилъ всего шесть динаровъ (deniers), велитъ ему выслать сорокъ марокъ, а камень отнести императору. Императоръ гнѣвается за столь дорогую покупку, но Ираклій увѣряетъ его:

909 Que ceste pierre vaut tout l'or
 Ke vous aves en vo tresor,
 K'aighe ne fu n'arme ne crient
 Ne ne puet cremir ki le tient.
 Se li caitis, li deceus
 N'eüst ke sis deniers eüs
 Sa viertu pierdist.

Онъ предлагаетъ самъ на себѣ испытать чудодѣйственныя свойства камня и выходитъ счастливо изъ всѣхъ испытаній. Самъ императоръ изъявляетъ желаніе подвергнуть себя испытанію огнемъ, и на этотъ разъ результатъ тотъ-же. Разумѣется какой-нибудь баснословный камень въ родѣ Ктезіева пантарва (Ctesias, fragm. 80; Philostrate, Vita Apollonii III, 46), играющаго роль въ VIII-й книгѣ Эвѣопикъ Геліодора, § 11:

Παντάρβην φορέουσα πυρός μη τάρβει ἐρωήν.
 ῥηδίως μοίραϊς καὶ τ' ἀδόκητα πέλει,

упоминаемаго и Никитой Эвгеніаномъ (τῶν κατὰ Δρόσιλλαν καὶ Χαριχλέα βιβλ. ζ, vv. 398—9):

ἀλλ' Ἰνδικὴν λίθον σε παντάρβην ἔχω,
 καὶ φεύζεταιί με καὶ τὸ πῦρ φέροντά σε.

3. Въ другой разъ императоръ желаетъ убѣдиться, на сколько Ираклій знатокъ въ лошадяхъ. Снова изданъ приказъ: собрать

на базарѣ всѣхъ коней, какіе ни есть въ странѣ, и пусть Ираклій выбереть изъ нихъ лучшаго. А тотъ обратилъ вниманіе на жалькаго жеребенка, у котораго всего четыре зуба; его хозяинъ-бѣднякъ готовъ отдать его за двѣ марки, хотя, говоритъ онъ, старикъ, отъ котораго онъ получилъ жеребенка, завѣрилъ его, что отъ него онъ разбогатѣетъ.

1457 Ne sai, ki il fu, nel counois,
 Mais il fu tous plus blanc ke nois,
 Por amour dieu le me douna,
 Onkes plus mot ne me souna.

Ираклій велитъ заплатить за жеребенка 40 марокъ и увѣряетъ разсерженнаго императора, что его конь перебѣжитъ трехъ самыхъ быстрыхъ:

1540: Soient or li troi mellour prest,
 Et s'il nes vainc, je vous otroi
 Ke vous n'aies mierci de moi
 De ma tieste prendre et trencier.
 Ici metes tout le plus cier,
 Al cief de tort la-gus a val
 Faites metre l'autre ceval;
 Le tierc metes al cours apres
 A la bonne, droit al cief pries.
 U elle soit, juske al premier,
 Ja ne m'i veres delaiier,
 Si mouverous de ceste place;
 Se jou nel tieng tout à estace
 Ains ke gou viegne à l'autre enmi,
 Si me faites trencier parmi;
 Se il à l'autre autel ne fait,
 Si me soient li doi oeil trait.

И здѣсь, стало быть, какъ въ греческой пѣснѣ о Константинѣ и нашей былинѣ объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ, молодецъ бьется объ закладъ о свою голову; съ *тремя* конями поэмы слѣдуетъ сличить ихъ число въ былинѣ: обыкновенно ихъ триста три, но это, очевидно, эпическая амплификація, и главное вниманіе обра-

щено на *тремя* «жеребцовъ похваленныхъ», которые ближе и опредѣляются. Съ *тремя* лучшими конями византийскаго императора хочеть помѣряться и архиепископъ Турпинъ въ *Chançon da Voyage de Charlemagne à Jerusalem et à Constantinople*, хотя его скачка въ запуски болѣе напоминаетъ гимнастическія упражненія цирка:

Treis de meillors destriers qui en sa citet sont
 Prenget li reis demain, si'n facet faire un cors
 La defors en cel plain. Quant mielz s'eslaiseront,
 Jo i vendrai sor destre corant par tel vigor
 Que me serrai al tierz et si larrai les dous;
 Et tendrai quatre pomes molt grosses en mon poin,
 Sis irrai estruant et getant contremont,
 E larrai les destriers aler a lor bandon:
 Se pome m'en eschapel ne altre en chiet del poin,
 Charlemaignes mis sire me criet les oilz del front¹⁾.

Ираклій, впрочемъ, не считаетъ возможнымъ тотчасъ-же испытать своего жеребенка: для того онъ еще слишкомъ малъ, надо выдержать его въ продолженіи года; если заставить его бѣжать теперь, онъ сдѣлается никуда не годнымъ впослѣдствіи. Но императоръ настаиваетъ на томъ, чтобы бѣгъ устроился тотчасъ-же — и Ираклій принужденъ осѣдлать своего «косматенькаго» (velus, v. 1643), еще не испытаннаго удила (v. 1518). Испытаніе оказалось блестящимъ, но у жеребенка отъ усилія не по лѣтамъ вытекъ мозгъ изъ костей промежъ мяса и шкуры (v. 1852—53: Vous veres entre quir et car — Qui la moole i est trestoute), и онъ теперь ни на что не годенъ. — Ираклій всецѣло завладѣлъ довѣріемъ императора, который просить его проявить еще и третій свой даръ — выборомъ достойной императора невѣсты-сверстницы.

4. По императорскому указу съѣзжаются въ Римъ со всей страны родовитыя дѣвушки. Ираклію предстоитъ сдѣлать изъ

¹⁾ Ed. Koschwitz, 2-e Aufl., vv. 495—504.

нихъ выборъ, но ни одна изъ нихъ не нравится ему, ему ясны ихъ слабости, онъ угадываетъ ихъ сокровенныя помышленія. Онъ уже возвращался домой, недовольный, когда ему повстрѣчалась красивая, бѣдно-одѣтая дѣвушка, дочь сенатора, по имени Аэинаида; она давно потеряла отца и мать и жила у своей тетки. Её то и рекомендуетъ Ираклій императору, какъ вполне достойную его жену.

2708 Ja n'iert mes femme de son pris
S'ensi se tient, con a empris.

Императоръ обрадованъ, свадьба сыграна и молодая чета живетъ счастливо. Такъ прошло семь лѣтъ. Случилось, что императоръ долженъ былъ выступить противъ непріятелей, осадившихъ его городъ; онъ беретъ съ собой и Ираклія, но предварительно спрашиваетъ его, какъ ему поступить, чтобы уберечь жену. Тотъ говоритъ, что лучший оберегъ состоитъ — въ отсутствіи его; но императоръ не согласенъ съ этимъ и велитъ держать жену въ башнѣ подъ строгой охраной. — На одномъ большомъ празднествѣ, на которомъ, по обычаю, присутствовала и императрица, она увидѣла прекраснаго Париды и влюбилась въ него: онъ былъ красивѣйшій изъ юношей, игравшихъ передъ императрицей на арфѣ и щеголявшихъ своей ловкостью:

3447 Devant la dame a fait le jour
Maint estampie et maint trestour.

Одѣтъ онъ богато:

3462 D'uns dras de soie bien viustus
Se fut molt bien laciés as las,
Biel a le cors et gens les bras,
Les ious ot vairs, le vis traitis,
Cank'a sour lui, est bien faitis,
Cevieus a blons reciercelés,
Bien fais est molt et bien mollés.

Онъ также влюбился въ императрицу и оба втайнѣ страдаютъ. Старуха Морфея устраиваетъ свиданіе влюбленнымъ, но Ираклій

узнаеть о томъ, благодаря своего дару прозрѣнія, и сообщаетъ императору. Когда онъ вернулся домой, любовники геройски признаются ему въ своей взаимной страсти — и прощены, по совѣту Ираклія, разъясняящаго мужу, что въ невѣрности жены виновать не кто ивой, какъ онъ самъ.

Я не счелъ нужнымъ входить въ подробности, передавая послѣдній эпизодъ поэмы, потому что для сравненія съ пѣснями о нашемъ Иванѣ Гостиномъ сынѣ онъ предлагаетъ наименѣе матерьяла. Только въ *одномъ* пересказѣ былины Иванъ указываетъ Владимиру на Апраксию, какъ Ираклій императору на Аѣйнаиду; Аѣйнаида влюбляется въ Париду, какъ Апраксиа напр. въ Чурилу, котораго легко было-бы сравнить съ любовникомъ французской поэмы. Далѣе сходства нѣтъ: романъ Чурилы разыгрывается на сторонѣ, съ Катериной, женой Бермяты, и было бы натяжкой съ нашей стороны предположить, что первоначально онъ могъ быть приуроченъ именно къ Апраксиѣ. Иное дѣло — три первыхъ отдѣла повѣсти объ Иракліи: сличенные съ соотвѣтствующими отдѣлами схемы, установленной нами для пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, они представляютъ существенно то-же содержаніе, тамъ и здѣсь сгруппированное вокругъ одного лица. Разница въ томъ, что поэма сохранила отдѣльные эпизоды въ связи, въ единствѣ цѣлаго, тогда какъ въ русскомъ пѣсенномъ преданіи являются лишь отрывки и намеки, кое-гдѣ связанные общимъ именемъ героя, но такъ слабо, что лишь сравненіе съ византійско-французскимъ рассказомъ объ Иракліи дало намъ возможность признать въ былинѣ о скачкѣ Ивана и въ пѣснѣ о его продажѣ матерью — эпизоды одного и того-же дѣйствія. — Съ другой стороны лишь косматенькій жеребенокъ Ираклія выяснилъ намъ настоящее значеніе «бурушки-косматушки» въ пѣсняхъ о нашемъ Иванѣ: здѣсь онъ искони являлся чудеснымъ жеребенкомъ, тогда какъ при другихъ богатыряхъ (напр. Дюкѣ и др.) «бурушко» могъ обобщиться до значенія простой, безцѣльной клички.

На Византійскій источникъ Готье мнѣ не разъ приходилось

указывать; подтвержденіемъ этого предположенія служитъ обликъ такихъ собственныхъ именъ, какъ Athenaïs, Parides, Morphæa; быть можетъ, и Римъ, какъ мѣсто дѣйствія, принадлежитъ лишь французскому пересказчику, послѣдовательно увлеченному и къ упоминанію Тибра: оригиналъ могъ говорить о новомъ Римѣ, т. е. о Константинополѣ; таково мѣсто дѣйствія византійской повѣсти о «мудромъ старцѣ». — Разумѣется, греческій пошибъ собственныхъ именъ, самъ по себѣ, легко истолковать и другимъ образомъ, напр. школьно-классическими воспоминаніями трувера. Болѣе вѣса слѣдуетъ дать изображенію общественныхъ и нравственныхъ отношеній: они отзываются не стилемъ феодальной жизни, а памятью греческихъ эротическихъ романовъ и ихъ европейскихъ отраженій, въ родѣ Floire et Blanceflor. Таковы описанія: всемогущества любви — Эрота, праздника въ Римѣ (новомъ Римѣ?), гдѣ обычныя рыцарскія игры замѣнены игрой на арфѣ, пѣніемъ, пляской, бѣгомъ въ запуски, а юноши выставляютъ на показъ свою ловкость и хваткость, напоминая намъ отчасти такія-же положенія въ пѣснѣ о Чуригѣ, только съ меньшимъ противу нихъ шаржемъ и съ болѣе глубокимъ мотивированіемъ. — Принадлежалъ-ли византійскому подлиннику тотъ христіанско-мистическій колоритъ, съ которымъ рассказаны въ поэмѣ рожденіе и юность Ираклія до его появленія при дворѣ — этотъ вопросъ я не пытаюсь разрѣшить, хотя и считаю положительный отвѣтъ довольно вѣроятнымъ.

Я не утверждаю, чтобы источникомъ нашихъ пѣсней объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ былъ именно подлинникъ Ираклія, и удовлетворяюсь гипотезой, что этотъ источникъ былъ близокъ къ тому подлиннику. Изъ этого прототипа нашихъ былинь перешли въ нихъ и купцы «вавилоняне», которыхъ сказитель едва-ли нашелъ въ эпическомъ запасѣ своей памяти. Каково было первоначально имя царя — мы не знаемъ; имя Laïs¹⁾ у Gautier, всегда въ римѣ

¹⁾ Имя Laïs встрѣтилось мнѣ еще разъ, рядомъ съ Константиномъ, въ числѣ именъ сыновей Geirarð'a, въ Mágus-saga'ѣ. Сл. Wulff, Notices sur les Sagas de Mágus et de Geirarð etc. Lund, 1874, p. 43.

съ Atanaïs (vv. 2767, 2885, 5057), быть можетъ; типическое; имя Льва, Leo, трудно было исказить такимъ образомъ. Очень можетъ быть, что царь являлся анонимный¹⁾, — а у русскихъ пѣвцевъ и рассказчиковъ былъ готовый эпонимъ для византійскаго императора: Волотоманъ, искаженіе изъ Птолемея. Это имя и могли дать безыменному царю греческаго рассказа или пѣсни, когда она переселилась на русскую почву. Дальнѣйшая ея исторія, исторія послѣдовательныхъ искаженій и отождествленій чужого съ своимъ, представляется мнѣ ясной — если признать прочной мою точку отправленія: Волотоманъ обратился, съ одной стороны, въ Волшана нашей сказки-былины объ Иванѣ Удовкнѣ сынѣ; съ другой, Волотоманъ перешелъ незамѣтно, черезъ извѣстныя намъ посредствующія формы: Волотомиръ, Володимиръ — къ Владимиру, и могъ быть отождествленъ съ Владимиромъ нашего эпоса. Такимъ путемъ византійская сказка проникла въ кругъ южно-русскихъ былинъ, принята была въ ихъ составъ, но подъ условіемъ новыхъ измѣненій и приуроченій. Ей пришлось найтись въ новой, болѣе простой бытовой обстановкѣ и поступиться многимъ, что не шло къ новой средѣ либо, полупонятое, необходимо облекалось въ болѣе грубыя формы. Таково неловкое

¹⁾ У Готье Ираклій является въ Римѣ при царѣ Lais'ѣ и въ концѣ поэмы отождествляется съ императоромъ Иракліемъ, противникомъ Хосроя. Переходъ совершается такимъ образомъ: Хосрой будто бы велѣлъ предательски убить византійскаго царя Фоку (Foucars); византійцы избираютъ ему двухъ наследниковъ, Ираклій прибылъ изъ Рима первымъ и принялъ бразды правленія. — Нѣмецкая поэма объ Ercadius, слѣдовавшая Gautier, переноситъ самого Фоку въ Римъ: для него Ираклій и избираетъ жену; по убіеніи Фоки избранъ императоромъ Ираклій, отправляющійся въ Константинополь, гдѣ, съ времени Константина Великаго, подобало пребывать императорамъ. Очень вѣроятно, что нѣмецкій пересказчикъ удержалъ мѣсто дѣйствія въ Римѣ, согласно съ Gautier, но что отождествленіе легендарнаго Ираклія съ историческимъ наследникомъ Фоки навело его на мысль перенести Фоку и въ первую часть романа, т. е. въ Римъ. На сколько эти измѣненія могли быть внушены какииъ нибудь другимъ изводомъ сказанія, помимо поэмы Готье, сказать трудно. Слѣдуетъ предположить (напр. для упоминанія вѣщаго Ираклія у Вольфрама v. Eschenbach), что такіе изводы были извѣстны. См. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Январь, жом: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника (по поводу изданій г. Сырку), стр. 85—87.

«щипленіе» и лубочное щегольство Чурилы — по сравненію съ византійскими юношами, красующимися передъ Аеннадой; тѣмъ-же деревенскимъ шаржемъ, дающимъ чувствовать за собой болѣе утонченный подлинникъ, отзывается въ пѣсняхъ о Чурилѣ вычурное описаніе его дворца, его любовныя приключенія, впечатлѣніе, произведенное имъ на женщинъ: это — на столько-же грубость житейскаго взгляда, на сколько грубое усвоеніе чужого. Мать Ивана продаетъ его не ради богоугоднаго дѣла, а потому, что онъ сталъ пьяницей; выше мы замѣтили, на сколько исказился, по сравненію съ предполагаемымъ оригиналомъ, этотъ эпизодъ, полузатерянный въ русскомъ эпосѣ, съ любовью сохранившемъ изъ всего цикла пѣсень объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ — лишь былинну о его бѣгѣ въ запуски. — Всюду замѣтна утрата внутренняго мотивированія, объяснимая еще однимъ измѣненіемъ, которому, по необходимости, должна была подвергнуться византійская сага, примкнувъ къ владимировскому эпосу: она должна была поступиться своимъ единствомъ, должна была разбрестись по мелочамъ, чтобы послужить другому единству, болѣе широкому. Это единство, символическое воплотившееся въ лицѣ князя Владимира — и есть русскій богатырскій эпосъ. Не одна-лишь византійская легенда о чудесномъ юношѣ, многія другія пришлыя сказанія вошли въ его составъ; но его народность лежитъ именно въ характерѣ этого состава, въ организмѣ дѣлаго, не въ случайныхъ матерьялахъ, пошедшихъ на его созданіе.

V.

Богатыри - Сурожцы.

Суровець Суздалецъ и Чурила Пленковичъ.

I.

Намъ уже два раза приходилось имѣть дѣло съ русскими былинами, въ которыхъ мы открывали отголоски византійскаго либо ново-греческаго эпоса. Какъ зашли онѣ на Русь? Пути могли быть разные, точно не услѣдимые. Пѣсня нерѣдко заносится случайно, и эту возможность необходимо имѣть въ виду въ тѣхъ случаяхъ, когда пути болѣе прочнаго и постояннаго вліянія не указаны какими-нибудь историческими или географическими условіями, напр. сосѣдствомъ. Такія условія представляла именно южная Россія: я имѣю, главнымъ образомъ, въ виду греческія колоніи крымскаго полуострова и обусловленныя ими культурныя, религіозныя, а за тѣмъ, быть можетъ, и народно-поэтическая связи.

Отзвукомъ послѣднихъ представляется намъ роль Сурожа въ нашемъ былинномъ эпосѣ.

Сурожъ — древняя Сугдая, Сугдея, именемъ которой во время Тцетца обозначался весь Крымъ, нынѣ Судакъ (Суракъ, Сурдакъ), Солдадія, Солдая, Содая средневѣковыхъ Европейцевъ, Шол-

тадія Эдриси — основана была, по греческому Синаксарю XII—XIV вѣковъ, около 212 года. Когда Хазары завладѣли большою частью Таврическаго полуострова, они подчинили себѣ и Сурожъ; съ конца VII-го вѣка мы встрѣчаемъ въ немъ архиепископа, зависимаго отъ византійской митрополіи; однимъ изъ наслѣдниковъ его былъ Св. Стефанъ Сурожскій, между чудесами котораго находится загадочная легенда — о пришествіи русскаго князя «бранлива» (Бравлинъ, Бравалинъ, Бравленинъ), половеца всю страну отъ Корсуни до Керчи. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Сурожъ, подобно по-Сулю, Корсуню и Тьмутороканскому блъвану, отнесенъ уже къ землямъ незнаемымъ — для Руси: онѣ подчинены были въ то время Половцамъ, противъ хана которыхъ Шарукана былъ направленъ походъ 1111 года. Брунъ предполагаетъ, что его владѣнія находились въ Крыму и что подъ Сугровомъ, сожженномъ Русскими, слѣдуетъ разумѣть — Сурожъ. Это объяснило бы почему готскія дѣвы воспѣваютъ мечь Шароканю — на берегу синяго моря, а вѣсть о походѣ 1111 года могла разнестись отъ Греціи, Польши, Богеміи, Венгріи — до самаго Рима.

Въ 1223 и 1239-хъ годахъ Сурожъ дважды подпадалъ подъ власть Татаръ, а съ 1253-го сдѣлался ихъ данникомъ. Его древнее коммерческое значеніе съ этимъ не прекратилось: онъ остался, по прежнему, однимъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ для заморской торговли, византійскіе и итальянскіе купцы продолжаютъ посѣщать его, а Венеціанцы и Генуэзцы спорятъ изъ за обладанія имъ. Арабское названіе Чернаго моря — Сурожскимъ свидѣтельствуетъ о важности для древней Руси торговыхъ сношеній съ Сурожемъ: до поздняго времени было у насъ въ ходу обозначеніе: «гость сурожанинъ» въ значеніи купца, преимущественно шелковыми товарами, какъ и теперь еще мы говоримъ о «суровскихъ товарахъ», «суровскомъ ряду». «Суровець» нашихъ былинъ не что иное, какъ дублетъ съ Сурожанину; Суровець-Суздалецъ, очевидно, тавтологія, вторая часть которой была искажена или подновлена по созвучію съ Суздалемъ, болѣе

извѣстномъ въ сѣверномъ періодѣ нашего эпоса, чѣмъ Суро-рожь: Суздалецъ вмѣсто Судадецъ, Сугдалецъ; въ одной пѣснѣ онъ — «богатаго гостя *заморенинъ* сынъ» (Сл. Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне, вавилоняне*), что едва-ли идетъ къ Суздаю, но, быть можетъ, не относится непосредственно и къ Сурожу: названіе «гостей-сурожанъ» имѣло и болѣе общее значеніе, его переносили, между прочимъ, на Генуэзцевъ, упрочившихся въ Крыму съ половины XIII-го вѣка, именно въ Кафѣ¹⁾.

Чтобы проникнуть въ богатырскій эпосъ «гость-суроженинъ» долженъ былъ и самъ стать богатыремъ; это лежало, впрочемъ, за требованіями народной идеализаціи, въ дѣйствительныхъ условіяхъ средневѣковой торговли: надо было умѣть отбиваться отъ кочевниковъ, какъ на Западѣ отъ хищниковъ-рыцарей, чтобы провезти черезъ степи и доли къ немногимъ культурнымъ, укрѣпленнымъ центрамъ, заморскій товаръ, а вмѣстѣ съ нимъ и заморскія пѣсни и чудные рассказы о видѣнномъ — въ тридцатомъ государствѣ. — Такимъ богатыремъ является охотничекъ «Суровець-Суздалецъ» въ сохранившихся о немъ пѣсняхъ: Кир. III, стр. 107—110 = № 1; *ibid.* стр. 110—112 = № 2; Кир. IV, Прилож. стр. XXVII—XXIX = № 3; Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы (Пѣсни, собранныя Мордовцевымъ и Костомаровымъ), стр. 12—14 = № 1.

Въ старыя вѣки, прежніе,
 Не въ нынѣшнія времена, послѣднія,
 Какъ жилъ на Руси Суровець молодець,
 Суровець богатырь, онъ Суроженинъ,
 По роду гóрода Суздаля,
 Сынъ отца гостя богатаго,
 Охочь онъ ѣздитъ за охотою,
 За гусями, за лебедами,

¹⁾ Сл. Bruun, Notices historiques et topographiques concernant les colonies italiennes en Gazarie, Mém. de l'Académie impér. des sciences de St. Petersburg, VII série, t. X, № 9, 1866; его-же: Черноморье, ч. II, стр. 121 слѣд. и Указатель, а. в. Сутдея, Судаць, Сурожъ, Солдая. Наши сообщенія о Сурожѣ заимствованы, главнымъ образомъ, изъ послѣдняго труда.

За сѣрыми за утицами.
 Ёздить день до вечера,
 А покушать молодцу нечего (№ 2).

Иначе зачинають № 1 и 3: «Суровень богатъ самъ Суздалецъ» (№ 1), «Суровець богатырь сынъ Ивановичъ» (№ 3) — ёздить въ полѣ «ровно три» (№ 1), либо тридцать три года (№ 3) — и ничего въ полѣ не наѣзживалъ. И вотъ онъ наѣзжаетъ теперь на сырой, «колповистый» (№ 1), «не простой, корокольчестой» (№ 2) дубъ; на немъ воронъ.

9 Онъ завидѣлъ въ полѣ сырой дубъ,
 Единъ сыръ дубяще и кривистый,
 Онъ кривистый дубъ, жароватый,
 У дуба кореньце булатное,
 А сучья-вѣтви позлаченные;
 На дубу-то сидитъ птица вѣщая,
 Птица вѣщая, перелетная,
 Птица младъ черенъ воронъ,
 Перо его какъ смола кипитъ,
 А очи его какъ свѣчи горятъ воску ярова,
 А ноги его какъ лучи свѣтятъ,
 Какъ лучи свѣтятъ, лучи солнечные,
 Лучи солнечные и подвосточные. (№ 3)

Такъ ёздитъ за охотой и Михайло Казарянинъ (Кирша XXI)
 и съ такой-же неудачей, пока не

Наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ,
 На дубу сидитъ тутъ черной воронъ,
 Съ ноги на ногу переступиваетъ,
 Онъ правильно перушко поправливаетъ,
 А и ноги, носъ — что огонь горять.

Это напоминаетъ загадочное, вычурное изображеніе вѣщаго ворона въ поэмѣ объ Освальдѣ и еще болѣе чудеснаго ворона въ мусульманской легендѣ о рожденіи Salih'a: у него туловище черное, голова бѣлая, спина отливаетъ изумрудомъ, ноги пурпуромъ, клювъ блеститъ, какъ солнечное небо, глаза — что два драгоценныхъ камня; темный покой освѣщается ими, точно

взошло солнце¹⁾. Сл. образъ сокола въ Völsungasaga'ѣ 139, 18, по сравненію съ Nibelungenlied: pat dreymdi mik, at ek sá einn fagran hauk mér á hendi; fjaðrar hans váru með gulligum lit = Nib. L. 13: troumte Kriemhilde— wie sie züge einen valken starg, schoen und wilde²⁾. — Ирина видитъ во снѣ золотокрылаго орла (ἄρκος χρυσοπτερᾶτος), гонявшагося за голубкой — это ея мужъ³⁾. Сл. въ сербскихъ и болгарскихъ пѣсняхъ такой-же образъ разукрашеннаго сокола⁴⁾.

Богатырь готовится стрѣлять въ ворона, но тотъ останавливаетъ его своимъ вѣщаніемъ: — эпизодъ, довольно распространенный въ нашихъ былинахъ; сл. Гильф. № 49 и 168 (Добрыня); Кир. II № 1, стр. 80—1 (Алѣша); IV, стр. 94—95 (Михайло Казарянищъ); Рыбн. I № 47 (Дюкь), II № 30 (Дюкь) и др. Воронъ вѣщаетъ: къ чему тебѣ стрѣлять въ меня? Не будетъ тебѣ отъ того никакой корысти; лучше

32 Поѣзжай ты далече во чисто поле,
А еще того подаѣ ко синю морю,

1) Weil, Bibl. Legenden der Muselmänner, p. 51.

2) Сл. Edzardi, въ Germania, XXIII, p. 98.

3) Lambros, l. c. p. 142, v. 723 слѣд.

4) Качановскій, Памятники, № 85:

Соколь піе по Вардара вода:
Нодзе му у сребро укованы,
Кризе му у злато позлатены,
На глава му бѣлъ трендафилъ цавти,
На грѣло му дробенъ бисеръ трепти.

На вопросъ дѣвушки, кто его такъ разукрасилъ, онъ отвѣчаетъ, что зять-златарь и сестра. Иначе у Караджича, Српске нар. п. из Херц. № 151:

Соко сједи на Солуну граду,
Жуте му су ноге до кољено
А златена крила до рамена,
А крвава до очiju кљуна.

Солунскимъ дѣвушкамъ онъ говоритъ, что сдѣлали то три дочери его хозяина. Сл. у Kurenberg'a:

Ich zöch mir einen valken mēre danne ein jār,
Dō ich in gezamete, als ich in wolte hān,
Und ich im sin gevidere mit golde wol bewant,
Er huop sich āf vil hōhe und vlong in anderiu lant.

Ко широкому, ко чистому раздолью;
 Тутъ стоитъ Кумбалъ царь,
Кумбалъ царь Самородовичъ,
 Со многими Татарамъ со уланами,
 Хочетъ онъ тебя погубити.
 Погубити и сорубити (№ 1).

Въ № 2 татарскій царь названъ Курбаномъ, въ № 3 Курганомъ — и рѣчь ворона нѣсколько пная:

45 Поѣзжай ты въ дальне-чисто поле
 Ко тому же князю ко Кургану,
 Гдѣ *Курганъ* князь перевозится,
Перевозится онъ и переносится
Черезъ матушку черезъ Неву (вм. Нильру?) тѣку;
 Его злые Татары все богатыри:
 Принци себѣ поединщиковъ.

Эти подробности напоминаютъ намъ былинну о Саулѣ Леванидовичѣ въ редакціи Кириши: Константинъ доѣхалъ до рѣки *Смородины* (сл. въ нашемъ № 1: Кумбалъ царь *Самородовичъ*),

А станора Кунгуръ царь перевозится
 Со тѣми ли Татары *погаными*.

Погаными — или смердящими: не оттуда-ли эпитетъ *Смородовичъ* (Самородовичъ, Смарадоновичъ, сл. выше, стр. 31), *Smardo-duxzi* или *Spuzentè* (puzzolente), какъ названъ Сарацинъ въ дубровницкой легендѣ о Роландѣ? ¹⁾

Богатырь Суровець послушался совѣта ворона: наѣзжаетъ на Татаръ и принимается ихъ бить; перескочилъ черезъ первый и второй ровъ, а въ третій обрушился; но тутъ разыгралось его молодецкое сердце: схватилъ онъ Татарина и началъ имъ помахивать, гдѣ пройдетъ — тамъ улица, куда ни повернется — переулочекъ. Добрался онъ и до царя Кумбалъ или Курбана, который просить отпустить его, сулитъ ему золотую казну,

¹⁾ См. мою замѣтку: Die Rolandsage in Ragusa, въ Архивѣ Ягича, V, р. 468—9. Съ татарскимъ царемъ *Кумбаломъ* нашего № 1 сл. литовскаго царя *Цимбала, Чимбала* у Рыбн. I, №№ 74, 75, *Чембала, Чомана* Гильф. №№ 61, 42 (Наѣздъ Литовцевъ).

табуны заповѣдныя, хочеть быть ему братомъ названнымъ, либо ссылается на то, «что въ книгѣ написано» — не казнить царей и князей.

Таково заключеніе былины въ №№ 1 и 2, снова относящее насъ къ пѣснѣ о Саулѣ Леванидовичѣ, у Кириши, гдѣ Константинъ счастливо минуетъ татарскіе рвы и «вымыслы», но разбиваетъ «въ крохи» ихъ царя Кунгура. — Иначе, нѣсколько ех abrupto, кончается былина о Суровцѣ въ № 3:

.... прибѣжалъ онъ ко князю Кургану,
Становится въ его во бѣлой шатерьъ.
Они пили-ѣли, веселилися,
И попробавъ силы, разлучимся.

Общая основа этихъ пѣсенъ сводится къ тому, что молодой богатырь, выѣхавшій на полеванье, встрѣчается съ татарскою ратью и побиваетъ её. Если Татары принадлежать подлиннику, а не замѣнили какого-нибудь иного, болѣе древняго врага, и наше толкованіе: Суровець = Сурожанинъ въ географическомъ значеніи этого слова было-бы признано вѣрнымъ, то легко указать и на историческую подкладку нашихъ былинь — въ враждебныхъ отношеніяхъ Татаръ именно къ Сурожу въ первой половинѣ XIII вѣка (1223, 1239, 1253 гг.). Народная пѣсня, по обычаю, извратила эти отношенія въ интересахъ народной славы: Суровець побѣждаетъ татарскаго царя, какъ и въ нашихъ былинахъ Татары всегда бываютъ разбиты и посрамлены.

Обычное толкованіе былинь о Суровцѣ-Суздалицѣ обобщаетъ значеніе перваго наименованія — въ смыслѣ гостя, а второму даетъ географическое значеніе въ связи съ сѣвернымъ Суздалемъ. Я ничего-бы не имѣлъ противъ такого толкованія, если-бы не слѣдующія соображенія: пѣсни о Суровцѣ-Суздалицѣ, какъ и былины о Саулѣ Леванидовичѣ, принадлежатъ къ небольшому числу обособленныхъ, не примкнувшихъ къ владимировскому циклу, охватившему все древнее содержаніе нашего эпоса. Такая обособленность мыслима либо для пѣсенъ новѣйшаго происхож-

денія, которое трудно будетъ доказать именно для нашихъ былинъ, либо для пѣсень древнихъ, случайно оставшихся неприуроченными къ Кіевскому центру. Что касается до такъ называемаго Суздальскаго періода нашего эпоса, то онъ весь коренится въ кіевскомъ, и мы ожидали-бы встрѣтить богатыря Суздальца — въ окруженіи Владимира.

Загадочными для меня являются братья Суздальцы въ одной старинѣ про Илью Муромца¹⁾: Илья убиваетъ Мамаю, богатыри бросаются на Татаръ, оставивъ въ «лагеряхъ» лишь двухъ братьевъ, двухъ Суздальцевъ, чтобы было кому встрѣтить богатырей «съ приѣзду».

Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
И похвали въ ту рать силу великую,
.....
И сами они похваляются:
«Кабы была теперь сила небесная,
И всё бы мы побили её по полю».

Эта извѣстная по другимъ былинамъ кощунственная похвальба, въ которой Суздальцы и винятся передъ Ильею, влечетъ за собою, не удвоеніе, а оживаніе павшихъ Татаръ, съ которыми не въ силахъ справиться русскіе витязи: они ѣдутъ въ Кіевъ, въ монастыри и пещеры, гдѣ и «представились».

Слѣдующіе далѣе отрывки и упоминанія былинъ говорятъ намъ о приѣзжихъ Суздальцахъ — на первый разъ даже не въ Кіевъ и не къ Владимиру, а въ какой-то городъ Покидошъ и къ князю Михаилу Ефимонтьевичу. Тожественъ-ли этотъ Покидошъ съ городомъ Кидишемъ или Кидашемъ одной быliny о Муромцѣ (Кир. I № I, стр. 79, vv. 92—3, стр. 82, v. 200—1), съ Большимъ или Малымъ Кятижемъ нижегородскаго преданія (Кир. IV, Прилож. стр. CXVIII слѣд.) — я не знаю; поводомъ къ отождествленію могла послужить лишь увѣренность, что Суровець-

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2-ая, стр. 32 слѣд.

Суздадецъ слѣдующей былины, дѣйствительно, изъ Суздаля, и что Покидоша слѣдуетъ искать гдѣ-нибудь по близости.

Былина, о которой идетъ рѣчь, очевидно безъ конца, а въ началѣ представляетъ два неидущихъ къ дѣлу запѣва. Первый изъ нихъ (Высока ли высота — поднебесная . . . Черны грязи — Смоленскія, А и быстрыя рѣки — Понизовскія) принадлежитъ къ общимъ мѣстамъ былиннаго стиля¹⁾; второй слѣдуетъ безъ всякой связи съ предъидущимъ:

При царѣ Давидѣ Евсеевичѣ,
 При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ,
 Было беззаконство великое:
 Старицы по кельямъ — родильницы,
 Черницы по дорогамъ — разбойницы,
 Сынъ съ отцемъ на судъ идетъ,
 Братъ на брата съ боемъ идетъ,
 Братъ сестру за себя емлетъ.

Это указываетъ на мотивы Иерусалимскаго стиха и, болѣе того, на эсхатологическія пророчества Андрея Юродиваго. Если запѣвъ здѣсь не случайный, то переходъ къ былинѣ могъ быть мотивированъ такъ: пришли послѣднія времена, характеризуемая упадкомъ нравственности — общей безурядицей — и божьей карой, нашествіемъ враговъ, напр. Татарь. Суровець-Суздадецъ явился-бы какъ разъ во-время, на помощь Михаилу Ефимонтьевичу. Но это было-бы слишкомъ гипотетическое возстановленіе, не поддерживаемое сохранившимся отрывкомъ былины, рассказывающимъ лишь — о пріѣздѣ богатыря:

Изъ далеча, чиста поля,
 Выскакаль тутъ, выбѣгалъ
 Суровець богатырь, Суздадецъ,
 Богатаго гостя Замореннъ сынъ.
 Онъ бѣгаетъ-скачетъ по чисту полю,
 Спрашиваетъ себѣ сопротивника,
 Себѣ сильна-могуча богатыря,

¹⁾ Сл. выше, стр. 45, прим. 2.

Побиться, подраться, порататься,
 Силы богатырски поотвѣдати,
 А могучи плечи приоправити.
 Онъ бѣгалъ-скакалъ по чисту полю,
 Хоботы металъ по темнымъ лѣсамъ,
 Не нашелъ онъ въ полѣ сопротивника,
 И поѣхалъ ко городу Покидошу.
 Во славномъ городѣ Покидошѣ,
 У князя Михайлы Ефимонтьевича,
 У него князя почетной пиръ.
 А и тутъ молодцу пригодилося,
 Приходилъ на княженецкой дворъ,
 Походилъ во грядню во свѣтлую,
 Спасову образу молится,
 Великому князю поклоняется.
 А князь Михайло Ефимонтьевичъ
 Наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра,
 Подаетъ ему, доброму молодцу,
 А и самъ говорилъ таково слово:
 «Какъ, молодець, именовъ зовуть,
 Какъ величать по изотчеству?»
 Сталъ, молодець, онъ рассказывати:
 «Князь-де, Михайло Ефимонтьевичъ!
 А меня зовуть, добра молодца,
 Суровець богатырь, Суздалецъ,
 Богатаго гостя Заморенниъ сынъ».

А и тутъ князю то слово полюбилоса:
 Посадилъ его за столы убранные,
 Въ ту скамью богатырскую,
 Хлѣба съ солью кушати,
 И довольно пити, прохладатися.

(Кир. III, Прилож. стр. VIII—X = Кирша Дан. № LIV).

Суровець — Заморянинъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ наши
 былины говорятъ о заморскихъ товарахъ, камочкѣ и т. д.
 Добрыня называетъ себя скоморохомъ Данилой Заморнинымъ
 (Кир. II, № 7, стр. 16, в. 69), т. е. приѣзжимъ изъ за моря:
 Суровець торгуетъ за моремъ, онъ одинъ изъ тѣхъ сурожскихъ

гостей-богатырей, которые являются при дворѣ Покидошскаго князя, заходятъ и въ Кіевъ, гдѣ у нихъ особая слобода:

Что во нашемъ во городѣ во Кіевѣ,
 Что у насъ въ слободѣ въ Ерусалимскія,
 У насъ яѣтъ молодцевъ, удалыхъ Суздальцевъ,

говорить Иванъ Годиновичъ Владимиру (Кир. III, № I, стр. 10, vv. 38—40). Такимъ заѣзжимъ богатыремъ выступаетъ въ окруженіи Кіевскаго князя и Чурила Пленковичъ, сынъ богатаго гостя изъ Сурожа, но уже не греческаго, а итальянскаго: Пленковичъ не что иное, какъ народная перегласовка изъ Франковичъ, т. е. сынъ Франка = Пленка.

Эта перегласовка требуетъ объясненія.

Греч. φ нерѣдко переходитъ въ слав. и русск. п: сл. *Осипъ* (Joseph), *параонъ* (Фараонъ), *перваръ* (februarius, гдѣ, впрочемъ, слѣдуетъ признать и участіе народной этимологіи), *пъникъ* (φούκις), *дафиново хвощи* = дафиново вѣт'выи, δάφνις, Алекс.¹⁾; *типанъ* фариже, *типане париже*, тифане фарижи, Алекс., φάριον = фарижъ, новогр. φαρί (Pfarit, parafrut); о типанѣ, тифане см. замѣтку проф. Ягича (ibid. стр. 214): «ja držim da je to takodjer grčka rieč, stojeci u svezi s glagolom τυφώω, možda τυφών — a da znači: biesan, romatan». Укажу съ своей стороны на необъясненное до сихъ поръ слово: типа, у Иоанна Экзарха Болгарскаго: *имать* (сердце) родомъ жестокоу плоть, *типами* многообразными солежа са (Miklosich, Lexicon, a. v. типа: sensus dubius); сл. τυφος — Dünkel, Hoffart, Einbildung, Verblendung и т. д. — *фаносъ*, *паносъ*: въ мѣсто фаноса, место паноса = άντι φανού Алекс. — *С пиникием*, var. *съ финиеем* Алекс.; *плашѣ пиничаски*, var. *финичьскій* Алекс.; *Миди* и *Пиници*; много нему меда и *пиника* донесоме; *Пиником* var. *Финикомъ*; *Пинику*; *Пиници* var. *Финици*; у *пиничком* крзни Алекс. Сл. тамже: *de Thetide*: *Тегиде* var. *Федиде*, *Петгиде*.

¹⁾ Алекс. = хорватская Александрія, изданная проф. Ягичемъ: *Život Aleksandra Velikoga*, Starine, III 203 слѣд.

Слав. русск. *пр* изъ греч. φρ: phrygius: *фридіскимъ* странамъ, *придиимскимъ* странамъ; к *придииской* земли, *придииску* землю Алекс.; *придежскыѣ* отоцы, *прижиискыѣ* крѣви, *прижискыѣ* крѣви; *Прижѣа* = Phrygia; *Пришедеѣ*, *Приидеиѣ* = Phrygius, Trj. pr. ¹⁾. — Я разберу въ этой связи еще нѣсколько мѣстъ славянской Александрии. Въ Псевдокаллистенѣ С (ed. Müller, стр. 29—30) говорится объ Александрѣ Великомъ: «Ἀπάρας οὖν πάλιν ἀπὸ Ῥώμης, ὤρμησε κατὰ δυσμῶν· καὶ οὐκ ἦν αὐτῷ ὁ ἀνδιστάμενος. Καὶ προῦπαντῶσιν αὐτῷ πᾶσαι αἱ βασιλεῖαι δυσμῶν. Καὶ δῶροις ἐκμειλίσσονταί αὐτόν, καὶ παρακαλοῦσιν αὐτόν μὴ ἐπιβῆναι τοῖς ὄροις αὐτῶν. Καὶ λαβὼν τὰ δῶρα ἀνδρὸς ποστρέφει, καταλείπων αὐτῶν πάντων χύριον τὸν Λαομέδοντα». Въ сербской Александрии Кирилло-бѣлозерскаго списка ^{11/1088}, XV-го вѣка, л. 59 лиц. об. (= Ягичъ I. с., стр. 246) Александръ ставитъ Лаомедонта царемъ въ Римѣ; иначе въ концѣ романа: изъ Александрова наслѣдія Лаомедонту достается нѣмецкая и — *франкская* земля, ибо эпитетъ «фарижскій» едва-ли можетъ имѣть, въ указанной связи, иное значеніе, кромѣ «франкскаго»: «а Ламедаоушоѣ да *нѣмецкую* землю и *фарижеское* црство» (Кир. бѣл. сп. л. 168 об.). — Рудницкій текстъ Александрии, изданный Ягичемъ, удержалъ, въ этомъ эпизодѣ (стр. 312), имя Лаомедонта, но отдаетъ ему «англитерско господство», Пинику «*нимику* землю и *пажадско* госпоство», вмѣсто котораго одна рукопись (с) ставитъ «*франическо* госпоство», другая (f) — «парижское господство» (сл. Новаковичъ, Приповетка о Александрѣ Великомъ у старої српскої књижевности, стр. 126 прим.), т. е., очевидно, франкское. *Пажадско* госпоство напоминаетъ мнѣ загадочное географическое опредѣленіе Троянской притчи: (Полинещерьъ краль) «кои кралюваше по всея *Пагажи*», и такое-же въ Александрии: «дарова му фарижа. . . оседлана у *праначкоу* френи», var. оу *франчьскоу* фране, in francisco graeno (Ягичъ, I. с., стр. 311; Новаковичъ, I. с., стр. 124).

Предложенныя сопоставленія даютъ намъ право допустить уравненіе: *франкъ*, *френкъ* (фрагъ) = *пранкъ*, *пренкъ* — и далѣе,

¹⁾ Trj. pr. = Trojanska priča, ed. Miklošić, Starine III, стр. 147 слѣд.

съ извѣстнымъ переходомъ *p* въ *л* (и наоборотъ: Оурикшешъ = Шухес, Трой. рг.) — *пленкъ*: отецъ Чурилы зовется Пленкъ и Пленко, онъ самъ — Пленковичъ, *Пеленковичъ, что предполагаетъ форму *пеленкъ*, отвѣчающую одному изъ наименованій, которымъ татары обозначали осѣдлыхъ въ Крыму Генуэзцевъ: *Frenk*, *Fegenk*, *Felenk* = т. е. Франкъ. Это устраняетъ безсознательное объясненіе: Плена = Пленомъ, пономомъ, а самого Чурилы — богомъ чуромъ, фаллосомъ и т. п.¹⁾: Чурило не что иное, какъ народная форма Кирилла, греч. *Κύριλλος*, црквнсл. Коуриль, Куриль, Кюриль (сл. Рыбн. III № 26: Чирилушка и Кириллушка Попленковичъ); Чурилья игуменья одной шутиливой пѣсни = Кирилья²⁾. Для перехода звуковъ сл. сербск. *ћирил*, *ћурилица* = *alphabetum cyrillicum*, црквнсл. коуриловица; сербск. комин, чемин, чимин = *κῦμινον*, црквнсл. кюминъ, куминъ; *τσ* изъ *κ* въ новогреческихъ говорахъ: *τσερί* = *κηρίον*, *τσῦμα* = *κῦμα*, *τσαίω* = *καίω*, *τσουρά* = *κυρία* и др.³⁾. Можетъ быть, часть значеній, съ которыми встрѣчается русск. чуръ (чурать, чуровать, чураться и т. д.; «чуръ чуровъ и чурочковъ моихъ»; «чурочками клянусь, что не буду»), восходить къ греч. *κύριος*, средне- и новогреч. *κύρ*, црквнсл. куръ, курь, кюръ, кирь⁴⁾.

Такимъ образомъ Чурило Пленковичъ, т. е. Кирило, сынъ Франка, является однимъ изъ тѣхъ-грекороманскихъ гостей-Сурожанъ, которые, являясь въ Кіевъ, изумляютъ своихъ, болѣе грубыхъ сосѣдей, блескомъ своихъ культурныхъ привычекъ и обстановки, либо выступаютъ и богатырями, какъ Суровець-Суздадецъ нашихъ былинъ или *Франки* старыхъ румынскихъ пѣсенъ, отождествляемыхъ г. Теодореску съ генуэзскими колонистами

1) Кир. IV, Прилож. стр. LVIII слѣд.

2) Другія толкованія словъ: чуриля, чурилка, чурилья относятся къ области шутиливой народной этимологій (курить, чурка, шуриться). Сл. Опытъ областного великорусскаго словаря; Дополн. къ Оп. област. великорусск. слов.; словари Даля и Носовича.

3) Сл. Разысканія VI, стр. 289 прим. 1.

4) Коуръ въ извѣстномъ мѣстѣ Слово о Полюку Игоревѣ («до коуръ Тмоутороканъ») — не греческое-ли *κύρ*? Сл. Буслаевъ, Христом. 612.

Крыма и Молдавіи. Въ одной румынской колядкѣ молодець готовится продать своего коня, чтобы на вырученныя за него деньги сыграть свою свадьбу, а конь не знаетъ, откуда на него такая напасть: ни въ чемъ онъ не повиненъ передъ своимъ хозяиномъ — развѣ въ одномъ:

De cândü ne băteamü
 Intr' alü Mării prundü
 Cu Turcii,
 Cu Frâncii,
 Frâncii ne'nfrângeaü,
 Turcii ne băteaü,
 'N mare ne băgaü,
 Multî că se'necaü, —
 Eü amü inotatü,
 Marea'n lungü și'n latü.
 D'asta'sü vinovatü,
 Că m'amü pedicatü
 D'üä pénä
 De mrénä,
 Și că țî-amü udatü
 Pólă de caftanü,
 Coltü de posunarü;
 Dérü m'amü bisuitü,
 La malü d'amü eşitü:
 Din nări c'amü suflatü,
 Tóte le-amü svéntatü,
 Nimicü n'amü stricatü.

Малорусская колядка, почти тождественная съ приведенной румынской и записанная въ нѣсколькихъ пересказахъ, говоритъ, лишь о Туркахъ, либо о Туркахъ и *Татарахъ*¹⁾, замѣнившихъ,

¹⁾ Чубинскій, Труды этнограф. статист. эксп. въ зап. русск. край, снаряж. Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. П. Чубинскимъ, т. III (Народный дневникъ), Колядки № 19 и 39. См. мои Разысканія VI, стр. 278 слѣд. Къ приведеннымъ тамъ колядкамъ слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія:

Молодый (имя) по́ торгу ходить,
 Коника водить, зъ коникомъ гвóрить:

стало быть, *Франковъ* румынскаго текста, какъ и въ нашихъ былинахъ они нерѣдко заслоняли собою другихъ, болѣе древнихъ враговъ, напр. Сарацинъ и т. п. — Въ саду, въ виноградѣ, подь калиною, молодецъ ведетъ бесѣду съ своимъ конемъ, хочеть продать его за сто червонцевъ, за бочку вина, за бочку пива; а конь напоминаетъ ему о своихъ прежнихъ заслугахъ:

Якъ насъ Турки за Дунай загнали,
 Бильшь потопали, якъ вирнали;
 А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ,
 Ни чоботка, ни стременочка,
 Ни стременочка, ни сиделочка (№ 39 А);
 Ни поли жулана, ни чоботка сапьяна (№ 39 В).

Въ другой румынской колядкѣ о героѣ поется, что онъ бьется подь Браилой съ Турками — и Франками:

О коню мой, коню! Продамъ я тебѣ
 За сто червонцовъ, за трубку сукна, за румку вина!
 — Молодый (имя)! Нѣ продай мене,
 Буду я табѣ ў великой пригоди.
 О, якъ будѣшь ты дѣ жавитися,
 Перевѣзу тебѣ черезъ синє море,
 Штобъ нѣ замочивъ полы кафтана,
 Сапоги сафьяны.

(Опытъ описанія Могилевской губерніи, подь ред. Дембовецкаго. Могилевъ, 1882, стр. 525, № 9):

Мав Іваненько вороного коня,
 Примав его в рублянѣ стайні,
 Давав му їсти яру пишицю,
 Давав му пити зелене вино.
 Вивів він его на нове місто:
 Ой коню, коню, продам я тебе!
 Ой пане, пане, чи не жаль ти буде?
 Погадай собі, чи не жаль тобі? —
 Скоро го продав, жалібно зашржавъ:
 Я в тебе стояв по боки в гною,
 Я в тебе їв житну солому,
 Я в тебе пив холодну воду (колядка со Смотрича, неизд.).

6*

Și se bate cu Turcii,
Cu Turcii,
Și cu Frâncii ¹⁾.

Teodorescu приводит эти этническія имена въ связь со взятіемъ Константинополя въ 1453 году и съ разгромомъ генуэзскихъ поселеній въ Крыму Турками. Ничто въ пѣсняхъ не указываетъ на память объ этихъ именно отношеніяхъ, и точная хронологія здѣсь такъ-же невозможна, какъ и относительно Чурилы нашихъ былинъ. Давность послѣдняго засвидѣтельствована отчасти — рѣшительнымъ забытіемъ этническаго значенія Пленка и Пленковича, которые всюду понимаются какъ собственное имя и прозвище по отчеству.

II.

Пѣсень о Чурилѣ у меня было подъ рукою 22 пересказа, не считая пяти болѣе или менѣе попорченныхъ и упоминаній Чурилы въ другихъ былинахъ, особливо въ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ. Нигдѣ его пѣсенная біографія не является въ цѣльномъ видѣ, т. е. въ совокупности всѣхъ ея эпизодовъ: совокупности, выходящей изъ взаимнаго сличенія пѣсень о немъ и на столько естественной, что въ ней нельзя заподозрить результатъ позднѣйшаго свода. Послѣдовательность является такая: а) Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы; б) Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира; в) эпизодъ съ Апраксіей на пиру; д) впечатлѣніе Чурилы красотой; е) Чурила и Катерина. Рыбн. I № 45 ограничивается четырьмя эпизодами (abde); Рыбн. III № 24 и Гильф. № 223 не знаютъ послѣдняго (abcd); Кпр. IV, № 1,

¹⁾ Teodorescu, Noțiuni despre colindele Române, Bucuresci, 1879 г., стр. 77—78, 80—94. — Въ одной румынской балладѣ у Alessandri (Poesii populare ale Romanilor, 1867, № XXXII, стр. 24 слѣд.) паша, являющійся съ толпой Босняковъ и Браньцевъ (Braileni din Brăila), названъ «палачемъ Франковъ», măcelarul Frâncilor.

стр. 78—86 (= Кирша Даниловъ) довольствуется тремя: ab—e; Кир. IV, № 2, стр. 86—7, двумя (cd); Гильф. № 229 и 251 первымъ (a), и, наконецъ, цѣлый рядъ пѣсень знаетъ только о любви Чурилы къ Катеринѣ (= e). Сл. Кир. IV, № 3, стр. 87—90; Рыбн. I, № 46; II, № 23, 24; III, № 26; Гильф. № 8, 27, 35, 67, 189, 224, 242, 268, 309. — Присоединимъ къ этому еще небольшой отрывокъ былины у Рыбн. I въ прим. къ № 45, стр. 265—6 (abc).

При слѣдующей передачѣ мы держимся установленнаго нами распорядка содержанія.

а) *Владимиръ въ гостяхъ у Чурилы.*

Владимиръ пировалъ въ Кіевѣ и столъ былъ во полу-столѣ, когда явилось триста молодцовъ,

14 Всѣ они избиты-изранены,
 Булавами буйны головы пробиваны,
 Кушаками головы завязаны;
 Бьютъ челомъ, жалобу творять:
 Свѣтъ, государь, ты Владимиръ князь!
 Ъздили мы по полю по чистому,
 Сверхъ тоя рѣки Череди,
 На твоємъ государевомъ займищѣ,
 Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
 Не наѣзживали звѣря прыскачаго,
 Не видали птицы перелетныя;
 Только наѣхали во чистомъ полѣ:
 Есть молодцовъ за три ста,
 [Есть молодцовъ] и за пять сотъ:
 Жеребцы подъ ними Латинскіе,
 Кафтаны на нихъ камчатные,
 Однорядочки-то — голубъ скурлатъ,
 А п колначекъ — золоты плаши;
 Они соболи, кунницы повыволиш,
 И печерскн лисицы повыгнали,
 Туры, олени выстрѣлили,
 И насъ избии-изранили;
 А тебѣ, осударь, добычи нѣтъ,

А отъ вась, осударь, жалованья нѣтъ,
 Дѣти, жены осиротѣли,
 Пошли по міру скитатися.

Не слушаетъ ихъ Владимиръ, «пѣеть онъ, ѣсть, прохлаждается»,
 а между тѣмъ новая толпа вошла во дворе: то «охотники рыбо-
 ловые», также жалуются, что незнаемые люди всю рыбу у нихъ
 повыловили, а ихъ самихъ избили-изранили. Кто эти люди —
 князь узнаеть отъ сокольниковъ и кречетниковъ, явившихся
 съ такимъ же къ нему челобитьемъ: они «называются дружиною
 Чуриловою».

92 Тутъ Владимиръ князь
 За то слово спохватится:
 «Кто это Чурила есть таковъ?»
 Выступался тутъ старой
 Бермята Васильевичъ:
 «Я, де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю:
 Чурила живеть не въ Кіевѣ,
 А живеть онъ пониже Малаго Кіевца.
 Дворъ у него на семи верстахъ,
 Около двора желѣзній тынъ,
 На всякой тычинѣ по маковкѣ,
 А и есть по жемчужинѣ;
 Среди двора свѣтлицы стоять,
 Грядни бѣлодубовыя,
 Покрты сѣдымъ бобромъ,
 Потолокъ черныхъ соболей ¹⁾,
 Матица-то валженая,
 Поль-середа одного серебра,
 Крюки да пробои по булату злачены;
 Первые у него ворота вальщатые,
 Другіе ворота хрустальныя,
 Третьи ворота оловянные».

¹⁾ Сл. Гильф. № 251:

Потолоки были соболинныя;

Гильф. № 223:

Да потолокъ у Чурила изъ черныхъ соболей.

Владимиръ съ княгинею, боярами и Бермятой ѣдутъ провѣдать Чурилу: встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ (или: Пленка) Сароженинъ, князю и княгинѣ отворилъ ворота вальящатые, князямъ да боярамъ хрустальные, простымъ людямъ оловянные. Начинается пированье,

143 Веселая бесѣда, на радости день.

Князь со княгинею весель сидеть,
 Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
 И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
 Говорилъ таково слово:
 «По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилось,
 Князя, меня, въ домѣ не случилось,
 ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
 Или какой грозенъ посоль.»
 Старый Пленка Сароженинъ
 Лишь только усмѣхается, самъ потчиваетъ:
 «Изволь ты, осударь,
 Владимиръ князь со княгинею,
 И со всѣми своими князи и бояры кушати:
 Что, де, ѣдетъ не король изъ орды
 И не грозенъ посоль,
 ѣдетъ, де, дружина хорабрая сына моего,
 Молода Чурилы сына Пленковича;
 А какъ онъ, осударь,
 Будеть предъ тобою-жь,
 Будеть пиръ во полу-пирѣ,
 Будеть столъ во полу-столѣ.»
 Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
 Всѣ уже они безъ памяти сидятъ;
 А и на дворѣ день вечерается,
 Красное солнышко закатается,
 Толпа въ полѣ собирается:
 Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
 Есть [молодцовъ] и до тысячи.
 ѣдетъ Чурила ко двору своему,
 Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
 Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.

Впереди бѣжитъ скороходъ, заглянуль на дворъ, видить, что

дружинѣ не проѣхать, и вотъ они въѣзжаютъ окольнымъ дворомъ, а Чурила догадался: беретъ золотыя ключи, идетъ въ подвалы глубокіе, выноситъ князю и княгинѣ дорогіе подарки.

193 Втапоры Владимиръ князь, стольной Кіевской,
 Больно со княгинею возрадовался,
 Говорилъ ему таково слово:
 «Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 Не подобаеъ тебѣ въ деревнѣ жить,
 Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
 [Въ Кіевѣ жить], князю служить».

(Кир. IV, № 1, стр. 78 слѣд. = Кирша).

Былины, сохранившіе этотъ эпизодъ, передаютъ его въ существенно тѣхъ-же чертахъ, съ нѣкоторыми отличіями и новыми подробностями, которыя мы отмѣчаемъ.

Вездѣ то-же зачало: три толпы являются одна за другою къ Владимиру съ челобитьемъ на Чурилиныхъ людей: — это охотники, рыбаки и сокольники-кречетники. У Рыбн. I, № 45 отличіе ступешано и три раза повторяется одна и та-же жалоба, что Чурила

Кунныхъ-то лисовъ всѣхъ выловилъ,
 Кунную рыбу повывавагъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223, Гильф. №№ 229 и 251 первыя двѣ жалобы касаются охотничьяго дѣла, третью ведутъ купцы торговые и мужики посадскіе, на Чурилиныхъ людей, что они

Ѣзда по городу уродствують,
 Лукъ и чеснокъ повыщипали,
 Бѣлую капусту повнломали,
 Красныхъ-то дѣвокъ ко сорому-де привели,
 Молодыхъ молодокъ прибезчестили,
 Старыхъ-то старухъ да обезвѣчили. (Гильф. № 229).

Владимиръ не знаетъ, гдѣ живетъ Чурила, у Гильф. № 251 онъ повторяетъ послѣ каждаго челобитья:

Не знаю я Чуриловой вотчины,
 Не знаю я Чуриловой поселицы,
 Не знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. 223 и Гильф. № 229 его научаютъ князья и бояре, у Гильф. № 251 «судалой добрый молодець — по имени *Иванъ*, да *Ивановичъ*», заступившій здѣсь *Бермяту* пересказа Кирши. *Бермята-Пермиль* — мужъ Катерины, за которой приволокнулся Чурило; интересно, что въ пѣсняхъ о сватовствѣ Владимира на невѣсту указываютъ ему — *Иванъ* Гостиный сынъ, либо *Пермиль* или *Перминъ*¹⁾. — Иванъ говоритъ:

Знаю я Чурилову вотчину,
 Знаю я Чурилову поселицу,
 Знаю я Чурило гдѣ дворомъ стоитъ:
 У Чурило дворъ на Сароги на рѣкѣ,
 Супротивъ креста Леванидова,
 У Святыхъ мощей у Борисовыхъ.

У Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 онъ не въ Кіевѣ, и не за Кіевомъ, а «на Почай на рѣкѣ — у чуда креста Дминдалидова» (Гильф. Мендалидова; вар. къ Рыбн. I, № 45, стр. 266: Леванидова) — у святыхъ мощей у Борисовыхъ». Почай рѣка вторглась сюда изъ былинныхъ воспоминаній: слѣдуетъ, быть можетъ и здѣсь читать Сорогу, гдѣ происходитъ охота въ началѣ пѣсни у Рыбн. I, № 45 (Сорога), Гильф. № 229 (Сорога), Кирши (Черега) и въ нашемъ пересказѣ, Гильф. № 223, припомнимъ, некстати, и рыбу того-же имени: «рыбу сорогу повывловили!» — Гильф. № 229 ограничивается, относительно Чурилиной поселицы, общимъ указаніемъ: не въ Кіевѣ, а за Кіевомъ, какъ у Кирши: не въ Кіевѣ, а пониже малаго Кіевца; сл. Рыбн. I, № 45: Какъ живетъ-то Чурило во Кіевцѣ, — На матушкѣ живетъ на Сорогѣ на рѣкѣ. — Всего этого слишкомъ мало для какихъ-бы-то-ни-было заключеній. Подъ Малымъ Кіевцемъ, очевидно, нельзя подразумѣвать что-нибудь географически опре-

¹⁾ См. выше, стр. 58.

дѣленное, напр. городъ этого имени на Дунаѣ; Чурила живеть гдѣ-то далеко за Киевомъ, такъ что Владимиръ о немъ и не знаетъ; Сорога, Сарога — не указываютъ-ли на Сурожъ? Сл. Сорожанинъ, Сарожанинъ.

Описаніе Чурилина дворца вездѣ вычурное; сл. Гильф. № 229:

Дворъ-отъ у Чурила на семи верстахъ,
Около двора всё булатній тынъ,
Верхн-ты были всё точёные,
Подворотенки-ты были дорогъ рыбей зубъ,
Надъ воротами прокъ до семидесятъ,
На дворѣ есть теремовъ до семи ихъ сотъ

(Рыбн. III, № 24: стояло теремовъ де до семидесяти; Гильф. № 251: три терема).

Пошолъ-то Владимиръ на широкой дворъ:
У Чурила первы сѣни рѣшетчатые,
У Чурила други сѣни серебряные,
У Чурила третьи сѣни были на золоти

(трое сѣней и у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45; сл. у Кириши отвѣчающіе имъ трое воротъ).

Заходилъ-то Владимиръ во высокъ терѣмъ,
Въ терему пель-середѣ одного серебра,
Стѣны-потолокъ красна золота,
На неби сонце и въ тереми сонце,
На неби мѣсяцъ и въ тереми мѣсяцъ,
На неби звѣзды розсыплются,
Въ тереми звѣзды розсыплются.

Тѣ-же подробности — о солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ — въ фантастическомъ описаніи терема встрѣчаются у Гильф. № 251, Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 и Рыбн. I, № 45 (солнце, мѣсяцъ, звѣзды — и зори), въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ, Садкѣ и Дюкѣ, наконецъ въ мало-и бѣлорусскихъ обря-

ДОВЫХЪ ПѢСНЯХЪ: ОБЩЕЕ МѢСТО ¹⁾, ИМѢВШЕЕ, БЫТЬ МОЖЕТЪ, РЕАЛЬНОЕ ОСНОВАНІЕ ВЪ КАКИХЪ-НИБУДЬ ХИТРЫХЪ ДЕТАЛЯХЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ АРХИТЕКТониКИ. ВЪ ВИЗАНТІЙСКОМЪ РОМАНѢ О КАЛЛИМАХѢ И ХРИЗОРРОѢ ТАКЪ ОПИСЫВАЮТСЯ ПАЛАТЫ ДРАКА: КРЫША У НИХЪ ПОЗОЛОЧЕННАЯ, УКРАШЕННАЯ ЖЕМЧУГОМЪ; МАЛО ТОГО:

423 ἀλλ' εἶχεν στέγην οὐρανὸν καὶ τοὺς ἀστέρων δρόμους,

 μετὰ πανσόφου μηχανῆς καὶ τέχνης παραξένου ²⁾.

Сходныя черты въ описаніи чудесъ Индѣйскаго царства указаны будутъ дагѣе; на средневѣковую характеристику Хосроя я обратилъ вниманіе по другому поводу: въ его дворцѣ — искусственное небо, съ солнцемъ, луною, звѣздами и облаками (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine; Hermann von Fritzlar); см. Gautier d'Arras, въ Ercles:

5187 Un ciel ot fait faire li fos
 à cières pières et à clos
 molt ricement l'ot fait ouvrer,

и описаніе «Kaiserchronik»:

11158 ein heidensker kunic hiez Cosdras,
 dem geriet der vālant,
 daz er hiez wirken ubir sfn lant
 einen himel ērn.
 vil gerne wolde er got sfn.
 dô hiez er mālen dar inne
 die sunnen unde die maeninne
 ūz den karvunkeln,
 von blie die wolken,
 ūz edelme gesteine
 die sternen vil kleine ³⁾.

¹⁾ См. мои Южно-русскія былины, II, стр. 69—71.

²⁾ Lambros, l. c. стр. 19.

³⁾ См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ: Повѣсть о вавилонскомъ царствѣ, стр. 145.

Пленчище Сорожанинъ (Рыбн. I, № 45) = Пленкогость Сорожанинъ (Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223), Пленкъ, сынъ Сарожанинъ (Гильф. № 229) — встрѣчаетъ Владимира; Гильф. № 229 (сходно съ Рыбн. III, № 24) описываетъ его, какъ стараго-матераго человѣка:

Шуба-то на старомъ соболиная,
Подъ дорогимъ подь зеленымъ подь знаметоу

(Рыбн. III, № 24: самитомъ; Гильф. № 223: стаметомъ)

Путовки всё вольячные,
Лить-то вольякъ красна золота.

Въ отличіе отъ редакціи Кирши и Гильф. № 223 (разнящагося въ этомъ случаѣ отъ Рыбн. III, № 24), появленіе Чурилинныхъ молодцовъ описано во всѣхъ другихъ пересказахъ въ параллель къ тремъ толпамъ челобитчиковъ, приходящихъ къ Владимиру: ихъ также три толпы, и лишь въ третьей мы видимъ самого Чурилу. У Гильф. № 229 и Рыбн. III, № 24 этотъ эффектъ разработанъ еще особымъ образомъ: Владимиръ видитъ «въ окошко косѣрчатое» толпу молодцовъ, исполошился, говоритъ таково слово:

Не царь-ли съ ордой, не король-ли съ Литвой,
Не думные бояринъ-ли не сватовщикъ
На любимые Забавны на племянницы (Гильф. № 229).

Пленкъ его успокоиваетъ:

Не пужайся, Владимиръ, не полошайся!
Не царь ѣде съ ордой, не король съ Литвой,
Не думные бояринъ да не сватовщикъ
На любимые Забавнѣ на племянницы,
А ѣдутъ то Чуриловы все столыники.

(Рыбн. III, № 24: повары). А затѣмъ новая толпа и то-же сомнѣніе Владимира и такой-же отвѣтъ Пленка:

А ѣдутъ то Чуриловы все ключники

(Рыбн. III, № 24: столыники). Это постепенное усиленіе — изумленія и страха напоминаетъ такой-же поэтической климаксъ въ былинахъ о Дюкѣ, гдѣ онъ, несомнѣнно, древній.

Въ послѣдней толпѣ ѣдетъ и Чурила:

Середній ѣде улицею мѡлодецъ,
Съ коня-то онъ на конь перескакиваѣ,
Черезъ три-то онъ коня да на четвѣртаго.

Сл. Гильф. № 251 и Рыбн. III, № 24 (= Гильф. № 223):

Съ коня де на конь перескакиваетъ,
Изъ сѣдла въ сѣдло перемахиваетъ,
Черезъ третье да на четвертое,
Въ верхъ копые да подбрасываетъ,
Изъ ручки въ ручку подхватываетъ.

Иначе у Рыбн. I, № 45:

Одинъ молодецъ получше всѣхъ:
Волосынки — золота дуга, серебряная,
Шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ,
А личико быдто маковъ цвѣтъ,
Очи быдто у ясна сокола,
Брови быдто у черна соболя;
Съ коня на коня перескакиваетъ
У молодецъ шапочки подхватываетъ,
На головушки шапочки покладываетъ.

На подбрасованіе и подхватываніе копыя, въ знакъ молодецкой удали — мы указали при другомъ случаѣ¹⁾, какъ на общее мѣсто славяно-русскаго, румынскаго и греческаго эпосовъ. Иное значеніе имѣетъ перескакиваніе изъ сѣдла въ сѣдло и подхватываніе шапокъ, напоминающія подобныя-же упражненія Турпина въ поэмѣ о поѣздкѣ Карла Великаго въ Константинополь и Иерусалимъ. Чурила являлся не столько богатыремъ, сколько культурнымъ человѣкомъ, а понятіе культурности выразилось наивнымъ удивленіемъ къ ловкости, граничившей съ фиглярствомъ, къ ще-

¹⁾ Сл. выше, стр. 12—13.

гольству и нарядности, переходившей въ жеманство. У Чурилы шея, что бѣлый снѣгъ, лицо, будто маковъ цвѣтъ; у Кириши передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобы лицо не загорѣло. См. въ пѣснѣ о Дюкѣ, Рыбн. II, № 30: надъ его матерью несутъ подсолнечникъ «чтобы отъ краснаго солнца не запеклось ея лицо бѣлое»; въ № 28 *ibid.* она для этой цѣли «обвѣшана бархатомъ», но у Рыбн. III, № 29 «подсолнечные» — вѣроятно, люди, несущіе зонтики-подсолнечники: «Потомъ пошла уже другая толпа — подсолнечныхъ сорока сажень» (?) — а у Гильф. № 230:

Идутъ какъ тупова три женщины,
Несутъ подзонтикъ-отъ подсолнечной.

Въ одной кипрской пѣснѣ (Сакелларій, № 15) Ародафнуза защищается отъ солнечныхъ лучей вѣткой розмарина; другая выводитъ, въ окруженіи Дигениса, какого-то паликара, маленькаго роста, съ длинными волосами и — зонтикомъ на плечахъ (*ib.* № 17).

Вездѣ эпизодъ о поѣздкѣ Владимира къ Чурилѣ кончается приглашеніемъ послѣдняго на княжую службу въ Кіевъ.

б) *Чурила въ Кіевѣ, на службѣ у Владимира.* Въ Кіевѣ онъ былъ «счастливъ добръ», говорится о Чурилѣ въ одной пѣснѣ о Дюкѣ Степановичѣ (Кир. III, № 2, стр. 104); въ былинѣ о Дунаѣ онъ выдаетъ его невѣстѣ изъ княжей казны «платьице женское цвѣтное» и «сосянъ хрущатой камки» (*ib.*, № 4, стр. 78); въ пѣснѣ о «Сорока каликахъ со каликою» (I. с. № 2, стр. 87) онъ вызывается у княгини Апраксії учинить между ними обыскъ. Его споръ съ Дюкомъ, такимъ же пріѣзжимъ богатыремъ, какъ и онъ, относится ко времени его кіевскаго служенія. Послѣдовательность былинъ о Чурилѣ въ этомъ эпизодѣ нѣсколько перебита, а кое-гдѣ и подновлена. У Кириши (Кир. IV, № 1, стр. 84 слѣд.) Чурила прямо является *позовщикомъ* Владимира, но Рыбн. I, № 45 и III, № 24 = Гильф. № 223 указываютъ мѣсто этой подробности лишь послѣ приключенія съ Апраксіей, котораго Кириша не знаетъ. Послѣдовательность восстанавливается на первый

разъ при помощи Рыбн. I, № 45: Владимиръ предлагаетъ Чурилѣ жить въ Кіевѣ «вз курятникахъ» (sic.).

Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурила на бѣду накупается.
 И живетъ-то Чурила во Кіевѣ,
 У князя у Владимира въ курятникахъ.
 И возговорить княгиня Опраксія:
 «Ай-же ты, солнышко Владимиръ князь!
 Положи-тво Чурилу во постельнички,
 Чтобы стлалъ онъ перину пуховую,
 И владаль-бы зголовьнице высокое,
 И сидѣль-бы у зголовьнца високаго,
 Играль-бы въ гусельники яровчаты
 И спотѣшалъ-бы князя Владимира».
 И возговорить Владимиръ таковы слова:
 «Ай-же ты, Чурилуша Пленковичъ!
 Не долѣетъ ти жить въ курятникахъ,
 А долѣетъ жить ти въ постельничкахъ.

 Кто отъ бѣды откупается,
 А Чурила на бѣду накупается.
 И живетъ то Чурила въ постельничкахъ.

Слѣдуетъ за тѣмъ, безъ всякаго мотива, предложеніе князя Чурилѣ — быть *позовщикомъ*; Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 объясняютъ это рѣшеніе — страстью Апраксин къ Чурилѣ, но не — постельнику, какъ значитса, согласно съ Рыбн. I, № 45, въ испорченномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7, а *чашнику и столънику*.

с) Эпизодъ съ Апраксией на пиру.

Да свѣтъ государь да Владимиръ князь,
 На хороша на новаго на столъника,
 Да завѣлъ государь да почестной пиръ.
 Да премладый Чурила-то сынъ Пленковичъ,
 Да ходитъ-де ставитъ дубовы столы,
 Да желтыми кудрями самъ потрѣхиваетъ,

Да жёлтыи кудри разсыплются,
 А бывъ скачѣнъ жемчугъ раскатается.
 Прекрасная княгиня-та Апраксія
 Да рушала мясо лебединой,
 Смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую.
 Сама говорила таково слово:
 — Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую.
 Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,
 Да помутились у м'ня-де очи ясные,
 Да смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Да на егѣ-то на кудри на желтые,
 Да на егѣ-де на перстни значенные,
 Помѣшался у м'ня разумъ во буйной головѣ,
 Да помутились у меня да очи ясные.
 Да сама говорила таково слово:
 «Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
 Да премладому Чурилу сыну Плѣнковичу
 Не на этой а ёму службы быть,
 Да быть ему-де во *постельникахъ*,
 Да стлати ковры да подъ настъ мяккіе».
 Говорилъ Владиміръ таково слово:
 «Да суди тѣ Богъ, княгиня, что въ любовь ты мнѣ пришла.
 Да кабы ты, княгиня, не въ любовь пришла,
 Да я срубилъ-бы тѣ по плечъ да буйну голову,
 Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила».
 Да снялъ-де Чурила съ этой бѣльшныи,
 Да поставилъ на бѣльшину на иную,
 Да во ласковыи *зазыватели*,
 Да ходить-де по городу по Киеву,
 Да зыывать гостей во почестной пиръ.

(Гильф. № 223 = Рыбн. III, № 24, гдѣ, впрочемъ, нѣтъ отповѣди князя Апраксіи. Сл. варьянтъ у Рыбн. I, № 45, стр. 266 прим.). Въ искаженномъ отрывкѣ у Кир. IV, № 2, стр. 86—7 послѣдовательность могла быть та-же самая: пиръ у Владимира, княгиня заглядѣлась на Чурилу и порѣзала себѣ «руку лѣвую»; слѣдовало, вѣроятно, ея предложеніе сдѣлать Чурилу постель-

никомъ и отповѣдь, чтобы быть ему не *постельникомъ*, а *позовщикомъ*. вмѣсто того говорить сама княгиня:

Не годенъ Чуривушка во постельнички,
 Во наши во постели княженецкія;
 Сказана Чуривѣ служба явленая:
 Ему ѣздить по городу по Кѣву,
 Ему звать гостей съ гостиными жонъ и т. д.

Впечатлѣніе, произведенное на Апраксию Чурилиной красотой, рассказано съ тѣми-же анекдотическими чертами и въ другой былинѣ: объ Апракси и Тугаринѣ. Я имѣю основаніе предположить, что въ послѣднемъ случаѣ это черта перенесенная — можетъ быть, изъ былинъ о Чурилѣ. Дѣло въ томъ, что Тугаринъ явился въ Кіевѣ лишь вслѣдствіи искаженія древней пѣсни о немъ и послѣдовавшаго оттого смѣшенія Константинополя съ Кіевомъ; что при дворѣ Владимира онъ, собственно, является насильникомъ, не красавцемъ *κατ' ἔξοχην*, какимъ вступаетъ вездѣ нашъ Чурила, и что если былина заставляетъ Апраксию заглядываться на Тугарина, то она указываетъ уже на позднюю детеріорацію пѣсеннаго преданія, совершившуюся преимущественно на сѣверѣ, очерствившую образъ Владимира и заставившую Апраксию влюбляться во всякаго мужчину. — Такъ или иначе, рассказъ «о порѣзаніи рукъ» болѣе у мѣста при Чурилѣ, и интересно наблюдение, что бѣльшая часть параллелей къ этому мотиву встрѣчается въ области — апокрифа, откуда нашъ эпосъ перенялъ и имя Амелфы Тимооеевны, и Сафать рѣку, и Леванидовъ крестъ — и чашу калики Михаила ¹⁾.

¹⁾ См. параллели, собранныя мною въ Beiträge, I. с. стр. 570 и, въ особенности, Köhler'a, Zum Spruch vom könig Ezel, Germania XLV, 243—5; его-же, ib. XXVIII, стр. 11 слѣд. и Anzeiger für Deutsches Alterthum u. deutsche Litteratur IX, стр. 204 (въ разборѣ Grünbaum, Jüdischdeutsche Chrestomathie, p. 227 и 165). Бѣльшая часть сопоставленій Köhler'a (кроме тѣхъ, которыми я пользуюсь въ текстѣ) могутъ быть названы варьянтами къ нашему сюжету: засматривается не женщина на мужчину, а молодецъ на красавицу, и съ тѣми-же результатомъ.

Въ двѣнадцатой сурѣ Корана пересказано слѣдующее равнинское преданіе объ Іосифѣ: онъ отвергъ любовь жены Пентефрія, ея навѣты на него оказались ложными; а горожанки смѣются надъ нею. Когда узнала она про это, послала ихъ просить къ себѣ къ обѣду, возлѣ каждой положила по ножу, а Іосифу сказала: Пойди и покажись имъ! Когда увидѣли онѣ его, восхитились его красотою: Это — не смертное существо, а достойный почитанія ангель, сказали онѣ, и — порѣзали себѣ руки. — Это тотъ самый, изъ за котораго вы такъ поносили меня, отвѣтила жена Пентефрія (Geiger, Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen? Bonn, 1833, стр. 141 слѣд.). — Въ еврейскомъ *Sepher Hajjaschar* (Geiger l. c., стр. 143) прямо сказано, что женамъ предложены были апельсины, вмѣсто которыхъ онѣ и изрѣзали себѣ пальцы. Арабскіе толкователи нашли эту подробность въ разночтеніяхъ къ пересказанному выше мѣсту Корана, которое *Elpherar* (Geiger l. c.) толкуетъ такимъ образомъ: жены порѣзали ножемъ свои руки, думая, что рѣжутъ апельсинъ, но не почувствовали при томъ никакой боли, ибо все ихъ вниманіе было обращено на Іосифа.

Исторія Іосифа и Зулейки (= *Μεμφία* греческаго апокрифа) нѣсколько разъ пересказывалось по Корану арабскими поэтами (сл., между прочимъ, в. Hammer, Rosenöl, стр. 71—2); на такомъ могометанскомъ источникѣ основанъ соответствующій эпизодъ въ старопанской поэмѣ объ Іосифѣ: *Zuleja* пригласила къ себѣ городскихъ женъ:

*Diolas sendas toronjas e caminetes en las manos,
Tajantes e apuestos e mui bien temperados.*

*E fuese Zuleja a do Jusuf estaba,
De purpura e de seda mui bien lo aguisaba,
E de piedras preciosas mui bien lo afeitaba,
Berdugadero en sus manos a los duennas lo embiaba.*

*Ellas de que lo bieron perdieron su cordura,
Tanto era de apuesto e de buena figura;
Pensaban que era tan angel e tornaban en locura,*

Cortabanse las manos e non se abian cura.

Que por las toronjas la sangre iba andando.

Zuleja quando lo bido toda se fue alegrando, и т. д.

d) *Впечатлѣніе Чурилыной красоты.* Непосредственно за эпизодомъ къ Апраксіей слѣдуетъ въ отрывкѣ у Кирши (Кир. IV, № 2, стр. 86—7) явленіе Чурилы-позовщика; всѣ дивуются на него:

Встаеть Чурива ранѣхынью,
Умывается (Цы)Плѣнковичъ бѣлѣхынью,
Надѣвать сапожки-зелѣнь сафьянъ,
Пяты глѣды, носкѣ плоскѣ,
Кругъ пятѣ хотѣ ицѣмъ прокати,
Подъ пату воробей проскочи.
Поѣхалъ Чуривушка по городу по Кѣеву,
Заглядѣлись на Чуриву всѣ люди-тѣ:
Гдѣ дѣвушки глядятъ — заборы трешшатъ,
Гдѣ молодухи глядятъ — лишѣ окѣненки звенятъ,
Гдѣ стары глядятъ — манатѣ на себѣ дѣрутъ.

Та-же послѣдовательность у Рыбн. I, № 45, vv. 180—184 и Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223: Чурила идетъ улицами, переулками,

Желтыми кудрями всѣ потряхиваетъ,
Желтые-то кудри разсыпаются,
Бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Смотрючись на красоту Чурилову,
Старицы по кельямъ опакишь (Гильф. № 223: онаці) деруть;
Смотрючись де на красоту Чурилову
Молодые молодницы въ голенище сц...;
Смотрючись де на красоту Чурилову,
Красные дѣвки очелье (Гильф. № 223: отселья?) деруть.

(Рыбн. III, № 24; старицы вм. «стары» Кирши, а келья явились по связи съ особеннымъ значеніемъ «старицы»). — Рыбн. III, № 24 = Гильф. № 223 заставляетъ Апраксию еще разъ повторить просьбу — Владимиру, чтобы онъ поставилъ Чурилу въ по-

стельникахъ — что очевидно здѣсь не у мѣста. Оба пересказа былины заключаются предложеніемъ князя Чурилѣ — хоть въ Кіевѣ жить, хоть домой пойти, а въ дому у него онъ не нуженъ. Чурила уѣзжаетъ къ себѣ — потому что былина не знаетъ объ его отношеніяхъ къ Катеринѣ. Что эпизодъ о ней слѣдовалъ за разбираемымъ нами, доказывается тѣмъ, что описаніе Чурилина убранства, красоты и впечатлѣнія, ею произведеннаго, обыкновенно стоитъ передъ свиданіемъ съ Катериной въ былинахъ, знающихъ её въ связи съ цѣлымъ, либо обособившихъ её въ отдѣльную пѣсню. Такъ въ отрывкѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8: Чурила

4 добро по городу погуливалъ,
 Подъ нимъ травка-муравка не топчется,
 Лазоревый цвѣточекъ не ломится,
 Зеленъ кафтанъ на немъ не тряхнется.

Сл. «щепливую походку» Чурилы въ былинѣ о Добрынѣ, Кир. II, № 1, стр. 31, vv. 280—1; Рыбн. I, № 32 въ былинѣ о Дѣвирѣ Королевичнѣ и Донѣ Ивановичѣ, в. 21 слѣд. (Нѣтъ молодцовъ походкой, пощипкой — Противъ Чурилица Опленковича: Идетъ то Чурилице по Кіеву, Дѣвки-бабы въ окошко по поясу бросаются). См. еще въ пѣсняхъ о Чурилѣ описаніе его *наряда* у Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. №№ 8, 35, 189, 309; *типическое впечатлѣніе красоты* у Рыбн. I, № 45, vv. 181—184 (Какъ стары старухи костью грызутъ, А молоды молодицы мошны деруть и т. д.), № 46, в. 7—8 (На его дѣвки глядятъ — золоты пелы ломятъ, Стары бабы глядятъ — прялицы ломятъ), Гильф. № 309, (Красныя тѣ дѣвки вѣдь стѣкла рвутъ: . . . Старыя старухи вѣдь клюхі тѣ грызутъ).

Всѣ эти описанія отзываются тѣмъ грубоватымъ шаржемъ, культурно-историческое значеніе котораго мы старались уяснить себѣ по другому поводу¹⁾. Въ одной былинѣ о Дунаѣ (Кир. III, № 3, стр. 58 слѣд., vv. 135—137), которую мы разберемъ

¹⁾ Сл. выше, стр. 67—68.

далѣе, въ связи съ пѣснями о Чурилѣ, тѣ-же впечатлѣнія выражены мягче: молодцы идутъ по Кіеву, а

Дѣвки, жонки по плечь въ окно металися:
«Ише гдѣ эдаки молодцы да спорожались?»

Сл. въ романѣ Θεοδора Προδρομα впечатлѣніе, какое производить красота Дозиклея:

Н. 195 Ὁ πᾶς γὰρ ὄχλος τῶν προπομπῶν παρθένων
ὄλοις βλεφάροις τὸν Δοσικλέα βλέπων
ἠλίκον εἰσδέδεκτο τῇ ψυχῇ βέλος·
ὁποῖα πάντως οἶδεν ἐντείνειν Ἔρωσ,
φαρμακτὰ πικρὰ πυρπολοῦντα καρδίαν.
Ἦ μὲν γὰρ αἰδοῦς ἐκποδῶν τεθειμένης
ἤγγισεν, ἀντέβλεψεν ἀπλήστοις κόραις,
ὡς ἐγγυθεν βλέπουσα καθαρῶς βλέπει·
ἄλλη προσῆλθε, τοῦ χιτῶνος ἤψατο
καὶ τῆς ἀφῆς ἔλαβε δεύτερον βέλος·
ἄλλη παροιστρηθεῖσα ταῖν δυοῖν πλέον
καὶ πάντα ἐκπτύσσασα δεσμούςσιν αἰσχύνῃς,
ὠχρὰν δὲ σεμνὴν ἐξάρασα τῆς χροᾶς
προσῆλθεν ἠσπάσατο τὸν νεανίαν
καὶ πάντα ὡστευτο τῆς ψυχῆς τόπους ¹⁾.

е) *Чурила и Катерина*. Такъ она названа въ большинствѣ пересказовъ: Кпр. IV, № 1, стр. 85: *Катерина*; Рыбн. I, № 45, 46; П, № 23, 24; III, № 25, 26 (= Гильф. № 67), 27 (= Гильф. № 224); Гильф. №№ 8, 35, 242, 309, 268; Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, Чтенія Общ. ист. и древн. 1877 г., III, стр. 18 слѣд.: *Катерина Микулична*; Гильф. № 27, 189: *Катерина Викулична*; у Гильф. № 132, гдѣ Добрыня является въ роли Чурилы, Катерина Микулична, но въ № 110 *ibid.*, гдѣ Добрыня замѣнилъ Бермяту, *Домна Александровна*. — Мужъ Катерины носитъ имя *Бермяты Васильевича* (Кпр. IV, № 1,

¹⁾ Τοῦ φιλοσόφου Κύρου Θεοδόρου τοῦ Προδρόμου τῶν κατὰ Ροδάνθην καὶ Δοσικλέα βιβλία 3, у Hercher, Erotici scriptores graeci, t. II, стр. 408.

стр. 85; Рыбн. I, № 45; II, № 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. №№ 268 и 309), *Перматы Васильевича* (Гильф. № 35), *Берматы Михайловича* (Гильф. № 242), *Пермитъева* (Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд.; жена безъ имени: Пермитъиха), *Пермяна Васильевича* (Гильф. № 189), *Бурмяна Ивановича* (Рыбн. III, № 25), *Вельмы Васильевича* (ib. № 26 = Гильф. № 67), *Бермаса Васильевича* (Шейнъ, I. с.), *Ермы Васильевича* (Рыбн. I, № 46), *Безмъра Васильевича* (Гильф. № 8). — Очевидно, это тотъ самый Бермята, который въ редакціи Кирши одинъ знаетъ гдѣ живетъ Чурила, указываетъ на него Владимиру и ѣдетъ къ нему съ княземъ — а въ послѣдствіи платится за свое указаніе — домашнимъ горемъ. — Въ пѣснѣ о Дюкѣ, побѣдившемъ Чурилу своимъ щегольствомъ, Перминъ Ивановичъ говоритъ Владимиру:

Посмотри-тко ты да на лѣвѹ руку:
Молодой Шурялушка да Пленковичъ
Проваклядалъ ѣнъ свою буйнѹ головушку

(Гильф. № 85; у Рыбн. I, № 48 эти слова приписаны Дунаю). Въ другой, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29 Дюкъ, явившись въ Кіевъ, становится въ церкви между Бермятой Васильевичемъ и Чурилой.

Съ Катериной Чурила знакомится уже будучи въ роли позовщика: у Рыбн. I, № 45 онъ идетъ «Звать князей-бояръ на почестень пиръ»; всѣ любятъ имъ (слѣдуетъ типическій эпизодъ: впечатлѣніе красоты);

Идетъ-то Чурила въ суконый рядъ
Ко старому Бермату Васильевичу
Звать его на почестень пиръ:
«Ай-же ты, Бермята Васильевичъ!
Поди-ка, сударь, на почестень пиръ,
Ко князю поди, ко Владимиру».
Скажетъ Бермята сударь Васильевичъ:
«Ай-же ты, Чурила Пленковичъ!
Поди-ка въ мои палаты бѣлокаменны,

Зови-ка Катерину Милуличну,
Любимую мою семеюшку».

Чурила идетъ, а Катерина зазываетъ его къ себѣ. Такъ представляется положеніе и у Кирши (Кир. IV, № 1, стр. 85):

Обходилъ онъ, Чурила, князей и бояръ
И собралъ ко князю на почестный пиръ.
А и зайдетъ онъ, Чурила Пленковичъ,
Въ домъ ко старому Бермятъ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ,
Къ той Катеринѣ прекрасныя,
И тутъ онъ позамѣшался.

Долго ждали на пиру, пока явился Чурила — но Владимиръ «ни во что положилъ» его мѣшканье.

По утру рано ранешенько,
Рано зазвонили ко заутреню,
Князи и бояра пошли къ заутреню;
Въ тотъ день выпадала
Пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они свѣжій *слѣдъ*,
Сама она дивуются:
Либо зайка скакаль, либо бѣль горностаи;
А иные тутъ усмѣхаются
[Усмѣхаются], сами говорятъ:
«Знать, это не зайка скакаль,
[Не зайка скакаль], не бѣль горностаи,
Это шель Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятъ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ
Катеринѣ прекрасныя.

Этотъ слѣдъ по порошѣ сохранился и въ былинѣ у Кир. IV, № 3, стр. 87—8, у Рыбн. II, № 24 и въ испорченномъ видѣ и съ лишними подробностями въ другихъ пересказахъ: выпадала пороша, не бѣлый горностаи прометывалъ по ней слѣды, а Чурила;

Вслѣдъ ходя малые ребятушки
Обирали гвоздочки серебряные,
Тѣмъ де ребята головы кормятъ.

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224. Сл. Гильф. № 268 и начало пѣсни у Рыбн. II, № 23:

Не бѣлый зайишка проскакиваетъ;
Не мелки слѣдочки прометываетъ:
Гвоздички серебряны вырываетъ.
Маленьки ребятки по слѣдочкамъ прохаживали,
Гвоздички серебряны нахаживали.

Въ былинахъ, обособившихъ приключеніе съ Катериной, дѣло прямо начинается съ того, что Чурила ходить, ѣздить щеголемъ по городу, а Катерина зазываетъ его къ себѣ (Сл. Кир. IV, № 3, р. 88, Рыбн. I, № 46; II, №№ 23 и 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. 8, 27, 35, 189, 309; Шейнъ, 1. с.). Но у Гильф. № 268 сохранились слѣды древнихъ отношеній: Чурила-позовщикъ забыть, онъ находитъ Бермяту у заутрени, а тотъ, безо всякаго мотива, яснаго изъ Рыбн. I, № 45, посылаетъ его къ себѣ домой:

Кто-ли отъ бѣды да откупается,
Иной-то на бѣду по накупается. ¹⁾
Старые Бермята Васильевичъ
Онъ на бѣду ту вѣдь самъ идѣтъ,
Посылаетъ-ли Чурила во высобѣ терѣмъ:
«Ты поди-тко-ли, Чурило, во высобѣ терѣмъ»
Заходитъ-ли Чурило во высобѣ терѣмъ,
Стоитъ-то Катерина, Богу молятся

(— не подѣ влияніемъ-ли заутрени, на которой обыкновенно стоитъ Бермята?). Менѣе значенія, въ смыслѣ возстановленія древняго состава пѣсни, слѣдуетъ дать Рыбн. III, № 26, гдѣ Катерина обнаруживаетъ болѣе раннее знакомство съ Чурилой (ч. 19: Что-же ты, Кирила, вечеръ не бывалъ?); сл. Гильф.

¹⁾ Сл. тѣже выраженія о Чурилѣ у Рыбн. I, 45. См. выше стр. 95.

№ 67 (Что-же ты, Чурила, не пожаловаль?) и Рыбн. I, № 45 (Все ждала Чурилушку Пленковича; сл. Шейнь, I. с.).

Мужа Катерины нѣтъ дома, и обыкновенно онъ въ церкви (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224; Гильф. 8, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнь, I. с.; у Кир. IV, № 3, стр. 87 слѣд. и Рыбн. I, № 45, 46 этой подробности нѣтъ), когда является Чурила. Жена зазываетъ его, ведетъ въ горницу, садитъ за дубовый столъ, угощаетъ; насыпаетъ пшеницы бѣлоровой его коню (Шейнь, I. с.; Гильф. № 8; сл. ib. № 189 = здѣсь № 27 *ibid.*), зоветъ молодца на кроватку тисовенькую, слоновыхъ костей. Интересно, что въ цѣломъ рядѣ пересказовъ этотъ эпизодъ предваряется игрой Катерины и Чурилы въ шахматы (Рыбн. II, №№ 23, 24; III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 27, 35, 189, 242, 268, 309; Шейнь, I. с.):

Брала Катерина доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Начала играть съ нимъ во шахматы.
Говорила Катерина таково слово:
«Младое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я тебя поиграю, тебя Богъ проститъ,
А ты меня поиграешь, тебѣ сто рублей.»

Три раза даетъ ей Чурила матъ, а она бросила доску и шахматы и говорить:

«Премладое Чурило ты сынъ Пленковичъ!
Я не знаю играть съ тобой во шахматы,
Я не знаю глядѣть на твою красоту,
На твои-то на кудри на желтые,
На твои на перстни злаченые:
Помѣшался у меня разумъ во буйной головы,
Помутнились у меня очи ясныя,
Смотрючись де, Чурило, на твою красоту.»
Брала Чурила за руки за бѣлыя,
Вела его въ ложи во теплыя
Да ложила на кровать спать слоновыхъ костей,
Начали съ Чуриломъ забавлятися (Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224).

На брачно-символическое значеніе игры (въ шахматы, шашки и т. п.) въ средневѣковой и народной поэзіи я указалъ въ другомъ мѣстѣ, по поводу соответствующаго эпизода въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ ¹⁾.

Любовной бесѣдѣ Катерины съ Чурилой мѣшаетъ «сѣбная дѣвушка» (Жир. IV, № 3, стр. 88), «старая служанка» (Рыбн. II, № 23; Гильф. №№ 242, 309: служанка); дѣвка «дворовая», «челядична», «челягична» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67), «целядична» (Рыбн. I, № 46), «челядинна» (Гильф. № 35), «челяночка» (ib. № 27), «черная дѣвчоночка челядинка» (ib. № 189, сл. Шейнъ, I. с.), «черная дѣвка служанка» (Гильф. № 268), «чернавка» (Рыбн. III, № 27 = Гильф. 224), «дѣвчоночка черная», «челядинка» (Гильф. № 8), «черनावушка» (Рыбн. II, № 24), «Чернява колачница» (Рыбн. I, № 45): — собственное имя изъ эпитета. — Въ былинѣ у Рыбн. I, № 45 она предупреждаетъ Чурилу не ходить въ «палаты во Бермятины», а Катерина бросаетъ её за тѣ слова «о сыру землю» (сл. Гильф. № 35); въ другихъ она грозитъ донести обо всемъ мужу, и её стараются закупить обѣщаніемъ награды (Рыбн. I, № 46, Гильф. № 8, 27, 35, 189), при чемъ нѣкоторые пересказы (Гильф. № 8, 27, 189; Шейнъ, I. с.) заставляютъ Катерину пожалѣть о подаркахъ, послуженныхъ Чурилой:

Еще а ѣ же ты Чурилушка Пленковичъ!
Еще шапочку-то эту самъ сдержи,
А ѣ полтинки серебра мнѣ-ка-ва отдай

(Гильф. № 189).

Служанка бѣжить и все открываетъ отсутствовавшему мужу (у Рыбн. I, № 45 эта черта просто забыта). Онъ говоритъ ей:

Ты правду говоришь — стану жаловать,
Неправду говоришь — голову срублю

¹⁾ Южно-русскія былины, II, стр. 71, 72—3.

(Рыбн. II, № 23; сл. Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 309);

либо:

Буде правду говоришь, я за мужъ возму,
А неправду говоришь, голову срублю

(Рыбн. I, № 46; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 242), что отвѣчаетъ особой развязкѣ этихъ былинь, лишь случайно не досказанной въ Рыбн. I, № 46

Мужъ спѣшить домой, стучится въ ворота (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 268), два (Рыбн. II, № 23, Гильф. № 242) и три раза (Гильф. № 309, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224):

Застучалъ во кольцо во серебряное,
Спять Катерина, не пробудится;
Застучалъ де Бермята во второй наконъ,
Спять Катерина, не пробудится;
Застучалъ Бермята во третій наконъ
Изо всей могуты богатырскія:
Всѣ теремы пошатался,
Маковки поломался (Рыбн. III, № 27).

Катерина выбѣгаетъ въ одной рубашкѣ безъ пояса, волосы у ней растрепаны, грудь открыта, на ногахъ одни чулки безъ чоботовъ, либо «сафьяны башмачки на босой ноги» (Рыбн. I, №№ 45, 46; II, № 24; III, № 26 = Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 8, 189, 242, 268, 309). Мужъ спрашиваетъ, отчего она такъ растрепана, «не снарядна?»

Сегодня у насъ вѣдь честный праздникъ,
Честное Христово Благовѣщенье

(Рыбн. III, 27 = Гильф. № 224; сл. Рыбн. II, № 23, 24; Гильф. № 242, 309). У ней болитъ «буйная голова», ей «и не можется, и хворается» (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67;

Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; сл. Шейнъ, 1. с.); забогъло
сердечко ретивое (Гильф. № 8; см. № 268, 309).

Либо вопросъ такой: почему она не пошла въ церковь?

Ай-же ты Пермать сынъ Васильевичъ!

Ты не знаешь развѣ обрядовъ нашихъ женскихъ?

Еще нельзя-то мнѣ идти да во Божью церковь

(Гильф. № 35).

Что дома у него непрощенный гость — въ этомъ мужъ убѣж-
дается, обыкновенно, не съ разу: онъ видитъ чужого коня
(Рыбн. I, № 46, III, № 26 = Гильф. № 67; Гильф. № 8, 35,
189, 242, Шейнъ, 1. с.; въ № 8 и 189, Гильф. мужъ сноситъ ему
голову), шапку («золотокъ колпакъ», Кир. IV, № 3, стр. 89;
Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 = Гильф. № 67;
Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 309: шапка),
«шерчатки шелковы» (Кир. IV, № 3, стр. 89), кафтанъ («зеленъ
кафтанъ» Кир. *ibid.*; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224: платье;
Рыбн. II, № 23: кафтанъ, № 24: «шуба соболиная»; Гильф.
№ 242: «шинель-сертукъ»; № 268 *ibid.*: кафтанъ), сапоги
(«сафьяны сапожки, Кир. 1. с., стр. 89; Рыбн. III, № 26 =
Гильф. № 67: лапотцы; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224,
Рыбн. II, № 23, Гильф. № 309: сапоги), саблю (Рыбн. II,
№ 24), савки и плетку (Рыбн. I, № 46). — Что это такое?
спрашиваетъ мужъ, а Катерина отвѣчаетъ, что всё это пожа-
вали ей батюшка и матушка, братецъ съ сестрицей, хочетъ она
сварядить своего мужа «лучше стараго», либо это — вещи ея
брата, помѣнявшагося съ Чурилой (Рыбн. III, № 26 = Гильф.
№ 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Рыбн. I, № 46,
II, № 23, 24; Гильф. № 35, 189, 242, 268, 309, Шейнъ, 1. с.). —
Въ двухъ пересказахъ (Гильф. №№ 35 и 189; сл. *ib.* № 8)
мужъ готовъ вѣрить отповѣди жены и обращается къ дѣвкѣ
съ угрозой — доказать, что она ему показывала. — Чурилу онъ
находитъ на кровати (Рыбн. I, № 46; II, №№ 23, 24; III, № 26 =

Гильф. № 67; Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Гильф. № 35, 67, 242, 268, 309), либо за печкой:

Увидѣлъ за печкой двѣ свѣчки горять,
То ясны очи глядятъ, то Чуриловы

(Кир. I. с. № 3, стр. 90), наконецъ — въ ларцѣ: такъ у Шейна, I. с., Гильф. № 8 и — 189, прибавляющемъ слѣдующія новыя черты: Перминъ подходитъ къ воротамъ, увидала его Катерина:

«Еще охъ-ти мнѣ да пере-охъ-ти мнѣ,
Куды-то я владу да Чурилушку,
А й Чурилушку да Пленковича?»
Еще брала тутъ она да золотіи ключи,
Отмыкала она тутъ кованіи ларцѣ,
Полагала Чурилушку Пленковича,

а на вопросъ мужа, кто у нея былъ въ гостяхъ, «быдто братъ родной, да быдто мужъ съ женой», отвѣчаетъ:

Еще была калика переходая.
Накормила, напоила, на порінки отдохнѣлъ.

У Рыбн. I, № 45 дѣло кончается обращеніемъ Бермяты къ Чуригѣ:

Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ,
А экъ-ли зовутъ на почестень пирь?

намекая на Чурилу, проникшаго къ нему въ званіи позовщика. Былина, очевидно, тѣмъ не кончалась: обыкновенно она заключается смертью Чурилы и Катерины:

Выходи-ко ты, Чурило, среди поля,
До тебя-то, мнѣ, Чурило, дѣлу нѣту-ка,
105 Мы съ тобой, Чурило, *побратуемся*.
Ты гой еси, княгиня моя, превысока госпожа!
Выходи-ко ты, княгиня, на красно крыльцо,
На красно крыльцо, на перильчато:
Женю я тебя, княгиня моя, на другомъ женихѣ,
На другомъ женихѣ, — вострой сабелькѣ

(Кир. I. с., стр. 90). Ст. 105 явился, вѣроятно, когда забыто было значеніе братанья — какъ *братанья въ битвѣ* (если это не пропія на мнимое братанье Чурилы съ братомъ Катерины, сл. Рыбн. № 23). У Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67 мужъ убиваетъ Чурилу и Катерину; такъ и у Рыбн. II, № 24, такъ было, несомнѣнно, и у Рыбн. I, № 46¹⁾; сл. еще Гильф. 242, 268; либо: обоихъ любовниковъ, дѣвку, чтобъ не доказывала на мужнихъ женѣ, и себя (Гильф. № 8, 189); или: убить одинъ Чурила (Рыбн. II, № 23; Гильф. № 35), а Катерина сама себя убиваетъ (Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224, Гильф. № 309).— Иногда былина кончается бракомъ мужа съ дѣвкой-доносчицей (Рыбн. III, № 26 = Гильф. № 67, Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224; Рыбн. I, № 46¹⁾), Гильф. №№ 242, 268, 309). Лишь у Шейна, I. с., мужъ ограничивается смертью любовника, а жену щадить.

Таково содержаніе былинъ о Чурилѣ. Для устойчивости пѣсеннаго преданія, въ его послѣднемъ эпизодѣ, интересно замѣтить, что въ пяти (шести: Рыбн. III, № 27 = Гильф. № 224) пересказахъ онъ приуроченъ къ празднику Благовѣщенія. Нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь, не столько хронологическаго, сколько мѣстнаго указанія? (церковь?).

Ш.

Эпизоду о Чурилѣ и Катеринѣ особливо посчастливилось: онъ сохранился по крайней мѣрѣ въ шестнадцати пересказахъ, выдѣленныхъ изъ общей связи. Это выдѣленіе должно было отразиться на внѣшнемъ видѣ пѣсни: она забыла объ отношеніяхъ къ Владимиру и Апраксинѣ и прямо выводитъ на сцену Чурилу, ѣздящаго щеголемъ по городу и зазываемаго Катери-

¹⁾ Сл. выше, стр. 107.

ной. Гильф. № 242 присоединяетъ къ этому еще новую романтическую подробность: Чурила

Выѣзжае противу дому Бермятова,
Заиграе онъ во доску гусельную,
Да перву доску играе про Кіевъ градъ,
А ѿ другу доску играе про свою поѣздочку,
А ѿ третью доску играе про Бермятровъ домъ,

послѣ чего Катерина его зазываетъ. — Эти подробности напоминаютъ сходныя въ былинахъ о Добрынѣ и Садкѣ¹⁾ и, можетъ быть, перенесены оттуда, но положеніе, во всякомъ случаѣ, новое, напоминающее Харикла ночью у терема («πρὸς αὐτοῦς παρθενῶνας») Каллигоны:

В 320 Καταλαβούσης τοιγαροῦν τῆς ἐσπέρας
ἀναλὰβὼν κίθαριν ἠργυρωμένην
ἐπεκρότου κρούσμασι καλλιστοκρότοις,
καὶ συγχροτῶι ᾠδεον εἰς Κκλλιγόνην²⁾,

Дигениса, поющаго на лирѣ подъ башней своей милой:

Ε 1731 Καβαλλικέυει ἔς τᾶλογο κρατῶντας καὶ τὴν λύρα,
Τραγούδι εὖμορφό ἔλεγεν γιὰ τὴν ἴδική του μοῖρα....

1755 Τριαντάφυλλό μου κόκκινο καὶ ρόδο μυρισμένο,
μῆλό μου ὠραιότατον ἄξιο καὶ πλουμισμένο,
σῆχω, γλυκύτατό μου φῶς, γιὰ νὰ περιπατοῦμεν,
Αὐγερινὸς ἀνέτειλεν καὶ ἔλα νὰ διαβοῦμεν.
Τοῦτᾶ ἔλεγεν ὁ Διγενὴς καὶ ἴσημαινε τὴν λύρα³⁾.

Популярность пѣсни о Чурилѣ и Катеринѣ засвидѣтельствована, между прочимъ, — ея искаженными перепѣвами, бросающими косвенный свѣтъ на историческую жизнь былины. У Гильф. № 132 Добрыня Микитичъ (при Пермьтѣ Васильевичѣ и Кате-

¹⁾ Сл. Разысканія VII, стр. 216—218.

²⁾ Νικήτου τοῦ Ἐγγενειάνου τῶν κατα Δρόσιλλαν καὶ Χαρικλέα βιβλ. 3, у Hercher, Erotici scriptores graeci, II, стр. 458.

³⁾ Lambros, Collection de romans grecs, p. 182—3.

ринѣ Микуличнѣ) замѣнилъ Чурилу, наоборотъ, въ № 110 Гильф. онъ является на мѣсто Бермяты, при Щурилѣ Щиплѣнковичѣ — и Домнѣ Александровнѣ.

Замѣны эти могутъ быть отчасти объяснены: Добрыня ухаживаетъ за Мариной, какъ Чурила за Катериной; какъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ эпизодъ его любви къ Катеринѣ является лишь послѣ его служенія въ должности *чашника*, *ключника*, *позовщика* при дворѣ Владимира, такъ и былины о Добрынѣ и Маринѣ открываются общимъ мѣстомъ:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь-князя у Владимира
Три года Добрынюшка *стольничаль*,
А три года Нивитичъ *приворотничаль*,
Онъ стольничаль, *чашничаль* девять лѣтъ,
На десятый годъ погулять захотѣлъ

(Кир. II, № 6, стр. 53 = Кирша; сл. *ibid.* № 1, стр. 41, № 4, стр. 48; Рыбн. II, № 2, стр. 11; Шейнъ, I. с. стр. 16). — Съ другой стороны, трагическая судьба Марины, наказанной Добрыней, повела къ его отождествленію не только съ Иваномъ Годиновичемъ (Гильф. № 194), но и съ Бермятой; всѣ они убиваютъ вѣроломныхъ женъ, какъ Дмитрій князь наглумившуюся надъ нимъ *Домну* Фалелѣвну: зазавъ еѣ къ себѣ на пиръ, онъ бьетъ еѣ до полусмерти (Кир. V, стр. 13—15). У Рыбн. I, № 79 вмѣсто Дмитрія является Митрій Васильевичъ, *Домна* названа *Александровной*; пѣсня развивается тождественно, но ея печальная развязка усилена. — Сидя въ новой горенкѣ, подъ косящатымъ окномъ, Домна Александровна потѣшается надъ Митріемъ Васильевичемъ:

«Вздитъ-то Митрій Васильевичъ
Во чистомъ полѣ, на добромъ конѣ:
Напередъ горбать, назадъ поклипъ,
Глаза у него бытто у совы,
Брови у него бытто у жогн,
Носъ-то у него бытто у журава». —

Прикликала сестрица Марья Васильевна:
 «Ай-же ты, братецъ Митрій Васильевичъ!
 Заводи, братецъ, пиръ-пированье,
 Заво-тко Домну Александровну
 На шпровой дворъ, на почестный пиръ».

Приходятъ послы къ Домниной матери, просятъ отпустить дочь
 «на почестный пиръ». Мать не отпускаетъ её, она видѣла сонъ,

«Быто золота цѣпочка разсыпалася,
 Разсыпалася она и укаталася.»
 Говорить Домна Александровна:
 «Ай-же, родна моя матушка!
 Про себя спала, про себя сонъ видѣла!
 Уйду я за мужъ за Митріа Васильича»,

и она отправляется къ нему. Онъ встрѣчаетъ её,

Береть за ручки за бѣлья,
 Цѣловаль во уста во сахарнія,
 Вель ю за столы за дубовые,
 Отрушилъ онъ отъ себя свой шелковъ поясъ,
 И учаль онъ Домну по бѣлу тѣлу:
 И шелковый поясъ расплетается,
 Домнино тѣло разбивается.

Узнавъ о томъ, мать Домны спѣшить ко двору Дмитрія, уви-
 дѣла её мертвой и сама падаетъ на кирпичный полъ бездыханная.

Говорить тутъ родной сестрицы Митрій Васильевичъ:
 «Ай-же ты, моя родная сестрица, Марья Васильевна!
 Ты сдѣлала три головки безповинныхъ!»
 Онъ схватилъ съ гвоздя булатній ножъ,
 Наставилъ тупымъ концемъ во кирпиченъ полъ
 И острымъ концемъ во бѣлы груди.

Поводы къ сближенію ясны: Дмитрій *Васильевичъ* = Бермята,
 Безмѣръ, Вельма и т. д. *Васильевичъ*; Домна Александровна =
 Катерина извѣстныхъ намъ пѣсень о Чурилѣ, Домна у Гильф.
 № 110; сестра мужа являлась отчасти въ роли дѣвки-доносщицы,

тройственная смерть въ концѣ — также напоминала развязку эпизода Чурилы съ Катериной.

Иной типъ искаженія представляетъ Рыбн. III, № 25: имена сохранены, мотивы страшно перепутаны, либо поняты ложно, но одна черта, можетъ быть, не лишена значенія: Бурмянь братается съ Чурилой; если здѣсь не искаженіе того символическаго братанья въ битвѣ, которое мы видѣли у Кир. IV, стр. 90, в. 105, то Чурила проникнулъ въ домъ Бермяты — какъ крестовый братъ: тѣмъ грѣховнѣе его проступокъ; званіе крестоваго брата отягчаетъ, въ глазахъ Добрыни, притязаніе Алеши на руку его жены.

Чурила снаряжается куда-то въ путь; дѣвушка челядинка, — та самая, которая и здѣсь, какъ вообще въ пѣсняхъ этого цикла, доноситъ мужу Катерины на Чурилу — провожаетъ его словами, въ стилѣ тѣхъ, съ которыми въ другихъ былинахъ конь обращается къ своему хозяину: черезъ первый, второй ровъ перескачу, въ третій попаду:

Станешь во чистомъ полѣ стрѣлятися,
 На добрыхъ коняхъ разѣзжаться,
Первой ты разъ стрѣлишь — не дострѣлишь,
Другой разъ ты стрѣлишь — не дострѣлишь,
Третій разъ стрѣлишь — перестрѣлишь.
 Пойдетъ сила-армія великая,
Черезъ три стѣны кони перемахивать —
 Твое конишко маломочное,
 Не выстоять тебѣ на своемъ конѣ.

(Сл. въ былинѣ о Дунаѣ, Кир. III, № 2, стр. 57—8: не дострѣлилъ, перестрѣлилъ, попалъ; сл. ib. № 3, стр. 68; № 4, стр. 79 и *passim* въ пѣсняхъ объ этомъ богатырѣ). Въ чистомъ полѣ онъ съѣзжается съ богатыремъ Бурмяномъ Ивановичемъ — и предлагаетъ ему побрататься крестами! — Катерина Микулична, «богатырша . . . великая», оказывается далѣе — сестрой Чурилы —, очевидно, по смѣшенію: въ пересказахъ, разобранныхъ выше, она постоянно ссылается на брата, съ которымъ, будто-бы,

Чурила помѣнялся конемъ, шапкой и т. д. — Далѣе эти братскія отношенія забыты: Катерина видитъ подѣзжающаго Чурилу, засыпаетъ пшеницы бѣлоярой его коню (съ тѣми-же почти словами, что у Гильф. № 27 и 189) — и проситъ Бурмяна отдать ей Чурилу — котораго приводитъ въ теремъ и замыкаетъ во «дубовый ларь», какъ у Гильф. № 8 и 189. Слѣдующія слова, очевидно, обращены къ Чурилѣ:

Посиди-тко тамъ во дубовомъ ларю:
 Что ему (Бурмяну) по разуму разложится,
 Можетъ быть, онъ къ намъ не воротится.

Между тѣмъ Бурмянь вернулся, и та-же дѣвка, которую мы встрѣтили въ началѣ пѣсни — при Чурилѣ (сл. v. 80 = v. 18), говорить Бурмяну:

Поди, сходи теперь во высокъ теремъ,
 Ко той Катерины Микуличной:
 Тамъ ображенъ Чурилушка Пленковичъ.

Былина кончается тѣмъ, что Бурмянь убиваетъ Чурилу и Катерину, дѣвку-доносчицу и себя, какъ у Гильф. № 8 и 189, пошедшихъ, очевидно, изъ одного источника съ разбираемой.

Отчудившись, въ большинствѣ пересказовъ, отъ Кіева и Владимира, былина въ двухъ редакціяхъ сохранила — или восстановила? — порванную связь, но въ силу особаго приѣма: приключеніе съ Катериной отнесено въ какое-то другое мѣсто, Чурила остается въ живыхъ — и затѣмъ уже ѣдетъ къ Владимиру. У Гильф. № 27 эта послѣдовательность нѣсколько спутана: Чурила живетъ въ Кіевѣ, а дальше говорится, что онъ приѣзжаетъ «ко городу ко Кіеву, — Да ко славному царю(?) ко Владимиру»; слѣдуютъ: зазываніе Катерины, кормленіе коня, игра въ шахматы и — «тисова кровать». «Дѣвчонка челяночка» спрашиваетъ Катерину, кто у ней въ гостяхъ — «али братъ родной, али мужъ грозной»; Чурила сулитъ ей подарки, Катерина отговариваетъ.

Видитъ Чурила — дѣлать теперь нечего.
Потъжмаетъ Чурилушка ко городу,
Ко городу ко славному ко Кіеву;
Ко тому-то царю ко Владиміру,
 Кресть-то ведетъ по писаному,
 А поклонъ-то ведетъ по учёному,
 Бьетъ-то челомъ князю Владиміру:
 «Здравствуй царь Владиміръ есть грозно-кіевскій,
 Грозно-кіевскій великій!»
 Еще спрашиваетъ Владиміръ царь грозно-кіевскій:
 «Скажи, чей ты да откудешной,
 Ты коѣй орды, ты коѣй земли,
 Ты чьего отца, чьей-то матери?»
 — Отца матери не помню теперь,
 Есть молодець я Чурилушка Пленковичъ —.

(Конца пѣвица не помнила).

Пріѣздомъ въ Кіевъ кончается и былина о Чурилѣ у Гильф.
 № 127. Она требуетъ особаго объясненія.

Въ пѣсняхъ о князѣ Волконскомъ и *Ванкѣ* ключникѣ, — князь узнаетъ изъ доноса служанки¹⁾ о томъ, что его ключникъ живетъ съ его женой, велитъ его казнить, а она умираетъ. Имя ключника обыкновенно: Ваня, Ванюша, Иванъ, Иванушка. — Въ пѣсняхъ о «молодцѣ и королевнѣ» молодець любитъ царскую дочь, проговаривается о томъ во хмѣлю; развязка либо такая-же, какъ въ предъидущихъ, либо счастливая — и молодець отпущенъ во свояси. Такъ у Рыбн. III, № 52 (= Гильф. № 155):

Проходилъ молодець изъ орды въ орду,
 Прошелъ молодець въ королю въ Литву,

просится къ нему въ конюхи, попадаетъ черезъ три года въ *стольники*, въ *ключники*; Настасья королевна проситъ его себѣ въ *кроватники*, и отецъ

¹⁾ Сл. Кир. V, стр. 141: «Черезъ тую дѣвку-дѣвчонку Аннушку — Черезъ такую *подлость* — самую *последнюю*»; сл. стр. 142: *подлюю* . . . *последнюю*; р. 154: черезъ самую *подлячку* черезъ *последнюю*; 157: *подлячку* *последнюю*. Тоже въ былинѣ о Чурилѣ и Катеринѣ особаго состава (Рыбн. III, № 25): в. 18: черная, *последняя* *подляночка*; в. 80: *последняя* *подляночка*.

Пожаловалъ ей любимаго ключника
 Стоять у кровати тесовья,
 Постилать-то перина пуховая,
 Ей складать круто-складно зголовнице
 И натянуть соболино одѣяльце.

Онъ хвастается «въ царевомъ кабакѣ» своею связью съ королевой, ему велено отрубить голову, а онъ проситъ повести себя мимо королевина окошечка. Она видитъ его, приказываетъ замѣнить его мертвымъ татаринѣмъ, — а самого отпускаетъ, наградивъ казной, къ отцу и матери, женѣ и малымъ дѣтушкамъ. Сл. Рыбн. I, № 77 (Настасья); Гильф. № 162 (Настасья), № 184 (Елена). У Рыбн. III, № 53 молодець «отъ худой молодой жены онъ въ гульбу пошелъ», заходитъ въ Литву; далѣе развитіе тоже (имя королевны Елена), но въ заключеніи — свиданье съ женой и дѣтьми. Сл. Рыбн. II, № 49 (имя молодца: Василій Буслаевичъ, но в. 19 заставляетъ предположить, что первоначально оно было другое: Дунай), № 50 (опущены: хвастовство и казнь; самъ король отпускаетъ молодца на родину); I, № 78 (королевна: Аннушка). — Король названъ: Литонскимъ, Литовскимъ, Политовскимъ (Прусскимъ, Шведскимъ).

Обратимся къ былинамъ о Дунаѣ: за немногими исключеніями, отчасти объясняемыми случайностью, Дунай обыкновенно указываетъ Владимиру на подходящую ему невѣсту, сверстницу. Какъ узналъ онъ о ней?

Жилъ я, Владиміръ князь, въ Ляховинской землѣ,
 У Ляховинскаго короля двѣнадцать лѣтъ:
 Ровно три года я былъ въ *кѣногахъ*,
 Три года у воротъ стоялъ,
 У воротъ стоялъ *приворотничкомъ*;
 Три года я у дверей стоялъ,
 У дверей стоялъ *придверничкомъ*;
 Три года я у стола-стоялъ,
 У стола стоялъ — *стольничалъ*.
 У того-же у короля у Ляховинскаго
 Есть двѣ дочери, двѣ хорошія.

Когда Дунай является къ королю сватомъ, тотъ спрашиваетъ его, пріѣхалъ-ли онъ къ нему «по старому служить» (Кир. III, № 1, стр. 54—55). Подобныя указанія можно встрѣтить и въ другихъ редакціяхъ былины, досказывающей въ другомъ мѣстѣ исторію служенія Дуная при дворѣ Ляховинскаго — или Литовскаго короля. Такъ напр. у Рыбн. I, № 30: Дунай и Добрыня силой заставляютъ короля отдать за Владимира одну изъ своихъ дочерей Апраксию, которую и увозятъ. По дорогѣ ихъ нагоняетъ другая дочь, богатырша Настасья; Дунай не признаетъ её, бьется съ ней, сшибъ съ коня, хочетъ пластать груди бѣлыя, но

У его сердечушко ужახнулось,
 А рука въ плечи застолася.
 «Что-же ты, Дунаюшка, не опозналъ?
 А мы въ одной дороженьки не ѣзживали,
 Въ одной бесѣдушки не сиживали,
 Съ одной чарочки не кушивали?
 А ты жилъ у насъ ровно три году:
 Первый годъ жилъ ты въ *конюхахъ*,
 А другой годъ ты жилъ во *чашиникахъ*,
 А третій годъ жилъ во *стольникахъ*».

У Кир. III, № 3, стр. 58—69 эти указанія сведены въ цѣлое, напоминающее пѣсни о королевичѣ: Дунай гуляетъ, загулялъ въ Литву, къ королю Ляховинскому, три года служитъ *конюхомъ*, три года *стольничалъ*, три года *ключничалъ*, Настасья королевична его у души держала. Онъ хвастается этимъ на пиру, осужденъ на казнь, но когда его ведутъ мимо дома Настасьи, она слышитъ его голосъ, велитъ на мѣсто его отрубить голову пьяницѣ кабацкому, а Дуная отпустить. Онъ приходитъ въ Кіевъ, и когда Владимиръ раздумался о невѣстѣ для себя — онъ является естественнымъ ему укащикомъ.

Сходство мотивовъ этой былины съ содержаніемъ пѣсенъ о Ванькѣ, Иванѣ-ключникѣ и о королевичѣ ясно само собою. Иванъ могъ-бы съ точно такимъ-же правомъ выступить въ роли укащика — что и сдѣлала былина у Кир. III, № 4, стр. 70 слѣд.,

замѣнившая Дуная — Иваномъ Гостинимъ сыномъ, тогда какъ другая (I. с. № 1, стр. 9 слѣд.) называетъ его Иваномъ Годновичемъ ¹⁾.

Мы можемъ вернуться теперь къ былинѣ о Чурилѣ, Гильф. № 127: Щурилушко Шапленковичъ идетъ скитаться отъ «худой женишки», какъ Ванька ключникъ, «изъ земли въ землю, да изъ орды въ орду», нанимается на десять лѣтъ въ услуженіе къ королю Литовскому. Стосковался онъ по своей сторонѣ; королевна даетъ ему денегъ на дорогу; онъ идетъ «по городу да Окіанову», заходитъ въ кабакъ и здѣсь въ пьяномъ видѣ хвастаетъ:

«И я жилъ, молодець, у короля въ Литвы,

 И спалъ я у дочери королевской,
 И спалъ я на правѣй руки,
 И на правѣй руки у бѣлой груди,
 Цѣловалъ ю во уста да й во сахарни.»
 И услышали тутъ короля да литовскаго
 А слуги вѣдь да и вѣрныи,
 Да сговали-то ему да ножи рѣзвыи и т. д.

Чурила просить повести его на казнь («на поле Куликовое») мимо королевскаго дома, а королевна также спасаетъ его (нѣтъ лишь замѣны татаринѣ, либо пьяницею), какъ въ другихъ пѣсняхъ Ивана и Дуная: «да спустите на волю да й на вольнюю». Снова идетъ Чурила по городу «Кіанову» (сл. выше «Окіановъ»), вышелъ на дорогу; видитъ впереди пахаря, до котораго доходитъ лишь на третій день (неумѣло приуроченный эпизодъ изъ пѣсни о Микулѣ Селяниновичѣ) ²⁾; здоровается съ престарѣлыми родителями, —

¹⁾ Сл. выше, стр. 53.

²⁾ Чурила въ роли Вольги, съ Дюкомъ, въ роли Микулы, встрѣчается еще у Барсова, Пам. нар. творчества въ Олон. губери., стр. 18 слѣд.: Чурила нагоняетъ Дюка-пахаря лишь на третій день — что отвѣчаетъ извѣстному эпизоду пѣсенъ о Вольгѣ, который съ трудомъ нагоняетъ пахаря Микулу и не въ силахъ опередить его кобылу на своемъ конѣ. Это вызвало память о скачкѣ Чурилы и Дюка въ былинахъ о послѣднемъ: слѣдуетъ скачка богатырей, осложненная мотивомъ поединка, въ которомъ Дюкъ оказывается побѣжденнымъ. Онъ будетъ меньшимъ братомъ, Чурила большимъ, и какъ у Гильф. № 127 одинъ Чурила, такъ здѣсь онъ и Дюкъ ѣдутъ на службу къ Владимиру.

«да худа-то женишка да тутъ на умъ не йдетъ». Отдохнувъ три дня, ощутивъ «по себѣ силу великую», онъ

ладить итти да вѣдь во Кіевъ градъ
 Да ко солнышку князю да ко Владимиру,
 Да даваться-то на службу богатырскую.
 Ёнъ пришоъ-ли то ко городу ко Кіеву
 На этотъ-ли на дворъ на княженицекой-то,

 Ёнъ крест-отъ владѣть да по писаному,
 Да поклон-отъ ведеть по учоному,
 И на двѣ, на три, на четыре сторонки поклоняется,
 Да солнышку князю да вѣдь Владимиру
 Ёнъ-то дѣлаеть поклонъ да вѣдь въ особину,
 Да вѣдь самъ говорилъ да таково слово:
 «И ты солнышко Владимиръ князь стольнѣ-кїевской,
 И возьми-тко мя въ службу богатырскую.»

Князь принимаетъ его. Былина кончается, стало-быть, совершенно также, какъ Гильф. № 27: тамъ приключеніе съ Катериной помѣщено передъ поѣздкой Чурилы въ Кіевъ; здѣсь точка отправленія была иная: послѣдовательная служба Чурилы при Владимировомъ дворѣ въ званіи чашника, стольника, постельника, позовщика-зазывателя, эпизодъ съ Апраксїей (быть можетъ, приравненный къ приключенію съ Катериной?) и удаленіе Чурилы отъ двора — всё это вело съ сближенію съ соотвѣтствующей схемой пѣсенъ объ Иванѣ ключникѣ-королевичѣ-Дунаѣ: съ послѣдовательной службой въ конюхахъ, стольникахъ, ключникахъ, кроватникахъ, любовью королевы — и отъѣздомъ молодца; въ былинѣ о Дунаѣ Кир. III, № 3, стр. 58—69 — въ Кіевъ, какъ и въ разбираемой нами пѣсни о Чурилѣ. Ясно, что послѣдняя сложилась, хотя изъ собственныхъ матеріаловъ, но по типу другихъ пѣсенъ, представлявшихъ сходныя положенія; что Гильф. №№ 27 и 127 являются, во первыхъ, продуктомъ выдѣленія былинъ изъ кїевской связи и — вторичной попытки привести ихъ въ эту связь, послѣ развитія на сторонѣ. Для обратной гипотезы,

что въ нихъ сохранились образчики пѣсенъ о Чурилѣ до ихъ приуроченія къ Владимиру и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первый слѣдъ этого приуроченія, повлекшаго за собою перенесеніе въ Кіевъ всего, что когда-либо пѣлось о Чурилѣ — для подобной гипотезы Гильф. №№ 27 и 127 представляютъ слишкомъ мало данныхъ. — Я принужденъ оставить безъ прямого отвѣта и другой вопросъ, открываемый сопоставленіемъ былинь о Чурилѣ — и о ключникѣ-королевичѣ: мотивъ служенія по восходящей степени и любовь княгини-королевны встрѣчается тамъ и здѣсь; на какой сторонѣ преимущество большей древности и возможно-ли здѣсь предположеніе заимствованія или только вліянія, съ той или другой стороны? Я не рѣшусь въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ указанію на «общіе эпическіе мотивы», которые могли пристать одинаково тамъ и здѣсь, безъ внутренняго содержательнаго повода. Такое предположеніе можно-бы допустить, а priori, развѣ для аналогичнаго эпизода въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ.

Заключу указаніемъ на одну странную былинку, отзывающую сказочно-книжномъ складомъ: о пагубѣ «молодаго дѣтинушки Гусина Плёнковича Бусурьманищемъ Шаркомъ великаномъ». — «Горемычно стало Шарку великану свою жизнь коротати»: наль его конь, изломался мечъ, «обуяла имъ страсть побѣдная» къ Марьѣ, Лебеди Бѣлой. «Молодой дѣтинушка» Гусинко Плёнковичъ» (= Чурило), съ которымъ онъ братается, указываетъ ему «у князя у Новгородскаго» (sic) — жеребенка не объѣзженнаго — онъ будетъ ему подъ стать; въ Кіевѣ, въ палатахъ Владимира, мечъ кладенець; но когда великанъ проговорился о своей страсти къ Марьѣ, Гусинко Плёнковичъ останавливаетъ его: тебѣ-ли, бусурманскому сыну, «рѣчи таки вымолвливать»? «Осерчалъ тутъ бусурьманище нешуточно», схватилъ Гусинка за его бѣлую грудь, закинулъ его за тридевять земель (Рыбн. II, № 25).

Эта невѣроятная былина записана г. Шкалиннымъ, какъ и слѣдующая, служащая ей какъ-бы продолженіемъ и того-же

стиля (Рыбн. I, № 51): о состязаніи Шарка великана съ Дюкомъ Степановичемъ «Ко святой Руси Шаркъ-великанъ широку дорожку прокладываетъ», очевидно — въ Кіевъ; Дюкъ слышитъ о томъ, молится, проситъ благословенія у отца(?) и матери: хочетъ выѣхать противъ недруга. Два раза они съѣзжаются, но Дюкъ струсилъ и откладываетъ поединокъ; въ третій разъ, когда его конь попятился по-прежнему, онъ вступаетъ въ пѣшій бой: мечи разсыпались въ черепья, враги сплетаются руками, кровь течетъ ручьемъ; тутъ Дюкъ вспоминаетъ — о запасномъ мечѣ, которымъ и сноситъ противнику голову.

Связь этой псевдо-былины съ предъидущей поддерживается отчасти 1) испорченной пѣсней у Рыбн. I, № 52, гдѣ на Дюка перенесенъ сюжетъ Хотена Блудовича, а невѣста Дюка, зовется «*Бѣлой Лебедью*» — какъ въ былинѣ о Чурилѣ и Шаркѣ является Марья *Лебедь Бѣлая*, и 2) Рыбн. II, № 26, записанной тѣмъ-же г. Шкалинымъ и представляющей смѣшеніе пѣсенъ о спорѣ Дюка съ Чурилой — съ мотивами Шарка: Дюкъ ѣдетъ въ Кіевъ, по просьбѣ царевны вступаетъ въ состязаніе съ Чурилой (Гусинко Пленковичъ), её самое увозить, тогда какъ его вѣрный слуга, Никита Полица схватываетъ Чурилу,

Ко вѣдьмъ Кіевской во темну яму забрасывать,
какъ Шаркъ Чурилу у Рыбн. II, № 25. — Царевна не названа, но осталась память объ ея прозвищѣ, гдѣ мы вовсе не ожидали-бы встрѣтить её: Дюкъ хвалится конемъ,

Не гнаться за мной самой кобылѣ *Бѣлой Лебеди* (!).

Шаркъ великанъ, по объясненію Безсонова (Кир. IV, Приложение, стр. СХV), искаженіе имени *Шарукана*, хана половецкаго, котораго мы встрѣтили выше властителемъ Сугрова = *Сурожя* (Брунь). Если такъ, то его враждебное столкновеніе съ *Сурожаниномъ Чурилой* было-бы — заманчивымъ отзвукомъ изъ сѣдой дали, исторической нотой, удержавшейся въ широкой гармоніи эпоса. Къ сожалѣнію, былины о Шаркѣ такъ сильно отзываются стилемъ лубка и какъ-бы намѣренной складкой, что на нихъ трудно

что-либо построить. Интересно и прочно въ нихъ сопоставленіе Чурилы и Дюка въ борьбѣ съ однимъ и тѣмъ-же врагомъ, при различномъ исходѣ дѣла: Чурила, «молодой дѣтинушка», оказывается побѣжденнымъ, Дюкъ побѣдителемъ. Когда Чурила и Дюкъ сходятся вмѣстѣ, напр. въ пѣсняхъ объ ихъ щегольствѣ, бѣгѣ въ запуски, ихъ роли оказываются тѣ-же (исключеніе представляетъ лишь испорченная былина у Барсова, Пам. стр. 18 слѣд.). Это отличіе лежитъ въ ихъ пѣсенномъ типѣ: Дюкъ — выходецъ изъ «Индіи богатой», оттого у него все чудесно: и нарядъ и роскошь жизни и невѣроятной быстроты конь; всё это отгнѣняется и тѣмъ болѣе выставляется на показъ сопоставленіемъ съ нимъ Чурилы, который уходитъ на задній планъ. Въ царство Дюковой матери ѣдутъ послы Владимира и входятъ въ страну чудесъ; въ типѣ Чурилы нѣтъ ничего баснословнаго, онъ главнымъ образомъ красавецъ-щеголь, и я не далекъ отъ предположенія, что поѣздка Владимира въ его помѣстья на Сорогѣ сложилась по подобію соответствующаго эпизода пѣсенъ о Дюкѣ — и подъ влияніемъ его сопоставленія съ Чурилой. Существеннымъ въ пѣсняхъ о послѣднемъ является: его появленіе въ Кіевѣ, въ блескѣ красоты и культурнаго «щাপленія», впечатлѣніе, какое онъ производитъ на женщинъ — и на Апраксию (если здѣсь дѣло не въ типическомъ положеніи); его любовь къ Катеринѣ, мужа которой онъ еще прежде зналъ, который указалъ на него Владимиру, быть можетъ, побратался съ нимъ — и былъ имъ, впоследствии, обманутъ. Какъ видно — это матерьялъ новеллы, не фавлѣ о невѣрной женѣ гостя Терентьища, наставляемаго скоморохами (Кирша № 2, Рыбн. III, № 43), а новеллы съ трагической развязкой, въ стилѣ Giralaldi Cintio.

Иллюстрируя былины о Чурилѣ необходимо имѣть въ виду заѣзжаго гостя изъ франкскаго, т. е. итальянскаго Сурожа, и впечатлѣніе чужой, блестящей цивилизаци, увлекавшей однихъ, тогда какъ другіе находили для нея призрачныя слова протеста. «Ай ты, Чурило сухоногое — Поди, щепи ты съ дѣвками да съ бабами» (Рыбн. III, 29; сл. IV, №№ 9, 10; Гильф.

№№ 225, 230), ходи за бабами по Києву (Рыбн. I, № 48), «бабами улаканый» (I. с. № 49; сл. Гильф. № 152), «бабій умоленникъ и старушій упрашивальникъ» (Рыбн. II, № 30), — говоритъ Чурилѣ, побѣдивъ его въ конскомъ бѣгѣ, Дюкъ Степановичъ. — Такъ наши древніе ревнители протестовали противъ мірской утѣхи, противъ прельщеній латинства, а суровые французы сѣвера противъ лоска и изнѣженности провансальцевъ. — Чурила остался героемъ любовной новеллы, случайно перенесенной въ былинну; такимъ-же помнила его старая малорусская свадебная пѣсня:

Ишов Журило з міста,
За нимъ дівочок триста.

Въ вариантѣ, слышанномъ Липинскимъ, еще удержалась древняя форма имени: Чурило; пляска, сопровождавшая пѣсню, носила названіе: *Джурьило* или *Цурьило*¹⁾. Это одинъ изъ рѣдкихъ слѣдовъ эпоса, удержавшихся въ поэзіи народнаго обряда.

¹⁾ Жегота Паули, ч. II, стр. 149—150; Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. нар. I, 54—56; Петровъ, Слѣды сѣверно-русскаго эпоса въ южно-русской народной литературѣ, Труды Киевск. Духовн. Акад. 1878, стр. 387. См. еще Дашкевича, Былины объ Алешѣ Поповичѣ (Кіевъ, 1883), стр. 55—56 прим. Съ статьей г. Дашкевича я могъ познакомиться уже во время печатанія этой работы.

VI.

Дюкъ Степановичъ и западныя параллели къ пѣснямъ о немъ.

За исключеніемъ трехъ испорченныхъ былинъ о Дюкѣ (Рыбн. I, № 51, 52 и II, № 26), рассмотрѣнныхъ нами въ концѣ предыдущей главы, всѣ остальные — ихъ было у меня подъ руками до 30 №№ — развиваютъ одно и то-же содержаніе, представляя сходный планъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не ограничиваются однимъ какимъ нибудь эпизодомъ цѣлаго. Въ общихъ чертахъ планъ этотъ представляется слѣдующій: 1) выѣздъ Дюка; 2) Дюкъ въ Кіевѣ; его похвальба и состязаніе съ Чурилой; 3) послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери. — Въ § 1 выдены, въ нѣсколькихъ пересказахъ, подробности, лишь развивающія идею «препятствія» (заставы; встрѣча съ Ильей и Идолицемъ); между § 2 и 3 порядокъ кое-гдѣ перебитъ, но легко возстановимъ путемъ сравненія. — Царство Дюка географически опредѣляется: это *Индія* (Рыбн. I, № 47, 49, Гильф. № 152, 159); *Индія и Корела* (Рыбн. II, 27, Гильф. № 9) или *Корша* (Рыбн. III, № 31); *Индія, Волинъ-городъ, Галица проклятая* (Рыбн. I, № 48; сл. Гильф. № 85: Галичь, Индія, Волинъ; ib. № 218: Волинъ, Индія, Галиць); *Волинецъ, Галичь, Сорочина, Индія* (Рыбн. II, № 29); *Волинъ, Галичь, Сорочина, Ко-*

рела, Индія (Рыбн. II, № 28, Гильф. № 225); *Галичъ, Волинь, Карела, Индія* (Рыбн. III, № 29); *Индія, Корела, Волинецъ* (Рыбн. III, № 30; Гильф. № 115); *Волинецъ, Галичъ, Корела* (Гильф. № 213, 230; Кир. III, № 2, стр. 101; Барсовъ, Пам. нар. творчества въ Олонецкой губ., стр. 71 слѣд.); *Галичъ, Корела* (Рыбн. II, № 30; IV, № 9); *Волинь, Галичъ* (Гильф. № 243; сл. iv. № 279: Изъ Волинца-то города изъ Далеча!); лишь въ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50: Клинь! — Соединеніе Индіи богатой и Корелы проклятой встрѣчается, какъ общее мѣсто, и въ другихъ былинахъ. Сл. Рыбн. IV, № 17 = Гильф. № 12.

Перейдемъ къ изложенію былины.

I.

1) *Выздѣѣ Дюка*. Онъ снаряжается въ путь: описываются его лукъ и стрѣлы (полтораства Кир. III, № 1, стр. 101; триста три, iv. № 2, стр. 102, Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159, Гильф. № 225 = Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; триста тридцать три Рыбн. II, № 28; тридцать три Гильф. № 279), между которыми три драгоценныя:

Колоты онѣ были изъ трость-древа,
 Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
 Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
 Перены онѣ перыцемъ сиза орла,
 А сиза орла, орла орловича,
 А того орла, птицы Камскія,
 Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
 А тоя-то Камы — за синимъ моремъ,
 Своимъ устьемъ впаде въ сине море.
 А леталъ орелъ надъ синимъ моремъ,
 А ронялъ онъ перыца во сине море,
 А бѣжали гости корабельщики,
 Собирали перья на синемъ морѣ,

Вывозили перья на святую Русь,
 Продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ:
 Покунала Дюкова матушка
 Перо во сто рублей, во тысячу.
 Почему тѣ стрѣлы дороги?
 Потому онѣ дороги,
 Что въ ухахъ поставлено по тирону,
 По камению по дорогу, самоцвѣтному;
 А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
 Подлѣ ушей перебивано
 Аравитскимъ золотомъ.
 Ѣздитъ Дюкъ подлѣ сна моря
 И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
 Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
 Онъ днемъ стрѣляетъ,
 Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ;
 Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
 А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
 Свѣчи теплются воску яраго

(Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., в. 41 слѣд.). У Кир. III, № I, стр. 100—1 орелъ роняетъ тѣ перья «въ Окіанъ море», ихъ собираютъ корабельщики — «плоты плотить, корабли снастить»; либо: орелъ сидитъ «на синенькомъ на камешки» (переходъ эпитета отъ «синя моря»), роняетъ перья, ихъ подбираютъ гости-корабельщики, покупаютъ «мужики-то индѣйскіе», Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, сл. iv. № 159. Сл. Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29 = Гильф. № 225: орелъ садится

На бѣдѣ каменный степянь,
 И кроится перьяча орлинья,
 Отлетаетъ на море на синее;
 И тамо ѣдутъ гости-корабельщики
 И обираютъ перьяца сиза орла,
 Развозятъ перьяца по всѣмъ ордамъ,
 По всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украиннамъ,
 Дарятъ царей и царевичевъ,
 Дарятъ королей да и королевичевъ,

Дарятъ сильныхъ могучихъ богатирей.

 А тымъ эти стрѣлы дороги:
 Вτεραы были въ паты
 Камень самоцвѣтное, все лхонты;
 Гдѣ стрѣла летить,
 Отъ нея лучъ печеть:
 Въ день — красно солнышко,
 Въ ночь — отъ свѣтлаго мѣсяца.

(Сл. Рыбн. IV, № 9). У Рыбн. III, № 30 орель сидитъ на камени,

На тоемъ на камени на затырѣ;
 Аще тотъ орель сворахнется,
 Сине морюшко сколыблется,
 А въ деревняхъ пѣтухи вспоютъ,
 Тутъ ѣздятъ гости-корабельщики,
 И берутъ-то перья орловые и т. д.

(Сл. Гильф. №№ 115, 230). Последняя подробность (о пѣтухахъ), вѣроятно, апокрифическая, указывающая на источники нашего стиха о Голубиной книгѣ ¹⁾.

¹⁾ Сл. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 213, 215—216, прим. — Сл. въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ Ильи его встрѣчу съ разбойниками: описывается богатое вооруженіе Ильи: у коня промежъ ушей «вплѣтанъ былъ свѣтѣль камень, ради темной ноченьки; «Розстрѣлялъ я всѣ стрѣлки каленыя, — Да и собралъ я стрѣлки до единой всѣ» (Гильф. № 305). Къ нимъ, а не къ шляпѣ, какъ у Гильф. № 291, или сѣдлу (ib. № 287) относилась первоначально подробность объ орлиныхъ перьяхъ:

Перена она перьемъ орлинымъ,
 Не того орла, кой леталъ по синимъ морямъ,
 И того-ли орла, кой леталъ по крутымъ горамъ,
 Ударился онъ о горючъ камень,
 Обломалъ онъ перья орлиныя.
 Ёхали купцы Измайловски,
 Собирали перье орлиное,
 Везли-то старому въ подарочкахъ.

Измайловскіе купцы, вѣроятно, *измаилитскіе*, отвѣчающіе *индѣйскимъ* въ былинахъ о Дюкѣ, упоминающихъ рядомъ съ Индѣей — и *Сорочину*. Сл. выше, стр. 48, купцовъ *авиломянъ* въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ.

На другихъ частяхъ Дюкова вооруженія былины останавливаются мало: лишь Кир. III, № 2, стр. 101 (= Кирша Даниловъ) даетъ ему «куякъ и панцырь чиста серебра», кольчугу «красна золота»¹⁾, да въ Гильф. № 218 говорится о «сбруѣ лыцарской»: остромъ мечѣ «подъ пазухой», тугомъ лукѣ на плечѣ и булатной палицѣ, которую Дюкъ «въ кольцо кладалъ». — Все вниманіе обращено на его бурушку, описаніе котораго восполняетъ, въ одномъ цѣльномъ образѣ, матерьялы, собранные нами въ другомъ мѣстѣ (см. гл. III) для характеристики богатырскаго коня въ нашемъ эпосѣ. — Бурушко, каурушко, малenkій, косматенькій принадлежитъ къ типу чудеснаго жеребенка, встрѣченному нами въ пѣсняхъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ: тамъ онъ объявился намъ, въ связи съ цѣлымъ, восстановленнымъ нами преданіемъ, какъ принадлежащій къ его древней основѣ; здѣсь, при Дюкѣ, онъ, можетъ быть, лишь перенесенный. Какъ бы то ни-было, но подобно конямъ Армури и Ираклія, и онъ представляется жеребенкомъ (сл. Гильф. № 20: Бралъ коника да мала шахманка), лошадошкой малешенькой, удалешенькой (Ефименко, Матеріалы, стр. 18), «не ѣзжаннымъ» Гильф. № 218, 225, 230:

Выбиралъ коня собѣ да добраго,
 Коня добраго да не ѣзжалаго,
 Выбиралъ онъ бурушка косматаго.
 Да шерсть у бурушка по трѣ пяди,
 А грива у бурушка да трѣхъ локоть,
 А фостъ у бурушка да трѣхъ сажонъ,
 А фостъ и грива до сырой земли,
 Фостомъ слѣды да онъ запахивать

(Гильф. № 230; сл. ib. № 225; Рыбн. II, № 28). — Какъ жеребенокъ Армури «стоитъ какъ вкопанный», такъ и конь Дюка

¹⁾ Тѣми-же чертами описано у Кирши № XXI и вооруженіе Михайла Казаринова, выѣзжающаго, подобно Дюку, «изъ Волицца города изъ Галичья». Последнее указаніе, встрѣтившееся намъ въ пѣсняхъ о Михайлѣ (= Алешѣ), лишь въ пересказѣ Кирши, обличаетъ вліяніе запѣва какой-нибудь былины о Дюкѣ, въ родѣ Кирши № III.

вросъ въ землю, и онъ поитъ и кормить его, прежде чѣмъ пуститься въ путь, какъ Иванъ Гостиный сынъ своего бурушку:

По колья было у бурушка въ землю зарощено.
Онъ поплъ бурка питьемъ медвянннмъ,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 159). — Слѣдуетъ подробное описаніе, какъ герой сѣдлаетъ своего коня, повторяющееся и въ другихъ былинахъ съ тѣми-же общими мѣстами, на которыя мы уже имѣли случай обратить вниманіе (см. выше стр. 16—17, 20—1):

Сталь сѣдлатъ-уздатъ добра коня,
Накидывать потнички на потнички,
Накладывать войлочки на войлочки,
На верѣхъ накладывалъ сѣделышко Черкаское
И затягивалъ двѣнадцать тугихъ подпруговъ,
Натягивалъ онъ тринадцату,
Не для ради красн-басы,
А для ради укрѣпы богатырска и т. д.

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30; Гильф. №№ 9, 115, 159, 213, 218, 279). Конь оказывается «крылатымъ» (Рыбн. II, № 27); быстрота его описывается знакомыми намъ (см. выше стр. 11) типическими чертами:

Только видѣли молодца сядучись,
А не видѣли — куда поѣдучись:
Только куревко въ полѣ воскурилось,
Туманъ въ полѣ затуманился.
Поѣхалъ молодець поверхъ травы,
Поѣхалъ молодець ниже лѣса стоячаго,
Выше облака ходячаго

(Рыбн. II, № 28). Сл. Рыбн. III, 29, 30, 31; Гильф. № 9, 115, 218, 225, 230; Гильф. №№ 20, 213 и 230 (см. стр. 1105: Не поспѣтъ къ христоскѣи заутренѣ) прибавляютъ новыя подро-

ности, напоминающія известную быстроту Всеслава Полоцкаго въ Словѣ о Полку Игоревѣ:

Самъ пошолъ боярской Дюкъ Степановчъ,
 Ко заутренки пошелъ христосскін,
 И отстоялъ заутренку христосскую.
 Онъ выходитъ Дюкъ да со Вожьей церьвы,
 Отъ тѣхъ заутрени отъ христосскін,
 Набъ поспѣтъ къ обѣденки христосскн
 И ко столнѣму городу ко Кіеву,
 Ко ласкову князю ко Владимиру.

.....
 А ѿ выходитъ Дюкъ тутъ на широкъ дворъ,
 И толь садился ѣнъ да на добра коня.

.....
 Какъ пошолъ его добрый конь въ полъ дѣрѣвца,
 Ёнъ приправилъ коня повыше деревца,
 А ѿ повыше деревца стоячаго,
 А ѿ пониже онъ облачка ходячаго.
 И разстаянница было немножечко
 Отъ Волянца города отъ Галпча
 И до столнѣго города до Кіева,
 До ласкова князя до Владимира,
 Разстаянъ было триста тридцать верстъ.
 Переѣхалъ боярской Дюкъ Степановчъ

(Гильф. № 213).

Кіевъ — конечная цѣль Дюковой поѣздки. Какъ распредѣлился первоначально въ былинахъ рассказъ о ней? Отвѣтъ будетъ зависѣть отъ нашего взгляда на значеніе эпизода о «заставахъ», встрѣчаемыхъ Дюкомъ на пути въ нѣкоторыхъ пересказахъ пѣсни. Изъ многихъ, бывшихъ у меня подъ рукой, десять начинаются съ рассказа объ охотѣ Дюка, послѣ чего слѣдуетъ его просьба къ матери — отпустить его на подвиги, къ князю Владимиру. Такъ у Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152: тамъ и здѣсь къ эпизоду охоты неловко припутано и добываніе Дюкомъ орлиныхъ перьевъ, которыми украшены его стрѣлы; сл. Рыбн. II, № 28, III, № 29, 30, 31, Гильф. 20, 115, 159, 225, 230. —

Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., гдѣ просьба къ матери опущена, не идетъ въ сравненіе ни съ указанными былинами, ни съ тѣми, гдѣ порядокъ представляется обратный: просьба Дюка къ матери — и охота: такъ у Рыбн. I, № 47, II, № 27, 30, Гильф. № 218 (сл. ib. № 279). — Въ первой группѣ охота Дюка рассказана такимъ образомъ: онъ ѣздитъ у синя моря, стрѣляетъ гусей, лебедей, сѣрыхъ малыхъ уточекъ, разстрѣляя всѣ свои стрѣлы. Слѣдующая за тѣмъ просьба къ матери мотивирована лишь въ трехъ пересказахъ: у Рыбн. III, № 31:

Выѣзжалъ удалый добрый молодець
 По тѣмъ-ли по мелкімъ по заводямъ
 И по тѣмъ-ли луговьямъ по зеленнымъ,
 И не наѣхалъ богатырь въ чистомъ поле себѣ супротивника,
 Только слышалъ въ далеки-далеки чистомъ полѣ про Кіевъ градъ:
 Кіевъ градъ на красы стоитъ,
 На красы стоитъ да улечечи,
 Во Кіевѣ князь-богачъ живетъ.

У Гильф. № 230 Дюкъ, возвращаясь съ охоты, встрѣчаетъ каликъ, идущихъ изъ Кіева, и узнаетъ отъ нихъ, какъ далеки онъ отъ Галича, и какія на прямой дорогѣ заставы. — Наконецъ въ № 20 Гильф. богатырь выѣзжаетъ въ чисто поле,

Хоче пострѣлить да чорна ворона.
 Чорный тотъ вѣдь воронъ ему смолится:
 «А ѣ же молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
 Не збей моей туши о сыру землю,
 А ѣ не рушай моихъ перьевъ по чисту полю,
 Не пролей-ко крови по сыру дубу!
 Слава тая по Руси носится:
 Старца убить, не спасеннѣ добыть,
 Вѣрона убить не корѣсть получить.
 А ѣ поѣзжай-ко ты да во Кіевъ градъ:
 Есте во Кіевѣ богатыри,
 Е кому да тамъ поправиться,
 Е кому съ тобой да супротивиться.

Дюкъ знаетъ теперь, гдѣ ему искать супротивника — и слѣдуетъ его просьба къ матери, съ которой, наоборотъ, начинается другая группа пѣсенъ о немъ. — Передавая этотъ эпизодъ, общій той и другой группамъ, мы слѣдуемъ обѣимъ.

Дюкъ хочетъ «поразить своего плеча богатырскаго», съѣздить въ далеко чисто поле. Говоритъ его мать, Мамелфа Тимоеевна:

«Ай-же ты, мое рожино дитяtko,
 Молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ!
 Не бывалъ ты, молодець, во чистомъ полѣ,
 Не слыжалъ ты крику звѣринаго,
 Визгу-писку Татарскаго,
 Не видалъ поѣздѣн богатырскія:
 Не можешь вынести изъ чиста поля головушки.
 А лучше бы ты ѣхалъ ко славному ко городу ко Киеву,
 Ко стольному ко князю ко Владимиру,
 Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
 На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
 Заводитъ столованье почестенъ пиръ,
 На поѣздѣ удалыхъ много жалуетъ,
 Жалуетъ безсчетной золотой казной.

.....
 Какъ поѣдешь во далече далече чисто поле,
 Не идь-ка ты на славу на Палачь-гору Аенанасьеву:
 На тую гору много заѣзжаетъ добрыхъ молодцевъ,
 А вѣдь-то мало выѣзживаетъ.

А оцель случится тебѣ путь
 Ко славному ко городу ко Киеву,
 Ко стольному ко князю ко Владимиру,
 Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій
 На пріѣздѣ для удалыхъ добрыхъ молодцевъ
 Заводитъ столованье почестенъ пиръ:
 • На честномъ пиру не хвастай сиротскимъ имѣньицемъ,
 Имѣньицемъ сиротскимъ, богатствомъ,
 Не хвастай мною матушкой» (Рыбн. I, 47, см. II, № 30).

Въ другихъ пересказахъ самъ Дюкъ изъявляетъ желаніе посмотреть на князя Владимира и его могучихъ богатырей, на

Апраксию и на Кіевъ, что «на красы стоитъ», Рыбн. I, № 47: Скажутъ, вашъ городъ на красы стоитъ, на убожествѣ, — Скажутъ, солнышко Владиміръ князь богато живеть; *ib.* № 49: Что Кіевъ-градъ очень красивъ — добришь; Гильф. № 9: въ честі въ добри; Барсовъ, I. с., стр. 71: Кіевъ-градъ на горы стоитъ; Рыбн. III, № 31: на красы стоитъ да упечечы. (Сл. Рыбн. II, № 51, стр. 274 въ сказкѣ-былинѣ о Дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ: славенъ Кіевъ градъ на красы стоитъ, на красы-басы на великія). Сл. Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 27, 28; III, № 29, 30; IV, №№ 9, 10; Гильф. № 20, 85, 115, 159, 213, 225, 230; Ефименко, Матеріалы, № IV, стр. 17—18, № IX, стр. 36. — Предупрежденіе матери — не хвастать — является довольно общей чертой: сл. Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. I, № 50; II, № 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 20, 85, 213, 218; Ефименко, I. с.; но рядомъ съ этимъ цѣлая группа пересказовъ вводитъ и другой мотивъ: мать предупреждаетъ сына объ опасностяхъ, ожидающихъ его на пути. Иногда это — «заставы» баснословнаго характера въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаетъ царевичъ народныхъ сказокъ, напр. греческой сказки о Безсмертной водѣ ¹⁾, и нашъ Егорій храбрый въ духовныхъ стихахъ о немъ ²⁾; иной разъ —

¹⁾ Амарантосъ или розы возрожденной Элады, собр. Георг. Эвлампиосъ (СПБ. 1843), стр. 88.

²⁾ Въ моихъ Разысканіяхъ II, стр. 143, разбирая эпизодъ «заставъ» въ большомъ стихѣ о Егоріи Храбромъ, я предположилъ, что основною въ немъ чертою могли быть «горы толкучія». Я полагаю теперь, что этотъ образъ внушенъ мѣстными палестинскими легендами. Въ храмѣ св. Георгія въ Діосполисѣ находится колонна, къ которой привязано было колесо, орудіе казни святаго. «Εἰς τὸν αὐτὸν κίονά ἐστι μάρμαρον τετραπυμένον ποιοῦν σημεῖα. Ἐὰν ἐξαγορεύσῃς, δύνασαι διελθεῖν ἀκωλύτως καὶ εὐκόλως· ἐὰν δὲ οὐκ ἐξαγορεύσῃς, διελθεῖν οὐ δύνασαι. Καὶ πρὸς δύοσιν τοῦ ἁγίου Γεωργίου, ὡς ἀπὸ μιλίων τεσσάρων, ἐστὶ τὸ ὕδωρ τῆς ἐλαγγεως καὶ οἱ ἀτόκιοι λίθοι, οἷς λέγουσιν οἱ προφῆται: "Ὅτε ἡμεῖς σιωπήσομεν, οἱ λίθοι οὗτοι κρᾶζοντι» (Eriphanii monachi et presbyteri edita et inedita, cura A. Dressel, p. 5). Сближеніе двухъ подробностей: неподвижнаго для не покаившихся отверстія въ колоннѣ — и неплодныхъ камней могли быть точкой отправленія для поѣздки Георгія — между толкучихся горъ. — Интересно у Епифанія сочетаніе «воды испытанія» и «неплодныхъ

богатырская застава, съ Ильей во главѣ; либо то и другое является въ соединеніи. — У Рыбн. I, № 49 мать говорить, что на прямой дорогѣ къ Кіеву

Есть три заставы великія.

Первая застава великая:

Стоять тутъ горы толкуціи;

Тыи-жь какъ горы врозь растолкнутся,

Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся,

Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

Тутъ тебѣ молодому жнву не бывати.

Есть другая великая тамъ застава:

Сидятъ тамъ птицы клевуціи;

Тые птицы тебя съ конемъ склюють,

Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

каменей». Первая восходитъ къ библейскому испытанію чистоты женъ (не дѣвственницъ), которымъ давали испить «горькія воды»; неплодныя (не рожающіе) камня принадлежать, не смотря на ссылку на «пророковъ» (Луки, 8, 8; 19, 40), специально нашему тексту. Въ протоевангеліи Іакова такъ испытывается дѣвственность Маріи и Іосифа: «καὶ εἶπεν ὁ ἱερεὺς· Ποτιῶ ὑμᾶς τὸ ὕδωρ τῆς ἐλέγχσεως Κυρίου, καὶ φανερώσει τὰ ἁμαρτήματα ὑμῶν ἐν ὀφθαλμοῖς ὑμῶν. Καὶ λαβὼν ὁ ἱερεὺς ἐπότισεν τὸν Ἰωσήφ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὸν εἰς τὴν ὄρεινὴν· καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος. ἐπότισεν δὲ καὶ τὴν Μαριάμ, καὶ ἔπεμψεν αὐτὴν εἰς τὴν ὄρεινὴν· καὶ ἦλθεν ὀλόκληρος». Сл. маршрутъ Зосимы (Сахаровъ, Сказанія VIII, стр. 66): *церковь Георгія; домъ Захаріи*, гдѣ родился Предтеча; «И есть тутъ *кладязь*, а глаголютъ: коли дѣвницы испіють тое воды, а не сохранили дѣвства своего, ино имъ уста полатѣють; сія же *вода* взовъ (?) есть *на обличеніе*. И оттуду поидохъ къ *камени*, идѣ-же Елисаветъ скрыся со младенцемъ отъ Иродовыхъ слугъ».

Пользуюсь случаемъ для замѣтки къ Разысканіямъ X, стр. 377: опущены при печатаніи свѣдѣнія о древѣ распятія въ Иверскомъ монастырѣ у Даниіла Паломника и Гогары, Сахаровъ, I, с., стр. 26 и 114. — Въ «Διήγησις Δανιήλ μητροπολίτου Ἐφέσου καὶ περίοδος τῶν ἁγίων τόπων» (конца XV вѣка), издаваемомъ проф. Дестунисомъ для Православнаго Палестинскаго Общества, такъ объясняется причина наименованія Иверскаго монастыря Крестнымъ: «ὑποκάτω τῆς ἁγίας τραπέζης τοῦ ναοῦ τούτου ἐστὶν ὡσπερ τις ὀμφαλὸς διὰ μαρμάρου, ἐν ᾧ φασὶ τόπω τούτῳ τρεῖς θαλοὺς ξηροὺς ὄντας ὁ Λῶτ μετὰ τὸ ἁμαρτῆσαι ὀδηγία δηλονότι τοῦ τε Ἀβραάμ καὶ μάλιστα τοῦ ἱερέως ἐκείνου Μελαχισδεὲκ ἐφύττωσεν, οἱ τινες βλαστήσαντες καὶ ἐνωθέντες καὶ δένδρον ἐν ὑψίχομον γεγονότες, ὑστερόν τε ὑπὸ τοῦ Σολομῶντος τοῦ δένδρου ἀποκοπέντος καὶ ἀχρήστου εὐρεθέντος, ἐν τῇ οἰκοδομῇ τοῦ ναοῦ τοῦ ὑπ' αὐτοῦ κτιζομένου, ἐξ αὐτοῦ τοῦ ξύλου κατασκευασθῆναι ὑστερον τὸν τοῦ Χριστοῦ σταυρὸν οἰκονομικῶς φασὶ (гл. 14, стр. 17—18).

Туть тебѣ молоду живу не бывать.
 Есть третія великая туть застава:
 Лежитъ Змѣище-Горынчище,
 О двѣнадцати змя о хоботахъ;
 Тоя змя тебя съ конемъ сожретъ и т. д.

Дюкъ счастливо минуеть всѣ три заставы: не успѣли горы столкнуться, птицы расправить крылья, змѣй свой хоботь, какъ онъ уже проскакалъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152). Сл. Гильф. №№ 9, 159: тоже; 85 (змѣи поклевучіе, звѣри поѣдучіе, горушки толкучія).

Иначе въ другой группѣ былинъ: Рыбн. I, № 47, II, № 30, III, № 31, Гильф. № 218, 279: заставъ нѣтъ, мать совѣтуеть Дюку не заѣзжать на «славному на Палачь-гору Аванасьеву» (Рыбн. I, 47; Рыбн. II, 30: гора шеломчатая; Гильф. № 218: Палань-гора; у Гильф. № 279 вмѣсто того: Ты не ѣзди, Дюкъ, да во чисто полѣ). Дюкъ не слушается и ѣдетъ: разстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы (Рыбн. I, 47, II, № 30, Гильф. № 279),

И наѣхалъ во сиромъ дубу черна ворона,
 Черна ворона граючаго,
 Самъ говорилъ таково слово:
 «Ай-же ты, воронъ, птица вѣщая,
 Вѣщая птица, граючая!
 Натяну какъ свой тугой лукъ,
 Положу-то валену стрѣлу,
 Спущу-то тетиву шелковую,
 Распущу твое перье по чисту полю,
 Пролью кровь твою по сыру дубу,
 Предамъ ти смерти напрасныя:
 Не попадайся-ка на выстрѣлъ впереди богатыря!»
 Испровѣщилъ воронъ языкомъ человѣческимъ:
 «Ай-же, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ!
 Не бей-ка ворона на сиромъ дубу,
 Не проливай моей крови горючія:
 Поѣзжай-ка още впередъ по чисту полю,
 Такъ надеешь себѣ поединника,
 По плечу себѣ супротивника.

Дюкъ, дѣйствительно, наѣзжаетъ въ полѣ на шатерь, въ которомъ спитъ какой-то богатырь; изъ того, что его конь смирно сталъ рядомъ съ богатыревымъ, онъ заключаетъ, что хозяинъ его не тронетъ — и онъ будитъ его. Спаль, оказывается, Илья Муромецъ. Онъ спрашиваетъ Дюка объ его имени и изотчинѣ и зачѣмъ разбудилъ его: помощь-ли его ему нужна, или хочетъ съ нимъ «спробовать силы-удачи молодецкія». Но тотъ и не думаетъ помѣряться съ Ильей:

Что мнѣ съ тобой ѣхать въ чисто поле?

Тебѣ смерть на бою не написана;

А мнѣ ѣхать съ тобой въ чисто поле,

Положить надоть буйная головушка.

Не на то будилъ, чтобъ ѣхать въ чисто поле на дѣло ратнее,

А на то будилъ, что будетъ надежный товарищъ въ чистомъ полѣ,

Повнучить всемъ похматкамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.

Тутъ богатыри «крестами побраталися», стали пить зелено вино, какъ является «изъ чиста поля поганый Идолище», ищущій себѣ поединщика, пожирающій «по быку семилѣтнему ко выти» и побиваемый Ильей. — Уже зачѣмъ богатыри направляются къ Кіеву, но не доѣхавъ до него, Илья велитъ Дюку ѣхать одному, повторяетъ завѣтъ матери — не хвастать на пиру,

А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,

Держи ко мнѣ вѣсточку въ чисто полѣ,

Ко моему шатру бѣлополотняному —

Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ (Рыбн. I, № 47).

Тотъ-же самый распорядокъ содержанія представляетъ, въ соответствующемъ эпизодѣ, и Рыбн. II, № 30 (гора-шеломчатая; все стрѣлы разстрѣлены; воронъ вѣщаетъ о поединщикѣ, Илья и Идолище и напутствіе Ильи Дюку); у Рыбн. III, № 31 сокращено: Дюкъ тотчасъ по выѣздѣ, наѣзжаетъ на шатерь Ильи, не желаетъ съ нимъ бороться, и ѣдетъ въ Кіевъ, напутствуемый обѣщаніемъ помощи («Не станутъ-ли обижать, сюда вѣсть держи»). У Гильф. № 218 послѣдовательность такая: Палань-гора,

(стрѣлянья нѣтъ), воронъ указываетъ на поединщика: Илью; Дюкъ будитъ его, братается, явленіе Идолица (былина на этомъ кончается). Въ № 279 Гильф. Дюкъ разстрѣлялъ всѣ стрѣлы (эпизода съ ворономъ нѣтъ), встрѣча съ Ильей, отказъ отъ боя и мирное столованье богатырей.

Разборъ пересказаннаго нами эпизода приводитъ прежде всего къ убѣжденію, что Идолице въ немъ лишній, перенесенный изъ былинъ о немъ и о Тугаринѣ — по слѣдамъ Ильи. Важнѣе вопросъ — чѣмъ объяснить появленіе послѣдняго? Дюкъ говоритъ, что ищетъ себѣ въ немъ товарища, помощника, и Илья обѣщаетъ уберечь его отъ обиды — но именно въ этой роли Илья въ пѣсняхъ о Дюкѣ выступаетъ случайно. Кромѣ того заявленіе Дюка не вяжется и съ вѣщаніемъ ему ворона, что онъ найдетъ — себѣ поединщика. Замѣтимъ, что въ русскихъ былинахъ воронъ обыкновенно вѣщаетъ богатырю о предстоящемъ ему боѣ: такъ Добрынѣ (Гильф. № 49: съ Алѣшей; Гильф. № 168: съ Татарами), Алѣшѣ (Жир. II, № 1, стр. 80—1: съ Татарами), Михаилу Казаринову (Жир. IV, стр. 94—5: то-же), Суровцу-Суздальцу (то-же. См. выше, стр. 72—3), Ильѣ (Рыбн. III, № 14, Гильф. №№ 219, 226, 233: передъ боемъ съ сыномъ), Королевичу изъ Крякова (Рыбн. I, № 72, Гильф. № 182: передъ враждебной встрѣчей съ братомъ). Ясно, что въ былинахъ о Дюкѣ, передъ мирной его встрѣчей съ Ильей, онъ не у мѣста. Тѣмъ страннѣе его появленіе въ № 20 Гильф., принадлежащемъ, какъ мы видѣли, къ той группѣ былинъ, которыя помѣстили эпизодъ о стрѣляньи Дюка передъ его просьбой къ матери и выѣздомъ: здѣсь воронъ проситъ богатыря не убивать его, а отправиться — въ Кіевъ, гдѣ онъ найдетъ себѣ сопротивника. Едва-ли пѣсня могла имѣть въ виду его состязаніе съ Чурилой.

Но вернемся къ вопросу, какимъ путемъ Илья попалъ въ пѣсню о выѣздѣ Дюка. Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: на пути въ Кіевъ Дюкъ встрѣчаетъ разныя заставы: горы толкучія, птицъ клевучихъ (звѣри поѣдучіе), змѣище Горынчище (змѣи поклевучіе). Какъ древенъ этотъ мотивъ въ былинѣ и не

вставленъ-ли онъ позднѣе, какъ общее мѣсто, для выраженія трудности и дальности пути? — Не рѣшая вопроса, я полагаю однако, что этотъ мотивъ древнѣе другихъ, являющихся вмѣсто него, либо рядомъ съ нимъ, въ эпизодѣ выѣзда. Но помимо баснословныхъ заставъ, русскія былины знали еще и другую: богатырскую, стоявшую на стражѣ Кіева, съ Ильей Муромцемъ во главѣ. Ея нельзя было миновать приѣзжему витязю, — и вотъ нѣкоторыя былины присоединили къ змѣямъ и звѣрямъ — и богатырскую стоянку. Такъ у Рыбн. II, № 27: сѣры волки, змѣи лютыя, двѣнадцать богатырей съ Ильей (замѣтимъ, что на пути къ Кіеву Дюкъ побываетъ еще — и Соловья разбойника); *ibid.* № 28: люты звѣри, люты змѣи, Илья Муромецъ въ шатрѣ; Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225: Горынь-змія о двѣнадцати главахъ (хоботахъ); лютый звѣрь; «стадо грачевъ — По нашему, стадо *черныхъ вороновъ*, — И хочутъ вороны молодца расторнути»; шатерь Илья Муромца; Гильф. № 230: Горынь-змѣя, стадо «лютыхъ грачевъ — По русски назвать дакъ *черныхъ вороновъ*»; стадо «лютыхъ гонцевъ — По русски то назвать дакъ сѣрыхъ волковъ»; «богатырь во бѣломъ шатрѣ» (Илья). — Рыбн. III, № 30: змѣи, звѣри, пять богатырей съ Ильей; Гильф. № 115: змѣи, звѣри, семь богатырей съ Ильей. — Такимъ образомъ мотивъ заставы втянулъ Илью въ пѣсню о поѣздкѣ Дюка, но надо было что-нибудь рассказать про ихъ встрѣчу. Дюку не биться съ Ильей — и онъ дѣйствительно отказывается отъ желанія поратиться съ старымъ богатыремъ, котораго величаетъ, и обнадеженъ обѣщаніемъ его помощи — если-бы ему плохо пришлось въ Кіевѣ. Такъ у Рыбн. II, № 27, 28, 29 = Гильф. № 225; Рыбн. III, № 30, 31; Гильф. № 230 (сл. еще *ib.* № 279). — Мы уже сказали, что былины о дѣйствительной помощи Ильи почти ничего не знаютъ.

Изъ своднаго типа былины, подобнаго разобраннымъ нами, выдѣлились впослѣдствіи тѣ пересказы, которые знаютъ одну лишь богатырскую заставу, или собственно говоря — встрѣчу Дюка съ Ильею. Передъ тѣмъ могли пѣть о какой-нибудь изъ

другихъ встрѣчь: съ птицами клевучими, лютыми грачами — черными воронами — и это явилось поводомъ къ обособленію, подъ вліяніемъ былины съ эпизодомъ о *вѣщемъ ворономъ*: Дюкъ выѣхалъ, разстрѣлялъ всѣ стрѣлы, встрѣчаетъ ворона, который и указываетъ ему на шатеръ Ильи.

Еще новое измѣненіе былины явилось продуктомъ другого смѣшенія: въ началѣ пѣсни о выѣздѣ Дюка подробно говорится о его чудесныхъ *стрѣлахъ* съ орлиными перьями; это дало поводъ пѣвцу тотчасъ-же припомнить эпизодъ о *стрѣлѣ* Дюка и такимъ образомъ перенести его ближе къ запѣву, передъ просьбой къ матери. Перенесеніе было на-ново мотивировано — его охотой; желаніе Дюка — выѣхать является послѣ того совсѣмъ неожиданнымъ. У Рыбн. I, № 49 = № 152 еще ясны слѣды совершившейся спайки: Дюкъ ходитъ-гуляетъ по тихимъ заводямъ, бьетъ гусей-лебедей, растрѣлялъ всѣ стрѣлы, между ними три, которымъ онъ цѣны не вѣдаетъ: онѣ оперены орлинымъ перомъ, которое подбирали гости-корабельщики, покупали мужики индѣйскіе, приносили Дюкову батюшкѣ въ подарочки,

А онъ самъ убилъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ.

Съ тоя съ великія со радости

Пошелъ ко государинѣ родной матушки,

Онъ сталъ проситъ прощенья съ благословеньемъ и т. д.

Въ одномъ случаѣ (Гильф. № 20) мы видѣли, что съ эпизодомъ стрѣлбы, перенесенъ былъ къ началу пѣсни и эпизодъ съ грающимъ вѣщимъ ворономъ.

2) *Дюкъ въ Кіевѣ. Его похвала и состязаніе съ Чурилой.*

Мать заказываетъ Чурилѣ (Рыбн. I, № 47) не хвастать въ Кіевѣ

Имѣньцемъ спротскимъ, *богачествомъ*,

Не хвастай много *матушкой*;

либо Гильф. № 230:

Пофасташъ, Дюкъ, ты родной *матушкой*,

Пофасташъ, Дюкъ, да ты добрымъ *конемъ*,

Пофасташъ, Дюкъ, да *золотой казной*,
Пофасташъ, Дюкъ, да *платьемъ цвѣтнымъ*.

Я полагаю, что это указываетъ на дѣйствительную послѣдовательность настоящаго (хвастовство *богатствомъ: платьемъ, конемъ*) и слѣдующаго отдѣла (посольство въ царство Дюковой *матери*), который мы и отнесли въ конецъ, тѣмъ болѣе, что тѣ пересказы былины, въ которыхъ посольство является включеннымъ въ эпизодъ «состязанія», обнаруживаютъ, по моему мнѣнію, слѣды позднѣйшей вставки.

Почти вездѣ Дюкъ застаётъ Владимира въ церкви у обѣдни, откуда и идетъ къ нему на пирь; тѣ немногіе пересказы (Кир. III, № 2, стр. 103, Рыбн. IV, № 9, 10), гдѣ Дюкъ прямо приходитъ въ гридню, въ палату, опустили и его глумленіе на пути изъ церкви. — Владимиръ спрашиваетъ его, откуда онъ и кто такой? Отвѣтъ Дюка тотчасъ же вызываетъ сомнѣніе Чурилы въ его самозванствѣ; сомнѣніе ничѣмъ не мотивированное въ Рыбн. I, № 47, 48, 49 = Гильф. № 152 (сомнѣніе выражаютъ «князи да вси бояра», «да вся мелка чета»), Рыбн. II, № 30, III, № 31 (см. Чурилы — «молодой Шатенька, племянникъ княжескій»), Гильф. № 20 (гдѣ слова Чурилы приписаны Владимиру), 85, 159, но легко объяснимое изъ намековъ и другихъ пересказовъ. Мы уже знаемъ изъ Гильф. №№ 20, 213 и 230, что Дюкъ хочетъ отстоять «христосскую» заутреню дома и въ тотъ-же день поспѣть въ Кіевъ къ обѣдни; у Рыбн. I, № 47 онъ говоритъ на пути Ильѣ, что ѣдетъ ко Владимиру «ко ранняя обѣдни воскресенскія» (в. 170; сл. в. 270 и 282; сл. Рыбн. II, № 30, Гильф. № 115). На вопросъ Владимира онъ отвѣчаетъ:

Я есть изъ Инди богатя,
Молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ;
Отстоялъ дома ранняю заутреню,
И сюда пріѣхалъ ко обѣднѣ де

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. Гильф. №№ 9, 159).
Либо Владимиръ спрашиваетъ:

Ты откузѣнный, удалый-добрый молодець?
 «Есть я изъ Волинь-города изъ Галича,
 Изъ той Сорочины изъ широкія,
 Изъ той Пидѣи богатія,
 Изъ той Корелы упрямя»
 Давно-ли выѣхалъ изъ Волинь-города изъ Галича?
 «Я поѣхалъ въ полдень Страстныя субботы,
 А послѣлъ сюды къ заутренн Христоськія».
 А дороги-хъ у васъ такіе кони?
 «У насъ есть кони по три рубля и по шести рублей,
 А моему-то коню и смѣты пѣть»

(Рыбн. II, № 28: Чурила замѣненъ Алѣшей). У Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225 Дюкъ поспѣваетъ отъ вечерни въ Галичѣ къ заутрени въ Кіевѣ; дивятся этой его отвѣди князя и бояра:

«Кто бывалъ, братцы, кто слыхалъ,
 Много-ли отъ Кіева до Галича разстоянія?
 Говорятъ князя и бояра:
 «Прямимъ ходомъ на три мѣсяца,
 А окольней дорогой на шесть мѣсяцевъ,
 Были бы де кони перемѣнные,
 Съ коня на конь де перескакивать,
 Изъ сѣдла въ сѣдло переметивать».

И здѣсь Владимиръ освѣдомляется, дороги-ли кони въ Галичѣ: есть во всякую цѣну, отвѣчаетъ Дюкъ:

«А моему добру коню,
 Я и цѣны не знаю, бурушку не вѣдаю».
 Говорятъ тутъ князя и бояра:
 — Свѣтъ Государь, Владимиръ князь!
 Не бывать тутъ Дюку Степанову,
 Только быть мужиченку засельщичку
 И быть деревенщины:
 Жилъ у купца-гостя торговаго
 И укралъ у него платье цвѣтное;
 Жилъ у пного у боярина,
 Угналъ у боярина добра коня,
 На нашъ городъ пріѣхалъ, красуется,

Надъ тобой, надъ княземъ, надсмѣхается,
Надъ нами, боярами, пролыгается.

Такъ говорить въ другихъ пересказахъ и Чурила (Рыбн. III, № 31 = Шатенька), и въ этой связи его сомнѣніе понятно: изумительная быстрота, съ которой Дюкъ перенесся въ Кіевъ, кажется невѣроятной, заявленіе Дюка — ложью; Чурила попытается доказать это впоследствии, помѣрившись въ конскомъ бѣгѣ съ пріѣзжимъ богатыремъ, котораго считаетъ нахвальщикомъ.

Что роль Ильи-пособника въ судьбѣ Дюка чисто внѣшняя, созданная позднѣйшимъ развитіемъ былины, доказывается, для разобраннаго эпизода, его упоминаніемъ у Рыбн. II, № 30 (сл. I, № 47): отвѣчая Владимиру о себѣ, Дюкъ говоритъ, между прочимъ:

Послалъ меня изъ чиста поля старой казакъ Илья Муромецъ,
То-бы я не былъ и во Кіевѣ (?).

У Ефименка I. с. № IV, Дюкъ находитъ Илью — въ Кіевѣ, въ церкви; позванный княземъ на пиръ, онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ другими богатырями:

У нихъ кони скакомъ скачуть,
А у Дюка идетъ ступью бродовою.
Говоритъ Дюкъ: «У меня такія лошабочки водовозныя».
А говоритъ осударь Илья Муромецъ:
«Ты не хвастай Дюкъ Степановичъ!»

Но онъ повторяетъ ту же похвальбу и на пиру:

Есть-то у меня добрыхъ коней,
Добрыхъ коней наступчивыхъ.

Дюкъ уже нарушилъ однажды заповѣдь матери, похваставъ своимъ конемъ; Рыбн. II, № 29 развиваетъ мотивъ похвальбы — еще въ церкви: стоитъ Дюкъ на обѣднѣ,

И столько Богу не молится,
Сколько по церкви посматриваетъ,
И посматриваетъ, и самъ почамкиваетъ,
А на князя Владимира взглянетъ,
Только головой пошатаетъ,

На Апраксию королевичну взглянетъ,
И рукой махнетъ,

о чемъ Владимиръ и допрашиваетъ его позднѣе на пиру. — Либо Чурила улияетъ его въ томъ, что «все онъ, дѣтина, на платьѣ поглядываетъ» (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152, Гильф. № 159; сл. Рыбн. III, № 29, 31).

Обыкновенно похвальба продолжается на пути изъ церкви ко двору и палатамъ Владимира:

Онъ иде, молодой бояринъ, на сапожки поглядывать,
Поглядывать на сапожен, на шубку посматриваетъ.

.....
Говоритъ молодой бояринъ Дюжь Степановичъ:
«Ай же, молодой Чурилушка Пленковичъ!

У васъ все не по нашему:

Во той земли, богатой орды,

Во тоя Индѣи богатя,

Отъ Божьей церкви до палатъ бѣлокаменныхъ

Настланы мостики калиновы,

Разостланы сукна кармазинныя,

Не мараются сапожен сафьянныя во грязи черныя

(Рыбн. I, № 47; сл. ib. № 48, 49 = Гильф. № 152; II, № 30, Гильф. № 9, 20, 85, 159, 213, 225, 230). Другіе пересказы развиваютъ это подробнѣе:

У моей сударини у матушки

Мощены мосты были все дубовые,

Сверху стланы сукна багречевыя,

Напередъ пойдуть у насъ лопатники,

За лопатниками пойдуть метельщики,

Очищаютъ дорогу сукна стланого;

А твои мосты, сударь, неровные,

Неровные, всё сосновые.

.....
У моей сударини у матушки,

Надъ воротами было иконъ до семидесяти¹⁾,

¹⁾ Сл. соответствующую подробность въ былинахъ о Чурилѣ, выше стр. 90.

Всѣ иконы были на золотѣ,
А у тебя, Владимиръ, десятка нѣтъ.

.....
У моей сударьни у матушки
На дворѣ стоятъ *столбы* все серебряные,
Продернуты *кольца позолоченныя*,
Разоставлена *сыта медвяная*,
Есть насыпана *пшена бѣлоярая*,
Есть что добрымъ конямъ пить и кушати —
А у тебя, Владимиръ, того не случилось».

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225); Гильф. №. 230 добавляетъ:

Ты мой маленькой бурешко косматенкой!
Помрѣшь ты добрый конь да здѣсь съ голоду,
Какъ вѣдь брошено овсешка тебѣ заблого.
Во своемъ ты городѣ во Галичѣ,
У моей государьни у матушки,
Не хотѣлъ ѣсть пшена да бѣлоярова.

Сл. еще Рыбн. II, № 28, III, № 30, 31. — Описание чудесныхъ палатъ Дюковой матери — и Чурилиныхъ? — несомнѣнно повліяло на стилистическое развитие, какое получила похвальба Дюка на пути изъ церкви, равно какъ и слѣдующая — на пиру у Владимира. — Чурила по прежнему уличаетъ Дюка въ хвастовствѣ: когда тотъ оглядываетъ свои сапоги и шубку, онъ говоритъ:

Заподлинно есть холопина дворянская:
Онъ вѣкъ этихъ сапожекъ не держивалъ,
Онъ вѣкъ этой шубки не нашивалъ (Рыбн. I, № 47).

Ты убилъ купца либо боярина,
Снял-же тутъ сапожки да зеленъ сафьянъ,
Самъ-же ты сапожковъ знать не держивалъ,
Все-же на сапожки ты поглядывашъ.
А ударимъ-ко, бояринъ, во великъ залогъ
Ѣздить-то же намъ да е по три годы,
А по три годы-то намъ-же Ѣздить по три дни,
Въ каждый день да платица-ты смѣнными,
Чтобы конюшки у насъ да были смѣнными

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 глумится надъ Дюковымъ хвастовствомъ — не Чурила, а бояре и богатыри. Вызовъ Чурилы обыкновенно слѣдуетъ за третьей похвальбой Дюка — на пиру, гдѣ онъ продолжаетъ гнушаться и чваниться, откладывая верхнюю корочку колача (Кир. III, № 2, стр. 104), либо бросая его подъ столъ и выливая за окно чару: всё это у него дома лучше. Иногда похвальба растетъ: Дюкъ продолжаетъ говорить о своихъ богатствахъ, между прочимъ, о цвѣтныхъ платьяхъ (Рыбн. I, № 47; II, № 30) — можетъ быть, припомнившихся здѣсь пѣвцу въ связи съ слѣдующимъ далѣе вызовомъ Чурилы? Въ сущности, еще ранѣе того Дюкъ обратилъ на себя вниманіе своимъ щегольствомъ, чѣмъ и объясняется, что у Гильф. № 9 Чурила вызываетъ его на состязаніе уже на пути изъ церкви. — Вся сцена на пиру понята, какъ обычная въ русскихъ былинахъ похвальба «во полу-столѣ», и кое-гдѣ разработана въ чертахъ этого мотива: у Дюка дома — всѣ мѣдныя, крыши серебряныя. «Шломы, потоки золочоныя, — Шаряки самоцвѣтныя камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горять» (Гильф. № 20); у его матушки

Построены тридцать три терема златоверхіе,
И въ сѣни зайдешь во рѣшатчаты,
Въ други зайдешь частоберчатныя,
А въ третью зайдешь въ стекольчатныя¹⁾;
Въ теремы зайдешь златоверхіе:
На небѣ солнце — и въ теремѣ солнце,
На небѣ зори — и въ теремѣ зори,
Все-то въ терему по небесному (Рыбн. III, № 31).

Взойдешь на нашъ широкій дворъ,
По нашему широку двору
Разостланы сукна одиночныя,
Нашъ любимые конюхи
По этимъ по сукнамъ катаются,
Въ кости, въ зернь, въ шашечки поигрываютъ.

¹⁾ См. тоже въ былинахъ о Чурилѣ, выше, стр. 86—7, 90.

Зайдешь во гридню во столовую,
 Всѣ окошечки скутаны,
 Вклады въ стѣны камни драгоцѣнные,
 Видно молодца станомъ, лицомъ, возрастомъ

(Рыбн. II, № 28; сл. III, № 30, Гильф. № 115). Все это хвастовство привязывается къ гнушенію — яствами и напитками княжескаго стола.

Не перебирая всѣхъ пересказовъ этой сцены остановимся на одномъ изъ пространныхъ, Рыбн. II, № 30: у Владимира «столованье, почестный пиръ»;

Какъ тутъ всѣ на пиру напивалися,
 Какъ всѣ на пиру наѣдалися,
 Похвальбами всѣ похвалялися.
 Кто чѣмъ хвастаетъ, кто чѣмъ похваляется:
 Иной хвастаетъ безсчетной золотой казной,
 Иной хвастаетъ силой-удачей молодецкою,
 Цной хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Иной хвастаетъ славнымъ отечествомъ,
 Иной молодымъ молодечествомъ,
 Умной и разумной хвастаетъ
 Старымъ батюшкой и старой матушкой,
 А безумной дуракъ хвастаетъ молодой женой.
 Молодой бояринъ сидитъ — да нпчѣмъ онъ не хвастаетъ;
 Потому онъ не хвастаетъ,
 Что чару пьетъ, — а другу за окошко льетъ,
 Колачикъ ѣстъ, — а другой подъ столъ мечетъ,
 А съ нпаго верхнюю корочку вырѣжетъ — на столъ кладетъ,
 Середочку самъ онъ съѣстъ,
 А нижнюю корочку подъ столъ кинетъ.

На вопросъ Владимира, почему онъ такъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ:

«Не могу я ѣсть вашихъ колачнковъ,
 Не могу я пить вашихъ напитокочекъ сладкихъ,
 Потому что ваши напитокочки сладкіе, меды да стоялые
 Повѣшены во погреба глубокіе,
 Туда не ходятъ вольные воздуха, —

Они тамъ затхнулися:
 Потому и не могу я пить вашихъ сладкихъ напитокочковъ.
 А у васъ еще печки кирпичныя, помяльца сосновыя,
 Пашутъ печки кирпичныя,
 Пекутъ колачки крупичаты, —
 Они пахнутъ на фой сосновую:
 Для того я не могу ѣсть и колачиковъ.

Иное дѣло у его матери:

«Есть у насъ печки муравлены,
 Помяльчники шелковыя,
 купаютъ въ росу медовую,
 Пашутъ печки муравлены,
 Пекутъ колачки крупичатые:
 Колачикъ съѣшь — другаго хочется,
 Другой-то съѣшь, — по третьемъ душа горитъ.
 Эта похвальба, да не похвальба:
 Какъ водочки сладкія, меду стоялые
 Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
 Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныхъ,
 Туда подведены вѣтры буйныя;
 Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ,
 Пойдутъ какъ воздуха по погребамъ,
 И загогочутъ бочки какъ лебеди,
 Какъ лебеди на тихихъ заводяхъ:
 Такъ отъ того не затхнутъ водочки сладкія
 И меду стоялые;
 Какъ чару пьешь — другой хочется,
 Другую пьешь, — по третьей душа горитъ».
 Тутъ какъ говоритъ солнышко Владимиръ князь:
 «Ай какъ-бы на это на пору на времячко
 Былъ-бы молодой Чурила сынъ Шенковичъ,
 Онъ-бы зналъ, что съ тобою поговорить!».

Какъ разъ является Чурила, всѣмъ ведетъ поклонъ по писаному,
 по ученому, одному лишь Дюку «не клонить буйныя головы».
 Дюкъ упрекаетъ его за это невѣжество, пошло у нихъ «слово
 за слово»:

Ай-же ты, молодой Чурило сынъ Пленковичъ!

Можешь-ли ты со мною споровать?

Ты передо мною пастушина деревенская.

Въ той-то землѣ, во богатой орды,

Въ той Корелы богатыя

.....
У насъ какъ цвѣтны платья не держатся:

Потому жъ оны не держатся,

Что шведы у насъ не выводятся:

Та толпа шведовъ со двора сошла,

А другая толпа шведовъ да на дворъ пришла ¹⁾.

Это хвальба, да не похвальба:

Есть нѣсколько лошадей — стоять на стойлахъ лошадиныхъ,

Всѣ зоблютъ пшеницу бѣлоярову,

Только высочать на чисто поле прогуляться.

Это хвальба, да не похвальба:

Есть насыпано двѣнадцать погребовъ, все глубокѣихъ,

Краснаго золота, чистаго серебра, мелкаго скачнаго жемчуга;

На одинъ я на погребъ, — на красное на золото,

Скуплю и спродамъ вашъ городъ Кіевъ. ²⁾

Тутъ солнышку князю рѣчи не прилюбился:

«Какого намъ послать обчѣнщика,

Обчѣнить животы все Дюковы?».

О такомъ-же невѣжествѣ Чурилы на пиру говорить в Рыбн. III, № 31, послѣ чего Дюкъ также хвастаетъ:

Вамъ въ городѣ Кіевѣ гостинный рядъ продать,

Гербовой бумаги купить, а моего живота не описать.

И здѣсь, какъ у Рыбн. II, № 30, Владимиръ рѣшаетъ послать обчѣнщиковъ «описать имѣніе Дюка Степановича», и рассказомъ

¹⁾ См. ту-же подробность о «швецахъ» и далѣе у Рыбн. I, № 47, ст. 397 слѣд.

²⁾ См. Гильф. № 230:

Да а й ты Чурило сухоногое,

Сухоногое Чурило, грабоногое!

Я своимъ имѣньцемъ-богачествомъ

Да и вашъ-отъ весь я столень Кіевъ градъ

Я продамъ имѣньемъ да и выкуплю.

о томъ кончается былина, тогда какъ Рыбн. II, № 30 заставляетъ Чурилу уже послѣ оцѣнки состязаться съ Дюкомъ — платьями и конями. Уже а priori такая послѣдовательность представляется нелогичной: во всѣхъ пересказахъ быliny Владимиръ убѣждается, что богатства Дюка неоцѣнимы; вызовъ Чурилы послѣ того просто необъяснимъ. Настоящій планъ выяснился намъ отчасти изъ всего хода пѣсни: тотчасъ по приѣздѣ въ Кіевъ Дюкъ хвастаетъ своимъ конемъ; на пути изъ церкви охарашивается, поглядывая на свое платье, сапожки и шубу; на пиру кичится богатствомъ; Рыбн. II, № 30 собралъ всѣ эти моменты похвалы въ сценѣ на пиру: Дюкъ хвалится цвѣтными платьями, конями, казной. — Соображая всѣ имѣвшіеся у меня пересказы быliny легко прійти къ заключенію, что первоначальная послѣдовательность могла быть такая: за похвалой на пиру и вызовомъ Чурилы слѣдовало а) испытаніе щегольства, Чурила и Дюкъ одѣваются въ запуски другъ передъ другомъ; одежду Чурилу приноситъ изъ Индіи (Корелы и т. д.) его конь; б) скачка; в) посольство въ царство Дюка и оцѣнка его богатства.

Такой распорядокъ представляетъ Рыбн. I, №№ 48, 49 (= Гильф. № 152), Гильф. 85, 159. Не идутъ въ сравненіе пересказы, сохранившіе лишь нѣкоторые изъ намѣченныхъ мною моментовъ (а в с) пѣсни, такъ какъ для нихъ трудно установить, въ какомъ именно мѣстѣ совершилось выпаденіе того или другаго эпизода. Таковы пересказы у Кир. III, № 2, стр. 101 слѣд., Гильф. № 180, Рыбн. III, № 31 (с); Гильф. № 128 (б); Рыбн. IV, № 9 (а в). — Рѣшающимъ является Гильф. № 9: Дюкъ хвастаетъ на пути изъ церкви и на пиру; Чурила вызываетъ его (на пути изъ церкви) — ѣздитъ съ нимъ въ теченіи трехъ лѣтъ по Кіеву въ смѣнныхъ платьяхъ и на смѣнныхъ коняхъ. — Дюкъ посылаетъ въ Индію ко своей матери коня — за платьемъ; только что привезли его, какъ Владимиръ снова шлетъ въ Дюково царство оцѣнщиковъ — между прочимъ, Добрыню; когда они вернулись, оказывается, что Дюкъ и Чурила уже три года и три дня ѣздили и щеголяли другъ передъ другомъ

въ запуски; остался еще день, который былина и наполняетъ разсказомъ, обычнымъ для *a* (щеголянье) и *b* (скачка). — Не менѣе характеренъ для генеалогіи былинъ Рыбн. II, № 29 (сл. Барсовъ, I. с.): здѣсь за похвалъбой и вызовомъ слѣдуетъ посольство въ Индію, ради оцѣнки и — за платьемъ Дюковымъ, послѣ чего уже идетъ *a* и *b*; у Рыбн. II, № 28 за посольствомъ Добрыни (для оцѣнки «животовъ») также идетъ *ab*, но за платьемъ Дюка коню приходится бѣжать въ Индію; у Рыбн. II, № 30 порядокъ такой: посольство Добрыни; Дюкъ шлетъ своей матери «письмы строгія» — прислать ему платья и коней; у Гильф. № 213: скачка, посольство; Дюкъ посылаетъ коня за платьемъ. Эти примѣры уясняютъ намъ поводъ, по которому мотивъ посольства = *c* былъ перенесенъ изъ конца быliny въ непосредственное сосѣдство съ вызовомъ: Чурила вызывалъ Дюка пощеголять съ нимъ въ запуски въ перемѣнныхъ платьяхъ, Дюкъ посылалъ за ними въ Индію — коня (Рыбн. I, №№ 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28; Гильф. № 9, 85, 189, 213); этотъ эпизодъ напомнилъ другое посольство, также въ Индію, но для оцѣнки Дюкова живота; посломъ, либо въ числѣ другихъ, является, обычно, Добрыня. Оба эпизода были сближены (Гильф. № 9, Рыбн. II, № 28), либо смѣшаны (Рыбн. II, № 29), — и, наконецъ, посольство оцѣнщиковъ (*c*) и совсѣмъ вторглось на мѣсто разсказа о посылкѣ за платьемъ и получился распорядокъ: *cab* (Рыбн. IV, № 10); либо путемъ дальнѣйшаго искаженія: *acb* (Рыбн. III, № 29, Ефименко, № IX, Гильф. № 225), *bca* (Гильф. № 213; такъ, вѣроятно, и въ недопѣтой былинѣ Рыбн. III, № 30). Гильф. № 230 (*cab*) представляетъ, сходно въ этомъ случаѣ съ Гильф. №№ 20 и 213, ту новую черту, что Дюка, до возвращенія оцѣнщиковъ, Владимиръ садитъ «во глубокъ погребъ». Такъ у Гильф. № 159 («И не спустили тутъ Дюка Степановича — Съѣздить за платьемъ за цвѣтнымъ») и Ефименка I. с. № IV (Нѣтъ ни вызова, ни щапленья, ни скачки, а за похвалъбой — посольство въ Дюково царство).

Прежде чѣмъ обратиться къ изложенію эпизодовъ щеголянья

и скачки, посмотримъ, чѣмъ сказалося въ этомъ отдѣлѣ былинныя пособничество Ильи. У Рыбн. II, № 28, когда Владимиръ рѣшилъ послать оцѣнщиковъ въ Дюково царство, Дюкъ стрѣляетъ и на стрѣлѣ шлетъ «ярлыки» ко Илью Муромцу, всё еще стоящему въ шатрѣ. По вызову Ильи Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ; и Дюкъ проситъ быть его оцѣнщикомъ въ Индіи. Позднѣе, когда Дюкъ перещапилъ Алѣшу (= Чурилу) и хочетъ снести ему голову (закладъ о головѣ), Илью вызываютъ изъ чиста поля, и онъ проситъ Дюка пощадить соперника. — Въ № 30 *ibid.* Илья впервые является изъ поля въ эпизодѣ скачки и говоритъ Чурилѣ, побившемуся съ Дюкомъ о головѣ:

Вѣрно, надоѣла тебѣ жизнь на семь на бѣломъ свѣту?
Хоть-бы не перескочилъ конь у молода боярина,
У молода боярина у Дюка Степановича,
Черезъ матушку Нѣпру рѣку,
Даль-ли я вамъ отсѣчь буйну голову молодому боярину,
Когда я засматривалъ ровно три года во каждый день?

(т. е. имѣлъ о немъ попеченіе). Лишь у Рыбн. III, № 29 (сл. Ефименко, № IV) Илья, вызванный Дюкомъ (ярлыки на стрѣлѣ), идетъ за него поручителемъ (вмѣстѣ съ голями кабацкими, явившимися, очевидно, по слѣдамъ Ильи, но выступающими въ той-же роли и у Рыбн. I, № 28, Гильф. № 225, 230) въ его закладъ съ Чурилой — вмѣсто владыки Черниговскаго (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Гильф. № 9, 159), знакомаго въ этомъ значеніи изъ пѣсенъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ. У Барсова, I. с., за Дюка ручается вмѣстѣ съ Ильей и Добрыня. — Роль пособника, очевидно, не выдержанная и поздняя, вызванная центральнымъ положеніемъ Ильи въ «кіевскомъ», не «южно-русскомъ» эпосѣ — въ томъ болѣе широкомъ значеніи этого слова, какое вообще имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе. — Именно внѣшній характеръ связи Дюка съ Ильей (и Владимиромъ) представляется мнѣ яснымъ признакомъ «присталости» Дюка къ кіевскому циклу.

Обратимся, въ порядкѣ, нами установленномъ, къ эпизоду «щипленія» Дюка и Чурилы.

Стали они ѣздить-то день за день,
 День за день и още годъ за годъ,
 Проѣздили поры-времени по три году,
 Послѣдній день поѣхали къ заутрени Христосьскія.
 Молодой Чурилушка Пленковичъ
 Надѣлъ-то онъ одежицу драгоцѣнную:
 Строчечка одна строчена чистымъ серебромъ,
 Другая строчена краснымъ золотомъ;
 Въ пуговики воплетано по доброму по молодцу,
 Въ петелки воплетано по красной по дѣвушкамъ:
 Какъ застенутся, такъ обоймутся,
 А разстенутся, и поцѣлуются.
 Поглянулъ Владиміръ на праву руку
 На молода Чурилушку на Пленкова,
 Говорилъ-то Владиміръ такovy слова:
 «Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Прозакладалъ все свое имѣніе богатество».

Дюкъ выступаетъ въ точно такой-же одеждѣ, но у него на головѣ еще и «шляпонька»:

Спереду такъ введено красно солнышко,
 И сзади введенъ свѣтѣлъ мѣсяцъ,
 А на верховницѣ шляпы быдто жаръ горить.
 Говорить ему тихій Дунаюшка Ивановичъ:
 «Ты Владиміръ князь, стольно-Кіевскій!
 Посмотри-тко теперъ на лѣву руку:
 Молодой Чурилушко Опленковичъ
 Прозакладалъ свою буйну головушку (Рибн. I, № 48).

Такъ и у Гильф. № 85, съ новой подробностью: Чурила повелъ плеткой по бѣлой груди:

Еще петелки-ты свищутъ по солосьему,
 А й то пуговики кричать-то по звѣриному;

повелъ Дюкъ, и отъ посвисту соловьяго и покpикy звѣринаго народъ сталъ падать на кирпичный полъ.

Иначе у Рыби. I, № 49 = Гильф. № 152 (сл. Гильф. № 159): въ церкви Чурила стоитъ на правомъ крылосѣ, Дюкъ на лѣвомъ.

Какъ тотъ Чурилушко Пленковичъ
Онъ сталъ плеточкой по пуговкамъ поваживать,
Онъ сталъ пуговку о пуговку позванивать:
Какъ отъ пуговки было до пуговки
Плыветь змище-Горинчище.
Тутъ всё въ церкви приужаснулись.

Дюкъ также начинаетъ поваживать по пуговкамъ:

Вдругъ зашипъ птицы пѣвучицъ,
Закричали звѣрки всё рыкуцицъ:
А тутъ все во церкви да о зень пали,
О зень пали, а иные обмерли.
Говоритъ Владиміръ стольно-Кіевскій:
«Ахъ ты молодой бояринъ, Дюкъ Степановичъ,
Приуйми-тка птицы ты клевуцицъ,
Призавлицъ-ка ты звѣрей тыхъ рыкуцицъхъ,
Оставь людей намъ хоть на сѣмена».

Но Дюкъ унимается лишь по просьбѣ своего «крестоваго батюшки», а самъ говоритъ Владимиру:

Ахъ ты солнышко, Владиміръ стольно-Кіевскій!
Намъ которому съ Чурилою голова рубить?

Оба мотива соединены въ пространной былинѣ у Рыби. II, № 30:

Обуваль Чурила сынъ Пленковичъ сапожки-зеленъ сафьянъ,
Прижечки серебряны на тыхъ гвоздочкахъ позолоченыхъ,
Надѣваль шубу черныхъ соболей заморскихъ;
Во пуговки-то было влито по доброму молодцу,
А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
По петелкамъ какъ поведеть,
Такъ красны дѣвушки наливають зелена вина
И подносятъ добрымъ молодцамъ;

А по пуговкамъ поведеть,
 Добрые молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяють красныхъ дѣвухъ.
 А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Обуваль лапотцы семи шелковъ;
 Въ носы-то влетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
 А въ пяти-тѣ влетено по камешечку самоцвѣтному:
 Днемъ итти — какъ по красному солнышку,
 Ночью итти — какъ по свѣтлому мѣсяцу;
 Надѣваль онъ шапочку со рогавками:
 У шапочки висятъ камешечки самоцвѣтные,
 Отъ камешечковъ печеть какъ отъ краснаго отъ солнышка ¹⁾;
 Надѣваль какъ шубу черныхъ соболей,
 Черныхъ соболей заморскихъ,
 Подъ дорогимъ подъ самитомъ,
 Во петелки-то было влетено по лютой змѣи,
 Во пугови-то было влито по лютому звѣрю:
 По петелкамъ какъ поведеть, —
 Такъ всѣ змѣи засвищутъ во всю голову,
 По пуговкамъ какъ поведеть, —
 Тутъ всѣ люты звѣрѣя закрывчатъ во всю голову:
 Отъ ихъ свисту змѣинаго и крику звѣринаго,
 Хоть сколько будь народу около Дюка Степановича,
 Такъ всѣ будутъ на землѣ лежать.

Сл. Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225; Рыбн. IV, № 10 (у Чурилы въ пуговкахъ молодцы и дѣвицы, у Дюка звѣри и змѣи), Рыбн. IV, № 9 (отъ Дюковыхъ пуговицъ «стукъ да гремъ»); Гильф. № 9 (у Чурилы отъ пуговики до пуговики «пошли враны, стали прогуркивать», а отъ петелки до петелки «поплыла змѣя, стала просвистывать»; у Чурилы въ первомъ случаѣ «птицущки пѣвучіи», во второмъ «звѣрюшки крыкучіи»). Сл. еще Гильф. № 230. — Въ одной кипрской майской пѣснѣ (Сакелларій № 22) сынъ проситъ мать подать ему шляпу о тридцати углахъ, съ тридцатью верхами и тридцатью верхушками, вокругъ сидятъ птички, посреди — голуби. «Голуби, голуби,

¹⁾ Сл. Рыбн. II, № 28, в. 430 слѣд.

понесите меня, чтобы мнѣ увидѣть дядю своего — что аию розу, отца — что мѣсяць».

Καὶ φόρησ' μου τὴν σκούφιάν μου τὴν τρανταμασσορένην,
ὅπου ἔχει τρᾶντα μάσσορους καὶ τρᾶντα μασσορούδια,
καὶ γύρου γύρου τὰ πουλιὰ καὶ μέσα τὰ πεζούνια.

Πεζούνιά μου, πεζούνιά μου, πετάξετέ με πέρα,
νὰ ἴδῃ τὸν θεῖόν μου ῥοδινόν, τὸν κῆρὶν μου φεγγάριν и т. д.

Щапленье въ церкви пуговками и петелками — послѣднее состязаніе въ щегольствѣ изъ многихъ ему предшествовавшихъ: по смыслу вызова Чурилы, онъ и его противникъ должны были въ теченіи извѣстнаго времени являться въ «смѣнныхъ», «пере-мѣнныхъ» платьяхъ (Рыбн. I, 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30; IV, № 9, 10; Гильф. №№ 9, 85, 159, 225, 230) — и на смѣнныхъ коняхъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, 30; IV, № 9; Гильф. №№ 9, 159). На послѣднее требованіе былины. отвѣтили различно: у Чурилы коней — цѣлое стадо,

А тотъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Пораньше поутру повыстанеть,
Бурка въ росы онъ повыкатаеть,
На бурки-то шерсть пережвнится

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; то-же у Гильф. № 9, 159).— У Рыбн. II, № 30 мать Дюка посылаетъ ему пережвннаго платья и «добрыхъ коней стады — стадами, шерстью разною». — Иногда ѣзда по городу Дюка и Чурилы выражается предложеніемъ Владимира Дюку прогуляться съ его князьями, боярами и могучими богатырями (Гильф. № 213). Владимиръ, очевидно, поставленъ здѣсь вмѣсто Чурилы, какъ у Рыбн. III въ № 30, замѣнившемъ Чурилу — Владимиромъ (въ эпизодѣ вызова) и Алешей Поповичемъ (въ сценѣ скачки) и обратившемъ гулянье на коняхъ въ какое-то рыцарское «штурмованье». Вліяніе лубочной сказки, съ подробностями западнаго турнира, несомнѣнно въ слѣдующей сценѣ: Владимиръ говорить Дюку:

«Не угодно-ли тебѣ съѣздить во чисто поле,
Съ нашими богатырями силы поотвѣдати?»

Дюкъ Степановичъ отвѣтъ держитъ:

«Я още витязь молодой,
Съ вашима богатырями незнакомый,
Чтобы ваши богатыри меня не обидѣли».
И тутъ съѣхалось на княжой дворъ
Сильныхъ могучихъ богатырей:
Въ первыхъ старый Донской казакъ Илья Муромецъ,
А во вторыхъ Добрынюшка Никитьевичъ,
А третій Олешинька Поповичъ,
Четвертой Михайло Долгомѣровичъ,
Пятой Василий Буслаевичъ,
Шестой Чурилушка Щапенковичъ,
Седьмой Иванъ сынъ Годиновичъ.

Какъ видно — сборъ богатырей случайный, для фона, на которомъ тѣмъ ярче выйдетъ богатырство Дюка — въ общемъ хорѣ русскаго эпоса нигдѣ не являющагося богатыремъ. Приемъ, напоминающій, *si licet parva comperere magnis*, подобные-же искусственные сборы богатырей въ *Rosengarten*'ѣ и *pidreksaga*'ѣ.

Съ богатырями ѣдетъ и Владимиръ,

Посмотрѣть на дѣло ратное, на побойще смертное.
Не ясны соколы по полю летаютъ,
А сильныя могучи богатыри разъѣзжаютъ.
И тутъ ѣдетъ молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ:
Онъ бурушка подправливаетъ,
Косматаго понуживаетъ,
И столько видать, что въ полѣ кудельба стоитъ,
А Дюковъ конь какъ стрѣла летитъ.
Не два ясныхъ сокола слетается,
А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжается:
Михайла Долгомѣровичъ ѣдетъ, какъ звѣрь реветъ,
А Дюкъ Степановичъ стрѣлой летитъ,
И оборачиваетъ конье тупымъ концомъ,
И ударилъ Михайлу Долгомѣрова во бѣлую грудь, —
И Михайла вылетѣлъ изъ сѣдла
И палъ на землю, что овсяный снопокъ.

И подѣхалъ тутъ Дюкъ ко князю Владимиру,
 Бьетъ челомъ, главу свою поклоняетъ,
 И князь его выхваляетъ.
 Тутъ ѣхать-ли не ѣхать Василью Буславьевичу.
 Тутъ не два орла слетаются,
 А два сильныхъ могучихъ богатыря съѣзжаются:
 Василій Буславьевъ съ Дюкомъ сражаются;
 Другъ друга они ударяютъ,
 У нихъ копы изъ рукъ выпадаютъ;
 И другой разъ разѣзжаются,
 У Дюка сердце разгоряется,
 А Василій на Дюка разъяряется,
 А Дюкъ ударилъ Василья по буйной головы,
 И тутъ палъ-то Василій о сыру землю.
 И тутъ-то Дюкъ разѣзжается,
 А Иванъ-то Годиновичъ похваляется,
 Съ княземъ Владимиромъ прощается и съ богатырями;
 И тутъ-то онъ разѣзжается,
 И съ Дюкомъ-то онъ сражается, —
 Дюку-то онъ покоряется.
 И мирно поѣхали они ко городу ко Киеву.
 И говорить Олешинька Поповичъ:
 «Ужъ ты, молодой боярской сынъ Дюкъ Степановичъ,
 Мы поѣдемъ-ко черезъ Нѣпру рѣку скакать».

Скачкой черезъ рѣку кончается въ былинахъ гулянье на коняхъ, какъ сценой въ церкви шапленье въ запуски Дюка и Чурилы. Скачутъ черезъ Днѣпръ или Пучай рѣку; Дюкъ обращается къ своему коню, падаетъ ему «на стену на лошадиную», просить помочь ему.

Произничлѣ ему добрый конь языкомъ человѣческимъ:
 «Не убойся-тво страха, Дюкъ Степановичъ,
 Бейся съ нимъ въ великъ закладъ:
 Перенесу я черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На своихъ на подложныхъ крылахъ лошадиныхъ,
 Не уступлю я братьямъ большимъ,
 А не столько что братцу меньшему:
 Мой большій братъ у Ильи у Муромца,

А середній братъ у Добрыни Миептинца,
 А я третій братъ у Дюка Степановича,
 А четвертый ужъ братъ у Чурилы Опленкова».

Богатыри скачуть:

Молодой Дюкъ Степановичъ, княженецкій сынъ,
 Скочилъ черезъ матушку Нѣпру рѣку
 На добромъ конѣ на богатырскомъ
 За дѣлнй за помахъ лошадиннй
 И за дѣлюю за версту за мѣрную;
 И зглянулъ онъ на правую на ручушку,
 Какъ нѣтъ подлѣ него товарища,
 Молода Чурилушки Опленкова:
 Чурла-то Пленковичъ посередѣ Нѣпры приогрюшился
 Съ добрымъ конемъ со богатырскимъ.
 Молодой Дюкъ Степановичъ скорешенько поворотъ держалъ,
 Черезъ матушку Нѣпру рѣку повискочилъ
 И Чурилушку Опленкова за желты кудри повытащилъ
 Изъ матушки изъ Нѣпры рѣки,
 И посадилъ того Чурилу на крутой берегъ,
 И говорилъ онъ Чурилы таковы слова:
 «Ай-же ты, Чурилушка Пленковичъ!
 Не твое-то дѣло есть охвастати,
 Да не твое дѣло бити о великѣ закладъ,
 А твое дѣло столько ходить тобѣ по Кіеву,
 По Кіеву ходить тебѣ за бабами».

(Рыбн. I, № 48). Почти также передается этотъ эпизодъ и въ другихъ пересказахъ: просьба коню встрѣчается еще у Гильф. № 85 (конь Чурилы — меньшій братъ, у него одно крыло под-кожное, у Дюкова два, у Ильина — три), 128, Рыбн. II, № 30 («Ежели не перескочишь черезъ Матушку Нѣпру рѣку, — То поѣду я искать своего братца крестоваго, — Стараго казака Илью Муромца»). Вездѣ Дюкъ вытаскиваетъ изъ воды упавшаго Чурилу, которому иногда собирается рубить голову (Рыбн. II, № 30, III, № 29; Гильф. № 9, 159, 225; сл. Рыбн. IV, 10), но за него просятъ «Старыя старухи, молодыя молодухи — И красныя дѣвушки» (Рыбн. II, № 30), либо князь со княгинею (ib. III,

№ 29; сл. Гильф. № 9, 159, 225), либо «просили его городами Кіевомъ и Черниговомъ простить» (Рыбн. IV, № 10) — и онъ отпускаетъ его. Презрительнымъ обращеніемъ къ Чурилѣ, которому пристало возиться съ дѣвками и бабами, а не хвастать, обыкновенно кончается этотъ эпизодъ пѣсни (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, 30, III, № 29, IV, № 10; Гильф. № 9, 85, 128, 159, 225). Особо стоитъ Рыбн. II, № 29: скачки нѣтъ, щепятъ платьями; побѣдивъ Чурилу, Дюкъ ухватилъ его

И съ конемъ въ карманъ посадилъ.

И на этотъ разъ онъ отпускаетъ его по общей просьбѣ. Очевидно воспоминаніе объ Ильѣ, посаженномъ въ карманъ женой Святогора, о Добрынѣ — въ карманѣ у поляницы. Можетъ быть, такимъ-же воспоминаніемъ (сл. въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ эпизодъ о «сумочкахъ») отзывается развязка у Ефименка, 1. с., № IX: Дюкъ предлагаетъ Ильѣ и Добрынѣ скакать черезъ рѣку; ему это удастся, они не въ силахъ,

Тутъ де они и ушлился.

3) *Послы Владимира въ царствѣ Дюковой матери.*

Послы ѣдутъ:

Подѣхали подѣ Индию подѣ богатую,
 Повыстали на гору на высокую,
 Увидили Индию тую богатую,
 Самы говорятъ да таково слово:
 «Знать, что молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
 Онъ послалъ, знать, туды вѣсточку на родину,
 Чтобъ зажгали Индию ту богатую:
 Ай, горить Индия та богатая!»
 Какъ подѣхали они поближе де:
 У нихъ врышечки въ домахъ золоченны,
 У нихъ маковки на цервахъ самоцвѣтныя,
 Мостовыя рудожелтыми песочками призащипаны и т. д.

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; сл. ib. № 159). Или:

Усмотрѣли тутъ Индѣю да богатую,
 Усмотрѣли тутъ Борелу да проклятую,
 Вся Индѣя что-ли насъ да перепаласи,
 Вся Индѣя вдругъ да загорѣласи!

.....

Думали Индѣя перепаласи,
 Ажно ихъ Индѣя не спугаласи:
 Вся Индѣя тутъ стоитъ да у нихъ въ золоти

(Гильф. № 9; сл. еще № 85).

Только у Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд. и въ подновленномъ прозаическомъ пересказѣ у Рыбн. I, № 50 самъ Владимиръ ѣдетъ въ царство Дюка, чтобы удостовѣриться, на сколько вѣрна его похвальба богатствомъ. Во всѣхъ другихъ пересказахъ идутъ туда послы-оцѣнщики, всего чаще *Добрыня* (Рыбн. I, № 48: Дунай, Василий Казимировичъ, Алеша Поповичъ; № 49: *Добрыня* и Илья = Гильф. № 152, 159; Рыбн. II, № 28, 29, 30, III, № 29, 30, 31, Гильф. № 225, 230, Барсовъ, I. с.: *Добрыня*; Гильф. № 9: *Добрыня*, Пóтыкъ, Алеша; № 85: двѣнадцать богатырей, съ ними Дюкъ; № 180: Чурила и Алеша; № 213: «оцѣнщики»; № 20: мастера молодые», «писаря ученые»; Ефименко I. с. № IV: Михайлушко Петровичъ съ Алешей; № IX: Алеша и Илья). — Посольство описывается въ началѣ, какъ рядъ иллюзій и неожиданныхъ разубѣжденій: на первыхъ же порахъ Владимиръ или его послы видятъ такое богатство, что невольно поражены — а между тѣмъ до Дюка еще далеко, и встрѣтились пока лишь его служилые люди.

И пріѣхали они на пашню къ нему,
 Ко тѣмъ крестьянскимъ дворамъ;
 И тутъ у Дюка стряпчій былъ,
 Припасъ про князя Владимира почестный столъ

.....

И будетъ день въ половину дня,
 И будетъ столъ во полу-столъ,
 Владимиръ князь полсыта наѣдается,
 Полъбяна наппвается,

Говорилъ онъ тутъ Дюку Степанову:
 «Каково про тебя сказывали,
 Таковъ ты и есть».
 Покушавши, ласковой Владимиръ князь
 Велѣлъ домъ его переписывать,
 И былъ въ томъ дому сутки четверо:
 А и домъ его крестьянскій переписывали —
 Бумаги не стало. То оттеця Дюкъ Степановичъ
 Повелъ князя Владимира
 Со всеми гостями и со всеми людьми
 Ко своей сударинѣ *матушкѣ*.

И здѣсь, во полу-столѣ, Владимиръ отказывается отъ оцѣнки:

Хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать,
 Да отложилъ все печали на радости

(Кир. III, № 2, стр. 104 слѣд.).

Другіе пересказы умножаютъ встрѣчи Владимировыхъ пословъ до послѣдней — съ матерью. Число ихъ въ цѣльныхъ былинахъ (Гильф. № 180 не кончена) колеблется: ихъ *два* (Гильф. № 213, Ефименко № IX: *портмойница*, мать), *три* (Гильф. № 152: *портмойница*, калачница, матушка; такъ, вѣроятно, и въ тождественномъ пересказѣ у Рыбн. I, № 49 и у Гильф. № 159, гдѣ при первомъ опредѣленіи, несомнѣнно, пропускъ: я не Дюкова матушка; Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230: колачница, бажатушка, матушка; Гильф. № 225: *портмойницы*, бажатушка, матушка; Ефименко № IV: служаночки, *портмойницы*, матушка), *четыре* (Рыбн. I, № 48: *рукомойница*, *портмойница*, *стольница*, матушка; Рыбн. II, № 29: работница, *портмойница*, нянюшка, матушка; Рыбн. III, № 31: коровница, хлѣбница: «я на Дюка хлѣбы пеку», наложница, матушка; Гильф. № 85: *рукомойница*, *судомойница*, *стольница*, матушка; Барсовъ I. с.: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, матушка), *пять* (Рыбн. II, № 28: *портмойница*, *постельница*, *стольница*, чашница, матушка; Рыбн. II, № 30: халуйница, *рукомойница*, *постельница*, *колашница*, матушка) и *шесть* (Гильф. № 9: коровницы, *портмой-*

ницы, постельницы, колачницы, горничны, матушка). — Любовь къ трючности, обнаруживаемая русской народной поэзіей, даетъ право предположить, что первоначально встрѣчь было *три*: мать являлась послѣдней, первой, можетъ быть, портомойница, встрѣчающаяся на этомъ мѣстѣ въ восьми пересказахъ (Гильф. № 152 = Рыбн. I, № 49; Гильф. № 159, 180, 213, 225; Рыбн. II, № 28, Барсовъ I. с., Ефименко № IX; отсюда уже: рукомойница, судомойница); за тѣмъ нѣкоторую устойчивость на второмъ мѣстѣ обнаруживаетъ *божатушка* (Рыбн. III, № 29, Гильф. №№ 225 и 230) ¹⁾.

Встрѣчи описываются либо такъ, что послы находятъ Дюкову мать и ея прислужницъ сидящими каждая въ отдѣльныхъ покояхъ (Рыбн. I, № 48, Гильф. № 85), либо шествующими изъ церкви (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 9); въ большинствѣ пересказовъ (Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, №№ 28, 29; III, № 29, 31; Гильф. № 159, 213, 225, 230) первыя встрѣчи совершаются въ покояхъ, и лишь мать Дюка объявляется на пути отъ обѣдни. — Добрыня

доспросился Дюковыхъ палатъ бѣлокаменныхъ,
 И идетъ въ его теремъ златоверховатнй.
 И точно, правду хвастала Дюкъ Степановичъ:
 На небѣ сонце, и въ теремѣ сонце,
 На небѣ мисецъ, и въ теремѣ мисецъ.
 И сидитъ женщина,
 Шелку не много, а вся въ серебрѣ;
 И приходитъ онъ и покланяется:
 «Здравствуешь, Дюкова матушка!»

¹⁾ Сл. былины о князѣ Романѣ: наѣхали Татары, ищутъ княгиню Марью Юрьевну, встрѣчаютъ ея *портомойницу* и стали её бить; она отвѣчаетъ:

Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
 Я есть Марьяна протомойница.

Вторая встрѣча съ *ключницей*; княгиня выдаетъ себя сначала за свою *постельницу*. Кир. V, № 2, стр. 96—99; сл. Якушкинъ, Русскія пѣсни (СПб. 1860), № II, стр. 66—68.

Она отвѣчаетъ ему:

— Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова работница;
Ступай туды во второй покой. —
Приходить во второй покой:

Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ золотѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

И женщина отвѣчаетъ ему:
«Я не Дюкова матушка,
Я Дюкова портомойница;
Ступай впередъ въ третій покой. —
Приходить онъ въ третій покой:

Сидитъ женщина,
Шелку не много, а вся въ жемчугѣ;
Онъ опять и покланяется:
«Здравствуй, Дюкова матушка!»

Женщина ему отвѣчаетъ:
«Я не Дюкова матушка,
А я Дюкова нянюшка;
Да есть этихъ женщинъ, какъ я, въ нашемъ городѣ,
Да всѣмъ тебѣ не накланяться;
А Дюкова матушка къ обѣдни ушла.
Поди къ обѣдни воскресныя,
Да смотри, да всякому не кланяйся:
Когда пройдутъ мятельники изъ церкви,
Да пройдутъ лопатники изъ церкви,
Тогда Дюкову матушку
Ведутъ дѣвицы подъ руки:
Она вся въ каменьяхъ драгоценныхъ.
И тогда пошелъ Добрыня Никитѣвичъ
Къ обѣдни воскресныя,
И стоитъ онъ у церкви у соборныя;
И пошли народъ отъ обѣдни отъ воскресныя,
И народъ идетъ, кто въ шелку,
Кто въ золотѣ, кто въ серебрѣ,
Кто въ серебрѣ, кто въ жемчугѣ,
Да пошли и мятельники,
Да пошли и лопатники,

Позадѣ Дюкову матушку
 Ведуть дѣвицы подѣ руки;
 И покланяется Добрыня Дюковой матушкѣ:
 «Здравствуй, Дюкова матушка!»
 — Здравствуй, удалий добрый молодецъ!

(Рыбн. II, № 29). — У Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225, 230, прислужницы Дюковой матери сидятъ въ теремахъ; отъѣхавъ отъ одного Добрыни просыпаетъ въ полѣ ночку темную, и затѣмъ уже доѣзжаетъ до другого; въ № 31 ib. теремовъ тридцать три, «вершки свиваютъ въ одно мѣсто». — Появленіе Дюковой матери описывается съ особою торжественностью: её ведутъ тридцать дѣвицъ со дѣвицею, «вся она обвѣшана бархатомъ, чтобы не запекало её солнце красное» (Рыбн. II, № 28), либо надъ нею несутъ подсолнечники-зонтики (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 230; Рыбн. II, № 30). Она принимаетъ пословъ и угощаетъ ихъ, при чемъ обыкновенно общее мѣсто Чурилина хвастовства: одинъ калачикъ съѣшь, другого хочется, другой съѣшь, по третьемъ душа горитъ. — Узнавъ о цѣли приѣзда, мать ведетъ оцѣнщиковъ по кладовымъ, погребамъ и клѣткамъ, и они принимаются переписывать: сбрую лошадиную (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152; Рыбн. II, № 28, Гильф. № 9, 159), погреба глубокіе, въ которыхъ висятъ бочки съ золотомъ, серебромъ и скатнымъ жемчугомъ (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. III, № 31, Гильф. № 159), бочки «красна золота не держанаго», (Гильф. № 230), погреба съ «деньгой нехоженой» (Рыбн. III, № 29); сл. Рыбн. II, № 30. Къ предметамъ оцѣнки иные пересказы присоединяютъ еще: платья (Рыбн. II, № 28, 30), сапожную и сѣдельную клѣтки, амбары съ товарами заморскими (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), коней (Рыбн. II, № 30, Гильф. № 230); въ 33-хъ теремахъ сидятъ Дюковы счетчики, казну сводятъ (Рыбн. III, № 31); либо: стоитъ семьдесятъ столовъ, у каждаго стола по три человѣка, на щетахъ ходятъ, казну принимаютъ; семьсотъ человѣкъ на красномъ золотѣ иконы пишутъ (Рыбн. II,

№ 28). — Встрѣчаются и баснословныя черты: послы идутъ на широкій дворъ:

А течеть тутъ *струйка золоченая*, —
А тутъ не могли они смѣты дать

(Рыбн. I, № 49 = Гильф. № 152: струйка золоченая). Сл. то-же у Гильф. № 159:

А по той же по Индѣи по богатой,
А по той-то по Корели по проклятой,
Потекла рѣка да было съ золотомъ

(Гильф. № 9). У Гильф. № 213 мать идетъ къ погребамъ,

Вынимать она *три камешка* съ погребовъ глубокнхъ,
«Ай-же вы господа мои общѣннички!
Можете-ль этимъ камешкамъ цѣны тутъ дать?»
Да когда отъ тнхъ вѣдь тутъ камешковъ
По всему по городу по Галичи
Всякіи огни гора, лучи пекутъ,
Ѣны господа да тутъ общѣннички,
Ѣны стали тутъ да пороздумались,
А Ѣ не могутъ оны да тутъ цѣны вѣдь дать,
Еще что стоять эти три камешка.
Говорить тутъ Дюкова-то матушка,
А Ѣ честна вдова Офимья Тимошеевна:
«А Ѣ же вы господа да тутъ общѣннички!
Ужь что вы стали подроздумались?
Неужоль вы не можете цѣны тутъ дать?
А Ѣ надо не эдакъ Дюковы животы цѣнить:
Когда не можете трехъ камешковъ цѣнить,
Даъ не дорого вы стоите господа общѣннички,
А Ѣ общѣннички да стоино-кіевски!»
Говорятъ господа вѣдь тутъ общѣннички:
«А Ѣ же ты вѣдь Дюкова есть матушка,
А Ѣ честна вдова Офимья ты Тимошеевна!
А Ѣ не можѣмъ тутъ мы цѣны-есть дать
Твоимъ-ли этимъ тутъ камешкамъ,
Негдѣ оцѣнить намъ вѣдь Дюковы животы,
А Ѣ велики вѣрно что у Дюка животы.

Какъ намъ спродать надо весь городъ Кіевъ-отъ,
 А ещё семь разъ спродать ёго повмыкупить,
 Накупить бумага да черниловъ-то,
 То не хватить намъ у Дюка животовъ уписать».

Этимъ характернымъ признаніемъ: что если продать Кіевъ, либо Кіевъ и Черниговъ, да купить бумага (чернилъ и перьевъ) для описи Дюковыхъ животовъ, то бумага не хватить — этимъ признаніемъ обыкновенно кончается эпизодъ «оцѣнки» (Рыбн. I, № 48, 49 = Гильф. № 152, Рыбн. II, № 28, 30; Гильф. № 159; сл. еще Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225, 230). Похвальба Дюка еще разъ оправдалась; но ему въ Кіевѣ, очевидно, дѣлать нечего: лишь у Рыбн. II, № 30 заключеніе такое:

Туть-то узнали молодого боярина
 По всемъ землямъ, по всемъ ордамъ;
 Туть-то сталъ вездѣ поѣзживать
 Со старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ,
 Со братцемъ крестовникомъ.

У Ефименка № IV Дюкова матушка посылаетъ Ильѣ съ оцѣнщикомъ — Дюковы «сапожки обродочки»:

Туть Дюкъ съ Осударемъ поназванались,
 Поназванались, покрестовались.

Въ другихъ пересказахъ Дюкъ уѣзжаетъ во свояси (Рыбн. III, № 29, Гильф. № 225), раздавъ по монастырямъ свое цвѣтное платье (Рыбн. II, № 28), не смотря на приглашеніе Владимира — остаться и — торговать во весь вѣкъ безпошлинно (Рыбн. I, № 49 = Гильф. 152, 159). У Гильф. № 230 онъ говорить на отъѣздѣ Владимиру:

«Владиміръ ты князь да столень-кіевской!
 Какъ вѣдь съ ўтра солнышко не спекло,
 Подъ вечеръ солнышко не огрѣе.
 На пріѣздѣ молодца ты не учостоваль,
 А теперъ на поѣздѣ не учостовать,
 А будь-ко свинья да ты безшорстная!»

Полагаю, что то-же значеніе имѣеть и его рѣчь къ князю въ Гильф. № 213, хотя издатель и толкуеть её какъ приглашеніе Дюка Владимиру — пріѣхать къ нему въ гости :

«А ѣ гости Владимиръ столно-кїевски!
Ты гости-тко князь да на ту-же честь,
А ѣ на ту-же честь какъ и меня употчиваль!»

Особое, очевидно, не традиціонное окончаніе представляетъ прозаическій пересказъ былины у Рыбникова I, № 50, которымъ, по причинѣ его сказочнаго характера, мы до сихъ поръ и не пользовались. Дюкъ носитъ здѣсь имя Юнка; Владимиръ съ Чурилой, князьями-боярами и приказными ѣдутъ его «животовъ общїивать». — «Пріѣхаль князь Владимиръ и дивится Юнкову дому: такого дому нигдѣ не видано. Взялъ его Юнка, и за руку, и ведеть въ палаты — инъ половицы въ полу стеклянные, подъ ними вода течеть, вовъ водѣ играють рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половица точно треснетъ. Упирается князь, боится ступать по половицамъ; однакожь ведуть, такъ надо итти». Такъ въ сказанїяхъ о Соломонѣ царица Савская не рѣшается вступить въ воду — стеклянный полъ, на которомъ стоитъ престоль Соломона. — «Сѣли за столъ, ѣли такія яствя, какихъ не слыхано, пили пѣтя, какихъ не видано. Послѣ столованья спрашиваетъ князь Владимиръ: Гдѣ-же мои подъячїи? — Привели подъячихъ, такъ они высохли, какъ щепочки, съ тоски, что не могли общїинить одного сѣдла тридцать человекъ. Посмотрѣлъ на сѣдло князь и сказалъ: Кто сѣдло наладилъ, тотъ только и общїинить можетъ. — Попался князь въ услуженїе Юнкѣ (по условїю заклада?), а Юнка говоритъ ему: «Мнѣ твоей службы не надо, у меня своихъ животовъ много, а ты поѣзжай домой, да соблюдай, чтобы впредь у васъ чужаго человекъ незнакомаго въ домѣ не обижали».

Повторимъ въ заключенїи разбора пѣсни о Дюкѣ, что не всѣ пересказы сохранили её въ полности, иные ограничились запоминанїемъ одного или другаго ея эпизода. Такъ № 128 Гильф.

знаеть лишь скачку Дюка съ Чурилой, которая приурочена къ обычной похвальбѣ богатырей на княжескомъ пиру; наоборотъ, Гильф. № 243 выдѣлилъ описаніе чудесъ Дюкова царства, къ которому придѣлалъ небольшой запѣвъ:

Кого нѣтъ сильныя да могучѣе?
 Старика Ильи да Ильи Муромца.
 Кого нѣтъ славнѣе да богатѣе?
 Молодца-то Дюка да Степанова:
 Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
 Да кругомъ двора да всё булатнѣй тынъ,
 Столбикъ были точенны,
 Да точенны да золоченны,
 Да на каждомъ столбичку по маковки,
 Маковки ты были мѣдныя,
 Дорогою мѣдью всё казарскіе,
 Да пекутъ лучи да солнечныя
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатые.
 Да ещё у Дюка у Степанова
 Ворота были вольячныя,
 Подворотенки были хрустальныя,
 Надворотенки да дорогъ рыбеи зубъ.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Надъ воротами да надъ широкима
 Да стоя у Дюка чудны образы,
 Да горя свѣчи неугасимые.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Да стоять три церкви три соборныя:
 Да на каждой церкви по три маковки,
 Маковки ты были мѣдныя,
 Дорогою мѣди всё казарскіе,
 Да пекутъ лучи да солнечныя
 По тому по городу по Галицѣ,
 Да по той Волынъ-земли богатые.
 Да во первую церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкова-то матушка,
 Да во другу церкву соборную
 Туда ходитъ Дюкъ Степановичъ,

А во третью церкву соборную
 Туда ходитъ дружина-та Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова,
 Среди двора его широкаво,
 Да стоятъ три терема высокіе,
 Да высокіе да златоверхіе.
 Да во первомъ терема высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкова-та матушка,
 А во другомъ терема высокіемъ
 Да живётъ тутъ Дюкъ сынъ Степановичъ,
 Да во третьемъ теремъ высокіемъ
 Да живётъ дружина тутъ вѣдь Дюкова.
 Да еще у Дюка у Степанова
 Среди двора того широкаго
 Да стояли погребы глубокіе;
 Да во эти погребы глубокіе
 Бочки спущены да на тетивочкахъ,
 Да во эти погребы глубокіе
 Да провѣдены да трубы мѣдные,
 Трубы мѣдные да изъ чиста поля.
 Да повіють вѣтры со чиста поля
 Да во эти трубы да во мѣдные,
 Да во эти погребы глубокіе,
 Въ погребахъ тамъ бочки зашатаются,
 Оттого ли пиво да не затыхается ¹⁾.

¹⁾ Этотъ отрывокъ былины выдѣленъ изъ типа, представляемаго цѣльной пѣсней у Ефименка, Матеріалы № IV: именной запѣвъ, описаніе Дюкова царства — и просьба Дюка къ матери благословить его съѣздить въ Кіевъ.

Начало:

Пѣту на силу Самсонову,
 Что того-же Самсона Колыбанова,
 Нѣтъ на счастье Осударя Ильи Муромца,
 На вѣжество Добрынюшки Никитича,
 На ярость Олешеньки Поповича,
 На имѣнье Садка-купца богатаго,
 На злату казну Дюка сына Степанова.
 Какъ у Дюка дворъ на семи верстахъ и т. д.

Сл. ib. № IX: былина прямо начинается описаніемъ Дюкова царства; испорченный вариантъ, въ которомъ три боярина щипаютъ съ Дюкомъ, а онъ скачетъ въ запуски съ Ильей, Добрыней и Алешей: не могли они перескочить черезъ рѣку, «Тутъ де они и уходилися». Сл. выше стр. 160.

Обособленное такимъ образомъ описаніе Дюкова парства, съ его дворомъ, тремя церквами и тремя теремами, напоминаетъ подобныя же черты малорусскихъ колядокъ съ ихъ тремя крестами, церквами, окнами и т. п. («Зелёный дворъ, — Мѣдныя вѣроты, — Подвѣротнички, — Рыбья косточки и т. п.¹⁾ — какъ Дюкова скачка находятъ себѣ знаменательную параллель въ томъ-же мотивѣ колядокъ малорусскихъ и румынскихъ. Былевья, балладныя пѣсни могли пѣться въ пору народныхъ, годовыхъ или бытовыхъ празднествъ; ихъ отзвуки и теперь слышны въ брачныхъ и рождественскихъ напѣвахъ Грековъ, Румынъ, Болгаръ, Южноруссовъ; излюбленные въ колядкахъ мотивы скачки и чудесныхъ чертоговъ, можетъ быть, — обобщившіеся отзвуки этихъ пѣсень, либо поддержаны были ихъ древнею популярностью.

II.

Дюкъ Степановичъ — пріѣзжій богатырь; онъ даже не остается въ Кіевѣ, какъ напр. Чурила, и я считаю древнимъ то заключеніе былины, гдѣ Дюкъ, недовольный пріемомъ Владимира, уѣзжаетъ во свояси, что не помѣшало ему въ позднейшемъ синкретизмѣ эпоса такъ-же постоянно примкнуть къ Кіеву, какъ Чурилѣ и Ивану Гостиному сыну. — Онъ — «бояринъ», «княже-нецкій сынъ» (Рыбн. I, № 48, vv. 290, 292); его имя — Дюкъ, несомнѣнно, византійское Δούκας, извѣстное какъ титулъ, а затѣмъ какъ родовое и — собственное имя. Сл. въ поэмѣ о Дигенисѣ Андроника Дука, на дочери котораго женится отецъ Дигениса²⁾; Дука, отца Дигенисовой жены³⁾; сербск. болг. дукъ = дождь; Дукадинъ = ducatus = Герцеговина; мальчика

¹⁾ Опытъ описанія Могилевской губерніи, подъ ред. Дембовецкаго, стр. 581.

²⁾ Sathas et Legrand, p. 6; сл. Lambros l. c. p. 129, v. 405.

³⁾ Sathas et Legrand, p. 92, 98.

Докадиче сербскихъ и болгарскихъ пѣсень¹⁾. — Дукъ перешелъ въ имя собственное, какъ Девгеній и Акритъ заслонили въ томъ-же значеніи собственное имя Василя въ старо-русской повѣсти о Девгеніи.

Откуда пріѣзжаетъ Дукъ? Изъ Индіи, Волынца Галицкаго, Корелы. Эти противоположныя указанія, служащія теперь къ обозначенію чего-то неопредѣленно далекаго, надо помирить. Корела — если только это имя не испорчено изъ другого (сл. корлязей нашей лѣтописи; корлязей = каролинговъ = франковъ вставки въ нѣкоторыхъ текстахъ Слова Даниила Заточника) — можетъ принадлежать лишь сѣверу и предполагаетъ, во всякомъ случаѣ, Корелу, какъ что-то еще мало-извѣданное, темное, иначе её не употребили бы для обозначенія чудесной дали. — Въ Кіевъ пѣсня о поѣздкѣ Дюка могла быть занесена изъ Галича, торговаго центра въ XII-мъ вѣкѣ, ведшаго, между прочимъ, обширную торговлю и съ греческими колоніями Черноморья. Дукъ, стало быть, оттуда и пріѣзжалъ — объяснили себѣ пѣвцы, и этотъ географическій фактъ внесень былъ въ былинку, когда она переселилась въ Кіевъ и пристала къ князю Владимиру. Относилось-ли имя Дюка = Δούκας къ этому этапу пѣсни или принадлежитъ еще болѣе древнему — это вопросъ лишній и для насъ не существенный. Древняя, до-Кіевская пѣсня во всякомъ случаѣ не знала Владимира, вмѣсто котораго стоялъ какой-нибудь другой царь, и ея молодець = Дукъ пріѣзжалъ издалека: изъ Индіи. Съ переходомъ былины изъ Галича въ Кіевъ присталъ къ Индіи Волынецъ, въ дальнѣйшемъ перенесеніи на сѣверъ, къ тому и другому — еще и Корела. Спутанность географическихъ обозначеній, замѣчательная своею выдержанностью, указываетъ, можетъ быть, на пути, по которомъ чуждая пѣсня двигалась съ юга въ Кіевъ и далѣе — на сѣверныя окраины. Судя по молчанію нашей начальной лѣтописи именно о Корелѣ²⁾, слѣдуетъ предположить, что внесеніе ея въ нашу былинку могло совершиться уже

¹⁾ Сл. напр. въ сборникѣ Качановскаго №№ 151—155.

²⁾ Н. Барсовъ, Очерки Русск. Истор. Географіи, стр. 49, 57—8.

на сѣверѣ. Повліяли-ли на то баснословныя представленія о чудесной Біарміи норманновъ — я сказать не рѣшусь.

Дюкъ, или кто-иной, названный впоследствии Дюкомъ, пріѣзжалъ, стало-быть, первоначально изъ «Индіи богатой», изъ страны чудесъ и баснословнаго богатства, какою представляло её себѣ воображеніе средневѣковаго человѣка¹⁾, настроенное извѣстнымъ Посланіемъ пресвитера Іоанна, изстари переведеннымъ чуть-ли не на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и на русскій. На значеніе этого памятника для объясненія «Индіи богатой» «Дюковой матушки» давно было указано въ нашей литературѣ; въ послѣдній разъ г. Баталинымъ²⁾. Я думаю остановиться на этомъ вопросѣ подробнѣе.

Эпистолия пресвитера Іоанна къ императорамъ Фридриху I либо Эммануилу объявилась въ XII-мъ вѣкѣ³⁾. Общественныя, политическія и религіозныя неурядицы этого и предшествовавшаго столѣтія невольнo вызывали утопію блаженной, а потому далекой страны, гдѣ всѣ люди нравственны и не нуждаются, гдѣ нѣтъ и той распри, въ которой терзалось и крѣпло средневѣковое сознаніе: распри церкви и государства. Эту страну

1) Сл. Kunstmann, Die Kenntniss Indiens im 15 Jahrhundert. 1863.

2) Н. Баталинъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Воронежъ, 1876.

3) Сл. замѣчательныя изслѣдованія Царнке: De patriarcha Johanne quazi praecursore presbyteri Johannis (1875 г.); Quis fuerit qui primus presbyter Johannes vocatus sit, quaeritur (1875 г.); De epistola, quae sub nomine presbyteri Johannis fertur (1874 г.; цитируется далѣе: Epist.); De epistola Alexandri papae III ad presbyterum Johannem (1875 г.); De rege David filio Israel filii Johannis presbyteri (1875 г.). — Всѣ указанные выше ММ явились, какъ программы Лейпцигскаго университета. Сл. того-же автора: Der Priester Johannes, zweite Abhandlung, enthaltend Capitel IV, V und VI, изъ 8-го тома Abhandlungen der philol. hist. Classe d. kön. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaften. Leipz. 1876 (цитируется далѣе: Presb. Johann.); Ueber eine neue, bisher nicht bekannt gewesene lateinische Redaction des Briefes des Priester Johannes, въ Berichte über die Verhandlungen der kön. Sächs. Gesellsch. d. Wiss. zu Leipzig. Philol. hist. Classe, XXIX B. (1877), p. 111—156. — О пресвитерѣ сл. также соображенія Бруна въ Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin, XI B., 4—5 Heft, стр. 279 слѣд. (Die Verwandlungen des Presbyters Johannes). — Брошюра G. Brunet, La légende du prêtre Jean (Bordeaux, 1877), лишена всякаго значенія.

помѣстили въ Индіи, о чудесахъ которой ходили древніе рассказы: уже Ктезій, Димахъ, Мегасоенъ и, позднѣе, Псевдокаллисоенъ населили её пигмеями, грифами, чудовищными народами, помѣстили въ ней золотой источникъ, камень-пантарбъ, дѣлающій невидимкой, муравьевъ, собирающихъ золото и т. п. Съ другой стороны вѣсти Мегасоена о Брахманахъ и Сарманахъ, свѣдѣнія о святой жизни брахмановъ-гимнософистовъ, распространенныя Мегасоеномъ, Филостратомъ, Палладіемъ и Псевдокаллисоеномъ, смѣшались съ смутной памятью о христіанахъ въ Индіи — и сложилось представленіе о далекомъ христіанскомъ царствѣ, гдѣ люди блаженствуютъ, не зная ни лжи, ни татьбы, ни разврата, гдѣ земля всё даетъ въ изобиліи, а всѣмъ править могучій властитель, пресвитеръ и царь въ одномъ лицѣ: пресвитеръ Іоаннь. — Обстоятельства времени дали этой утопіи значеніе жгучаго памфлета: Востокъ подвигался на Европу, предвѣстіе крестовыхъ походовъ — и ожиданій, что тамъ, гдѣ-то далеко, есть великое царство христіанъ, которое, въ минуту опасности, явится на помощь своимъ единовѣрцамъ. — Эпистолия пресвитера къ европейскимъ монархамъ, наполненная описаніемъ чудесъ и нравственнаго и матеріальнаго благоустроенія его царства, кончалась увѣреніемъ, что онъ, во главѣ несмѣтнаго войска, придетъ поклониться Гробу Господню и постоятъ за святое дѣло.

Эти грезы надолго овладѣли умами: путешественники искали пресвитера въ глубинѣ Азіи и нерѣдко находили его — путемъ бессознательнаго или сознательнаго отождествленія; фантастическіе рассказы Елисея (XII в.), Мандевиля (1356), Іоанна Witte de Hese (1389) — всецѣло коренятся въ представленіяхъ эпистолии.

Presbiter Johannes sum, dominus dominantium, говоритъ о себѣ пресвитеръ ¹⁾, et praecello in omnibus divitiis, quae sub

¹⁾ Текстъ сообщается по изданію Zagnske, Epist.; отиѣны противъ основнаго текста, представляемыя позднѣйшими редакціями, каждый разъ цитуются подъ сиглой, установленной издателемъ.

caelo sunt, virtute et potentia omnes reges universae terrae. Septuaginta duo reges nobis tributarii sunt. . . . In tribus Indiis dominatur magnificentia nostra, et transit terra nostra ab ulteriore India, in qua corpus Sancti Thomae requiescit, per desertum et progreditur ad solis ortum, et redit per declivum in Babilonem desertam juxta turrim Babel. — Слѣдуетъ описаніе чудесъ фауны и звѣрообразныхъ народовъ, обитающихъ въ Индіи; редакция С прибавляетъ къ этому перечню и народы, заключенные Александромъ Великимъ, во главѣ ихъ: Гогъ и Магогъ. Istaе nempe et alias multas generationes Alexander puer magnus rex Macedonum conclusit inter altissimos montes in partibus aquilonis. Quas cum volumus ducimus super inimicos nostros et datur eis licentia a majestate nostra, quod eos devorent, et continuo nullus hominum, nullum animalium remanet, quin statim devoretur. Inimicis namque devoratis, reducimus eas ad propria loca. Et ideo reducimus, quia, si absque nobis reverterentur, omnes homines et universa animalia, quae invenirent, penitus devorarent. Istaе quidem pessimae generationes ante consummationem saeculi tempore Antichristi egredientur a quatuor partibus terrae et circuibunt universa castra sanctorum et civitatem magnam Romanam. . . . Nec mirum, quia numerus earum est sicut harena, quae est in litore maris, quibus certe nichil resistere potest. Haec vero generationes, sicut quidam propheta prophetavit, propter suas abominationes non erunt in judicio, sed deus deorum mittet super eas ignem de caelo, et ita consummabit eas, quod nec etiam cinis ex his remanebit.

Это — известное преданіе Псевдокаллистоена (Müller, С, III, 26; ВС, III, 29) о томъ, какъ по молитвѣ Александра Великаго двѣ горы, «сосцы Борея», сошлись на разстояніи десяти футовъ, которое онъ велѣлъ задѣлать мѣдными вратами и залить составомъ, предохранявшимъ ихъ отъ дѣйствія огня и желѣза. За этими вратами онъ заперъ, будто-бы, нечистые народы, пугавшіеся всякою нечистью и падалью и грозившіе стать гибелью землѣ; въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ Гогъ и Магогъ

(или: Гогъ и Магогъ). — Преданію этому суждено было играть значительную роль въ христіанской эсхатологіи ¹⁾, гдѣ заключенные Александромъ народы, вырвавшись изъ-за горъ, являлись Божьимъ бичемъ, предвѣстниками приближающейся кончины міра. Пока они находятся подъ властью Пресвитера: такъ въ редакціи С эпистолии и въ ея различныхъ отраженіяхъ. *Chronicon Tigonense* говоритъ подъ 1227 г. о Давидѣ, баснословномъ потомкѣ Пресвитера: *ex alia parte Acconensis episcopus publice praedicabat, quod David rex utriusque Indiae ad Christianorum auxilium festinabat, adducens secum ferocissimos populos, qui more belluino Sarracenos sacrilegos devorarent* ²⁾. У Жуанвилля ³⁾ Гогъ и Магогъ помѣщены у предѣловъ Пресвитерова царства, за непроходимыми скалами: «*et disoient (li Tartarin) que léans estoit enclos li peuples Got et Margoth, qui doivent venir en la fin du monde, quant Antecriz venra pour tout destruire*»; то-же у Марко Поло: «*et sachiés que en ceste provence estoit le mestre seje dou Prestre Johan . . . et ce est le leu, qe nos apellon de se en nostre país Gogo et Magogo; mès il l'apellent Ung et Mungul*» ⁴⁾. У Иоанна Witte de Hese — Гогъ и Магогъ локализованы во владѣніяхъ Пресвитера: *et dicitur, quod ibidem sunt Gog et Magog, conclusi inter duos montes* ⁵⁾. — Эти горы, сошедшіяся и имѣющія когда-то разойтись, повели къ образу толкущихся горъ: въ нѣмецкомъ текстѣ Мандевилля ⁶⁾: *Man findet da zcu lande etzlich gebirge, das sere hoch ist, unnd das eyn gebirge gegin dem andern zcu stosset, unnd das mer umb slichet nyder das*

¹⁾ Сл. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 293, 299, 303—4, 310, 313 и прим. на стр. 313—314 и *passim*; I, II, стр. 51—2, 64, 73 прим., 75. Сл. также мои Забѣтки по Литературѣ и Народной словесности I, стр. 84—5. Новое изслѣдованіе о библейскомъ Магогѣ сдѣлано было Lepoutant'омъ въ *Muséon*, t. I, № 1, стр. 9—48 (1882 г.).

²⁾ Zarncke, *Presb. Johann.*, p. 9.

³⁾ *ib.* p. 84.

⁴⁾ *ib.* p. 110.

⁵⁾ *ib.* p. 171.

⁶⁾ *ib.* p. 149.

gebirge gar ferre und dringet sich hindurch unnd dar zwuschen; und das ist so gruwelich, das keyn schiff von eyme gebirge an das ander mag, unnd dy leute hyczu unnd darzcu horen eyns das ander unnd ire hunde unnd ire pferdt unnd ire hanen unnd ire geschreige unnd mogen doch nymmer zcusammene kommen, wy wol sy sich horen und gesehn unnd zcu sammene ruffen unnd reden kegn eynander, unnd meynet man, das dy czwey gebirge eyn berg sint gewest unnd eyn landt unnd eyne sprache, bis das das grosse mer von Indien mit gewalt dy gebirge durchdrungen hat unnd zcwei werlt also von eynander gescheiden hat, dy nach eyne sprache haben unnd zcusammene mogen reden, so sy das gewinde, das das mer dy sluffe durch dringet, nicht hindert. Wenn sich dy sere wegen (Wan so es sere weet *B*), so mogen sy nicht gehoren».

Возвратимся къ тексту эпистоли: въ предѣлахъ Пресвитеровой Индіи течеть рѣка *Ydonus*, выходящая изъ рая (*de Paradiso*) и влекущая съ собою множество драгоценныхъ камней; есть и гора Олимпъ, unde fons perspicuus oritur, omnium specierum in se saporem retinens. Variatur autem sapor per singulas horas diei et noctis et progreditur itinere dierum trium non longe a paradyso, unde Adam expulsus est. . . . Ibi sunt lapilli, qui vocantur midriosi, quos frequenter ad partes nostras deportare solent aquilae, per quos rejuvenescunt et lumen recipiunt. Si quis illum in digito portaverit, ei lumen non deficit, et si est imminutum, restituitur, et quo plus inspicitur, eo magis lumen acuitur. Legitimo carmine consecratus, hominem reddit invisibilem, fugat odia, concordiam parat, pellit invidiam. . . .

Juxta desertum inter montes inhabitabiles sub terra fluit rivulus quidam, ad quem non patet transitus, nisi ex fortuito casu. Aperitur enim aliquando terra, et si quis inde transit, tunc potest intrare et sub velocitate exire, ne forte terra claudatur. Et quicquit de harena rapit, lapides preciosi sunt et gemmae, quia harena et sabulum nil aliud sunt nisi lapides preciosi et gemmae. Et rivulus iste fluit in aliud flumen amplioris magnitu-

dinis, in quod homines terrae nostrae intrant et maximam habundantiam preciosorum lapidum inde trahunt, nec audent illos vendere, nisi prius excellentiae nostrae demonstrent, et si eos in thesauros nostros vel ad usus nostros retinere volumus, data medietate precii accipimus.... Ultra fluvium vero lapidum sunt X tribus Judaeorum, qui quamvis fingant sibi reges, servi tamen nostri sunt et tributarii excellentiae nostrae.

Редакція С, внесшая въ текстъ эпистолиі эпизодъ о Гогѣ и Магогѣ, повторила-ли подробность, уже стоявшую въ древнемъ текстѣ? Разсказъ о десяти іудейскихъ колѣнахъ, живущихъ за песчаной рѣкою, куда проникнуть и откуда выйти можно лишь когда расходятся горы (aperitur enim aliquando terra — ne forte terra claudatur?) — явился-ли дублетомъ къ образу толкущихся горъ, заключившихъ Гога и Магога, которыхъ древніе памятники отождествляли именно съ десятию колѣнами Израильтянъ, либо помещали ихъ въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ? ¹⁾ Или слѣдуетъ предпо-

¹⁾ О легендарной локализациі десяти колѣнъ израильскихъ сл., между прочимъ, Fabricii, Cod. apocr. Novi Testam. II, 174 слѣд.; Eisenmenger, Entdecktes Judenthum, II, p. 732—42; Neubauer, La géographie du Talmud, p. 33—4, 299, 372, 386, 400 слѣд.; Israel Levi, La légende d'Alexandre dans le Talmud et le Midrasch (Revue des études juives, № 13, Juillet-Septembre 1883, p. 88); Graf, Roma nella memoria e nelle immaginazioni del medio evo, v. II, p. 544—8. — Еврейскія повѣрья говорятъ о героѣ изъ Иосифова рода, который, побѣдивъ на сѣверѣ Гога и Магога, освободить десять колѣнъ, томившихся въ ихъ сосѣдствѣ (сл. Beer, Welchen Aufschluss geben jüdische Quellen über den zweihörnigen des Koran, въ Zeitsch. d. d. Morgenländischen Gesellschaft, IX, 793). Древняя локализациа Гога и Магога на Кавказѣ, гдѣ Евреи удержались долгое время спустя по распаденіи Хазарскаго царства, могла поддержать въ христіанской средѣ предположеніе ихъ тождественности: въ IX в. Христіанъ Друтмаръ, извѣстный подъ названіемъ Корвейскаго грамматика, замѣчаетъ въ своей Expositio ad Matth. 24, что Gog и Magog — Гуны или Хазарскія племена, «quas Alexander conduxerat» — приняли, вмѣстѣ съ обрѣзаніемъ, еврейскую вѣру (Bibl. P. P. Max. XV, 157 f.); Richerius Senonensis (Böhmer, Fontes rerum Germ. III 56, l. IV, c. 19) говоритъ о Татарахъ: Alii vero asserebant eos Judaeos illos esse, quos ferunt ab Alexandro Magno intra Caspiorum montes quondam fuisse inclusos. — Въ средневѣковыхъ памятникахъ отождествленіе либо географическое сближеніе десяти израильскихъ колѣнъ съ Гогомъ и Магогомъ встрѣчается не разъ; слѣдующія указанія собрались у меня нѣсколько случайно. Сл. Орозія l. III c. 7; Кельнскую хронику (Essard, Corp.

ложить въ нашемъ случаѣ отраженіе еврейской легенды, сложившейся уже на почвѣ апокрифической IV-й книги Ездры: о десяти колѣнахъ, переселенныхъ за Евфратъ и рѣшившихъ странствовать, пока не достигнутъ страны, куда никогда не заходила нога человѣческая, и тамъ въ чистотѣ хранить вѣру и обычаи предковъ? До этой страны они доходятъ послѣ полуторагодового пути, и оттуда они явятся въ концѣ дней, чтобы собраться вокругъ Мессіи. Легенда эта, повторенная въ *Carmen Apologeticum* Коммодіана (с. XLII), нашла себѣ особое выраженіе въ повѣсти, о которой я поговорю при другомъ случаѣ: о «сынахъ Моисея», Рахманахъ = Рехавитахъ Зосимова Хожденія ¹⁾.

Quando procedimus ad bella contra inimicos nostros, продолжаетъ Пресвитеръ, XIII cruces magnas et praecelesas, factas ex auro et lapidibus pretiosis, in singulis plaustris loco vexillorum ante faciem nostram portari facimus, et unamquamque ipsarum secuntur X milia militum et C milia peditum armatorum, exceptis aliis, qui in sarcinis et curribus et in ducendis victualibus exercitus sunt deputati. Cum vero simpliciter equitamus, ante majestatem nostram praecedit lignea crux, nulla pictura neque auro aut gemmis ornata, ut semper simus memores passionis domini nostri Jesu Christi, et vas unum aureum plenum terra, ut cognoscamus, quia caro nostra in propriam redigetur origi-

Hist. Med. aev. t. I, p. 712, 713); Готфрида изъ Витербо, Pantheon, part. XI; Ranulphi Higden, Polychron. l. II, c. 34; Guilelmus de Rubruquis; неизданную еще Александрю Вилькина (Grion, I Fatti di Alessandro Magno, p. 202); Генриха Нейстадскаго (Von Gotes zuokunft, ed. Strobl: vv. 5424—5: die roten Juden, das volc Gog — Amazônes und Magôg; vv. 5684—5: zehen der geslechte sint — Und kâmen von Japhêtes kint); Hugo von Langensteins Martina (hrgr. v. A. v. Keller, p. 484: Sun diu zehin gesleht wesin — Diu von Jacob kamen); Der jüngere Titirel, ed. Hahn, vv. 6057—60 (красные Евреи); Libro de Alexandre, строфа 1938 саѣд (сл. Morel Fatio, Recherches sur le Texte et les sources du libro de Alexandre, Romania XIII, p. 76—7); Мандевилля; Pecorone, Giorn. XX nov. 1 и Vascon, Opus majus, p. 100. Сл. еще Weissman, Alexander, II, 463—6; Liebrecht къ Gervasius von Tilbury Otia Imperialia, p. 95—6.

¹⁾ Сл. объ этомъ мою нынѣ печатающуюся работу объ источникахъ Сербской Александрин.

nem i. e. terram. Et aliud vas argenteum plenum auro portatur ante nos, ut omnes intelligant nos dominum esse dominantium. — Тѣ-же символическіе крестъ и сосуды упоминаются и въ повѣсти Елисея ¹⁾ и въ текстахъ Мандевилля ²⁾.

Palatium autem, quod inhabitat sublimitas nostra, ad instar et similitudinem palatii, quod apostolus Thomas ordinavit Gundoforo regi Indorum, in officinis et reliqua structura per omnia simile est illi. Laquearia, tigna quoque et epistilia sunt de lignis cethim. Coopertura ejusdem palatii est de ebena, ne aliquo casu possit comburi. In extremitate vero super culmen palatii sunt duo poma aurea et in unoquoque sunt duo carbunculi, ut aurum splendeat in die et carbunculi luceant in nocte. Majores palatii portae sunt de sardonii commixto de cerastis, ne aliquis latenter possit intrare cum veneno, ceterae ex ebena, fenestrae de cristallo. Mensae, ubi curia nostra comedit, aliae ex auro, aliae ex ametisto, columpnae, quae sustinent mensas, ex ebore. Ante palacium nostrum est platea quaedam, in qua solet justitia nostra spectare triumphos in duello. Pavimentum est de onichino, ut ex virtute lapidis animus crescat pugnantibus. — In suprascripto palacio nostro non accenditur lumen in nocte, nisi quod nutritur balsamo. Camera, in qua requiescit sublimitas nostra, mirabili opere, auro et omni genere lapidum est ornata. . . . Semel in die comedit curia nostra. In mensa nostra comedunt omni die .XXX. milia hominum praeter ingredientes et exeuntes. Et hi omnes accipiunt expensas singulis diebus de camera nostra tam in equis quam in aliis expensis. Haec mensa est de precioso smaragdo, quam sustinent duae columpnae de ametisto. Hujus lapidis virtus neminem sedentem ad mensam permittit inebriari. — Ante fores palatii nostri juxta locum, ubi pugnantes in duello agonizant, est speculum praecelsae magnitudinis, ad quod per .CXXV. gradus ascenditur. Gradus vero sunt de porfiritico, partim de serpentino

¹⁾ Presb. Johann., p. 126.

²⁾ l. c. p. 182—3 (Французскій текстъ), p. 135—6 (англійскій), 144 (латинскій), 150—1 (нѣмецкій).

et alabastro a tertia parte inferius. Hinc usque ad tertiā partem superius sunt de cristallo lapide et sardonico. Superior vero tertia pars de ametisto, ambra, jaspide et panthera. Speculum vero una sola columpna innitur. Super ipsam vero basis jacens, super basim columpnae duae, super quas item alia basis, et super ipsam quatuor columpnae, super quas item alia basis et super ipsam ·VIII· columpnae, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·XVI·, super quas item alia basis, super quam columpnae ·XXXII·, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·LXIII·, super quas item alia basis, super quam item columpnae ·LXIII·, super quas item alia basis et super ipsam columpnae ·XXXII·. Et sic descendendo diminuuntur columpnae, sicut ascendendo creverunt, usque ad unam. Columpnae autem et bases ejusdem generis lapidum sunt, cujus et gradus, per quos ascenditur ad eas. In summitate vero summae columpnae est speculum, tali arte consecratum, quod omnes machinationes et omnia, quae pro nobis et contra nos in adjacentibus et subjectis nobis provinciis fiunt, a contuentibus liquidissime videri possunt et cognosci. — Дворецъ этотъ находится въ Сузахъ.

Редакція В' (В", В"") присоединила къ дворцу, описанному выше, второй, построенный отцемъ Пресвитера, Quasideus, согласно велѣнію, бывшему ему во снѣ: «Fas palatium filio tuo, qui nasciturus est tibi, qui erit rex regum terrenorum et dominus dominantium universae terrae. Et habebit illud palatium a Deo sibi talem gratiam collatam, quod ibi nullus esuriet, nullus infirmabitur, nullus etiam intus existens poterit mori in illa die, qua intraverit. Et si validissimam famem quis habuerit et infirmaverit ad mortem, si intraverit palatium et steterit ibi per aliquam moram, ita erit satur, ac si de centum ferculis comedisset, et ita sanus, quasi nullam infirmitatem in vita sua passus esset. — Quasideus велѣтъ построить дворецъ, in cujus compositione non sunt nisi lapides preciosi et aurum optimum liquatum pro cemento. Caelum ejusdem i°. tectum est de lucidissimis saphiris, et clarissimi topazii passim sunt interpositi, ut saphiri ad

similitudinem purissimi caeli et topacii ad modum stellarum palatium illuminent. Pavimentum vero est de magnis tabulis cristallinis. Camera vero nec aliqua divisio est intra palatium. Quinquaginta columnae de auro purissimo ad modum acus formatae infra palatium juxta parietes sunt dispositae. In unoquoque angulo est una, reliquae infra ipsas locatae sunt. Longitudo uniuscujusque columnae est LX cubitorum, grossitudo est, quantum duo homines suis ulnis circumcingere possunt, et unaquaeque in suo cacumine habet unum carbunculum adeo magnum, ut est magna amphora, quibus illuminatur palatium ut mundus illuminatur a sole.... Nulla fenestra nec aliquod foramen est ibi, ne claritas carbunculorum et aliorum lapidum claritate serenissimi caeli et solis aliquo modo possit obnubilari.

Въ редакціи D описывается еще и третій дворець, quod fuit Pori, regis Indorum, de stirpe cujus omnia signa nostra et progenies descendit. In quo quidem pallacio multa sunt humanis mentibus penitus incredibilia. Ibi sunt columnae aureae cum capitellis aureis, et vites aureae dependent inter istas columnas, habentes folia aurea et ramos, alios de cristallo, alios de saphiris, alios ex margaritis, alios ex smaragdis.... In aula hujus pallacii sunt XX magnae statuae aureae et infra ipsas sunt totidem magnae arbores argenteae, velut luna lucidissima, in quibus omnia genera avium aurea, et unaquaeque habet colorem suum secundum genus suum, et sunt ita per artem musicam dispositae, quod tantum Porus rex volebat, omnes secundum suam naturam cantabant, et unaquaque parte singulariter. — Similiter praedictae statuae musicae ita sunt aptatae, quod ad voluntatem regis dulcius et suavius quam credi potest cantabant. Quod mirabilius est omni mirabili, more ystrionum videntur modis diversis jocari, et hinc inde torqueri. Quas nempe statuas et aves tam in hyeme quam in aestate, quando nobis placet, facimus cantare et jocare, dulcedo et suavitas cujus cantilenae tot et tanta est, quod auditores incontinenter obdormire facit et quodammodo extra mentes efficiuntur.

Описанія индѣйскаго царства, составленныя по Эпистоліи, говорятъ о двухъ дворцахъ Пресвитера, причемъ первый дворецъ посланія, разнообразно видоизмѣненный, обыкновенно лежитъ въ основаніи новыхъ изображеній, а третья палаты редакціи D привлечены лишь нѣсколькими своими чертами.

Такъ у Елисея ¹⁾: первый дворецъ Пресвитера находится въ концѣ первой Индіи, въ Gamarga; второй — въ Селипѣ на Евфратѣ.

Civitas illa pulchra et habilis est, plena populo, undique circumdata est muro. Muri ejus 30 passus habent altitudinis, duos autem latitudinis. In eadem civitate summum *palatium* presbyteri Iohannis aedificatum est. Quod palatium a tempore Quasidei incoeptum est. Quasideus autem vocabatur, quia dicior erat aliis regibus et etiam major; idcirco vocabatur Quasideus. Ipse autem dominabatur super *duas et 70 civitates et provintias*; solium eius in eadem civitate erat. Qui dum quadam nocte in thalamo suo dormiret, relatum est ab angelo in sompnis, ut surgeret aedificare palatium filio suo, qui nasciturus esset ei in eodem loco, ubi beatus Thomas apostolus regi Gundafaro designaverat. Locus ille erat in civitate eadem. Ipse autem rex accessit et invenit magistros, et pervenit ad locum et ibidem jussit fieri palatium, cujus longitudo est 15 stadiorum, altitudo 500 cubitorum, latitudo 400. Est autem *quaedam columpna in medio palatii posita*, ex lapidibus preciosis, ex auro et ex omni metallo composita: exteriores lapides omnino porfiretici. Super columpnam illam sunt bases, super quas bases sunt 5 columpnae berillae, super quas 5 columpnas sunt aliae bases, super quas bases sunt aliae 10 columpnae ametistae, super quas 10 columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam pavementum ex saphiris compositum, ut animus ingredientium et egredientium revirescat nec valeat provocari ad aliquod malum. Supra praedictum pavementum sunt bases, super quas bases est quoddam aliud

¹⁾ Presb. Johann., p. 125 слѣд.

pavimentum, super quod pavementum sunt aliae 15 columpnae smaragdinae, super quas columpnas sunt aliae bases, super quas bases est quoddam aliud pavementum ex onichinis, in quo rex tenet consistorium propter honestatem lapidum. Et super ipsum pavementum sunt aliae 20 columpnae lapidum topaticae. Ita vadunt ascendendo columpnae et bases et pavimenta usque ad 72 gradus ordinatim, alia vero parte palatii veniunt descendendo de gradu ad gradum usque ad inferiorem statuum, super quam omne palatium consistit. Super unamquamque columpnam positi sunt carbunculi ad modum amphorae, unde numquam dies ibi deesse poterit: semper adest ibi claritas, nulla obscuritas potest inesse palatio prae splendore preciosorum lapidum, qui in palatio sunt. In summitate autem palatii est quaedam columpna smaragdina, super quam sunt duo poma aurea et duo carbunculi. Poma fulgent in die, carbunculi in nocte. Est autem in inferiori pavimento quaedam alia columpna, composita ex onichinis et facta ad modum acus; inferior locus est subtilis, superior est grossus, et super ipsam columpnam carbunculus est positus, ex quo 10 milia hominum vident absque ullo lumine, qui comedunt ad mensam regis. Columpna illa, super qua positi sunt carbunculi, inferius est gracilis et superius grossa; nam si superius esset subtilis et inferius grossa, grossitudo illa inferior auferret splendorem superioris carbunculi, ut non adeo claresceret. Sunt etiam ibi tabulae iacinctinae et smarгдаe et ametistae ex diversis materieis preciosorum lapidum. Ad quas tabulas astantes numquam inebriari possunt propter virtutes lapidum. — In eodem palatio sunt 12 ianuae, 8 sunt aureae, 4 ex lapidibus preciosis compositae et ex cornibus cerastinis. Per istas 4 ianuas homines ingrediuntur. Una posita est ad orientem, alia ad occidentem, altera ad meridiem, alia ad septentrionalem plagam. Si quis per orientalem vult ingredi, ibi est lapis tantae candiditatis, quod non posset pati introitum, nisi temperatus esset cum aliis lapidibus. Si quis per occidentalem vult ingredi, est ibi lapis tantae frigiditatis, quod non posset habere introitum, nisi temperatus

esset a custodibus palatii. Si quis per meridianam vult ingredi, bene potest, quia temperata est cum bonis lapidibus. Si quis per septentrionalem vult ingredi, ianua illa distemperata est, ita ut amitteret sensum et vires et omne bonum, quod in se est, ut loqui non valeret propter distemperantias lapidum. Unaquaeque istarum 4 ianuarum habet cornua cerastina, ut nullus cum aliquo veneno possit ingredi; alioquin cornua sudarent. Qui vero sic ingrederetur, mox deprehenderetur et iudicaretur secundum legem regis. — Est etiam ibi plateola, ubi *arbor aurea est cum ramis et foliis, super quam sunt aves aureae ex omni genere, quae apud Indos inveniuntur. Ipsa arbor concava est, et rami et folia. Ibi est etiam fovea, cui insunt folles fere 60 ex arte factae. Homines vero ingrediuntur foveam et inflant folles, et sic inflatur arbor et rami et folia, deinde inflant aves, et unaquaeque incipit cantare iuxta genus suum.*

Въ текстахъ Мандевиля первый дворецъ Пресвитера находится въ Сузѣ (Франц. текстъ: Suse, ркп. busse?; англ. текстъ: Suse, лат.: Suze, нѣм.: Suse); «il a aussi un moult bel palays a Nise (?), la ou il demeure, quant il luy plaist, mais l'air n'est mie du tout si atrempé comme il est ailleurs en tout son pays». — Латинскій текстъ помѣщаетъ въ числѣ прочихъ чудесъ Индіи еще дворецъ богатаго «Villanus», такъ называемый «райскій» ¹⁾.

По Johannes Witte de Hese ²⁾ городъ, въ которомъ живетъ Пресвитеръ, зовется Эдессой (Edissa). Et illa civitas est capitalis totius regni sui et est sita in superiori India in fine terrae habitabilis, et illa civitas est maior quam essent ххпп^{or} civitates Colonienses. Et habitatio presbiteri Iohannis est sita in medio civitatis, et habet bene in longitudine duo miliaria teutonica et eciam bene tantum in latitudine, quia est quadratum, et palacium stat super columnas, quarum sunt, ut dicitur, ix C in numero, et *media inter istas columnas est maior aliis*, et ad hanc sunt facti quatuor *magni gigantes* de lapidibus preciosis et deauratis,

¹⁾ Presb. Johann., p. 183, 146.

²⁾ Pr. Joh. стр. 165 слѣд.

stantes inclinatis capitibus subtus palacium, acsi portent totum palacium. Et ad quamlibet aliam columpnam sunt eciam factae ymagines, ad unam *ymago regis et ad aliam ymago reginae, habentes ludos et cyphos deauratos in manibus suis. Tunc ymago reginae habet cyphum aureum in manibus suis sibi propinando et sic econtra.* Et istae ymagines sunt de lapidibus preciosis deauratis. Et ita sub palacio est magnus transitus, ad quem populi multitudo convenit. Et ibidem fiunt iudicia spiritualia et saecularia omni die et concilia dominorum civitatis Item idem palacium custoditur omni nocte mille viris armatis. Item in palacio est unus pulcher ambitus, stans eciam super columpnas, ad quas sunt facti ymagines paparum et imperatorum Romanorum, qui fuerunt, et aliquarum reginarum, scilicet Helenae. Item ascendendo palacium sunt quingenti gradus veniendo ad primam habitationem, et in quolibet gradu sunt duo vel plures *leones viventes*, detenti ibidem. Et si aliqui haereticorum vel paganorum praedictos gradus ascenderent, a leonibus interficerentur, ut dicitur. Et istud palacium infimum vocatur «*palacium prophetarum*», quia omnes prophetae sunt ibidem facti de lapidibus preciosis et deauratis, et est ornatum pannis preciosissimis, et lanternis die ac nocte ardentibus. — Слѣдуютъ далѣе, постепенно возвышаясь по лѣстницѣ, еще нѣсколько покоевъ, носящихъ особое названіе каждый: *palacium patriarcharum, habitacio sanctorum virginum, habitacio sanctorum martirum et confessorum, chorus sanctorum apostolorum, chorus sanctae Mariae virginis et angelorum*: «ibi capella pulcherrima, et de mane omni die post ortum solis cantatur ibi missa de beata virgine solempniter. Et ibi est speciale palacium presbiteri Iohannis et doctorum, ubi tenentur concilia. *Et illud potest volvi ad modum rotae, et est testudinatum ad modum coeli*, et sunt ibidem multi lapides preciosi, lucentes in nocte, ac si esset clara dies. — Послѣдній, седьмой покой, названъ «*chorus sanctae Trinitatis*», et ibi est capella pulcherrima pulchrior aliis Et ista capella est nimis alta testudinata, et est rotunda ad modum coeli stellati et transit

circumeundo ad modum firmamenti et est pavimentata de ebureo, et altare est factum de ebureo et de lapidibus preciosis.... Et ibi prope est dormitorium presbiteri Iohannis, mirae pulchritudinis et magnitudinis et testudinatum et stellatum ad modum firmamenti; et ibidem est sol et luna cum septem speris planetarum, tenentes cursus suos ut in coelo, et hoc est artificialiter factum. Item ibi est speculum, in quo sunt positi tres lapides preciosi, quorum unus dirigit et acuit visum, alter sensum, tercius experientiam. Ad quod speculum sunt electi tres valentissimi doctores, qui inspiciendo speculum vident omnia, quae fiunt in mundo.... Item stat ibi magnus gygas, fortiter armatus; et dicitur, quod si aliquis inimicus intraret post occasum solis, quod gygas illum interficeret. Item supra isto septimo et ultimo palacio sunt xx turres mirae altitudinis et pulchritudinis deauratae, sub quibus totum palacium concluditur et tegitur. Et in isto ultimo palacio sunt etiam xxiii palacia seu camerae, quae possunt circumvolvi ad modum rotae. Et ita istud totum palacium habet septem habitaciones prius narratas, in quibus adhuc plura mirabilia et rara.... Item istud totum palacium est situm super uno flumine, quod dicitur Tigris, veniente de paradiso, de quo flumine proicitur aurum».

Обращаемся еще разъ къ показаніямъ Пресвитера: «Singulis mensibus serviunt nobis reges ·VII·, unusquisque illorum in ordine suo, duces ·LVII·, comites ·CCCLXV· in mensa nostra, exceptis illis, qui diversis officiis deputati sunt in curia nostra.... Quorum unusquisque singulis mensibus redeunt ad domum propriam per vices suas. Ceteri a latere nostro nunquam discedunt». — Въ концѣ посланія онъ снова возвращается къ своимъ служилымъ людямъ: «dapifer enim noster primas est et rex, pincerna noster archiepiscopus et rex, camerarius noster episcopus et rex, marscalcus noster rex et archimandrita, princeps cocorum rex et abbas». — Но и его мелкіе служилые люди — такіе-же большіе бары: редакція D рассказываетъ о мельницѣ на золотыхъ столбахъ съ жерновами изъ «adamante lapide», которые приводились

въ движеніе силою какого-то чудеснаго камня. Та-же сила заставляеть зерно подниматься на мельницу черезъ полую колонну, а муку спускаться такими-же жолобами въ пекарню, гдѣ она тотчасъ-же обращается въ хлѣбъ. «Pavimentum clibanī est de topazio frigido, qui naturaliter est frigidus, ut caliditas pasti temperetur, alioquin panis non coqueretur sed combureretur, tantus est calor pasti. Longitudo hujus furni est XL cubitorum, latitudo XV. Hostia sunt hinc et inde X, et pro unoquoque hostia sunt X pistores, et unusquisque pistorum habet de beneficio furni possessiones quingentorum militum et alias divitias multas. Magister pistorum habet tantum quantum omnes pistores habent. Tot etiam sunt molendinarii, et omnes sunt in beneficio aequales cum pistoribus nostris».

Таковы рассказы о чудесахъ Индіи — въ эпистолии и ея отраженіяхъ. Придите и посмотрите, говорилось въ заключеніи эпистолии: «sed cum veneris ad nos, dices, quia vere sumus dominus dominantium universae terrae . . . Si potes dinumerare stellas caeli et harenam maris, dinumera et dominium nostrum et potestatem nostram». Иначе въ русскихъ пересказахъ ¹⁾: «аше хочещи вѣдати всѣхъ силъ моихъ и вся чудеса моего индѣйскаго царства, и ты продай свое царство греческое, да купи бумаги, да приѣдь въ мое царство индѣйское со своими книжники, и я дамъ списати чудеса индѣйскія земли, а не мога тебѣ списати моего царства и до исхода души своей». Нѣсколько иначе въ ркп. Ундольскаго: «И вы, послове, послушайте, да скажите своему царю Мануйлу греческому, да продайте свою землю греческую, да на то купите бумаги и чернилъ, на чемъ вамъ писать моя земля чудеса Индѣйская, да сядьте себѣ писати со всѣми своими

¹⁾ Русскіе тексты посланія напечатаны по разнымъ рукописямъ: Тихоновымъ, въ Лѣтоп. русской литературы и древности, т. II, Сибѣ, стр. 100—103; Баталинымъ, Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ (Воронежъ, 1876), стр. 120—124; Хрущовымъ въ Пам. древней письменности, 1880, вып. III, стр. 11—15; начало у Пыпина, Очеркъ, стр. 91—2. — Въ приложеніи мы печатаемъ Посланіе по списку Кир. Бѣлос. № 11/1011, XV вѣка.

книжники и скорописцы, ино вамъ не написать моеѣ земли и чудесь до исхода души своеѣ; и се не будетъ вашеѣ земли съ бумагу и съ чернила, да пришедъ послужите моему чашнику, и вы будете богаты свыше царства своего»¹⁾. — Уже О. Миллеръ²⁾ обратилъ вниманіе на сходство этого заключенія съ такимъ-же въ былинѣ о Дюкѣ:

Продай-ко свой стольно-Кіевъ градъ
 На эти на бумаги на гербовыя,
 Да на чернила, перья продай още Черниговъ градъ,
 Тогда можешь Дюково имѣнье описывать.

Въ латинскомъ текстѣ заключеніе другое, и въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе вліяніе былины на русскіе пересказы Послания, чѣмъ обратное, предполагающее существованіе особаго текста эпистоліи. То-же можно сказать и о другой подробности: Пресвитеръ награждаетъ своихъ людей «*tam de equis quam in aliis expensis*». Мать Дюка посылаетъ ему «добрыхъ коней стады-стадами, шерстью разною» (Рыбн. II, № 30), Владимировы послы описываютъ ихъ въ царствѣ Дюковой матушки (Рыбн. I. с.; Гильф. № 230);

На дворѣ стоятъ столбы всё серебряные,
 Продернуты кольца позолоченныя,
 Разоставлена сыта медвяная,
 Есть насыпана пшена бѣлоярая,
 Есть что добрымъ конямъ пить и кушати

(Рыбн. III, № 29 = Гильф. № 225). Сл. Рыбн. II, № 30 и Ефименко, Матеріалы № IV, стр. 17:

Во той во оградѣ булатныя
 Надѣланы были бойни-кузницы,
 Теплы конюшни стоялыя;

¹⁾ Баталія, I. с., р. 124.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 594—5.

Въ нихъ стоять жеребцы неѣзжалые,
 Пьютъ-то ѣдятъ траву шелковую,
 Запиваютъ водой свѣжей, ключевою.
 Во той-то оградѣ булатныя,
 Было трпета столбовъ серебряныхъ,
 Четыреста было золоченыхъ,
 Мѣдныхъ и желѣзныхъ
 Числа смѣти вѣтъ.

Въ одномъ изъ древне-русскихъ текстовъ сказанія Пресвитеръ говоритъ: «да еще стоятъ среди моего двора 40 столбовъ серебряныхъ, позолоченныхъ, и во всякомъ столпѣ вковано по 40 колець, а у всякаго кольца привязано по 40 коней, а на тѣхъ коняхъ ѣздить со мною на всякую потѣху» ¹⁾).

За вычетомъ этихъ эпизодовъ все вообще содержаніе Дюковыхъ былинъ обличаетъ вліяніе Сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ. Начну съ мелочи: съ описанія роскошной пекарни Пресвитера въ редакціи D, которая невольно напоминаетъ глумленіе Дюка за столомъ Владимира и его рассказъ о муравленыхъ печкахъ и шелковыхъ помелочкахъ! — Но намъ важнѣе уяснить себѣ общій планъ нашихъ былинъ по отношенію къ матеріаламъ эпистоли.

Какой-нибудь византійскій пѣвецъ или рассказчикъ XII вѣка легко могъ представить себѣ, что греческій императоръ, лично или черезъ пословъ, пожелалъ удостовѣриться въ дѣйствительности чудесъ Индіи. Его герой не могъ-бы миновать на ея границахъ «горъ толкучихъ», которыя представились на пути Дюка; Индія открылась-бы ему горящею золотомъ, какъ послу-Добрынь. Тамъ течетъ «струйка золотая» — Тигръ, несущій въ себѣ золото; тамъ хоромы Пресвитера, не столько дворець, сколько цѣлая система дворцовъ, невиданное великолѣпіе которыхъ, въ эпистоли и ея подражаніяхъ, является преувеличеннымъ отголоскомъ одной лишь, возможной въ средніе вѣка дѣйстви-

¹⁾ Баталинъ, I. с., р. 99 прим.

тельности: придворной византийской. Въ опочивальнѣ Пресвитера вращаются солнце и луна и семь небесныхъ планетъ — какъ въ индѣйскихъ теремахъ Дюка ¹⁾; на драгоцѣнныхъ колоннахъ горятъ карбункулы-самосвѣты, какъ въ Дюковой Индіи крыши всѣ серебряныя, «шеломы, потоки золоченые — Шарикъ самоцвѣтные камешки, — Домики стоятъ да быдто жаръ горятъ». Пѣвецъ-разскащикъ не забылъ-бы, вѣроятно, и еще одной хитрости-мудрости Пресвитерова дворца: ряда колоннъ, на каждой, поочередно, изображеніе царя и царицы, у нихъ въ рукахъ музыкальные инструменты (*ludos* = арабск. *al'-oud* и его европейскіе производные) и кубки (*cyphos* = *scyphos*): они точно подносятъ другъ другу «зелена вина», и лишь по ошибкѣ переселились въ Дюковы пуговицы и петелки:

Во пуговицъ-то было вито по доброму молодцу,
 А въ петелки-то было вплетено по красной дѣвушкѣ:
 По петелкамъ какъ поведетъ,
 Такъ красны дѣвушки наливаютъ зелена вина
 И подносятъ добрымъ молодцамъ;
 А по пуговицамъ поведетъ,
 Добрыя молодцы играютъ въ гусли яровчаты,
 Розвеселяютъ красныхъ дѣвушекъ.

Въ основаніи могло лежать описаніе какого-нибудь органа особаго устройства, въ родѣ механическихъ птичекъ на золотомъ деревѣ, поющихъ подъ давленіемъ мѣховъ: о немъ говоритъ въ описаніи индѣйскаго царства Елисей, онъ встрѣчается въ средне-вѣковыхъ романахъ и его видѣли, въ дѣйствительности, при византийскомъ дворѣ, въ числѣ прочихъ диковинокъ ²⁾. Сл. описаніе органа съ еще болѣе сложнымъ механизмомъ въ нѣмецкой Александріи Лампрехта (= Alberic de Besançon?).

¹⁾ Сл. въ монастырѣ св. Георгія въ Манганахъ, основанномъ Константиномъ Мономахомъ, сводъ на подобіе неба, съ золотыми звѣздами.

²⁾ Сл. Разысканія IV: Сонъ о деревѣ въ повѣсти града Іерусалима и стихѣ о Голубиной книгѣ.

Но пойдѣмъ далѣе за воображаемымъ византійскимъ пѣвцомъ-разскащикомъ. Семьдесятъ два царя, князя и т. п. находятся въ окруженіи Пресвитера, прислуживаютъ ему, одинъ въ качествѣ чашника, другой стольника, третій — архимагера (*prince de ceux*) и т. д. Легко и совершенно въ народномъ стилѣ было — извратить послѣдовательность: не цари-стольники, чашники — а простые стольники, чашники, служилые люди, встрѣченные пришельцомъ, посломъ, представляются ему въ такомъ блескѣ, что онъ принялъ ихъ — за царя, какъ Добрыня принимаетъ за Дюкову матушку — портомойницу, божатушку, служанокъ, сидящихъ въ теремахъ, въ шолку, золотѣ и серебрѣ. Подобной народной разработкѣ могла подвергнуться и другая подробность эпистолии: торжественное шествіе Пресвитера, съ тринадцатю драгоценными крестами и блестящей военной свитой, могло быть понято какъ шествіе изъ церкви — во время котораго Добрыня впервые видитъ Дюкову матушку, въ толпѣ дѣвушекъ, метельщиковъ, людей, несущихъ надъ ней зонтикъ-подсолнечникъ. — Что до «*tres lapides preciosi, quorum unus acuit et dirigit visum, alter sensum, tercius experienciam*» (Joh. Witte de Hese), то о нихъ ходила такая легенда: Пресвитеръ Іоаннъ шлетъ пословъ къ именитому и могущественному императору Фридриху, «*a scolui che veramente fue specchio del mondo in costumi, et amò molto dilicato parlare, et istudiò in dare savi risponsi. La forma et la intenzione di quella anbasciaria si fue solo in due cose, per volere al postutto sapere et provare se lo Imperadore fosse savio in parole et in opre. Et mandolli per li detti anbasciadori tre pietre nobilissime, et disse loro: donatele allo Imperadore et ditegli da mia parte, che vi dica qual è la migliore cosa del mondo; et lle sue parole et risponsi serberrete*». Посланники являютъся ко двору императора, который хвалитъ присланные ему драгоценные камни и велитъ ихъ спрятать, не спросивъ объ ихъ свойствахъ. Въ отвѣтъ на вопросъ Пресвитера, онъ говоритъ его посламъ: *Ditemi al vostro singnore, che la migliore cosa del mondo si è misura.* — Когда посланники, вернувшись во свояси,

сообщили своему повелителю о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, онъ «lodò lo'imperadore et disse che molto era savio in parole, ma non in fatti, per ciò che non avea dimandato delle virtù delle pietre le quali erano di così grande nobilitade. — Rimandòvi gli ambasciadori allo Imperadore et proferselli, se lli piacesse che'l presto Giovanni il fare'siniscalco della sua corte. Et feceli contare tutte le suoi riccheze et le diverse generazioni delli sudditi suoi et lo modo del suo paese. — Таково, какъ извѣстно, содержаніе письма Пресвитера Іоанна, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ котораго онъ также предлагаетъ императору поступить къ нему на службу. — Da indi a pocho tempo, pensando lo Presto Giovanni, che lle pietre che avea donate allo Imperadore avevano perdate le loro virtude, poi che non erano per lo Imperadore conosciute, tolse uno suo carissimo lapidario et mandollo celatamente in della corte dello Imperadore et dissegli: Al postutto metti lo ingegnio tuo sì che tue quelle pietre mi rechi et per nessuno tesoro rimangnia. Lo lapidario si mosse guernito di molte pietre di grande bellezze, giunse a corte dello Imperadore, puosesi presso dal suo palagio. Questi fece bottegha et incominciò a lleghare di molte belle pietre. Li baroni venieno et li cavalieri et vedevano lo suo mistieri. Lo lapidario era molto savio: quando vedea alcuno che avesse luogo in corte, donavagli. Donò anella molte; tanto che la lode di lui andò davanti allo Imperadore. Lo Imperadore mandò per lui et mostrogli sue pietre. Lo maestro le lodoe, non di grandi vertude. Dimandò se avesse più care pietre. Lo Imperadore fece venire le tre pietre preziose, quelle che lo maestro desiderava di vedere et d'aver. Allora lo lapidario si rallegrò et prese l'una di queste tre pietre et rinchiusesela in mano, et disse: Messer, questa pietra vale la migliore cittade che voi avete. Et poi prese l'altra et disse: Questa vale la migliore provincia che voi avete. Poi prese la terza et disse: Questa vale più che tutto il vostro imperio. Strinse lo pugno colle dette tre pietre: la virtù dell'una sì lo celò sie che lo Imperadore nè sua gente non lo poteno vedere. Et andonne per li gradi del palazzo

et andossi via. Et tornò al suo singnore messer lo Presto Giovanni, et rapresentogli le pietre con grande allegrezza ¹⁾).

Та-же новелла встрѣчается и въ сѣверномъ пересказѣ, изданномъ Гисласономъ по одной исландской рукописи XIV вѣка, съ нѣкоторыми отличіями и явными искаженіями. Рассказывается объ одномъ Датчанинѣ, отправившемся путешествовать куда-то на югъ и дошедшемъ до Индіи. Въ одномъ большомъ городѣ онъ остановился у какого-то скабина (échevin), который далъ ему три небольшихъ драгоцѣнныхъ камня, въ подарокъ его королю. Вернувшись домой, датчанинъ исполнилъ порученіе. «Не думаю, чтобъ эти камни многого стояли, говоритъ король, и дорого за нихъ я не дамъ, но я сохранию ихъ, потому что пославшій ихъ мнѣ, вѣроятно, потребуеть взаимнаго подарка». Черезъ нѣкоторое время какой-то незнакомецъ явился къ королю, когда онъ былъ за столомъ; поклонившись, онъ спросилъ, передали-ли ему камни, посланные изъ Индіи? Тотъ отвѣчалъ утвердительно. — «Желаете-ли вы вознаградить пославшаго?», спросилъ далѣе незнакомецъ. — «Не знаю, на сколько камни того стоятъ.» — «Покажите ихъ мнѣ». — Когда принесли камни, онъ взялъ ихъ въ руку и сталъ объяснять королю ихъ достоинства. «Вы считаете ихъ ничего не стоящими, — а вотъ этотъ камень таковъ, что если взять золота, одного вѣсу съ нимъ, и положить къ нему, золото всё время будетъ удвоиться; этотъ камень предохраняетъ носящаго его при себѣ въ сраженіи, будь онъ даже невооруженнымъ, отъ всякой раны; что до третьяго, продолжалъ пришлецъ, то я, держащій его, теперь стою здѣсь, а черезъ мгновеніе буду въ Индіи». И онъ дѣйствительно исчезъ изъ виду при закрытыхъ дверяхъ. О какомъ это рассказывается королѣ, навѣрное не знаю, говорится въ концѣ повѣсти; говорили мнѣ,

¹⁾ Текстъ Biagi № 2 = Gualteruzzi (Milano, 1825), nov. 2; Il Novellino ed. Domenico Carbone (Firenze 1862) Nov. I; въ изданіи Borghini (Giunti 1581) № 1. См. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, стр. 102—103.

что то былъ Вольдемаръ старый, у котораго много было рѣдкихъ камней, привезенныхъ изъ Индіи ¹⁾.

Въ одномъ нѣмецкомъ стихотвореніи XIV вѣка пресвитеръ Іоаннъ посылаетъ императору Фридриху II платье изъ саламандровыхъ кожъ, сосудъ съ молодящей водой и золотой перстень, дарующій побѣду, съ тремя камнями: одинъ изъ нихъ не даетъ человѣку погибнуть въ водѣ, еслибъ онъ находился въ ней въ теченіи цѣлаго года; другой дѣлаетъ его неуязвимымъ, третій невидимымъ. Развязка разсказа иная ²⁾.

Это не тѣ-ли три *камешка*, которые Дюкова мать показываетъ Владиміровымъ оцѣнщикамъ: отъ нихъ «огни горя, лучи пекутъ» — и послы не въ состояніи цѣны имъ дать? «Камни-самосвѣты» подставились, вѣроятно, на мѣсто какихъ-нибудь другихъ, болѣе диковинныхъ, — какъ общее мѣсто: по Midrasch Bereschit Rabba камень-самосвѣтъ, висѣвшій въ воздухѣ, замѣнялъ Ною въ ковчегѣ солнце и мѣсяцъ (Wünsche, Bibl. rabbinica, IV, 134). Такихъ камней много въ Индіи Пресвитера, въ византийскомъ дворцѣ Гугона — и Дарія (въ сербской Александріи, ed. Новаковичъ, кн. II, гл. 11: «четыре же камени на четири оугле ток полати бѣхоу, иже въ ношти тако огнь въ мѣсто свѣшть свѣтехоу»); въ палатахъ Дигениса есть башня, и въ ней покой, весь въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ: его освѣщаетъ ночью «большой круглый камень». Въ русскихъ былинахъ такіе камни-самосвѣты, *тироны*, вплетены бывають въ лапотцы, въ шапку, у коня межъ ушей (Кир. I, стр. 87) и т. п.; въ сербской Александріи кн. II, гл. 31 Александръ носитъ такой камень передъ войскомъ на копьѣ «въ мѣсто лоучева фаноса». Кстати: тиронъ или тиронъ, т. е. оберегъ-камень? Новогр. τῆρῶ — смотрѣть, глядѣть, но и сохранить, беречь.

¹⁾ R. Köhler, La nouvelle italienne du prêtre Jean et de l'empereur Frédéric Barberousse et un récit islandais, Romania XVII, p. 76 слѣд.

²⁾ Сл. Zarncke, Der Priester Johannes. Erste Abhandlung (въ Abhandlungen d. philol. hist. Cl. d. k. sächs. Ges. d. Wiss., т. VII), vv. 1019 слѣд.

Въ предложенной выше реставраціи византійской пѣсни-рассказа мы держались плана Дюковой былины, собственно ея послѣдней части, но пересказали её при помощи матеріаловъ Эпистолии и памятниконъ, отъ нея пошедшихъ. Соотвѣтствіе вышло значительное, полученное, какъ мнѣ кажется, безъ помощи натяжекъ. Византійскій посоль ходилъ въ Индію богатую и лицедрѣль ея чудеса; впоследствии вмѣсто него ходилъ туда-же посоль или послы Владимира; мотивомъ хожденія явилось не приглашеніе Эпистолии, а появленіе при дворѣ заѣзжаго молодца и его побѣдоносная похвальба. Кто являлся въ роли Дюка въ предполагаемомъ оригиналѣ его былины? Едва-ли самъ Пресвигтеръ; что до Дюковой матушки, то она могла развиться уже на почвѣ русскаго приуроченія. Какого роду-племени Дюкъ, Соловей Будимировичъ, Иванъ Гостинный сынъ? могли спрашивать себя пѣвцы, приобщившіе къ Кіеву и Владимиру бродячія пѣсни объ этихъ «захожихъ» богатыряхъ? Сказать что-либо объ ихъ отцѣ не умѣли; отецъ Чурилы — одно имя: онъ для того только и выведенъ, чтобы учествовать Владимира до появленія сына; а генеалогическая струнка, столь сильная въ сложеніи всякаго эпоса, продолжала звучать — и ей отвѣтили типическимъ образомъ матери, строгой, любящей и журливой, — образомъ нѣсколько иконописнымъ. Явилась мать у Соловья Будимировича, у Дюка: она и стала распоряжаться въ царствѣ — Пресвитера Іоанна.

На сколько первичная былина о Дюкѣ возстановляется данными Посланія, она представляетъ собою архаистическій типъ. Кіевское приуроченіе чувствуется слабо: Дюкъ въ Кіевѣ не уживается; для народной гордости не сдѣлано никакой уступки: Дюкъ приходитъ ко двору кіевского князя, похваляется, и пѣсня кончается посольствомъ къ нему, которая вѣнчается побѣдой его похвальбу. — Представимъ себѣ, что пѣсня подобнаго рода зашла въ другую среду, исполненную бѣльшаго самосознанія, хотя бы сознанія силы, дивящуюся, но не смущающуюся несмѣтными богатствами и невиданными чудесами иной страны. Характеръ пѣсни измѣнится — подѣ вліяніемъ болѣе крѣпкихъ жизненныхъ идеаловъ

и прочаго общественнаго строя: тотъ-же, кто станетъ дивиться, поспѣшитъ похвастать и самъ.

Таковы отношенія нашихъ пѣсень о Дюкѣ къ той сказочной схемѣ, на которой построены старофранцузскія преданія — о паломничествѣ Карла Великаго въ Иерусалимъ и Константинополь. Взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ могутъ быть выражены такимъ образомъ:

А. а) Дюкъ хочетъ повидать Кіевъ и Владимира.

б) Въ Кіевѣ похваляется.

с) Послы Владимира ѣдутъ въ Индію: встрѣчаютъ другъ за другомъ служилыхъ людей Дюка, которые производятъ на нихъ царское впечатлѣніе: стряпчаго въ крестьянскихъ дворахъ, который ихъ угощаетъ, портомойницу, колачницу и т. п., у которыхъ ночуютъ; видятъ мать Дюка, торжественно шествующую подъ балдахиномъ и т. д., чудеса роскоши и искусства: затѣйливое изображеніе дѣвушекъ и молодцевъ, играющихъ, наливающихъ другъ другу вино и т. д.

В. а) Карлъ хочетъ повидать византійскаго императора Гугона, о величій и могучествѣ котораго говорятъ ему его жена.

б) На пути въ Константинополь онъ и его паладины встрѣчаютъ служилыхъ людей императора: пастуховъ овецъ и коровъ и свинопасовъ, среди которыхъ думаютъ обрѣсти его самого: такъ роскошно они живутъ, угощаютъ путниковъ и даютъ имъ ночлегъ. — Видитъ самого императора въ торжественномъ шествіи (балдахинъ), чудеса роскоши и искусства: дѣвушекъ и молодцовъ на плястрахъ, играющихъ, кивающихъ другъ другу и т. п.

с) Карлъ и его паладины хвастаются.

Отношеніе этой схемы къ предъидущей ясно само собою; матеріалъ разсказа одинъ и тотъ-же, но пониманіе другое. Нерѣдко наша былина и старофранцузское преданіе покрываютъ другъ друга, указывая позади себя на болѣе древній, общій обобщеніе, источникъ; вліяніе эпистоліи легко замѣтить тамъ и здѣсь въ общихъ чертахъ, но на сторонѣ французскаго сказанія заимствованій обнаруживается больше и онѣ сохранились

чище: и въ его оригиналѣ цѣлью странствованія могла быть Индія, чудеса которой были перенесены на Константинополь, когда путешественникомъ туда сталъ являться не византійскій витязь или императоръ, а — Карлъ Великій.

Древняя повѣсть о Хожденіи Карла Великаго въ Іерусалимъ и Константинополь ¹⁾ разсказана въ старофранцузской поэмѣ, сохранившейся лишь въ одной (нынѣ утраченной) рукописи XIII—XIV вѣка, но относимой къ XI-му, можетъ быть вѣрнѣе, къ первой половинѣ XII-го вѣка. Тому-же столѣтію принадлежитъ, вѣроятно, и та особая ея редакція, къ которой восходятъ кимрійскій и старосѣверный переводы (XIII в.) и оригиналь старофранцузскаго Galien. Koschwitz (Sechs Bearbeitungen № I) издалъ кимрійскую Ystoria Charles по Красной книгѣ Hergest'a, доказавъ зависимость ея текста отъ сходнаго, встречающагося въ кимрійскихъ-же переработкахъ Псевдо-Турпина.— Старосѣверный переводъ романа вошелъ въ составъ Karlamagnus-saga; отъ него зависятъ шведскій и датскій пересказы; двѣ поэтическихъ обработки Хожденія, исландскій и фарейскій были недавно изданы Kōlbing'омъ (Koschwitz l. c. № V и VI: Geiplug и Geira-táttur). — Что до французскаго Galien, то онъ сохранился 1) въ прозаическомъ Galien le Restoré одной парижской ркп. Bibl. Nationale fr. 1470, anc. 7548 (у Koschwitz'a l. c. № III = G) и въ старопечатномъ текстѣ романа того-же имени (ib. № IV = G'), указывающихъ на общій имъ, болѣе древній прозаическій оригиналь; 2) въ эпизодѣ эпической компиляціи, ходящей подъ именемъ Guerin de Montglane, стихотворный текстъ которой недавно открытъ Р. Meyer'омъ въ одной чельтенгэмской ркп. XV вѣка, прозаическій пересказъ извѣстенъ

¹⁾ Koschwitz, Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel. Heilbronn, 1880 и 1883 гг.; его-же: Sechs Bearbeitungen des altfranzösischen Gedichts von Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel., l. c. 1879; Gaston Paris, La chanson du pèlerinage de Charlemagne, въ Romania № 37, p. 1—50. См. его-же ibid, № 45, p. 1—13: Le roman de la geste de Montglane и статью о Galien въ Hist. litt. de la France, t. XXVIII, p. 221 слѣд. — Karlamagnussaga цитруется далѣе по изданію Unger'a.

по старопечатному изданію и одной рукописи библіотеки Арсенала (у Koschwitz, l. c. № II = P). — Всѣ эти тексты Galien'a восходятъ къ предполагаемой особой рецензіи Хожденія XII вѣка, при посредствѣ вторичной ея переработки, совершенной, вѣроятно, въ XIII столѣтіи. — По догадкѣ G. Paris'a эта-же стихотворная переработка дала матеріалъ для франко-итальянской поэмы, конца XIII либо начала XIV вѣка, и отъ нея-то, нынѣ утраченной, ведутъ свое начало позднѣйшіе итальянскіе прозаическіе пересказы, вродѣ того, который внесень въ *Viaggio di Carlo Magno in Israpna*, и эпизода «похвальбы» въ *Libro del Danese* ¹⁾. — На данныхъ указанныхъ выше поэмъ построена отчасти и старо-англійская, отрывокъ которой, сильно испорченный, напечатанъ былъ Sir Fr. Madden'омъ въ предисловіи къ *Sir Gawain* и въ новомъ изданіи балладъ Перси: Карлъ Великій замѣненъ Артуромъ; какъ тотъ хвастается своимъ величіемъ, такъ Артуръ Круглымъ столомъ; жена Карла указываетъ ему на византійскаго императора Гугона, Женьевра — на Корнуэльскаго короля; и Карлъ и Артуръ идутъ съ своими спутниками, какъ паломники, но похвальбу (*gabs*) французскихъ поэмъ замѣнили въ англійской — обѣты (*vows*) ²⁾.

Разбирая содержаніе рассказовъ о хожденіи Карла мы будемъ слѣдовать установленной выше схемѣ.

¹⁾ Romania, № 37, p. 3, прим. 1. Сл. Koschwitz, Sechs Bearbeit. p. XVI—XVII и Rajna въ Romania 1875 г., p. 401—2, 414 слѣд.

²⁾ G. Paris, l. c. p. 2, прим. 1, стр. 10, прим. 1. Въ одномъ еще неизданномъ романѣ цикла Круглаго стола (*Rigomer*) Артуръ садится на коня и Gauvain держитъ ему стремя. Артуръ смѣется; спрошенная королевой о причинѣ своего смѣха, онъ говоритъ: Какъ мнѣ было не развеселиться, когда я подумалъ, что нѣтъ на свѣтѣ лучше царя, чѣмъ я, нѣтъ коня лучше моего, и что лучший рыцарь держитъ мнѣ стремя. Царица замѣчаетъ, что правда прежде всего и что найдется рыцарь, который поспоритъ съ Gauvain'омъ. Разгнѣванный Артуръ готовъ побить жену, грозитъ ей смертью, если она не назоветъ ему того рыцаря. По просьбѣ Gauvain'a царицѣ даютъ срокъ на годъ — по истеченіи котораго лучшимъ рыцаремъ являлся, быть можетъ, Ланцелотъ. Сл. G. Paris, *Études sur les Romans de la Table Ronde*, I: *Lancelot du Lac*, въ Romania, № 40, p. 493—4 и прим. на стр. 494.

а) Однажды, когда Карлъ былъ въ аббатствѣ Saint-Denis, въ вѣнцѣ и при мечѣ, онъ покичился передъ женою:

7 Il la prist par le poin desoz un olivier,
De sa pleine parole la prist a araisnier:
«Dame, veïstes onques rei nul de desoz ciel
Tant bien setst espée ne la corone el chief?

Нечего тебѣ хвастать, говорить ему жена: Знаю я другого паря, болѣе величаваго и милостиваго чѣмъ ты. — Карлъ смущенъ и разгнѣванъ этимъ отвѣтомъ, настаиваетъ на томъ, чтобы жена назвала ему, кого она разумѣетъ: онъ самъ пойдетъ убѣдиться въ истинѣ ея словъ, и если окажется, что она сказала неправду, онъ велитъ снести ей голову съ плечъ. Та называетъ Гугона, императора Рима и Константинополя, обладающаго Персией и Каппадокіей (48 Et si tient tote Perse tresque en Capadoce). — Карлъ объявляетъ баронамъ о своемъ рѣшеніи: посѣтить Іерусалимъ, чтобы поклониться гробу Господню, а за тѣмъ и Константинополь. Онъ и двѣнадцать его перовъ идутъ, въ одеждѣ паломниковъ, съ сумой и клюкой; при нихъ 80000 войска, о которомъ далѣе вовсе не упоминается. Перы названы: Röllant, Olivier, Turpin, Guillelme d'Orengе, Ogier de Danemarche, Naimon, Gérin, Bérenger, Ernalt de Gironde, Aïmer, Bernard de Brusban и Bertrans. — Путь идетъ сначала на Іерусалимъ, гдѣ Карла привѣтствуетъ Патріархъ, дающій императору частицы мощей и святынь; лишь на обратномъ пути паломники попадаютъ въ Константинополь. — Хожденіе Карла въ Іерусалимъ, о которомъ существовали древніе рассказы, сплочено чисто внѣшнимъ образомъ съ его хожденіемъ къ Гугону, почему въ слѣдующемъ изложеніи мы его и не касаемся, тѣмъ болѣе, что G. Paris обстоятельно комментировалъ, съ точки зрѣнія топографической и археологической, іерусалимскій эпизодъ поэмы. Позволю себѣ коснуться лишь одной подробности. Въ Karlamagnus-saga говорится, что Патріархъ далъ императору плащаницу и онуча Христа, частицы честнаго креста, остріе копья, которымъ былъ

прободенъ Спаситель, я копье св. Меркурія. Вернувшись во Францію Карлъ положилъ онучи въ Aix'ѣ, плащаницу въ Compiègne (Comparins), честной крестъ въ Орлеанѣ; острие копья онъ велѣлъ вдѣлать въ рукоять своего меча, почему его и прозвали Joyeuse; отсюда, будто-бы, и военный кликъ французскихъ рыцарей: Montjoie. — G. Paris (l. c. p. 34, прим. 4) находитъ то-же преданіе — объ остріи — и въ Chanson de Roland:

Asez savuns de la lance parler
Dunt nostre sire fut en la cruiz naffrez;
Charles en ad la mure, mercit Deu:
En l'orie punt l'ad faite manuvrer.
Par ceste honur e pur ceste bontet
Li noms Joise l'espée fut dunez.
Barun franceis nel deivent ublier:
Enseigne en unt de Munjoie crier.

Въ греческихъ легендахъ оба обрѣтенія честнаго креста царицей Еленой нѣчто подобное рассказывается — о Константинѣ Великомъ¹⁾.

Таковъ рассказъ поэмы XI-го вѣка о «выѣздѣ» Карла; въ сущности таковымъ представляютъ его и вся ея отраженія.

¹⁾ Я имѣю въ виду напечатанную у Гретсера (Gretseri, Opera omnia, Ratisbonae MDCCXXXIV, t. II, p. 429—36) легенду о находеніи честнаго креста царицей Еленой, и именно слѣдующій эпизодъ: Μεταχαλεσαμένη (т. е. Елена) γὰρ ἄνδρα πιστόν καὶ ἐπιστήμονα ὃν πλείονες προεμαρτύρουσιν, ἔφη πρὸς αὐτόν· Βασιλέως ἐνταγμα φύλαξον καὶ βασιλέως μυστήριον ἔργασαι. Λάβε τοὺς ἥλους τούτους καὶ ποίησον σαλιβάριον ἐν τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἐφ' ᾧ ὁ βασιλεὺς ἐποχεῖται. Οὗτος γὰρ ἔσται ἔπλον ἀκαταμάχητον πρὸς πάντας τοὺς ὑπεναντίους, νίκης τε βασιλέων καὶ εἰρήνης πολέμου, ὅπως πληρωθῆ τὸ ρηθὲν ὑπὸ τοῦ προφήτου καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἡμέραις ἐκείναις τὸ ἐπὶ τῷ χαλινῷ τοῦ ἵππου, ἅγιον κληθήσεται τῷ Κυρίῳ. Сходно въ одномъ греческомъ житіи, по ркп. XI-го вѣка, предварившемъ, въ эпизодѣ о рожденіи Константина, извѣстный рассказъ Никифора Каллиста: Елена приноситъ сыну гвозди отъ креста Господня; онъ-же «τῶν δὲ ἥλων τοὺς μὲν εἰς τὴν περικεφαλαίαν τὴν ἐαυτοῦ ἐχάλκωσε, τοὺς δὲ ἀνέμιξεν ἐν τῷ σαλιβαρίῳ τοῦ ἵππου αὐτοῦ, ἵνα πληρωθῆ τὸ ρηθὲν διὰ τοῦ προφήτου λέγοντος· ἐν τῇ ἡμέρᾳ ἐκείνῃ ἔσται τὸ ἐπὶ τοῦ χαλινῷ τοῦ ἵππου τοῦ βασιλέως ἅγιον τῷ Κυρίῳ, Παυτοχράτορι». — Житіемъ этимъ, равно какъ и другимъ, также по списку XI вѣка, я могъ пользоваться въ копіяхъ В. К. Эрнштедта, которому и приношу мою благодарность.

Вездѣ дѣло начинается съ похвальбы императора и отвѣда жены; только въ P (Guerin) эта черта смягчена: «Et qui voudroit savoir qui mouvoit l'empereur et ses barons a venir par la, dit l'istoire que au partement de l'empereur en la cité de Vienne estoit la royne laquelle dist Charlemaine qu'elle avoit ouy parler du plus riche prince du monde. Sy ne se pot tenir l'empereur de lui enquerir qui estoit cellui prince. «En non deu, sire», ce lui respondi la dame, «c'est le roy Hugues de Constantinoble, duquel je me merveil plus que d'aultre chose, car j'ay sceu par certains pelerins lesquelz ont esté au Saint Sepulcre ou vous devez aler par promesse qu'il a le plus beau tresor du monde. Sy vous prie que par la retournez pour en savoir la certainté.» Sy lui respondi l'empereur qui grant desir avoit de toutes nouvelles savoir(s), qu'il passeroit par la voirement et que de ce qu'il auroit veu lui ferait faire savoir la vraie verité».

Имена перовъ, спутниковъ Карла, въ различныхъ пересказахъ слегка колеблются и искажаются, представляя, впрочемъ извѣстное число постоянныхъ собственныхъ именъ. Столь-же постоянно имя Константинопольскаго императора: Hugues, — он (поэма), Hugh (кипр.), Huguon (Guerin), Hugues (Galien), Hugon (сага), Hugunn, Hugi (Geiplur), Hugon (Geira-táttur) ¹⁾. — Давно тому назадъ я пытался связать это загадочное имя съ Hugdietrich'омъ, царящимъ въ Константинополѣ въ старонѣмец-

¹⁾ Húgon, царь Miklagarð'a (= Константинополя) въ Mágussaga, очевидно, тождественъ съ нашимъ, какъ и начало саги облачаетъ вліяніе Хождения: Hlōbveg, король Саксланда, внукъ Карла Великаго, спрашиваетъ однажды своего совѣтника Сигурда — существуетъ-ли на свѣтѣ царь равный ему могуществомъ (сл. въ началѣ Хождения хвостовство Карла V.). Тотъ отвѣчаетъ, что пока у него нѣтъ семьи, его могущество не полно, и указываетъ ему на подходящую жену: Ерменгарду, дочь византійскаго императора Гугона. Этотъ мотивируется брачная поѣздка Hlōbveg'a въ Константинополь. Далѣе сага развивается своеобразно; замѣтимъ только, что Hlōbveg, разгнѣвавшись на жену, задаетъ ей, въ числѣ другихъ трудныхъ уроковъ, и задачу: построить дворецъ, столь-же великогѣпный, какъ Гугоновы палаты. См. Wulff, Notices sur les sagas de Mágus et de Geirarð et leurs rapports aux épopées françaises Lund, 1874; Suchier, Die Quellen der Mágússaga въ Germania XX, стр. 275.

кихъ поэмахъ о немъ и Wolfdietrich'ѣ ¹⁾. — Такое-же сближеніе предлагаетъ теперь и G. Paris ²⁾.

б) Карлъ и его паладины подъѣзжаютъ къ Константинополю. Издали свѣтятся его колокольни, куполы, золотые орлы;

264 Destre part la citet demie liue grant
Troevent vergiers plantez de pins e loriers blanz;
La rose i est florie, li albors et l'aiglencz.
Vint milie chevaliers i troverent seanz,
E sont vestut de pailles e de hermines blans
E de granz pels de martre josqu'as pies traïnanz.
As eschies et as tables se vont esbaneiant,
E portent lor falcons et lor ostors alquant;
E treis milie pulceles a orfreis reluisanz.
Vesties sont de pailles, ont les cors avenanz.
Et tienent lor amis, si se vont deportant.

Карлъ со своими ѣдетъ дальше,

283 Trovat le rei Hugon a sa carue arant;
Les cunjules en sont a or fin reluisant,
Li aissels et les rões e li coltres aranz.
Il ne vait mie a piet, l'aguillon en sa main,
Mais de chascune part at un fort mul amblant;
Une chaiere sus le tient d'or sozpendant.
La sist li emperere sor un coissin vaillant —
La plume est d'oriol, la teie escharimant —
As piez un eschamel neielet d'argent blanc,
Son chapel en son chief; molt par sont bel li guant;
Quatre estaches d'or mier entorn lui en estant,
Desus i at jetet un bon paille grizain.
Une verge d'or fin tint li reis en sa main,
Si conduit son arere tant adrecieement,
Si fait dreite sa reie cum ligne qui tent.

¹⁾ Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, въ Russ. Revue, IV Jhrg., 6 Heft, p. 554, прим. 18.

²⁾ l. c. p. 15, прим. 2.

Императоры здороваются, Гугонъ предлагаетъ прїѣзжимъ свое гостепрїимство.

317 Li reis desjoint ses boes et laisset sa charue;
 E paissent par ces prez, amont par cez coltures.
 Li reis montet al mul si s'en vait l'ambleüre.
 «Sire», dist li reis Carles, «ceste vostre charue,
 Tant i at de fin or que jo n'en sai mesure;
 Se senz garde remaint, crien qu'ele seit perdue».
 E dist Hugue li reis: «De tot ço n'aiez cure;
 Onques nen out larron tant com ma terre duret.
 Set anz i porrat estre, ne serat remode».

.....
 Li reis brochet le mul si s'en vait l'ambleüre
 E vint sus al palais ou out s'oissor vette.
 Il l'at fait conreer; et cele est revestue,
 Li palais et la sale de pailles portendue;
 A tant es-vos Charlon od sa grant gens venue.
 L'emperere descent defors le marbre blanc,
 Cez degrez de la sale vint al palais errant.
 Set milie chevaliers i troverent seanz
 A peliçons hermines, bliaz escharimanz;
 As eschies et as tables se vont esbaneiant,
 La defors sont corut li plusor e alquant,
 Requrent les somiers et les forz mulz amblanz,
 A lor ostels les meinent conreer gentement.

Въ тѣсной связи съ поэмой стоитъ кимрїйскїй пересказъ: Карль и его перы пришли въ широкую, цвѣтущую равнину, покрытую цвѣтами и коленными деревьями. Здѣсь они встрѣтили толпу тысячи въ три человекъ: всѣ богато одѣты, точно каждый изъ нихъ царь или властелинъ. Одни изъ нихъ играли въ шашки, другіе въ шахматы, у этихъ сидѣли на рукахъ сокола, тѣ бесѣдовали съ благородными дѣвицами и царевнами; ихъ было много, такъ что Карль подивился такому множеству родовитыхъ людей. Онъ спрашиваетъ одного изъ нихъ, гдѣ бы ему повидать императора. Онъ впереди — пашеть.

Въ этомъ эпизодѣ кимрійской прозы и соответствующемъ поэмѣ кое-что не досказано: въ другихъ текстахъ Карлъ встрѣчаетъ пастуховъ и т. д. Гугона, которыхъ принимаетъ за людей сановныхъ, именитыхъ. То-же могло быть и здѣсь: играютъ, забавляются охотой, очевидно, простые смертные, служители императора; въ первомъ покоѣ императорскаго дворца Карлъ видитъ позднѣе рыцарей, играющихъ въ шашки, шахматы и другія игры — какъ на дворѣ у Дюка

Разостланы сукна одинцовыя,
 Наши любимыя вонюхи по сукнамъ катаются,
 Въ кости, зернь, въ шашечки поигрываютъ.

Явленіе Гугона описывается въ кимрійскомъ текстѣ такимъ образомъ: онъ пашеть, у его плуга сошникъ и омешки золотыя, ярмо изъ драгоцѣннаго камня; за волами онъ не пѣшкомъ идетъ, а ѣдетъ на золотомъ стулѣ, везомомъ съ обѣихъ сторонъ мулами; подъ ногами у него скамейка серебряная, на рукахъ дорогія рукавицы, на головѣ золотой вѣнецъ, надъ головой растянута, на четырехъ золотыхъ жердяхъ по краямъ стула, шелковое покрывало, не пропускавшее солнечныхъ лучей; въ рукахъ онъ держитъ вмѣсто бича золотую трость; онъ проводитъ борозды такія прямыя и красивыя, какъ настоящій пахарь, а дѣлаетъ это не изъ нужды, а памятуя слова, сказанныя Адаму: «Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ»; «со скорбію будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей»¹⁾.

Сага тѣсно примыкаетъ къ поэмѣ: 20 тысячъ рыцарей заняты играми (*sumir léku at skaktafli, sumir at kvátrutaflí, sumir báru gáshauka, sumir vali á höndum*), четыре тысячи дѣвушекъ пляшутъ въ хороводѣ (*fjórar þúsundir meyja gerðu þar*

¹⁾ Бытіе гл. III, 17, 19. Полагаю, что эти именно тексты отвѣчаютъ приведенному въ кимрійскомъ оригиналѣ и его англійскомъ переводѣ: «In the sweat und labour of thy body und the sorrow of thy heart shall thy food be». Koschwitz, l. c. p. 26.

hringleik, klaeddar með guðvefjarellum, hver annarri fegri, ok helt hver i hönd annarri ok svá sínum unnasta). Гугонь пашеть подь шелковымъ балдахиномъ (undir guðvefjarpelli); когда онь оставляетъ въ полѣ свой драгоцѣнный плугъ, Карль дѣлаеть ему то-же замѣчаніе, что и въ поэмѣ, и слышитъ ту-же отвѣдъ (þó at hann laegi þar sjau vetr, þá mundi engi maðr misrúma honum). Объясненія, почему Гугонь занимается земледѣіемъ, не дается никакого.

Играющіе и веселящіеся юноши и дѣвушки являются и въ исландскихъ Geirlug — передь встрѣчей съ пашущимъ императоромъ (сл. Koschwitz, Sechs Bearb. V, строфа 54), и въ фарейскомъ Geira-táttur, гдѣ эпизодъ пашни опущенъ, а встрѣчи развиты своеобразно: триста пляшущихъ рыцарей, одѣтыхъ въ золото и шелкъ(?), триста дѣвушекъ въ хороводѣ, между ними молодцы, держащіе ихъ за руки; далѣе, у воротъ дворца, пара бѣлыхъ медвѣдей, у другихъ — двѣнадцать цсовъ; въ палатѣ бьетъ изъ подь полу ядовитый источникъ, на скамьяхъ горитъ пламя.

21 Tá íð tú kemur mitt á leið,
allt sigi eg taer satt,
trý sins hundrað riddara
teir ganga og troða ein dans.

22 Trý sins hundrað riddara
teir hava so víðar vegir,
teir hava eingi onnur klaeði,
uttan gull og vovin frei (?).

23 Trý sins hundrað jómfúrar
taer ganga og troða ein dans;
knegt í millum hvörja,
taer halda saer í hand.

24 Tá íð tú kemur at borgar lið,
býst taer ei við frið;
standa har tvaer hvítabjörnir
hvörjum minni lið.

- 25 Har íð taer hvítabjörnir
vilja at taer leggja,
snarlíga skaltu vísa teim
tey hvössu svörðs eggjar.
- 26 Har íð taer siggja
svörðs eggjum við,
báðar detta hvítabjörnir
steindyr niður.
- 27 Tá íð tú kemur at öðrum portri
hallar inn á golv,
standa har í bondunum
úlvhundar tolv.
- 28 Har íð teir siggja
svörðs eggjum við,
allir detta úlvhundar
steindyr niður.
- 29 Tá íð tú kemur innan halla,
elvist taer meiri vandi:
borð og beinkir og ljósasta ker
uppi á eingjum standa.
- 30 Tá íð tú kemur innan halla,
harmin mantú kenna,
eiturkelda á golvi stendur,
eldar á beinki brenna.

(сл. строфы 34—42). Медвѣди и псы, въ сущности, выходятъ изъ категоріи *встрѣчь*, напоминая гигантовъ и львовъ въ описаніи дворца Пресвитера Іоанна, такія-же диковинки византійскихъ палатъ у Лиутпранда — и препятствія на Дюковомъ пути изъ Индіи.

Пересказы въ Guégin и двухъ текстахъ Galien'a передаютъ согласно и съ особыми обстоятельствами эпизодъ встрѣчь. Сообщаемъ его по рукописному Galien (= G) ¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько варьянтовъ, приводимыхъ подъ строкой, заимствованы изъ печатнаго текста Галиэна = G' (Koschwitz, № IV).

Карль и его спутники вышли въ долину, «ou ilz adviserent ung tref moult bel et moult richement ouvré, *et fust pour ung roy*, ouquel tref demouroient *porchiers*; et dessus le tref avoit ung pommel doré (ркп. dozé), et estoit ce tref au roy Hugues, lequel ne mist jamais son entente a esperviers, a autours, ne a chasser en bois ne en nulle autre maniere, mais alloit chascun jour labourer a la charrue et mettoit son entente à nourrir porcs et vaches et moutons et les tenoit en grant sollempnité; et estoient les porchiers qui gardoient ses porcs en sa court plus presez que autres, car ilz avoient trefz ou ilz hebergeoient aux champs aussi riches *comme si ce fust pour ung roy ou pour ung prince*¹⁾; et disoient plusieurs que le roy Hugues fut ainsi destiné en son enfance par phées²⁾, mais non obstant ce si estoit il en son pais en grant paix et estoit [craint] et doubté de chascun tellement qu'il n'y avoict si osé ou monde qui lui osast meffere. Si advint que quant Roland eut le tref regardé si dist tout hault: «Vez cy grant richesse et se ainsi estoict que ce tref fust aux Sarrasins, tantost l'aurions conquesté». — «Roland», dirent les autres, «vous dictes moult bien et c'estoit bien nostre penser». Si print Charlemagne son destrier et ses .xii. pers avecques lui jusques au tref ou ilz trouverent des gens dedens, et il leur demandent qui y sont, et ilz leur respondent qu'ilz sont tous porchiers et qui gardent les pourceaux qui estoient illecques, desquelx ilz avoient chescun par an cent sextiers de froment quant ce venoit en aoust³⁾, et y avoit bien cent milliers de pourceaux. «Et a qui estes vous?» dist Charlemagne. «Sire», dirent ilz, «nous sommes au roy Hu-

1) Les porchers et vachers honoroit a sa court plus tost que ceux qui portoient couronne a leur teste; et aussi estoient ilz habillez si richement qu'il sembloit proprement a les voir que ce fussent roys, ducz ou contes.

2) On dict qu'il fut predestiné en son enfance d'une fée qui luy donna celle de labourer et d'estre le plus riche qui fust sur terre.

3) Et le porchier luy respondiit qu'il avoit au moys d'aoust par chacun an cent septiers de fourment pour chacun pourceau; et adonc Rolant et tous les autres furent tous esbahys et veoient que les porchers estoient vestus de drap d'or et de velours, qui estoit une plaisante chose a veoir dedans une porcherie.

gues le Riche; mais s'il vous plaist, dictez nous de quel terre vous estes». — «Certes», dist le roy Charlemagne, «je suis roy des François et suis Charles appellé, et veez cy mes .xii. pers avecques moy. Si nous dictez si nous pourrions huy mais estre herbergez en ce tref». — «Ouy», ce dist le porchier, «et feussiez vous quatre cens, pour l'amour de mon sire le roy Hugues, et si aurez pain, vin, chair et tout tant qu'il sera a vostre plaisir». — «Sire», dist Rolant, «s'il estoict sceu en France qu'en l'ostel d'un porchier vous eussiez logé, a tousjours mais vous seroit reprouché». — «Rolant», dist Charlemagne, «or ne m'en parlez plus, car de telz porchiers n'a gueres en France».

Si sault avant le porchier qui fut preux et habille, et a dit a Ogier: «Vous me semblez expert et hardi jouvencel; prenez ce bastonnet et faictes appareiller ce qui semblera bon a vostre seigneur». Lors fist dresser les tables et appareiller tout ce qui estoict necessaire, et Ogier servoit le roy de tout ce que mestier lui estoict¹⁾; et quant Rolant l'advise, si se prent a rire et appella les autres compaignons et leur dist: «Dieu a faict aujourd'uy ung moult bel miracle quant il a fait Ogier maistre d'ostel d'un porchier». Si s'en vont riant les barons de ces parolles, mais Ogier n'en estoit pas trop contens. Si soupperent a leur aise et furent moult bien serviz et puis s'allèrent reposer; et quant ce vint que le jour fut levé si se habillent et apprestent. Puis monte l'empereur a cheval et les .xii. pers aussi et se mectent a leur chemin; si les convoya le porchier troys lieues loing²⁾. — Si erre-

¹⁾ Alors Ogier print les tables et les dressa, et puis après mist les napes dessus comme un valet, et le porchier luy apporta un grand tas de vaisselle d'or et d'argent pour servir le noble roy Charlemagne.

²⁾ Or chevaucherent royement jusques a la vespre tant qu'il arriverent dans une isle qu'on appelloit Marade qui estoit fort verdoyante ou il y avoit un autre pavillon lequel estoit encores plus riche sans comparaison que l'autre, faict et ouvré d'ouvrage Sarrazine, et reluysoit a l'encontre du soleil la pomme qui estoit d'or ou y avoit une escarboucle qui flamboit si cler qu'a peine on en perdoit la veue quand on le regardoit, et jamais ne vy un si riche tref. — Съ остро-

rent jusques a none et puis trouverent ung tref qui estoict moult riche; et avoit par dessus le tref ung pommel moult flamboiant. Si le regarde Charlemagne, puis dit a son nepveu Rolant: «La royne n'aura ja garde de ce qu'elle me dist a mon despartement, car bien congnois qu'elle disoit verité, car oncques mais en mon vivant ne vis telle richesse». Lors s'adressent au tref; si y avoict dedens des gens qui yssirent dehors ¹⁾ et demanderent aux pers qui ilz estoient et les pers leur respondirent: «Veez cy le roy de France Charlemagne et tous ses .xii. pers qui allons de jour en jour querant le roy Hugues; si nous dictes si vous nous pourrez mes huy herberger». — «Ouy», dist ung *vachier*, «et feussiez vous troys mille; et aurez pour vous aider tout tant que pourrez demander». Lors dist Roland au roy par maniere de gaberie: «Beaulx oncles, par cellui Dieu qui fist le firmament, se ne feussent les porchiers qui gardent les porcs et les vachiers qui gardent les vaches, je cuide que jamais ne retournissions en France; si cuide que leur mestier vous soit plaisant puis que ainsi vous allez (ms. aller) acointer d'eulx».

Quant le vachier sceut que le roy Charlemagne estoict et qu'il sceut lequel c'estoict d'eulx, pour lui porter honneur alla son destrier saisir et lui dist: «Sire, tout ce qui est ceans est a faire vostre plaisir». Lors Charlemagne descendit de son destrier et les .xii. pers aussi; si fut incontinent tout le soupper appresté et les tables mises et adressées. Lors se assist Charlemagne a table et ses .xii. pers et furent moult bien serviz, et le vachier apporta devant le roy Charlemagne entre deux platz deux grans chappons roustiz, et quant Roland les vit si dist a Olivier et aux autres tout hault tant que Charlemagne l'ouyt: «Dieu a faict grant miracle a l'empereur aujourd'uy, puis que Dieu lui a donné

вошь Marade сл. у Мандевилля островъ Milsterache, Milstorache, Milschorah, по соседству съ страной Пресвитера Иоанна, съ дворцомъ — *богатаю крестянина*.

¹⁾ Saillit dehors un vacher qui estoit habillé comme un roy.

la grace que ung vachier l'a servy». Si s'en print a rire l'empereur moult fort. Si s'en soupperent et puy se allerent esbatre et deviser de plusieurs choses; et après s'allerent coucher et reposerent toute la nuit; et quant il fut jour se leverent et s'abillerent et puis allerent monter a cheval et se misdrent a chemin, et quant ilz eurent une piece cheminé, arriverent en ung champ ou dedens avoit ung pavillon ouquel avoict ung *bergier* et bien .xl. compaignons lesquelx gardoient grant quantité de brebiz. Charlemagne les monstre a Roland son nepveu et Roland lui dit: «Sire, si le roy Hugues est aussi bien garni de toutes choses qui appertienent a guerre comme il est de bestiaill, il m'est advis qu'il n'y a roy en tout le monde qu'il craignist de riens; si ay grant envie de le veoir». — «Par ma foy», dist le roy Charlemagne, «aussi ay je». Lors print son destrier et va au pavillon; si y trouve ung bergier *moult* richement adoubé; si luy demande s'ilz pourroient pour mes huy herberger en sa maison; le bergier lui respont que ouy tres volentiers, «pour l'amour de ce que vous me semblez estre tres gentilz homs et aussi pour l'onneur de mon sire le roy Hugues». Lors Rolant dist tout hault: «Foy que je doy a Dieu, ne me croiez ja mes si aussi tost que nous serons en France retournez, se Charlemagne ne se rend de quelque religion et vouldra savoir comment vaches et moutons sont gouvernez par les champs». Le bergier advisa le roy Charlemagne et va tenir son destrier pour descendre; puis lui dist: «Sire, ceans serez serviz tout a vostre plaisir». Et quant Rolant l'entendit, si dist a ses compaignons: «Seigneurs, il n'est homme ou monde qu'il puisse ja tant servir le roy qu'il puisse sa grace desservir; mais porchiers et vachiers en font du tout a leur volenté: si ay doubte vrayement qu'a leur mestier ne se vueille briefvement retourner».

Charlemagne et les .xii. pers coucherent la nuytée chex ce bergier, et au matin se leverent et se sont habillez et armez et mis a chemin, et ainsi qu'ilz chevauchent virent venir ung message qui chevauchoit moult vistement. Charlemagne brocha

encontre luy, et quant il fut approuché, lui demanda qui il estoict et s'il lui sauroit a dire nouvelles du roy Hugues. «Sire», dist le messaige, «je suis au roy Hugues et fois ses (ms. ces) messaiges par toutes terres, et se vous le voulez trouver avant qu'il soit nuyt, vous le trouverez par deça Constantinnoble en une grant vallée, la ou il maine sa charrue dorée qui est toute faicte d'argent et de fin or». Lors dist Charlemaigne au messaige: «Tu m'as compté merveilles, car oncques mais n'ouy dire a personne que roy fust charretier». — «Sire», dist le messaige, «pour Dieu n'en soiez courroussé(e), car en enfance lui fut ceste chose destinée». — «Par ma foy», dist le roy, «ce fut povre destinée, puis qu'il couvient que ung roy face aux champs sa journée; au cueur en ay grant dolleur», dist le roy, «qu'en ung feu puisse estre arce la putain deshonneste qui ainsi le destina». Si tost que le roy eut entendu le messaigier si se met a son chemin et chevaucha tant qu'il arriva au champ ou le roy Hugues menoit sa charrue de laquelle(s) les rouelles estoient toutes d'or, et d'argent estoict le soc, et le couste aussi qui tient la charrue. Si estoient les chevaux de la charrue couvers de moult nobles couvertures batues a pierres et a orfaverie. Si dist Charlemaigne a Rolant: «Foy que je doy a Dieu, si je tenoie celle charrue je la feroie rompre et mettre en monnoie pour paier souldaiers encontre les mescreans, car qui a richesse et il ne l'employe, ell' est perdue».

Or estoict le roy Hugues en ce champ qui sa charrue menoit, et estoict assis sur ung mulet blanc et avoict sur sa teste ung ciel¹⁾ qui grant clarté gectoit, et le portoient quatre ducz moult richement atournez²⁾, et reluisoit ce ciel moult fort pour la grande richesse(s) d'or et de pierres precieuses qui y estoient. Et si tost que Charlemaigne et ses pers vindrent la, si saluerent le roy

¹⁾ poille.

²⁾ et le portoient quatre princes attaché au bout de quatre lances monter chacun sur une hacquenée blanche comme neige; au bout de chacune lance avait un gros pommel d'or qui reluisoit contre le soleil a merveilles.

Hugues lequel s'enclina le premier, et le roy Charlemagne après, et lui dist: «Sire, celui qui le monde forma salve le roy Hugues, qui a telle charrue, et le gard d'ennuy et d'enconbrier». Lors respont le roy Hugues: «Sire, vous soiez le bien venu; or me dictes dont vous venez, qui vous estes, ne que querez». — «Sire», dist Charlemagne, «je ne le vous celeray pas; je suis le roy de France et vez cy mon nepveu Rolant avecques mes pers, qui venons d'adorer le Saint Sepulcre, et quérons pour mes huy quelque hoste qui nous herbergeast». Quant le roy Hugues l'entent, si destella ses chevaulx et dist au roy que bien le logeroit. Si regarda Roland la charrue au roy Hugues et la souhaicta au Palais de Paris, et dist tout bassement a Olivier que pendu fust il qui premierement fonda charrue d'or, et aussi le roy premier qui se mist a la charrue mener, et dist: «arce puisse estre celle qui ainsi le destina!» Quant le roy Hugues a advisé le roy Charlemagne et ses .xii. pers, si alla incontinant desteller sa charrue et se descendit de son mullet; si emmena Charlemagne et ses .xii. pers en son palais qui estoict moult bel et moult riche, et *pour l'amour de la beaulté et de la richesse qui estoict en ce chasteau fut il Constantinoble appellé*¹⁾. Quant Roland et ses

¹⁾ Сл. въ Guérin y Koschwitz'a, Sechs Bearbeit. p. 50: «la cité de Constantinoble qui tant estoit somptueusement et richement faite tant par dehors comme par dedens que c'estoit grant noblesse et beaulté de une telle cité veoir; et a ceste cose fut elle nommée Constantinoble. Въ печатномъ текстѣ Galien (Koschwitz, l. c., p. 114): *et pour la grant noblesse qui fut au dit palais Charlemagne le nomma Constantinnoble et ainsi le baptisa*; Geiplur (l. c., p. 142), строфа 69:

[Bidenciána var borgin sú
af brögnum köllud ólim;
[þó er hun kend af köppum nú
Constantinópolisim.

Очевидно, такое наименование, имѣть смыслъ лишь во французскомъ текстѣ: Constantinople = Constantin noble. Сл. въ изданномъ мною Dit de l'empereur Coustant, Romania, № 22: Constans вводитъ христіанство въ Византію:

621 Et pour cette nouvielleté
Ont Bissance sen nom mué:
Le nom leur singneur li donnerent,

compaignons eurent grant piece regardé l'ostel et l'estat du roy Hugues, se dirent l'un a l'autre que en lui avoict riche varlet pour charrue mener. «Voire», dist Rolant, «que pleust a Dieu que je tinsse a Paris charrue et charretier, car par ma foy incontinant en feroie florins forger ou la feroie sur le pont en monnoie changer». Si s'en allerent ainsi les deux roys et les .xii. pers et les monterent ou palais; si les festoya moult richement le roy Hugues».

Авторъ соотвѣтствующаго эпизода въ Guérin ограничивается однимъ указаніемъ на первыя встрѣчи Карла, не заслуживающія, по его мнѣнію, серьезнаго вниманія. «Et qui voudroit toutes leurs aventures raconter, ce seroit chose trop ennueuse; pour ce s'en taist l'istorien de la plus grant part, mesmement que ce lui samble fantosme ou clere mençonge trop entendible; car ilz trouverent *porchiers, vachiers et bergiers* gardans leurs bestes, couchans et retrayans en tentes en paveillons sy richement appointiés et ouvrez que ce pouroit sambler chose faée ou menteresse». — Первая встрѣча Карла — съ messagier, который на его вопросъ о Гугонѣ, отвѣчаетъ: «Par foy», fait il, «beaux signeurs, du roy Hugon say je toutes nouvelles plus ou autant que nul homme a qui vous le puissiez demander; et se demandé l'avez a ung porchier, a ung vachier et a ung bregier que en vostre chemin povez ou devez avoir veus, autant en scevent ilz comme je fais, car chascun d'eulx est son prochain parent par linage, et lui mesmes est au labour comme ja tos le pourez vous veoir se jusques la ou il est voulez venir». — Путники видятъ

Le roi Coustant, que moult amerent:
 Pour ce que si *nobles* estoit,
 Et que nobles oevres faisoit,
 L'appelloient *Coustant le noble*:
 Et pour çou ot *Coustantinnoble*
 Li cyté de Bissance a nom.

Подобное преданіе могъ имѣть въ виду и авторъ поэмы, пересказанной въ Guérin и Galien.

даже Гугона, «dequel estoit monté sur une mulle si richement afeutree que l'en ne pouroit plus; et entour lui aux quatre coings avoit quatre ducs et nobles princes qui sur son chief pour la chaleur du soleil lui soustenoient unг poisle de drap espesement ouvré et batu a or, et le soustenoient chascun au bout d'une lance, et la dessoubz se ombroyoit Huguon et tenoit une charue si riche c'onques de telle ne fut ne avoit mais esté parlé. Et de la façon dit l'histoire que les rouelles estoient de fin or et le soc de fin argent, les manchereaux de fin ciprés et les trays de la plus fine soye du monde. Sy la tiroient .iii. chevaux enharneschiés si richement comme se roy ou roynes les eussent voulu chevauchier, car ilz estoient couvers richement et leur pendoient aux costez petites sonnettes d'or et d'argent ausques differentes de son l'une a l'autre qui rendoient si grant melodie que ja n'eust eu desplaisance au cuer qui si grant douceur eust ouie».

Откуда явился типическій образъ пашущаго императора? О. Миллеръ сближалъ его съ нашимъ Микулой Селниновичемъ, съ которымъ намъ еще предстоитъ встрѣтиться; G. Paris¹⁾ указывалъ на сходство съ китайскимъ обычаемъ, по которому императоръ открываетъ земледѣльческій годъ, самъ проводя первую борозду. Тексты Галиэна нашли легкій выходъ въ объясненіи — что такъ суждено было императору отъ рожденія, феями-рожаницами; но, очевидно, это объясненіе придумано. Въ Guégin посланецъ говоритъ Карлу, что Гугонъ «близкій родственникъ» видѣнныхъ имъ пастуховъ и свинопасовъ, почему онъ и самъ занимается хлѣбопашествомъ. Родственникъ — по человѣчеству, по Адаму? Такъ можно заключить со словъ кимрійскаго пересказа, что Гугонъ пашеть — изъ смиренія, помятуя заповѣдь: «Въ потѣ лица будешь ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ не возвратишься въ землю изъ которой ты взятъ» — какъ передъ Пресвитеромъ несутъ сосудъ съ землею, какъ memento mori, въ память о томъ, что

¹⁾ G. Paris, Hist. poétique de Charlemagne, p. 349; сл. Romania, l. c. p. 4, прим. 1.

всей его силѣ и славѣ суждено обратиться въ персть, а по Гервасію Тильберійскому (*Otia Imperialia, decis I, c. X*) золотая держава императора наполнена перстью и золой, «*ut per auri fulgorem gloria notetur imperii et per favillam levis gloriae temporalis transitus designetur*». — Съ точки зрѣнія этого сближенія Гуговъ-пахарь напоминаетъ черты Пресвитера: то-же благоденствіе — и та-же нравственность въ народѣ: никто не украдетъ драгоценный плугъ Гугона — еслибъ онъ семь лѣтъ пролежалъ въ полѣ; то-же могущество и то-же смиреніе царя, только выраженное въ другомъ образѣ. Это отличіе стало существеннымъ въ смыслѣ разработки второстепенныхъ мотивовъ сказанія: у Гугона-пахаря естественнo очутились служителя пастухи, свинопасы, коровники.

Но послѣдуемъ далѣе за путешественниками, дивящимися чудесамъ Константинополя и Гугонова дворца:

365 Seignors, dist Charlemaine, molt gent palais at ci;
Tel nen out Alixandre ne li vielz Costantins,
Nen n'out Creissanz de Rome qu'a tante honor bastit.

Косchwitz въ первомъ изданіи старофранцузской поэмы безъ нужды заподозрилъ Crisans послѣдняго стиха, замѣнивъ его другимъ именемъ. Въ Разысканіяхъ IV, стр. 53, прим. я указалъ на эту ошибку, объяснивъ ¹⁾, что подъ Crisans de Rome разумѣется Кресценцій, имя котораго рано окружилось легендой, вошло въ романическіе рассказы и пристало къ нѣкоторымъ древнимъ сооруженіямъ Рима. G. Paris ²⁾ приходитъ къ тѣмъ-же заключеніямъ, пользуясь отчасти тѣми-же источниками. «Очевидно Crisans — то-же лицо, которому нѣкоторые тексты приписываютъ римскій Chastel Creissant, говорить онъ: этотъ замокъ упоминается въ одной, нынѣ утраченной *chanson de geste*, о которой я говорилъ въ другой разъ, поэмѣ, сохранившейся въ из-

¹⁾ Croissans - Crescens и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, СПб. 1881, стр. 29—30.

²⁾ l. c. p. 45—6.

влеченіи у Филиппа Мускэ и послужившей основаніемъ для Fiegarbas¹⁾: онъ служить убѣжищемъ христіанамъ; о немъ говорится, какъ о крѣпости, возвышающейся надъ Римомъ, въ стихотворномъ романѣ о Семи Мудрецахъ, написанномъ около половины XII вѣка на основаніи другого, значительно болѣе древняго текста; о Castellum Crescens упоминаетъ также и Gautier Mar въ своей интересной, хотя спутанной компиляціи, сохранившейся въ одной лишь рукописи подъ заглавіемъ: De Nugis Curialium. Я высказалъ, при другомъ случаѣ, объ этой крѣпости, высящейся надъ городомъ, предположеніе, нынѣ подтверждающееся текстами, которые въ то время были мнѣ неизвѣстны. Замокъ Св. Ангела называется, начиная съ конца X-го столѣтія, Chateau Croissant. Это названіе онъ получилъ отъ знаменитаго Кресценція, владѣвшаго Молой Адріана и оттуда простиравшаго свою власть и на весь Римъ; въ этой твердыни онъ былъ осажденъ Оттономъ II и его обезглавленное тѣло было сброшено съ ея стѣнъ по приказанію императора. Имя Кресценція надолго осталось при замкѣ, бывшемъ орудіемъ и послѣднимъ оплотомъ его могущества; въ послѣдствіи названіе не удержалось и старая кличка «Замка Св. Ангела» снова получила преобладаніе²⁾. — Такимъ образомъ «Crisant de Rome» поэмы — признакъ ея относительной древности; и въ слѣдующемъ полустихіи: «qui tanz honors bastit» слѣдуетъ, быть можетъ, видѣть не одно лишь общее мѣсто, служащее къ наполненію стиха. Народъ естественно приписывалъ Кресценцію - Croissant построеніе замка, носившаго его имя; и вотъ въ Римѣ дѣйствительно существуетъ интересное зданіе, относимое археологами къ концу X-го вѣка: народъ называетъ его въ настоящее время Casa di Rienzi либо Casa di Pilato, но также и Casa di Crescenzio³⁾ — и это, вѣроятно, его древнѣй-

¹⁾ G. Paris, Hist. poét. de Charlemagne p. 251.

²⁾ О Castellum Crescentii, называвшемся также Castellum, domus Theodorici, см. статью Мюллера (Zeitsch. f. deutsch. Alterth. XII, 319) и относящаяся сюда мѣста у Nibby, Gregorovius'a и Jordan'a.

³⁾ Если Casa di Crescenzio не древнѣе, то и не многимъ позднѣе X-го вѣка. См. Gregorovius, Gesch. der Stadt Rom, t. III, p. 564.

шее обозначеніе. Паломники XI вѣка, разказами которыхъ пользовался авторъ поэмы, видѣли богатыя палаты «Croissant», его неприступный замокъ, и, разумѣется, приписывали ему и другія постройки: оттого онъ и названъ «строителемъ» въ пѣснѣ о Хожденіи». — Во 2-мъ изданіи поэмы в. 367 Koschwitz возстановилъ Creissenz = Crisans ¹⁾).

Роскошь Гугонова дворца въ поэмѣ изумительная:

343 A or fin sont les tables, et chaires et banc.
 Li palais fut d'azur listez et avenanz
 Par molt chieres peintures a bestes et serpenz,
 A totes creatures et a oisels volanz.
 Li palais fut voluz et desore cloanz,
 Et fut faiz par compas et serez noblement;
 L'estache del miliu neielee d'argent.
 Cent colombes i at tot de marbre en estant;
 Chascune est a fin or neielee devant....
 De cuivre et de metal tresjetet dous enfanz.
 Chascuns tient en sa boche un corn d'ivoire blanc.
 Se galerne ist de mer, bise ne altre venez
 Qui fierent al palais dedevers occident,
 Il le font torneier et menut et sovent
 Come roe de char qui a terre descent.
 Cil corn sonent et boglent et tonent ensemment
 Com tabors o toneires o granz cloche qui pent.
 Li uns esguardet l'autre ensemment en riant
 Que ço vos fust viaire que tuit fussent vivant.

Карлъ любитъ устройствомъ дворца, когда вдругъ поднялся вѣтеръ съ моря, ударилъ во дворецъ,

372 Altresil fait torner com arbre de molin.
 Celes imagenes cornent, l'une a l'autre sorrisset
 Que ço vos fust viaire que il fussent tuit vif,
 L'uns halt, li autre cler; molt fait bel a otr.

¹⁾ О другихъ зданіяхъ Рима, носившихъ имя Кресценція, см. Graf. Roma, I, p. 179, прим. 50.

Ço'st avis, qui l'escoltet, qu'il seit en parais
 La ou li angele chantent et soëf et serit.
 Molt fut granz li orages, la neif et li gresilz,
 Et li venz durs et forz, qui tant bruit et fremist.

-
- 384 Molt fut gries li orages et hisdos et costis.
 Charles vit le palais torneier et fremir;
 Il ne sout que ço fut, ne l'out de loin apris.
 Ne pout ester sor piez, sor le marbre s'assist.
 Franceis sont tuit verset, ne se poeent tenir
 Et covrirent lor chies et adenz et sovin,
 Et dist li uns a l'autre: «Mal somes entrepris;
 Les portes sont overtes, si n'en poons eissir.»
 Charles vit le palais mentement tourner.
 Franceis coevrent lor chies, ne l'osent esgarder.
 Li reis Hugue li Forz en est avant alez
 E a dit as Franceis: «Ne vos desconfortez.»
 «Sire, dist Charlemaignes, ne serat ja mais el?»
 Et dist Hugue li Forz: «Un petit m'atendez!»
 Li vespres aprochat, li orages remest.
 Franceis saillent en piez.

Покой, отведенный Карлу и его перамъ для ночлега, на сводахъ, расписанъ, украшенъ драгоценными камнями и кристаллами; его освѣщаетъ карбункулъ — точно майское солнце; въ покоѣ поставлены двѣнадцать кроватей, каждую изъ нихъ не свезти съ мѣста и двадцати воламъ; онѣ убраны бархатомъ и тафтой; у тринадцатаго ложа, предназначеннаго Карлу, ножки серебряныя, отдѣлка по краямъ изъ эмали, покровъ — работа феи Maseüz.

Тексты Galien и Guérin обошли описаніе дворца; въ кимрійскомъ онѣ сохранился подробно: на полу изваяны изображенія животныхъ, дикихъ и домашнихъ; у входа внизу — подобіе моря со всѣми его обитателями; на стѣнахъ написаны небо и птицы, послѣднія такъ искусно, точно онѣ летятъ въ воздухѣ. Верхняя часть палаты представляла форму и образъ неба, съ солнцемъ, луной и звѣздами вокругъ, загорававшими на верху всякій разъ

въ соотвѣтствіи съ временемъ года. — Та-же чудесная колонна въ срединѣ постройки и пилястры вокругъ: около каждаго изъ нихъ статуя человѣка изъ желтой мѣди, съ рогомъ, точно они тотчасъ готовы затрубить. Пока Карлъ и его спутники любовались этимъ устройствомъ, внезапно подулъ вѣтеръ со стороны моря, изображеннаго внизу палаты (sic), и вся она завертѣлась на основной колоннѣ, какъ мельничное колесо, статуи затрубили, Карлъ испуганный и не будучи въ состояніи удержаться на ногахъ, присѣлъ невольно, а его рыцари, пытавшіеся устоять, свалились со страха, закрывъ глаза и голову. Гуговъ успокоиваетъ ихъ; и дѣйствительно: къ вечернѣ вѣтеръ стихъ, рога замолкли и движеніе прекратилось.

То-же описаніе движущихся фигуръ и вращающихся палатъ находимъ и въ сагѣ, объясняющей намъ и тайну ихъ механизма: *peir stólpar váru allir holir innan, ok blés vindr undir höllina neðan, svá at upp kom í stólpana, ok var með svá miklum brögðum um búit, at börnin öll blésu með þeim vindi á hverskonar lund er fagrt var, en hvert þeirra rétti fingr at öðru hlaejanði beint sem kvik vaeri.* — Вѣтеръ, движущій статуями и палатой, приходитъ — не съ моря, какъ въ предъидущихъ текстахъ, а проведенъ снизу въ поляя колонны. Эта подробность связываетъ съ сагой слѣдующее описаніе исландскихъ *Geiplug*:

76 Standa þar með steini framt
stólpar aðrir minni;
hvergi faerri enn hundrað samt
í höllu kónsins inni.

77 Mannlíkan hefr markat á
meistarinn einn sá kunní;
þau eru börnin brögða-smá,
sem bera sér horn at munni.

78 Hverr er stólpinn holr ok tómr
ok hoddum þaktr víða;
þat [er enn mesti meistaradómr,
[mega þat gjörvallt smíða.

- 79 Þá kom vindr ok veifði höll,
vaenum stólpum nærri;
börnin tóku at blása upp öll
beint sem lifandi vaeri.
- 80 Þegar er stólpinn steini líkr
stórum vindi léttir,
hverr at öðrum höfði víkr,
hlaer ok fingr réttir.
- 81 Mildings höll sem mylna snýst,
[mektug ofnis skerjum;
eingi þegn við þessu býst,
en þýtr í stólpa hverjum.

Въ этомъ описаніи встрѣчается цѣлый рядъ подробностей, относящихся насъ то къ Пресвитеру Іоанну, то къ Дюку, либо къ тому и другому вмѣстѣ. Центральная колонна Гугонова дворца встрѣчается и въ описаніи дворца Пресвитера; механически движущіяся солнце, луна и свѣтила въ изображеніи индѣйскаго царства, въ палатахъ «драка» и Хосроя, въ теремахъ Чурилы, Соловья Будимировича, Дюка и, судя по кимрійскому пересказу, и въ какомъ-нибудь оригиналѣ Хожденія. Я полагаю, что сюда-же слѣдуетъ отнести и диковинки іерусалимскаго собора, какими ихъ представляетъ поэма XI вѣка:

124 Vit de cleres colors le mostier peinturet,
De martirs et de virgenes et de granz majestez,
Et les cors de la lune et les festes anvels,
Et les lavacres ¹⁾ corre et les peissons par mer.

Foerster и Gaston Paris ²⁾ считаютъ послѣдній стихъ испорченными; Paris предполагаетъ пропускъ одного либо нѣсколькихъ стиховъ; оба смущались, очевидно, сочетаніемъ: lavacres (= fonts

¹⁾ Koschwitz во 2-мъ изданіи предполагаетъ послѣ lavacres пропускъ, а согге и т. д. относить къ концу слѣдующаго (неполнаго) стиха.

²⁾ Romania № 33, I. с. р. 20—1, прим. 1 на стр. 21.

baptismaux) согге. Дѣло объясняется проще: мы имѣемъ дѣло съ одной изъ причудъ средневѣковой поэтической архитектуры, устроенвавшей стеклянные полы, дѣлавшіе впечатлѣніе воды, водоема (сл. восточныя и русскія сказанія о Соломонѣ и царицѣ Савской, палаты Навуходоносора въ одномъ текстѣ Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ); фантазія шла нерѣдко и далѣе того: подѣ стекляннымъ поломъ, казалось, дѣйствительно двигались рыбы и морскія животныя. Такъ во второмъ Титурелѣ, такъ въ прозаической редакціи былины о Дюкѣ (Рыбн. I, № 50), гдѣ Владимиръ боится ступить на стеклянные полы: «подѣ ними вода течеть, вовѣ водѣ играютъ рыбки разноцвѣтныя; а хлеснетъ рыба хвостомъ, половина точно треснетъ». — Послѣдній стихъ приведенной цитаты означаетъ, стало быть: онъ видитъ — вверху ходитъ луна, внизу, подѣ поломъ, течеть вода и рѣзвятся рыбы¹⁾.

Металлическія статуи дѣтей и людей у пилястровъ, играющія на трубѣ, улыбающіяся и кивающія другъ другу — отвѣчаютъ такимъ-же изображеніямъ царей и царицъ на колоннахъ во дворцѣ Пресвитера, также играющимъ — и угощающимъ другъ друга изъ кубка. Мы уже сблизили эти изображенія съ причудливыми образами на Дюковыхъ пуговкахъ и петелкахъ; но мы можемъ пойти и далѣе въ объясненіи послѣднихъ. На нихъ и молодцы и дѣвушки и птицы пѣвучія и звѣри рыкучіе: когда по нимъ

¹⁾ Въ *Élie de Saint Gille* (ed. W. Foerster) есть эпизодъ, вовсе не мотивированный общимъ ходомъ дѣйствія и напоминающій знакомые намъ образы Хожденія: Розамунда указываетъ *Élie* убѣжище, гдѣ онъ найдетъ — враждающіяся палаты, плавающія рыбы и чтыреста рыпарей, объ руку съ своими *amies* (сл. первую встрѣчу Карла въ поэмѣ). Обо всемъ этомъ нѣтъ далѣе и рѣчи.

1641 La ueres vous les huis et le palais torner
 . Et les vieutres detraire et les ors encainer
 Et les pisons noians et le ciel estele;
 Et toute rien en tere comme l'arce Noe
 Ai ge fait en ma canbre a fin or pointurer.
 S'i a une richece dont uous ne uous gardes,
 .iiii.c. cheualiers as manteus engoules,

 Et cascuns tient s'amie par l'ermin engoule.

проводятъ плеткой, поднимается такой крикъ и голосованье, что всё присутствующіе падаютъ — о земь. Этого шаржа могло не быть въ оригиналѣ нашей пѣсни, судя по аналогіи Хожденія, саги и кимрійской прозы: тамъ и здѣсь вѣтеръ съ моря или изъ полейхъ столбовъ заставляеть статуи *ирать и двигаться*, а покой, въ которомъ онѣ стоятъ, — вращаться на оси: отъ этого движенія и падаютъ, присѣдаютъ Карлъ съ его перами.

Поэма присоединяеть къ вѣтру — пѣлюю искусственную бурю, со снѣгомъ и градомъ, что относить насъ къ диковинкамъ Хосроева дворца, въ которомъ свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, — но идетъ и дождь и раздаются раскаты грома: вода, проведенная въ тонкихъ, потаенныхъ трубочкахъ, превращалась, въ подобіе дождя (Винценцій изъ Beauvais, Jacobus de Voragine, Kaiserchronik); подъ башней, въ подземельномъ покоѣ, двигались въ кругу лошади, запряженныя въ повозки, что заставляло колебаться башню и производило впечатлѣніе грома (Jacobus de Voragine, большой Passional); по желанію царя наступала во дворцѣ ночь и снова день, гремѣлъ громъ, сверкала молнія, шелъ дождь и снѣгъ, становилась зима и лѣто, поднимались вѣтры и наступала ясная погода (Hermann von Fritzlar). Gautier d'Arras въ Eucles'ѣ, описавъ драгоцѣнное небо Хосроевскихъ палатъ, прибавляеть и слѣдующее:

5195 et par engien, si con je truis,
 fasoit plouvoir par un piertuis
 q'il ot fait faire el ciel là-sus.
 Encore i a-il asses plus:
 La tiere estoit de-sous cavée
 et bien plancie et bien levée;
 Uns foles i ot por soufler:
 cant il voloit faire tourner,
 tout es i ot: venter fasoit
 et plus asses, con li plaisoit ¹⁾.

¹⁾ Сл. мою Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, стр. 145 и талмудическую легенду о царѣ Хирамѣ у Landau, Beiträge z. Geschichte der italienischen Novelle, p. 48.

Въ палатахъ Пресвитера мы видѣли хоромы, своды которыхъ представляютъ звѣздное небо, покои, вращающіеся на оси, механическія фигуры, движущіяся и играющія. — Въ изображеніи Хосроева дворца нѣкоторыя изъ этихъ подробностей соединились въ общую картину какого-то макрокосма, производящаго впечатлѣніе неземнаго могущества: потолокъ обратился въ небо со свѣтилами, идетъ дождь и раздаются удары грома — всё это подѣляемъ хитраго механизма, трубочекъ, мѣховъ. — Въ Хожденіи мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ такимъ же сочетаніемъ диковинокъ: солнце, луна и звѣзды загораются на сводахъ, — «въ соотвѣтствіи съ временемъ года»; поднимается вѣтеръ и буря — несомнѣнно, дѣло такого-же привода, полыхъ колоннъ, въ которыхъ ходитъ вѣтеръ. Лишнее противъ описанія Хосроевыхъ палатъ — трубящія фигуры и вращеніе палаты, отъ котораго падаютъ непривычные гости.

Представимъ себѣ, что изъ этого сочетанія: играющихъ, улыбающихся, движущихся фигуръ съ вращеніемъ покоя — выпала именно вторая часть (вращеніе) и осталась неизбѣжное слѣдствіе: паденіе всѣхъ присутствующихъ. Раскащикъ-пѣвецъ поспѣшитъ по своему наполнить логическій пробѣлъ, объяснивъ себѣ паденіе — дѣйствіемъ пѣнія, крика, издаваемого изображеніями-статуями, птицами не на пялястрахъ, а на пуговкахъ и петелкахъ ¹⁾ пріѣзжаго изъ Индіи молодца. Такъ понимаю я

¹⁾ Я не касаюсь здѣсь вопроса о томъ, на сколько вычурное описаніе пуговокъ и петелокъ воспроизводитъ дѣйствительную подробность древнихъ пѣсенъ и — наряда. Застежки, съ изображеніемъ обнимающихся и — расходящихся юноши и дѣвушки, легко себѣ представить; то-же можно сказать и о Змѣѣ Горыничѣ. См. въ сербской пѣснѣ о женихѣ Максима Црнојевића описаніе сорочки молодой:

У колиѣр уплетена гуја
А под грлом изведена глава,
баш се чини као да је жива,
На глави јой аист камен драги,
Каде иде момак са ђевојком
У ложницу, да не носи свјеће
нек свиѣтли алем камен драги.

странный, повидимому, шаржъ русской пѣсни ¹⁾. Въ эпистоли редакціи D игра механическихъ фигуръ и пѣніе таковыхъ-же птицъ наводили лишь усыпленіе — но приводятъ и въ изступленіе (*quodammado extra mentes efficiuntur*).

с) Гугонъ роскошно угощаетъ своихъ гостей на пиру, во время котораго Оливье засматривается на императорскую дочку. Гости порядкомъ подпили, ихъ ведутъ въ опочивальню, гдѣ для нихъ приготовлены кровати, а въ покой колоннѣ спрятанъ соглядатай, посаженный туда императоромъ — для опаски. Передъ сномъ Карлъ предлагаетъ своимъ перамъ позабавиться, похвастать кто чѣмъ знаетъ: хвастовство на пиру, вечеромъ послѣ попойки, было общимъ западнымъ обычаемъ ²⁾: разгоряченные

¹⁾ Этотъ шаржъ имѣлъ, по видимому, извѣстный успѣхъ: въ нѣкоторыхъ вариантахъ пѣсни объ Ильѣ и разбойникахъ мы встрѣчаемъ гремѣщія пуговики на кафтанѣ Ильи:

И напали на Соколя корабль разбойнички,
.....
А онъ по кораблику похаживать,
Онъ и тросточкой по пуговкамъ поваживать:
Пуговики залочовныя разгремѣлися,
Лютые львы разревѣлися,
А разбойнички испужалися

(Жур. I, № 7, стр. 23); либо:

Ильюшенька по кораблю похаживаетъ,
Тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ,
Его пуговики забѣлѣлися,
Его петелки разгорѣлися,
На всякой на пуговкѣ по лютому звѣрю,
По заморскому льву.
.....
Его лютыя звѣрья разревѣлися

(ib. № 5, стр. 40); Сл. Шейнъ въ Читеніяхъ Имп. Общ. Ист. и древн., 1877, III, № 4, стр. 7; Русскія народныя пѣсни, собраны А. И. Мордовцевой и Н. И. Костомаровымъ, Лѣтописи Тихонравова, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11, № IV. О подобной-же подробности въ сказкахъ о Данилѣ Безчастномъ см. далѣе гл. XI.

²⁾ Я пользуюсь далѣе богатыми выдержками изъ памятниковъ, сдѣланными Тоблеромъ въ *Zs. f. romanische Philologie* IV B., стр. 81 слѣд.; для итальянскихъ примѣровъ см. предисловіе къ *Cantare di Madonna Elena imperatrice*. Livorno, 1880 (Ottavio Targioni-Tozzetti).

виномъ рыцари хвалились другъ передъ другомъ прошлыми и будущими подвигами, не рѣдко выходявшими за предѣлы человеческой возможности. Гдѣ теперь та молодежь, которая хвалилась вечеромъ, послѣ вина, что они выйдутъ побѣдителями изъ битвы? спрашиваетъ Aubri:

Ja dient il au soir et au matin
Que il vaintroient le peuple Constantin;
Hom trop vanteres est pires d'un mastin

(Aubri, ed. Tobler, Mittheilungen, p. 120). Въ *Meraugis'z* (p. 77) рыцари, прежде чѣмъ разойтись, произносятъ, въ присутствіи дамъ, разные обѣты (одна изъ формъ похвалы): тотъ обѣщается цѣлый годъ не носить другого оружія, кромѣ щита, и такъ сражаться; этотъ — въ теченіи того-же времени не спать подъ кровлей, пока не побѣдитъ какого-нибудь рыцаря и т. п. Въ 64-мъ разсказѣ *Novellino* (ed. Gualteruzzi) говорится, что «nel riposare la sera, i cavalieri si incominciaro a vantare, chi di bella donna, chi di bella giostra, chi di bello castello, chi di bello astore, chi di bella ventura» — а *messer Alamanno* хвастаетъ своей милой, навлекая на себя ея гнѣвъ. — Иногда обычное приуроченіе этого акта къ вечеру, послѣ пира, замѣнено другимъ (въ *Aiolfo di Barbicone*, какъ и въ *Viaggio di Carlo Magno «Vanti»* произносятся утромъ), либо приуроченія нѣтъ вовсе. Такъ въ *Storia di Leombruno* бароны собираются въ замкѣ:

Chi si avvanta di bella moglie,
Chi si avvanta di bella magione,
Chi di caval corrente e buon destriere,
Chi di gentil sparviere e buon falcone,
Chi di palazzo e chi di torri altiere,
Chi si vanta di sua condizione и т. д.

То-же въ *Cantare di Madonna Elena imperatrice*, къ которому мы еще вернемся.

Хвастовство во полу-столѣ встрѣчается и въ другихъ былинахъ, нигдѣ не проявляя, впрочемъ, того характера гасконнады,

которымъ отличаются *gabs* (сѣв. *geiplur*) французскаго Хожденія.

Хвастаютъ всѣ, съ почина Карла — прежде всего своей физической силой. Пусть дадутъ мнѣ лучшаго рыцаря царя Гугона, возложить на него двѣ брони, два шлема на голову, посадятъ на сильнаго коня: я нанесу ему мечемъ такой ударъ въ голову, что разрублю пополамъ шлемъ, броню, всадника, сѣдло и лошадь, а мечъ уйдетъ еще въ землю на цѣлое копыще. — За этой похвалой Карла слѣдуетъ въ поэмѣ другая — Роланда: еслибы Гугонъ далъ мнѣ свой рогъ¹⁾, я, выйдя изъ города, затрубилъ-бы съ такой силой, что всѣ городскія ворота сорвались бы съ петель; а коли царь пойдетъ на меня, онъ у меня такъ перевернется, что потеряетъ свою мантию на горностаяхъ, да и усами поплатится. — Похвальба Оливье, подобно предъидущимъ, такое-же хвастовство своей физической силой: дайте ему царевну, дочь Гугона, онъ переспитъ съ ней ночь — и совершитъ нѣчто, превышающее всѣ предѣлы человѣческой возможности. — Рядомъ съ этими *gabs*, постоянно приуроченными къ опредѣленнымъ именамъ, идутъ другіе съ нерѣдко мѣшающимися именами и инымъ содержаніемъ: это какое-то богатырское скоморошество, пополамъ съ волшебствомъ и чудомъ, нѣчто, напоминающее предѣлки мага-скомороха въ одномъ текстѣ *Floire et Blanceflor* — и потѣхи, о которыхъ говоритъ вставка въ нѣкоторыхъ рукописяхъ слова Даніила Заточника. — Турпинъ обѣщаетъ: пусть императоръ пуститъ бѣжать трехъ лучшихъ своихъ коней, я догоню передняго и вскочу на него, всё время подбрасывая къ верху и хватая на лету четыре яблока; если одно изъ нихъ упадетъ, пусть выколятъ мнѣ глаза. — Этотъ *gab*, удержанный за Турпиномъ въ кимрійскомъ пересказѣ, перенесенъ, съ измѣненіями, на *Berart* (*Bernard*) de *Montdidier* въ *Guérin* и рукописномъ *Galien'*ѣ, *саг'*ѣ и *Geiplur*, на *Berenger* въ печатномъ *Galien'*ѣ; наоборотъ, *Guérin* и *Galien*, *сага*, *Geiplur*, *Geira-ráttur* рассказываютъ о Турпинѣ, что древ-

¹⁾ Въ *Galien'*ѣ онъ обѣщаетъ затрубить въ свой собственный рогъ: Олифантъ.

няя поэма, согласно съ кимрійскимъ текстомъ, о Bernard de Brusban: онъ похваляется, что отведеть въ городъ рѣку, текущую внизу въ долину, и что императоръ принужденъ будетъ укрыться отъ наводненія на самую высокую башню. Это — послѣдній изъ трехъ gab'овъ, на исполненіи которыхъ Гугонъ настаиваетъ: Бернаръ осѣняетъ рѣку знаменіемъ креста, и она тотчасъ вышла изъ береговъ, наводнила поля и городъ, а Гугонъ, спасшійся на башню, жалуется и молитъ Карла о помощи, сулитъ ему свою казну, готовъ стать его вассаломъ. По молитвѣ Карла рѣка возвращается въ свое русло: gab разрѣшился чудомъ, какъ всѣ другіе, подлежавшіе исполненію; за паладиновъ Господь, ангелъ возвѣстилъ имъ о томъ, при нихъ чудотворныя іерусалимскія святыни. — За то слѣдующій gab принадлежитъ области чистой магіи: Aimer хвалится своей шапкой невидимкой, сдѣланной изъ кожи какой-то морской рыбы (581—2: Encore ai un capel d'Alémande, engolet — D'un grant poisson marage, ki fut faiz oltre mer); онъ надѣнетъ её и, когда Гугонъ будетъ сидѣть за обѣдомъ, подойдетъ къ нему, съѣстъ его рыбу, выпьетъ его вино, стукнетъ его головой о столъ; императоръ набросится на своихъ людей — то-то будетъ ссора! (поэма, сага и кимрскій текстъ) — Отметимъ еще два странныхъ gab'а: паладинъ сулитъ броситься съ большой высоты на разставленныя внизу, вверхъ остріемъ, мечи, которыя сломятся отъ его паденія, а онъ будетъ невредимъ (Беранже въ кимрійск. текстѣ, Guérin, Galien ркп.; Voering въ сагѣ и Geiplur; Bernard de Montdidier въ печатномъ Galien). Бертранъ въ кимрійскомъ пересказѣ предлагаетъ еще большее: взявъ въ руки по щиту, онъ полетитъ, размахивая ими, точно на крыльяхъ, на высокую гору, а оттуда поднимется подъ облака повыше всѣхъ птицъ, повыгонитъ изъ лѣсу звѣрей, работниковъ съ поля. То-же въ сагѣ (taki keisari á morgin fjóra skjöldu ok fái mér, en ek skal fara um alla dali ok skóga, ok fljuga svá hátt ok oera, at heyrri hvern veg fjórar milur, ok skulu þar or fljúga or öllum þeim skógum hirtir allir ok kollur ok allskonar dýr, ok svá fiskar or öllum vötnum) и Geiplur:

146 Bertram maelti, buðlungs mann;
«Bragning láti», sagði hann,
«fá mér einar fjórar lindr;
fjúga skal eg hér út um grindr.

147 Fer eg um skóga, fjöll, um grund,
flykkjast saman á einni stand
hirtir, fuglar, hverskyns dýr,
hver sú kind í vatni býr».

Сл. въ былинахъ о Волхѣ его обращеніе въ шуку, сокола, сѣраго волка, послѣ чего всѣ рыбы уходятъ въ синія моря, птицы за облака, звѣри въ темные лѣса.

Соглядатай, поставленный императоромъ, доносить ему о необычайныхъ похвальбахъ его гостей, которыя принялъ за серьезныя. Гугонъ разсерженъ и обезпокоенъ, настаиваетъ на исполненіи гавъ; напрасно увѣряютъ его французы, что всё это была одна шутка съ похмѣлья, обычная у нихъ игра: они принуждены покориться — и три похвальбы, между ними и похвальба Оливье, осуществляются — съ Божьей помощью. Гугонъ не желаетъ продолженія, готовъ стать вассаломъ Карла, предлагаетъ ему всѣ свои сокровища — но тотъ отказывается отъ нихъ; слѣдуетъ торжественная процессія, въ которой оба императора шествуютъ рядомъ въ вѣнцахъ; Карлъ оказывается выше Гугона на футъ и четыре вершка. Не ладно сказала царица, говорятъ промежь себя французы: никто не сравняется съ Карломъ, куда-бы мы не пришли, всюду одержимъ верхъ. — Карлъ возвращается во Францію и когда жена бросилась ему въ ноги, прощаетъ ей ради Гроба Господня, который ему довелось увидѣть. — Въ кимрійскомъ пересказѣ, Guérin и Galien'ахъ Гугонъ также признаетъ себя вассаломъ Карла, такъ отказывающагося въ первомъ текстѣ отъ предложенныхъ ему богатствъ: «французскій король не принимаетъ, а раздаетъ подарки и раздаетъ щедро; везти сокровища во Францію не слѣдуетъ, они могутъ исказить духъ и мужество народа. Посмотрите, что у насъ есть:

много людей, способныхъ къ бою и много при нихъ оружія». — Это напоминаетъ извѣстные слова Владимира.

Поэма кончается торжествомъ народнаго самосознанія, не растерявшагося при видѣ другой, болѣе блестящей и богатой культуры. Ни одинъ изъ *gabs* не отвѣчаетъ той формулѣ гнушенія, въ которую укладывается похвальба Дюка — потому что на то не существовало необходимыхъ условий: преимущества богатства и матерьяльнаго развитія. Дюкъ, представитель чудесной Индіи, могъ хвалиться ею — въ Кіевѣ или Византіи; въ иномъ положеніи находились напр. западные люди, занесенные въ качествѣ пословъ, прохожихъ паломниковъ къ константинопольскому двору. Если, иной разъ, и въ этихъ случаяхъ раздавалось слово похвальбы, то оно получило другой характеръ, какъ въ нашихъ *gabs*, либо являлось намѣреннымъ хвастовствомъ ради поддержанія нарочной гордости:

815 *Ja ne vendron en terre, nostre ne seit li los.*

Существуетъ цѣлый рядъ рассказовъ, собранныхъ G. Paris'омъ, съ помощью P. Кёлера и Storm'a, и комментированныхъ имъ по поводу одного эпизода въ *Aimeri de Narbonne*¹⁾: послы, паломники приходятъ ко двору богатаго царя и, чтобъ не уронить себя, кичятся своимъ богатствомъ: коней подковали золотомъ или серебромъ и намѣренно теряютъ подковы; ихъ приглашаютъ къ царскому столу — они отвѣчаютъ, что у нихъ своего довольно; ихъ хотятъ наказать и не велятъ продавать имъ дрова — они топятъ свои печи орѣхами, деревянной утварью, которую скупаютъ, старыми кораблями и канатами; явившись во дворецъ, устраиваютъ себѣ сидѣнье на полу, подложивъ свои дорогіе плащи, и уходя, забываютъ взять ихъ съ собою; когда имъ о томъ напоминаютъ, они говорятъ, что не въ обычаѣ ихъ страны уносить съ собою — и стулья.

Изъ многихъ пересказовъ этого сюжета я выберу лишь тѣ, гдѣ мѣстомъ дѣйствія является Константинополь.

¹⁾ Sur un épisode d'Aimeri de Narbonne, Romania, № 86, p. 515 слѣд.

Wace въ своей *Geste des Normans*, въ части, написанной между 1162 и 1175 годами, рассказываетъ о путешествіи Роберта 1-го, шестаго герцога Нормандіи:

Par la terre l'empereur
 Se fist conduire a grant honur.
 A la mule qu'il chevalchout,
 A la plus chiére qu'il menout,
 Pur reparlance e pur noblei,
 Pur faire gent parler de sei,
 Fist d'or les quatre piez ferrer
 (Ne vneil mie dire *dorer*,
 Car ce n'est mie us de parler);
 Puis fist a ses homes veer
 Que quant li ors des piez charreit
 Que mar nuls d'els le reprendreit.
 Par Constantinoble passa
 Et a l'empereur torna.
 Endementres qu'a lui parla.
 A la costume qui iert la
 Sun mantel jus a terre mist,
 Tot desfublez desuz s'asist.
 Al partir, quant il s'en turna,
 Le mantel prendre ne deigna:
 Un des Griens le vit desfublé,
 Sun mantel li a relevé,
 Dist lui que sun mantel preist
 Et a sun col le rependist;
 Et il respundi par noblei:
 «Jo ne port pas mun banc od mei»
 [Chascuns des Normanx autresi
 Sun mantel a terre guerpi;
 Si cum li dus out fait si firent:
 Lur manteals el palais guerpirent;
 Et li dus lur duna manteals
 Asez plus riches e plus beals].
 A noblece li fu turné.
 E l'emperére a cumandé
 Tant cum il iert en la cité

Qu'il ait del suen a grant plenté,
 Quar il le volt bien cunreer;
 Mais li dus nel volt graanter,
 Ne volt mie sun cunrei prendre:
 Asez a, ço dist, a despendre;
 Tant cum il pelerins sereit,
 Del suen propre vivre voleit;
 Mais al retour, s'il reveneit,
 Cunrei et el de lui prendreit.
 Et l'emperére fist crier
 E par tut as marchiez veer
 Qu'il ne trovast busche ne fust
 Dunt sun mangier cuire peust.
 Et li dus a fait achater
 Tutes les nuiz qu'il pout trouver:
 Tut en fist cuire sun mangier,
 E le fist faire plus plenier
 E plus riche qu'il ne soleit,
 Pur la busche qui lui faleit.
 Li emperére asez s'en rist,
 Et a ses genz en riant dist,
 Si cum il parlout en gregeis,
 Que mult esteit li dus curteis;
 Or feist ço que il voldreit,
 Ja mais rien ne le li veereit.
 [Pur la noblece des Normanz
 Qui de lur manteals firent banz
 Fist l'emperére el palais faire
 Banz e sieges environ l'aire;
 Ainz cel tens a terre seeient
 Qui el palais seeir volcient]. ¹⁾

Подобное рассказывает сага о Норвежскихъ короляхъ про
 Сигурда, ходившаго въ Иерусалимъ въ 1111 году; изъ трехъ
 эпизодовъ опущенъ одинъ (плащи), императоромъ является

¹⁾ G. Paris, Romania, l. c. p. 524—526. Слова, поставленные въ скобкахъ,
 прибавлены Васе'омъ впоследствии: ихъ не было въ древнѣйшей редакци
 его текста.

Алексѣй Комнинъ¹⁾. «Разсказываютъ, что при вѣздѣ въ городъ (Константинополь) король Сигурдъ велѣлъ подковать золотомъ своего коня и коней своихъ спутниковъ, которымъ заказалъ ѣхать по городу, какъ именитые люди, не скромничая, не удивляясь ничему новому, что-бы они могли увидѣть, и не обращая вниманіе, если-бы сорвались у лошадей ихъ подковы. Что они и сдѣлали» (Hulda).

«Позже король Сигурдъ пожелалъ дать пиръ императору: велѣлъ своимъ людямъ приготовить все нужное съ подобающимъ великолѣпіемъ, какъ это было въ его обычаѣ и прилично богатымъ людямъ. Сигурдъ приказалъ своимъ отправиться въ улицу, гдѣ продавали дрова, которыхъ, по его мнѣнію, потребуется много. Тѣ отвѣчали, что беспокоиться нечего, такъ какъ въ городъ вѣзжаетъ каждый день много возовъ съ дровами. Случилось, однакожь, что ихъ не оказалось, о чемъ и донесли Сигурду. Посмотрите, не достанете-ли орѣховъ, сказалъ имъ Сигурдъ: мы истопимъ ими также, какъ и дровами. Они отправились и купили орѣховъ, сколько имъ было угодно. Въ это время пріѣхалъ императоръ съ своими приближенными; сѣли они вмѣстѣ, Сигурдъ потратился, принялъ ихъ по царски. Видитъ царь и царица, что ни въ чемъ нѣтъ недостатка, и вотъ царица посылаетъ узнать, чѣмъ топить ихъ хозяинъ. Посланые приходятъ въ небольшой покой, весь заваленный орѣхами; имъ говорятъ, что это и есть топливо. — Гордъ и безупреченъ Сигурдъ, говоритъ царица: ни одно дерево не горитъ лучше орѣховъ. — А она-то и устроила, что Сигурдъ не могъ достать себѣ дровъ, чтобы испытать его и посмотреть, какъ онъ выйдетъ изъ затрудненія» (Morkinskinna).

Когда Робертъ Норманскій былъ въ Константинополѣ, дружиной императорскихъ варяговъ командовалъ тогда, подъ именемъ Nordbrikt'a, Гаральдъ Строгій, впоследствии король Норвегіи. Однажды, когда онъ построилъ церковь, императоръ запретилъ духовенству освятить её. Гаральдъ не смутился и ве-

¹⁾ Сл. I. с. р. 530—2. Hulda и Morkinskinna — названія рукописей.

лѣлъ приготовить роскошный пирь. Тогда императоръ распорядился, чтобы ему не продавали дровъ, необходимыхъ для кухни, желая такимъ образомъ наказать его за его высокѣе, умалявшее права императора и должный ему почетъ. Не смотря на это Гаральдъ нашелъ средство приготовить столъ, къ которому пригласилъ и императора, давшаго согласіе и на освященіе церкви. Когда императоръ спросилъ его, чѣмъ онъ топилъ, за неимѣніемъ дровъ, онъ отвѣчалъ, что — ломомъ отъ старыхъ кораблей, кожаными канатами — и орѣхами ¹⁾).

Заклучу разборомъ двухъ аналогическихъ легендъ, интересныхъ для насъ потому въ особенности, что обѣ онѣ привязаны къ герою французскаго Хожденія — Карлу Великому.

Сан-Галльскій монахъ рассказываетъ ²⁾, что когда посланникъ Карла прибылъ въ Константинополь, его позвали къ царскому столу, за которымъ господствовалъ такой обычай, *ut nullus in mensa regia, indigena sive advena, aliquod animal vel corpus animalis in partem aliam converteret, sed ita tantum, ut positum erat, de superiori parte manducaret*. Кто нарушалъ законъ, тому грозила смерть. Посланникъ, незнакомый съ этимъ обычаемъ, случайно перевернулъ рыбу, лежавшую на блюдѣ, а императоръ говоритъ ему, вздыхая: *Obstare non possum, ... quin morti continuo tradaris. Aliud pete, quodcumque volueris, et complebo*. Находчивый Франкъ проситъ, чтобы выкололи глаза всякому видѣвшему, какъ онъ перевернулъ рыбу. Оказалось, что ни императоръ и никто этого не замѣтилъ! *Tum sapiens ille Francigena, vanissima Hellade in suis sedibus exsuperata, victor et sanus in patriam suam reversus est* ³⁾. Вскорѣ послѣ того Карлъ сварядилъ въ Византію еще двухъ посланниковъ: епископа Гейтона и графа Гугона, *qui, diutissime protracti, tandem ad*

¹⁾ G. Paris, l. c., стр. 532 по Fornmannasögur IV, 147.

²⁾ Jaffé, Bibliotheca rerum Germanicarum, t. IV, p. 670 слѣд.

³⁾ Объ этомъ мотивѣ сл. замѣтку R. Köhler'a, Zur Mágus-Saga, Germania XXI, p. 18 слѣд.

praesentiam regis perducti et indigne habiti, per diversissima sunt loca divisi. Tandem vero aliquando dimissi, cum magno navis et rerum dispendio redierunt. — Вернувшись къ себѣ, епископъ и графъ побуждаютъ Карла принять точно также греческихъ пословъ, и когда они явились, ихъ ведутъ по неторнымъ и ухабыстымъ дорогамъ, такъ что они изморились и исхарчились, прежде чѣмъ попали ко двору. Cumque tandem venissent, fecit idem episcopus vel socius eius comitem stabuli in medio subiectorum suorum sublimi throno considerare, ut nequaquam alius quam imperator credi potuisset. Quem ut legati viderunt, corruentes in terram adorare voluerunt. Sed a ministris repulsi, videntes comitem palatii in medio procerum concionantem, imperatorem suspicati, terratenus sunt prostrati. Cumque et inde colaphis propellerentur dicentibus qui aderant: Non est hic imperator, in ulteriora progressi et invenientes magistrum mensae regiae cum ministris ornatissimis, putantes imperatorem, devoluti sunt in humum. Indeque repulsi reppererunt in consistorio cubicularios imperatoris circa magistrum suum, de quo non videretur dubium, quin ille princeps posset esse mortalium. Qui, cum se quod non erat abnegaret, pollicebatur tamen, quod cum primoribus palatii moliretur, quatinus, si fieri potuisset, in praesentiam imperatoris augustissimi pervenire deberent. Tunc ex latere caesaris directi sunt, qui eos honorifice introducerent. Императоръ встрѣчаетъ ихъ, окруженный блестящимъ дворомъ и семьей, опираясь на епископа Гейтона — и пораженные величіемъ послы повергаются передъ нимъ на землю, точно бездыханные.

Послѣдній эпизодъ разсказа ясно напоминаетъ моментъ «встрѣчь» въ Хожденіи, только перенесенный ко двору Карла: онъ ихъ не самъ испытываетъ, а уготовляетъ ихъ другимъ. Едва-ли и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ дѣло съ переименованіемъ болѣе древняго мотива — по побужденіямъ народной гордости: у Салернскаго монаха ¹⁾ посолъ Карла или даже и самъ

¹⁾ Mon. Germ. historica, Scriptorum III: Chronicon Salernitanum § 9 слѣд.

императоръ является въ положеніи византійскихъ посланниковъ предъидущаго сказанія.

Вся Италия признала власть Карла; *solus dux Arichis Beneventi iussa eius contempnens, pro eo quod capiti suo pretiosam deportaret coronam. Ut comperit talia rex Karolus, valde est iratus, atque nimirum iusiurandum asseruit dicens: Nisi sceptrum quod manu gesto Arichis percucio pectus, vivere nolo. Онъ идетъ на него съ войскомъ; епископы, посланные герцогомъ, пытаются удержать его отъ дальнѣйшаго похода — онъ ссылается на данную имъ клятву, которую ловкіе послы даютъ ему возможность исполнить — безъ обиды герцогу: въ церкви св. Стефана, куда они заводятъ Карла, онъ видитъ изображение герцога; разгнѣванный, онъ ударяетъ его жезломъ въ грудь и сбрасываетъ съ него вѣнецъ, говоря: Sic eveniat omni qui super se ponit quod ei licitum non est. Передъ тѣмъ лѣтописецъ, говоря объ императорскомъ титулѣ Карла, замѣтилъ: sic eum vocitabant omnes qui aderant in familia sua, qui pretiosam coronam in suo prorsus capite gerebat. Imperator quippe omnimodis non dici potest, nisi qui regnum Romanum praeest, hoc est Constantino-politanum. Reges Gallorum nunc usurparunt sibi tale nomen.*

Теперь, когда онъ, хотя и казовымъ образомъ, исполнилъ свою клятву, императоръ склоняется на мольбы епископовъ, согласенъ на миръ и шлетъ въ Салерно посла скрѣпить мирный договоръ съ Арихисомъ, который приготовилъ ему такую встрѣчу: *in scala ipsius palatii adolescentes hinc inde astare fecit, qui gerebant in manibus sparvarios cum ceteris huiusmodi avibus; deinde iuvenes astare fecit floridam aetatem habens, et isti alii accipites et huiusmodi manibus avibus gerebant; quidam enim ex his ad tabulam ludebant. Id ipsum hinc inde, ut diximus, canos spargens astare fecit, deinde senes undique circumstans cum baculum in manibus, inter quos ipse princeps in throno aureo in eorum residens medium.* Когда посоль приближился къ городу, герцогъ послалъ имъ на встрѣчу нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ; онъ думаетъ найти Арихиса въ ихъ средѣ, и эта ошибка повторяется

при дальнѣйшемъ шествіи и встрѣчахъ — съ мальчиками, юношами, мужами и старцами; вездѣ онъ получаетъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: *In antea pergambulate! In antea pergite! Ite in antea.* Наконецъ посоль видить возсѣдающаго Арихиса, который поглумился надъ нимъ, какъ-бы случайно уронивъ жезлъ, а тотъ поднялъ его и подалъ со словами: *Non sicut audivimus vidimus, set plus plane vidimus quam nuper audivimus.* — Его принимаютъ великолѣпно. *Et videns autem omnem sapientiam Arichis et palatium quam haedificaverat, et cibos mensae suae, et habitacula servorum, et ordinis ministrantium, vestesque eorum et pincernas, miratus est valde, adiciens: Verus est sermo quod audiavi in harba mea super sapientia tua et super gloria tua, et non credebam narrantibus mihi, donec per memet ipsum veni, et vidi oculis meis, et probavi quod media pars mihi nunciata non fuerit . . . Ferunt plane nonnulli, quod ipsum saepe dictum Karolum in legati formam se transformasset, ut audita Arichis magnitudo cernere potuisset, et ipsum legatum quem supra diximus Karolus fuisset.*

Мы здѣсь совершенно на почвѣ Хожденія, и даже на болѣе древней, такъ-сказать, до-франкской его рецензій. Безграничное удивленіе Карла не идетъ къ его типу въ Хожденіи, — но такъ именно дивятся оцѣнщики Владимира въ пѣснѣ о Дюкѣ, и какъ Карлъ (въ варьянтѣ салернской легенды) принужденъ сознаться, что слава и мудрость Арихиса превысгли все, что о томъ доносила молва, такъ говорить Дюку и Владимиръ въ пересказѣ у Кирѣевского:

Каково про тебя сказывали,
Таковъ ты и есть.

III.

Разборъ былинъ о Дюкѣ и западныхъ сказаній о хожденіи Карла Великаго привелъ насъ послѣдовательно къ предположенію далекаго, имъ общаго оригинала, съ несомнѣнными чертами

Посланія Пресвитера Іоанна. Отличія западныхъ и русскихъ пересказовъ представились намъ, какъ значительныя: существеннымъ для первыхъ — за исключеніемъ салернской легенды — явилась измѣнившаяся точка зрѣнія, упрочившая похвалбу и побѣду за западомъ передъ востокомъ. Не менѣе существенно и различіе въ нѣкоторыхъ подробностяхъ разсказа: представленіе царя-пахаря, знакомое западнымъ сказаніямъ, неизвѣстно былинамъ о Дюкѣ. Не сохранилось-ли оно въ нашемъ загадочномъ Микулѣ Селяниновичѣ?

Микула-Селяниновичъ, пахарь, встрѣчается обыкновенно при Волхѣ Всеславьевичѣ, Вольгѣ и т. п.; только у Гильф. № 255 вмѣсто Вольги является Иванъ Гоудиновичъ, да въ № 127 *ibid.* Чурила, отправляясь отъ короля Литовскаго (на родину и потомъ ко Владимиру), встрѣчаетъ по дорогѣ чудеснаго пахаря — очевидно, того-же Микулу, который въ былинѣ у Барсова ¹⁾ названъ — Дюкомъ Степановичемъ.

О Волхѣ, Вольгѣ и т. д. поется двойко: либо о его *походѣ* въ Турецкую землю, Индѣйское царство, которое онъ предаетъ разгрому, либо о его *встрѣчѣ* съ Микулой. Последняя былина — либо эпизодъ болѣе цѣльной былины — несомнѣнно искажена; грандіозный образъ пахаря не могъ не прійтись по праву крестьянской средѣ, хранительницѣ пѣсни, и заслонивъ всё остальное, невольно вызывалъ вопросы и находилъ себѣ въ нашей наукѣ — мифологическое объясненіе. Можетъ быть, безо всякаго на то права.

Пѣсни о «встрѣчѣ» Вольги начинаются иногда съ разсказа о его рожденіи, напоминающаго такой-же запѣвъ въ былинахъ о Добрынѣ; о его охотѣ. То и другое встрѣчается и въ пѣсняхъ о «поѣздкѣ» — вѣроятно, у мѣста.

Я начну разборъ съ Рыбн. I, № 3 (= Гильф. № 73):

Когда возсіало солнце красное
На это на небушко на ясное,

¹⁾ Е. Барсовъ, Памятники Народнаго творчества въ Олонецкой губерніи, стр. 18—22. См. выше стр. 119.

Тогда зарождался молодой Вольга,
 Молодой Вольга Святославговичъ.
 Сталъ Вольга растѣть-матерѣть;
 Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
 Шукой-рыбою ходить ему въ глубокихъ моряхъ,
 Птицей-соколомъ летать подь оболока,
 Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
 Уходили всѣ рыбы во синія моря,
 Улетали всѣ птички за оболока,
 Убѣгали всѣ звѣри во темные лѣса.
 Сталъ Вольга растѣть-матереть,
 Избирать собѣ дружинишку хоробрую,
 Тридцать молодцевъ безъ единого,
 Самъ оцѣ Вольга во тридцатныхъ.

За этимъ запѣвомъ слѣдуетъ сама былина:

Жаловалъ его родной дядюшка,
 Ласковый Владиміръ стольно-кїевскій
 Тремя городами со крестьянами:
 Первымъ городомъ — Гурчевцомъ,
 Другимъ городомъ — Орѣховцемъ
 Третьимъ городомъ — Крестьяновцемъ.
 Молодой Вольга Святославговичъ
 Со своей дружинишкой хороброю
 Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою.
 Въѣхалъ въ раздольице чисто поле,
 Онъ услышалъ во чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая посерниваетъ,
 Омѣшники по камешкамъ очеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга до ратая
 День съ утра онъ до вечера,
 Со своєю дружинишкой хороброю,
 А не могъ онъ до ратая доѣхать ¹⁾).

¹⁾ Въ болгарской пѣснѣ у Чолакова, № 31 (стр. 286 слѣд.) девять Арабовъ гонятся за сестрой Марка:

Ти пѣшанскы припка,
 А тѣ съ коне припкать,
 Па не могатъ да ѡ стигнать.

Ъхалъ Вольга оцѣ дрúгой день,
 Дрúгой день съ утра до вечера,
 А не могъ онъ до ратая доѣхати.
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Сошка у ратая поскрипываетъ,
 Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
 Ъхалъ Вольга оцѣ третій день,
 Третій день съ утра до пѣбѣдья,
 Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
 Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
 Коренья, каменья вывертываетъ,
 А великия-то всѣ каменья въ борозду валить;
 Кобыла у ратая соловая,
 Сошка у ратая еленовая,
 Гужики у ратая шелковые.
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Божья ти помочь, оратаюшко!
 Орать, да пахать, да крестьянствовать,
 Съ края въ край бороздки пометывать,
 Коренья, каменья вывертывать!»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Подитко, Вольга Святославовичъ
 Со своею со дружиной хороброю,
 Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!
 Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь
 Со своею со дружинишкою хороброю? —
 •Ай-же ты, ратаю, ратаюшко!
 Ъду ко городамъ за получкою:
 Ко первому городу ко Гурчевцу,
 Ко дрúтому ко городу къ Орѣховцу,
 Ко третьему городу ко Крестьяновцу».
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же Вольга Святославовичъ!
 А недавно я былъ во городни, третьёво-дни,
 На своей кобылѣ соловой,
 Увезъ я отголь соли столько два мѣха,
 Два мѣха соли по сороку пудъ.
 И живутъ-то мужики всё разбойники,

Они просятъ грошѣвъ подорожныхъ;
 А былъ я съ шалыгой подорожною,
 Платилъ имъ гроши подорожные:
 Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидеть,
 А который сидя сидитъ, тотъ и лежа лежитъ. —
 Говорилъ Вольга таковы слова:
 «Ай-же, оратай, оратаюшко,
 Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»
 Этого оратай-оратаюшко
 Гужики шелковеньки повыстенуль,
 Кобылку изъ сошки повывернуль,
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали.
 Говорить оратай таковы слова:
 — Ай-же, Вольга Святославговичъ!
 Оставилъ я сошку въ бороздочкѣ,
 И не гля-ради прохожаго, проѣзжаго,
 А гля-ради мужаа деревенщины.
 Какъ-бы сошка съ земельки повыдернути,
 Изъ омѣшиковъ земелька повытряхнути
 И бросить бы сошка за ракиновъ кустъ?

Вольга посылаетъ пять, десять молодцовъ, наконецъ всю дру-
 жину: не совладѣли они съ сошкой.

Подѣхалъ оратай-оратаюшко
 На своей кобылкѣ соловенькой
 Ко этой ко сошкѣ кленовой:
 Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
 Сошку съ земельки повыдернуль,
 Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуль,
 Бросилъ сошку за ракиновъ кустъ.
 Съли на добрыхъ коней, поѣхали,
 Оратая кобылка-то рысью идетъ,
 А Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ;
 У оратая кобылка-то грудью пошла,
 А Вольгинъ-отъ конь остается.
 Сталъ Вольга тутъ покрививати,
 Колпакомъ Вольга тутъ помахивати:
 «Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
 Этаа кобылка конькомъ бы была,

За эту кобылку пятьсотъ бы дано.
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Глухой Вольга Святославговичъ!
 Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
 И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
 Эта кобылка конькомъ бы была,
 За эту кобылку смѣти бы нѣтъ. —
 Говорилъ Вольга Святославговичъ:
 «Ай-же ты, ратаю-ратаюшко!
 Какъ-то тебя именемъ зовуть,
 Какъ звеличаютъ по отчеству?»
 Говорилъ оратай таковы слова:
 — Ай-же, Вольга Святославговичъ!
 А я ржи напашу, да во скирды сложу,
 Во свирды складу, домой выволочу,
 Домой выволочу, да дома вымолочу,
 Драни надеру, да и пива наварю,
 Пива наварю, да и мужичковъ напою.
 Станутъ мужички меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селяниновичъ!» —

Недосказана въ этой былинѣ — цѣль поѣздки Вольги и Микулы
 «въ товарищахъ». Такъ и у Гильф. № 32:

Молода Волью Всеславьевича
 Жаловалъ крестовый его батюшко
 Какъ двумъ городами его лучшима:
 Еще Курцовцомъ его, Орѣховцемъ.

Вольга выѣзжаетъ съ дружиной, видитъ пахаря, котораго насти-
 гаетъ лишь на третій день:

Да у этого пахаря у пахарюшка
 Сошка-то была у его вожаная,
 А во сошки были плотней кленовыи,
 А на плотикахъ рогачихъ былъ дорогъ рыбій зубъ;
 Омѣшники на сошки были булатни,
 А присосечникъ на омешичкахъ былъ красна золота.
 А у этого у пахаря у пахарюшка
 Впряжена была кобылушка солова;

У этой у кобыло-то у соловой
 Хвостъ-отъ до земли розстигается,
 А грива-то колесомъ у ей завивается.

Пахарь называетъ себя Викулой Селяниновичемъ, рассказываетъ, какъ побилъ онъ Курцевцевъ да Орѣховцевъ.

Туть возгворить молодой Волья ему Вславьевичъ:
 Ай-же ты Викула е Селяниновичъ!
 Пойдемъ отводить да мнѣ-ка вотчины.

Они ѣдутъ; слѣдуетъ эпизодъ о чудесномъ бѣгѣ кобылы и о сохѣ.

Порядокъ въ полныхъ былинахъ этого типа могъ быть такой: выѣздъ Вольги, встрѣча съ пахаремъ, поѣздка въ товарищахъ; эпизоды о сохѣ и бѣгѣ; дѣло съ мужиками. Такъ у Гильф. №№ 156, 55; первый начинается рожденіемъ Вольги Святославовича, его выѣздомъ; та-же встрѣча съ пахаремъ и новое описание его убранства:

У оратая кобыла солóвая,
 Гужики у нея да шелковни,
 Сошка у оратая кленовая,
 Омешики на сошки булатни,
 Присомечеть у сошки серебряный,
 А рогачиѣ-то у сошки красна золота.
 А у оратая кудри качаются,
 Что не скаченъ ли жемчугъ разсыпаются,
 У оратая глаза да ясна сокола,
 А брови у него да черна собола.
 У оратая сапожки зеленъ сафьянъ:
 Вотъ шиломъ пяты, носѣ востры,
 Вотъ подъ пяту пяту воробѣй пролетѣтъ,
 Около носа хоть яйцо провати.
 У оратая шляпа пуховая,
 А кафтанчикъ у него да черна бархата.

Это стиль — Дюка и Чурилы. На вопросъ Микулы Вольга говоритъ, что его родной дядюшка да крестный батюшка, Владимиръ

стольно-кіевскій, пожаловалъ его тремя городами со крестьянами: Курцовцемъ, Орѣховцемъ и Крестьянновцемъ,

«Теперь ѣду ко городамъ да за получкою.
Тутъ проговорилъ оратай-оратаюшко:
— Ай-же ты, Вольга Святославовичъ!
Тамъ живутъ-то мужички да всѣ разбойнички,
Они подрубать-то сляги калиновы,
Да потопятъ ты въ рѣку да во Смородицу!

— и онъ рассказываетъ, какъ онъ ѣздилъ къ нимъ за солью и бился съ ними. — Слѣдуетъ: поѣздка въ товарищахъ, соха и бѣгъ.

Тутъ пріѣхали ко городу ко Курцевцу,
Стали ко городу показивати,
Стали города разсматривати,
А ребята-то стали наговаривати:
«Какъ этотъ третьего дня былъ, да мужичковъ онъ билъ»
А мужички-то стали собиратися,
Собиратися они да думу думати:
Какъ бы притти да извинитися,
А имъ низко бы да поклонитися.
Тутъ проговорилъ Вольга Святославовичъ:
«Ай-же ты Никула Селяниновичъ!
Я жалую отъ себя тремя городами со крестьянами.
Оставайся здѣсь да вѣдь намѣстникомъ,
Получай-ко ты дань да вѣдь грошовую.

Въ № 55 Гильф., также начинающемся съ рожденія Вольги Всеславича, мотивъ его выѣзда другой: купцы и бояре

Изъ того-ли изъ Туринца славна города
А ѣ платили дань да вѣдь во Кіевъ градъ,
А ѣ ко ласковому князю ко Владижиру,
А ѣ не стали-то вносить дани да пошлины.

За тѣмъ и другимъ и ѣдетъ Вольга

Во Туринець городъ во Орѣховецъ.

Далѣе идетъ встрѣча съ Микулой Селяниновичемъ (эпизода съ сохой нѣтъ; бѣгъ); онъ предупреждаетъ:

Молодой ты Вольга Всеславьевичъ!
 Не взять тебѣ Туриница да города Орѣховца.
 Былъ я третіею дни въ Туриници въ городѣ Орѣховци, —
 Это грубы злыи мужики да вѣдь орѣховци
 Зафальшивили мою да золоту казну,
 Почитали за гроши они за мѣдныи,
 А ѣ за мѣдныи гроши да за фальшивыи.

Вольга величаетъ Микулу «дядюшкой», просить его помочь ему «братъ Туринца города Орѣховца».

А тыи мужики да вѣдь Орѣховци
 А на тыхъ на рѣченькахъ на быстрихъ
 А ѣ подрѣзали мосты да всѣ дубовые,
 Потопили много силы да Вольгиной.
 А ѣ тутъ-ли то Вольга Всеславьевичъ.
 Заѣзжае въ Туринець съ своимъ дядюшкой,
 Они много силы рубятъ, больше въ пѣнѣ берутъ,
 Покорили розорили Туринець-отъ городъ Орѣховець.
 Это скоро Вольга поворотъ держать,
 А во славный во стольный во Кіевъ-градъ.

Въ былинѣ № 255 Гильф., замѣнившей Вольгу — Иваномъ Гоудиновичемъ, его дядя Владимиръ также жалуеъ его тремя городами: Курсовцемъ, Орѣховцемъ и Орѣшечкомъ(?), которые «некому не давали ни дани ни пошлыны». Иванъ выѣзжаетъ; встрѣча съ ратаемъ (его кобыла зовется: Унеси-голова), который рассказываетъ ему о своей передѣлкѣ съ Курсовскими мужиками по поводу соли, и ѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ. — Эпизодъ съ сохой Микула Селяновичъ бросаетъ еѣ «подъ облаки» со словами:

Ты прощай моя сошка ратная(?),
 Да болѣ мнѣ-ка вѣеъ на тебѣ и не пахивать.

Слѣдуетъ бой Ивана и Микулы съ мужиками, которые покорились и стали платить дань «ко князю Владимиру во Кіевъ градъ».

Иной распорядокъ представляетъ другой рядъ былинь: выѣздъ Вольги, ратай, соха, бой съ мужиками, бѣгъ Микулиной кобылы. — У Рыбн. I, № 4 (переставившемъ роли Вольги Святославговича и Микулы) рассказъ начинается (какъ въ былинахъ о его поѣздѣ) съ рожденія Вольги и его охоты; о томъ, что онъ племянникъ князя и ему пожалованы города, нигдѣ не сказано; сошку Микулушка Селяниновичъ забросилъ «къ подоблакамъ»; бой съ мужиками Гуршевыми и Орѣховскими («подѣлали мосточки поддѣльные»); нахлеставъ ихъ «до любви», Вольга и Микула ѣдутъ назадъ, Микулина кобыла опереживаетъ. — «Тутъ они добры молодцы поразѣхались, — Поразѣхались они, пораспростились». Сл. Гильф. № 45 (Вольга Всеславьевичъ, Микулушка Селягиновичъ; Куржовець, Орѣховець).

Особо стоитъ былина-побывальщина у Рыбн. I, № 5: Вольга Всеславьевичъ не доѣжая Кіева встрѣчаетъ ратая, Микулу Селяниновича, зоветъ его въ Кіевъ; эпизодъ съ сохой и бѣгъ (у Микулы кобыла: Обнеси голова). «Приѣхали къ палатамъ Микулинымъ, выходили три дочери Микулины, три паленицы удалыя: Марья Микулична, Василиса Микулична и Настасья Микулична, и принимали Вольгу съ великою честію». Судя по варьянту, пересказанному Рыбниковымъ къ I, № 3, стр. 22 прим. *), это было не въ Кіевѣ, а по дорогѣ къ Кіеву.

Изъ неполныхъ либо порченныхъ варьянтовъ былины мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты: у Гильф. № 131 Вольга Святославьевичъ племянникъ Владимира, жалующаго ему Гурсовець, Череповець, Орѣховець; оратай, Микула Селяниновъ, служилъ отцу Вольги двѣнадцать лѣтъ, служить Вольгѣ и въ тринадцатый. Въ № 195 *ibid.*: Вольга Сеславьевичъ, Викулушка Сѣятелевичъ; его кобыла куплена «во Пурховцѣ, во Орѣховцѣ»; въ сводномъ № 2 (Садко, Вольга и Микула) Вольга Всеславьевичъ смѣшанъ съ Васиіемъ Буслаевичемъ, встрѣчается съ Викулой Селягинымъ, зоветъ его въ Курчовець, Орѣховець. — Рыбн. II, № 1 = Гильф. № 98; Рыбн. I, № 60; Рыбн. II, № 61 = Гильф. № 113 (Настасья Никулична), представляя

собою лишь незначительные отрывки цѣльныхъ пѣсень, не вызываютъ особыхъ замѣчаній.

Остановимся на общемъ содержаніи пересказанныхъ нами былинъ. Вольга-Волхъ и т. п., племянникъ Владимира, ѣдетъ къ тремъ городамъ, пожалованнымъ ему дядей, чтобъ вестись въ отчину, взыскать недоплаченные дани. По дорогѣ встрѣча съ пахаремъ, но пахаремъ необыкновеннымъ: въ его сохѣ все золото, серебро, булатъ и рыбій зубъ, быстрота его пахоты, его коня изумительны, какъ и его сила — сила отъ земли. Въ одной былинѣ у Рыбн. II, № 2 калики предупреждаютъ Илью о тѣхъ, кто на свѣтѣ его сильнѣе:

Самсонъ Самойловичъ да Святогоръ Колювановичъ,
Еще сильнѣе отъ матушки сырой земли
Микула Селяниновичъ.

Это изреченіе — едва-ли имѣетъ непосредственное отношеніе къ быту земледѣльческому, къ возвеличенію пахаря. Такая идеализація близкой реальности не въ стилѣ народной поэзіи. Идеализація являлась съ отвлеченіемъ. Земля сама по себѣ — сила, «тягота земная», передъ которой не устоятъ и Святогору. Ѣдетъ онъ, прохожій идетъ впереди такъ скоро, что богатырю не нагнать его верхомъ. По его просьбѣ онъ остановился, «снямалъ съ плечь сумочку и кладывалъ сумочку на сыру землю. Говорить Святогоръ богатырь: «Что у тебя въ сумочкѣ?» — А вотъ подыми съ земли, такъ увидишь. — Сошелъ Святогоръ съ добра коня, захватилъ сумочку рукою, не могъ и пошевелить; сталъ здымать объѣма рукамы, только духъ подъ сумочку могъ подпустить, а самъ по колѣна въ землю угрязъ. Говорить богатырь таковы слова: «Что это у тебя въ сумочку накладано? Силы мнѣ не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу». — Въ сумочкѣ у меня тяга земная. — Да кто-жь ты есть, и какъ тебя именемъ зовуть, звеличаютъ какъ по изотчины?» — Я есть Микулушка Селяниновичъ. (Рыбн. I, № 8, стр. 39—40, прим. ****). — Въ былинѣ о Нютыкѣ (Рыбн. I, № 37), обращенномъ въ тяжелый камень, который не подъ силу поднять богатырямъ, Микола

Можайскій, «здымающій» этотъ камень на плечо, — очевидно, тотъ-же Микула. — Тяга земная — это земля, персть, поглащающая всякую силу и славу, покрывающая ненасытный глазъ (камень, черепъ) въ извѣстной легендѣ объ Александрѣ Великомъ¹⁾. Пресвитеру Иоанну чаша съ землею постоянно напоминаетъ о его смертности; императоръ Гуговъ помнитъ завѣтъ Адаму: въ потѣ лица ѣшь свой хлѣбъ, пока не возвратишься въ землю, изъ которой взять — и самъ пашеть золотымъ драгоценнымъ плугомъ. — Микула Селяниновичъ, очевидно, тотъ-же типъ: ему вѣдома «тягота земная», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ — чудесный, вѣроятно, царственный пахарь. Вольга или кто другой встрѣчалъ его когда-то на своемъ пути, гдѣ ему попадались и три города, населенные богатыми крестьянами — не три-ли извѣстныхъ намъ встрѣчи Добрыни и Карла?

Плугъ Микулы, несомнѣнно, — плугъ Гугона: послѣдній бросаетъ его на полѣ безъ призрѣнія, потому что въ его странѣ это безопасно: никто его не украдетъ, хоть лежи онъ семь лѣтъ; въ пѣснѣ этотъ мотивъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что никто, кромѣ Микулы, не въ состояніи вытащить его изъ борозды. Не оставимъ безъ вниманія и еще одну черту сходства, поддерживаемую въ нашемъ случаѣ лишь поэмой XI-го вѣка: Гуговъ выпрягаетъ воловъ и спѣшитъ впередъ въ Константинополь, верхомъ на мулѣ; Карлъ подѣзжаетъ позже; въ былинѣ Микула ѣдетъ на кобылѣ, выпряженной изъ плуга, но ѣдетъ такъ быстро, опереживая Волха, что эта часть разсказа обратилась, безъ всякаго внутренняго повода, въ поѣздкѣ въ запуски.

¹⁾ Сл. мое: Слово о Двѣнадцати снахъ Шахайши, стр. 42 слѣд. Албанская сказка у Dozon, Contes Albanais (Paris, 1881) № XVIII представляетъ мотивъ александровской легенды, странно искаженный: бѣдному рыбаку царь сулитъ заплатить вѣсомъ золота за все что-бы онъ ни поймалъ въ свои сѣти. Онъ захватилъ древесный листъ: сколько золото ни клали въ вѣсы — листъ все перевѣшивалъ. Царь допрашиваетъ своихъ мудрецовъ, которые съ своей стороны ищутъ совѣта какого-то калугера: онъ покрываетъ листъ перстью, и листъ становится легкимъ: «онъ *положе* на глазъ жаднаго и скупого чело-вѣка».

Очевидно, когда подобнаго рода пѣсня примкнула къ Кіевскому циклу, она должна была подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіямъ: Вольга очутился племянникомъ Владимира, города—ему подвластными, поѣздка мотивировалась — взиманіемъ дани, что дало другое мѣсто и значеніе городамъ на дорогѣ; Микула остался пахаремъ, играетъ совсѣмъ неожиданно роль помощника Вольги, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обобщился: мы видимъ его въ былинѣ о Святогорѣ, о немъ предупреждаютъ Илью. Такъ Леванидовъ крестъ и камень алатырь встрѣчаются по былинамъ какъ общее географическое мѣсто, забывъ родной Ливанъ и Фаворъ.

Особо стоитъ барсовская былина о Дюкѣ Степановичѣ и Щуригѣ Щапликовичѣ¹⁾, въ которой первый играетъ роль Микулы, второй — Вольги. Дюкъ (живущій «за рѣкой за Почаевой») пашетъ въ чистомъ полѣ, кіевскій богатырь Чурила догоняетъ на третій день пахаря, который предлагаетъ ему отвѣдать промеду собой «силы богатырской». — Чурила ѣдетъ домой (у него оказывается «родная матушка»), снаряжаетъ коня, проситъ его послужить ему вѣрой правдою, какъ служилъ батюшкѣ. Конь переноситъ его черезъ рѣку Почаеву, гдѣ богатырь бьется въ чистомъ полѣ съ Дюкомъ, побѣждаетъ его, братается съ нимъ и предлагаетъ вмѣстѣ ѣхать на службу къ Солнышку-Владимиру.

Былина сведена изъ мотивовъ пѣсенъ о Дюкѣ (скачка съ Чурилой черезъ рѣку); съ *поединкомъ* Чурилы и Дюка можно-бы сблизить эпизодъ «штурмованья» у Рыбн. Ш, № 30, съ другимъ, впрочемъ, результатомъ для Дюка; образъ пахаря перенесенъ съ Микулы. Послѣднее перенесеніе представляется чисто внѣшнимъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ оно-то и возбуждаетъ рядъ вопросовъ. За Дюкомъ, какъ и за Гугономъ французскаго сказанія мы открыли Индію пресвитера Ивана; съ другой стороны Гугона-пахаря сопоставили съ пахаремъ Микулой. Если это вѣрно, то уравненіе: Дюкъ = Микула представляется возможнымъ предпо-

¹⁾ Барсовъ, I. с. р. 18—22; см. выше стр. 119, прим. 2.

ложеніемъ, въ границахъ котораго мыслимъ былъ-бы и — Дюкъ-пахарь.

Но я оставляю это — простой гипотезой, которую не думаю защищать, тѣмъ болѣе, что у меня въ запасѣ еще два, столь-же гипотетическихъ вопроса.

Если *Hugon* (Hugues, Hugon) близокъ, по замыслу, къ пресвитеру *Иоанну*, то не здѣсь-ли объясненіе его имени? Въ имени *Иоанна* видѣли отраженіе титула основателя Каракитайскаго царства: *Kukhan* или *Kurchan* (1143). Это несогласно съ хронологическимъ опредѣленіемъ «Хожденія»; но *Kukhan* значитъ только: *ханъ хановъ*.

Если *Вольга Всеславьевичъ* или *Святославовичъ*, въ самомъ дѣлѣ, историческій *Олегъ «вѣщій»*, то сохранилась память о его военномъ хожденіи въ *Царьградъ*, обставившемся въ лѣтописи кое-какими чудесными подробностями: вспомнимъ его корабли на колесахъ, щитъ, повѣшенный на вратахъ города; русскимъ посламъ въ *Царьградѣ* царь *Левъ* велитъ показать «церковную красоту и полаты златыя и въ нихъ сущаа богатество, злато много и поволоки и каменье драгое, — и страсти Господни и венець, и гвозди, и хламиду багряную, и мощи святыхъ». — Легко можетъ статься, что къ имени *Олега вѣщаго*, смѣшаннаго съ *Олегомъ Святославовичемъ*, привкнула какая нибудь пѣсня, сходная по типу съ оригиналомъ французскаго *Хожденія*, пристроившаяся впоследствии ко *Владимиру* и затѣмъ разбившаяся на эпизоды, потерявшіе свою прозрачность именно вслѣдствіе своей отрывочности.

Предложенное гипотетическое объясненіе пѣсни о *Вольгѣ* и *Микулѣ*, разумѣется, не предрѣшаетъ вопроса объ источникахъ былины, поющей о «мудростяхъ» *Вольги* и о его поѣздкѣ въ *Индійское царство*. Объединеніе двухъ сюжетовъ подъ одно имя можетъ быть случайнымъ; поводы къ нему — предметомъ особаго анализа.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Сказаніе ѿ индискѣ црѣви.

Азъ есмь іѡаннъ црѣ и попъ на црѣ црѣ, имѣю по собою т, црѣи и т. Азъ есмь поборнѣкъ по православнои вѣрѣ хвѣ. Црѣтво мое таково: итти на единоу страну і мѣъ, а на другоую не-
мощно да итти занѣ тамо соткноуса нѣбо з землю. естъ оу мене въ единой странѣ лѣ нѣмы, а вынои земли лѣ рогаты, а вынои странѣ лѣ трепаѣци, а иныа лѣ ѳ-ти сажень и соу волотове, а иныа лѣ четвероручны, а иныа лѣ ѿ шти роукъ, а инаа оу мене земля в неижѣ лѣ пѣ пса да пѣ члѣка, а иныѣ оу мене лѣ в персе ѡчи и ротъ, а во инои земли оу мене лѣ верхоу рты великы, а (и)ныѣ оу мене лѣ скотыи ноги имѣюще. естъ оу мене лѣ пѣптици а полъ члѣка, а иныа оу мене лѣ глава пѣса, а родатса оу мене во црѣви моемъ звѣрѣ (оу мене) слоновѣ, дремедары и коркодилы и велбоуди. керно корко^{ль} звѣръ лють естъ, на что са разгнѣваѣ, а помочитса на древо или на ино что, в тои чѣс са ѡгнѣ сгорѣ. Естъ в моеи земли пѣтоухы на них же лѣ аздѣ. естъ оу мена птица ногои, въетъ себѣ гнѣздо на дѣи. доубовъ. естъ в моемъ црѣви птица ѳни^{зъ}, свивае себѣ гнѣздо на новъ мѣъ и приносить ѡ огна нѣнаго и сама зажигае гнѣздо свое а сама тоу тѣ сгараѣ, и в томже попелѣ зараждае червь и ѡпернатѣ и потѣ таже птица бываѣ едина, болѣ тѣ плода нѣтъ тои птици, ѳ бо лѣ живеть. а посрѣ моего црѣва идеть рѣка едемъ из рая, в тои рѣцѣ емлѣ драгѣи камень акинѣъ и самфиръ и памфиръ и измарагдъ, сардикъ и аспидъ твердѣже і аки оугль горащъ. Естъ камень кармакоуль, той камень гнѣ всѣ каменѣемъ драгѣи, в ноци свѣти аки ѡгнь горить. Естъ оу мене земля в неѣ трава еяже всакъ звѣръ бѣгае, а нѣтъ в моеи земли ни тата ни разбойника ни завидлива члѣка занѣ моа земля полна всакого бо^{тства}. А нѣтъ в моеи земли ни оужа ни жабы, ни змеи, а хота и воидеть, тоу и оумреть. Естъ оу мена земля в неѣ рожае се перець, вси люде по то ходат ѡпроче всѣхъ. Естъ оу насъ море пѣсочное езеро, да николиже не стоить на

единомъ мѣстѣ ѡколѣваше(?) яже вповоды восхода^т тѣ валы на бре^т за $\bar{т}$ верстѣ. того^т мора не прехо^ттъ никаковъ члѣвкъ, ни корабле^т ни которымъ промысломъ. И за тѣмъ моремъ не вѣдаеть ни каковъ члѣвкъ есть-ли тамо лю^т нѣтъ ли, и с того мора в нашу землю текоу^т рѣкы многи в низже рыбы сладкы, и посторонь того мора за .г. днѣ соу^т горы высокы, ѡтъ низже течеть рѣка каменна, валитса каменіе великое и малое по себѣ .г. днѣ. Идетже то каменіе в нашу землю в то море пѣсочное и покрывають валове мора того. и бли^т тоа рѣкы едино днѣще есть горы поуусты высокы, ихже верха члѣвоу не мощи дозрѣти, ис тѣх горъ течеть рѣка подъ землею не велика, но во едино время ра^тстоупаетса земля на^т рѣкою тою и ктѣ оузрѣвъ да борзо вскочить в рѣкою тоу, того рад^т да бы са о немъ земля не состоупи, а что похватить и вынесе^т борзо, ѡже камень той драгїи камень видитса, а яже пѣсокъ похватить, то великы женчюгъ возметса. Таже рѣка течеть в великоюу рѣкою, лю^т же тоа земли ходатъ на оустье рѣкы а емлють драгы камень четьи и женчюгъ, а корматъ свои дѣти сырыми рыбами и понирають в рѣкою тоу иныа на .г. мѣцї, а иныа на .д.рѣ мѣцї, ищюутъ каменїа драгаго. За той рѣкой едино днѣще есть горы высокы и толсты, не лзѣ на нихъ члѣвоу зрѣти. Ис тѣх горъ пылаеть ѡгнь по многымъ мѣстомъ и в томъ ѡгни живутъ черви, а бе^т ѡгна не могоуть жити аки рыбы без воды, и тѣ черви точатъ ис себе нити аки шидоу и в тѣхъ нитехъ наши жены дѣлають намъ порты и тѣ порты коли са изроудѣ, водою ихъ не немью, вергоу^т ихъ в огонь и како разгоратса, ини чисти боудоу^т. Есть оу мене во иномъ странѣ звѣзда именемъ лувиларь. а егда поидемъ на ратъ кому хоцемъ болшеи работѣ предати, идоу^т пре^тмною и несоу^т тоу .к. кр^товъ и .к. стаговъ. Тѣже кр^ты и стази велици злати с драгими каменни и с великими женчюги здѣлани, в ноцѣ свѣта^т аки в днѣ. Тѣже кр^ты и стази идоу^т на к^т-ти колесницахъ и з^т-ти, а оу которыа^т колесници слоужать по .р. тысѣ конникъ а по .р. тысѣ пѣшіе рати ѡпри^т тѣхъ которыа на насъ брашно везоуть. А коли поидемъ к нарочитоу мѣстоу на бой,

ини несутъ предъ мною единъ крѣтъ драванъ, на немже изображено гѣне распатіе, того ра да быхомъ поминали гнѣю стрѣ и расплае. Сторонь того крѣта несутъ блюдо злато велико на немже едина земля, на землю зраще поминаемъ яко ѡтъ земля есми создани и паки в землю пойти имамы, а се с другоую страну блюдо несутъ другое злато, на немже драгіи камень и четей женчюгъ, нанже зраще величается наше гѣство. Идоутъ же предъ мною .г. проповѣдници, возглашаютъ велимъ глѣсмъ. Единъ вопіеть: се есть црѣ прѣмъ гѣ гдемъ, а другіи вопіеть: силою крѣтною и бжіею блгѣтью и помощію. А третіи вопіеть оумилны гласомъ яко ѡтъ земля есмы сѣтворени въ землю паки пойти имамы. И пакѣи престанемъ глѣти. Ѡ силѣ же не глѣю яко бо рекоѣ. — Дворъ оу мене имѣю таковъ: .ѣ. днѣ ити ѡколо двора моего, в нем же соутъ полаты многы златыя и сребреныя и дравани изноутри оукрашены аки нбо звѣздами, а покровены златомъ. И в той полатѣ ѡгнь не горитъ, аще ли внесоутъ, в той часъ ѡгнь погаснетъ. Есть оу мене иная полата злата на ѡсидесаѣ столповъ ѡтъ чистаго злата, а всакіи столпъ по .г. сажени в толстоту а .п. сажени в высоту. В той полатѣ .н. столповъ чистаго злата, на всѣхъже столпѣхъ по драгому камени, камень самѣиръ, имать свѣтъ бѣлъ, камень тонпазъ аки ѡгнь горитъ. В тойже полатѣ есть столпа два, на единомъ столпѣ камень, има емоу тропъ, а на другомъ столпѣ камень, има емоу кармакаулъ, в ноци свѣтитъ камень той драгы аки днѣ, а в днѣ аки злато, а ѡба велики аки корчаги. В той оу мене полатѣ ѡгнь не горитъ, аще внесоутъ то борзо погаснетъ, развѣ бо той ѡгнь горитъ и(де) и деть из древа негнеющаго: има древоу томоу шлема. Того мира вливають в паникадила и зажигаютъ, ино той ѡгнь горитъ, и тѣмъ миромъ в которую верстоу помажетса члѣвкъ старъ н молодъ, болѣ того не старѣетса, а ѡчи его не болаѣ. Та полата выше всѣхъ полатъ. верхоу тѣхъ полатъ оучинена два яблока златы, в нихже вковано по великому камени самфиру, того ради дабы хоробрость наша не ѡскоудѣла. соутбо .д. камени на стол[п]ѣхъ того ради дабы потворници не могли чаровъ творити

надъ нами. Есть оу мене иная полата злата велика какъ ѡчима видети, на столпѣхъ златыхъ, два велики камени кармакаулъ в нощи свѣтати в той-же полатѣ оу мене. А ѡбѣдають со мною на трапезѣ по вса дѣни .бѣ. патриарховъ .і. царей .бѣ. митрополитовъ .ме. пѣповъ .т. поповъ .р. діаконовъ, .н. пѣвцевъ, .ц. крилосниковъ, .т.е. игоуменовъ, .т. кнѣзей, а во зборнои моеи цркви слоужать .т. игоуменовъ да .ѡ.е. да .н. поповъ да .т. діаконовъ. и ѡбѣдають со мною, а столничаютъ оу мене и чаши подають .ді. црѣи да .м. королеи да .т. болгаръ, а поварню мою вѣдають два црѣа да два корола ѡспроче болгаръ и слоугъ. Тѣ црѣи и короли бывъ да прочь ѣдоуть, а иныя приѣзжаютъ. А еще оу мене лежить аплъ Оома. есть оу мене земля в ней соуть лю, ѡчи оу нихъ в челехъ. есть оу мене полата злата в нейже есть зеркало прѣное, стоить на .д.-рехъ столпѣхъ златыхъ, кто зрѣтъ в зеркало, той видить своа грѣхи яже сѣтворилъ ѡтъ юности своеа. Бли того и другое зеркало цкляно, аще мыслить злю на своего госпоѣра, ино в зеркалѣ томъ зримо лице его блѣдо аки не живо. А кто мыслить добро ѡ осподарѣ своемъ, ино лице его в зеркалѣ зримо аки слѣнце. а во дворѣ моемъ цркви .рн., ины сѣтворены Бгмъ, а ины роуками члвчкыми.» (Сборникъ Клар. Бѣлоз. № 11/1088, XV вѣка, 16-я доля л., л. 198 л. — 204 л.).

Примѣчаніе къ стр. 182 (сл. стр. 218 слѣд.): *Описание Порова дворца* въ еписколіи Пресвитера, редакція D, заимствовано, по всей вѣроятности, изъ *Historia de preliis*. Что до «*statuae musicae*», то сличите описаніе дворца въ среднегреческой поэмѣ о Ливистрѣ и Родамнѣ (W. Wagner, *Trois poèmes grecs du moyen-âge inédits*, p. 264):

788 καὶ ἐπάνω εἰς τοῦ πυργώματος τὸ δόντι τὸ καθέναν
 ἄνθρωποι ἀπὸ χαλκώματος νὰ στήκουν καὶ ἐκ λίθου
 τοὺς μὲν ἐν ὄπλοις ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης,
 νομίζω νὰ εἶπες ἐκ παντός, φίλε μου, ἂν τοὺς εἶδες,
 ζοῦν, ἀντιπαράτασσονται καὶ στέκουσιν πρὸς μάχην
 τοὺς ἄλλους πάλιν ἔστησεν ἐκεῖνος ὁ τεχνίτης
 τὸν μὲν νὰ παίξῃ λύραν . . .
 καὶ ἄλλος νὰ παίξῃ τεχνικὸ καλάμιν ἀπὸ πόθου,
 καὶ τὸ καθ' ἓναν τῶν ἡχῶν τοῦ καθενὸς καλάμου
 ἤκουσες πῶς ἐφώναζεν ἐκ τὴν φωνὴν τοῦ ἀνέμου,
 ὡς ἦτον ἀπὸ μηχανῆς ἐκεῖνου τοῦ τεχνίτου.

VII.

Какъ перевелись на Руси богатыри.

Былина, изданная подъ этимъ заглавіемъ (Кир. IV, стр. 108—115), можетъ показаться не отвѣчающей ему всѣмъ своимъ содержаніемъ, такъ какъ рассказъ о гибели богатырей является въ ней конечнымъ эпизодомъ, мало связаннымъ съ первой половиной пѣсни. Не потому-ли издатели сборника Кирѣевского поставили знаменательную звѣздочку тамъ, гдѣ въ былинѣ одна половина смѣняется другой (начиная съ 148 стиха), какъ-бы не предусмотрѣнной предъидущимъ эпическимъ развитіемъ? — Еще менѣе мотивированнымъ кажется такой же эпизодъ о гибели богатырей въ нѣкоторыхъ былинахъ о Ермакѣ ¹⁾, только здѣсь освѣщеніе иное: пересѣлись въ нечеловѣческой борьбѣ Илья, или и всѣ русскіе витязи, но мистическій колоритъ рассказа значительно слабѣе.

Можетъ быть, мы имѣемъ дѣло не съ былиной, а съ эпизодомъ о «гибели богатырей», примкнувшимъ къ разнымъ пѣснямъ, содержаніе которыхъ не указываетъ само по себѣ, чтобы тотъ эпизодъ былъ связанъ съ нимъ органически. Издатели сборника Кирѣевского обратили вниманіе на слово «воитель» въ былинѣ,

¹⁾ О нихъ см. Южно-русскія былины № 1, стр. 40 слѣд.

ими изданной, и именно въ той части, которая насъ здѣсь интересуетъ. «Подобное слово могло быть допущено въ былинѣ развѣ потому только, что она въ концѣ своемъ переходитъ уже къ *стиху*, которому не чужды бываютъ слова книжныя». Я склоненъ признать въ эпизодѣ о «гибели» именно стихъ, или отрывокъ стиха: къ тому ведетъ и вся постановка разсказа и паденіе богатырей, понятое, какъ наказаніе за ихъ высокомеріе и грѣшную похвальбу. Этотъ мотивъ находится не только въ былинѣ у Кирѣевского, гдѣ ему легко было удержаться или развиться, но и въ пѣсняхъ о Ермакѣ, гдѣ, включенный въ тѣсный ходъ разсказа, онъ могъ-бы легко исчезнуть, еслибы не представлялся существеннымъ. Это заставляетъ предположить, что въ стихѣ о гибели богатырей существеннымъ являлся этический моментъ. Съ точки зрѣнія современнаго русскаго эпоса этотъ моментъ понять какъ общій: что хвастовство своей силой и мощью, переходящее за мѣру эпической похвальбы «во полустолѣ» и граничащее съ кощунствомъ, вызываетъ небесную кару. Эта точка зрѣнія, можетъ быть, давно упрочившаяся въ русскомъ былевомъ эпосѣ, указала въ немъ мѣсто и значеніе эпизоду о «гибели богатырей». Но всегда-ли онъ являлся въ такомъ общемъ освѣщеніи, или этический моментъ приуроченъ былъ первоначально къ какому-нибудь опредѣленному эпическому или историческому факту и обобщился лишь впоследствии? .

I.

Выѣзжали на Сафать рѣку
 На закатъ краснаго солнышка
 Семь удалыхъ русскихъ витязей,

становились на распутіи, раскинули шатры и стали опочивъ держать.

Бѣло такъ на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Добрыня молодецъ раньше всѣхъ,
 Умывался студеной водой,

Утирался тонкимъ полотномъ,
 Помолился чѣдну образу;
 Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
 Бѣль-полотнянъ шатерьъ:
 Въ томъ-ли шатрѣ залегъ Татарченкокъ,
 Злой Татаринъ, бусурманченкокъ,
 Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
 Ни ѣзжалаго добраго мѡлодца.

Добрыня осѣдлалъ коня, перескочилъ за рѣку и вызываетъ Татарина на бой; поскользнулась у него правая нога, дрогнула правая рука, онъ свалился на землю, а Татаринъ наскочилъ на него, распоролъ груди бѣлыя, вынималъ сердце съ печенью.

«Было такъ на восходѣ краснаго солнышка» — снова начинается былина тѣмъ-же общимъ мѣстомъ: раньше всѣхъ богатырей вставалъ Алеша Поповичъ, садится на коня, наѣзжаетъ въ полѣ на ставку богатырскую, видитъ убитаго Добрыню. Въ слѣдующей схваткѣ, на которую Алеша вызываетъ «злого Татарина», побѣда остается за русскимъ богатыремъ. Онъ уже готовится доканать свалившагося врага, вспороть ему груди бѣлыя, но откуда ни вѣсть взялся черный воронъ, проситъ пощадить Татарина, а самъ обѣщаетъ слетать на синѣ море, принести живой и мертвой воды; вспрыснетъ Добрыню мертвой водой, сростется его тѣло бѣлое, вспрыснетъ живой, очнется добрый молодець. — Послушался его Алеша, воронъ принесъ дѣлющей воды, и Добрыня пробудился отъ смертнаго сна.

Къ этому разсказу примыкаетъ непосредственно вторая половина былины, поющая про гибель богатырей. Переходъ совершается при помощи извѣстнаго намъ общаго мѣста:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
 Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ и т. д.

Лирическій складъ этого повторенія подозрителенъ; не коснулась-ли внѣшней стороны былины эстетически-исправляющая рука? Илья Муромецъ также выходитъ на Сафать рѣку, умывается студеной водой и т. д.; видитъ — черезъ рѣку переправ-

ляется несмѣтная сила бусурманская. Вмѣстѣ съ товарищами онъ прирубилъ ту силу поганую, несомнѣнно татарскую въ представленіи сказителя былины, въ первой части которой уже являлся на сценѣ «злой Татаринъ, бусурманченокъ».

И стали витязи похваляться:

«Не намахалися наши могѣтныя плечи,
 Не уходилися наши добрые кони,
 Не притупились мечи наши булатные!»
 И говорить Алеша Поповичъ младъ:
 «Подавай намъ силу *нездѣшнюю*,
 Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
 Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явились двое вонтелей
 И крикнули они громкимъ голосомъ:
 «А давайте съ нами, витязи, бой держать,
 Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».

Напустились на нихъ богатыри, Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья Муромецъ: разрубать одного по поламъ, ихъ станетъ двое, а вражьей силы всё прибавляется.

Бросились на силу всё витязи,
 Стали они силу колоть-рубить:
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ пдеть.

Утомились богатыри:

Намахалися ихъ плечи могѣтныя,
 Уходилися кони ихъ добрые,
 Притупились мечи ихъ булатные —
 А сила всё растеть да растеть,
 Всё на витязей съ боемъ идти.

Испуганные богатыри бѣгутъ въ каменные горы, въ темныя пещеры, туть и окаменѣли. «Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси» ¹⁾.

¹⁾ Кир. IV, стр. 108—115.

Сходный эпизод нашель себѣ мѣсто въ былинахъ о Ермакѣ. Въ пѣснѣ у Кир. I, № 1, стр. 58—66, Ермакъ бьется съ Татарами подъ Кіевомъ:

Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы всё, кажись, не убило,
А Ермакъ изъ силы выбился.

Это «неубываніе» вражьей силы, это необычное въ былевомъ эпосѣ «изнеможеніе» богатыря — вело къ фантастической образности нашего эпизода: чудесному «приращенію» вражьей силы, изнеможенію богатырей передъ силой нездѣшной. Въ былинѣ Гильф. № 121 = Рыбн. I, № 22 Илья и Ермакъ прирубили татарское войско; Илья хвастаетъ:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
 Прирубили-бы силу всю небесную!»
 Розрубать Татарина одинаго,
 А сдѣлается съ одина два.

«Пересѣлся» тутъ Илья, «окаменѣлъ его конь да богатырской». — Въ № 138 Гильф. побиваютъ Татаръ всё богатыри, кромѣ Ермака, котораго они, скрутивъ, вывели изъ силы великой, чтобы онъ не «перервался»; оттого онъ одинъ спасается отъ общей гибели. Порасхвастались богатыри:

«Кабы бѣла на небо лѣстница,
 Мы прибили бы мы всю силу небесную!»
 А тутъ убьютъ Татарина — станетъ два да три.
 Тутъ русскіе могучіе богатыри
 Прибились они, примучились,
 И другъ другаго прикололи, прирѣзали,
 Не осталось на Руси богатырей.

Взаимное побіеніе богатырей, принадлежитъ, быть можетъ, позднѣйшему пересказу; двоящіеся татары отвѣчаютъ такимъ-же двоящимся воителямъ былины Кирѣевского. Значеніе ихъ ясно и не должно бы возбуждать противорѣчивыхъ толкованій: оно

дано всѣмъ содержаніемъ разсказа. Богатыри борются съ вражьей силой, которая русскому сказителю должна была представиться татарской; возгордившись своей побѣдой, они вызываютъ помѣряться съ собой небесныя силы — и совершается нѣчто чудесное: враги начинаютъ двоиться, растя численно подъ ихъ ударами ¹⁾ — роковое знаменіе грядущей гибели. Можетъ быть, въ первой половинѣ былины Кирѣвскаго нѣкоторыя подробности имѣли смыслъ въ такомъ именно освѣщеніи, — и связь со второй половиной, нынѣ неясная, все-же существовала? Добрыня борется съ Татаринцомъ, убить имъ и чудесно оживаетъ — наканунѣ общаго погрома. Это оживаніе, нынѣ не мотивированное, имѣло когда-то смыслъ, являясь знаменіемъ грядущаго, гдѣ чудесное приготавлило къ роковому — какъ въ слѣдующемъ болгарскомъ преданіи о паденіи Болгарскаго царства ²⁾:

Кадъ презимо Турци Бугарско царство, тагай бѣше царь Костадинъ и царица Елена. Имаше оны́ двама юнаци: Марко Кралевичъ и Реля отъ Пазарь ³⁾. Та ги испрати царь Костадинъ, да сѣча Турци, да отимая царство. Тія бѣше у Мѣмина клисура; тамъ она́ направи едынъ лагемъ, и подъ земли два юнака и два коня верви; та излеза у Софійско поле. Тамъ сѣча Турци: на двѣ пресѣче, той двамина стана. Вернесе назадъ на Мѣмина клисура, па-й тамъ сѣча Турци — па-й едынъ сѣча, двамина стана. Ты видова, дека Богъ не помѣга, та ойдѣа на царь Костадинъ казоваа. Дойдоа; а царь Костадинъ пержи три рыбы у тава-та. Казую, каква́ е работа; а царь Костадинъ каза на юнаци: «Ка́ излезна́ тія рыбы изъ тава-та, тогай че ми зема Турци царство!» Той рыби-те пернаа, та излезнаа изъ тава-та: и де бѣше огіне, тамъ вода искара, и тамъ рыби останаа у вода-та живи. Рыби-те одъ една́ странъ бѣше пержени, а одъ

¹⁾ О чудесномъ удвоеніи вражьей силы см. указанія въ Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 19 прим. 1; Разысканія VIII, стр. 328 и прим. на стр. 458.

²⁾ Качановскій, Пам. болгарскаго народа. творчества, вып. 1-й, № 116.

³⁾ Реля — товарищъ Марка Кралевича въ сербскихъ пѣсняхъ (Карачичъ II, № 39, Петрановичъ № 23 и др.).

една но бѣше повернеты. И тогай видѣ царь Костадинъ, че му земать Турци царство. И онъ самъ яна коньче, ойдо на бой. Тамъ срѣтна Турци на бой: единъ Арапинъ пушти се, та посѣчѣ царь Костадинъ».

Мы имѣемъ дѣло съ преданіемъ, приуроченнымъ къ Болгаріи, къ ея мѣстнымъ и эпическимъ отношеніямъ; но имена Константина и Елены указываютъ на другую среду и другія пѣсенныя воспоминанія: геройская кончина послѣдняго византійскаго императора, Константина XII, должна была оставить слѣды въ поэтическомъ сознаніи его народа. Она дѣйствительно отразилась цѣлымъ рядомъ пѣсень, которыя интересно изучить въ связи съ ихъ болгарскими отраженіями. Слѣдующая напр. пѣсня (Passow, № СХСVII) бросаетъ знаменательный свѣтъ на одинъ изъ эпизодовъ (оживленіе рыбы)¹⁾ приведеннаго выше болгарскаго преданія:

Καλόγρια ἐμαγέρευε ψαράκια στὸ τηγάνι,
 Καὶ μία φωνή, ψιλή φωνή ἀπάνωθεν τῆς λέγει:
 «Πάψε γρία τὸ μαγερεῖο κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
 «Ὅταν τὰ ψάρια πεταχτοῦν καὶ βγοῦν καὶ ζωντανέψουν,
 Τότες κ' ὁ Τοῦρκος θὲ νὰ μπῆ κ' ἡ Πόλι θὰ τουρκέψη».
 Τὰ ψάρια πεταχτήκανε, τὰ ψάρια ζωντανέψαν,
 Κι' ὁ ἀμπερᾶς εἰσέβηκεν ἀτὸς τοῦ καβαλάρης.

Другія подробности представляютъ слѣдующія двѣ трапезунтскія пѣсни:

Τὴν Πόλιν ὅταν ἐκτιζεν ὁ Ζάπι Κωνσταντίνων,
 Εἶχεν πορτάρους δίκλωπους κ' ἀφέντας φοβετσάρους,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ сл. мои указанія въ Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха III, стр. 32, прим. 2. См. сопоставленія F. Wolf'a и Köhler'a, Jahrbuch f. roman. u. engl. Litt. III, 58 слѣд., 67 слѣд.; Müller-Fraureuth, Die deutschen Lügendichtungen bis auf Münchhausen, p. 138; Lütolf, Sagen, Bräuche und Legenden aus den fünf Orten, p. 367 слѣд.: эпизодъ въ народномъ пересказѣ извѣстнаго чуда св. Іакова Кампостельскаго: чудесное сохраненіе жизни вызвало память о другомъ чудесномъ оживаніи. — Иное значеніе имѣеть оживаніе рыбы въ одной мусульманской легендѣ о Соломонѣ и Балькисъ. См. Rosenöl, I, p. 174—5.

Εἶχεν καὶ σκύλον μάρμαρον, ποῦ ἐδοῦνεν τὰ κλειδιά.

.....
 Κ' ἓναν πουλὶν, καλὸν πουλὶν κί' ἀπὲ τὴν Πόλιν ἔρται,
 Καὶ τ' ἓναν τὸ φτεροῦλν' ἀθε στ' αἶμαν ἔτον βαμμένον,
 Καὶ στ' ἄλλο τὸ φτεροῦλν' ἀθε χαρτὶν περιγραμμένον,
 Κί' οὐδὲ στὴν ἄμπελον κόνεу' μὴδὲ στὸ περιβόλι,
 Ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν στοῦ κυπαρέσσ' τὴν ρίζαν.

Ἔρχονται χίλιοι πατριάρχ' καὶ μύριοι δεσποτάδες,
 Κανεὶς ἀτὸ πάλ' κί' ἀναγνώθ', κανεὶς ζάν κί' ἀναγνώθει.
 Χέρας υἱὸς Γιανίκας ἔν', ἀτὸς ἀτ' ἀναγνώθει.
 Σίτ' ἀναγνώθ', σίτ' ἀνακλαίγ', σίτ' ἀνακρούγ' τὴν κάρδιαν
 Ν' αὐλλοῖ ἐμᾶς, νά βάι ἐμᾶς, ἡ Ρωμανία πάρθεν,
 Ἐπάρθαν τὰ προπύλαια καὶ τὰ βασιλοσκάμνια,
 Ἐπάρθαν καὶ αἱ ἐκκλησιαῖς κί' ὅλα τὰ μοναστήρια,
 Ἐπάρθεν καὶ Ἄγεσοφιά, τὸ μέγαν μοναστῆριν η τ. δ.

(Passow, № СХСVІІІ).

Городъ, основанный Константиномъ, очевидно, Константинополь; слово ζάπι, необъясненное Пассовымъ, вѣроятно, арабско-турецкое Zabyth — maître, possesseur, commandant, gouverneur, officier militaire; мы увидимъ тотчасъ, что одна трапезунтская-же пѣсня замѣняетъ въ первомъ стихѣ слово ζάπι словомъ Ἐλλεν, вѣроятно, въ томъ обобщенномъ значеніи, какое Эллины получили въ новогреческомъ преданіи. — Константинополь взять, птичка приносить объ этомъ вѣсть — куда-то. Такъ и въ слѣдующемъ варьянтѣ у Legrand (Recueil de chansons populaires grecques, № XLIX):

Ἐναν πουλὶν, καλὸν πουλὶν ἐβγαίν' ἀπὸ τὴν Πόλιν,
 οὐδὲ στ' ἀμπέλια κόνεψεν, οὐδὲ στὰ περιβόλια
 ἐπῆγεν καὶ ἐκόνεψεν καὶ στοῦ Ἥλι τὸ κάστρον,
 ἐσεῖξεν τ' ἓναν τοῦ φτερόν στοῦ αἶμαν βουτεμένον,
 5 ἐσεῖξεν τ' ἄλλο τὸ φτερόν, χαρτὶν ἔχει γραμμένον
 σίτ' ἀναγνώθ', σίτι κλαίγει, σίτ' κρούει τὴν καρδίαν.
 Ἄλλοι ἐμᾶς καὶ βάι ἐμᾶς, πάρθεν ἡ Ρωμανία.
 μοιρολογοῦν τὰ ἐκκλησιάς, κλαίγνε τὰ μοναστήρια,
 κῆ ἄϊ Γιάννες ὁ χρυσόστομον κλαίει, δερνοκοπιέται.

10 — Μὴ κλαῖς, μῆ κλαῖς, ἄϊ Γιάννε μου, καὶ δερνοκοπισκάσαι! —

Ἡ Ῥωμανία πέρασεν, ἡ Ῥωμανία ἐπάρθεν.

— Ἡ Ῥωμανία κῆ ἄν πέρασεν, ἀνθεὶ καὶ φέρει κῆ ἄλλο.

Въ пѣснѣ, очевидно, выпало нѣсколько стиховъ послѣ пятого: неясно, кто читаетъ посланіе, оброненное птицей — очевидно, юноша предыдущей пѣсни. Куда приносить птичка нерадостную вѣсть — неясно; ἀπό τὴν Πόλιν можетъ быть понято во всякомъ случаѣ лишь въ значеніи Константинополя и мнѣ непонятно, почему Legrand написалъ свою пѣсню: Ἡ Ἀλωσις τῆς Τραπεζοῦντος. Что до Ἡλί τὸ καστρον, куда спускается птица, то объ этой крѣпости, если только разумѣется дѣйствительная мѣстность, мы ничего не знаемъ ¹⁾).

Трапезунтская пѣсня изъ собранія Іоаннида ²⁾ представляетъ сплоченіе двухъ пересказовъ того-же сюжета, досказывающихъ кое-гдѣ содержаніе сообщенныхъ выше:

Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὁ Ἕλλην Κωνσταντῖνον
 μέ δεκα πέντε σήμυχτρα μέ δεκοκτώ καμπάνας,
 μέ δώδεκα Ἀρχιερεῖς, παππάδας τετρακόσιους,
 διάκονους εἰκοστέσσερα, ψαλτάδες ἐβδομηῆντα,
 σεῖτ ἔψαλλαν, σεῖτ ὠρίζεν τὴν Πόλ' τῆρ Ῥωμανίαν,
 σημαίνει καὶ ἡ αἰῶ Σοφία, τὸ μέγα μοναστήριον.
 ζευρὰ χάθεται ὁ βασιλιάς δεκ'σά ὁ Πατριάρχης,
 ὁ βασιλιάς ὁ βασιλιάς ὁ Ἕλλην Κωνσταντῖνον
 ψάλλουν τὸ αἷος ὁ Θεὸς καὶ τὴν Τιμιωτέραν.
 Ἔρθεν πουλιν καὶ ἴκονεψεν σ' αἰῶς Σοφιάς τὴν πόρταν,
 τὸ ἕναν τὸ φτεροῦλ ἄθε σ' τὸ αἶμαν ἐν βαμμένον,
 σ' τὸ ἄλλο τὸ φτεροῦλ ἄθε χαρτὶν κρατεῖ γραμμένον
 ἀπὸ κανεῖς ἴκ ἐνέγνωσεν, οὐδ' ὁ μητροπολίτες
 ἕναν παιδὶν, καλὸν παιδὶν ἔρχεται καὶ ἀναγνώθει,
 ν' αἰλλ' οἱ ἐμᾶς σεῖτ ἀναγνώθ' καὶ δερνοκοπισχᾶται
 — ἀλλ' οἱ ἐμᾶς καὶ βᾶι ἐμᾶς οἱ Τοῦρκ' τὴν Πόλ' ἐπαῖραν,
 ἐπαῖραν τὸ βασιλοσχάμν' ἀλλάγε αὐφεντία'

¹⁾ Сл. Дестунисъ, О Ксаноннѣ. Греческая трапезунтская былина византийской эпохи, СПб. 1881 г., стр. 4—5.

²⁾ Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζοῦντος, ὑπὸ Σάβ. Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1870, № 25.

μοιρολογοῦν τὰ ἐγκλησιαῖς, κλαίγνε τὰ μοναστῆρα,
μοιρολογᾷ καὶ ἕτ᾽ Σοφία, κλαίει καὶ ὁ Θεολόγος.

Одинъ дьякъ хватается за саблю и копье, поразилъ 300 турокъ, 13 пашей, но оружіе сломалось въ его рукахъ, онъ взять въ плѣнъ; предложеніе сохранить жизнь подѣ условіемъ принять исламъ, онъ отвергаетъ: дьякомъ я родился, такимъ и умру. Онъ убитъ, а пѣсня возвращается, съ новыми подробностями, съ своему начальному мотиву: не отрывокъ-ли это другого варьянта?

Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὁ Ἕλλησιν ὁ Κωνσταντῖνον,
εἶχεν πορτάρους δίκλοπους, ἀυφένταις φοβετσάρους.
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαιοῦσιν δωδεκάρων,
ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον Ῥωμαιοῦσιν ἀυφεντάδες
ἐκεῖν' ἔκ ἐκρίναν δίκαια, ἐδῶκαν τὰ κλειδιά
ἐκλειδῶσαν τὰ ἐγκλησία, ὅλα τὰ μοναστῆρα,
Ἐκλειδῶσαν τὴν ἀϊάν Σοφίαν, τὸ μέγα μοναστῆριν.
Ἄπ' οὐρανοῦ κλειδὸν ἔρθεν σ' σαϊᾶς Σοφιάς τὴν Πόρταν
χρόνους ἔρθαν καὶ πέρασαν, καιροὶ ἔρθαν καὶ δέβαν
ἔσπάλθεν τὸ κλειδίον ἄδες, καὶ πέμμεν κλεδομένον
Θέλ' ἀπ' οὐρανοῦ μάστοραν καὶ ἀπὸ τὴν γῆν ἀργάτεν.

Последніе стихи, относятся, несомнѣнно, къ распространенному повѣрью, къ которому мнѣ не одинъ разъ приходилось обращаться въ моихъ изслѣдованіяхъ ¹⁾: повѣрью о грядущемъ избавителѣ, о возвращающемся императорѣ. Политъ упоминаетъ греческія легенды о царѣ, *замурованномъ въ криптѣ святой Софіи*; въ русскихъ интерполированныхъ Откровеніяхъ Псевдо-Мееодія говорится, что въ послѣднія лѣта Измаильяне подступятъ къ Константинополю, «прійдутъ къ златымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не отверзошася. Тѣмъ-же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся сватыа Софіи». Тогда явится избавитель:

¹⁾ См. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды I, 1, II; Южно-русскія быліны I; Разысканія V, стр. 120; VIII, стр. 305—6.

«Возстанетъ на на царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во имя его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и *положитъ во святой Софїи на алтарь*. — Въ кїевскомъ преданїи о Михайликѣ онъ выѣзжаетъ изъ города, осажденнаго Татарами, унося съ собою *золотыя ворота*. Онъ удаляется въ Царьградъ, гдѣ ворота стоятъ до сихъ поръ; но будетъ время, говорятъ, когда Михайликъ вернется и поставитъ ихъ на прежнее мѣсто. И если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: «О золотыя ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли», то золото такъ и засїяетъ; если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кїевѣ! — то золото такъ и померкнетъ.

Я сближалъ былины — о Михайлѣ Игнатьевичѣ и легенду о Михайликѣ съ пѣснями о Василии-пьяницѣ и Батыгѣ. Остановимся на ея довольно обычномъ запѣвѣ:

Изъ подъ той березы кудреватя,
Изъ подъ чуднаго креста Еландіева,
Шли-выбѣгали четыре тура златорогіе
И шли они бѣжали мимо славенъ Кїевъ-градъ,
И видѣли надъ Кїевомъ чуднымъ чудно,
И видѣли надъ Кїевомъ дивнымъ дивно:
И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Во рукахъ держитъ Божью книгу Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а въ двое плачетъ.

Туры говорятъ объ этомъ чудесномъ зрѣлищѣ турицѣ, родной матушкѣ. Она поясняетъ имъ:

Ужъ вы глупые туры златорогіе!
Ничего вы, дѣточки, не знаете:
Не душа та красна дѣвица гуляла по стѣнѣ,
А ходила та Мать Пресвята Богородица,
А плакала стѣна мать городовая
По той-ли по вѣрѣ христіанскія:
Будетъ надъ Кїевъ градъ погибелѣ,
Подымается Батыга сынъ Сергѣевичъ

(Рыбн. II, № 11. Сл. Гильф. № 231). — У Рыбн. I, № 29 Богородица не упомянута,

А тутъ плакала стѣна, мать, городовая,
Она вѣдала невзгодушку великую

Сл. Рыбн. III, № 37, Гильф. № 18, 41, 60, 66, 181, 258. — У Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116 значеніе видѣнія не объяснено. Сл. тотъ-же запѣвъ въ одной былинѣ о Ермакѣ: туры видятъ въ Кіевѣ,

Какъ со матушки съ Божьей церкви
Шла дѣвица душа красная,
На рукахъ книгу несла во-евангелѣ,
Причитаючись она да слезно плакала.

Мать объясняетъ: то была Богородица,

Она вѣдала надъ Кіевомъ невзгодушку,
Ту она и слезно плакала

(Рыбн. I, № 20). Обыкновенное объясненіе этого эпизода видѣть въ немъ народное олицетвореніе — городской стѣны, сѣтующей объ участи города. Едва-ли это такъ: плачетъ и сѣтуетъ Богородица, «стѣна городовая», т. е. оплотъ, защита христіанъ; такъ плачутъ въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Византіи св. Іоаннъ Златоустъ (или Богословъ) и св. Софія. Эпитетъ отдѣлился отъ имени и сталъ самостоятельнымъ, причудливымъ образомъ.

II.

Въ былинахъ о Васильѣ плачь Богородицы вызванъ не наступившимъ уже, а грядущимъ бѣдствіемъ; въ греческихъ пѣсняхъ о паденіи Константинополя оно уже совершилось, и птица приноситъ о томъ вѣсть; въ слѣдующихъ болгарскихъ, несомнѣнно отразившихъ какіе-нибудь греческіе подлинники, также является птица-вѣстникъ, не посланіе, ею обрonnenное, говоритъ о томъ,

что еще имѣть совершиться. Такъ въ слѣдующей пѣснѣ у Безсонова (Калѣки I, стр. 614—617), отвѣтившей на естественный вопросъ: отчего Господь попустилъ погибнуть христіанскому царству. Отвѣтъ былъ предусмотрѣнъ въ обиходномъ аскетическомъ представленіи: это — кара за грѣховную гордыню, за кощунство и приниженіе церкви: возгордился царь Константинъ,

Въвъ черковѣ съсъ конь ходи,
Отъ коня-тѣ ми комеж зима,
Съсъ мадрака-тѣ нафоръ зима.
А Богу са жалъ нажали,
Жялг нажали, сьрѣбъ насърѣби.

Бѣлый голубъ прилетѣлъ къ монастырю св. Николая, вытряхнулъ хартію изъ подъ праваго крыла; читаетъ её игумень, два дня, три дня, не могъ прочитатъ и велитъ позвать попа Николу. Беретъ её попь Никола, читаетъ и слезно плачетъ:

«Хой та тебе, попь Никола!
Като четешь, што си плачешь?»
Отговарѣ попь Никола:
— Пише — пише въ бѣло книже:
Турчянь Стамболъ ште да привзѣме.

Игумень съ Николой идуть къ царю Константину,

Нашле сж го въ Балаклии,
Че си пие и си ѣде
Съ сенатори и боери.

Балаклія, замѣчаетъ издатель, извѣстная церковь въ Царьградѣ, при которой агіасма съ водою и чтимыми рыбами: обстановка, соотвѣтствующая слѣдующему эпизоду пѣсни. Услышавъ пророческія слова хартіи, Константинъ отвѣчаетъ:

«Ако стане тая риба,
Тая риба отъ скарж-тж,
Да си влѣзе у водж-тж,
Тѣй ште Стамболъ да привзѣме,

Коту си т'ва, бре, пздумалъ.
 Фърлила са е прѣсна риба,
 Прѣсна риба отъ скарж-тж,
 Та-си е влѣзла у водж-тж.
 Уплашилъ са е царъ Костантиъ ми е,
 Та въсѣднѣлъ врана коня,
 Припасалъ ми е тѣнѣж саблж,
 Отпшѣлъ ми е да са бие,
 Да са бие съсъ Турчяна-тъ.
 Тамъ сж ми, бре, п убили,
 П убили цара Костантина,
 Турчянъ въ Стамболъ ми е влѣзълъ.

Съ чудеснымъ оживаніемъ рыбъ мы уже встрѣтились въ греческой пѣснѣ о паденіи Византіи и болгарскомъ преданіи, перенесемъ черты послѣдней на разсказъ о гибели — болгарскаго царства. До сихъ поръ показываютъ въ Константинополѣ, во свидѣтельство чуда, свѣжую («прѣсную») рыбу съ однимъ поджареннымъ бокомъ.

Приведенная выше болгарская пѣсня существуетъ въ разнообразныхъ отраженіяхъ. Въ колядкѣ у Качановскаго, № 18, «сиво-пиле» вѣтся три дня, три ночи надъ дворомъ царя Константина; его не изловить тенетами; царь велитъ принести изъ церкви золотой престолъ, поставить его подъ яблоней: самъ на него садится и подманиваетъ къ себѣ сокола. Онъ падаетъ ему на колѣно и вытряхнулъ изъ подъ праваго крыла «бѣло книже — чернó слово». Созваны, по повелѣнію Константина, попы и дяки, служатъ литургію, а въ это время попь Никола читаетъ книгу — и плачетъ. На вопросъ царя онъ отвѣчаетъ:

Слава Богу, царь Костадинъ!
 Нали пяташь, да ти кажемъ (bis):
 Наше царство достанало,
 Турско царство настанало!

Въ пѣснѣ изъ Македоніи, поющейя на Пасхѣ, нѣтъ ни царя,

ни явленія птицы: молодой дьякъ Тодоръ читаетъ книгу, плачетъ и крестится; матери онъ говорить, что прочелъ въ книгѣ:

Турско царство навасало,
А каурско не загине.

Не успѣлъ онъ сказать это, какъ явились проклятые Турки, убили Тодорову мать, а его самого въ плѣнъ взяли:

Турско царство ми се испунило,
А каурско погинало ¹⁾.

Иначе, въ болгарской-же пѣснѣ съ Родопа, записанной Башмаковымъ ²⁾: здѣсь, наоборотъ, забыть образъ молодого, читающаго дьяка. Поется, какъ изъ моря выросло дерево, его вершина достигаетъ неба, вѣтви стелятся по землѣ, цвѣтъ на немъ серебряный, плоды жемчужные; маленькая птичка-соловей сидитъ на немъ, плачетъ, щиплетъ на себѣ перья и бросаетъ ихъ въ море. Проходитъ мимо царь Константинъ и спрашиваетъ птичку, отчего она такъ печалится. Она отвѣчаетъ:

Царю-ге, царь Костадине!
Тебѣ са царско свършило,
Земя ште турска да стане,
Та ми е было и жално,
Във турски рѣце шта падне.

Обратимся къ колядкѣ у Качановскаго № 19, сходной по общему плану и содержанию съ сообщенной выше (№ 18 *ibid.*), но съ иной развязкой:

Зависе сиви соколю
На царевы равни дворы;
Висе два дни, висе три дни
 Коледе! Коледе!
Висе такмо три недѣли;
Царь испраты свѣтны слуги:
 Коледе! Коледе!

¹⁾ Верковић, Нар. песме македонски бугара, № 284.

²⁾ Le Muséon, t. II, № 3: Échos rouméliotes, p. 332—3.

достать воды царю и отрубилъ ему бѣлокурую голову съ сѣдой бородой. Послѣ этого волненіе прекратилось (Обштъ Трудъ. Болградъ, 1868 г.). — Такое-же совпаденіе именъ Константина и Шишмана въ одномъ и томъ-же преданіи повторилось, можетъ быть, и въ другомъ случаѣ: я разумѣю прозаическую легенду о паденіи болгарскаго царства, приведенную нами выше. Мѣсто ея дѣйствія приурочено къ Моминой клисурѣ (тур. Кызы Дербендъ); равнина, простирающаяся передъ входомъ въ неѣ по теченію Марицы, называется крестьянами *Костено поле*, по множеству сраженій, которыя происходили здѣсь у Болгаръ съ Византійцами, а затѣмъ между царемъ Иваномъ Шишманомъ и Турками: чело-вѣческія кости здѣсь въ самомъ дѣлѣ отрываются во множествѣ; память Шишмана сохранилась въ мѣстныхъ названіяхъ, въ народной легендѣ и пѣснѣ, отраженія которыхъ могли дойти до Царственника Павсіи. Тамъ говорится, что царь Шишманъ во время осады Трнова пробрался со своими болярами и войскомъ въ Софію, гдѣ встрѣтилъ своихъ сподвижниковъ изъ Никополя, Свиштова, Плевны и Дрстера. Оставивши свои сокровища въ хорошо защищенномъ валомъ и водою монастырѣ на Искрѣ, онъ боролся съ Турками еще семь лѣтъ, пока не палъ въ битвѣ при Самоковѣ. Это, въ основѣ, то-же преданіе, что и у Качановскаго: вмѣсто Шишмана — Константинъ, витязи котораго пробираются изъ Моминой клисуры къ Софіи и тамъ бьются съ Турками, въ бою съ которыми погибаетъ наконецъ и самъ царь ¹⁾).

Но народная пѣсня пошла еще далѣе, перенесла мотивы старой былины о паденіи Константинополя на — взятіе русскими Варны. Такъ въ неизданной македонской пѣснѣ изъ собранія Пульевскаго:

Затемнися, замогльсе църно море и бѣлъ Дунавъ,
 Затемнися два дни, три дни, два дни, три дни, емъ три нокъь,
 Та повея сильенъ веторъ одъ морето конъ белъ Дунавъ,
 Емъ подигна темень облакъ, го патера конъ белъ Дунавъ,

¹⁾ Сл. Конст. Иречекъ, Исторія Болгаръ, перев. Бруна и Палаузова, стр. 19, 455—7 и прим. 38 на стр. 457.

Изъ облакотъ си исфъркна, си исфъркна суро орле,
 Та одъета на Варнечко, на калито, на кубето,
 Ту е орле си се зауре и запишти и зацвѣрчи,
 Суро орле съ клунца пиштитъ, со крицата си затрептитъ,
 Отъ крицата му испадна бело книже, църно писмо,
 — Богъ да биетъ Варнечките, кълети Турци низампте! —
 Го зедае бело книже, (бѣло книже) съ църно писмо,
 Однесли го при три паши, три везири изъ Туглъни,
 Паши книже да пренеятъ, тада чуятъ што казуватъ
 И одъ кого е испратено и како е порочано.
 Штомъ паши книже зедае, не може да (го) пренеятъ,
 Што казуватъ църно слово, потомъ паши навикае
 Имамите и ожите, сви дервиши и шейвови:
 Не билъ книже къя пренеятъ, што казуватъ църно слово;
 Турска штомъ се собра да пренеятъ бело книже:
 Пеяли што го пеяли два дни, три дни, емъ три нокъи,
 Не могли да го пренеятъ што казуватъ църно слово;
 Све свѣштенство го пеяло, не могло да (го) пренеетъ,
 Што казуватъ бело книже, църно слово написано.
 Се сетне владциите та оваке заповедне:
 Викайте го попъ Никола, младо дѣяче руснянче!
 Попъ Никола книга училъ седумъ годинаъ све в Русия,
 — Не билъ книже къя пренеетъ, што казуватъ църно слово,
 Одъ кого е написано, до кого е испратено. —
 Штомси дойде попъ Никола, му додое бело книже,
 Му додое бело книже да изъявить църно слово;
 Попъ Никола книже прими, емъ три поти го пельива,
 Штомъ во книже си разгльеда, одъ очи си сълзи [по]рони,
 Попъ Никола книже пеетъ и оваке пмъ казуватъ:
 Кои си иматъ остра сабля порочана, исправена,
 Побърго да я направитъ до седумъ дни время иматъ,
 До седумъ дни время иматъ, отъ Москофа насъ къя земетъ.
 Поминае седумъ дена, запукае топовите,
 Одъ морето на Варнечко, на Варнечко бѣлокали,
 Църна земя се потресе, потомъ кали се отвори,
 И превърте све одъ оснофъ, руска войско го преведе.

Оставляя въ сторонѣ это позднѣйшее перенесеніе пѣсни на
 современныя событія, остановимся лишь на чередованіи именъ

Шишмана и Константина, болгарскихъ и византийскихъ воспоминаній — о паденіи христіанскаго царства: чередованіи не лишеномъ интереса для тѣхъ, кто склоненъ обобщить это явленіе, какъ возможное въ вѣковомъ развитіи всякаго народнаго эпоса. Общія черты тѣхъ и другихъ воспоминаній слѣдующія: христіанскому царству суждено погибнуть за грѣховную гордыню; наступають враги, но опасности не вѣрится; являються первыя знаменія гибели (чудесное оживаніе и т. п.) — и богатырская мощь оказывается безсильной передъ врагомъ, двоящимся по манію небесъ. — Если въ этомъ разсказѣ подставить Татаръ вмѣсто Турковъ, мы придемъ къ основнымъ очертаніямъ нашего пѣсеннаго эпизода о гибели богатырей, и, можетъ быть, уяснимъ себѣ его древнее мѣсто въ составѣ нашего эпоса.

III.

Уже давно было указано на появленіе именъ былинныхъ богатырей Алеши и Добрыни въ разсказѣ нашихъ лѣтописей¹⁾. Если и устранить историческаго Добрыню, дядю Владиміра, связь котораго съ его соименникомъ по былинамъ можетъ быть предметомъ вопроса, то и въ такомъ случаѣ лѣтописныя упоминанія о богатыряхъ встрѣчаются на протяженіи двухъ слишкомъ столѣтій. Я беру въ основаніе Никоновскій сводъ.

¹⁾ Сл. Кирѣевскаго, Пѣсни II, Приложенія стр. XVII—XIX; Майковъ, О былинахъ Владиміроваго цикла стр. 25 слѣд. (въ примѣчаніи); Бестужевъ-Рюминъ, Лѣтоп. занятій археогр. комм. IV, 154; Jagić, Gradja za historiju slovinske narodne poezije, стр. 45 слѣд. отдѣльнаго оттиска; Ровинскій, Русскія народныя картинки IV, стр. 109 слѣд. Уже во время печатанія этой работы я могъ познакомиться съ прекрасной монографіей проф. Дашкевича (Былины объ Алешѣ Поповичѣ и о томъ, какъ не осталось на Русн богатырей. Кіевъ 1883), въ которомъ лѣтописныя свидѣтельства объ Александрѣ Поповичѣ (разобранныя уже Н. И. Костомаровымъ) подвергнуты тщательному критическому разбору, а былина о гибели богатырей приурочивается къ поражению на Калкѣ. Миѣніе это выражено было уже Квашиннымъ-Самаринымъ и О. Миллеромъ; къ нему присоединяюсь и я.

Подъ 1000-мъ годомъ говорится объ Александрѣ Поповичѣ, убившемъ Володаря и множество Половцевъ, пришедшихъ съ нимъ къ Киеву, когда Владиміръ былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ. Услышавъ объ этихъ подвигахъ, великій князь наградилъ богатыря «и возложи нань гривну злату и сотвори вельможа въ полатѣ своей». Майковъ ¹⁾ считаетъ ошибочнымъ упоминаніе этого событія подъ 1000-мъ годомъ, такъ какъ историческія соображенія заставляютъ перенести его ровно на сто лѣтъ позже, именно къ 1100 году. По какому поводу состоялось ошибочное приуроченіе лѣтописи — на этотъ вопросъ она отвѣчаетъ косвенно, повѣствуя подъ 1001 и 1004 годамъ о подвигахъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца противъ Печенѣговъ. Мы имѣемъ дѣло съ группой рассказовъ, приуроченныхъ разновременно по внѣшнему поводу: можетъ быть, по тожеству княжескаго имени (Владимира).

Рядомъ съ этой первой группой воспоминаній становится одно, кажется, незамѣченное до сихъ поръ, въ той-же Никоновской лѣтописи, повѣствующей по поводу похода Игоря Святославича (1185 г.): «убиша-же тогда и дивна богатыря Добрыню Судиславича». Въ одномъ лѣтописномъ рассказѣ о томъ-же событіи, о которомъ сообщилъ мнѣ Е. В. Барсовъ, вмѣсто Добрыни говорится о Доброѣ Судиславичѣ. На какомъ основаніи Снегиревъ ²⁾ называетъ Добрыней Судиславичемъ дядю и сподвижника Владиміра — я не знаю.

Новыя группы лѣтописныхъ воспоминаній встрѣчаемъ въ 1216—1225 годахъ. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1216 г. о Липецкой битвѣ, въ которой на сторонѣ Константина Всеволодовича Ростовскаго были «и два храбра, Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри». «Въ лѣто 6733.... воинственныхъ людей толико побieno, яко ни десятый отъ нихъ возможе избежати, и Александра

1) I. с. стр. 27 прим.

2) Снегиревъ, Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 96.

Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича Златаго Пояса и семьдесят великихъ и храбрыхъ богатырей: всѣ побьены быша гнѣвомъ Божиимъ за грехи наша отъ Татаръ».

Такъ и въ Тверской лѣтописи (подъ 1224), также соединяющей Липецкую битву съ боемъ на Калкѣ и замѣняющей Добрыню — «Тимоней Златымъ поясомъ». Связь между тѣмъ и другимъ событіемъ устанавливается такимъ образомъ, что по смерти князя Константина Александръ Поповичъ положилъ вмѣстѣ съ другими богатырями, «яко служити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». — Въ одномъ хронографѣ первой редакціи «два храбра Добрыня Златый Поясъ да Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ» упоминаются подъ 1217 годомъ на сторонѣ Константина Всеволодовича въ битвѣ на Гдѣ, о которой говорить и Лѣтопись по Типографскому списку («Добрыня Златопоясъ да Александръ Поповичъ съ слугою своимъ Торопомъ»), непосредственно переходящая къ брани на Калкѣ: «тогда убиша Александра Поповича и иныхъ много богатырей». — О гибели Александра Поповича при Калкѣ и съ нимъ «семидесяти» богатырей повѣствуетъ, безъ упоминанія Добрыни, — цѣлый рядъ лѣтописей, начиная съ Суздальской, академической списокъ который относится къ XV вѣку: «и Александръ Поповичъ ту убиенъ бысть съ инѣми 70 храбрыхъ».

Позже Калкакаго побоища имена Алеши и Добрыни не появляются въ лѣтописи.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ опредѣлить отношенія пѣсеннаго преданія къ соотвѣтствующему историческому, или вѣрнѣе, лѣтописному. Слѣдуетъ-ли въ послѣднемъ видѣть память о дѣйствительныхъ событіяхъ, идеализованныхъ въ послѣдствіи въ формахъ и образахъ пѣсни, или, наоборотъ, древняя былина могла опредѣлить подробности лѣтописнаго разсказа? Послѣдняя гипотеза нигдѣ не исключаетъ исторической подкладки самой пѣсни: народъ могъ воспѣть своихъ дѣйствительныхъ героевъ, которыхъ лѣтопись могла миновать вначалѣ и лишь въ послѣдствіи воспринять на свои страницы изъ — пѣсеннаго источника. Роландъ погибаетъ

въ Ронсевальскомъ ущельѣ; такъ въ *Chanson de Roland*, такъ въ древнемъ преданіи французскаго эпоса; такъ и у Эгингарда, *Vita Caroli Magni: Hruodlandus Britannici limitis praefectus* — но не во всѣхъ рукописяхъ; въ анналахъ, приписанныхъ тому-же автору, въ разсказѣ о томъ-же событіи — имени нѣтъ, нѣтъ и у *Poeta Saxo* и у Астронома, *Vita Hludovici*, говорящаго о падшихъ герояхъ съ очевидной ссылкой на народную память: *quorum, quia vulgata sunt, nomina dicere supersedi*. Что здѣсь древнѣе: лѣтопись или — народная, въ началѣ, областная, пѣсня, мѣстное преданіе, лишь съ теченіемъ времени приобщившаяся къ національнымъ воспоминаніямъ?

По отношенію къ аналогическимъ фактамъ русской былины и лѣтописи легко рѣшиться за послѣднюю альтернативу: упоминанія богатырей Алеша и Добрыни (если взять въ расчетъ и Добрыню Судиславича 1185 года) растянуты на такомъ значительномъ хронологическомъ пространствѣ, что вѣроятнымъ представляется вторженіе пѣсни въ лѣтописный разсказъ. Это вторженіе могло быть чисто механическимъ, и мы видѣли тому примѣры, но оно могло имѣть и серьезные поводы. Въ этомъ отношеніи знаменательнымъ является фактъ скученности воспоминаній вокругъ событій 1216—24 года, особливо при Калкской битвѣ. Связь лѣтописнаго разсказа о ней съ былинной о гибели богатырей кажется мнѣ несомнѣнной. Тамъ и здѣсь дѣло идетъ о страшномъ пораженіи Русскихъ Татарами, тамъ и здѣсь погибаютъ всѣ богатыри («всѣ побьени быша»), въ былинѣ ихъ семеро, въ лѣтописномъ повѣствованіи — семьдесятъ. Упоминаются поименно Александръ Поповичъ и Добрыня; ихъ единоборствомъ съ Татарами открывается и былина, но въ Алешѣ видимо лежитъ центръ дѣйствія: нѣкоторыя лѣтописи упоминаютъ въ разсказѣ о Калкскомъ побойщѣ его одного, а въ пѣснѣ гибель богатырей вызвана его грѣховной похвальбой.

Какъ слѣдуетъ понять отношенія лѣтописи и былины?

Послѣдняя могла существовать до лѣтописнаго разсказа, съ которымъ была неволью сблизена по аналогіи событій, кото-

рому отдала нѣсколько эпическихъ именъ. Это рѣшеніе по прежнему оставило-бы открытымъ вопросъ: о происхожденіи былины, объ ея историческомъ объектѣ, существованіе котораго заставляютъ подозрѣвать сходныя византійско-болгарскія преданія. Вѣроятнѣе представляется слѣдующее рѣшеніе: безпримѣрное пораженіе при Калкѣ дотогѣ *невѣдомымъ*, «не здѣшнимъ» врагомъ, вызвало преданіе, пѣсню, и пѣсню покаянную: пораженіе было судомъ Божиимъ надъ православнымъ людомъ за его грѣхи и гордыню¹⁾; не даромъ былинные богатыри бьются съ Татарами на Сафатѣ рѣкѣ: долина Калки обратилась въ долину страшнаго суда, Иосафатову — какъ апокалипсическими образами вѣсть отъ слѣдующихъ стиховъ былины о Калинѣ царѣ:

Зачѣмъ мать — сыра земля не погнется,
 Зачѣмъ не разступится?
 Отъ пару было отъ конинаго
 А и мѣсяць, солнце померкнуло,
 Не видать луча свѣта бѣлаго,
 А отъ духу татарскаго,
 Неможно крешенымъ намъ живымъ быть

(Кирша № XXIV).

Погибають на Калкѣ-Сафатѣ лучшія силы русской земли, типически воплощавшіяся въ богатыряхъ: богатырей больше не является, они тутъ перевелись. Имена Алеши и Добрыни подставились не случайно: Алеша явился первымъ: онъ — «смѣлый», «пересмѣшникъ», «хвастливый воинъ» русскаго эпоса; онъ припомнился по поводу похвалы и притянулъ къ себѣ имя Добрыни, съ которымъ его тѣсно связываютъ и наши былевые пѣсни.

¹⁾ «Сихъ - же злыхъ татаръ Таурмень не сѣдаемъ, откуда быше пришли на насъ и гдѣ ся дѣли опять» (П. С. Р. Л. I, 217); «По урхогъ нашимъ придоша языци незнами, безбожнїи Моевитяне, ихже никто-же добръ не вѣсть ясно, кто суть, и откогѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татари, а нїви глаголють Таурмени, а друзїи Печенѣзи . . . Богъ же вѣсть единъ, кто суть и откогѣ изыдоша (I. с. XV, 335—6); «и не свѣдаемъ, откуда были пришли и камо ся дѣли; единъ Богъ вѣсть, откуда приведе за грѣхы наша и за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича» (ib. p. 343).

Если это толкованіе вѣроятно, то вмѣстѣ съ тѣмъ получились нѣкоторыя данныя, освѣщающія отношенія былины о гибели къ лѣтописному разсказу.

Судя по послѣднему, въ древней пѣснѣ еще стояло географическое обозначеніе Калки, быть можетъ, уже въ сосѣдствѣ съ какимъ-нибудь эпитетомъ или опредѣленіемъ, которое, обособившись впоследствии, заслонило собою Калку: Сафатъ. Пѣсня эта могла сложиться на югѣ; но южная лѣтопись (галицко-волинская) держитъ въ сторонѣ отъ нея свой фактической разсказъ о событіи, её вызвавшемъ. Лишь позднѣе на сѣверѣ, и именно на сѣверо-востокѣ, былина включена въ составъ лѣтописи. Очевидно, былина эта была тамъ популярна, и въ ней Алеша Поповичъ выступалъ съ еще большимъ значеніемъ, чѣмъ въ современныхъ перепѣвахъ. Слѣдствіемъ этой популярности было приуроченіе пѣсеннаго героя къ областнымъ отношеніямъ: лѣтопись заставляетъ его принимать участіе въ мѣстныхъ усобицахъ, указываетъ какъ на память его подвиговъ — на могилы убитыхъ имъ враговъ, на городокъ, куда онъ созвалъ своихъ «храбрыхъ»¹⁾. — Такъ приурочился и освоился въ новой обстановкѣ французскій *Ogier de Danemarque* — въ Даніи, Аника въ Вологодской губерніи и въ сѣверномъ поморьѣ, на Аникіевомъ островѣ; такъ, быть можетъ, присталъ къ муромскимъ отношеніямъ и Илья Муромецъ.

Такъ объясняется, почему южный Алеша Поповичъ, доживающій свой вѣкъ еще и въ образѣ Оликсія Поповича малорусской думы²⁾, очутился наконецъ Ростовцемъ — въ большинствѣ нашихъ былинь; и не только Ростовцемъ, но и сыномъ ростов-

¹⁾ «Александръ же выходя многи люди великаго князя Юрія избиваше, иже костей накладены могилы велики и донынѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а иши по ону страну рѣки Усиі... вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу, иже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ себѣ въ городъ, обрыть подъ Гремячимъ колодеземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сощъ стоитъ пустъ». Тверская лѣтопись, П. С. Р. Л. XV, 337, 338.

²⁾ Сл. Антоновичъ и Драгомановъ, I. с., I, 176—201.

скаго *попа* Леонтія, очевидно отвлеченномъ изъ прозвища Поповича. Это повліяло отчасти на измѣненіе его древняго типа, который въ былинахъ сложился изъ ряда разновременныхъ насло- ній¹⁾. Въ сущности онъ — смѣлый, смѣль напускомъ, гордливъ-спѣсивъ, бранчивъ и «кручиновать» (Богатырское слово, изд. Е. Барсовымъ, стр. 17), охочъ хвастаться («пустохвастъ»); (нѣтъ) «на ярость Олешеньки Поповича» (Ефименко, I. с., стр. 17, № IV), какъ и Олексій Поповичъ характеризуется заносчивымъ и гордымъ. — Но былины любятъ изображать его и въ роли «бабьяго пересмѣшника»: онъ хвастаетъ на пиру своею связью съ сестрой Сбродовичей, съ женой Данилы, подслуживается Апраксіи въ ея любовныхъ шашняхъ, пытается взять за себя обманно жену своего крестоваго брата Добрыни. — Эта черта еще можетъ быть приведена въ психическую связь съ предше- щими, чего о другихъ нельзя сказать: я имѣю въ виду поповское происхожденіе Алеша, принадлежащее специально-сѣверному развитію русскаго эпоса²⁾. Именно эта характеристика драго- цѣнна своей неустойчивостью. Когда у Кир. I, № 2, стр. 53 про Алешу говорится, что онъ роду «поповскаго, *заслѣшишевый*» (: забубенный, отчаянно смѣлый), то, очевидно, это память о древ- немъ Поповичѣ, не въ нарицательномъ значеніи этого прозвища; иначе у Кир. IV, № 2, стр. 8, гдѣ

Алеша рода поповскаго:
 Поповскіе *глаза завидуице*,
 Поповскія *руки заграбуциа*:
 Увидитъ Алешка на нахвальшикѣ,
 Увидитъ онъ много злата серебра —
 Злату Алеша позавидуеть,
 Погинетъ Алешка по напрасному.

(Сл. Кир. I, № 1, стр. 48).

¹⁾ Сл. вообще Указатель къ пѣснямъ Кирѣевскаго, вып. IV, подъ Алешей.

²⁾ Сл. мой отчетъ о книгѣ Вольнера, *Russische Revue*, Bd. XIX, стр. 428—429.

Очень вѣроятно, что это позднѣйшее развитіе типа не было еще извѣстно на той стадіи эпоса, которая отразилась въ лѣтописномъ разсказѣ о боѣ на Калкѣ, но что Алеша уже былъ понятъ какъ Ростовецъ, какъ сѣверный богатырь, — погибающій при Калкѣ, а въ Тверской лѣтописи мотивирующій свой отъѣздъ на югъ рѣшеніемъ «служити . . . единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ». Это — та-же точка зрѣнія, что и въ сводной архангельской былинѣ у Ефименка ¹⁾, въ томской, записанной г. Потанинымъ и у Кир. II, № 1, стр. 70—80: тамъ и здѣсь Алеша ѣдетъ (въ первомъ и послѣднемъ случаѣ изъ Ростова) къ Кіеву, который и освобождаетъ отъ обступившей его рати царя Василія Прекраснаго (арханг. изводъ), либо отъ Тугарина (томск., былина Кир.). Я не думаю, чтобы разсказъ Тверской лѣтописи и указанныя пѣсни могли быть истолкованы въ смыслѣ исконнаго, сѣвернаго происхожденія Алёши, при чемъ его выѣздъ въ Кіевъ указалъ-бы на пути и способъ его эпического приуроченія къ Владиміру и его богатырскому кружку. Илья также пріѣзжаетъ теперь изъ сѣвернаго Муромъ въ Кіевъ, тогда какъ обратный путь перенесенія представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ.

При предположеніи исторической подкладки для былины о гибели богатырей, внѣшнія стилистическія черты, сближающія её съ византійско-болгарскимъ преданіемъ о Константинѣ (двоеніе вражьей силы; оживленіе Добрыни) надо будетъ объяснить либо изъ общихъ мѣстъ народной поэтики, либо воздѣйствіемъ какой-нибудь посторонней пѣсни сходнаго содержанія.

Что до эпизода о «гибели» въ былинахъ о Ермакѣ, то его появленіе объяснится теперь нагляднѣе прежняго: Ермакъ, юный богатырь, выѣхалъ изъ Кіева противъ Татаръ; богатыри Владиміра стоятъ въ шатрахъ на горѣ, на заставѣ; Ермакъ вступаетъ въ бой съ Татарами, а Илья, боясь, чтобъ онъ не «пересѣлся», посылаетъ помочь ему либо удержать его, наложить на

¹⁾ Матеріалы и т. д., вып. 2-й, стр. 25—32, № VII.

него «храпы», сначала Алёшу, потомъ Добрыню, а подъ конецъ отправляется самъ и укрощаетъ его сердце богатырское. Разбирая эпизодъ о наложеніи храповъ Ильей на Ермака, я замѣтилъ при другомъ случаѣ¹⁾: «Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михайлѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсень о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ не узаннымъ». Какъ-бы-то-ни-было, внѣшній планъ дошедшихъ до насъ пѣсень о Ермакѣ достаточно объясняетъ, по какому поводу могъ привиться къ нему эпизодъ о «гибели»: богатыри на *заставѣ*, Ермакъ дерется съ Татарами, и къ нему поочередно выѣзжаютъ, чтобы *укротить* его, *Алеша, Добрыня и Илья*. Такъ въ пѣснѣ о гибели богатырей: *застава*, появленіе Татарченка, *противъ* котораго поочередно выѣзжаютъ другъ за другомъ *Добрыня, Алеша и Илья*. Одно внѣшнее сближеніе былинныхъ схемъ, столь обычное въ живомъ теченіи народной пѣсни, могло повести къ дальнѣйшему: эпизодъ о гибели богатырей перенесся механически въ соотвѣтствующее мѣсто пѣсни о Ермакѣ, изнемогавшемъ отъ вражьей силы:

А силы все, казись, не убыло,

А Ермакъ изъ силы выбился

(Кпр. I, № 1, стр. 58—66).

Ничѣмъ не мотивированъ и рѣшительно не умѣстенъ подобный-же эпизодъ въ одной былинѣ о Добрынѣ и Алешѣ, Гильф. № 168: Добрыня въ отъѣздѣ, бьется съ Татарами, вмѣстѣ съ нимъ Чурила, Илья и Алеша, взявшіеся ни вѣсть откуда. Побили они Татаръ,

И тутъ они сказали:

«И со небесной мы бы силой супротивились,

А не то, что съ силой проклятой!»

Тутъ на нихъ Господь прогнѣвался,

¹⁾ Южно-русскія былины I, стр. 47.

Спустилъ на нихъ столѡвъ ѡгненный:
 Они какъ столѡвъ перерублять, такъ два станеть,
 Два станеть все поединщика,
 Еще перерубяь, а тутъ три станеть,
 Три станеть все опять поединщики.
 Тутъ они Богу смолнися:
 «Намъ-бы тое же слово да не такъ сказать!».

Далѣ вся эта подробность оказывается совершенно не нужной для дѣйствія, развивающагося по обычному типу былинь этого цикла.

Интереснѣе эпизодъ о «гибели» въ одной синкретической былинѣ у Ефименка (Матеріалы, вып. 2-й, № VIII, стр. 32 слѣд.: Старина про Илью Муромца): Мамай съ зятемъ своимъ Василиемъ Прекраснымъ; Илья, только что вернувшійся, просить у него сроку на полгода, а самъ посылаетъ Потанюшку Хроменькаго собирать дружину, братцевъ названныхъ: Самсона Колувана, Дуная, Василия Касимерова, Михайлу Игнатѣва съ племянникомъ, Потока, Добрыню, Алѣшу, двухъ братьевъ Ивановъ и двухъ братьевъ Суздальцевъ. Выѣхавъ изъ Кіева, они гуляютъ трое сутокъ въ шатрахъ, а на четвертые Илья спрашиваетъ: кому изъ нихъ сѣздить въ рать-силу великую, узнать, съ которой стороны имъ начинать будетъ; перебираетъ нѣсколькихъ богатырей (Самсонъ, Дунай, Добрыня, Василий), но они кажутся ему непригодными. Онъ ѣдетъ самъ, добирается до Мамаева шатра, и здѣсь происходитъ между нимъ и Мамаемъ объясненіе, воспроизводящее такую-же сцену между Ильей и Идолицемъ въ Кіевѣ или Царьградѣ. Илья убиваетъ Мамаю, и затѣмъ всѣ богатыри принимаются рубить Татаръ:

И рубили они силу сутки пятеро
 И не оставили они ни единого на сѣмена,
 И протекала тутъ кровь горячая,
 И паръ шелъ отъ трупья по облава.
 Оставались только въ лагеряхъ у старого
 Два брата, два Суздальца,

Чтобы встрѣтить съ прїѣзду богатырей, кому быть.
 Не утерпѣли тутъ два брата Суздальца
 И поѣхали во ту рать силу великую.

.....
 И сами они похваляются:

«Кабы была теперъ сила небесная,
 И всѣ бы мы побили ею по полю».
 Вдругъ отъ нихъ словъ сдѣлалось чудо великое,
 Возстала сила Мамаева
 И стало силы больше вятеро.

Они винятся Ильѣ въ своей похвальбѣ; вся дружина выѣзжаетъ
 противъ ожившихъ враговъ,

И начали бить съ краю на край,
 И рубили они сутки шестеро,
 А вставать силы больше прежняго.
 Узналъ старый предъ собой вину
 И покаялся старый Спасу Пречистому:
 «Ты прости насъ въ первой винѣ,
 За тѣ-же слова глупыя,
 За тѣхъ-же братьевъ Суздальцевъ.
 И повалилась тутъ сила кровопитная,
 И начали бопать мать-сыру землю,
 И хоронить тѣло да во сыру землю,
 И протекла рѣва кровью горячею.
 Садилась тутъ удамы на добрыхъ коней,
 Поѣхали удамы ко городу ко Кіеву,
 Заѣхали они во крашенъ Кіевъ градъ,
 Во тѣ-же во честны монастыри,
 Во тѣ-же пещеры во Кіевски;
 Тамъ всѣ они и представилися,
 Тутъ старому славу поють.

Развязка такого-же мистическаго колорита какъ и въ былинѣ
 о гибели, но окаменѣніе замѣнено уходомъ въ монастырь ¹⁾,
 удвоеніе вражьей силы — другимъ, столь-же чудеснымъ момен-
 томъ, оживаніемъ, какъ въ известной битвѣ между Hedin'омъ

¹⁾ Сл. Южно-русскаія былинны I, стр. 34.

и Нбѣgni въ сказаніяхъ сѣвера. Вражьей силы *какъ будто* не убываетъ подъ ударами богатырей, *словно* павшіе оживаютъ, чтобы снова пуститься въ бой. Такъ въ Повѣсти о раззореніи Рязанской земли Батыемъ: рязанскій вельможа, Евпатій Коловратъ, бывшій въ Черниговѣ, когда Татары напали на рязанскую землю, явился туда съ дружиною, нагналъ Батюга въ суздальской области и началъ колоть и рубить вражье войско: Татаръ рубятъ кого до плечъ, кого до сѣдла; Таврула, похваставшагося передъ Батыемъ взять Коловрата живьемъ, онъ разсѣкъ пополамъ. Не устояли крѣпкіе «удальцы русскіе», всѣ полегли; «чудища, а не людища», говоритъ о нихъ лѣтописецъ, а Татары, не ожидавшіе ихъ нападенія, думали, что *ожили* побитые ими русскіе мертвецы. — Интересно сличить этой бой съ Татарами въ *Суздальской землѣ* и *оживаніе* (русскихъ) мертвецовъ — съ хвастливыми *Суздальцами* приведенной выше былины, подъ ударами которыхъ *оживаютъ* павшіе *Татары*.

При другомъ случаѣ¹⁾, коснувшись многочисленныхъ разсказовъ о воздушной борьбѣ, которую продолжаютъ или возобновляютъ между собою души ратниковъ, павшихъ на полѣ битвы, я выразилъ мнѣніе, что легенды эти могутъ быть поняты, какъ земная локализациа представленія грозы — воздушной борьбой демоновъ. Слѣдуетъ замѣтить, что локализациа эта часто бываетъ вызвана воспоминаніемъ о дѣйствительныхъ битвахъ и пораженіяхъ и что, съ этой точки зрѣнія, легенды о борьбѣ призранныхъ воиновъ и пѣсня о боѣ богатырей съ постоянно оживающими врагами могутъ быть поставлены въ одну группу. Нѣсколько легендъ перваго рода собраны у Фотія²⁾: Дамасцій разсказываетъ, «ὅτι μάχης πρὸ τοῦ Ῥώμης ἄστεως γεγενημένης Ῥωμαίων πρὸς Σκύθας οὗς Ἀττίλας ἤγειν, Οὐαλεντιανοῦ τοῦ μετὰ Ὀνώριον Ῥώμης βασιλεύοντος, φόνος ἐρρήθη ἑκατέρωθεν τοσοῦτος ὡς μηδένα τῶν συμπλακέντων τῇ μάχῃ μηδετέρου μέρους περισωθῆναι, πλὴν τῶν ἡγεμόνων καὶ τῶν περὶ αὐτοὺς ὀλίγων δορυφόρων· τὸ δὲ παρα-

¹⁾ Разысканія VIII, стр. 327 прим. 2.

²⁾ Photii Bibliotheca, rec. Bekker, t. I, p. 339—40.

λογώτατον, ὅτι φασίν, ἐπειδὴ πεπτώκασιν οἱ μαχόμενοι, τοῖς σώμασιν ἀπειπόντες ἐπι ταῖς ψυχαῖς ἴσταντο πολεμοῦντες ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὅλας καὶ νύκτας, οὐδὲν τῶν ζώντων εἰς ἀγῶνα ἀπολειπόμενοι, οὔτε κατὰ χεῖρας οὔτε κατὰ θύμον. Ἐωρᾶτο γοῦν καὶ ἤκούετο τὰ εἶδωλα τῶν ψυχῶν ἀντιφερόμενα καὶ τοῖς ὅπλοις ἀντιπαταγοῦντα. καὶ ἀρχαῖα δὲ ἄλλα τοιαῦτα φάσματα πολέμων μέχρι νῦν φαίνεσθαι φησι, πλὴν ὅτι ταῦτα τὰ μὲν ἄλλα, ὅσα ζῶντες ἄνθρωποι κατὰ πόλεμον δρῶσιν, οὐδὲν ὑστερεῖν, φθέγγεσθαι δὲ οὐδὲ ἐπὶ μικρόν. Καὶ ἐν μὲν ἐπιφαίνεσθαι ἐν τῷ περὶ Σόγδαν ποτὲ λίμνην οὔσαν πεδίῳ, φαίνεσθαι δ' ὑπὸ τὴν ἑω τὸ φάσμα, φωτὸς ἤδη τὴν γῆν ὑπαυγάζοντος, δεύτερον δ' ἐν Κούρβοις χωρίῳ τῆς Καρίας, ἐν τούτῳ γὰρ φαίνεσθαι οὐ καθ' ἐκάστην ἡμέραν, ἀλλ' ἐνίοτε, διαλείποντα ὀλίγας τινας, οὐδὲ ὠρισμένας γε ταύτας, περὶ ὄρθρον ἕως ἡλίου λαμπρᾶς ἀνατολῆς ἐν ἀέρι διαφοριτώντα ψυχῶν ἄττα σκιαιοῖδη φαντάσματα πολεμοῦντα ἀλλήλοισ· καὶ ἐν ταῖς καθ' ἡμᾶς δὲ χρόνους πολλοὶ διηγῆσαντο, οὐχ' οἰοί τε ὄντες ψεύδεσθαι, κατὰ Σικελίαν ἐν τῷ λεγομένῳ πεδίῳ Τετραπυργίῳ καὶ ἐν ἄλλοις οὐκ ὀλίγοις αὐτῆς μέρεσιν ὁράσθαι ἵπποτῶν πολεμίων ἐπελαυόντων φάσματα κατὰ τὸν τοῦ θέρους μάλιστα καιρόν, μεσημβρίας σταδῆρας ἰσταμένης ¹).

¹) Не хочу опустить случая, не обративъ вниманіе на разсказъ Дамасція, слѣдующій за сообщеннымъ, потому что не помню, чтобъ изслѣдователи нѣмецкой старины обратили на него вниманіе. Въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ и сѣверныхъ памятниковъ Дидриху Бернскому приписывается огненное дыханіе; такъ въ сагахъ о НиФлунгахъ и Тидрекѣ, въ Rosengarten'ѣ, Сигенотѣ, въ Etzels Hofhaltung, Лауринѣ, Rabenschlacht, Битерольфѣ, Саксонской хроникѣ, въ Anhang des Heldenbuches, Meistersangbuch и др. (См. W. Grimm, Deutsche Heldensage, стр. 105, 106, 214, 276, 286, 294, 312, 321). См. у Фотія (I. с., стр. 340): ἀλλὰ καὶ τῶν περὶ Ἀττίλαν ἕνα ὄντα τὸν Βαλίμεριν ἀπὸ τοῦ οἰκείου σώματος ἀποστέλλειν σπηνθῆρας· ὁ δὲ ἦν ὁ Βαλίμερις Θεοδερίχου πατήρ, ὃς νῦν τὸ μέγιστον ἔχει κράτος Ἰταλίας πάσης. λέγει δὲ καὶ περὶ ἑαυτοῦ ὁ συγγραφεὺς, ὡς ἀκαί ἐμοὶ ἐνδοσμένῳ τε καὶ ἐκδοσμένῳ, εἰ καὶ σπάνιον τοῦτο συμβαίνει, συμβαίνει δ' οὐν σπινθῆρας ἀποτηδᾶν ἐξαισίους, ἕσθ' ὅτε καὶ κτύπον παρέχοντας, ἐνίοτε δὲ καὶ φλόγας ὅλας καταλάμπειν τὸ ἱμάτιον, μὴ μόνον καιούσας· καὶ τὸ τέρας ἀγνοεῖν εἰς ὃ τελευτῆσει. — Здѣсь чудесное явленіе разсказывается объ отцѣ, не о сынѣ; но оно могло разсказываться и о послѣнемъ. Важно то, что сыномъ является, и притомъ въ древнемъ свидѣтельствѣ, историческій Теодорихъ, — не мионическое, огнедышащее лицо, къ которому пристало внѣшнимъ образомъ историческое имя. Таково было, какъ извѣстно, мнѣніе В. Гримма.

VIII.

Царь Константинъ въ русскихъ и южно-славянскихъ пѣсняхъ.

Если въ преданіяхъ и пѣсняхъ, разобранныхъ въ предыдущей главѣ, послѣдній византійскій императоръ Константинъ является цѣликомъ перенесеннымъ въ среду болгарскихъ отношеній, то въ другихъ южно-славянскихъ и русскихъ былинахъ имена Константина и Елены выступаютъ въ общемъ значеніи эпонимовъ Византіи, часто безъ опредѣленнаго или опредѣлимаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ объ Идолицѣ (Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17; Гильф. № 196; сл. Кир. I, № 4, стр. 22—38) и о Голяхъ Кабацкихъ (Гильф. № 220, Рыбн. III, № 10) *Константинъ Боголюбовичъ* живетъ въ Царьградѣ; только пересказъ Кирѣвскаго (l. c.) ставитъ вмѣсто него Іерусалимъ. Я предполагалъ здѣсь раньше простое смѣшеніе двухъ эпизодовъ, представляющихся раздѣльно въ былинѣ Гильф. № 48 = Рыбн. I, № 17: какъ тамъ калика ходилъ въ Іерусалимъ и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ, гдѣ царитъ Константинъ, такъ редакція Кирѣвскаго могла смѣшать оба хожденія — въ пользу Іерусалима, удержавъ въ немъ Константина Боголюбовича — и царицу *Елену Александровну*, о которой не знаютъ другія

пѣсни объ Идолицѣ, но которая является, какъ «благовѣрная царица Елена», рядомъ съ царемъ Константиномъ, на этотъ разъ въ Царьградѣ — и въ Сказаніи о Семи богатыряхъ (Буслаевского и Барсовскаго текстовъ). — Въ настоящее время я склоненъ предположить еще одинъ мотивъ, повлекшій за собою указанное выше измѣненіе: южно-славянская народная поэзія помнитъ Константина Великаго и мать его Елену въ легендѣ объ обрѣтеніи креста, выводящей на сцену и «проклята царя Евреина», на котораго Константинъ идетъ войною¹⁾. Это могло повести къ чередованію *Иерусалима* и *Царьграда* при имени Константина, — какъ и въ русскомъ духовномъ стихѣ о Ѳеодорѣ Тиротѣ Константинъ Самойловичъ или Сауловичъ (Самуилъ или Константинъ апокрифическихъ легендъ²⁾) царитъ то въ *Константиновъ градъ*, то въ *Иерусалимъ*, гдѣ его осаждаютъ *царь Иудейской, сила жидовская* (сл. идолице «жидовское», обнасилавшее царя Константина въ былинахъ объ Идолицѣ), тогда какъ апокрифъ знаетъ только Сарадинъ. Причину послѣдней замѣны я искалъ въ мѣстныхъ отношеніяхъ³⁾, хотя именно въ духовномъ стихѣ ихъ менѣе ожидаешь встрѣтить, чѣмъ въ былинѣ, вообще крѣпче приуроченной къ народной почвѣ. Къ сожалѣнію, того нельзя сказать о небольшомъ циклѣ пѣсенъ, героями которыхъ являются Саулъ (т. е. Самуилъ) Леванидовичъ и его сынъ Константинъ Сауловичъ; не примкнувъ къ эпическимъ центрамъ Кіева и Владимира, онѣ остались географически неопредѣленными, какъ

¹⁾ Безсоновъ, Калѣки II, № 437, стр. 54 слѣд. Латинскіе (и, вѣроятно, греческіе) акты св. Кириака, повѣствующіе объ обрѣтеніи св. креста, открываются походомъ Константина Великаго противъ варваровъ на Дунай, видѣніемъ въ небѣ свѣтлаго крестнаго знаменія со словами: симъ побѣдиши. Вернувшись въ Римъ съ побѣдой и окрестившись, царь посылаетъ мать свою Елену въ Иерусалимъ — отыскать тамъ древо распятія и на мѣстѣ его создать церковь. Елена отправляется въ Иерусалимъ въ сопровожденіи большого войска.

²⁾ Сл. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ I: Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ, стр. 12—14; II: Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ, стр. 159.

³⁾ Разысканія I, стр. 3.

загадочными, по прежнему, являются отношенія именъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ къ такимъ-же именамъ апокрифа и духовнаго стиха о Теодорѣ Тиронѣ. Я не пытаюсь предложить здѣсь новую гипотезу ¹⁾ въ объясненіе того, что могло-бы быть разъяснено лишь при пособіи новыхъ пѣсенныхъ документовъ. Остановлюсь лишь на имени Константина.

Изъ двухъ былинъ о Саулѣ Леванидовичѣ ²⁾, сходныхъ по содержанію и по имени главнаго дѣйствующаго лица, лишь въ одной (№ 2 Кир.) его сынъ названъ *Константиномъ* — что могло повлечь за собою и наименованіе его матери «Азвяковной, молодой *Еленой Александровной*» ³⁾; въ другой и онъ и его мать оставлены безъ имени. И тамъ и здѣсь сынъ родится въ отсутствіи отца, но лишь въ анонимной — при чудесныхъ обстоятельствахъ, повторяющихся и при другихъ лицахъ русскаго эпоса:

Изъ того-ли изъ подъ бѣлаго камешку
Выползала змѣя лютая,
Кидалась она княгинѣ на бѣлую грудь,
Бьетъ хоботомъ по бѣлу лицу.
Молодая княгиня испужалась,
Во чревѣ дитя встрепенулося.

Сл. въ былинѣ о Волхѣ (Кирша):

По саду, по саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княгиня Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя;
Обвивается лютой змѣй около чобота зеленъ сафьянъ,
Около чулочка шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапоры княгиня понось понесла.

¹⁾ Сл. *ib.*, стр. 12—14.

²⁾ Кирѣевскій III, стр. 113—124, №№ 1 и 2.

³⁾ Въ былинѣ о Волхѣ Всеславьевичѣ у Кирши, стр. 45—53, такъ именно (Азвяковна, молода Елена Александровна) названа жена индѣйскаго царя, на которой женится впоследствии Волхъ.

То-же въ былинномъ отрывкѣ «Про змѣя Горыныча», не называющемъ по имени ни богатыря ни его матери¹⁾. — Въ настоящее время трудно сказать, на сколько рассказъ о чудесномъ зачатіи сына Саула Леванидовича первиченъ въ былинѣ, не сохранившей его имени, тогда какъ другая, называющая его Константиномъ, не знаетъ именно этого эпизода. Если дѣло идетъ о позднѣйшемъ внесеніи эпической подробности, ставшей общимъ мѣстомъ, то слѣдующія сопоставленія послужатъ лишь къ библиографіи довольно распространеннаго сказанія — о чудесномъ рожденіи или зачатіи императора Константина²⁾.

Старофранцузскія легенды о царѣ Константѣ рассказываютъ о царѣ язычникѣ (Flogiens или Muselins), властвовавшемъ въ Византіи. Однажды ночью, гуляя по улицамъ города, онъ услышалъ, проходя мимо одного дома, стоны женщины, христіанки, мучившейся въ родахъ, тогда какъ ея мужъ молился, то о испосланіи ей скорого разрѣшенія, то о томъ, чтобы оно задержалось. Онъ оказывается звѣздочетомъ: въ звѣздахъ онъ прочелъ, что если жена его разрѣшится отъ бремени въ извѣстный часъ и минуту, то ребенокъ будетъ несчастнымъ и умретъ насильственною смертію; если-же въ другой часъ и минуту, то ему суждено счастье. И Господь внялъ его молитвамъ: его сынъ родился въ урочную пору, женится на дочери византійскаго императора и самъ сядетъ на царство. — Узнавши о долѣ,

¹⁾ Извѣстія Имп. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и словесности т. III: Памятники и образцы народнаго языка и словесности, стр. 279—280. Сл. о чудесномъ зачатіи Георгія мои Разысканія II, стр. 113 слѣд.

²⁾ Сл. мою статью: *Dit de l'empereur Constant* въ *Romania* № 22. Съ тѣхъ поръ литература Константиновской легенды обогатилась: кромѣ отчета R. Köhler'a о моей работѣ, сл. *Incerti auctoris de Constantino Magno ejusque matre Helena libellus*, ed. Heydenreich. Lips. Teubner 1879; его-же: *Der libellus de Constantino magno ejusque matre Helena und die übrigen Berichte über Constantins der Grossen Geburt und Jugend*, въ *Archiv f. Litteraturgeschichte*, Band, X, p. 319—363; Achille Coen, *Di una leggenda relativa alla nascita e alla gioventù di Costantino Magno*. Roma, 1882. Нѣкоторые спорные вопросы, вызванные этими новыми изысканіями, рассмотрѣны мною въ статьѣ, имѣющей ливиться въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ *Romania*'и.

вапророченной новорожденному, императоръ хочетъ во что-бы то ни стало помѣшать ей исполниться: ребенокъ похищенъ и заброшенъ, израненный замертво; найденъ игуменомъ одного монастыря, который беретъ его съ собою, вылѣчиваетъ и отдаетъ въ школу. Въ монастырѣ видятъ его вторично, уже юношей, императоръ и, желая избавиться отъ нареченнаго зятя, посылаетъ его съ письмомъ въ Византію, въ которомъ предписывалъ тотчасъ-же умертвить его подателя. Но это письмо подмѣнено другимъ, содержащимъ приказъ — немедленно обвѣнчать пришельца съ царевной. Императоръ является слишкомъ поздно, чтобы помѣшать свадьбѣ и принужденъ признаться, что судьбы не обойти. По смерти его, его зять, Constant, наследуетъ ему на престолѣ.

Основная идея повѣсти: нелюбовь стараго императора-язычника къ мальчику и потомъ юношѣ, которому суждено быть его наследникомъ. Что подъ Constans разумѣлся, первоначально, не Константъ, а Константинъ Великій, основатель Константинополя, я позволилъ себѣ заключить изъ слѣдующихъ стиховъ старофранцузской поэтической легенды:

Pour ce que si nobles estoit,
Et que nobles oevres faisoit,
L'appelloient *Constant le noble*,
Et pour çou ot *Constantinnoble*
Li cyté de Bissance a nom ¹⁾.

Другая романтическая повѣсть о рожденіи и юности Константина Великаго, извѣстная главнымъ образомъ изъ итальянскихъ источниковъ ²⁾, является какъ-бы дополненіемъ старофранцузской. Константинъ — незаконнорожденный сынъ Кон-

¹⁾ См. выше, стр. 213—214, прим. 1.

²⁾ Я указалъ на пересказы Jacopo d'Acqui и Dittamando; съ тѣхъ поръ литература этой легенды увеличилась, благодаря разысканіямъ R. Köhler'a, Heydenreich'a и Coen'a: Anonymus Heydenreichianus, рассказъ Іоанна Веронскаго и извлечение изъ него у Петра de Natalibus; Libro Imperiale; новеллы объ Urbano и Manfredo.

станта и Елены, которой Константинъ, разставаясь, даритъ на память драгоценное украшеніе. Монаха похищаютъ купцы и везутъ его въ Византію, гдѣ выдаютъ его за сына римскаго императора. Принятый за такового онъ женится на дочери византійскаго царя, и тѣ-же купцы везутъ обратно молодыхъ, но прельстившись богатымъ приданымъ, покидаютъ ихъ на необитаемомъ островѣ, откуда Константинъ и его жена спасаются на проходившемъ случайно кораблѣ. Въ Римѣ Константинъ отыскиваетъ свою мать, и происходитъ взаимное признаніе между нею и Константиномъ, при чемъ царскій подарокъ служитъ ей знаменіемъ. Купцы наказаны, а Константинъ объявленъ наследникомъ восточнаго и западнаго императоровъ. Первый, тестъ Константина, носитъ, въ разсказѣ Ясоро d'Asqui, имя Валерія — Галерія.

Я не сомнѣваюсь, что обманная свадьба Константина, незаконорожденнаго, не имѣвшаго право на царство, съ дочерью византійскаго императора, наследникомъ котораго онъ становится, отвѣчаетъ роковому браку легенды, предотвратить который не въ силахъ никакія ухищренія тестя. Нѣтъ только предвѣстій будущаго величія и идеи преслѣдованія: то и другое подсказываетъ, въ другомъ порядкѣ, Никифоръ Каллисть, или скорѣе, его источникъ ¹⁾; если у него недостаетъ разсказа о бракѣ, то слѣдуетъ имѣть въ виду различіе между свободно амплифицирующей легендой — и той, которая выдаетъ себя за исторію. — Константинъ, посланный на востокъ съ цѣлью заключить миръ съ Персами, Парянами и Сарматами, видится съ Еленой не въ Римѣ (какъ въ итальянскихъ повѣстяхъ), а въ Дрепанумѣ на Никоидійскомъ заливѣ ²⁾. «Ευτάθ' ὁ Κωνσταντῆς»

¹⁾ Я имѣю въ виду неизданное еще житіе Константина и Елены, найденное г. Эрнштедтомъ въ одной рукописи XI-го вѣка; см. выше, стр. 201, прим. 1. Оно существуетъ и въ славянскомъ переводѣ и дало матерьялъ для Похвального Слова Константину и Еленѣ, приписываемаго въ рукописяхъ Евфимію Трновскому.

²⁾ Происхожденіе св. Елены предполагается въ легендахъ то западное (Триръ, Англія), то восточное. У арабскаго лѣтописца Евтихія императоръ Константинъ находитъ Елену уже христіанкой въ одной деревнѣ Roha'u,

γενόμενος εἰς ἔρωτα συνουσίας ἤκεν. Ἐπει οὖν τὸν λόγον ὁ ξεναγὸς διέγνω, ἐφ' οὗ καταλύων ὁ Κώνστας ἐτύγγανεν, ὑποβάλλει αὐτῷ τὸ θυγάτριον, τὴν περὶ αὐτὸν βασιλικὴν δορυφορίαν ἰδὼν, ὡραν ἤδη γάμου ἔχον, καὶ ἀκμαῖον μάλα τὸ εἶδος προβεβλημένον. Ὡς δ' ἐκείνῳ τὰ τοῦ γάμου τετέλεστο, μισθὸν τῆς συνουσίας, ἐπιπλὸν τι ποικίλον πορφύρα διηλειμμένον τῇ γυναικὶ ἐχαρίζετο. Παράδοξον δέ τι κατὰ τὴν νύκτα ἐκείνην τῷ Κώνστα συνέβη ὄρα̃ν, ὃ καὶ εἰς δέος εἰσήγε καὶ τὴν γυναῖκα παραφυλάττειν ἄχραντον, ὡς κειμήλιόν τι φέρουσαν, τῷ ταύτης παρηγγύα πατρὶ, καὶ τὸ ἐκ ταύτης τεχθὲν ἀσφαλῶς φυλάττειν· ὄρα̃ν γὰρ ἔλεγε κατ' ἐκείνην τὴν νύκτα τὸν φωσφόρον ἔνδον τῆς σκηπῆς ἀνατέλλοντα πᾶρά φύσιν ἔμπαλιν ἐκ τῆς παρ' ὠκεανῷ ἑσπερίας εὐνῆς. Ὁ μὲν οὖν τὰ τῆς πρεσβείας καλῶς διαθέμενος, δι' ἄλλης ὁδοῦ πρὸς τὴν Ῥώμην ἀνήγετο, καὶ Καῖσαρ σύναμα Μαξιμίῳ τῷ Γαλλερῶ κατὰ Ῥώμην ἀναγορεύεται. Ἐν οὗ πολλῶ δὲ μέσῳ χρόνῳ καὶ Αὐγουστοὶ ἐφημίζοντο. Τὸν γὰρ Ἐρκοῦλλιον βασιλέα ἐν Ῥώμῃ καταστήσας Διοκλήτιανός, αὐτὸς διέβαινε πρὸς τὴν Νικομήδειαν. Ὡς δὲ χρόνῳ προήκοντι πρεσβεία πάλιν ἐπὶ Πάρθους ἐστέλλετο, ἐπὶ τὸ Δρέπανον οἱ πρέσβεις αὐδὶς διανεπαύοντο. Ὁ δὲ τῷ Κώνσταντι γεννηθεὶς ἐκ τῆς τοῦ ξεναγοῦ θυγατρὸς Ἑλένης παῖς Κωνσταντῖνος, μειράκιον ὢν, ἀδύρμασί τε παιδικῶς διατρίβων, πρὸς τινος τῶν ξενωθέντων παροξυνθεὶς, οὐ μετρίως ἐχόλα, καὶ ἀκαδέκτως εἶχε ταῖς ἐπιπλήξεσιν. ἡ δὲ μήτηρ ὡς εἶη παῖς Κώνσταντος διεσάφει, παρεδείκνυ τε τὸ πέπλον, πορφύρα διεσκευασμένον, ἐξάγουσα. Ἡ δὲ τῆς μορφῆς ὄψις οὐκ ἀγεννὲς σημεῖον ὡς εἶη παῖς ἐκείνου σαφῶς κατεμήνυεν. Ὡς δ' ἔγνω Κώνστας ἕκαστα διηγουμένων τῶν πρεσβειῶν, χρόνῳ ὕστερον βασιλικῇ δορυφορίᾳ τὸν τε παῖδα σὺν τῇ μητρὶ ἐς Ῥώμην ἀνήγε. Δεδοικῶς γε μὴν μή τι ἐκ ζηλοτυπίας τῆς ἐκ νόμων γυναικὸς Θεοδώρας ἀτοπὸν τι τῇ Ἑλένῃ καὶ τῷ παιδί ἐπιγένηται, τὸν μὲν Κωνσταντῖνον ἐς Διοκλήτιανόν κατὰ τὴν Νικομήδειαν

въ Едесской области, и испросивъ согласія ея отца, женится на ней. Елена родить въ послѣдствіи сына Константина, который воспитывается въ Робаѣ въ греческой мудрости. — Что касается до Эдесской локализациі Елены, то оно объясняется смѣшеніемъ ея съ другою Еленою, супругою Эдесскаго царя Авгаря.

διατρίβοντα σύναμα τῷ γαμβρῷ τῷ Γαλλερῖω Μαξιμίμῳ ἀνέπεμπεν καὶ ὅς, φιλοφρόνως ὑποδεχθεὶς ἐν τῷ παλατίῳ διῆγε, δομέστικος προχειρισθεὶς τῶν σχολῶν. Καὶ παιδείας τῆς τῶν Ἑλλήνων μετέτεχε τὰ χριστιανῶν ἀσπαζόμενος (I. VII, с. 18) ¹⁾.

Ὅρων δ' ἐκείνους τοὺς τῶν χριστιανῶν αἵμασι χαίροντας, διὰ μίσους ἐποιεῖτο τὴν συνοικίαν. Ἐκεῖνοι δὲ δεισιδαίμονες εἶπερ τινὲς γεγονότες, οἰωνοζόμενοι τε καὶ ἠπατοσκοποῦντες, ἔγνωσαν ἀπορρήτως τὸν Κωνσταντῖνον οὐ μόνον σύμπαν τὸ κράτος ὑπ' αὐτόν, ἀλλὰ καὶ τῆς Ἑλλήνων πλάνης καθαιρέτην τε καὶ ἀφανιστὴν, Χριστοῦ δὲ καὶ χριστιανῶν διάπυρον ἔραστὴν ἔσεσθαι. Ἀμέλει τοι καὶ ἐν Ἀλεξανδρείᾳ μὲν Διοκλητιανός, καίπερ γενναίας ἔργα χειρὸς δράσαντα ἐν τῇ κατὰ τὸν Ἀχιλλέα τῆς Αἰγύπτου ἐπαναστάσει, τὸν Κωνσταντῖνον ἀνελεῖν ἐπεχείρει· Γαλλέριος δὲ ἐν Παλαιστίνῃ τῆς ἐπιβουλῆς ἤπτετο. Τὸν γοῦν λεληθότα δόλον τῶν κρατούντων διεγνωκώς, Θεοῦ δὲ ἦν ἄρα τοῦ πάντα σὺν λόγῳ διέποντος, ἄρας ἐκ τῆς Νικομήδους, ἐπὶ τὰς Γαλλίας πρὸς τὸν πατέρα μετέβαινε, οὐχ ἦττον κάκεινον τὸν παῖδα ἐπικαλούμενον, οἷα δὴ τὰ χριστιανῶν πρεσβεύοντα, καὶ ἐν τελευταίᾳ τῆς διαθήκης ὄντα ἀναπνοιαῖς (ib. I. VII, с. 19). Умирающій Константинъ самъ вѣнчаетъ сына царскими вѣнцами.

Легко усмотрѣть изъ какихъ элементовъ и по какимъ побужденіямъ сложилась Константиновская легенда. Надо было поминуть незаконное происхождение Константина, не открывавшее ему пути къ престолу (во французскомъ сказаніи онъ даже сынъ простого смертнаго), съ его будущимъ величіемъ; и вотъ его рожденіе обставляется знаменіями: Константу снится вѣщій сонъ; сцена съ отцомъ-звѣдочетомъ, открывающая французскую легенду, замѣняетъ этотъ мотивъ другимъ, который у Никифора Каллиста является позже: я разумѣю волхвованія императоровъ, открывающія имъ судьбу Константина и вызывающія ихъ гоненія. Гоненія стараго царя во французскихъ сказаніяхъ мотиви-

¹⁾ Сл. выше (стр. 293 въ прим.) показаніе Евтихія — и Якова d'Acqui: ad scolae Judaeorum et Graecorum vadit. — Coen, I. с. р. 39 прим. 1 указываетъ на Jul. Pollucis, Hist. physica, въ переводѣ Hardt'a р. 249: Constantinus vero adhuc puer apud orientis tyrannum educabatur graecis imbutus disciplinis.

руются такимъ-же пророчествомъ, прочтеннымъ въ звѣздахъ, и разработаны по типу сказки о преслѣдуемомъ зятѣ, о суженомъ, котораго конемъ не объѣдешь. Женившись на дочери императора, не смотря на всѣ препятствія, поставленныя на пути, Константинъ получилъ право на престолъ. Если въ итальянскихъ повѣстяхъ идея преслѣдованія забыта, то бракъ всё-же устраивается при особыхъ условіяхъ, въ которыхъ судьба переяла ухищренія людской воли: Константинъ женится на дочери Галерія (Ясоро d'Asqui), своего гонителя (Ник. Каллисть).

Но народная фантазія не остановилась на такой реабилитаціи: рожденіе Константина не только было обставлено чудесными знаменіями, оно само было чудесное. Такъ въ сербскомъ преданіи объ основаніи Царьграда ¹⁾.

Царьградъ построенъ не человѣческою рукою, а созданъ самъ собою. Говорятъ, какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческой черепъ и наступилъ на него конемъ. Зачѣмъ наступишь ты на меня? говоритъ ему мертвая голова; хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ. — Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ её, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебираться въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палець, опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ. Съ той поры она забеременѣла. Когда впослѣдствіи стали доискиваться, какая тому причина, дознали, что всё это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вцѣпился ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ-ли онъ то сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ принести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотреть, за что схватится ребенокъ; тотъ схва-

¹⁾ Караѣић, Српски рјечник, 2-ое изд. а. в. Цариград.

тился за золотые, а на угли не обратилъ вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы. Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говорить: Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Юноша бродитъ по свѣту, пришелъ на мѣсто, гдѣ теперь Царьградъ, видитъ тернъ, вокругъ котораго обвилась змѣя: змѣя кусаетъ тернъ, а тернъ еѣ колетъ. Думаетъ про себя: Вотъ тѣ два зла! Пошелъ кругомъ разсматривать тѣ мѣста и какъ сталъ доходить до терна, остановился и говорить: Вотъ гдѣ надо остановиться. Сказалъ и оглянулся, а отъ мѣста, гдѣ онъ сталъ, до того, куда онъ доходилъ, очутилась стѣна; кабы не сказалъ онъ тѣхъ словъ и не остановился, стѣна дошла-бы до самаго терна. Говорятъ, что и теперь еще въ Константинополѣ нѣтъ стѣны на этомъ пространствѣ. — Впослѣдствіи онъ самъ сталъ тутъ царемъ, отнявъ власть у своего дѣда.

Собраніе болгарскихъ пѣсень г. Качановскаго представляетъ два любопытныхъ разнорѣчія одной пѣсни, отношенія которой къ предъидущимъ сказаніямъ могутъ стать предметомъ вопроса. Нѣтъ родственной связи между преслѣдователемъ и преслѣдуемымъ; въ одной пѣснѣ говорится о чудесномъ зачатіи послѣдняго, и въ ней-же является дѣйствующимъ лицомъ Константинъ, но въ роли не гонимаго, а гонителя. Сближеніе съ сербскимъ духовнымъ стихомъ у Караджича II, стр. 89—93 = Безсоновъ, Калѣки I, № 139, стр. 618—624, позволяетъ предположить, что имя Константина являлось и во второй болгарской пѣснѣ у г. Качановскаго, гдѣ царь оставленъ безъ названія.

Сообщаю содержаніе первой пѣсни изъ сборника г. Качановскаго № 113:

Тодора влахиня осталась съ девятью сиротами, которыхъ похищаетъ у ней чума. Любимаго сына Димитрія она закопала на своемъ дворѣ и утромъ и вечеромъ ходитъ къ нему на могилу и причитаетъ: «Не жестка-ли тебѣ, сынокъ, земляная постеля,

не жестко-ли каменное изголовье?» Она жжетъ передъ нимъ свѣчи, проливаетъ слезы; отъ свѣчей покровъ загорѣлся, слезы растопили гробъ; жалуются ей земля. Подивилась тому Тодора, идетъ въ садъ, сорвала два гiацинта и сунула за пазуху. Оттого она забережѣла. — Пеплу отъ мертвой головы въ сообщенномъ выше преданіи соотвѣтствуетъ здѣсь не одно зачатіе отъ гiацинта, но и предшествующая тому сцена у могилы, хотя связь между тѣмъ и другимъ актомъ оказывается забытой.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ Тодора родила «дете самотворно», на головѣ золотая «айманлія» (амайлія — ладонка?), подъ руками трепещутъ золотыя крылья. Мать зоветъ пять поповъ, пять кумовъ, окрестила мальчика, назвала его Іованомъ, поетъ надъ нимъ и приговариваетъ: «Люли, Нане, самотворное дитя, да выростешь ты юнакомъ надъ юнаками, да отнимешь у царя царство, да будешь побѣдоноснымъ!» Услышали то злые сосѣди, отписали царю Константину; онъ посылаетъ въ Волошскую землю двухъ юнаковъ, привести ему «дете самотворно», которое велитъ бросить въ темницу — пусть ѣдятъ его тамъ змѣи да гущеры. А самъ онъ между тѣмъ разболѣлся: промежъ костей проросла трава, изъ очей вылетали мухи, въ ушахъ завелись мыши; и не найти противъ той болѣзни лѣкарства. Это прокляла меня мать того дитяти, думаетъ царь и посылаетъ въ темницу — собрать кости ребенка и отнести матери — пусть на нихъ посмотритъ. Но посланному представляется тамъ неожиданное зрѣлище: мальчикъ сидитъ на шелковой постелѣ, св. Петка держитъ его, св. Недѣля свѣтитъ ему свѣчею, самъ онъ читаетъ книгу Евангелія. Поднялся, пошелъ къ царю Константину, схватилъ его, выткнулъ ему черныя очи, отсѣкъ бѣлыя руки, далъ ему деревянную чашку, вынесъ на большую дорогу и говоритъ: Вотъ гдѣ тебѣ царить, вотъ гдѣ королевать! — А самъ играетъ съ легкимъ буздуганомъ — въ девятнадцать окъ — и садится на царскій престолъ.

Таково содержаніе болгарской пѣсни, сокращенное у Миладиновыхъ № 49 (Іованъ сынъ вдовицы; нѣтъ чудеснаго зачатія;

«краль отъ Будима»; у Іована «на рѣчка писмо написано — Писмо пише краля да бидитѣ»), повторяющееся съ небольшими отмінками и въ слѣдующемъ варьянтѣ сборника г. Качановскаго, № 114. Отличія касаются именъ: ни царь, ни юноша не названы, имя матери Марія; нѣтъ чудеснаго зачатія; когда «Маріино дитя» оказалось живымъ въ темницѣ, царь приказываетъ принести его къ себѣ, готовъ отдать ему царство, но ребенокъ велитъ самага царя заключить въ ту-же тюрьму, гдѣ и онъ томился, и тогда уже воцаряется.

Въ пѣснѣ у Караджича (Српске нар. пјесме из Херцеговине № 26), какъ и у Миладиновыхъ № 50, сынъ названъ Іованомъ, царь безъ имени, чудеснаго зачатія нѣтъ. Въ сербской редакціи мать поетъ надъ сыномъ: пусть растеть,

Да у цара преузмено царство,
Царевина твоја ђедовина,
Краљевина твоја бабовина.

Чудесный юноша сноситъ голову царю и самъ воцаряется. — Въ болгарской пѣснѣ Іованъ — сынъ «Струмницы-невесты»; мать причитаетъ надъ нимъ:

Нани ми, нани, малечокъ Іо'ане!
Два дни те гледафъ, колку две години,
Три дни те гледафъ, колку три години,
Ти ми имашъ голема вишана,
На чело имашъ вжреть позлакень,
Аво богъ да' и сугено бидитѣ,
Ке му земнешъ цару царщина-га.

Царь, не названный, велитъ привести къ себѣ чудесное дитя и говорить своимъ:

«Варлете го въ атой-те да г'изгазѣтъ». —
Го варлѣ'е тѣ въ ато'и-те,
А това сѣ качи на ато'и!
«Варлете го въ сила вурна д'изгоритѣ».

Го варлі'е тіе въ сила вурна;
 Кога сутра го видо'а дете,
 Сѣжренодзе тоа кжде седить,
 И ми пеить бѣла книга ¹⁾).

Я полагаю, что именно это разнорѣчіе пѣсни объяснить намъ нѣсколько загадочный сербскій стихъ о царѣ Константиѣ и дьякѣ самоучкѣ, напечатанный Караджичемъ II, № 19. Въ основѣ его лежатъ знакомыя намъ отношенія стараго царя, грѣшнаго, маловѣрнаго, къ чудному ребенку или юношѣ, котораго онъ преслѣдуетъ, садить въ темницу, гдѣ онъ остается живъ, и куда на его мѣсто попадаетъ самъ царь. Послѣдній названъ въ сербской пѣснѣ Константиномъ, роль юноши играетъ «дьякъ самоучка», двойное заключеніе разработано, какъ и въ предъидущей пѣснѣ, по мотивамъ извѣстной легенды объ Андрѣ Критскомъ и популярной именно въ сербской поэзіи темы о кровосмѣсителяхъ. Это должно было измѣнить и стиль всей пѣсни.

На пиру у царя Константина сидятъ за золотымъ столомъ двѣнадцать владыкъ и четыре патріарха, за серебрянымъ триста

¹⁾ Пѣсня Богоровскаго сборника № 38 относится къ нашему циклу, но къ сожалѣнію, она, очевидно, не кончена: чума унесла въ Боснѣ 300 дѣтей, триста молодцовъ и столько-же дѣвушекъ — «Па не са е Босна запознала»; наконецъ она похищаетъ единственнаго сына у матери — «Тогасъ са е Босна запознала». Мать въ теченіи трехъ лѣтъ ходитъ трижды въ день на могилу сына, причитаетъ надъ нимъ:

«Помози Богъ, сыне Костадине,
 Мека ли е дървена постеля,
 Меко ли е бѣлъ камень за славье»?
 Отъ жалби е земля продумала:
 «Ой-ли ты, Костадинова мале,
 Стига море на гроби доходи,
 Въ коса ми са е змя испилила,
 Испилила е до три змичета:
 Едно ми море църни очи піи,
 Второ-то ми тѣнки вежди пасе,
 Третьо-то ми бѣло лице грызе».

И мать перестала ходить на могилу. — Очевидно, это тоже начало, что и въ № 113 у Качановскаго; интересно въ богоровскомъ варьянтѣ имя — *Константина*, данное умершему сыну.

калугеровъ, за буковымъ триста дѣтей-дьяковъ, между ними дьякъ самоучка. Царь ходитъ отъ стола ко столу, поклонился владыкамъ, калугерамъ и дьякамъ и у всѣхъ порознь проситъ разрѣшить его по исповѣди: тяжкій грѣхъ онъ учинилъ, бѣгъ своихъ родителей. Владыки и патріархи говорятъ, что грѣхъ этотъ простятся ему, если онъ сдѣлаетъ имъ драгоцѣнные шатры: говорятъ не по Божьему закону, а царю въ угоду; такъ и калугеры: пусть щедро заплатитъ за поминанье и постройтъ монастыри, иноки станутъ Бога молить и грѣхъ отмолятъ. На вопросъ царя дѣти-дьяки молчатъ, говоритъ дьякъ самоучка: пусть царь сдѣлаетъ келью изъ лучины, намажетъ её саломъ и дегтемъ, затворится въ ней и зажжетъ съ четырехъ сторонъ. Пусть горитъ съ вечера до свѣту; коли царь останется живъ, грѣхъ ему прощенъ. — Константинъ велитъ устроить всё, какъ наказывалъ дьякъ, и его самого посадить въ келью, которую и зажигаютъ. На другой день, когда царь пришелъ освѣдомиться о немъ,

Одъ телле ништо до пепела,
Насредь нега самоуче дяче,
У руку му книге салтиери,
Те се моли Богу по закону.

Тогда царь приказываетъ тотчасъ-же соорудить другую келью и въ ней подвергаетъ самъ себя тому-же испытанію. Дьякъ, пришедшій навѣстить его на другое утро, ничего не находитъ въ пеплѣ — кромѣ правой руки царской:

Нѣмъ е млога добра учинио,
Млоге гладне есте рананно,
А жедне е царе напоно,
Годе-босе есте предео,
Надгледао ништа и убога:
За то му се посветила рука.

Сообщенную нами сербскую пѣснь нельзя отдѣлять отъ приведенныхъ выше болгарскихъ: всѣ они сходятся въ типѣ царя-преслѣдователя, который въ двухъ случаяхъ названъ Констан-

тиномъ, тогда какъ въ предъидущей группѣ сказаній (старо-французское и сербское) это — имя юноши, гонимаго царемъ. Связь между схемами той и другой группы очевидна; отличія едва-ли могутъ быть объяснены однимъ виѣшнимъ перемѣщеніемъ именъ. Легенда о чудесно-рожденномъ мальчикѣ, смѣняющемъ стараго царя-язычника, могла привязаться первоначально къ памяти Константина Великаго; въ сложившемся такимъ образомъ сказаніи Константинъ могъ явиться впоследствии въ роли своего противника — подѣ влияніемъ другихъ историческихъ воспоминаній. Я имѣю въ виду Константина Копронима, иконоборца, отвергавшаго вмѣстѣ съ иконами и предстательство святыхъ, и поклоненіе мощамъ, и названіе Маріи Богородицей. Константинопольскій иконоборческій соборъ 754 года рѣшилъ «не по Божьему закону, а царю въ угоду», какъ владыки и патріархи и калугеры пѣсни у Караджича; по Божьему закону говоритъ лишь дьякъ-самоучка, за что и принужденъ пострадать, какъ страдали въ то время другіе историческіе подвижники или только сторонники православія. — Одною изъ нихъ, патрикія Вастангія, царь велѣлъ усѣчь; *μετὰ δὲ λ' ἔτη ὁ μνησίκακος καὶ ἀσπλαγγυος βασιλεὺς προσέταξεν ἀπελθεῖν τὴν αὐτοῦ γυναῖκα ἐν τῇ μονῇ τῆς Χώρας, ἐκεῖσε γὰρ ἦν ταφεῖς, καὶ ἀνασκάψαι αὐτοῦ τὰ ὀστέα καὶ ἐν τῷ ἰδίῳ παλλίῳ βαστάσαι καὶ εἰς τὰ λεγόμενα Πελαγίου μνήματα μετὰ τῶν βιοθανάτων ρίψαι*¹⁾ — какъ въ пѣснѣ у Качановскаго № 113 Константинъ велитъ отнести матери кости ея замореннаго ребенка. — Съ православной точки зрѣнія необычайныя явленія въ небѣ и природѣ, кометы и бездождица, страшный холодъ и землетрясенія должны были явиться знаменіемъ грядущей кары за нечестіе людей. Говорили, что въ Месопотаміи земля разсѣлась на двѣ мили и обнаружила другую бѣлую и песчаную землю, изъ середины-же пропасти вышелъ лошакъ, провѣщавшій человѣческимъ голосомъ нашествіе иноплеменниковъ²⁾. — Чудесное рожденіе ребенка

¹⁾ Theophanis Chronographia ed. de Boor, v. I, стр. 420.

²⁾ ib. p. 426.

безъ отца въ болгарской пѣснѣ могла быть понято, какъ такое-же знаменіе императору, говорившему патриарху: *μη λογιση υιον θεου εῑναῑ ο̄ν̄ ε̄τεκε Μαριᾱ, τον̄ λεγομενον̄ Χριστον̄, εῑ μη̄ φιλον̄ αν̄θρωπον̄· η̄ γαρ̄ Μαριᾱ αῡτον̄ ε̄τεκεν̄, ως̄ ε̄τεκεν̄ ε̄με̄ η̄ μη̄τηρ Μαριᾱ* ¹⁾. — Въ этомъ мистическомъ освѣщеніи могли представиться и голодъ, объявившійся въ Константинополѣ, занятомъ Артаваздомъ, и страшная чума 747—8 годовъ. «*Εγένετο δὲ λιμός ἰσχυρὰ ἐν τῇ πόλει, ὥστε πρᾶθῆναι τὸν μόδιον τῆς κριθῆς νομισμάτων ἰβ', τοῦ δὲ ὀσπρίου ἰθ', τοῦ δὲ κέγγρου καὶ τοῦ λουπίνου νομισμάτων ἦ', τὸ δὲ ἔλαιον εἴ λιτραὶ τοῦ νομίσματος, καὶ ὁ ξέστης τοῦ οἴνου σημισίον*» ²⁾. Такимъ-же реальнымъ описаніемъ голода («*Κυτο̄ жито̄ педесѣ̄ грошеве̄, Ока̄ просо̄ двана̄εσε̄ гроша̄*») открывается и болгарская пѣсня, переходящая за тѣмъ къ описанію страшнаго мора, унесшаго между прочимъ, и девять дѣтей Тодоры (Качановскій I. с. № 113). Θεοφαν̄ ³⁾ считаетъ чуму (*νόσος τοῦ βουβώνος*), посѣтившую Византию при Константίνѣ Κοροπυμ̄, наказаніемъ Божиимъ: *ἤρξατο δὲ αἴφνης ἀοράτως γίνεσθαι ἐν τε τοῖς τῶν ἀνθρώπων ἱματίοις καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν ἱερά εὐδύματα (καὶ εἰς τὰ βῆλα) σταυρία ἐλαιώδη πλείστα. Ἐγένετο οὖν ἐντεῦθεν τοῖς ἀνθρώποις λύπη καὶ ἀθυμία πολλή τῇ τοῦ τοιοῦτου σημείου ἀπορία· κατέλαβε δὲ καὶ θεομηνία ἀφειδῶς ὀλοθρεύουσα οὐ μόνον τοὺς ἐν τῇ πόλει, ἀλλὰ καὶ τοὺς ἐν πάσῃ τῇ περιχώρῳ αὐτῆς. ἐγένοντο δὲ καὶ φαντασίαι εἰς πολλοὺς τῶν ἀνθρώπων, καὶ ἐν ἐκστάσει γενόμενοι ἐνόμιζον ξένοις τισίν, ὡς ἐδόκουν, καὶ βριαροῖς προσώποις συνοδεύειν, καὶ τοὺς ἀπαντῶντας αὐτοῖς ὡς δῆθεν φίλους προσαγορεύοντας καὶ διαλεγομένους. σημειούμενοι δὲ τὰ παρ' αὐτῶν λαλούμενα ἔσχατον ἐξηγοῦντο. ἐώρων δὲ τοὺς αὐτοὺς καὶ εἰς οἴκους εἰσερχομένους, καὶ τοὺς μὲν τοῦ οἴκου ἀναιροῦντας, τοὺς δὲ ζίφει τιτρώσκοντας.* — Лѣтомъ болѣзнь развилась съ страшной силой: цѣлыя деревни опустѣли, не хватало ни рукъ, ни мѣста для погребенія мертвыхъ, которыхъ бросали въ высохшія цѣ-

¹⁾ ib. p. 415.

²⁾ I. с. p. 419.

³⁾ I. с. p. 423—4.

стерны, зарывали въ садахъ и виноградникахъ — какъ Тодора своего сына Димитрія ¹⁾).

Смерть Константина представлялась смертью отступника ²⁾: онъ ополчился на Болгаръ, και δεινῶς κατὰ τῶν σκελῶν θεηλάτῳ πληγῇ ἀνδρακωθεῖς χάντεῦθεν πυρετῶ σφοδρῶτάτῳ και ἰατροῖς ἀγνώστῳ δι' ὑπερβάλλουσαν ἔκχαυσιν συσχεθεῖς κατὰ τὴν Ἀρκαδιούπολιν ὑπέστρεψεν. Будучи доведенъ до Силимврія и водой до крѣпости Стронгила, θνήσκει βοῶν και λέγων, ὅτι ζῶν ἔτι πυρὶ ἀσβέστῳ παρεδόθην, τὴν τε ἀγίαν Παρθένον και Θεοτόκον ὑμνεῖσθαι ἐξαίτων ὁ ἄσπονδος αὐτῆς ἐχθρὸς. — Переданный реальными красками народной поэзіи этотъ разсказъ о смерти Конпронима легко могъ очутиться въ сербской пѣснѣ эпизодомъ — *о его сожженіи за-живо*. Если говорится, что отъ сожженія сохранилась лишь десница царя, за то, что творила милостыню, то это, быть можетъ, такая же попытка частной реабилитации, какъ въ разсказѣ «о загробномъ прощеніи Теофила»: будто-бы по просьбѣ императрицы Теодоры патріархъ написалъ имена всѣхъ еретиковъ, въ ихъ числѣ и ея покойнаго мужа, и положилъ запись на трапезѣ въ великой церкви,

1) Политъ, Αὶ ἀσθένεται κατὰ τοὺς μύθους τοῦ ἑλληνικοῦ λαοῦ, характеризуюн средневѣковыя и новогреческія народныя представленія о болѣзняхъ, приводятъ, въ сравненіе съ разсказомъ Теофана, и повѣствованіе Прокопіа о чумѣ въ Византіи при Юстиніанѣ (Procor. Hist. ed. Bonn., p. 251): φάσματα δαιμόνων πολλοῖς ἐς πᾶσαν ἀνθρώπων ἰδέαν ὤφθη, ὅσοι τε αὐτῆς παραπίπτοισιν, παύσθαι φόντο πρὸς τοῦ ἐντυχόντος ἀνδρός, ὅπη παρατύχοι τοῦ σώματος, ἅμα τε τὸ φάσμα ἐώρων και τῆ νόσφ αὐτίκα ἤλίσκοντο. — Многие отъ страха запирались въ домахъ, но это не помогало: τισὶ δὲ οὐχ' οὕτως ὁ λοιμὸς ἐπέσκηψεν, ἀλλ' ὄψιν ονείρου ἰδόντες ταῦτο τοῦτο πρὸς τοῦ ἐπιστάντος πάσχειν ἐδόκουν, ἢ λόγου ἀκούειν προλέγοντος σφίσιν ὅτι δὴ ἐς τῶν τεθνηζομένων τὸν ἀριθμὸν ἀνάγραπτοι εἶεν (Πολίτης I. с. p. 24—5). — Сравн. разсказъ русской лѣтописи (П. С. Р. Л. I, 92) о моровой язвѣ, бывшей въ 1092 году въ Полоцкѣ: «спредивно бытъ Полоцкскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ ноци тутънъ стаяше по улици, яко человекъи рищюще бѣси; аще кто вылѣзаше изъ хоромны, хотя видѣти, абе уязвленъ быше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху и не смѣху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне являтиси на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотьскыя и ихъ область; тѣмъ и человекъи гааголаху: яко навье быють Полочаны».

²⁾ Theophanes I. с. p. 448.

и по молитвѣ святителей имя Θεофила было изглажено изъ списка ¹⁾).

Ламврѣ ²⁾ даетъ особое значеніе эпохѣ иконоборцевъ въ развитіи византійской поэзіи: она не только ввела въ литературный обиходъ народный языкъ, но и опредѣлила измѣненіе литературныхъ вкусовъ: духовная поэзія слабѣетъ, нѣтъ болѣе великихъ гимнографовъ, наоборотъ, замѣчается большее расположеніе къ сюжетамъ свѣтскаго содержанія. — Я не знаю, на сколько эта характеристика вѣрна и предполагаетъ-ли она ослабленіе религіозныхъ интересовъ въ народѣ и народной пѣснѣ подъ отрицательнымъ вліяніемъ иконоборческихъ идей. Съ другой стороны я не утверждаю, чтобы болгаро-сербскія пѣсни о Константинѣ — если я вѣрно истолковалъ ихъ историческія отношенія ³⁾ — были прямымъ отраженіемъ народныхъ памятей о его церковной дѣятельности; онѣ могли сложиться на основаніи какого-нибудь писаннаго, полукнижнаго преданія, но преданія, явившагося по слѣдамъ совершившихся фактовъ и на основаніи оцѣнки, близкой къ нимъ по времени.

Присоедините къ двумъ Константинамъ (Великому и Копрониту), отразившимся въ южно-славянскихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, еще и послѣдняго императора того-же имени, котораго слѣдуетъ

¹⁾ А. Поповъ, Хронографы I, 88.

²⁾ Lambros, Collection de romans grecs etc. Introd. p. V—VII.

³⁾ Пр. Дриновъ (Arch. f. slav. Phil. VII, стр. 112) иначе понимаетъ историческія отношенія болгарскихъ сказаній и пѣсней о Константинѣ, разобравъ ихъ въ этой и предъидущей главѣ (у Качановскаго №№ 113—117): онъ указываетъ на Костадина-бега, владѣнія котораго въ сѣверной Македоніи еще въ XV в. назывались: земля Костадина (о немъ см. К. Иречекъ, Исторія Болгаръ, пер. Бруна и Палаузова, стр. 432, 435, 446 и 458). Пріуроченіе къ этому Константину въ нѣкоторыхъ случаяхъ несомнѣнно (напр. въ сказаніи о Кюстендилѣ, у Качановскаго, № 115), для большинства оно представляется мнѣ невѣроятнымъ. — Отметимъ здѣсь, кстати, еще одну константиновскую легенду, сообщенную Сырку (Замѣтки о сочиненіи отца Антонина: Поѣздка въ Румелию, Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, стр. 24 отдѣльнаго оттиска): царь Константинъ въ Никюпѣ (Nicomolis ad Haemum) осаждеиъ Турками, которымъ старуха-христіанка указываетъ, какъ взять городъ, отрѣзавъ отъ него воду.

разумѣть въ легендахъ и пѣсняхъ о паденіи болгарскаго, т. е. византійскаго царства (см. предыдущую главу) — и мы поймемъ причину эпической популярности этого имени и ея необходимое слѣдствіе: обращеніе историческаго имени въ эпонимъ. Какъ о греческихъ былинахъ можно сказать, что не всякій Никифоръ, въ нихъ воспѣтый, есть непременно Никифоръ Фока, такъ и Константины славяно-русской народной поэзіи не вездѣ историческія лица. Въ одной сербской пѣснѣ Марко Краевичъ женится на дочери Константинопольскаго царя, спасенной имъ отъ насильственнаго брака съ Арапиномъ, — и этотъ царь названъ Константиномъ. Въ соотвѣтствующемъ болгарскомъ пересказѣ (у Качановскаго, № 124) къ Константину присоединена и «Елена царица»: Марко приводитъ къ нимъ ихъ дочь, имъ освобожденную, но отказывается отъ предложеннаго брака:

Я си имамъ любе за воденъе,
 Я избавилъ твое мило чедо,
 Твое чедо, па и мое.

Въ болгарской-же пѣснѣ у Миладиновыхъ № 105 Момчило любитъ сестру царя Константина отъ «Стамбула града». — На этой точкѣ зрѣнія стоятъ русскія былины: ихъ Константинъ и Елена — типическіе представители Византіи, безъ опредѣленнаго отношенія къ извѣстнымъ историческимъ личностямъ. Эпонимія могла быть дана памятью о Константинѣ Великомъ и матери его *Еленѣ*, но, можетъ быть, и именами Константина Порфирогенита и жены его *Елены*: русскій эпосъ знаетъ *Елену Александровну* или *Азвяковну женой* своего Константина, а историческое преданіе позволяетъ предположить, что христіанское имя Елены было принято въ крещеніи Ольгой именно въ честь супруги Константина Порфиророднаго. — Для до-Владимировской исторіи русскаго эпоса этотъ фактъ не лишенъ значенія.

IX.

Бой Ильи Муромца съ сыномъ.

Сюжетъ о враждебной встрѣчи отца-богатыря съ неузнаннымъ имъ сыномъ ¹⁾ не разъ встрѣчается въ русскомъ эпосѣ (сл. пѣсни о Саулѣ Леванидовичѣ и Михаилѣ Игнатьевичѣ), но лишь при имени Ильи онъ является разработаннымъ въ надлежащей эпической полнотѣ, въ циклѣ пѣсень, которыя тѣмъ интереснѣе изучить, чѣмъ труднѣе приурочить ихъ къ пѣсенной биографіи Ильи въ дошедшемъ до насъ ея составѣ. Гдѣ имъ мѣсто? Въ ея срединѣ, или же въ ея концѣ? Для меня этотъ вопросъ предполагаетъ другой: принадлежалъ-ли весь этотъ эпизодъ къ древнему составу пѣсень объ Ильѣ, или введенъ въ него позднѣе? — Я думаю разобрать ихъ содержаніе, распредѣливъ ихъ по нѣсколькимъ внѣшнимъ группамъ, которыя обозначу, разумѣется, приблизительно, ихъ отличительными признаками ²⁾.

¹⁾ Къ библиографіи этого мотива, кромѣ помѣченнаго выше, стр. 27, прим. 1, сл. еще: Fr. Hubad, *Nemška pesen o Hildebrandu in njene sestre slovanke* (изъ Kres'a, 1882 г., р. 630—38); Krek, *Razne malenkosti* (изъ Kres'a, 1883 г., р. 18—25); *Hist. littér. de la France*, XXII, 539; *Ausg. u. Abhandl. aus dem Gebiete der roman. Philologie*, III, 105; Rajna, *Le Origini dell'eroica francese*, р. 414.

²⁾ Отрывочные, видимо испорченные пересказы, напр. у К и р. I, №№ 1—3, стр. 1—5, будутъ приняты въ соображеніе лишь условно: въ №№ 1—2 рассказъ о боѣ непосредственно примыкаетъ къ тридцатилѣтнему сидѣнію Ильи; во всѣхъ 3-хъ №№ врагъ названъ: Татарченкомъ, Татарченкомъ басурманченкомъ.

I.

I. Богатырская застава. — Сафать рѣка. — Горышка, Горычанна, Латыгорна и др. Кир. I, № 5, стр. 7—10:

У Синяго моря на заставѣ

Стояли тутъ пять богатырей:
 Первой — *Илья Муромецъ*,
 Второй — Коляванъ сынъ Ивановичъ,
 Третий — Самсонъ Васильевичъ,
 Четвертый — *Добрыня Никитичъ младъ*,
 А пятый — *Алѣша Поповичъ*.
 Не пропускали они ни коннаго,
 Ни коннаго и ни пѣшаго,
 Ни царскаго, ни боярскаго,
 Ни звѣря рыскачаго,
 Ни птицы летучей.

.....

На зарѣ то было, зарѣ утренней,
 На разсвѣтичѣ свѣту бѣлаго,
 На восходѣ-то солнца яснаго,
 Отъ сна Илья пробуждается.
 Выходилъ Илья изъ бѣла шатра,
 Пошолъ Илья на Днѣпръ-рѣку,
 На Днѣпръ-рѣку умыватися,
 А самъ смотритъ во чисто поле.
 Завидѣлъ онъ добра мѡлодца,
 Подъ мѡлодцомъ конь какъ-бы лютый звѣрь,
 На конѣ мѡлодецъ, какъ ясенъ соколъ,
 Хороша управа мѡлодецкая,
 Хороши доспѣхи богатырскіе:
 По праву руку летитъ ясенъ соколъ,
 Въ рукахъ держитъ мѡлодецъ третра-перо,
 Сѣвѡзъ пера не видно лица бѣлаго.
 Не могъ признать Илья добра мѡлодца.

Онъ приглашаетъ богатырей перевѣдаться съ тѣмъ мѡлодцемъ, коли онъ невѣрный, побрататься, если русскій. Вызывается ѣхать Алѣша; «я, братцы, поудалѣе всѣхъ», говоритъ онъ о себѣ,

но прїѣзжій богатырь такъ отдѣлалъ его шелепугой подорожною, что «ѣдетъ Алѣша пьянъ, шатается». Тогда самъ Илья пускается въ погоню за добрымъ молодцемъ, и происходитъ бой отца съ сыномъ, который въ этомъ пересказѣ названъ Бориской = бѣль Борисъ Козловъ въ одномъ отрывкѣ у Кир. I, № 4, стр. 6—7; Збуть Борисъ Королевичъ младъ ib., № 6, стр. 11—15. — Мать его не названа; когда Илья

Металъ его выше дерева стоячаго,
 Ниже облака ходячаго,
 Подхватывалъ его на руки,
 Тутъ то Бориско приужахнулся,
 Говорилъ онъ таковы слова:
 Ты охота, охота молодецкая!
 Полетай-ко, охота, въ моей матушѣ!

(обращеніе къ соколу, неумѣстное именно въ этомъ эпизодѣ былины). — Двѣпръ-рѣка, на которой происходитъ дѣйствіе, замѣнена въ иныхъ пересказахъ *Сафатъ*-рѣкой. Такъ у Рыбн. I, № 13: Сахатаръ, Кир. I, № 6, стр. 11—15 (второй группы): Сафатъ; 1. с. № 2, стр. 3: Салфа-рѣка, № 3, стр. 4: Софа-рѣка; Гильф. № 114 (третьей группы): Евфратъ-рѣка.

Рыбн. I, № 13 открывается описаніемъ такой-же богатырской заставы на Сахатаръ-рѣкѣ (стихъ 200); богатыри: Илья, Добрыня, Михайло Потыкъ, семь братьевъ Грядовичевъ, Тома Долгопольй, мужики Залѣшане, Алѣша Поповичъ (см. стихъ 35). Проѣзжаетъ дородній добрый молодецъ «во двѣнадцать лѣтъ»; «молодецъ на конѣ сидитъ, какъ соколъ летитъ» поетъ пѣсня, забывшая, что въ начальномъ текстѣ упоминался еще и соколъ — на рукѣ, либо на плечѣ молодца. — Илья думаетъ, кого-бы за нимъ послать; Алѣша слишкомъ «зарывчатъ»; послалъ Добрыню, но отъ одного крика Сокольника-охотника Добрынинъ конь на колѣнки палъ,

И упалъ Добрыня съ добра коня,
 На сыру землю, въ ковыль траву,
 Лежалъ три часа за мертво.

Очнувшись, онъ ѣдетъ къ заставѣ, гдѣ оповѣщаетъ обо всемъ
Илью, который

И наѣхалъ богатыря у снѣга моря:
Ѣздитъ по тихимъ по заводямъ,
Стрѣляетъ голубей, лебедей, пернастыхъ утусекъ.
Закричалъ старій во всю голову:
«Что-же ты, Сокольникъ-охотничекъ,
На нашу заставу не приворачиваешь?».

Далѣе Илья вѣдается съ Сокольникомъ, мать котораго названа «бабой Латымиркой». — Тѣ-же имена (Сокольникъ, Владымерка; рѣки нѣтъ), ту же богатырскую заставу въ началѣ (Илья, Добрыня, Алѣша, Чурила, Михайло Долгомѣровичъ, два брата Агрикановы) и, въ сущности, то-же развитіе представляетъ Рыбн. II, № 64.

Кир. IV, № 3, стр. 12—18: заставка за Кіевомъ; на зарѣ, выйдя изъ шатра, Илья видитъ паленицу удаю:

Ѣдетъ молодецъ на добромъ конѣ,
На правомъ плечѣ везетъ ясна сокола,
На лѣвомъ плечѣ везетъ бѣла кречета,
У стремени прикована змѣя Горыньская.

Кого послать за нимъ? спрашиваетъ Илья: не годятся ни Алѣша, ни Дунай — и онъ посылаетъ Добрыню, который рассказываетъ, вернувшись:

Ѣздитъ паленица по чисту полю,
Потѣшается потѣхой дворянскою,
Мечетъ копьѣ подъ высоту небесную,
На конѣ подѣзжаетъ, самъ подхватываетъ,
Самъ копьѣ наговариваетъ:
«Копьѣ легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ!»

Изъ отвѣта Илья Добрынѣ (Ой ты гой еси, Алѣша Поповичъ младъ! Не твоя чаша, не тебѣ и пить!) несомнѣнно для меня, что въ первообразѣ былины выѣзжалъ противъ паленицы

и Алёша (сл. выше, Кир. I, № 5, стр. 7—10; Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12). Далѣ самъ Илья бьется съ сыномъ, Сокольникомъ; мать его названа бабой Латыгоркой — и Амелёй Тимофеевной.

Пѣсня у Кир. I, № 2, стр. 52—56 говоритъ о заставѣ (Илья, Дунай, Добрыня, Алёша, Ванька Долгополистый) и проѣздѣ Сокольщичка-нахвальщичка, который оказывается впослѣдствіи сыномъ молодой вдовы Омельфы Тимофеевны. Противъ него не посылаютъ ни Ваньку, ни Алёшу, ни Добрыню — а Дуная, который, однако, не осмѣлился сѣхаться съ богатыремъ, противъ котораго выѣзжаетъ Илья.

У Кир. I, № 1, стр. 46—52 забыты родственныя отношенія паленицы «нахвальщика» къ Ильѣ и начало пѣсни нѣсколько спутано. Начинается она заставой (Илья, Добрыня, Алёша, Гришка Боярскій сынъ, Васька Долгополище); Илья не рѣшается выслать противъ богатыря ни Ваську, ни Гришку, ни Алёшу, а снаряжаетъ Добрыню, который убоялся нахвальщика; Илья вѣдается съ нимъ самъ и тутъ-же убиваетъ его; весь эпизодъ о матери опущенъ. — Замѣтимъ, что та-же былина, въ той-же редакціи и почти томъ-же пересказѣ, помѣщена еще разъ въ сборникѣ Кир. IV, стр. 6—12, № 2.

Сильно подновленная былина у Кир. VII, Приложенія, стр. 1—7, № I, одна изъ немногихъ, замѣнившихъ трагическую развязку боя благополучнымъ, также открывается описаніемъ заставы, за Днѣпромъ: Илья, Алёша, *Лука да Матвей, дѣти боярскіе*; Добрыни нѣтъ въ перечнѣ, онъ названъ позже, когда Илья посылаетъ его противъ богатыря, являющагося съ палицей на правомъ плечѣ (вм. сокола), кречетомъ на другомъ, выжлоками при стремени («по стременью бѣгутъ сѣры выжлоки»). Встрѣтившись съ Ильей онъ говоритъ: «Полеги, бѣлъ кречеть, во чисто поле, — Побѣгите, сѣры выжлоки, во темны лѣса, — Мнѣ теперь не до васъ пришло». Слич. Кир. I, № 5, стр. 7—10: паленица говоритъ соколу: *Полетай-но, охота*, къ моей матушкѣ; Кир. I, № 6, стр. 11—15: *Полети ты, соколъ*, на сине море.

Я полагаю вѣроятнымъ, что кичливыя, но едва-ли умѣстныя слова паленицы къ Добрынѣ: «Отлейся ты, какъ вода вешняя, Отѣзжай, мужикъ - деревенщина, *Отлети, ворона перелетная*» — бессмысленное искаженіе предъидущихъ, ставшихъ непонятными. — Въ началѣ былины обратимъ вниманіе на стихи, встрѣтившіеся намъ у Кир. I, № 5, стр. 7—10:

На зарѣ-то было, на утренней,
Выходилъ Илья Муромецъ изъ бѣла шатра
.....
Изъ быстра Днѣпра умывается.

Къ восстановленію этой былины служитъ отчасти № 265 Гильф. (Святогоръ), также открывающійся заставой: Илья, Добрыня, Алѣша, Полѣшанинъ, Долгополянннъ, братья *Лука и Моисей, дѣти боярскіе*. Проѣздъ богатыря, выѣздъ Добрыни и бой Илья; богатырь говоритъ выжлоку (жижлець), который «выскочилъ съ подъ стремена»:

Поди, жижлець, да на свою волю,
Лови, жижлець, да осетра́-рыбу (sic!)
.....
Подети, соколь, да на свою волю.

Илья садится врагу на бѣлы груди и спрашиваетъ его: онъ называетъ себя Золотничаниномъ, крестнымъ сыномъ Илья. Полно ѣздить тебѣ по чисту полю, говоритъ онъ, пора тебѣ «душа спасти». Илья отпускаетъ его, ѣдетъ дальше и встрѣчается — съ Святогоромъ. Мы имѣемъ дѣло съ сводной былиной, но встрѣча съ *Святогоромъ*, очевидно, замѣнила другую: въ былинахъ слѣдующей группы Илья, послѣ боя съ сыномъ, Золотничаниномъ, принужденъ биться съ его матерью, паленицей *Горычанкой = Латыгоркой*.

Алѣша *Дородовичъ* у Гильф. № 250, какъ имя Ильина сына, вѣроятно, отвлеченъ отъ «*дородняго*» молодца другихъ пересказовъ. Былина начинается заставой «на дорожки латынскіе»: Илья, Микита Романовичъ, Олѣша Поповичѣвъ; Илья не рѣшается

послать послѣдняго за «невѣжей», потому что «поповскіе роды задумчивы»; ѣдетъ Никита (племянникъ Ильи!) съ извѣстнымъ намъ результатомъ; бьется съ проѣзжимъ богатыремъ Илья; на вопросъ Ильи онъ отвѣчаетъ:

Я той орды, да я и той земли
Тово отца да товò матери,
Тово урожденія великаго,
Зовуть меня Алѣша Дорóдовичъ.

Богатыри цѣлуются, «назвались они братьями крестовыми», — потому что древнія отношенія забыты, равно какъ и образъ сокола и выжлеца.

Въ слѣдующей группѣ былинъ о боѣ мотивъ заставы встрѣчается рѣже (Сафать рѣка лишь въ одномъ пересказѣ), появляется новое имя для матери и выступаетъ съ большимъ значеніемъ Добрыня. Я рѣшаюсь обозначить её такъ:

II. Выѣздъ Ильи и Добрыни. — (Вѣщанье ворона?). — Северьянична.

Рыбн. III, № 14: Илья и Добрыня выѣзжаютъ изъ Кіева на Фаворь-гору, раскинули шатры и здѣсь опочивъ держать. До свѣту пробуждается Илья,

Самъ говорить таково слово:
Вставай, молодецъ, Добрынюшка Никитиничъ!
У насъ что надъ шатромъ сотворилося:
Налетала надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черной воронъ,
Черной воронъ, самъ прокыриваль,
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.
Выходи-ко, Добрыня, изъ бѣла шатра
И погляди по дорогѣ прямо-ѣзжія,
Не проѣхала-ли паленица удалая,
Не подходитъ-ли поды коней лютый звѣрь?

Добрыня приноситъ вѣсть о проѣздѣ богатыря:

Его храбра поѣздка молодецкая,
Исконны у коня метано

По цѣлой овчины по барановой,
 У коня изо рта пламя пышетъ,
 Изъ ушей у коня кудревь дымъ валить;
 Изъ подъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
 У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ;
 Ъдитъ молодець, самъ тѣшится,
 Шибаецъ палицу подъ облака,
 Назадъ онъ её подхватываетъ.

Илья предлагаетъ Добрынь перевѣдаться съ богатыремъ, но тотъ не хочетъ:

Я не смѣю ѣхать за богатыремъ,
 Что его храбра поѣздка молодецкая.

Когда такъ, то поѣзжай въ Кіевъ къ молодой женѣ, да къ матери, я обойдусь и безъ товарищей, говоритъ Илья и, пустившись въ погоню за паленицей, вступаетъ съ нимъ въ бой. — Мать молодого богатыря названа «дѣвкой Сиверьяничной», самъ онъ — Васькой; позднѣе Сиверьянична говоритъ сыну объ Ильѣ: «Онъ меня въ полѣ побилъ — Со мною грѣхъ творилъ, — Съ того я тебя и прижила». — Тѣ-же имена встрѣчаются въ № 219 Гильф. (Фаворъ, Василей, Сиверьянична), тождественномъ съ приведеннымъ Рыбниковскимъ (что, однако, не помѣчено въ изданіи онежскихъ былинъ) и записанномъ отъ того-же лица. Недостаецъ лишь подробностей о соколѣ и выжлецѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ №№ 226 и 233 Гильф., существенно сходныхъ съ № 219, представляющихъ одну съ нимъ редакцію. Дѣйствующія лица: Илья и Добрыня; мѣсто дѣйствія: Фаворъ гора (№ 226), либо чисто поле (№ 233); то-же вѣщанье ворона; Сиверьянична; «я изъ западныхъ странъ, изъ золотой орды, — Я Петре царевичъ Золотничанинъ», говоритъ о себѣ богатырь въ № 226 = № 233: Я есть *сиверной* страны (сл. *Сиверьяничну*) да золотой орды. — Тамъ и здѣсь соколъ и выжлецъ (кобель въ № 233) въ описаніи паленицы, особенно развитомъ въ № 226:

А конь подъ богатыремъ какъ лютой звѣрь,
 Скокѣ-ты онъ скаче по цѣлой версты,

Слѣдки-ты какъ доброй конь вымѣтывать
 По цѣлой овчины по барановой,
 Изо рта у добра коня пламя махѣ,
 Изъ ноздрей у коня да искры сыплются,
 Изъ ушей у коня да кудревь¹⁾ дымъ стаѣтъ.
 У богатыря шишаекъ на головы-де какъ огонь горитъ,
 А узда у коня да какъ лучи пекутъ,
 Отъ стремену его да звѣзды сыплются,
 Отъ сѣдла у него-де какъ зоря стаѣтъ,
 Зоря стаѣтъ да ровно утренна.
 У лѣва стремена борзой кобель проскакивать,
 На правомъ стремени сидѣтъ-то младъ сизой орѣлъ,
 Поѣ орѣлъ да всё насвистывать,
 Улещать, спотѣшаетъ опъ богатыря,
 А съ плеча съ плеча ясенъ соколъ да перелѣтывать,
 Да изъ уха въ ухо да вѣсти перенашивать.
 Сидитъ богатырь на добромъ конѣ, самъ тѣшитя,
 Шибаетъ палочку подъ облака,
 А назадъ-то палка опускается,
 Опъ на бѣлые руки подфатаючи,
 До сырой земли не допускаючи.

Образъ сокольника-охотника ясно виденъ подъ этимъ замысловатымъ шаржемъ: и соколъ и кобель у стремени явились въ началѣ атрибутомъ охотника, ѣздящаго по заводямъ съ «охотой молодецкой» (змѣя горынская вм. выжлеца у Кир. IV, № 3, стр. 12—18 — нелѣпная амплификація); эпитетъ «Сокольника» утвердился за нимъ почти какъ имя собственное, которое колеблется по пересказамъ, иногда исчезая вовсе. Замѣтимъ постоянство имени Северьяничны у Рыбн. III, № 14 и Гильф. №№ 219, 226, 233 и еще 246, который, по началу, можно-бы отнести къ предыдущей группѣ: былина открывается *заставой*:

Изъ Воинца города Галича,
 На ту на дорожку латынскую,
 На ту на заставу богатырскую
 Выѣжало три сильныхъ могучихъ богатыря:

¹⁾ Въ текстѣ: «да въ кудряхъ»; сл. Гильф. №№ 219 и 233.

Первой богатырь Илья Муромецъ,
А второй Добрыня Микитьевичъ,
А третей Мивята Романовичъ.

Мы ожидали-бы, согласно съ первой группой, Алёшу; имя Никиты, встрѣтившееся намъ въ одной былинѣ той-же группы (Гильф. № 250), случайное, какъ случайна его роль въ пѣснѣ: посланный Ильею развѣдать о проѣзжемъ богатырѣ, Добрыня «поустрашился»; тогда Илья шлетъ съ тѣмъ-же порученіемъ Никиту (вспомнимъ Никиту Романовича, отца Добрыни по нѣкоторымъ пѣснямъ), и когда «поустрашился» и онъ, ѣдетъ самъ: «видно некому мнѣ замѣнитися». Проѣзжій богатырь названъ: «по прозванью-то славно Аполонище»; мать Сиверьянична. Откуда взялось первое, во всякомъ случаѣ, необычное имя? Въ одной русской сказкѣ (Худяковъ, Великорусскія сказки I, № 35) выходитъ въ роли Соломона русскихъ повѣстей — какой-то Аполонъ воръ.

Нѣкоторые пересказы развиваютъ особымъ эпизодомъ роль Добрыни въ эпизодѣ о боѣ.

Кир. I, № 6, стр. 11—15: заставы нѣтъ, изъ Кіева выѣзжаютъ Илья и Добрыня, но выѣзжаютъ на Сафать-рѣку, встрѣчавшуюся намъ въ предъидущей пѣсенной группѣ. Добрыню Илья посылаетъ «за горы высокія», гдѣ онъ дерется «съ бабой Горынинкой», тогда какъ Илья ѣдетъ берегомъ и наѣзжаетъ по бродучему слѣду на богатыря, съ которымъ бьется. Имя его: Збуть Борисъ Королевичъ младъ; мать — жена (дочь?) короля Задонскаго (сл. стихъ 74: Я того короля Задонскаго): эпитетъ, вѣроятно, перенесенный изъ сказки о Бовѣ, гдѣ «Задонскій» отвѣчаетъ итальянскому (soldano di) Sadonia. Встрѣтившись съ Ильей, королевичъ

отвязывалъ (съ)стремя вожья выжлока,
Со руки опускаетъ ясна сокола,
А самъ-ли то выжлоку навазываетъ:
«А тепере мнѣ не до тебя пришло,
А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,

И корми ты свою буйну голову».
 И ясну соколу онъ наказываетъ:
 «Полети ты, соколъ, на сине море
 И корми свою буйну голову,
 А мнѣ молодцу не до тебя пришло».

Бой Ильи съ сыномъ не досказанъ и единственно потому не кончается трагически, какъ въ другихъ былинахъ; пѣвецъ отвлекся другимъ эпизодомъ: отпустивъ Збута къ матери, Илья ѣдетъ искать брата названаго Добрыню, которому помогаетъ одолѣть бабу Горыничку. Изъ побывальщины у Рыбн. I, стр. 65 оказывается, что это — мать сына Ильи. Рассказывается, что Илья наѣхалъ когда-то на паленицу Авдотью Горыничанку и одолѣлъ её съ бою. Отъ него Авдотья понось понесла и родила сына Бориска, съ которымъ Илья встрѣчается позже, бьется и, поваливъ на землю, подъ кинжалищемъ заставляеть сказать, кто онъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, Бориска рѣшается отмстить за позоръ матери, сковалъ себѣ палицу въ триста пудъ и нагналъ стараго въ чистомъ полѣ. Илья спалъ, когда Бориска ударилъ его прямо въ грудь, да не могъ просѣчь чуднаго креста. Илья убилъ его, а самъ поѣхалъ къ Киеву; видитъ: мать дерется съ Добрыней, которому Илья помогаетъ такимъ-же совѣтомъ какъ у Кир. I, № 6, стр. 11—15¹⁾. — Эпизодъ о первой встрѣчѣ Ильи съ паленицей находится и въ одной былинѣ у Ефименка (Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Арханг. губерніи: Старина про Алѣшу Поповича, № VII, стр. 25 слѣд.), синкретической, какъ почти всѣ, помѣщенные въ его сборникѣ. Она до крайности спутана, но ея послѣдовательность легко возстановить по побывальщинѣ и отрывочной и искаженной былинѣ у Кир. I, № 3, стр. 4—6, гдѣ «походная красна дѣвица», съ которой Илья встрѣчается въ полѣ передъ боемъ съ Татарченкомъ —, несо-

¹⁾ См. подобный-же эпизодъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; такъ помогаетъ Илья и Ермаку противъ Бабищи Мамаишны, Кир. I, стр. 58—66.

мнѣнно, отвѣчаетъ Горыничкѣ или Горынчанкѣ разобранныхъ пересказовъ ¹⁾).

Илья бьется съ паленицей Златыгоркой, которая родитъ отъ него сына Подсокольничка; слѣдовалъ эпизодъ о заставѣ, на которой стояли Алѣша, Добрыня и Илья; другъ за другомъ они выѣзжали противъ Подсокольничка, который являлся съ своими обычными атрибутами сокола и кречета; былина кончалась боемъ отца съ сыномъ. — Эту послѣдовательность перепуталъ сказитель: онъ началъ пѣть о томъ, какъ Алѣша Поповичъ съ дружиною освободилъ Кіевъ отъ невѣрной силы, не призванъ, но по просьбѣ Ильи учествованъ Владимиромъ; имя Алѣши напомнило ему, хотя не кстати, ту редакцію пѣсни о боѣ Ильи съ сыномъ, гдѣ Алѣша является въ роли побѣжденнаго; но эту пѣснь онъ зналъ уже въ соединеніи съ эпизодомъ о матери, какъ она представляется въ Рыбниковской побывальщинѣ: я разумѣю ея первую встрѣчу съ Ильею. И вотъ онъ механически удержалъ имя Алѣши въ этомъ эпизодѣ, перенеся въ него черты боя съ Подсокольникомъ. Вслѣдствіи этого вторая половина былины получила такой видъ: богатыри стоятъ въ шатрахъ на рѣкѣ на Черниговкѣ, проѣзжаетъ паленица Златыгорка, «на лѣвомъ-то плечѣ у ней ясенъ соколъ, — На правомъ-то плечѣ у ней бѣлый кречетъ». Выѣзжаютъ противъ нея Алѣша, Добрыня, наконецъ Илья, который еѣ осилилъ. Она понесла отъ него отрока. Разставаясь съ нею Илья даетъ ей перстень и говорить:

Принесешь если ты дочь засѣну,
Отдай ей перстень въ приданое,
А если принесешь удача добра молодца,
Благослови его дорогимъ перстнемъ,

¹⁾ На вопросъ Ильи, кто она такая, она отвѣчаетъ, что «дочь гостиная, бѣжала отъ Алѣши Поповича, «отъ насмѣшника пересмѣшника». Еслибъ ты сказала мнѣ это раньше, «я бы снялъ съ Олѣши буйну голову», говоритъ Илья — и ѣдетъ далѣе на Софу-рѣку — на встрѣчу Татарченку. — Имя Алѣши подставилось здѣсь по смѣшенію, какъ наоборотъ у Кир. I, № 4, стр. 92—93, въ былинѣ о встрѣчѣ Алѣши съ сестрой, вмѣсто перваго названъ Илья.

Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
 А пошли его, наказывай:
 Если увидятъ онъ въ чистомъ полѣ стараго,
 Такъ не дошедши пусть поклонится.

Это напоминаетъ наставленія Саула Леванидовича женѣ въ другомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ отца съ сыномъ, и какъ тамъ (Кир. III, № 2, стр. 117) молодой Константинъ, такъ здѣсь Подсокольникъ растетъ богатыремъ: шести лѣтъ онъ началъ «на улицу похаживать, Стагъ съ ребятами поигрывать». Ребята были не «схватчивы», называли его «сколотышемъ». Онъ допытывается у матери, кто его отецъ; та показываетъ ему перстень, «а на злаченомъ перстнѣ имя, изотчина». Двѣнадцатилѣтній Подсокольникъ выѣзжаетъ въ чистое поле, и хотя мать наказывала ему поклониться «старому», коли его встрѣтитъ, онъ «все зло несетъ на батюшка», ѣдетъ прямо къ шатру Ильи, котораго будитъ, говоря, что явился къ нему «непріятель невѣрный». Слѣдуетъ бой съ Ильєю, который, признавъ сына, цѣлуетъ его и посылаетъ съ нимъ поклонъ матери. Сынъ возвращается, убиваетъ мать и снова ѣдетъ къ шатру Ильи, чтобы и съ нимъ покончить. Какъ почти вездѣ, былина кончается смертью молодого богатыря.

Я сомнѣваюсь, чтобъ убіеніе матери принадлежало къ древнимъ чертамъ пѣсни. Оно встрѣтилось мнѣ еще въ одномъ пересказѣ, записанномъ въ той-же мѣстности (Кир. I, № 2, стр. 52—56) и разсмотрѣнномъ мною выше въ группѣ «заставы»: побѣжденный Сокольникъ ѣдетъ къ матери, которая напоминаетъ ему свой наказъ при первомъ выѣздѣ въ чисто поле: не биться со старыми, да съ угрюмыми, да со стариками невеселыми, «а той-отъ старцишпо тобѣ родной отецъ!» (Сл. такой-же наказъ Амелфы Тимофеевны сыну у Кир. IV, № 3, стр. 12—18, стихи 156—160). Узнавъ, что онъ незаконнорожденный, сынокъ снесъ матери буйну голову, готовится и Илью разсѣчь на двое, но убить имъ.

III. Наѣздъ поединщика. Третью разновидность былины представляетъ пѣсня у Гильф. № 46 = Рыбц. I, № 14: подъ Кіевъ

пріѣзжаетъ изъ «за славна за синя моря» молодой Соловниковъ или Соловникъ, татаринъ, и вызываетъ поединщика. Противъ него снарядился Илья, и слѣдуетъ описаніе боя: Илья ударилъ противника въ голову своей палицей богатырскою, а тотъ сидитъ, «не стрѣхнется — Какъ жолтыи кудѣрки не сворохнутся». По второму удару Ильи — тотъ-же результатъ; раздумался богатырь:

Да это ужь мнѣ-ль не бѣда-ль пришла,
 А не бѣда-ль пришла, видно смерть пришла?
 — Какъ тутъ за тымъ еще Соловникомъ
 Рѣчьсть языкъ тутъ да мѣшается,
 А мозги въ головы потрясаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ теряется.
 Какъ говоритъ Соловникъ таково слово:
 «Да ай же вы да слуги мои вѣрныи,
 А ѣдте вы за славно за синѣ море
 А ко моей ко рѣдныи ко матушки,
 А ко тми ко матушки къ Натальюшки,
 А ѣдте вы не съ радостнымъ извѣстьицомъ:
 Не знаю я, какой то невѣжа есть,
 А наѣзжать изъ далеча ко мнѣ изъ чиста поля,
 А бьетъ то меня нушь въ буйну голову.
 А нуьчу у меня топерь у мѣлодца
 Рѣчьсть языкъ топерь мѣшается,
 Мозги въ головы потрясаются,
 А со ясныхъ очей еще видъ теряется.

Слуги ѣдутъ съ извѣстіемъ, но пѣсня забыла досказать этотъ эпизодъ, значеніе котораго выясняютъ другія былины. Когда Илья ударилъ Соловника по головѣ, и тотъ не сворохнулся, Илья предлагаетъ ему спѣшиться и «биться рукопашкою», повалить его на землю, сѣлгъ ему на бѣлую грудь, занесъ надъ нимъ ножище-кинжалище,

Тутъ рука въ плечи застоялася.

Илья начинаетъ допрашивать Соловника о родѣ-племеніи; тотъ отвѣчаетъ бранью, но на третій спросъ сказываетъ о себѣ и о матери (Натальюшкѣ):

Скочилъ тутъ Ильѣ на рѣзвѣ ноги,
 Здымаеть онъ за рученки за бѣлами:
 «Ахъ ты молодой младой Соловниковъ,
 Да ахъ же ты вѣдь сынъ мой любимини!
 Какъ полно е намъ биться ратиться,
 Лучше мы съ тобой поѣдимъ, попьемъ».
 Какъ сѣли тутъ оны, поѣли, попили, покушали,
 Бѣлыи лебѣдушки порушали.
 Какъ тутъ-то Ильюшенка спать да легъ.

Этимъ пользуется Соловникъ: пускаеть калену стрѣлу Ильѣ въ бѣлую грудь; золотой крестъ спасаетъ Илью отъ смерти; очнувшись, онъ хватается за ножъ, — «какъ тутъ рука въ плечи не застояласи» —, и разсѣкъ Соловника на четыре части.

Тотъ-же сюжетъ представляетъ былина Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12: объ Ильѣ и его дочери. Я не прочь предположить, что эта дочь выведена изъ сына въ такую пору эпоса, когда названіе паленицы уже не вызывало двойственного представленія пола. Ясно, во всякомъ случаѣ, что былина о дочери Ильи развилась изъ пѣсенъ о сынѣ и именно изъ вида Гильф. № 46 = Рыбн. № 14 въ комбинаціи съ типомъ I (застава): на *заставѣ* стоятъ двѣнадцать богатырей; проѣзжаетъ поляница. «Кому ѣхать намъ въ раздольице чисто поле?» спрашиваетъ Ильѣ. Вызывается Алеша, «да не смѣлъ онъ къ поляницѣ той подѣхати»; за нимъ Добрыня, но и онъ «поворотъ держалъ», и рассказываетъ Ильѣ:

Посмотрѣлъ на поляницу на удалю,
 Она ѣзди въ поли, сама тѣшится,
 На правои руки у ней-то соловей сидеть,
 На лѣвои руки да жавролѣночекъ.

(Замѣна сокола на рукѣ Сокольникча-охотничка).

Да не смѣлъ я къ поляницѣ той подѣхати
 И не могъ-то у ней силушки отвѣдати.
 Ена ѣдетъ-то ко городу ко Кіеву,
 Ена кличетъ выкликаеть поединщика.

Поединщикомъ является Илья и слѣдуетъ описаніе боя, коннаго и пѣшаго; Илья повалилъ паляницу, занесъ надъ нею руку («права ручушка въ плечи да остоялася»), и трижды спрашиваетъ её: «ты коёй земли да ты коёй Литвы». Подъ вліяніемъ этого вопроса, нерѣдкаго въ былинахъ, сложился отвѣтъ паляницы Рыбн. I, 12: Есть-то я изъ темной орды, хоробрѣй Литвы; Гильф. 77: изъ Тальянской либо Воглянской земли; она дочь «честной вдовы», и Илья признаетъ себя ея отцемъ. Тутъ они поразѣхались; Илья ложится спать въ бѣломъ шатрѣ, а паляница возвращается: не хочетъ спустить ему насмѣшки, что ея мать онъ назвалъ «блядкою», и соннаго бьетъ рогатиной по груди, которую защитилъ «крестъ на ворота». Былина кончается расправой Ильи съ паляницей.

Я присоединяю къ этой группѣ и Гильф. № 114 (указаніе что этотъ № = Рыбн. II, № 63, ошибочно), потому что и въ немъ содержаніе сводится къ поединку наѣзжаго богатыря Татарина (Сокольничка; его мать «Семигорка, баба да Владимирка») съ Ильею. Нѣтъ сомнѣнія, однакожъ, что въ оригиналѣ этой быliny находилась «застава», и въ числѣ сторожевыхъ богатырей могъ быть названъ Михайло Долгомѣровичъ, какъ у Рыбн. II, № 64; не оттого ли въ началѣ нашей пѣсни Сокольничекъ названъ «Татарской сынъ да по имени Михайло Долгомѣровичъ?» — Илья разрываетъ противника на части: одну ногу кинулъ «во Ефратъ рѣку», т. е., вѣроятно въ Сафатъ, какъ у Рыбн. I, № 13: «половину бросилъ въ Сахатаръ-рѣку».

Слѣдуетъ обратить вниманія на заключительныя сцены разсмотрѣнныхъ нами былинъ о боѣ. Во всѣхъ пересказахъ, за исключеніемъ Кир. I, № 6, стр. 11—15, гдѣ эпизодъ о боѣ не развитъ, и Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14, гдѣ онъ измѣнился подъ посторонними вліяніями, рассказъ о поединкѣ отца съ сыномъ является съ одними и тѣми-же подробностями, болѣе или менѣе полными. Борьба происходитъ сначала на коняхъ, напоминая своей эпической разработкой технику рыцарскаго турнира.

И съѣжалось два сильніе два могучи два богатыря,
 Будто двѣ сильніе горы вмѣсто скатилосе:
 Да и *палицами́* они ударились,
 Да и палки у ихъ-то поломалисе,
 Да и другъ-то друга-то не ранили;
 Да и тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да и *копьями* они ударились
 Да и копя въ кольцахъ-то погибалисе,
 Да другъ-то друга-то не ранили.
 Да и тутъ-же добры молодцы порозѣхались,
 Да и *саблями* они ударились,
 Да и сабли у ихъ же принималисе,
 Да и другъ-то друга-то не ранили

(Гильф. № 233; сл. ib. № 250).

Укажу на нѣсколько вариантовъ изъ другихъ пересказовъ:

Разѣхались на *копья* остры:
 У нихъ копя въ рукахъ погибалися,
 На черенья копя разсыпалися;
 Разѣхались на *палицы* боёвыя:
 У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
 По маковкамъ палицы отломпилися;
 Разѣхались на *сабли* остры:
 У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
 Повыщербѣли на *латы кольчужныя*.

У Рыбн. II, № 64 послѣдовательность такая: *мечи, копя, сабли* (Мечъ съ мечомъ да ударяются, — А мечи въ мелкія части разсыпаются); у Кир. IV, № 3, стр. 12—18: палицы, копя, тяги желѣзныя (которыми богатыри «тянулись чрезъ гривы лошадиныя») и т. п. — Конный бой смѣняется пѣшимъ; лишь у Гильф. № 246 и 46 = Рыбн. I, № 14 (см. Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12) Илья сваливаетъ врага, котораго и пытается о родѣ племени; въ остальныхъ пересказахъ падаетъ, наоборотъ, Илья и, когда противникъ сълѣ ему на грудь, готовясь съ нимъ покончить, спшибаетъ его съ себя въ чисто поле, либо подъ облаки, выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго и т. п. — Узнавъ

о себѣ, что онъ сынъ Ильи, молодой богатырь ѣдетъ сначала къ матери; лишь въ тѣхъ былинахъ, гдѣ этотъ эпизодъ спутанъ или затертъ, является попытка замѣнить поѣздку — посылкой сокола (Кир. I, № 5, стр. 7—10), слугъ (Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14). Допытавшись отъ матери о тайнѣ своего рожденія, сынъ возвращается, рѣшившись смыть въ крови отца лежащее на немъ пятно незаконности. Онъ нападаетъ на Илью спящаго и убить имъ¹⁾. — Исходъ былины вездѣ трагическій; его недостаетъ лишь тамъ, гдѣ вниманіе пѣвца отвлеклось постороннимъ эпизодомъ (сл. Кир. I, № 6, стр. 11—15 и побывальщину у Рыбн. I, стр. 65), либо въ пѣсняхъ недоконченныхъ (Гильф. № 246, 250). Рѣшительное исключеніе представляетъ лишь Кир. VII, Приложенія стр. 1—7, гдѣ мирный исходъ боя принадлежитъ, быть можетъ лично и поздней передѣлкѣ: юный богатырь, сваливъ Илью, какъ-бы въ предчувствіи, что онъ его отецъ, не рѣшается убить его и самъ спрашиваетъ: «Аль ты въ родствѣ, али въ шемени?». Когда Илья повалилъ его въ свою очередь и богатырь назвалъ себя по его требованію, отецъ и сынъ ѣдутъ въ Кіевъ, гдѣ Владиміръ встрѣчаетъ ихъ «съ честію, радостію». — Мирно кончается и былина о боѣ Ильи съ Добрыней у Ефименка I. с. № I, являющаяся позднимъ сколкомъ съ разсмотрѣнныхъ нами и потому лишенная значенія. Какъ здѣсь Добрыня выступаетъ въ роли Сокольника, такъ въ эпизодѣ одной былинѣ о Добрынѣ въ «отъѣздѣ» механически воспроизведена пѣсня о боѣ Ильи = Добрыни съ проѣзжимъ богатыремъ, въ которомъ нельзя не признать того-же Сокольника. Сл. Гильф. № 65, лишь отчасти отвѣчающій Рыбн. III, № 17: Добрыня ѣдетъ поляковать, оставивъ дома молодую жену; Гильф. даетъ ему въ товарищи Потыка; проѣзжаетъ вражій богатырь, съ знакомыми намъ атрибутами: кобеля и сокола; ѣдетъ и похваляется:

¹⁾ Съ эпизодомъ о крестѣ, о который притупился ударъ Сокольника, обращенный противъ отца, сл. подобную-же черту въ пѣснѣ объ Ильѣ, будащемъ ударомъ стрѣлы своего крестоваго брата Самсона: стрѣла притупилась о золотой крестъ на груди.

Я матушку русьскú землю,
 А русьскú землю я наскрозь пройду,
 Что ни лучшихъ богатыревъ въ полонь возьму.

Потыкъ боится выѣхать противъ богатыря, который сражается съ Добрыней и убить имъ (Гильф.). Рыбниковскій пересказъ, не знающій ни Потыка, ни атрибутовъ «сокольничка», рассказываетъ его битву съ Добрыней въ чертахъ «боя Ильи съ сыномъ» — вплоть до смерти послѣдняго отъ руки отца, на жизнь котораго онъ покусился. Что Добрыня бьется именно съ сыномъ, нигдѣ не сказано, но разумѣется само собою изъ словъ, съ которыми Добрыня отпускаетъ богатыря:

Поѣзжай-ко, король, во свою землю Бухарскую,
 Въ Золоту-землю, и въ Золоту орду,
 Свези своей матушкѣ низкой поклонъ,
 А отъ Добрынюшки челобитьице,
 Золотые подарки во милости.

Былина Гильф. здѣсь нѣсколько перебита, или лучше, эпизодъ о Сокольникѣ раздвоился: Добрыня снесъ ему голову, ѣдетъ къ шатру; затѣмъ пѣсня переходитъ къ сватовству Алѣши за жену Добрыни, къ которому снова возвращается, — чтобы рассказать намъ о его поединкѣ съ другимъ богатыремъ, т. е. тѣмъ-же Сокольничкомъ. Далѣе оба пересказа сходятся, но родственныя отношенія богатырей у Гильф. поставлены яснѣе: убивая противника Добрыня приговариваетъ:

Отъ кого ты, чадо, ты зачатъ было,
 Отъ кого ты, чадо, вѣдь посѣяно,
 Отъ того ты, чадо, нынѣ кончайся-тво!

Богатырь убить, а въ это время прилетаетъ голубь съ голубкою, вѣщая Добрынѣ, что его жена за мужъ пошла — и былина снова входитъ въ общее теченіе пѣсенъ этого типа.

Ясно, что весь этотъ эпизодъ, навѣянный пѣснями объ Ильѣ и Сокольничкѣ, замѣнилъ собою другой, обычный въ былинахъ о Добрыниномъ отъѣздѣ: рассказъ о его битвѣ съ Невѣжей и т. п.

Поводомъ къ такой замѣнѣ могла быть роль Добрыни въ былинахъ о «боѣ Ильи съ сыномъ», именно 2-й группы, гдѣ Добрыня являлся товарищемъ Ильи, а Илья помогалъ ему совѣтомъ въ борьбѣ съ королевой Задонской или Авдотьей Горынчанкой. Я указалъ выше (сл. стр. 317, прим. 1) на тождественное положеніе въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Добрынѣ «въ отъѣздѣ» (Гильф. №№ 228, 290, 292), гдѣ онъ бьется съ Невѣжей, богатыремъ Бабой Ягой, а Илья является такимъ-же совѣтчикомъ. Образъ Бабы-Яги подсказанъ, вѣроятно, паленицей, матерью Збута.

II.

Илья убиваетъ Сокольника; такой-же трагическій исходъ слѣдуетъ предположить и для древнѣмецкой пѣснѣ о Гильдебрантѣ и Гадубрантѣ (VIII в.), дошедшей до насъ, какъ извѣстно, безъ окончанія. Гильдебрантъ и Гадубрантъ (Hiltibrant enti Nadubrant), отецъ и сынъ, встрѣчаются другъ съ другомъ между двухъ непріятельскихъ ратей и готовы сразиться. Отецъ, долго бывший въ отлучкѣ, оставившій сына еще ребенкомъ, не узнаетъ его и спрашиваетъ его о родѣ-племени. Тотъ называетъ себя, но не хочетъ вѣрить, чтобы передъ нимъ стоялъ его отецъ (dū neo dana halt dinc ni gileitōs — mit sus sipran man, говоритъ ему Гильдебрантъ ¹⁾), котораго считаетъ умершимъ, и Гильдебрантъ, скрѣпя сердце, вступаетъ въ бой, въ которомъ ему придется либо быть убитымъ, либо поразить собственнаго сына. Пѣснь обрывается описаніемъ поединка, въ которомъ мы встрѣчаемъ бурно несущіяся ясеновыя копыя, врывающіяся въ бѣлые липовыя щиты, разсѣченные мечами (miti wambnum). — Что пѣснь кончалась гибелью сына можно заключить изъ того, что, имя Гадубранта не упоминается болѣе въ нѣмецкомъ эпосѣ, и лишь въ Rabenschlacht встрѣчается какой-то рыцарь по имени Alebrant ²⁾: такъ названъ

¹⁾ Я цитую по тексту Braune, Althochdeutsches Lesebuch (1875) p. 78—9.

²⁾ W. Grimm, Die deutsche Heldensage, 2-e Ausg. стр. 209 и 256. Сл. Hildebrant'a и Herebrant'a — Hydebrant'a въ Horn and Rimenhild.

сынъ Гильтебранта въ позднѣйшей редакціи пѣсни о боѣ отца съ сыномъ, восходящей по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XIII вѣка, когда она нашла отраженіе въ Тидрексагѣ, и отличающейся примирительнымъ характеромъ исхода.

Пѣсня эта сохранилась въ нѣсколькихъ пересказахъ, взаимныя отношенія которыхъ разобраны были Edzardi ¹⁾: трехъ верхненѣмецкихъ (*K*, *H* и *W*, по обозначенію Edzardi), одномъ нижненѣмецкомъ (*N*), нидерландскомъ (*A*) и датскомъ (*D*). — Сообщаю содержаніе короткаго извода нѣмецкой пѣсни (*H*), пользуюсь соображеніями и исправленіями Edzardi ²⁾.

Гильдебрандъ хочетъ вернуться въ Бернъ, гдѣ оставилъ жену, Ute, гдѣ не бывалъ въ теченіи тридцати лѣтъ. Герцогъ Amelung (варьянты: Ambelung, Abelaen, Abelan, Abelon) предупреждаетъ его, что въ полѣ, на заставѣ (auff der marke) онъ встрѣтитъ молодого Алебранда (варьянты: К. Н. Hildebrandt, D. Allebrand; Alibrandъ въ Тидрексагѣ); будь-ты самъ двѣнадцатый, онъ нападетъ на тебя. — «Если нападетъ, я изрублю его темный щитъ, у его привязи разрублю однимъ ударомъ; будетъ онъ цѣлый годъ жаловаться матери.» Не дѣлай того, говоритъ ему Дитрихъ Бернской: Алебрандъ мнѣ милъ; лучше поведи съ нимъ дружескія рѣчи, дабы, ради меня, онъ дозволилъ тебѣ проѣхать. — На бернской заставѣ наѣзжаетъ на Гильтебранта молодой витязъ: Чего-тебѣ нужно, старикъ, въ моей родной странѣ? спрашиваетъ онъ. «На тебѣ блестящая броня, словно на царскомъ сынѣ», начинаетъ Гильдебрантъ, но юноша прерываетъ его: «Видно, ты хочешь отвести мнѣ глаза! ³⁾»;

¹⁾ Germania, XIX (1874), Edzardi, Zum jüngerem Hildebrandsliede p. 315—326.

²⁾ Краткій текстъ см. у Razsmann'a, Die deutsche Heldensage II, стр. 646—8.

³⁾ Du wilt mich jungen helden sehender augen machen blind; *K*: du machst mich, degen schnelle, — mit gesehenden augen blind (см. текстъ пространной редакціи нѣмецкой пѣсни = *K* у Wackernagel'я, Altd. Lesebuch, V-e Aufl. p. 1422 слѣд.). Я сближаю эти выраженія съ древней пѣсней: dú bist dir, altér Hûn, ummet sprâhêr.

тебѣ-бы дома сидѣть, на печи грѣться». Засмѣялся старикъ: «Мнѣ сидѣть дома и нѣжиться? Мнѣ на роду написано — бродить и биться до смерти ¹⁾. Вотъ что я скажу тебѣ, молодецъ; оттого и посѣдѣла у меня борода». — «Выщиплю я твою бороду, старикъ, потечетъ у тебя алая кровь по щекамъ; твою броню и темный щитъ ты мнѣ отдашь, да и самъ станешь моимъ плѣнникомъ, коли любо тебѣ быть живымъ». — «Моя броня и темный щитъ нерѣдко были мнѣ защитой; съ помощью Христа небеснаго надѣюсь и теперь отъ тебя защититься». Оставивъ слова, они взялись за острые мечи и было имъ то, чего они оба домогались.

На коняхъ или пѣшіе объясняются отецъ съ сыномъ — изъ пѣсни не видно. Въ началѣ ея Гильдебрантъ *выѣзжаетъ* къ Берну, *прѣѣзжаетъ* на заставу, въ концѣ — оба *отъѣзжаютъ* съ сыномъ. Между тѣмъ бой представляется, какъ-будто, пѣшимъ.

«Не знаю, какъ случилось, что молодецъ нанесъ старику ударъ, который сильно устрасилъ Гильтебранта, а самъ онъ отскочилъ назадъ на семь саженой. — «Скажи-ка, мнѣ, молодецъ, не баба-ли научила тебя такому прыжку?» спрашиваетъ Гильтебрантъ ²⁾. «Кабы у бабы учился, мнѣ былъ-бы вѣчный стыдъ: много у моего отца рыцарей и конюшихъ (knecht), много рыцарей и графовъ при его дворѣ; чему я (у нихъ) не научился, тому еще научусь». — Пѣснь продолжаетъ о Гильдебрантѣ:

Er nahm ihn bey der mitte, da er am schwechsten was,
Und schwang ihn hinder rucke wol in das grüne grasz.
«Nun sag du mir, viel junger, dein beichtvater wil ich sein,
bistu ein junger Wolffinger, von mir soltu genesen sein.

¹⁾ Сл. Кир. I, стр. 51: «Старый ты старикъ, старый, матерый! За чѣмъ ты ѣдешь на чисто поле? . . . Ты поставилъ бы себѣ келейку . . . Сбирагъ-бы ты, старикъ, во келейку, Тутъ-бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ». Илья отвѣчаетъ: «Написано было у святыхъ отцевъ, Удумано было у Апостоловъ, но бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому». Сл. Кир. I. с. IV, 11—12.

²⁾ Н: den *schlag* lehrt dich ein weib; К: dissen *sprunge* den leret dich ein weib. Въ Тидрексагѣ дѣло идетъ объ измѣнически нанесенномъ ударѣ.

Въ *K* онъ вначалѣ обезоруживалъ его; *W* (и *A*) объясняетъ, какимъ образомъ; *W*:

Er liesz sinen grunen schilt sincken in den sant,
Ich weisz nit, wie der alte dem jungen das schwert [entwant].

A. Het quam so dat den ouden liet sincken sinen schilt,
So dat hie den jonghen Hellebrant sijn swaert al underghinc ¹⁾.

Сынъ рассказываетъ о своемъ родѣ-племени: онъ родомъ изъ Греціи(?), его мать Ulte (варьянты: Gute, Judte), отецъ — Гильдебрантъ. Отецъ и сынъ узнаютъ другъ друга и оба отправляются въ Бернъ, гдѣ происходитъ радостное свиданіе съ женой — и матерью.

Нижнеиѣмецкая пѣсня подобнаго-же содержанія, но съ нѣкоторыми характерными отличіями, могла лежать въ основаніи пересказа Тидрексаги, почему мы и разсматриваемъ его особо ²⁾.

Гильдибрандъ выѣзжаетъ къ Берну вмѣстѣ съ молодымъ Конрадомъ, который предупреждаетъ его — быть ласковымъ съ Алибрандомъ, когда онъ встрѣтитъ его, и сказаться его отцемъ; иначе ему будетъ худо, такой тотъ сильный богатырь. Конрадъ говоритъ, какъ его узнать: онъ на бѣломъ конѣ, башмаки подбиты золотыми гвоздями (золотыя подковы, ркп. *B.*), щитъ и броня бѣлыя, какъ выпавшей снѣгъ, и на нихъ изображеніе замка. Нѣтъ ему равнаго въ землѣ Амелунговъ, а тебѣ старому съ нимъ не справиться. — Усмѣхнулся Гильдибрандъ и говоритъ: Какимъ-бы храбрецомъ не считалъ себя Алибрандъ, можетъ и такъ случиться, что онъ объявитъ свое имя не позже меня. — На этомъ они разстались.

Слѣдуетъ встрѣча отца съ сыномъ; послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи, на которомъ красуется образъ Берна съ позолочеными башнями; рядомъ съ нимъ два выжлеца, по лѣвую сторону (на лѣвой рукѣ, ркп. *B.*) ястребъ. Увидѣвъ

¹⁾ Edzardi l. c. p. 322.

²⁾ Saga Diðriks konungs af Bern, ed. Unger, стр. 344 слѣд.

незнакомаго всадника, бодро ѣхавшаго ему на встрѣчу, Алибрандъ крѣпче привязалъ свой шлемъ, заслонился щитомъ и съ копьемъ въ рукѣ бросился ему на встрѣчу. Въ слѣдующей за тѣмъ схваткѣ древки копій разлетаются по поламъ, бойцы спѣшились и бьются мечами. Трижды останавливаются они среди боя, дважды спрашиваетъ Алибрандъ объ имени противника, спрашиваетъ въ послѣдній разъ Гильдибрандъ, но отвѣта нѣтъ и бой возгорается снова. Гильдибрандъ нанесъ сыну глубокую рану въ бедро; тотъ не можетъ сражаться далѣе и передаетъ отцу мечъ. Когда Гильдибрандъ протянулъ за нимъ руку, отстранивъ щитъ, молодой витязь ударилъ въ него измѣннически, намѣреваясь отсѣчь ему руку. Но старикъ успѣлъ заслониться щитомъ и говорить: Этому удару ты научился у бабы, не у отца. И набросившись на молодца, онъ повергаетъ его на землю, самъ насѣлъ на него и, занеся надъ нимъ мечъ, дважды спрашиваетъ, кто онъ такой: если ты Алибрандъ, — то я отецъ твой, Гильдибрандъ. Тотъ называетъ себя; совершается обоюдное признаніе, въ которомъ, въ концѣ этого эпизода, принимаетъ участіе еще третье лицо: мать — жена; стало быть, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ.

Приведу изъ Тидрексаги эпизодъ о боѣ.

Nu riðr Hildibrandr hvatlega þa leið er til Bernar er. ok nu er hann kominn sua at hann ser staðinn. þa riðr einn maðr i mot honum með tva hunda. oc a vinstri hlið (пук. *B. hendi*) hefir hann einn hauk. Sa maðr er mikill a hestbaki ok sitr hoeverkliga sinn hest. hann hefir hvitan hest ok hvita alla herneskiu ok a morkuð Bern með gylltum turnum. Hildibrandr riðr i mot mannum ok þikkiz finna at sia mun eigi minni þikkiaz en hann. Ok þa er Alibrandr ser i gegn ser riða einn mann með vapnum. ok sa riðr alldrengiliga a mot honum. ok ekki ma hann sia at hann laegi sik nockut firir honum. þa verðr Alibrandr reiðr ok lizt sem þessi muni við hann keppaz. spennir fast sinn hialm ok skytr firir briost ser sinum skilldi. ok sitt gladil setr hann fram or keyrir sinum hest sporum. Ok er Hildibrandr ser

hversu Alibrandr hefir við buiz. helldr hann sinum skilldi firir briost ser ok setr fram sitt gladil ok keyrir sinn hest sporum. ok riðr i mot honum hvergi udiarfligar. ok riðaz at. Leggr nu hvarr sinu spioti i skiolld annars sua fast. at sundr bresta spiotskoptin bæði. Ok hinn gamli hleypr þegar af baki hvatlega ok bregðr sinu sverði. ok slikt sama hinn yngri. gengu nu saman ok beriaz langa hrið. til þess er hvartueggi var moðr. Ok nu setia þeir niðr sina skiolldu ok studduz a.

Nu maellti Alibrandr. Hverr er þessi hinn gamli maðr er staðiz hefir firir mer um hrið. Seg skiott þitt heiti ok gef upp þin vopn. þa muntu hallda lífi þínu. en ef eigi villtu þat. þa ma þat verða þinn skaði. Hilldibrandör svarar. Villtu vita mitt heiti. þa muntu fyrr verða at segia þitt heiti. ok upp muntu verða at gefa þitt sverð ok vopn aðr við skiliumz. ok ef þat villtu eigi lostigr. þa muntu þó gera vera nauðigr. þa reiðir Alibrandr upp sitt sverð allkappsamliga ok hoggr til hins gamla. ok slikt hit sama Hilldibrandr. reiðir upp sitt sverð ok hoggr i geng. Verðr þar nu horð orrosta. ok gera aðra hrið halfu vaskligri en fyrr. ok nu er hvartueggi moðr. ok setr Alibrandr niðr sinn skiolld ok vill hvilaz. ok sua vill Hilldibrandr. þa maellti Alibrandr. Villtu segia þitt nafn og gefa upp þin vopn. þa muntu hallda þínu lífi. en ef eigi gerir þu sua. þa muntu vera drepinn. þu villdir eigi segia þitt nafn þa er við hittumz. ok var þat þer engi usoemd. en nu muntu segia verða með usigri. ok lata oll þin vopn með usoemd eða þólu bana at öðrum kosti. Ok nu verðr hinn yngri allra óðastr ok vill at visu drepa hann. ok hoggr nu af ollu afi til hins gamla. en hann verr sik nu allra drengilegast. Ok nu maellti Hilldibrandr. Erttu nockut ap Ylfinga aett. þa seg mer. ok fae er þer grið. en ef þat er eigi þa drep ek þik. þa suarar Alibrandr. Ef þu villt hallda þínu lífi. þa gefz upp. en ek em eigi Ylfingr helldr en þu. ok vist ertu heimskr. þó at tu ert gamall. ok seg skiott þitt heiti. En með því at þu vissir hverr ek vaeri. þa munðir þu eigi kalla minn foður Ylfing. Soekiaz þeir nu allra fastast. Hinn gamli gengr nu naer honum ok hoggr

helldr stort. ok nu slaer Hilldibrandr eitt mikit slag a hans laer. sua at sundr tekr bryniuna. ok faer nu Alibrandr mikit sar. sua at nalega er honum sinn fotr unytr. Oc nu maellti hann. Se her nu mitt sverð. Nu verð ek þat gefa upp. því at nu fae ek eigi staðit lengr fyrir þer. þu hefir fiandann i hendi þer. ok rettir fram hondina. En hinn gamli snyr skilldinum fra ok rettir fram hondina a moti sverðinu ok aetlar við at taka. Nu hoggr Alibrandr til hins gamla leyniliga ok vill af hoggua hondina. en hinn gamli skytr skilldinum upp hatt ok skyndilega. ok maellti. þetta slag mun þer kent hafa þin kona en eigi þinn faðir. Ok soekir hinn gamli sua fast. at nu fellr hinn ungi til iarðar. ok hinn gamli a hann ofan. ok setr sitt sverð firir hans briost ok maellti. Seg mer skiott þitt heiti ok þina aett. ella skalltu lata þitt lif þa suarar Alibrandr. þat segi ek nu alldri. þui at ekki hirði ek nu um lifit heðan i fra. er sua gomul gragas skal mik hafa yfirstigit. Hilldibrandr maellti. Villtu hallða þinu lifi. þa seg mer skiott. ef þu ert Alibrandr minn son. þa em ek Hilldibrandr þinn faðir. þa suarar hinn ungi. Ef þu ert Hilldibrandr minn faðir. þa em ek Alibrandr þinn son. þa stendr upp Hilldibrandr skiott af honum ok Alibrandr a sina foetr. ok kyssaz ok kennaz nu við. Verðr nu Hilldibrandr allfeginn sinum syni Alibrandi. ok Alibrandr slikt sama sinum feðr Hilldibrandi. Hlaupa nu a sina hesta or riða heim til borgarinnar ¹⁾).

¹⁾ «Скоро ѣдет Гильдибрандъ по дорогѣ, что лежала къ Берну, и когда былъ въ виду города, какой-то мужъ выѣхалъ ему на встрѣчу съ двумя псами, а на лѣвой рукѣ у него ястребъ. Рослый былъ тотъ мужъ верхомъ на конѣ, ловко сидѣлъ на немъ; конь у него бѣлый и весь dospѣхъ бѣлый, а на немъ изображегъ Бернъ съ золотыми башнями. Ёдетъ Гильдибрандъ на встрѣчу мужу и кажется ему, что онъ не менѣе мнитъ о себѣ, чѣмъ онъ. Когда увидѣлъ Алибрандъ, что на него ѣдетъ вооруженный человекъ, ѣдетъ храбро на встрѣчу, видимо не уклоняясь отъ него, разгнѣвался; показалось ему, что тотъ думаетъ съ нимъ битися. Крѣпко подвязалъ онъ свой шлемъ, закинулъ щитъ на грудь, выставилъ впередъ свое копье и пришпорилъ коня. Какъ увидѣлъ Гильдибрандъ, что Алибрандъ изготавился, загородилъ свою грудь щитомъ, выставилъ впередъ свое копье, пришпорилъ коня и не менѣе храбро поѣхалъ ему на встрѣчу. Наѣхали они другъ на друга; каждый такъ сильно всадилъ копье въ щитъ другого, что оба древка сломались пополамъ.

Если отвлечь отъ пересказа Тидрексаги прямиряющій исходъ повѣсти о боѣ и взять въ расчетъ лишь то ея содержаніе, кото-

Скоро соскакивалъ съ коня старый и вынималъ мечъ; то-же сдѣлалъ и молодецъ; сошлись они и долгое время бились, пока оба не устали. Тогда они спустили свои щиты и оперлись на нихъ. Возговорилъ Алибрандъ: Кто этотъ старый, чтѣ такъ долго противостоялъ мнѣ? Скажи скорѣе свое имя и отдай свое оружіе, тогда ты сохранишь свою жизнь; коли ты не захочешь того сдѣлать, будетъ то въ уронъ тебѣ. Отвѣчалъ Гильдибрандъ: Коли хочешь узнать мое имя, то напередъ придется тебѣ назвать свое, да отдать свой мечъ и доспѣхи, прежде чѣмъ мы разстанемся, а если не сдѣлаешь того охотою, то сдѣлаешь неволею. — Тогда Алибрандъ бѣшено взмахнулъ мечемъ и ударилъ по старику, и Гильдибрандъ также взмахнулъ мечемъ и ударилъ насупротивъ. Жестокое началось побоище, и бились они во второй схваткѣ пуще прежняго. Притомились оба; Алибрандъ опустилъ щитъ и захотѣлъ отдохнуть, а также и Гильдибрандъ. Возговорилъ тутъ Алибрандъ: Коли скажешь твое имя и отдашь оружіе; то сохранишь свою жизнь, а коли такъ не сдѣлаешь, будешь убитъ. Не захотѣлъ ты сказать своего имени, когда мы встрѣтились, и то тебѣ не хула; а теперь скажешь его, побѣжденный, и оставишь всѣ твои доспѣхи безславно; въ противномъ случаѣ умереть. — Расходился тутъ молодецъ, хочетъ въ самомъ дѣлѣ убитъ его и изо всей силы ударилъ стараго; а тотъ защищается и того храбрѣе. Возговорилъ Гильдибрандъ: Ты не изъ роду-ли Ильфинговъ? Скажи мнѣ, и я дамъ тебѣ миръ; коли не такъ, убью тебя. — Отвѣчаетъ Алибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то сдайся; я не больше Ильфингъ, чѣмъ ты, а ты такъ простоватъ, хотя и старъ. Скажи-же скорѣе свое имя; когда-бы ты зналъ, кто я, не назвалъ-бы моего отца Ильфингомъ. — Схватились они другъ съ другомъ крѣпче прежняго; близко подошелъ къ нему старый, сильно рубить, нанесъ такой страшный ударъ по его бедру, что кольчуга разѣхалась, а Алибрандъ получилъ большую рану, и его нога почти ему не служить. Говоритъ онъ: Вотъ мой мечъ, я отдаю его, ибо дольше не могу тебѣ противостоять: у тебя въ рукѣ сидитъ нечистый. — И онъ протянулъ руку; старый отклонилъ щитъ и потянулся рукою къ мечу, думалъ взять его, а Алибрандъ ударилъ стараго изподтишка, хотѣлъ отрубить ему руку — но тотъ быстро поднялъ щитъ и говоритъ: Этому удару научила тебя жена твоя, не отецъ! И такъ сильно налегъ старикъ, что молодецъ упалъ наземь, а старикъ на него сверху, приставилъ къ груди мечъ и говоритъ: Скажи мнѣ скорѣе свое имя и родъ, или ты разстанешься здѣсь съ жизнью. Отвѣчалъ Алибрандъ: Теперь-то я и не скажу его, ибо отнынѣ мнѣ жизнь ни почемъ, когда побѣдилъ меня такой старый, сѣдой гусь. — Говоритъ Гильдибрандъ: Если хочешь сохранить жизнь, то говори скорѣе; коли ты сынъ мой Алибрандъ, то я отецъ твой Гильдибрандъ! Тутъ отвѣтъ держалъ молодецъ: Коли ты Гильдибрандъ, мой отецъ, то я твой сынъ Алибрандъ. — Скоро вставалъ съ него Гильдибрандъ, а Алибрандъ поднимался на ноги, цѣловались они и спознавались другъ съ другомъ. Очень обрадовался Гильдибрандъ сыну своему Алибранду, а Алибрандъ отцу своему Гильдибранду. Вскочили они на своихъ коней и поѣхали домой къ замку».

рое мы привели въ текстѣ, то получится схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ, рассмотрѣннымъ нами подъ № II, за исключеніемъ ихъ развязки:

1. Поѣздка Ильи и Добрыни = Гильдебранта и Конрада.
2. Илья-Гильтебрантъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ — ястребъ.
3. Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣший.
4. (Нѣм. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца—; русск. Илья падаетъ подъ ударомъ сына). Илья-Гильдебрандъ повергаетъ юнаго богатыря на землю и допрашиваетъ его.

Аттрибуты нашего Сокольника-охотничка не могутъ быть случайными, и это ведетъ къ дальнѣйшему вопросу. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о Гильдебрандѣ старый витязь возвращается домой послѣ продолжительной отлучки, сынъ выѣхалъ изъ дома, очевидно, охотиться, иначе непонятны въ пересказѣ сѣверной саги, сопровождающія его собаки и ястребъ. Какъ поняты отношенія отца и сына въ русскихъ былинахъ, именно въ группѣ № II? Кто у себя дома — отецъ или сынъ? Рѣшающимъ для меня являются выжлець и соколъ: они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Пріѣзжалъ, стало быть, Илья Муромецъ? Я не рѣшусь отвѣтить на это положительно, какъ не могу придать рѣшающаго значенія Рыбн. II, № 64, хотя заключеніе былины и укладывается въ этотъ планъ: расправившись съ Соловникомъ, Илья Муромецъ поѣхалъ къ Кіеву

Ко ласкову ко князю ко Владимиру,

Бьетъ челомъ, покланяется:

«Ужь ты солнушко, Владимиръ князь, стольно-Кіевскій!

Ты прими меня во служеніе,

Граду Кіеву на стереженіе». (Сл. Гильф. № 114, въ концѣ).

Такъ ѣдетъ къ Кіеву и Чурила (сл. выше, стр. 115 слѣд.) и Алѣша (сл. выше, стр. 281) въ пѣсняхъ, въ которыхъ эта черта не традиціонна.

Если Сокольникъ-охотникъ не могъ прїѣзжать издалека, то тѣмъ самымъ схему былинной группы № III, гдѣ Илья является защитникомъ Кіева противъ наѣзжей паленицы, слѣдуетъ признать поздней, навѣянной, быть можетъ, тѣми пѣснями, гдѣ такимъ защитникомъ выступаетъ юный богатырь (Михайло Даниловичъ, Ермакъ, Василій пьяница)¹⁾: въ нашемъ случаѣ были-бы только переставлены роли. Что и въ группѣ № III наѣзжій молодецъ являлся сокольникомъ-охотникомъ, тому доказательствомъ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12, гдѣ у паляницы

На правой руки у ней-то соловей сидитъ,
На лѣвой руки да жавролѣночекъ.

Я не знаю, какъ объяснить названіе Соловникова, Соловника въ относящемся сюда Гильф. № 46 = Рыбн. I, № 14. Простымъ-ли искаженіемъ изъ сокольника, какъ и въ Гильф. № 77 = Рыбн. I, № 12 соловей замѣнилъ сокола (Соловей — соловникъ?). Либо соловникъ = црквнослав. славникъ? «Какы ли славникы небѣтънѣ. ѿггль не почтоше. ни помышьше что то ксть. славникъ члѣкыхъ оусоумнѣшесе паче»; въ греч. текстѣ: «Ποίαν δоруφορίαν ούράνιον και ἀγγελικήν μὴ τιμήσαντες μηδὲ ἐννοήσαντες, δоруφορίαν ἀνθρωπίνην ἐδυσωπήθησαν»²⁾. Миклошичъ, Lex. a. v. славникъ переводитъ славници — δоруφορία, satellitium. — Слѣдуетъ замѣтить въ той-же былинѣ особенность въ описаніи боя: Илья бьетъ Соловника въ голову три раза и тотъ «не стряхнется». Это напоминаетъ пѣсню о Святогорѣ: русскій могучій богатырь ударилъ его копьемъ по плечамъ, а онъ только проговорилъ: «Какъ кусаютъ мухи русскія да дѣ-больня» (Гильф. № 119).

Что касается до I-й изъ разобранныхъ нами пѣсенныхъ группъ (см. также во 2-й группѣ былины съ мотивомъ заставы), то мнѣ представляется здѣсь вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I.

²⁾ Шестодневъ Іоанна Эксарха Болгарскаго, изд. Бодянскимъ, въ Чтен. Импер. Общ. Ист. и Дрвн. 1879, III, л. ли, лп.

былины о гибели богатырей (Кир. IV, стр. 108—115): она также открывается заставой, на которой, въ числѣ семи богатырей, стоятъ Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья; является Татаринъ, бусурманченокъ, противъ котораго выѣзжаетъ Добрыня, за нимъ Алеша; уже послѣ того былина выводитъ на сцену Илью, принимающаго участіе въ общей сѣчѣ. — Былина о боѣ у Кир. I, № 5, стр. 7—10 (сл. начало Кир. VII, Приложенія стр. 1—7) представляетъ тоже вступленіе: застава, появленіе проѣзжаго молодца, который иногда и называется Татарченкомъ-бусурманченкомъ (Кир. I, № 1—3, стр. 1—6); противъ него выѣзжаютъ другъ за другомъ Алеша, Добрыня, Илья; мѣсто дѣйствія — Сафать рѣка, какъ въ былинѣ о гибели богатырей. Обращу вниманіе и на совпаденіе запѣвовъ: въ былинѣ о гибели послѣдовательное появленіе Добрыни, Алеши и Ильи вызываетъ повтореніе однихъ и тѣхъ-же стиховъ:

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой.

То-же въ пѣснѣ о боѣ (Кир. I, № 5, стр. 7—10; сл. ib. VII Приложенія стр. 1—7, № 1); я только поставилъ Софу-рѣку вмѣсто Днѣпра:

На зарѣ-то было, зарѣ утренней,
На разсвѣтчикѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ-то солнца яснаго,
Отъ сна Илья пробуждается.
Выходилъ Илья пѣзъ бѣла шатра,
Пошелъ Илья на Софу-рѣку,
На Софу-рѣку умыватися.

III.

Группа 2-ая выдѣляется, такимъ образомъ, для меня, какъ представляющая древнѣйшій типъ былины. Если стать на мою точку зрѣнія, то происхожденіе другихъ типовъ (I и 3-го) объяс-

нить будетъ легко. Во второй группѣ, т. е. въ ея древнемъ оригиналѣ, кievское приуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на «сокольника». Позднѣе, когда Илья присталъ къ Кіеву, явился главнымъ стоятелемъ за нимъ, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже сокольникъ и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ. Здѣсь представлялась возможность двойкой дифференціаціи: Илья выѣзжалъ противъ поединщика (группа № 3), либо стоялъ съ другими на заставѣ, когда ему пришлось вѣдаться съ приѣзжимъ богатыремъ (группа № 1). Представленіе «заставы» всего глубже проникло въ былинный сюжетъ: мы встрѣтили его и въ пѣсняхъ, отнесенныхъ нами ко 2-й группѣ. Заставой открывалась и другая былина о боѣ: пѣсня о гибели богатырей на Руси; влияніе ея запѣва на начальную сцену нашей былины представляется мнѣ вѣроятнымъ для нашей первой группы.

Труднѣе привести въ какую нибудь генеалогическую связь имена, съ которыми является мать сокольника, и то что о ней разсказывается въ пѣсняхъ. Въ группѣ 1-й ея имя: Латыгорка, Латымирка, Владимирка, Горынинка, Горынчанка (Амелфа); во второй: Сиверьянична и Горынинка («я того короля Задонскаго»), Авдотья Горынчанка, Златыгорка: въ 3-й: Натальюшка, честная вдова, Семигорка — баба да Владимирка. Преобладаетъ имя производное отъ *гора*; въ двухъ пѣсняхъ 2-й группы, гдѣ мать сокольника названа Сиверьяничной, самъ сокольникъ говорить о себѣ, что онъ «изъ золотой орды», «золотничанинъ»; такъ еще въ одной былинѣ Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65, гдѣ Добрыня, замѣнившій Илью, бьется съ Бухарскимъ королемъ изъ *золотой орды*, котораго отсылаетъ къ матери съ челобитьемъ. Былина, какъ мы видѣли, сводная, но прозвище по золотой ордѣ интересно: я не прочь сблизить его съ однимъ изъ варьянтовъ имени матери: *Златыгорка*, т. е. Латыгорка (сл. латырь и златырь). Съ другой стороны Горынинка одной пѣсни 2-й группы называетъ себя королевной Задонской, а выше (стр. 316—17)

было указано, что она тождественна съ Авдотьей Горынчанкой, которую Илья одолѣлъ въ чистомъ полѣ, отъ которой прижилъ сына Бориса: съ нимъ онъ и бьется въ послѣдствіи, тогда какъ Добрыня вѣдается съ его матерью. Если въ той-же пѣснѣ первой группы сынъ Илья названъ «Збуть Борисъ королевичъ младъ» (сл. Рыбн. III, № 17 = Гильф. № 65: король), то это также указываетъ на царское происхожденіе его матери — тождественной съ Сиверьяничной, которая говоритъ о себѣ въ одной пѣснѣ 2-й группы: онъ (Илья) меня въ полѣ побилъ, со мною грѣхъ творилъ и т. д. Мы получаемъ уравненіе: Горынчанка (Латыгорка и т. д.) = Сиверьянична = королева. Ея отношенія къ Ильѣ, лишь намѣченные въ пѣсняхъ всѣхъ 3-хъ группъ, являются главнымъ образомъ развитыми въ группѣ 2-й, которую, съ другихъ точекъ зрѣнія, мы признали болѣе древнею. Былина о трехъ поѣздкахъ Ильи (Кир. I, стр. 88—9, № 2; Гильф. № 221, 264; Рыбн. II, № 62 и друг.) знаетъ также о какихъ-то его отношеніяхъ къ «королевичѣ», очевидно, не досказанныхъ: Илья доѣхалъ до распутія и направился по дорогѣ, на которой было написано, что ему «женату быть». Этому ему не случилось; королевична встрѣчаетъ его, приглашаетъ лечь на кроватку «волшебную», «подложную», но Илья, догадавшись объ ея коварствѣ, кладетъ её туда самъ, и она проваливается въ погреба глубокіе, откуда Илья выпускаетъ заключенныхъ ею богатырей; её самое онъ размыкалъ жеребцами, а богатырямъ роздалъ все богатство.

Коварство королевичны, ничѣмъ не объясненное, получаетъ смыслъ, если мы сопоставимъ ее съ паленицей-королевой второй группы: ея враждебное появленіе въ развязкѣ одной пѣсни и одной побывальщины, очевидно, мотивировано местию, какъ и вражда сына къ отцу. Съ сыномъ расправляется Илья, съ матерью Добрыня при помощи Ильи. Добрыня хочетъ убить её, но она взмолилась Ильѣ, обѣщаетъ показать погребъ съ золотой казною. Богатыри дивуются злату серебру; оглянулся Илья, а тѣмъ временемъ Добрыня бабѣ голову срубилъ (Кир. I,

стр. 11—15, № 6). Обѣщаніе показать погребъ было, быть можетъ, такой-же коварной уловкой, отводомъ глазъ, какъ приглашеніе на постель, устроенную надъ западней.

Въ пѣсняхъ I и III-й группы, сократившихъ роль матери, трагическая развязка исчезла, не потому чтобъ она выпала, какъ выше (стр. 324) мы объяснили въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ отсутствіе трагической развязки при сынѣ; здѣсь она замѣнена другою: мать просто указываетъ сыну, побѣжденному неизвѣстнымъ ему старымъ богатыремъ, что онъ и есть его отецъ, а въ нѣкоторыхъ вариантахъ даже наказываетъ Сокольникову — поклониться ему, если встрѣтитъ его въ полѣ. Только двѣ пѣсни удержали, но въ подновленномъ видѣ, трагическій исходъ, заставивъ — сына покуситься на жизнь матери ¹⁾.

¹⁾ Библиографія распространеннаго пѣсеннаго и сказачнаго сюжета о борьбѣ отца съ сыномъ была собираема и пополняема не разъ. Я надѣялся открыть нѣчто новое въ брошюрѣ Heinrich von Wisłocki, Eine Hildebrands-Ballade der transsilvanischen Zigeuner (Lpz. 1880), но жестоко ошибся, повѣривъ заглавію: парень убиваетъ въ лѣсу странника, бросаетъ его трупъ въ «священную рѣку» и спѣшитъ къ матери Bakilo съ платомъ (Tuch), который онъ взялъ у убитаго. По немъ мать узнаетъ, что ея сынъ убилъ собственнаго своего отца, Thagag'a. — Съ мотивомъ баллады о Гильдебрандѣ эта пѣсня ничего не имѣетъ общаго, какъ «священная рѣка» съ Гангомъ, память котораго будто-бы сохранили на своихъ далекихъ странствованіяхъ Цыгане.

Х.

Алексѣй Поповичъ и Тугаринъ — Илья Муромецъ и Идолище.

Разбирая пѣсни о боѣ Илья Муромца съ сыномъ я указалъ на черты сходства между вступительной сценой ихъ первой группы и былиной о «гибели богатырей». Я присоединю къ этимъ сближеніямъ еще одно, открывающее намъ любопытныя точки зрѣнія на процессы пѣсеннаго сложенія — и искаженія.

До насъ дошла одна полная былина (Кирша Даниловъ, стр. 180—94 = Кир. II, № 1, стр. 70—80 = Сахаровъ, Сказ. русск. народа, т. I, 1841 г.: Народныя русскія былины, стр. 22—26), два прозаическихъ пересказа (Потанинъ, Юго-Западная часть Томской губерніи, Этнограф. Сборн. VI, 102—4; Аванасьевъ, Нар. Русск. Ск., № 177) и двѣ эпизодическихъ пѣсни (Рыбн. III, № 20, Гильф. № 99) объ Алешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ. Былина Кирши представляетъ довольно запутанный сводъ разнообразныхъ былевыхъ мотивовъ, значительно затрудняющій уясненіе ея первоначальнаго содержанія — если не вѣрнѣе будетъ говорить о содержанія двухъ пѣсень, сплотившихся другъ съ другомъ и вдобавокъ притянувшихъ къ себѣ общія мѣста

нѣкоторыхъ другихъ былинъ. — Въ виду сложности вопроса я разобью былину на нѣсколько мелкихъ отдѣловъ, значеніе которыхъ уяснится намъ при дальнѣйшей попыткѣ возстановленія.

1. «Два могучіе богатыря», Алѣша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, выѣзжаютъ изъ Ростова (обычная въ позднѣйшую пору локализациа Алѣши) въ поле чистое, наѣхали на «горючъ камень» при распутіи; на камнѣ надпись: одна дорога лежитъ въ Муромъ, другая въ Черниговъ, третья въ Кіевъ, «ко ласкову князю Владиміру». Алѣша держитъ поворотъ къ Кіеву.

Не доѣхавши они до Сафать-рѣки,
 Становились на лугахъ на зеленныхъ,
 Надо Алѣшѣ покормить добрыхъ коней;
 Разставили тутъ два бѣла шатра,
 Что изволилъ Алѣша опочивъ держать.
 А и мало время позамѣшавши
 Молодой Екимъ со добры кони
 Стреножимши въ зеленъ лугъ пустилъ,
 Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.
 Прочла та ночь осенняя,
 Ото сна пробуждается,
 Встаетъ рано ранешенько,
 Утренней зарею умывается,
 Бѣлою ширинкой утирается,
 На востокъ онъ Алѣша Богу молится.
 Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
 Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
 А сводилъ ихъ поитъ на Сафать-рѣку.

2. Велѣвъ осѣдлатъ ихъ, Алѣша вмѣстѣ съ Екимомъ ѣдетъ къ Кіеву; на встрѣчу имъ калика переходжій, говоритъ:

Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
 Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
 Промежъ плечей косая сажень,
 Промежу глазъ калена стрѣла;
 Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
 Изъ хайлища пламень пышетъ,
 Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Алеша мѣняется съ каликой платьемъ, беретъ у него его лапотки, «шляпу Сорочинскую, земли греческой» и шелепугу подорожную,

3. идетъ за Сафать рѣку, гдѣ встрѣчается съ Тугаринымъ Зиѣвичемъ, бьется съ нимъ и «отрѣзалъ ему голову прочь». Возвращаясь къ шатрамъ въ цвѣтномъ платьѣ Тугарина, онъ не узналъ ни Екимомъ, ни каликой: Екимъ Ивановичъ, принявъ его за Тугарина, бросаетъ въ него палицей и угодилъ прямо во груди бѣлыя. Упалъ Алеша; Екимъ сѣлъ на него, собирается его доканать, когда увидѣлъ на немъ «золотъ чуденъ крестъ» и призналъ своего «братца родимаго».

Самъ заплакавъ, говорилъ каликѣ переходящему:

«По грѣхоу надо мной Екимомъ учинилося,

Что убилъ своего братца родимаго!»

И стали его оба трясти и качать,

И потомъ подали ему питья заморскаго:

Оттого онъ здравъ сталъ.

Стали они говорити и между собою платьемъ мѣнятъ:

Калика свое платье надѣвалъ каличье,

А Алѣша свое богатырское,

.....

И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,

4. гдѣ Владиміръ ихъ учествовалъ, сажаетъ Алешу въ большое мѣсто, но онъ садится «со своими товарищи на полатной брусъ».

Мы видѣли, что Тугаринъ — убитъ въ бою съ Алешей, между тѣмъ теперь его несутъ на «доскѣ красна золота» двѣнадцать богатырей, сажаютъ въ мѣсто большее подлѣ княгини Апраксѣвны.

А Тугаринъ Зиѣвичъ не честно хлѣба ѣсть,

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,

Тѣ ковриги монастырскія;

И не честно Тугаринъ питья пьеть,

По цѣлой чашѣ охлестываетъ,

Котора чаша въ полтретья ведра.

И говорилъ втапору Алѣша Поповичъ младъ:
 «Гой еси ты, ласковой сударь Владиміръ князь!
 Что у тебя за болванъ пришелъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно у князя за столомъ сидитъ,
 Ко книгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
 Цѣлуетъ во уста сахарныя,
 Тебѣ князю насмѣхается.
 А у моего сударя батюшки
 Была собачица старая,
 Насилу по подстолью таскалася,
 И костью та собака подавилася:
 Взялъ её за хвостъ, подъ гору махнулъ;
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!»
 Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь.

5. На столъ подаютъ «лебедушку бѣлую»;

И ту рупала княгиня лебедь бѣлую,
 Обрѣзала рученку лѣвую,
 Завернула рукавомъ, подъ столъ опустила,
 Говорила таково слово:
 «Гой вы еси, княгини-боярыни,
 Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
 Либо смотрѣть на мнѣ животъ,
 На молода Тугарина Змѣевича».

6. Тугаринъ проглатываетъ за-разъ цѣлую лебедь и ковригу
 монастырскую. Алеша глумится:

«Гой еси, ласковой осударь Владиміръ князь,
 Что у тебя за болванъ сидитъ,
 Что за дуракъ неотесаной?
 Не честно за столомъ сидитъ,
 Не честно хлѣба съ солью ѣстъ,
 По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
 И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
 У моего сударя батюшки,
 Ѳедора пона Ростовскаго,
 Была коровица старая,

Насилу по двору таскалася:
 Забилася на поварню къ поварамъ,
 Выпила чанъ браги прѣсныхъ,
 Оттого она лопнула, —
 Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ:
 Отъ меня Тугарину то-же будетъ!
 Тугаринъ потемнѣлъ какъ осення ночь,
 Выдернулъ чингалище булатное,
 Бросилъ въ Алѣшу Поповича;
 Алѣша на то-то вертокъ былъ,
 Не могъ Тугаринъ попастьъ въ него.
 Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
 Говорилъ Алѣшѣ Поповичу:
 «Самъ-ли ты бросаешьъ въ него, али мнѣ велишь?»
 — Нѣтъ, я самъ не бросаю и тебѣ не велю!
 Заутра съ нимъ перевѣдаюсь;

7. Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
 Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
 А бьюсь о своей буйной головѣ. —
 Втапору князи и бояра
 Скочили на рѣзвы ноги
 И всѣ за Тугарина поруки держатъ:
 Князи владутъ по сту рублей,
 Бояра по пятидесять, крестьяне по пяти рублей;
 Тутъ-же случилися гости купеческіе,
 Три корабля свои подписываютъ
 Подъ Тугарина Змѣевича,
 Всяки товары заморскіе,
 Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ;
 А за Алѣшу подписывалъ владыка Черниговской.
8. Втапору Тугаринъ и вояъ ушелъ,
 Садился на своего добра коня,
 Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.

Княгиня упрекаетъ Алешу, что онъ не далъ посидѣть ея другу милому; а Алеша поѣхалъ съ товарищами на Сафать-рѣку, сталъ въ шатрахъ и всю ночь молится, чтобы Господь послалъ тучу грозную съ дождемъ и градомъ, подмочило-бы бумажныя крылья

у Тугарина. Молитва услышана, Тугаринъ падаетъ на землю, и Алеша съѣхавшись съ нимъ, прибѣгаетъ къ такому-же обману, какъ Александръ въ битвѣ съ Поромъ въ пересказѣ сербской Александріи: говоритъ, что Тугаринъ обѣщаль биться съ нимъ одинъ на одинъ, а привелъ за собой несмѣтную силу. Тугаринъ оглянулся, а Алеша пользуется этимъ, чтобъ срубить ему голову, которую привозитъ въ Кіевъ и бросаетъ «среди двора княженецкаго».

9. Говорилъ Владиміръ князь:
 «Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 Чась ты мнѣ свѣтъ даль!
 Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
 Служи мнѣ князю Владиміру,
 До любви тебя пожалую.

А княгиня бранитъ его деревенщиной, засельщиной за то, что разлучилъ её «съ другомъ милымъ» — и Алеша не остается у ней въ долгу.

Былина Рыбн. III, № 20 приблизительно отвѣчаетъ 5 и слѣд. §§ пересказанной нами пѣсни: въ Кіевѣ «объявилось новое чудовище», Тугаринъ Змѣевичъ; за столомъ онъ глотаетъ по цѣлой лебеди и по чарѣ заразъ; Алеша, сынъ Левонтыя попа Ростовскаго, глумится надъ нимъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ большой пѣсни; Тугаринъ бросаетъ въ него ножомъ, который налету подхватываетъ слуга Алешинъ, «Акимъ Паробокъ». Онъ спрашиваетъ Алешу: самъ-ли онъ пойдетъ «супротивиться» съ Тугаринымъ, или его пошлетъ. «Не куда уйдетъ гагара безногая», отвѣчаетъ тотъ; слѣдующій за тѣмъ бой описанъ кратко:

Выѣзжалъ Алеша во чисто поле,
 Стрѣтилъ Тугарина Змѣевича,
 И убилъ Тугарина Змѣевича.

Описаніемъ этого боя (§ 8 большой былины) ограничивается Гильф. № 99; у Тугарина бумажныя крылья, онъ названъ Идолицемъ («Задолице») поганымъ; но подробности боя иныя. — Сказка, напечатанная Аванасьевымъ III, № 177 и сохранив-

шая ясныя слѣды пѣсеннаго склада, начинается съ рожденія Алеши (отецъ: Леонтій попъ) и выѣзда его въ Кіевъ съ Марышкомъ Парановымъ сыномъ (= Акимъ Паробокъ); Тугаринъ Змиѣвичъ обнасилничалъ Кіевъ, обнимается съ княгиней, по ковригѣ за щеку, по другой за другую кладеть, на языкъ кладеть цѣлаго лебеда, «пирогомъ попихнулъ, все вдругъ проглотнулъ». Слѣдуетъ перебранка съ Алешей, въ котораго Тугаринъ пускаетъ ножемъ; Алеша подхватываетъ его; Марышко бросаетъ Тугарина «о палату бѣлокаменну», просить ножа, чтобъ покочичить съ нимъ, но Алеша велитъ отпустить его въ поле, гдѣ онъ съ нимъ вѣдается на другой день. Тугаринъ летаетъ по поднебесью, но по молитвѣ Алеши дождь подмочилъ его «крыльица бумажныя», и онъ палъ на сыру землю. Въ битвѣ съ нимъ повалился Алеша, но успѣлъ увернуться подъ «конное чѣрево» и убиваетъ Тугарина, голову котораго везетъ въ Кіевъ ¹⁾.

Обратимся къ разбору большой былины у Кириши.

I.

Она, несомнѣнно, сводная, представляетъ контаминацію двухъ пѣсень, въ которыхъ одинаково являлся Алеша; и та и другая заключались его поединкомъ съ врагомъ. Контаминація, принадлежащая, вѣроятно, новѣйшему времени, такъ какъ еще ясны слѣды механическаго свода. Обѣ части нынѣ сводной былины кончались смертью Алешина противника, и это обстоятельство удержано вмѣстѣ съ именемъ врага, убитаго въ первомъ бою и снова являющагося въ послѣднемъ. Первый происходилъ на Сафать-рѣкѣ; такъ могло быть въ первой пѣснѣ; далѣе Алеша ѣдетъ въ Кіевъ, происходитъ извѣстная сцена съ Туга-

¹⁾ Сказка о Федорѣ Тугаринѣ и Анастасіи Прекрасной, у Аванасьева I, № 95 не имѣетъ ничего общаго съ Тугаринымъ былинъ, кромѣ той черты, что конь Федора, попасшись три зари на росѣ «ставъ носить въ пол-дерева, на другій день паверхъ дерева, на третій па *поднебесью*».

ринимъ при дворѣ Владимира, а послѣдній поединокъ съ Тугаринымъ опять перенесенъ на Сафатъ. Ясно, что локалізація первой пѣсни повліяла на вторую, какъ, наоборотъ, эпизодъ, которымъ открывалась вторая (§ 2), проникъ въ составъ первой, гдѣ онъ, очевидно, не у мѣста: я разумію введеніе калики и вызванный имъ двоякій мотивъ переодѣванія (Алеша переодѣвается каликой, затѣмъ наряжается въ цвѣтное платье Тугарина).

Первая пѣснь могла обнимать §§ 1 и 3; я сомнѣваюсь, чтобъ въ ней уже находилось имя Тугарина. Алеша выѣхалъ съ Акимомъ Ивановичемъ на Сафатъ-рѣку, гдѣ бьется съ врагомъ. Это — схема пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, группа I-ая¹⁾, и былины о гибели богатырей. Послѣднюю напоминаетъ въ особенности § 3: Алеша, возвращаясь съ боя въ одеждѣ Тугарина, убить своимъ братомъ (названнымъ?) Акимомъ, который оживляетъ его питьемъ заморскимъ. Я приравниваю къ этому эпизоду сходный въ пѣснѣ о гибели богатырей: Добрыня убить Татаринимъ въ схваткѣ на Сафатъ-рѣкѣ; Алеша (его названный братъ) оживляетъ его при помощи живой и мертвой воды, за которыми воронъ слеталъ на синѣ-море.

Оживленіе Алеши дало возможность приплестъ къ этой пѣснѣ другую, содержаніе которой обнимало § 2 и §§ 4—9: я разумію общія очертанія былины, не обращая пока вниманія на позднѣйшіе наросты, на которыя укажу далѣе. Алеша ѣхалъ къ Киеву; калика переходящій говорилъ ему о Тугаринѣ; переодѣвшись въ каличье платье, богатырь приходитъ въ Киевъ, гдѣ на пиру перебранивается съ Тугаринымъ, котораго потомъ и убиваетъ въ схваткѣ.

Хорошимъ подтвержденіемъ моего анализа является прозаическій пересказъ той-же былины, записанный (къ сожалѣнію по памяти) въ Томской губерніи Потанинымъ. Ъдутъ два богатыря, Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, подѣзжаютъ

¹⁾ См. также въ началѣ былины — распутія, напоминающія такое-же вступленіе въ старину объ Алешѣ (Ефименко I. с., № VII, стр. 25 слѣд.), кончающуюся боемъ Ильи съ сыномъ.

къ розстанямъ: одна дорога ведетъ въ Кіевъ градъ, другая въ Путиловъ градъ; Алеша хочеть ѣхать по второй, но Екимъ его отговариваетъ. Далѣе новыя розстани: одна дорога въ Кіевъ, другая въ Черниговъ; новыя колебанія Алеша, и снова Екимъ уговариваетъ его держать путь къ Кіеву. Возлѣ дороги дерево, на немъ черный воронъ, съ вѣтки на вѣтку перелетываетъ, словно надъ богатырями насмѣхается. Алеша собирается подстрѣлить его, но тотъ провѣщилъ: пусть не тратитъ стрѣлу по напрасну, а ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ въ гостяхъ у Владиміра живетъ Тугаринъ Змѣевичъ, живетъ не два, а ровно три года, и князь ему не радъ. — Приѣзжаютъ богатыри въ Кіевъ; Алеша Поповичъ не садится въ мѣсто богатырское, а на печной столбъ; приказываетъ Екиму Ивановичу принести коверъ и показываетъ его князю: всѣ удивляются коври. Слѣдуетъ перебранка съ Тугаринымъ, выпивающимъ за-разъ по ведру вина, проглатывающимъ по ковригѣ, и типическая для этого круга былинъ замѣтка Алѣши: объ отцовской коровѣ, выпившей через мѣру («ведро гущи»). Тугарину это за бѣду стало: въ поединкѣ съ Алѣшей онъ также поднимается на бумажныхъ крыльяхъ, но по молитвѣ русскаго богатыря сдѣлалась гроза, крылья подмокли и врагъ упалъ на землю. Алеша отрубилъ ему голову и сталъ звать Екима Ивановича; тотъ разбѣжался, не разглядѣлъ хорошенько Алѣшу, повалилъ его, началъ бить и спохватился лишь когда тотъ подалъ голосъ. Возвращаясь въ Кіевъ Алеша знаетъ, что всѣ будутъ рады его подвигу, не рада одна Апраксѣвна; голову Тугарина онъ бросаетъ посреди двора: «вотъ, могучіе богатыри, мячикъ потѣшатися»; а княгиня вышла на крыльцо и сказала: «Стыдно доброму молодцу смѣяться надъ буйною головой добраго молодца».

Новымъ въ этой былинѣ является общее мѣсто о вѣщемъ воронѣ ¹⁾, замѣнившее эпизодъ о каликѣ. Послѣдній, вѣроятно, находился въ оригиналѣ былины; несомнѣнно во всякомъ случаѣ,

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ см. выше, стр. 138.

что въ Кіевъ Алёша является *переодѣтымъ*, ему и отводится небогатырское мѣсто, на печномъ столбѣ (въ былинѣ: «на полатномъ брусь»); судя по подробности о коврѣ, можно предположить, что онъ явился — купцомъ. Съ другой стороны въ Потанинскомъ пересказѣ нѣтъ перваго поединка съ Тугаринымъ, и ошибка Акима отнесена къ послѣдней битвѣ съ нимъ Алёши. Это увлеченіе Акима напомнило какому-нибудь сказителю сходныя черты въ былинѣ «о гибели богатырей», и онъ перенесъ соотвѣтствующія подробности пѣсни о Тугаринѣ къ ея началу, опустивъ её тамъ, гдѣ она была у мѣста, т. е. въ концѣ.

Освобожденная отъ этихъ искаженій и приставокъ былина объ Алёшѣ и Тугаринѣ отвѣчаетъ схемѣ былинъ объ Ильѣ и Идолищѣ. Почти тѣ-же подробности, иногда однѣ и тѣ-же выраженія.

Я указалъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, что мѣсто дѣйствія пѣсень объ Идолищѣ колеблется между Кіевомъ и Царьградомъ. Въ слѣ-

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 53 слѣд. — *Былины объ Ильѣ и Идолищѣ*: Рыбн. I, № 15 (Кіевъ, Одолище, Идолище), 16 (прозанческій пересказъ: Илья ѣдетъ въ Идольское царство), 17 (Царьградъ, Идолище = Гильф. № 48); III, № 7 (= Гильф. № 144: Кіевъ, Татаринъ), 8 (Идолище, мѣстнаго опредѣленія нѣтъ), 9 (Царьградъ, Издолина); Кир. IV, № 4, стр. 18—21 (Кіевъ, Идолище), № 5, стр. 22—38 (Іерусалимъ = Царьградъ, Одолище); ib. I Прилож. стр. XIV—XVI (изъ Сахаровской сказки: Кіевъ, Идолище), стр. XXI—XXII (изъ сказки у Аванасьева: Кіевъ, Идолища); Гильф. № 4 (Кіевъ, Татаринъ = Идолище), 22 (Кіевъ; Батыга Батыговичъ = Одолище), 106 (Кіевъ, Идолище), № 120 (Одолище въ городѣ Кряковѣ?), 144 (Кіевъ, Татаринъ = Идолище), 178 (Кіевъ, Идолище), 186 (Кіевъ, Идолище), 196 (Царьградъ, Идолище), 232 (Царьградъ, Издолище), 245 (Кіевъ, Батыга Батыговичъ = Едолище). — Сл. Барсовъ, Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи (СПб. 1873): Илья Муромецъ, № 1-й, стр. 22—29 (первая половина пѣсни) и № 2-й, стр. 29—34 (Царьградъ). Сл. соотвѣтствующій эпизодъ въ крайне-испорченной сводной былинѣ у Ефименка, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, ч. 2, № VIII, стр. 82 слѣд.: старина про Илью Муромца. — Эпизодъ объ Идолищѣ, убитомъ Ильею, включенъ въ нѣкоторые пересказы былины о Дюкѣ (см. выше, стр. 137—8); Одолище, какъ эпитетъ, прозвище врага вообще см. въ былинѣ объ Иванѣ Годиновичѣ, Кир. III, № 1, стр. 9 слѣд.); какъ эпитетъ Горынища поганаго, любовника Марины у Гильф. № 122. — Былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ (Гильф. №№ 220, 289, 249, 257, 281) и Каликъ-богатырѣ (ib. №№ 101, 207) — эпизоды пѣсни объ Идолищѣ. — Сл. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 739 слѣд.

дующей характеристикѣ ихъ, примѣнительно къ былинѣ объ Алешѣ и Тугаринѣ, я не обращаю вниманіе на эти отмѣны.

Илья ѣдетъ въ Кіевъ — или Царьградъ — который обна-
сильничалъ Идолище поганое (Одолище поганое — Батыга
Батыговичъ, у Гильф. № 22; Татаринъ ib. № 144; Издолина
Рыбн. III, № 9; Мамай въ пѣснѣ у Ефяменка, № VIII).
Вѣсти о томъ сообщаетъ Ильѣ калика, встрѣтившійся съ нимъ
на пути. Такъ въ 7 былинахъ изъ 11. Не по старому въ Кіевѣ
звонъ звонять, говорить онъ,

Не просятъ милостыни спасенія:
Обнасильничалъ Идолище поганое,
Сидитъ у князя въ новомъ теремѣ,
У княгини держитъ руки въ пазухѣ.

(Кир. IV, № 4, стр. 18 слѣд.); или:

Сидитъ Татаринъ между княземъ и княгиною,
Не даетъ волюшки князю со княгиной думу подумати

(Гильф. № 144);

А въ царици сидитъ онъ лицинищомъ,
А въ царю Костянтину Боголюбовичу,
А въ царю сидитъ онъ хребтинищомъ

(ib. № 196);

Во Цари-гради есть вѣра не по старому,
Въ Іеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,
Тамъ обсилио проклятое Идолище,
Сидитъ между царемъ, между царицею,
Межъ Сурывливимъ Васильемъ Боголюбовымъ.

(Барсовъ, I. с. № 2, стр. 29—30).

Часто это описаніе дополняется характеристикой роста и ги-
гантскаго аппетита Идолища:

Въ долину Одолище пяти сажень,
Промежду плечми у Одолища коса сажень,

Головища его какъ пивной котель,
Глаза у него какъ чаши питейныя,
Носище какъ палка дровокóльная.

(Кир. IV, № 5, стр. 23; сл. Гильф. №№ 48, 196);

Онъ по кулю да хлѣба къ выти ѣсть,
По ведру вина да онъ на разъ-то пьеть

(Гильф. № 4 и др.).

— Помѣнявшись платьемъ съ каликой переходимъ, Илья приходитъ въ Кіевъ — или Царьградъ — на царскій дворъ милостыню просить, и завязывается его разговоръ съ Идолицемъ: великъ-ли у васъ казакъ да Илья Муромецъ, по многу-ли ѣсть и пьеть? Илья отвѣчаетъ:

Не огромный нашъ казакъ да Илья Муромецъ,
Ужъ онъ такъ великъ какъ я же есть

(Гильф. № 4);

Ростомъ возрастомъ онъ ровѣнъ со мною

(Кир. IV, № 5, стр. 28; сл. Гильф. №№ 22, 48, 196).

Его аппетитъ, столь-же скромный, вызываетъ похвальбу врага, типически повторяющуюся въ однихъ и тѣхъ-же, либо сходныхъ образахъ, напр.

Я по хлѣбу кладу за щеку,
А по дрúгому кладу я за другую,
Лебедь бѣлую на закусочку,
Ведро мѣрное да на заливочку

(Гильф. № 178; Барсовъ, I. с. № 2, стр. 33 и друг. Сл. еще сказку объ Алешѣ у Аѳанасьева).

Какой это богатырь, говоритъ Идолице объ Ильѣ:

А былъ-бы то вѣдь здѣ да богатырь тотъ,
Какъ я бы тутъ его на долонь-ту клалъ,
Другой рукой опять бы сверху прижалъ,
А тутъ бы еще да вѣдь блинъ-то сталъ.

(Гильф. № 48; сл. *ibid.* № 144; Кир. IV, № 5, стр. 29).

Въ лубочной сказкѣ «идолище просить есть, и принесли ему быка целова жирнова, и онъ ево и с костми съель. И ідолища попросилъ пить, и принесли котелъ пива, а несли 12 члѣкъ, и онъ взялъ за уши и выпилъ его весь. — Илья Муромецъ говоритъ: Была у моего батюшки кобыла обжерлива, обожралась и издохла»¹⁾.
Таковъ и обычный отвѣтъ Ильи въ былинахъ:

Какъ у моего было у батюшка
Большобрюхая коровища обжористо,
Она много ѣла-пила, да и лопнула

(Гильф. № 178);

У насъ какъ у попа было ростовскаго
Какъ была что корова обжориста,
А много она ѣла, пила, тутъ и трѣснула,
Тебѣ-то бы поганому да также быть

(ib. № 48);

Какъ у нашего попа да Левонтья да Ростовскаго
Какъ бывала тутъ коровища обжориста и т. д.

(ib. № 4).

Съ Левонтиемъ ростовскимъ попомъ мы не только возвращаемся къ Алешину роду, какъ онъ установился въ былинахъ, но и къ нашей пѣснѣ о Тугаринѣ, гдѣ мы встрѣтили тоже общее мѣсто (§ 6: У моего сударя батюшки, Ѳедора попа Ростовскаго и т. д.), тогда какъ другое (I. с. § 4: А у моего сударя батюшки Была собачища старая и т. д.) попалась мнѣ въ одной изъ былинъ объ Идолищѣ (Ефименко, I. с. № VIII, стр. 35):

А была у Владиміра собака обжорлива,
По подстолю собака водилася,
Косьемъ та собака подавилася,
Тутъ собакѣ и смерть пришла.

(Сл. Кир. IV, № 5, стр. 29: Встарь было у князя у Владиміра, — Было коровище обжористо).

¹⁾ Д. Ровинскій, Русскія народныя картинки, кн. I: История о славномъ и о храбромъ богатыре Ильѣ Муромце и о Соловьѣ разбойнике, стр. 7.

Разгнѣванный этими насмѣшками Идолище бросаетъ въ Илью ножемъ, но тотъ отвернулся во время и самъ убиваетъ противника, либо шляпой земли греческой, либо клюкой сорочинскую; или онъ ударяетъ Идолищемъ о сыру землю и т. п. Только у Рыбн. III, № 8 и въ сводной былинѣ у Барсова (I. с. № 1, стр. 25) дѣло кончается боемъ:

Поѣдемъ-ко, Одолище поганое, въ шпрокò поле,
Отвѣдаемъ-ко силы богатырской! —
— Съѣхались богатыри въ одно мѣсто,
И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ
Одолища поганого на сѣмяна.

Легко убѣдиться, что былина объ Идолищѣ совершенно отвѣчаетъ пѣснѣ о Тугаринѣ. Разница — въ именахъ дѣйствующихъ лицъ: Алеша и Илья; Тугаринъ Зиѣевичъ и Идолище. Вспомнимъ, что у Гильф. № 99 самъ Тугаринъ названъ Идолищемъ («Задолище»), а въ Сказаніи о кievскихъ богатыряхъ «какъ ходилъ во Царьградъ» онъ является, рядомъ съ Идолищемъ жидовскимъ, Идоломъ Скоропитомъ (по буславск. списку) или Скоропѣвичемъ (списокъ Барсова), въ числѣ противниковъ русскихъ богатырей. Скоропитъ, Скоропѣвичъ = Зиѣевичъ¹⁾; Тугаринъ такой-же Идолъ Скоропѣвичъ. — Какъ Идолище обнасилничалъ Кіевъ-Царьградъ, такъ и Тугаринъ въ пѣснѣ объ Алешѣ: иначе трудно объяснить благодарственныя рѣчи къ нему Владиміра, когда онъ низложилъ врага (сл. § 9). Идолище обнасиллялъ божьи церкви, святыя образа (сл. Гильф. № 48), не даетъ воли князю съ княгиней, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ» (Кир. IV, стр. 18 слѣд.). Былина объ Алешѣ развила послѣдній мотивъ новыми: любовныя слабости Апраксѣвны къ каликѣ Михайлѣ и Чурилѣ уже сложились, вѣроятно, въ былевой типъ, когда насильничаііе Тугарина было понято какъ пріятное — именно княгинѣ: что

¹⁾ Сл. Разысканія въ области русск. духовн. стиховъ I: Св. Георгій, стр. 115—116, прим. 2. Въ романскихъ нарѣчіяхъ лат. *scorpio* переходитъ къ значенію ящерицы (пров. *estragioun*), саламандры и даже сверчка, какъ, наоборотъ, слав. ящерь, яшуръ обозначаетъ и ящерицу, и змѣю, и мышь.

онъ кладеть ей руки въ пазуху (§ 4) могло быть уже въ старой пѣснѣ, но смыслъ этого акта измѣнился, когда княгиня въ состояніи такъ залюбоваться на Тугарина, что порѣзала себѣ руку, рушая лебедь бѣлую. Вспомнимъ тотъ-же эпизодъ въ пѣснѣ о Чурилѣ, Гильф. № 223:

Прекрасная княгиня-та Аправсіа
 Да рушала мясо лебедіноѣ,
 Смотрячійсь-де на красоту Чурилову,
 Обрѣзала да руку бѣлу правую,
 Сама говорила таково слово:
 «Да не дивуйте-ко вы жены господскіе,
 Да что обрѣзала я руку бѣлу правую:
 Да помѣшался у меня разумъ въ буйноѣ головѣ,
 Да помутилисе у мн'я-де очи ясные,
 Да смотрячійсь-де на красоту Чурилову.

Бой съ Тугариномъ, заканчивающій былинку, обыкновенно разнится въ подробностяхъ отъ боя Илья съ Идолицемъ. Эта сцена не на столько существенна, чтобъ она могла ослабить впечатлѣніе родства и почти тождества, которое раскрылось намъ изъ сличенія двухъ былинъ: объ Идолицѣ и Тугаринѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, у Рыбн. III, № 8, черты положительнаго тождества: Идолище «ѣздитъ подь облакой», а Илья молить о дождѣ, «чтобы подмочило у Идолица добра коня крыматаго, Опустилось бы Идолище на сыру землю, Поѣхало-бъ Идолище по чисту полю». Лишь когда врагъ спустился на землю, Илья вступаетъ съ нимъ въ бой; стало быть, какъ въ былинѣ объ Алешѣ. Что до одного мелкаго эпизода послѣдней, связаннаго съ рассказомъ о боѣ, то онъ едва-ли оригиналенъ: какъ за Тугарина держать поруки князя и бояре и гости купеческіе, а за Алешу владыка Черниговскій, такъ и въ одной пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 5:

За князя Владимира держать поруки крѣпкія
 Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де, гости корабельшники,
 Закладу они за князя кладутъ на сто тысячей;

А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ, —
 Пригодился тутъ владыка Черниговской,
 А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
 Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей, —
 Подписался.

II.

Чередованіе именъ Ильи и Алеши въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія и направленія ставитъ вопросъ о причинахъ этой смѣны и о времени, когда она совершилась. Предполагать её позднею нельзя; типъ Алеши, какъ онъ теперь и, вѣроятно, задолго передъ тѣмъ, сложился въ пѣсенномъ эпосѣ, не ладился-бы въ одной и той-же роли съ Ильей. Я предполагаю что и былина о Тугаринѣ съ Алешей и пѣсни объ Идолицѣ — продукты разложенія болѣе древняго сказанія, на составъ котораго можетъ отчасти указать «Сказаніе о кіевскихъ богатыряхъ, какъ ходили во Царьградъ».

Разбирая былины объ Идолицѣ и о Голяхъ кабацкихъ ¹⁾, фабула которыхъ является приуроченной то къ Кіеву, то къ Царьграду, я замѣтилъ, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣло Идолице; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ (Идолице, Голи Кабацкіе), первоначально приуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ рассказывающихся безразлично о томъ и другомъ ²⁾. Былина № 232 Гильф. распредѣляетъ ихъ такимъ образомъ, что сцена съ Голями, вызвавшая неудовольствіе Ильи на князя и его удаленіе, помѣщена въ Кіевѣ, а бой съ Идолицемъ въ Царьградѣ. «Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно» ³⁾. Въ настоящее время

¹⁾ Сл. Южно-русскія былины I, стр. 58 слѣд.

²⁾ ib. стр. 58.

³⁾ ib. стр. 59.

я склоненъ видѣть въ Гильф. № 232 древнѣйшій видъ дошедшихъ до насъ пѣсень объ Идолицѣ, за которыми поднимается болѣе древній типъ пѣсни — въ Сказаніи о хожденіи русскихъ богатырей въ Царьградъ.

Сказаніе это дошло до насъ въ двухъ спискахъ: XVII (Барсова)¹⁾ и XVIII вѣка (Буслаева)²⁾, сохранившихъ въ неодинаковой мѣрѣ складъ былеваго стиха, но несомнѣнно восходящихъ къ одному и тому-же пѣсенному тексту, такъ что, пользуясь тѣмъ и другимъ, можно приблизительно возстановить схему подлинника. Барсовскому списку принадлежитъ преимущество языка, болѣе древняго и народнаго, за то встрѣчаются пропуски и дублиеты, не объяснимые эпическимъ повтореніемъ. Такъ въ самомъ началѣ Барсовскій текстъ представляетъ несомнѣнный пропускъ обычнаго запѣва: описанія княжескаго пира:

Во столномъ славнемъ граде Кieve
Говоритъ князь Владимиръ Всеславичъ Кіевской.

Въ списокѣ Буслаева:

*В столномъ было градъ Кіевъ,
У великаго князя Владимира,
Было прованье почестное
На многія князи и бояря
И на сильныя могучія богатыри.
И какъ пошелъ прѣ новоселной,
И зворотитъ князь Владимиръ Кіевски,*

говорить, что царь Константинъ посылаетъ на Кіевъ своихъ богатырей; такъ пусть русскіе богатыри стоятъ накрѣпко, берегутъ городъ.

И слышали русскія богатыри таково слово,
И пошли они изъ за стола не докушамши,
Бьютъ челомъ они великому князю Владимиру Кіевскому.

1) Богатырское слово въ списокѣ начала XVII вѣка, откр. Е. В. Барсовымъ, въ приложеніи къ XL т. Записокъ Имп. Акад. Наукъ, № 5.

2) Пам. старинн. русск. литературы, II, стр. 311—5.

Слѣдуютъ имена богатырей; они говорятъ князю:

Государь ты, великой князь Владимиръ Кіевской!
 Не извадилсь мы, государь, дома сидѣть,
 Извадилсь мы, государь, самп ѣздить по полю по чистому,
 Побивать люди многія.
 Отпусти насъ, государь, во поле чистое,
 Мы тебѣ принесемъ вѣсть правую
 И языкъ приведемъ многія.

За отказомъ Владиміра «закручинились» богатыри, идутъ къ своимъ конямъ, снаряжаются и ѣдутъ прямо къ Царьграду.

Такъ въ Буслаевскомъ текстѣ. Въ Барсовскомъ спискѣ послѣдовательность несомнѣнно спутана, перечень богатырей попалъ не въ свое мѣсто; отсюда — повторенія. Когда Владиміръ велитъ богатырямъ беречь Кіевъ и не разѣзжаться,

12 Бьютъ челомъ ¹⁾ семь богатырей:

Государь князь Владимиръ киевской Всеслаевичъ,
Отпусти насъ въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямая вѣсти отдаемъ
И приведемъ тебѣ, государю, языка добраго,
 Тебѣ, государю, славу великую учинимъ,
 И себя, государь, въ честь введемъ,
 И всему твоему государству похвалу великую учинимъ,
 И многія орды острастимъ.
 А взговорятъ богатыри таково слово:
 Государь князь Владимиръ Кіевской!
Сторожемъ мы съ землѣ не извадили жить,
 Не доведетца намъ сторожами снѣтъ!

Слѣдуютъ: «Имена богатыремъ» и затѣмъ повтореніе тѣхъ-же богатырскихъ рѣчей:

39 *Не извадилсь мы сторожемъ стеречи,*
 Только мы извадилсь въ чистомъ поле ѣздити,
 Побивать полки татарскіе.

¹⁾ Въ текстѣ вмѣсто «челомъ» — «въ столѣ». Сл. стихъ 56: Ударя челомъ.

*Отпусти насъ, государь, въ чистое поле,
Мы тебѣ, государю, прямы вѣсти отдаемъ,
Или тебѣ приведемъ языка добраго.*

Когда и теперь Владиміръ ихъ не отпускаетъ, они собираются въ отъѣздъ.

Сообщаю имена богатырей въ порядкѣ Барсовскаго текста; ихъ семеро ¹⁾:

Илья Муромецъ	—	Булс. тоже
Добрыня Никитичъ	—	— — —
Дворянинъ Залѣшанинъ	—	— — —
Олеша Поповичъ	—	— — —
...шата Елизыничъ	—	Булс. богатырь Глапить
Суханъ Доментьяновичъ	—	Булс. Суханъ Домантьевичъ
Бѣлая Палица	—	Булс. дворянинъ Бѣлая Палица.

Барсовскій текстъ прибавляетъ характеристики: къ дворянину Залѣшанину: 28 «Серая свита, злаченые пугвицы»; къ Бѣлой Палицѣ:

33 «Краснымъ золотомъ украшена,
Четьимъ жемчюгомъ унизана,
Посреде тоей палицы камень,
Самоцвѣтный пламень.

Богатыри ѣдутъ къ Царьграду; не доѣзжая двѣнадцати поприщъ (Булс. версть) до города, за Смугрой рѣкой, встрѣчаютъ двѣнадцать каликъ (въ Барс. спискѣ, несомнѣнно, по обмолвкѣ, они названы цареградскими богатырями), у нихъ атаманомъ Никита,

¹⁾ Число Владимировыхъ богатырей колеблется между 80, 12 и 7 (сл. Южно-русск. былины I, стр. 80); въ нашемъ Сказаніи Илья говоритъ, что въ Кіевѣ 32 богатыря. Возможенъ-ли вопросъ о большей, сравнительно, древности того или другого показанія — я не знаю. Семь и двѣнадцать одинаково принадлежатъ къ символическимъ числамъ; у Карла V. по *Chansons de gestes* обыкновенно 12 паладиновъ; въ греч. сказкѣ изъ Милоса (*Νεοελληνικά Ἀναλέκτα* I, стр. 29 слѣд. № 6: «Ἡ Βασίλισσα καὶ ὁ Ἀράτης» δωδεκάδα толкуется какъ: οἱ βασιλικοὶ σύμβουλοι, οἱ αὐλικοί; «ἡ βασίλισσα εἶχε συμμαζωμένη ὅλη τὴ δωδεκάδα» и т. п.; въ *Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως*, ed. Wagner, у Ахилла двѣнадцать дружинниковъ: τοὺς δώδεκα ἐκράτησεν τοὺς ἦθειεν καὶ ἡγάπαν, v. 257 и passim. Такимъ образомъ видѣть въ «двѣнадцати» нѣчто спеціально германское — нѣтъ никакого основанія. Сл. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, I, стр. 497—510: Ueber die Zwölfzahl bei den Germanen.

родомъ Карачевецъ (Барс. Никита Ивановичъ, родомъ Карачевецъ); они ходили въ Царьградъ вѣстей искать: собираются-ли тамошніе богатыри въ Кіевъ; и вѣсти эти оказались тѣ-же: похваляются богатыри взять Кіевъ на щиты, полонить князя со княгиней, «А удалыхъ богатырей, станныхъ людей подъ мечъ всѣхъ приклонити, А золото и серебро искатить телѣгами» (Барс.).— Алеша Поповичъ предлагаетъ каликамъ помѣняться съ ними одеждой, но тѣ соглашаются на то лишь по просьбѣ Ильи. — Оставивъ на Смугрѣ рѣкѣ своихъ коней и доспѣхи, въ каличьемъ платьѣ, съ палицами, сирятанными подъ полами гуни, богатыри идутъ къ Царьграду,

151 Да говорятъ межъ собою пословицу:
 «Бога ради, богатыри,
 Будьте къ татарскимъ речемъ стерпивы.
 Говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
 «Всехъ у насъ пуще Олеша Поповичъ,
 Что онъ де пьянъ или не пьянъ,
 Пзо всѣхъ насъ охочъ бранится:
 Тотъ у насъ богатырь кручиновать».

(въ Бусл. спискѣ это мѣсто, очевидно, непонято: «*Кто у насъ, братцы, говоритъ хораздъ языкомъ татарскимъ?*». Отвѣчаетъ дворянинъ Залѣшанинъ, и отвѣтъ почти тотъ-же).

Калики-богатыри приходятъ на царскій дворъ просить милостины, когда тамъ идетъ пиръ, за которымъ сидятъ царскіе богатыри, въ числѣ ихъ: Идолъ Скоропѣевичъ (Бусл. Скоропить) и Тугаринъ Змѣевичъ. Константинъ велитъ Тугарину позвать каликъ въ палату и начинаетъ ихъ спрашивать — откуда они. Противъ царя сидѣлъ Идолъ Скоропѣевичъ; его внѣшность изображаетъ лишь барсовское сказаніе:

181 А ростомъ добре не по обычею:
 Межъ очима у него стрѣла ладится,
 Межъ плечми у него болшая сажень,
 Очи у него, какъ чаша,
 А голова у него, какъ пивной котель,
 Посмотрить на него — устрашиться.

Идолъ велеть Константину спросить у каликъ вѣстей о кiev-скихъ богатыряхъ, «каковы они ростомъ, прытестью» (Барс.), и за тѣмъ спрашиваетъ самъ (у Бусл. Константинъ):

199 Есть-ли у васъ славной богатырь Илья Муромецъ?
 Каковъ онъ рожаемъ
 И каковъ великъ ростомъ?

Илья отвѣчаетъ: 205 И ты, Государь смотри.... на меня;
 у Бусл.:

И зговорить, стоячи, Илья Муромецъ:
 «Ростомъ только съ меня и рожею походить на меня».
 И зговорить тутъ сидючи Идолище великое насмѣхаючись:
 «Аще-ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ,
 И я его посажу на лодонь и другою раздавлю».

Этой похвальбы нѣтъ у Барсова, у котораго, наоборотъ, мы встрѣтили описаніе гигантскихъ размѣровъ Идолища. Оба текста восполняютъ другъ друга.

Идолище говоритъ царю: пусть не мѣшкаетъ отпустить ихъ къ Кіеву, гдѣ они обѣщаютъ учинить «сѣчу великую». Не полюбились эти слова Алешѣ, и онъ грозитъ Идолищу, что если пріѣдетъ въ Кіевъ, не узнаетъ дороги назадъ, и не бывать ему живу. Тотъ разгнѣвался.

235 Говорить дворянинъ Залѣшанинъ:
 «Съ твоего, государь, меду опился».
 Говорить дворянинъ Залѣшанинъ ¹⁾ Олешѣ Поповичю:
 «Уймь свое сердце богатырское,
 Не можно намъ тебя нажурить, ни наговорить».

240 Говорить Олеша Поповичъ:
 «А онъ нашихъ богатырей ни во что ставить,
 И великаго князя хулить
 И Ильѣ посмѣхаетца»
 И Идолъ на него розкручинился.

¹⁾ У Бусл.: Товарищи.

Говорить дворянинъ Залѣшанинъ:
«Изъ ума, государь, онъ выпиваетца»

(Барс.; у Бусл. нѣтъ Барс. ст. 240—246; они могли представиться лишними).

247 Говорить Идоль богатырь (у Бусл. Константинъ)
«Скажите калики про кѣвскихъ богатырей
И каковы у нихъ лошади удалыя?»

250 И съ нимъ говоритъ дворянинъ Залѣшанинъ:
«По вся дни, государь, вѣдаемъ
И лошади богатырскіе знаемъ».

Говорить Идоль-богатырь:

«Царь государь, вольно человекъ после розспрошать,

255 Вели, государь, показать имъ свои лошади царскія»
Царь велѣлъ вывести свои лошади царскія.

Говорятъ калики переходя:»

«Лутче тѣхъ шепать въ Кѣеве и простые лошади,
А на богатырскіе лошади пристрашно посмотреть».

260 Говорить Идоль богатырь:

Вели, царь государь, показать имъ наши лошади богатырскіе»

(у Бусл. нѣтъ ст. 257—261: Идоль-богатырь съ перваго раза просить царя показать каликамъ богатырскихъ коней).

262 Царь велѣлъ вывести лошади богатырскіе:

.а.ю лошадь ведутъ Идола богатыря Скоропѣевича
на .б. чепяхъ на золотыхъ,
.в.ю ведутъ лошадь молода Тугарина Зміевича
на .а.г. чепяхъ серебряныхъ;
за тѣми ведутъ сорока дву богатырей. (Барс.)

Полюбились тѣ кони каликамъ; дворянинъ Залѣшанинъ говоритъ царю, что сверху (изъ палатъ) имъ нельзя разглядѣть ихъ и оцѣнить; они спускаются внизъ, и здѣсь у нихъ является мысль — завладѣть тѣми конями. Калики овладѣваютъ ими съ бою и «изъ града поѣхали до Смугры рѣки» (Барс.; Бусл. «изъ града вонъ»). Роль Алеши Поповича въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ неясна:

306 Добрыхъ коней единъ у царя остался на дворѣ,
И тотъ Алешѣ Поповичю.

- Воротился Алеша гѣшь во Царьгородъ,
 [А коня покинулъ на Смугръ рѣкъ],
 310 Да говоритъ Алеша Поповичъ
 Царю Костянтину таково слово:
 «Потому мы, царь, у тебя лошади не всѣ емлемъ,
 Что хотимъ мы съ твоими богатыри
 Въ чистомъ поле свидѣться,
 315 И ихъ прытость увидети,
 И будемъ мы опять съ твоими богатыри во Царѣградѣ.
 И изговоря Олеша,
 Поѣхали богатыри къ Смугръ рѣвѣ,
 Да кладутъ на себя доспѣхи крѣпкія и т. д. (Барс.)

Иначе у Бусл.: богатыри

(И) сѣли на добрые кони и поѣхали из града вонъ.
 Одинъ остался тутъ младъ Алеша Поповичъ,
 А самъ говоритъ царю таково слово:
 «Потому есть поѣхали изъ града вонъ,
 Что оставили мы своихъ коней богатырскихъ у Смугры рѣки,
 А хотимъ мы съ тобою и съ твоими богатыри перевѣдаться».
 И ударя челомъ царю и поѣхалъ прочь
 До своихъ товарищовъ.

Сравненіи ст. 309 Барс. съ соответствующимъ стихомъ Бусл. указываетъ, что первый попалъ не въ свое мѣсто и стоитъ внѣ связи. Положеніе, можетъ быть, такое: богатыри разобрали коней, одинъ остался, которымъ завладѣлъ Алеша; передъ тѣмъ онъ говоритъ царю, что русскіе богатыри завладѣли конями, потому что оставили своихъ на Смугръ, и не всѣхъ забрали (Барс. 312: не всѣ емлемъ?), чтобы было на чемъ выѣхать противъ нихъ цареградскимъ богатырямъ. — Они дѣйствительно пускаются въ погоню за похитителями: Бусл. *погонею великою*; Барс.: съ *великою поганою* силою; можетъ быть, по ошибкѣ, но въ уровень съ міросозерцаніемъ писца или сказителя Барс., очевидно уже ставшаго на почву современныхъ намъ былинъ и безъ оглядки вводившаго въ цареградское сказаніе *орды и полки татарскіе*. — Еще разъ выступаетъ на сцену Алеша Поповичъ, въ двухъ стихахъ Бусл.

(Постойте, братцы, малешенько, — Дайте мнѣ съ ними перевѣдаться и поперетися), пространнѣе у Барс.:

325 Говорить Олеша Поповичъ:

«Государи мои товарищи!
 Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ поправить
 Свое сердце богатырское.
 Богатырское сердце не стерпчиво,
 Хочетъ и послѣднюю орду побити, похвалу доспѣти.
 Свиснуль, крикнуль богатырскимъ голосомъ:
 «Потерпите малехонько,
 Дайте мнѣ теперво
 Съ ними одному поправиться:
 Хочу себѣ похвалу доспѣти
 Чтобъ увидѣль царь Костянтинъ,
 И дошла-бъ наша похвала
 До князя Владимера».

Изъ дальнѣйшаго не видно, чтобъ желаніе Алеша осуществилось въ пѣснѣ, потому что имя его болѣе не встрѣчается. — Слѣдуетъ описаніе боя: свиснули, крикнули русскіе богатыри богатырскимъ голосомъ,

344 Отъ свисту и отъ крику

Лѣсъ росъзстпаетца,
 Трава постпаетца,
 Добрые кони на окарашени падають,
 Худыя кони и живы не бывали.
 Не птички соловьи въ дубровѣ просвистали,

350 Свиснули, гаркнули русскія богатыри

Плъя Муромецъ съ товарищи.

(Сл. выше, Барс. ст. 299—300, въ эпизодѣ о расхищеніи коней: Не птички соловьи рано въ дубровѣ просвистали, Свиснули, гаркнули богатыри богатырскимъ голосомъ).

352 Говорить цареградцкой богатырь Идолъ Скоропѣвичъ:

«Государи мои товарищи,

Сердце ся у меня ужаснуло, трепещется,
И голова веругъ обходитъ,
И очима не мощно на свѣтъ глядѣть

(сл. выше, стр. 320, въ былинѣ о боѣ Ильи съ сыномъ, слова Соловника: А нунычу у меня топерь у мѳлодца — Рѣчистъ языкъ топерь мѣшается, — Мозги въ головы потрясаются, — А со ясныхъ очей еще видъ теряется). Пугается и Тугаринъ: «храбрость наша — преложися на тихость», говоритъ онъ (сл. въ сербской Александріи: «жалость моя на радость прѣврати се»). Всѣ цареградскіе богатыри перебиты, кромѣ Идола и Тугарина, которыхъ Илья съ товарищи привели къ царю; ѣздимъ мы безъ государева вѣдома, говорятъ они,

400 А похвалу есми видѣли твоихъ богатырей:
Похвала мужю — великая пагуба!

Цареградскіе витязи поплатились за свою похвальбу, какъ рускіе въ былинѣ о гибели богатырей, ибо

всегда гнило слово похвальное,
Похвала живеть человѣку пагуба

(Повѣсть о Горѣ и Злочастіи).

Идоломъ Скоропитомъ или Скоропѣвичемъ богатыри бьютъ челомъ царю Константину, а Тугарина везутъ въ Кіевъ, чтобы было съ тѣмъ ко князю Владиміру явиться; но по просьбѣ Тугариновой матери, которую поддерживаетъ царица Елена, отпускаютъ его впослѣдствіи въ Царьградъ съ тѣмъ, чтобы «имъ на Русь не бывать вѣкъ по вѣку» (Барс.). Такую острастку задали имъ рускіе богатыри, что когда Владиміръ спрашиваетъ Тугарина о «вѣстяхъ» («что у васъ вѣсти въ Царѣградѣ?» Бусл.), онъ отвѣчаетъ: что меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь?

476 «У тебя, государя, вотчины не во всѣхъ-ли ордахъ?
А богатырей твоихъ удахѣ вѣтъ
И во всѣхъ земляхъ» (Барс.).

Таково содержаніе Сказанія, за которымъ необходимо предположить существованіе древней пѣсенной былины, случайно не сохранившейся въ современныхъ пересказахъ, на сколько позволено судить по ея отсутствію въ нашихъ обильныхъ повтореніями сборникахъ. Что такая былина и въ такомъ именно видѣ дѣйствительно пѣлась, я позволяю себѣ заключить изъ пѣсни объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Кир. III, № 3, стр. 4 слѣд., ст. 19—21, 38—41, гдѣ въ числѣ трехъ «похваленныхъ» жеребцовъ Владиміра красуется и Тугариновъ. Мы встрѣтили его въ Сказаніи, онъ особо упомянутъ по поводу коней, полоненныхъ въ Царьградѣ русскими богатырями. И вотъ у Владиміра

Да третій жеребецъ полоненъ воронкѣ,
Да который полоненъ во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ
Какъ у молода Тугарина Змѣевича.

Орда или даже Золотая Орда (ст. 134) вм. Царьграда не вызоветъ никакихъ сомнѣній.

Если обобщить содержаніе Сказанія, то оно представится слѣдующимъ: русскіе богатыри побиваютъ въ Царьградѣ непріятельскихъ богатырей, похвалявшихся обнасилничать Кіевъ. Этотъ типъ подлежалъ дальнѣйшему развитію: угроза приводилась въ исполненіе. Въ былинѣ Гильф. № 207 (Калика-богатырь) несмѣтная вражеская сила уже *стоитъ* на Почай-рѣкѣ,

Хочуть Кіевъ градъ да головою катить и т. д.

Калика-богатырь сообщаетъ о томъ въ Кіевѣ Алешѣ, Добрынѣ и Ильѣ, и всѣ вмѣстѣ, побивъ силу невѣрную, отдаютъ честь Владиміру: «Мы прибили силу всю невѣрную». Сюда-же относится и Кир. I, № 3, стр. 56—58: Тугаринъ *подошелъ* подъ Кіевъ, Илья нѣтъ, вмѣсто него вѣдается съ врагомъ его жена: новый типъ, можетъ быть, навѣянный женою Ставра, какъ у Гильф. № 16 стр. 113—115 Илья является въ роли послѣдняго (жена: Офимья Александровна). Начало былины напоминаетъ зачѣвъ Сказанія: Владиміръ говоритъ князьямъ-боярамъ:

Князья-бояря вы мои вѣрныя!
 А п головы у васъ разумныя!
 Изберите вы молодца изъ-промежь-себя,
 А я дамъ ему рать мою сильную;
 А кто съ нимъ пойдетъ, тотъ съ нимъ пойдетъ,
 А кто съ нимъ нейдетъ, тотъ останется
 Берегчи князя со княжиною.

(Сл. Сказаніе Барс.: «И вы-бъ нынеча никуды не розгѣжались—
 Береги-бы естя града Києва, . . . Пригоже вамъ моя вотчины
 побѣречи). Князья-бояря посылають гонца за Ильей:

Спѣхомъ спѣши, рать въ поле веди
 На того-ли ворога на Загорсково,
 На Тугарина на Бѣлевича.

Илья въ то время «дома не лучилося», его жена Савишна одѣ-
 валась въ платьѣ богатырское, поѣхала къ Киеву, гдѣ всѣ при-
 няли её за Илью по богатырскому скоку и свисту: «Пошла-де
 рать съ Ильей Муромцемъ, — А Тугарину-де съ нимъ не сдобро-
 вать», говорятъ Владиміру князья-бояре. И дѣйствительно:
 Тугаринъ убѣждалъ «въ свои улусы Загорскія», а Илья такъ
 и не узналъ, «кто за него бился съ Тугаринимъ».

Можно-было пойти еще и далѣе въ измѣненіи былиннаго типа:
 представимъ себѣ, что обнасильниченье — совершилось, что Идолъ
 и Тугаринъ сидятъ за столомъ — не Константина, а Владиміра.
 Тогда русскимъ богатырямъ придется спасать Кіевъ отъ Идолица
 или Тугарина; богатыри были въ отлучкѣ (здѣсь являлся самъ
 собою мотивъ непризнанія, оскорбленія, недовольства: мотивы,
 отчасти данныя уже въ Сказаніи), когда нашель врагъ, и возвра-
 щаются на подвигъ — при тѣхъ-же обстоятельствахъ, при кото-
 рыхъ совершается въ Сказаніи походъ семи богатырей въ Царь-
 градъ. — Наконецъ и Идолъ и Тугаринъ за столомъ Константина
 были поняты какъ насильники, и поѣздка кіевскихъ богатырей
 сама-собою обращалось въ спасительную — для Царьграда. Та-
 кимъ образомъ Сказаніе разлагалось — на былины объ Идолицѣ,
 съ протагонистомъ Ильей и двоякимъ приуроченіемъ въ Кіевѣ

или Царьградѣ, и на пѣснь о Тугаринѣ, въ которой роль Алеши была отчасти предугадана его появленіемъ въ Сказаніи. Эта роль даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на его древній типъ въ первичномъ составѣ русскаго эпоса: его хвастовство и задоръ еще не были банальными, когда его заставляли вѣдаться съ Тугаринымъ, а русскія лѣтописи, не помнящія Ильи, запомнили его имя, да Добрынино, въ числѣ «семидесяти храбровъ».

Предложенная мною родословная былинь основана на убѣжденіи, что Сказаніе о семи богатыряхъ сохранило болѣе древнюю форму пѣсни, чѣмъ та, которая представляется позднѣе записанными ея пересказами. При обратномъ предположеніи, т. е. исходя изъ послѣднихъ, локализованныхъ то въ Кіевѣ, то въ Царьградѣ, трудно представить себѣ, какъ могъ слѣзиться и планъ Сказанія, и проникающая его идея; взявъ его за точку отправленія, мы поймемъ и распаденіе плана, и приниженіе идеи въ былинахъ, разложившихъ древнюю цѣльность и огрубившихъ мотивы. Именно поздняго сказителя долженъ былъ особенно привлечь эпизодъ съ Голями, возбудившій недовольство Ильи; въ Сказаніи богатыри недовольны тѣмъ, что Владимиръ обрекаетъ ихъ быть стражами земли, тогда какъ они «извадились въ чистомъ полѣ ѣздити», честь добывать себѣ и князю. Такому пѣвцу долженъ былъ прійтись по сердцу — бой русскаго богатыря съ вражьиимъ, и онъ развилъ его въ обычной манерѣ. Въ этомъ отношеніи сопоставленіе Сказанія съ былинами поучительно: образъ Идола онѣ распространили новыми, вульгарными чертами; Тугаринъ Змѣевичъ обратился въ нѣчто фантастическое: онъ летаетъ на бумажныхъ крыльяхъ, пышетъ огнемъ. Въ Сказаніи еще нѣтъ ничего подобнаго: и Идолъ и Тугаринъ просто богатыри, змѣевичи, драконтопулы среднегреческаго эпоса, какъ я указалъ при другомъ случаѣ¹⁾. — Я не отрицаю, что извѣстный шаржъ,

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1875, Апрель: Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, стр. 774. Выраженное тамъ мнѣніе, что Тугаринъ не имя собственное, я не считаю болѣе своимъ.

доля чудеснаго, часто бываютъ присущи народному представленію врага. Онъ страшенъ — и потому его сила «нездѣшняя», темная; «шелудивый» Бонякъ — вѣдунъ, перекликающійся съ волками; Тугаринъ могъ представиться въ образѣ греческаго или румынскаго драка, нашего сказочнаго змѣя, въ которомъ неулловимо сплелись очертанія богатыря и чудовищнаго звѣря.

Подъ Тугаринымъ нашихъ былинъ разумѣютъ обыкновенно половецкаго хана Тугоркана (Тугортъканъ, Тугортъканъ, Тугторканъ, Торканъ, Туртканъ; виз. *Тоγортάχ, Τογортᾶ*). Если такъ, то и въ Идолѣ Скоропѣвичѣ, его эпическомъ дублетѣ, сохранились, быть можетъ, черты какого-нибудь реальнаго, историческаго лица, памятнаго народному преданію. Я указываю на Боняка, имя котораго связывается съ Тугоркановымъ и въ русскихъ, и въ византійскихъ лѣтописныхъ воспоминаніяхъ. Въ 1091 году Алексѣй Комнинъ, занятый борьбою съ Печенѣгами, обратился за помощью въ половецкіе улусы; когда онъ стоялъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Эносѣ въ виду враговъ, явилась 40-тысячная половецкая орда подъ начальствомъ Тугоркана и Боняка (*Μανιάχ*). Союзники были подозрительны: можно было ожидать, что прійдя на помощь византійцамъ, они стакнутся съ Печенѣгами — и вотъ императоръ пытается склонить ихъ на свою сторону: приглашаетъ къ себѣ ихъ вождей, роскошно угощаетъ ихъ за трапезой, расточаетъ подарки (*Anna Comn. Alex. VIII, 4: θαψιλῆ τοίνυν τράπεζαν αὐτοῖς παρατεθῆναι τοῖς ὀφθοποιοῖς ἐπέταξε· χαλῶς οὖν εὐωχῆθέντας μετὰ ταῦτα φιλοφρονησάμενος αὐτοὺς καὶ παντοίων δωρεῶν ἀξιώσας, ὄρκον καὶ ὀμῆρους ἐξ αὐτῶν ἤτειτο, ὑποπτέουσιν τὸ τῆς γνώμης εὐεξαπάτητον*). Печенѣги были разбиты. — Позже мы видимъ того-же Тугоркана противникомъ Византіи. Въ Херсонѣ жилъ въ заточеніи претендентъ на греческій престолъ, выдававшій себя за сына императора Діогена: Девгеновичъ нашихъ лѣтописей. Половцы помогли ему бѣжать изъ плѣна; Половецкіе князья, и съ ними Тугорканъ, вздумали возстановить его въ отцовскомъ наслѣдствѣ. Новый походъ привелъ ихъ подъ стѣны Адрианополя, защищаемаго Никифоромъ Врѣнниемъ;

въ одной неудачной вылазкѣ молодой греческій витязь наскочилъ на Тугоркана и уже занесъ надъ нимъ ударъ, но едва не погибъ отъ руки Половцевъ, окружавшихъ хана.

Подъ 1094 годомъ наша лѣтопись говорить: «сотвори миръ Святополкъ съ Половци и поя собѣ жену дщерь Тугорканю». Въ 1096 году «воева Куря съ Половци у Переяславля и Устье поуже, мѣсяца мая 24 день.... Сегоже мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополкъ, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30.... и сдѣя Господь въ тѣ день спасенье велико: мѣсяца иулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменици, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи; мнози врази наши ту падоша; на заутрѣ же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ, акы тестя и врага, и привезше и къ Кыеву, погребоша и на Берестовѣмъ.... И въ 20 того-же мѣсяца, въ пятокъ, приде второе Бонякъ безбожный, шелудивый, отай, хыщникъ, къ Кыеву внезапно, и мало въ градъ не вѣхаша Половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и възгоша Стефановъ монастырь и деревнѣй Германечь. И придоша на монастырь Печерскыи.... и кликнуша около монастыря, и поставиша стяга два предъ враты монастырскими.... Безбожные же сынове Измаилеви высѣкоша врата монастырю и поидоша по кельямъ, высѣкающе двери, и изношаху, аще что обрѣтаху въ кельи; посемь възгоша домъ св. Владычицѣ нашея Богородица, и придоша къ церкви, и зажгоша двери, яже къ угу устроении, и вторыя, иже къ сѣверу, и влѣзше въ притворъ у гроба Феодосыва, емлюще иконы, зажгаху двери и укаряху Бога и законъ нашъ». Всё это — по грѣхамъ нашимъ, размышляетъ лѣтописецъ, припоминая по поводу безбожныхъ Измаилтянъ-Половцевъ, ишедшихъ «отъ пустына Етривскыя» — сказаніе о нечистыхъ народахъ, заклепанныхъ Александромъ Великимъ въ горѣ и имѣющихъ явиться оттуда — въ концѣ вѣка.

Лѣтописныя сказанія о Тугорканѣ и Бонякѣ даютъ намъ — не канву нашихъ былинъ о Тугаринѣ и Идолищѣ, а развѣ матерьялъ, вошедшій въ ихъ оригиналъ, близкій къ Сказанію, хотя

съ нимъ и не тождественный. Тѣ-же двойственныя отношенія къ Кіеву и Византіи, тамъ и здѣсь; Половецкіе ханы за столомъ Алексѣя Комнина напоминаютъ Тугарина и Идолище на пиру — Константина или Владиміра; къ древней репутаціи Половца-сыроядца восходить, быть можетъ, невѣроятная прозорливость Идолища. Я не стану сблизать схватку греческаго витязя и Тугоркана подъ стѣнами Адрианополя съ поединкомъ Алѣши и Тугарина, но родственныя отношенія Святослава къ Тугоркану, «гестю и врагу», могли лечь въ основаніе отношеній Тугарина къ Владимиру — и Апраксиі.

Возстановить изъ сообщенныхъ историческихъ данныхъ очертанія нашихъ былинъ, очевидно, не мыслимо, но между тѣми и другими могло находиться утраченное звѣно древняго пѣсеннаго преданія, въ которомъ Половцы играли роль, переятую впоследствии Татарами, и историческій фонъ выступалъ яснѣе. Въ пѣсняхъ и преданіяхъ народовъ, испытавшихъ иго Половцевъ, они не могли пройти безслѣдно. Ими интересовались; та редакція греческой Александріи, которая легла въ основу сербской, ввела Кумановъ-Половцевъ вмѣсто Скивовъ Псевдокалисена С и даже дала имъ въ царя какого-то Алтамышы; въ славяно-русскихъ Вопросахъ и Отвѣтахъ, въ ряду символическихъ обозначеній народовъ, явилось новое: «Куманинъ пардось есть», и авторъ Слова о Полку Игоревѣ запомнилъ этотъ эпитетъ («пардуже гнѣздо»), хотя ему знакомы и другіе, болѣе народные: онъ говоритъ о «поганныхъ», «желѣзныхъ, великихъ» полкахъ Половецкихъ; Половцы у него «дѣти бѣсови», Половчинъ — «чръный воронъ». Какъ-бы вѣяніе степной поэзіи прошло надъ нѣкоторыми эпизодами Слова; въ той народной средѣ, которую оно предполагаетъ, это вѣяніе должно было ощущаться сильнѣе. Къ тому вело долгое общеніе народовъ, не только враждебное, но и мирное: русскіе умыкаютъ «красныя дѣвки Половецкыя (Сл. о П. И.) и сами заживаются въ улусахъ кочевниковъ; князья вступаютъ въ бракъ съ половецкими княжнами; когда Игорь убѣждалъ изъ плѣна, Гзакъ говоритъ Кончаку:

(Игорь) къ гнѣзду летить, соколича (Игорева сына Владимира) ростреляевѣ своими значеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: Аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею» (Сл. о П. И.). — Новая связь явилась, когда Христіанство стало проникать и къ Половцамъ; укажу лишь на легенду о «плѣнномъ Половчинѣ». — При такомъ сближеніи народностей легко предположить, что у насъ не только пѣли пѣсни о Половцахъ, но и вторили пѣснямъ Половецкимъ. Очевидно, первыя имѣются въ виду въ томъ эпизодѣ Слова о Полку Игоревѣ, гдѣ готскія дѣвы поютъ на берегу синяго моря про «время Бусово, лелѣють мечь Шаруканю»; отрывокъ половецкихъ пѣсенъ или преданій, еще отзывающихся ароматомъ степи, сохранился въ нашей лѣтописи подъ 1201 годомъ. Рассказывается, будто-бы Владиміръ Мономахъ губилъ Половцевъ, загнавъ «Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою ожившю(?)... По смерти же Володимерѣ оставшю у Сыръчана единомуу гудьцю-же, Ореви, посла и во Обезы, река: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, поиди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой-же ему пѣсни Половецкія; оже ти невосхочеть, дай ему поухати зелья, именемъ евшанъ.— Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дастъ ему зелье; оному же обухавшю и восплакавшю, рече: Да лучше есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти. И приде въ свою землю; отъ него-же родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, кошель нося на плечеву».

Старыя пѣсни о Половцахъ потеряны, но многія изъ нихъ могли сохраниться отдѣльными мотивами въ нашихъ былинахъ, подъ прикрытіемъ новыхъ именъ. Изъ подъ Татаръ намъ трудно разглядѣть Половцевъ. О Тугаринѣ мы уже сказали; въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ (сл. выше, гл. III, стр. 28) онъ ѣдетъ, по одному варьанту, «въ дальну орду, въ *Половецку* землю», (замѣненную въ другой пѣснѣ царствами: Латинскимъ, Литвинскимъ и Сорочинскимъ), гдѣ бьется съ *Татарами*; Татары въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, давшіе намъ поводъ (сл. выше,

гл. V, стр. 75) приблизительно датировать содержаніе пѣсни, можетъ быть, также заслонили собой Половецъ, владѣвшихъ Сурожемъ до Татарскаго погрома. Кіевская легенда о Золотыхъ воротахъ, отразившаяся въ русскихъ пѣсняхъ о Михайлѣ Игнатьевичѣ (сл. Южно-русскія былины, гл. I)¹⁾, говоритъ о Татарахъ, но нельзя поручиться, чтобъ они не наслоились на Половецъ: припомнимъ кіевскій эпизодъ о Бонякѣ, о разгромѣ монастырей и дома «святыя Владычицы нашея Богородицы» — и лѣтописную похвальбу Бонякова сына Севенча, «дикаго Половцина»: «хощю сѣчи въ Золотая ворота, якоже и отецъ мой» (Ипат. лѣт. подъ 1151 г.). Царице Уланище, пораженный Михайломъ, можетъ быть, еще половецкій отзвукъ: сл. Valani = Куманы у Ruysbroeck'a; одна половецкая орда называлась Уланами (Улашевичи нашей лѣтописи?) и таково-же было имя ихъ хана. — Замѣтимъ, между прочимъ, что bagatur = богатырь встрѣчается уже въ Куманскомъ словарѣ²⁾.

Памяти о разгромахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ по необходимости обобщались въ народной фантазіи, прикрываясь послѣднимъ казовымъ именемъ, сохраняя нерѣдко древнее приуроченіе, захватывая по пути посторонніе мотивы, накапливая раздѣленное временемъ, но сходное по образамъ и поэтической идеѣ. Такъ за эпической битвой въ Ронсевальскомъ ущельѣ чувствуется память не объ одномъ только пораженіи 778 года; пѣсни о боѣ на Косовомъ полѣ покоятся на событіяхъ 1389—1457 годовъ. — Конструировать эпосъ изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, общую схему эпоса — изъ частнаго, хотя-бы громкаго событія, отмѣченнаго хроникой, представляется, такимъ образомъ, приемомъ неметодичнымъ; возможнымъ, хотя и труднымъ, лишь обратный

1) Къ былинѣ, рассмотрѣнной тамъ подъ № 2, стр. 14—19, слѣдуетъ прибавить Рыбн. III, № 22.

2) Codex Sumanicus p. 290 и 116. — Укажу кстати, что Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни Малорусскаго народа I, стр. 23 слѣд. усматриваютъ половецкіе мотивы въ пѣснѣ о боѣ молодца съ «Турскимъ царемъ».

путь. При подобныхъ условіяхъ хронологическій разборъ нашихъ былинь можетъ привести лишь къ приблизительнымъ выводамъ. Въ нашемъ случаѣ они были-бы слѣдующіе: Сказаніе о семи богатыряхъ восходитъ, въ своемъ прототипѣ, къ до-татарской эпохѣ, когда собирательнымъ центромъ русскаго эпоса былъ одинъ Владиміръ; въ дошедшихъ до насъ спискахъ Сказанія уже является татарская терминологія. Когда разразился погромъ XIII вѣка, получился новый, идеальный центръ для пѣсеннаго творчества — или претворенія: древніе враги были забыты, насильниками явились Калины и Батыги, противъ нихъ выступаютъ теперь русскіе богатыри, и старыя эпическія темы претворяются согласно съ новымъ поэтическимъ спросомъ. Былины объ Идолицѣ и Тугаринѣ стоятъ по сю сторону татарскаго погрома и даютъ матерьялъ для новаго развитія: однажды приуроченный къ Кіеву, Тугаринъ изъ насильника дѣлается желаннымъ любовникомъ княгини, а на вопросъ, по чьимъ грѣхамъ Идолице обнасилничалъ Кіевъ, стихъ о Сорока Каликахъ отвѣчалъ, что за блудные помыслы Апраксин на Михайла Касьяновича. Эпосъ помнитъ частную связь, не историческую послѣдовательность явленій, которую намъ приходится угадывать.

III.

Можетъ быть, къ позднимъ явленіямъ эпоса принадлежитъ связь Тугарина съ Добрыней.

Врагъ Добрыни, другъ Марины — змѣй Горынычъ, названъ иногда Притугалищемъ (Кир. II, стр. 41, № 1), Притугалинкомъ (ib. стр. 48, № 4), Пугаринымъ Гагариновымъ (Рыбн. II, № 4), Тугаринымъ Зміевичемъ (Гильф. №№ 227, 241, 267, 288; Рыбн. III, № 19), Иваномъ Царевичемъ Туга-змѣевичемъ (ib. № 17); онъ живетъ на Тугихъ-горахъ (Гильф. №№ 64, 59); въ двухъ былинахъ Гильф. №№ 122, 316 любовникъ Марины названъ Татаринкомъ, Одолицемъ поганымъ, Горынищемъ поганымъ; Идолицемъ.

Я полагаю, что отношенія Добрыни къ змѣю и Маринѣ древнѣе имени Тугарина — при Добрынѣ; другими словами, что бой съ змѣемъ и шапши Марины уже сложились въ пѣснѣ, когда кievская метаморфоза Тугарина, какъ насильника и любовника Апраксіи, дала поводъ перенести его имя на сходныя положенія, заставивъ Добрыню биться съ Притугалищемъ, а Марину миловаться съ Тугаринымъ. Къ такому заключенію приводитъ меня одна группа фактовъ, односторонности которыхъ я не скрою: они касаются лишь мотива боя съ змѣемъ. Дѣло въ томъ, что рядомъ съ извѣстными пѣснями о борьбѣ Добрыни съ Змѣемъ Горынычемъ, являющимся иногда съ прозвищемъ Притугалища, стоятъ отрывки пѣсенныхъ мотивовъ, указывающіе, что былевой эпосъ зналъ о другомъ поединкѣ Добрыни — съ Тугариномъ или Идолицемъ, и что этотъ бой онъ не смѣшивалъ съ предъидущимъ. Что пѣлось объ Алешѣ, пѣлось и о Добрынѣ; если дошедшія до насъ былины рассказываютъ о боѣ Добрыни съ Тугаринымъ эпизодически, то потому, вѣроятно, что въ пѣснѣ о послѣднемъ имя Алеша стояло прочнѣе, а при Добрынѣ привыкли поминать имя Горынича. — Что до эпизода о Маринѣ, то здѣсь предполагаемое мною перенесеніе могло ограничиться — однимъ именемъ Тугарина.

Укажу на извѣстные мнѣ факты.

Левшинъ¹⁾ запомнилъ нѣсколько стиховъ изъ былины о Добрынѣ:

Издагеча, издагеча во чистомъ полѣ,
 Какъ далѣе того на украинѣ,
 Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодець,

¹⁾ Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ и т. д. ч. I (Москва 1807), стр. 138 и 139 въ прим. (цитата изъ Древнихъ Россійскихъ стихотвореній, собранныхъ Киршею Даниловымъ, изд. 2-ое, Предисловія стр. XXII—XXIII). Какъ помирить цитату Левшина съ Чулковской (Чулковъ, Русскія сказки, 3-е изд. 1820 г. ч. I, стр. 122, 123, у Кир. II, стр. 79 прим. *) — я не знаю, и Ровинскій (Русскія народныя картинки I, стр. 36, V, стр. 107) ничего не разъясняетъ.

Сильный могучь богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь-то, братцы, Никитѣевичь,
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Торопъ слуга.

Послѣ описывался приѣздъ богатыря къ Владиміру и битва съ Тугаринымъ:

У Тугарина собаки крылья бумажныя,
И летаетъ онъ собака по поднебесью.

Добрыня выходитъ побѣдителемъ: Тугаринъ падаетъ,

Упалъ онъ, собака, на сыру землю,
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копьѣ взоткнулъ.

Въ сказкѣ у Сахарова басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣевичъ подступилъ подъ Кіевъ; по приказанію Владиміра три раза кличуть кличь, кто-бы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; вызывается Добрыня, только что приѣхавшій изъ Новгорода(?). На утро бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячаго; а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева; самъ-то Добрыня мечемъ рубить Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, въ его крылья бумажныя. И упалъ онъ, Тугаринъ, на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову свернулъ, на копьѣ взоткнулъ, и самъ коня ко граду Кіеву вернулъ» ¹⁾.

Ясно, что въ основѣ Сахаровской сказки, собственно отдѣла о битвѣ съ Тугаринымъ, лежалъ варьянтъ пѣсни, сходный съ Левшинскимъ. Слуга Добрыни — Торопъ, отвѣчающій «Акиму поробку» большой былины объ Алешѣ и Тугаринѣ, не встрѣчается болѣе въ дошедшихъ до насъ пѣсняхъ; можетъ быть, память о немъ сохранилась въ тѣхъ пересказахъ былины

¹⁾ Ровинскій, I. с. IV, стр. 67—8; Кир. II, Прилож. стр. X.

о боѣ Добрыни съ змѣемъ, гдѣ его сопровождаетъ «слуга», угоняющій его коня и уносящій ратную сбрую, чѣмъ и объясняется, необходимость Добрынѣ — биться одной шляпой «земли греческой»:

Младъ-то слуга да былъ онъ *торопокъ*,
А угналь-то у Добрынюшекъ добра коня

(Гильф. № 59; сл. № 123: дѣтинка неудакова). Для хронологіи былинь важно то обстоятельство, что наши лѣтописи, знавшія ихъ по болѣе древнимъ варьянтамъ, называютъ Торопомъ — слугу Александра, т. е. Алеши Поповича: такъ Никоновская лѣтопись подъ 1216 г. («Александръ Поповичъ съ своимъ слугою съ Торопомъ, славные богатыри» въ Липецкой битвѣ) и 1225 г. (битва при Калкѣ), одинъ хронографъ первой редакціи (подъ 1217 г.), Лѣтопись по списку типографской бібліотеки и Тверская (подъ 1224)¹⁾. Древнее соединеніе именъ Добрыни и Алеши можетъ объяснить, какимъ образомъ Торопъ попалъ къ первому; положительный отвѣтъ на это невозможенъ, за неимѣніемъ пѣсенъ о Добрынѣ, которыя отвѣчали-бы той — вѣроятно, одной пѣснѣ, — которую отрывочно передали Левшинъ и Чулковъ и пересказала Сахаровская сказка.

Что извѣстныя намъ русскія былины запомнили о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, сводится къ эпизоду, неловко приуроченному къ пѣснѣ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» и очевидно развитому чужими мотивами.

Въ былинѣ Рыбн. II, № 5 Владиміръ глядитъ въ чисто поле, а тамъ

Летаетъ Невѣжинъ чернымъ ворономъ,
Грозить ему загрозою.

¹⁾ Сл. выше, стр. 275—6. Слуга Тарасъ упоминается при богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ, Никоновск. лѣт., въ П. С. I. IX, 177—178, подъ 1148 годомъ. — Екимъ, вмѣсто Торопа, при Алешѣ Поповичѣ, встрѣчается не только въ былинѣ у Кир. II, № 1, стр. 70—80, но и въ пѣснѣ о Дунаѣ, ib. III, № 4, стр. 72: «пожалуй одного мнѣ молодца, — Какъ-бы молода Екима Ивановича, — Который служить Алешкѣ Поповичу».

Владимиръ спрашиваетъ богатырей: кто его повыручить? Илья указываетъ на Добрыню. — Былина, неконченная въ этомъ варьянтѣ, досказывается въ слѣдующемъ (№ 6): Невѣжа летаетъ чернымъ ворономъ, проситъ поединщика; жребій выпадаетъ на Добрыню, который плачется на свою долю матери. Та предупреждаетъ его:

Невѣжа-то среди дня *летаетъ чернымъ ворономъ*,
По ночамъ ходитъ Змѣемъ *Тугариновымъ*,
А по зарямъ ходитъ добрымъ *молодцемъ*.

Когда станетъ купаться въ Почай-рѣкѣ, пусть не заплывааетъ за третью струю, не то съѣстъ его Невѣжа. Девять лѣтъ ѣздитъ Добрыня и не видитъ врага; бой съ нимъ происходитъ во время купанья: очевидно, мотивъ, изъ былинъ о боѣ Добрыни съ Горыничемъ. Убивъ Невѣжу, Добрыня ѣдетъ не въ Кіевъ — а въ королевство Заморское собирать дани-пошлины, чѣмъ объясняется въ другихъ былинахъ объ «отѣздѣ» долгая отлучка Добрыни и предательское сватовство Алеши къ его женѣ. Къ этому сюжету переходитъ и нашъ пересказъ. — Я упоминаю здѣсь въ связи Рыбн. II, № 7: отѣздъ Добрыни ничѣмъ не мотивированъ: Добрыня сѣтуетъ на свою долю, а мать утѣшаетъ его: «Хотѣла родить тебя добра молодца во смѣлаго Алешу Поповича — Выступкою щापить въ молода Чурялу Пленковича . . . *Изъ тугарина* стрѣлять въ *Тугарина* во Зміевича во Заморскаго». Это, можетъ быть, указаніе на то, что въ прототипѣ былинны существовалъ эпизодъ о Тугаринѣ? Въ самой былинѣ ничего о томъ не говорится, какъ и у Рыбн. III, № 16, гдѣ Невѣжа вызываетъ поединщика, а службу эту накладываютъ на Добрыню, но въ дальнѣйшемъ развитіи нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Сл. Гильф. №№ 215, 222. — Замѣтимъ, что въ послѣднихъ трехъ №№, какъ и въ № 306 Гильф., вѣсть о предательствѣ Алеши сообщаетъ Добрынѣ Илья; бой съ Невѣжей въ Гильф. № 306 упоминается съ подробностью, очевидно, имѣющей въ виду Тугарина. Алеша

Стоялъ на заставы на крѣпкія,
 Бился со Невѣжей въ чистомъ полѣ,
 У его м у Невѣжи крылатый конь.

Особое развитіе представляютъ слѣдующія былины, гдѣ эпизодъ съ Невѣжей совпадаетъ съ мотивомъ 2-й группы былинь о боѣ Ильи съ сыномъ (Илья помогаетъ Добрынѣ въ битвѣ съ Горычанкой). Гильф. № 228: вызовъ Невѣжи, посланъ Добрыня; онъ купается на Пучай-рѣкѣ, когда на него налетѣла «Ягѧ-баба», являющаяся далѣе вмѣсто Невѣжи; Илья Муромецъ помогаетъ ему совѣтомъ — одолѣть её, а въ это время Алеша уже сватается за Добрынину жену. — Въ №№ 290, 292 Гильф. тотъ-же ходъ дѣйствія, но вмѣсто Невѣжи прямо названа Ягѧ-баба. Вліяніемъ тѣхъ-же мотивовъ «боя Ильи съ сыномъ» объясняется, что въ № 65 Гильф. = Рыбн. III, № 17 былина объ отъѣздѣ, не мотивированномъ никакой посылкой, открывается битвой съ какимъ-то богатыремъ, напоминающимъ своими атрибутами «сына» въ пѣсняхъ о боѣ (На лѣвѣй ноги какъ борзѣй кобель — На правѣй ноги какъ ясень соколъ), и поединкомъ съ сыномъ, — т. е. пересказомъ, подъ другими именами, известной былины объ Ильѣ и Збугѣ¹⁾.

Такимъ образомъ мотивы пѣсни о Тугаринѣ сводятся въ былинахъ о «Добрынѣ въ отъѣздѣ» къ образу Невѣжи-чернаго ворона, который иногда названъ Тугариномъ, къ его крылатому коню — и названію Чудовища-Издолица, вызывающаго поединщика, какъ у Гильф. № 315: Алеша указываетъ на Добрыню, какъ на супротивника ему, послѣ чего былина развивается по общему типу пѣсенъ отъ «отъѣздѣ» — и боя нѣтъ.

Ничто не мѣшаетъ предположить, по слѣдамъ Левшинской пѣсни, что на болѣе цѣльной стадіи развитія русскаго эпоса существовали полныя пѣсни о боѣ Добрыни съ Тугариномъ, отвѣчавшія типу такой-же пѣсни объ Алешѣ. Весь вопросъ въ томъ, какое изъ двухъ богатырскихъ именъ въ ней древнѣе.

¹⁾ Сл. выше, стр. 324—6.

Если вѣрны наши генеалогическія соображенія, выводящія былины объ Идолицѣ и Тугаринѣ изъ оригинала, близкаго къ плану Сказанія, съ главными протагонистами Ильей и Алешей, то отвѣтъ предрѣшенъ. Что до эпизодическаго появленія Тугарина въ пѣсняхъ объ «отъѣздѣ», то самая неловкость спая можетъ послужить дальнѣйшимъ критеріемъ для опредѣленія древней схемы этихъ пѣсень, въ которыя Тугаринъ могъ проникнуть — по слѣдамъ Алеши.

Въ настоящемъ развитіи былеваго эпоса пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ такъ тѣсно связались съ пѣснями о Добрынѣ, что при разборѣ послѣднихъ въ одномъ изъ выпусковъ настоящаго изслѣдованія намъ придется вернуться и къ первымъ. На древнее, болѣе самостоятельное значеніе Алеши указываютъ разобранныя нами былины, въ которыхъ еще не совершилось пониженіе его типа; съ другой стороны переживаніе его имени, если не образа, въ малорусскихъ думахъ объ Алексѣѣ Поповичѣ и бурѣ на Черномъ морѣ — и въ Саратовской пѣснѣ, гдѣ разбойники нападаютъ на Соколь-корабль, по которому «гуляетъ свѣтъ Олѣша Поповъ».

XI.

Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина.

Смѣлый, зарывчивый, дерзкій Алеша старыхъ пѣсень очутился въ позднѣйшемъ развитіи нашего эпоса «бабьимъ пересмѣшничкомъ», злостнымъ навѣтчикомъ женской чести и неудачливымъ ловеласомъ. Какъ совершилось это вырожденіе — трудно сказать опредѣлительно; въ былинахъ наблюдается колебаніе: Алёша то прислуживается Апраксіи въ ея любовныхъ помыслахъ на Касьяна Михайлова, то бранить её за такія-же отношенія къ Тугарину (сл. выше, стр. 346). Соединительной чертой между старымъ и новымъ могла быть присущая характеру древняго Алеша хвастливость, понятая своеобразно и односторонне — можетъ быть, подъ вліяніемъ какого-нибудь другого типа? Напомню, между прочимъ, чередованіе Алеша и Чурилы въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ. Можно предположить и такой процессъ: какая-нибудь побочная роль Алеша въ былинѣ о другомъ богатырѣ (Добрынь «въ отъѣздѣ»?) особливо приглянулась, и, будучи обобщена и разработана новыми мотивами, заслонила собою болѣе древнія и существенныя черты его характера. — Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что въ новомъ пониманіи Алеша отразилась та-же детеріорація старыхъ былинныхъ образовъ, какая и Владиміра сдѣлала — охочимъ до чужихъ женъ.

«Бабій пересмѣшникъ», «насмѣшникъ женскій» становится обычнымъ эпитетомъ Алеши въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ; онъ — охочъ смѣяться чужимъ женамъ,

Что чужимъ женамъ, молодымъ вдовамъ,
Молодымъ вдовамъ, краснымъ дѣвушкамъ.

(Кир. II, № 2, стр. 3; сл. ib. № 8, стр. 17; ib. № 4, стр. 5, v. 51, стр. 7, v. 132; № 6, стр. 12, v. 35 и passim). Роль Алеши въ этихъ былинахъ, гдѣ онъ совращаетъ къ браку Добрынину жену ложнымъ извѣстіемъ о смерти ея мужа, будетъ разобрана нами впослѣдствіи въ связи съ цѣлымъ цикломъ пѣсенъ о Добрынѣ. Но и внѣ ихъ характеръ Алеши-ловеласа достаточно упроченъ въ пѣсенномъ преданіи. Въ одной (испорченной) былинѣ объ Ильѣ и сынѣ встрѣчается «походная красна дѣвица», можетъ быть, принадлежавшая къ древнему составу пѣсни, но не съ тѣми подробностями, какія она сообщаетъ о себѣ:

Я жила была у батюшки дочь гостинная,
Я бѣжала красна дѣвица со новыхъ сѣней,
Отъ того Олѣши Поповича,
Отъ насмѣшника пересмѣшника (Кир. I, № 3, стр. 5)¹).

Болѣе извѣстны отношенія Алёши къ сестрѣ Сбродовичей. Два брата сидятъ, хвалятся сестрой, ея красотой и скромностью, а Алёша Поповичъ говоритъ имъ, что онъ хорошо съ ней знакомъ:

Не хвалитесь два брата
Своей сестрой родною:
Я у вашей сестрѣ былъ,
Двѣ ноченьки почевалъ,
Два завтрака завтракалъ,
Два обѣда обѣдалъ,
Два ужина ужиналъ

(Кир. II, №№ 1, стр. 64—6).

¹) Сл. выше, стр. 318, прим. 1.

Въ двухъ былинахъ (Кпр. II, №№ 1 и 2, стр. 64—7), не называющихъ братьевъ, они убиваютъ (либо готовятся убить) сестру; иначе въ третьемъ варьянтѣ (I. с. № 3, стр. 67—69), гдѣ похвальба перенесена къ столу князя Владимира:

Всѣ на пиру прираехвастались:
Иной хвастаетъ добрымъ конемъ,
Иной хвастаетъ своей ухваткою,

не хвалятся ничѣмъ лишь «два брата, два Петровича», названные далѣе: Збородовичи. Вызванные Владимиромъ они гордятся сестрой Натальей (далѣе: Настасьей) Збородовичной:

Сидитъ она во високомъ теремѣ,
Сидитъ заперта двумя двѣрями,
Она замѣвута тремя ключами;
Ей красно солнушко не огрѣветъ,
И буйны вѣтры ея не обвѣютъ,
Ясный соколъ мимо терема не пролетитъ,
На добромъ конѣ мимо молодець не проѣдетъ.

Довольно я видѣлъ вашу сестру, говоритъ братьямъ Алѣша, а, бывало, «у ней и на грудяхъ леживалъ». Братья готовы схватиться съ нимъ на ножахъ, но Алѣша совѣтуетъ имъ дожидаться ночи и, выѣхавъ въ поле чистое, пустить комомъ снѣга въ окошко сестры: услышите, какъ она вамъ отвѣтитъ (та-же подробность и въ №№ 1, 2). Она отвѣчаетъ, какъ Катерина въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ о Чурилѣ:

Ужь ты гой еси, Алешинька Поновичъ младъ!
Безъ тебя у меня кушанья призачѣрстнули,
Питьяца медвяны застолися.

Братья хотятъ убить сестру — но Алѣша проситъ ея за себя за-мужь.

Греческія пѣсни о Мавріанѣ и царѣ ¹⁾ открываются сценой пира и похвалыбы:

Μιά κυριακή και μία λαμπρή, μιάν ὄμορφη ἡμέρα
 Ὁ Μαυριανός κ' οἱ ἄρχοντες ἐκάνανε τραπέζι,
 Κι' ἀθηβολή δὲν εἶχανε κι' ἀθηβολή δὲν πέρνει
 Για τσ' ὄμορφαις, για τσ' ἄσχημαῖς και για τὰς τιμημέναις
 Ὅνας παινάει τὴ μάνα του κι' ἄλλος τὴν ξαδερρή του,
 Ἀρχίνησε κι' ὁ Μαυριανός, παινάει τὴν ἀδερρή του.
 «Σὰ μὲ τὴν ἀδερροῦλά μου κανένας δὲν τὴν ἔχει.
 Ἀφίλητη κι' ἀτσίμπητη και γελασμούς δὲν ἔχει
 Τί δὲν πλανιέται για φιλι, για σῆμι, για λογάρι
 Κι' οὐδὲ πλανιέται για φλωρι και για μαργαριτάρω.
 Ὁ βασιλιάς ποῦ τ' ἄκουσε, γυρίζει και τοῦ λέγει
 «Κι' ἂν τὴν πλανέσω, Μαυριανέ, τί νᾶν τὸ χάρισμά μου;»
 «Ἐμένα τὸ κεφάλι μου κ' ἐσένα τὸ καλὰ σου».

На пиру, гдѣ всѣ хвастаются, кто матерью, кто племянницей, Мавріанъ, или Γιάννος, хвалится чистотой своей сестры, а царь беретъ его на словѣ и обѣщается овладѣть красавицей; закладъ о головѣ — или о царствѣ. Пѣсня развивается далѣе по типу, который, какъ увидимъ далѣе, присталь и къ имени Алѣши, только что вмѣсто сестры явится жена. Сестра Мавріана поддержала ухаживаніе царя: согласившись на свиданіе, она ставитъ на мѣсто себя одну изъ своихъ прислужницъ, которой царь, для знаменія, отрѣзываетъ палець. Когда позже онъ хвастается передъ Мавріаномъ, что исполнилъ свою похвальбу, оказывается, что дѣвушка его провела, и онъ принужденъ жениться на служанкѣ.

Польская (Kolberg, Pieśni narodu polskiego I, 208) и бѣлорусская (Безсоновъ, Бѣлор. пѣсни I, 43) рассказываютъ объ убіеніи сестры за нарушеніе цѣломудрія; одна бѣлорусская (Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 258—9, № 453) — совершенно

¹⁾ Passow, Pop. Carmina, № 474 (Μαυριανός); Νεοελληνικά Ἀναλέκτα I, стр. 80—3, № 16 (Μαυριανός); Jeannarakí, № 294; Legrand, Recueil, № 136; Δελτίον I, 3, p. 551—2, № 5.

въ чертахъ нашихъ былинь объ Алешѣ и сестрѣ Сбродовичей: удержалось даже прозвище *Поповича*, являющагося почему-то — изъ за моря; образъ сестры, сидящей въ заперти; комъ снѣга замѣненъ — вѣнкомъ.

Ай ѱ Глуцку на рынку
 Хвалилися два браццы
 Своей сястрой:
 «Есь у насъ сястрица
 За тридзевиць замками,
 За трима сторожамы». —
 Отозваѱся поповичъ,
 Изъ-за мора раковичъ (?):
 «Ни хвалищися, братцы,
 Дя вашей сястрой:
 Я ѱ вашей сястры быѱ,
 Три ночи начиваѱ,
 Три вечери вячерѱ,
 Три обѣды обѣдаѱ». —
 Братъ зъ братомъ раду браѱ:
 «Пойдемъ ѱ вишневы садъ,
 И звиѣмъ вяночнѱ,
 Панясемъ къ сястрицы,
 Книжнѱ сястрѣ ѱ воконца,
 Што намъ сястра промовиць?» —
 Отозвалася сястрица:
 «Ня брѱй, ня брѱй, поповичъ,
 Изъ-за моря раковичъ!» —
 Ой братъ зъ братомъ раду браѱ:
 — Возьмемъ мы востры мечъ,
 Снимимъ сястрѣ головуньку зъ плечъ.» —
 «Ня сымниця ѱ субботу,
 А сымниця ѱ надзѣлю:
 Якъ дзѣвоньки зъ утрыни плуць,
 Стары бабы зъ обѣди,
 Дзѣвонькамъ на покояннѱ;
 Ни ховайца ѱ косцѣли,
 У косцѣли три сцянѱ,
 А ховайца при дорози,

Идѣ поповичъ кони пасецъ,
 Ёнъ жа мяне вспоминаецъ,
 И цѣжинька ўздыхнецъ».

Была еще одна пѣсня о подобномъ-же походе Алезипересмѣшника, которую мы попытаемся возстановить. Точкой отправления намъ послужить старо-итальянское *Santare* о мадоннѣ Еленѣ, упомянутое выше (гл. VI, стр. 226) по поводу Дюковой похвальбы.

Елена — царская дочь, выданная за-мужъ Карломъ Великимъ за *messer Ruggiero di Mompelieer*. Она такая красавица, что кто ни видѣлъ её, всѣ въ неё влюблялись. Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, рыцари по обычаю принимаются хвастаться въ присутствіи императора, кто во что гораздъ: кто красивой сестрой, кто доспѣхами или замками, кто конями или милой, кто женой или богатствомъ.

X Chi si vantava di bella moglieri,
 Qual si vantava di bella sorella,
 D'aver bel' arme e correnti destrieri,
 O ricco di cittade e di castella,
 D'astor o bracchi o correnti levrieri,
 O per amica aver bella damzella;
 E chi si vanta d'oro e d'ariento,
 E chi d'esser prodomo in torniamento.

Хвалится и *messer Ruggieri*:

XII Messer Rugieri sì si fu voltato
 Avanti a tutta l'altra baronia:
 «Da poi che ciascheduno si è vantato,
 Ed io mi vanto della donna mia;
 E chi cercasse il mondo in ogni lato,
 Più bella donna non si troverie.
 E questo dico, ch'io 'l posso provare,
 Se ci à nessuno che 'l voglia contrastare.

Похвальба внушена, очевидно, не только красотой, но и честностью жены, потому что *Guègnieri* «заморскій» (сл. строфы

XVI, XVIII: d'oltramare) тотчасъ-же отвѣчаетъ дерзкимъ заявленіемъ, что Ruggieri нечего гордиться женой, потому что онъ и самъ — съ ней близокъ: если не такъ, я готовъ заплатить головой, говорить онъ и обѣщаетъ доказать на дѣлѣ справедливость своего навѣта. Карлъ даетъ ему мѣсяць сроку, и онъ отправляется ко дворцу Елены, три дня гарцуетъ вокругъ него, но её самое не видать. Ея прислужница показывается у окна; онъ разжалобилъ её рассказомъ о своемъ необдуманномъ хвастовствѣ и обѣщаніемъ жениться на ней, если она дастъ ему какую нибудь вещицу своей госпожи. Та рассказываетъ ему объ устройствѣ дворца, о красотѣ Елены, и даетъ нѣсколько ея драгоценностей, между прочимъ кушакъ и кольцо, которыя и служатъ ему позднѣе вещественными знаменіями его знакомства съ женой Руджьеро. Руджьеро пораженъ неожиданными откровеніями и, согласно закладу, долженъ заплатить головой; отпросившись у императора домой, онъ страшно тамъ неистовствуетъ: убиваетъ своихъ двухъ сыновей, а Елену бросаетъ въ рѣку. Но она спасается и является ко двору какъ разъ во время, когда ея мужа должны были вести на казнь; вызвавъ Гарньери на поединокъ, она поражаетъ его и предъ смертью заставляетъ его покаяться въ своемъ предательствѣ.

Мой выборъ «Пѣсни о мадоннѣ Еленѣ» — нѣсколько случайный: вмѣсто нея я могъ-бы остановиться на одномъ изъ многочисленныхъ, литературныхъ и народныхъ пересказовъ сюжета, извѣстнаго по новеллѣ Боккаччо о Bernabò Lomellin da Genova — и Цимбелину Шекспира ¹⁾. Дѣйствующимъ лицомъ является жена, иногда сестра; дѣйствіе либо развивается по типу

¹⁾ О распространеніи этого сюжета см. Simrock, Die Quellen des Shakespeare, 2 Aufl., I, стр. 257 слѣд.; Landau, Die Quellen des Decamerone, 2 Aufl. 1884, къ Dec. II, 9; Leonhardt, Ueber die Quellen Cymbeline's, Anglia V, 1—45; ib. VII, 120—127; Siegmund Levy, Eine neue Quelle zu Shakespeares Cymbeline; R. Köhler'a въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philologie 1883, № 7, p. 272—3; см. еще ib. 1881, p. 110: отчетъ Либрехта о Cantare di madonna Elena, въ предисловіи къ которому также находятся библиографическія указанія.

приведенной выше греческой пѣсни, либо согласно съ содержаніемъ Cantare: нахвальщикъ, не достигнувъ своей цѣли, предъявляетъ мужу (или брату) вещественныя доказательства своей мнимой близости съ его женой (или сестрой); услужливая помощница помогла ему проникнуть въ покой, разглядѣть его убранство, похитить нѣкоторыя вещи неприступной красавицы (перстень, головной платокъ), подмѣтить родинку на ея груди и т. д. Эти откровенія убѣждаютъ мужа; увѣренный въ проступкѣ своей жены, онъ прогоняетъ её, хочетъ её убить, но намѣреніе не приводится въ исполненіе, иначе — некому было бы уличить навѣтчика. Въ сказкѣ румынскихъ Цыганъ невинно заподозрѣнная жена покинута въ челнокѣ на Дунаѣ; переодѣтая мужчиной, она испѣляетъ отъ его немощи какого-то слѣпаго императора, который оставляетъ ей въ награду свое царство. Мы встрѣтимъ подобную-же черту въ одной изъ слѣдующихъ русскихъ сказокъ, за которыми чувствуется древняя былина Владиміровскаго цикла, осложненная посторонними, пѣсенными и повѣствовательными мотивами.

1. Въ № 178 у Афанасьева рассказывается: «Во городѣ во Кіевѣ у нашего князя Владиміра много слугъ и крестьянъ, да былъ при немъ *Данило-Безсчастный-дворянинъ*: придетъ день воскресный — Владиміръ князь всѣмъ по рюмкѣ горькаго подаетъ, а ему въ горбъ да въ горбъ; придетъ большой праздникъ — кому награда, а ему все ничего! Наканунѣ было Свѣтлаго Воскресенія, въ страстную субботу зоветъ Владиміръ-князь Данилу Безсчастнаго, отдаетъ ему на руки сорокъ сороковъ соболей, *велитъ къ празднику шубу сшить: соболь не дѣланъ, пуговицы не литы, петли не виты; въ пуговицахъ наказано лѣсныхъ зѣррей замивать, въ петляхъ заморскихъ птвицъ зашивать*». — Данило не знаетъ что дѣлать; старуха, которой онъ повѣдалъ свою бѣду, велитъ ему идти къ синему морю, и когда выйдетъ Чудо-Юда, схватить его за бороду и бить до тѣхъ поръ, пока оно не покажетъ ему *«Лебедь-птицу, красную дѣвицу»*. Такъ молодецъ и сдѣлалъ. — Черезъ малое время приплы-

ваеѣ къ берегу Лебедь-птица, красная дѣвица, говоритъ Данилѣ: «Возьмешь-ли меня за себя? вѣпоры все будетъ сдѣлано». Тотъ соглашается. «Она крылушками махнула, головкой кивнула — вышли двѣнадцать молодцовъ, все плотники, пильщики, каменщики и принялись за работу: сейчасъ и домъ готовъ. Беретъ её Данило за правую руку, цѣлуетъ во уста сахарныя и ведётъ въ палаты княжескія; сѣли они за столъ, пили-ѣли, прохладжались, за однимъ столомъ обручались». Данило ложится спать, а между тѣмъ шуба готова; красная дѣвица будитъ его: «въ городѣ Кіевѣ у князя Владиміра слышенъ благовѣстъ; время тебѣ подняться, къ заутренѣ убраться». Она даетъ ему *серебряную трость*: *«какъ выйдешь отъ заутрени, ударь ею въ грудь: весело птицы запоютъ, грозно львы заревутъ»* (ваг. стань на правомъ крылосѣ; на отходѣ заутрени свои руки подыми, по собольей шубѣ поведи — весело птицы запоютъ). Ты съмай шубу съ своихъ плечъ да уряди князя Владиміра въ тотъ часъ, не забывай бы о насъ. Станетъ онъ тебя въ гости звать, станетъ чару вина подавать — не пей чару до дна, не увидишь добра! *Да не хвались ты мною*, не хвались, что за едину ночь домъ построили съ тобою». Она даетъ ему еще два серебряныхъ яичка и одно золотое: серебряными пусть похристуется съ княземъ и княгиней, а золотымъ — «съ кѣмъ тебѣ вѣкъ прожить». Христуясь съ княземъ и княгиней, Данило нечаянно вынулъ золотое яйцо. «Увидалъ это *Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ*. Стали расходиться изъ церкви, Данило Безсчастный ударилъ себя въ грудь серебряною тростью — птицы запѣли, львы заревѣли, всѣ удивляются, на Данилу глядятъ; а Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ, перерядился нищимъ-калѣкою и проситъ святой милостыни. Что мнѣ ему подать? спрашиваетъ себя Данило — и подаетъ ему золотое яйцо. Алеша, между тѣмъ, передѣлся и на пиру у Владиміра, когда Данило началъ съпьяну похвалиться женой, хвастается, что и онъ её знаетъ. «А Данило говоритъ: Коли ты знаешь мою жену — мнѣ рубить голову, а коли не знаешь — тебѣ рубить голову». — Идетъ Алеша куда глаза

глядя, идетъ и плачетъ. Старуха, которой онъ покался въ своемъ хвастовствѣ, научаеъ его, что ему дѣлать: «Поди-ты къ такому-то дому, зови ее (Данилину жену) къ князю обѣдать; она станетъ умываться, собираться, положить на окно цѣпочку; ты цѣпочку ту унеси и покажь её Данилѣ Безсчастному». Она служить Алеши доказательствомъ его знакомства съ женой Данилы, которому приходится рубить голову. Онъ отпрашивается у Владиміра напередъ сходить домой — проститься. А жена уже все знаетъ — и посылаетъ мужа позвать въ гости къ себѣ князя и княгиню и всѣхъ горожанъ; если Владиміръ будетъ отговариваться непроходными дорогами, скажи ему, что всё будетъ устроено. Владиміръ ѣдетъ: отъ его палатъ до дома Данилиной жены мостъ усланъ сукнами багровыми, убитъ гвоздями полужеными; по одну сторону цвѣты цвѣтутъ, соловьи поютъ, по другую яблоки зрѣютъ; въ одной рѣкѣ пиво бѣжитъ, въ другой медъ, въ третьей вино, въ четвертой водка. Всѣ перепились, на пути остались; доѣхали лишь князь со княгинею, Данило да Алеша, садятся за столы, смотрятъ — когда-же выйдетъ Лебедь-птица, красная дѣвица. Три раза зоветъ её Данило, не пошла къ гостямъ. Говоритъ Алеша Поповичъ, бабій пересмѣшникъ: «если бы это сдѣлала моя жена, я-бъ её научилъ мужа слушать». Услышала-го Лебедь-птица, красная дѣвица, вышла на крылечко, молвила словечко: «вотъ-де какъ мужей учать! Крылышкомъ махнула, головкой кивнула, взвилась-полетѣла, и остались гости въ болотѣ на кочкахъ: по одну сторону море, по другую гора, по третью мохъ, по четвертую охъ!» Съ трудомъ они выбрались изъ грязи.

2. У Рыбн. II, № 51 первая половина сказки въ общемъ отвѣчаетъ предыдущей: Дворянинъ Безсчастный молодецъ служитъ у Владиміра Кіевскаго, жалуется, что не выслужилъ пока «ни слова гладкаго, ни перины мягкія». Услыхавъ это Владиміръ и «сталъ его жаловать: *даваетъ ему дѣнадцать соболей недѣльныхъ, и даваетъ краснаго золота невиты нетянута, велѣтъ соболя подплатъ и дѣнадцать туровицъ вымыть, и дѣнадцать петель вытянуть, сошить шубу соболиную къ Христовьской*

заутрени». А дѣло было въ страстную субботу. — Молодцу помагаеть «женщина престарѣлая»: заведя его въ палату бѣлокаменну, она его угощаетъ, укладываетъ спать, а затѣмъ приносить ему шубу соболиную, тросточку камышевую и три золоченыхъ яйца: двумя похристосуйся съ Владиміромъ и Опракою, а третье сюда неси. — Далѣе о шубѣ и тросточкѣ нѣтъ рѣчи, и о нихъ не разсказывается ничего чудеснаго. — Похристосовавшись съ княземъ и княгиною, молодець возвращается назадъ по уговору, чтобъ похристосоваться съ старухой. Не со мной тебѣ христосоваться, говоритъ она и указываетъ ему на покой, гдѣ за двѣнадцатью дверями сидитъ красавица, какой въ свѣтѣ не видано и не слыхано. Онъ подаетъ ей яйцо золотое, она ему золотую ширинку; старуха предлагаетъ ему жениться на той дѣвицѣ: «посылай-ка князя Владиміра свататься, княгиню Опраку въ поѣздъ зови». — Молодець идетъ къ Владиміру, который пожаловалъ его и пошелъ за него свататься. «Выводитъ дѣвицу престарѣлая женщина; то Владиміръ князь *вздрыгнулъ на ея красоту*; и просватали за Дворянина Безчастнаго молодца. Тутъ весельемъ пиркомъ и за свадебку».

«У стольнаго князя у Владиміра былъ хорошъ почестенъ пиръ на многихъ князей на бояръ... Всѣ на пиру напѣдались, всѣ на почестномъ напивались и всѣ на пиру порасхвастались. Который хвастаетъ добрымъ конемъ, который хвастаетъ золотой казной, который хвастаетъ отцемъ-матерью, который хвалится молодой женой. Дворянинъ Безчастный молодець ничѣмъ не хвастаетъ, не похваляется. Говоритъ ему Владиміръ стольно-Кіевскій: Чтò-же ты, Дворянинъ Безчастный молодець, ничѣмъ не хвастаешь, не похваляешься?» — Молодець хвалится молодой женой: «вѣтъ супротивъ ея красавицы въ Кіевѣ. Изъ за того за столика задняго выскочитъ Оедька насмѣшникъ, самъ говоритъ таковы слова: «Солнышко Владиміръ стольно-Кіевскій! Я съ его хозяйкою три года живу, а про то никто не знаетъ». Владиміръ требуетъ доказательства: «принеси подлинный знакъ: мнисты золотыя съ крестами». — Престарѣлая

женщина указываетъ Оедькѣ домъ Дворянина Безсчастнаго молодца; сѣнная дѣвушка обѣщается помочь ему изъ бѣды, если онъ возьметъ её за себя за-мужъ — и приноситъ ему мольбы; вернувшись на княженецкій дворъ, онъ бросаетъ ихъ на дубовый столъ — и Владиміръ разжалываетъ молодца, сажаетъ его за задній столъ. — Когда пиръ отошелъ и всѣ разѣхались, пошелъ домой и молодецъ, пораздумывая о томъ, какъ ему раздѣлаться съ женой. Заманивъ её на корабль, онъ продаетъ её заѣзжему гостю, который позарился дорогой на ея красоту; но она «схватила его на косу бедра» и сбросила въ море: «Ай-же вы, людюшки рабочіе! Если гдѣ будете рассказывать, такъ я васъ всѣхъ въ море срюю! Идите въ королевство Португальское». Здѣсь она расторговалась. «А тамъ король представился. И стали тамошніе люди избирать короля: у кого въ царскихъ вратахъ, противъ Преображенія Христова, загорится свѣча, золотомъ повитая, тотъ король». Свѣча затеплилась надъ женой Безсчастнаго молодца, которая вмѣстѣ съ другими пошла къ царскимъ вратамъ, одѣвшись въ мужское платье. Ставъ королемъ, она черезъ три года снаряжается въ Кіевъ «ко ласкову ко князю ко Владиміру» и останавливается у престарѣлой женщины, которая оказывается ея матерью и рассказываетъ о себѣ, что она — жена Португальскаго короля, удалившаяся отъ непріятелей въ Кіевъ вмѣстѣ съ дочерью. Дочь она выдала за Дворянина Безсчастнаго молодца; жила она съ нимъ сначала хорошо, а затѣмъ пропала ни вѣсть куда. — Король обѣщаетъ старухѣ разспросить объ ея дочери у зятя, а на другой день спрашиваетъ Владиміра, нѣтъ-ли кого, кто-бы истопилъ для него баню. Тотъ посылаетъ Дворянина Безсчастнаго молодца. Признаніе происходитъ въ банѣ — и обнаруженъ ложный навѣтъ Оедьки, котораго и казнятъ.

3. Тождественна въ планѣ и въ большинствѣ подробностей сказка у Аѳанасьева № 179: вмѣсто Владиміра является царь Иванъ, вмѣсто Безсчастнаго молодца — такой-же безсчастный царевичъ Василій. Подарокъ царя тотъ-же: *сорокъ сороковъ*

черныя соболѣи, золота на пуговицы, шелку на петельки; «отъ тебѣ, братъ, и подарочекъ! сшей изъ него тулупъ ко Христовой заутренѣ, и чтобъ въ каждой пуговицѣ было по райской птицѣ, по коту заморскому» (дальше: «чтобы въ каждой пуговицѣ пѣли птички райскія, кричали, мяукали коты заморскіе»). — Бабка-голубая шапка приводитъ царевича къ *Еленѣ Прекрасной*; онъ полюбился красавицѣ; по ея просьбѣ братецъ ея, *Ясѣнъ Соколъ*, доставляетъ ему чудесный тулупъ, въ которомъ онъ отправляется къ заутренѣ. Елена даетъ ему три яичка: однимъ пусть похристосуетъ съ протопопомъ, другое отдастъ брату — что царевичъ и дѣлаетъ; третье тому, «кто тебѣ больше милъ». Выпрашиваетъ у него послѣднее яичко Алѣша Поповичъ, но Василій отнѣкивается и приноситъ его Еленѣ. Не думала я, что ты мнѣ оставишь яичко, говоритъ она; теперь я согласна пойти за тебя: зови брата на свадьбу. Свадьба сыграна; позднѣе на пиру у царя, когда всѣ порасхвастались, Василій хвалится своей женой, какъ вдругъ подбѣгаетъ къ нему *Алѣша Поповичъ* и говорить: «Ну, ужъ хороша! я съ нею безъ тебя ночь спалъ!» Гости говорятъ: «Если ты спалъ съ нею, такъ поди-же съ нею выпарься въ банѣ и принеси имянное ея кольцо; тогда мы повѣримъ. А не принесешь кольца — поведемъ тебя на висѣлицу». Таже бабка доставляетъ Алѣшѣ кольцо Елены, а ему самому велитъ намочить голову — будто въ банѣ былъ. — Какъ и въ предъидущемъ варьянтѣ Василій царевичъ продаетъ жену купцамъ; Елена также становится царемъ и при тѣхъ-же обстоятельствахъ (свѣча у ней затеплилась при входѣ въ церковь) и посылаетъ за Васильемъ. Обманщики выведены на чистую воду и разстрѣляны.

4. Въ шенкурскомъ варьянтѣ, записанномъ Борисовымъ (Аванасьевъ, IV, стр. 452—58) «Горегорянинъ *Данило-дворянинъ*» служить семь лѣтъ, не выжилъ себѣ ни слова гладкаго, ни хлѣба мягкаго, и идетъ искать лучшаго мѣста. Бабка-голубая шапка приводитъ его къ *Настасѣи царицѣ*, которая шлетъ его «къ дядюшкѣ князю Владимиру: зови его въ тысячкѣ, жену

его Оброксу въ сватьи». Данило приходитъ къ князю, которому его гости говорятъ, чтобъ онъ не отдавалъ царевны за «чужестраннаго»: «нѣтъ-ли у насъ людей хорошихъ? Накни въ такую службу, чтобъ ему въѣкъ не сдѣлать». Владиміръ даетъ Данилѣ послѣдовательно три задачи: выстроить къ утру церковь, чудесный мостъ, *сшить шубу* («соболи не чинены, шолки не виты, золото не лито»). Въ этой шубѣ Данило является въ церковь; однимъ золотымъ яичкомъ похристовался съ попомъ, другимъ съ Владиміромъ, третье бережетъ про себя. Вышли изъ церкви. «Бѣжитъ по буеву Гришка фурлатильный, черненькій, маленькій, хроменькій, на одной ножкѣ подсакиваетъ, ищетъ борца противъ себя молодца». Этому-то Гришкѣ Данило угодилъ въ грудь третьимъ яйцомъ, сшибъ его съ ногъ, билъ и топталъ. — Такъ ему и надо, говоритъ позднѣ Настасья царевна — и снова посылаетъ къ Владиміру звать его въ тысяцкіе, Оброксу въ сватьи. Сказка кончается свадьбой.

Самарская сказка (Садовниковъ, Сказки и преданія Самарскаго края, № 18) представляетъ тотъ-же сюжетъ, что и предъидущія, но разработанный иначе, почему далѣе мы и не возьмемъ её въ расчетъ. Именъ нѣтъ; навѣтчикомъ является двоюродный братъ молодого купца, неудачно ухаживавшій за его женою и обращающійся къ помощи «ворожейки» («старуха-большое брюхо»). — «Поди узнай, что у нея на тѣлѣ есть», наказываетъ онъ ей и проситъ достать ея подвѣнечный перстень. Молодица была нездорова; старуха убѣждаетъ её сходить съ нею въ баню, полечиться; покищаетъ ея кольцо и говоритъ, что у нея «на правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пальцевъ». Позднѣ навѣтчикъ пользуется этими свѣдѣніями и перстнемъ, чтобъ убѣдить мужа въ своей связи съ его женою; споръ былъ объ имѣннѣ, молодца обобрали, а онъ, вернувшись домой, завозитъ жену въ дремучій лѣсъ, откуда ни выйти, ни выѣхать. Ей удается не только выбрестъ, но и дослужиться до полковника, а мужъ очутился у ней въ денщикахъ. Сказка кончается признаніемъ — и наказаніемъ виновнаго.

Составными элементами разобранной нами сказки-былины представляются мѣстѣ слѣдующіе:

1) Старая пѣсня, развивавшая тему Цимбелина, итальянскаго *Santare* и подобныхъ имъ разсказовъ: мѣсто дѣйствія въ Кіевѣ, при дворѣ Владиміра; на пиру-во полу столѣ Данило *хвалится* своей женой; наша сказка № 2 почти сохранила былинное изложенеіе:

У стольнаго князя у Владиміра
 Былъ хорошъ почестень пиръ
 На многихъ князей, на бояръ....
 Всѣ на пиру наѣдалися
 Всѣ на почетномъ напивалися
 И всѣ на пиру порасхвасталися:
 Который хвастаетъ добрымъ конемъ,
 Который хвастаетъ золотой казной,
 Который хвастаетъ отцемъ-матерью,
 Который хвалится молодой женой.

Имя навѣтчика по №№ 1 и 3: *Алеша Поповичъ*; оно стояло, вѣроятно, и въ пѣснѣ: по отношенію къ Данилиной женѣ онъ такой-же нахвальщикъ, какъ и въ былинѣ о сестрѣ Сбродовичей. — Древней пѣснѣ принадлежало, по моему мнѣнію, и имя *Данилы*: оно находится въ №№ 1 и 4 и въ былинахъ о женѣ *Данилы* (Ловчанина, Денисьевича) и Владимірѣ, представляющихъ мѣстѣ параллелью къ возстановляемой нами пѣснѣ о Данилиной женѣ и Алѣшѣ, но съ трагической развязкой. Былина начинается съ похвалы на пиру, полузабытой у Кир. III, № 1, стр. 28—32, но сохраненной въ № 2 (р. 32—38):

Сильн-а-тъ хвалится силою,
 Богатой хвалится богатствомъ,
 Купцы-тѣ хвалятся товарами,
 Товарами хвалятся заморскими;
 Бояря-та хвалятся помѣстьями,
 Онѣ хвалятся вотчпнами.
 Одинъ только не хвалится Данила Денисьевичъ,

но, вызванный Владиміромъ, говорить :

Есь у меня золота казна,
Ишшо есь у меня и молода жена,
Ишшо есь у меня и платьє свѣтное.

Центръ тяжести лежитъ, очевидно, въ молодой женѣ; только «безумный хвастаетъ молодой женой», говорится въ пѣснѣ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Рыбн. III, № 34, Гильф. № 135; Рыбн. II, № 30: Дюкъ); согласно съ этимъ развивается далѣе и пѣсня о Данилѣ Ловчанинѣ, на жену котораго позарился — самъ Владиміръ, пытаясь устранить мужа, чтобъ овладѣть женой, но добываясь только — самоубійства того и другого.

На сколько эта пѣсня о женѣ Данилы древня при имени Владиміра и не принадлежитъ-ли она къ порѣ пѣсенной детеріораціи его образа — этотъ вопросъ я оставляю пока въ сторонѣ. Замѣчу только, что и въ нашей сказкѣ № 2 *Владиміръ князь вздромнулъ на красоту жены* Дворянина Безсчастнаго, котораго №№ 1 и 4 зовутъ именно *Данилой*. Это указываетъ на связь между былинной о женѣ Данилы (Ловчанина) и Владимірѣ — и предполагаемой нами пѣсней о женѣ Данилы (Безсчастнаго и т. д.) и Алѣшѣ. Эти связи можно прослѣдить и далѣе: въ нашемъ № 4 жена Данилы названа *Настасьей царевной*, въ былинѣ о Ловчанинѣ Кир. III, № 1, стр. 28—32 имя его жены *Настася* (Никулишна; въ № 2, р. 32—38: Василиса Никулишна по смѣшенію съ женой Ставра); въ пѣснѣ объ Алѣшѣ и Сбродовичѣ послѣдняя также названа *Настасьей* (или Натальей. Кир. II, № 3, стр. 67—9). Замѣтимъ, наконецъ, что и жена Добрыни, обиденная Алѣшей, называется обыкновенно *Настасьей* и даже Настасьей Микуличной (Кир. II, № 2, стр. 3; № 6, стр. 11 слѣд.; № 8, стр. 17; № 9, стр. 20—22; № 1, 30 слѣд.). Можетъ быть, въ послѣднемъ случаѣ имя занесено изъ пѣсни о женѣ Данилы, оклеветанной Алѣшей: не даромъ у Кир. II, № 7, стр. 16 Добрыня, вернувшись домой въ одеждѣ скomorоха, называетъ себя — *Данилой Заморнинымъ*, т. е. пріѣзжимъ изъ за моря (сл. Гильф.

№ 172 = Рыбн. IV, № 13: купцы *заморяне*, вавилоняне — и *заморенина* Суздальца, выше, стр. 77). Можетъ быть, и въ одной редакціи былины о Молодцѣ и Королевнѣ (Гильф. № 278) первый, хвастающійся во хмѣлю своей связью съ царскою дочерью, носитъ не даромъ имя *Данилы* (Игнатъевича), вмѣсто обычнаго: *Ивана* (сл. выше, стр. 116 слѣд.).

Рядомъ съ именемъ *Настасьи* являются въ нашихъ сказкахъ и другія имена: въ № 3 *Елена Прекрасная*, у ней братецъ *ясень соколъ*; въ № 1: *Лебедь-птица* — *красная дѣвица*. Русская хоро-водная пѣсня¹⁾ несомнѣнно запомнилъ какія-то отношенія былиннаго *Алеси* пересмѣшника къ дѣвицѣ *бѣлой лебеди*; можетъ быть, и *ясный соколъ* пѣсни скрываетъ, за своимъ значеніемъ поэтическаго символа, память о *ясномъ соколѣ* сказки.

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю

Ахъ, и морю, морю синему!

Плыла лебедь, плыла лебедь,

Лебедь бѣлая, со лебедушками

.....

Плывши лебедь, вышла на берегъ.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

Гдѣ ни взялся младъ ясень соколъ,

Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,

Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;

Онъ кровь пустилъ по синю морю,

Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,

Онъ пухъ пустилъ по поднебесью,

Сорилъ перья, сорилъ перья,

Сорилъ перья по чисту полю.

Отъ символическихъ образовъ лебеди и сокола пѣсня переходитъ къ реальнымъ: дѣвушки и молодца: дѣвушка собираетъ тѣ перья,

Милу дружку на подушечку,

Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,

Родну батюшкѣ на перинушю.

Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русск. народа III, стр. 32, № 17.

Гдѣ ни взялся добрый молодець,
 «Богъ на помочь, Богъ на помочь,
 Богъ на помочь, красна дѣвица душа!»
 Она-жь ему, она-жь ему,
 Она-жь ему не поклонится.

Парень грозитъ ей, въ будущемъ, тѣми неприятностями, которыя предстоятъ ей, когда она выйдетъ за него за-мужъ; она извиняется:

Я думала, что не ты идешь,
 Что не ты идешь, не мнѣ клапнешься;
 Я думала, я думала,
 Я думала, что поповскій сынъ,
 Что поповскій сынъ, воръ Алешинька.

Въ варьянтахъ этой пѣсни ¹⁾ имени Алеши нѣтъ; но воръ Алеша, обманувшій Лебедь Бѣлую, хорошо извѣстно намъ изъ нашего № 1.

2) Былина о Данилѣ, не впрямую *похваливаемся своей женою*, развита была мотивами широко распространенной сказки: о вѣщей женѣ, помогающей мужу исполнить трудныя задачи, на него возложенныя, но *запрещающей ему хвалиться ею*. За неисполненіемъ этого завѣта слѣдовало обыкновенно ея исчезновеніе — и это окончаніе удержано въ нашемъ № 1, тогда какъ другіе придержались развязки, указанной ходомъ древней былины. — Малорусская сказка изъ собранія Рудченка (№ 34), сложенная изъ цѣлаго ряда чуждыхъ другъ другу мотивовъ, начинается извѣстнымъ намъ общимъ мѣстомъ: «Як був собі безпашный Данило, да служив, служив год и другой... Що дослужить грошей, да де заховае, то огледиця — аж уж й нема». Оставивъ одно мѣсто, онъ соглашается служить бѣдняку — изъ-за камня, лежавшаго у него передъ порогомъ. Въ камнѣ оказались деньги; Данило купилъ ладану на цѣлый золотой, «узав там

¹⁾ Сахаровъ, 1. с. стр. 54—5, №№ 1 и 2.

черепок, вийшов на могилу, наклав ладану, запалив». Въ награду за это ангель, посланный Богомъ, обѣщаетъ исполнить одно изъ его желаній: чего онъ хочетъ — здоровья, богатства или умной жены? По совѣту одного пахаря онъ избираетъ послѣднее, а самъ засыпаетъ на могилѣ. «Приходитъ з неба святого Петра дочка йому за жінку. Прийшла вона и будить його: устай, Данило, ходім, де твій батьківскій грунтъ, да підем да повінчаємось! Він каже: Нема в мене грунту батьківського. От пішли. От він и повив — аж батьківскій грунт: так Бог дав, шо стало». Нашлась и хата, а въ ней и деньги, которыя, бывало, пряталъ Данило и не находилъ. — Панъ позарился на Данилову жену и задаетъ ему задачи: коли не исполнить ихъ, онъ заберетъ жену. Первая задача — сварить пиво, вторая — сдѣлать изъ дерева «живыя гусли». Привезъ Данило то дерево домой и плачется; жена утѣшаетъ его: «Не журись, Данило, лягай спать. — Данило ліг спочить. Устав — аж уже й гусли готові». Какъ заигралъ онъ, всё заплясало. — Послѣдняя задача: сходить на тотъ свѣтъ къ отцу пана и спросить, куда передъ смертю онъ спряталъ деньги — также исполняется Данилой при помощи жены. Панъ награждаетъ его. — Другую переработку сказки сл. у Драгоманова, Малор. народн. преданія и рассказы, стр. 295—9 (Нещастный Данило. Нач.: Був собі нещасний Данило. Де вже він не ходив, де не служив — все, шо не заробі, пак як за водою піде; нічого в ёго нема).

3) Прежде чѣмъ эта былина осложнилась элементами сказки, она могла быть сближена съ другой былиной, съ такимъ-же мотивомъ похвалы, лишь иначе разработаннымъ: я имѣю въ виду пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ. Какъ Дюкъ хвалится своимъ имѣніемъ, конями и матушкой, такъ и Данило могъ хвастать первоначально своей женой — и кое-чѣмъ и другимъ, какъ Данило Ловчанинъ — женой и золотой казной. Съ точки зрѣнія Дюковскихъ пѣсенъ трудныя задачи, которыя въ современныхъ сказкахъ помогаетъ исполнить Данилѣ его жена, явились бы съ его стороны отвѣтомъ на требованіе — доказать ту или другую свою

похвалбу. Это объяснило-бы мнѣ, какимъ путемъ поюція петелки и пуговики Дюка перешли впервые въ былинну о Данилѣ: понятія сначала какъ моментъ *похвалбы*, онѣ очутились впоследствии, въ освѣщеніи сказки, моментомъ *задачъ*. — Косвенное доказательство сосуществованія и взаимодействія (старой) былинны о Данилѣ и Алешѣ и пѣсни о Дюкѣ — я склоненъ усмотрѣть въ тѣхъ пересказахъ послѣдней, которые замѣнили въ нихъ Чурилу — Алешей Поповичемъ: тотъ и другой являлся въ памяти пѣвцомъ съ типомъ навѣтчика, обличавшаго, хотя и злоство, неумѣренно расходившюся богатырскую кичливость.

Дальнѣйшее возхожденіе по генеалогическому, «мысленному» древу былинъ поставило-бы насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: о томъ, какимъ образомъ привязывались къ имени Владиміра сюжеты вродѣ новеллы о Данилиной женѣ. Отвѣчу пока лишь на одну сторону вопроса. Извѣстенъ въ русскомъ эпосѣ мотивъ похвалбы: отъ нея погибають русскіе (сл. гл. VII) и цареградскіе (сл. стр. 365) богатыри; хвалится Иванъ Гостиный сынъ своимъ конемъ — и принужденъ бѣжать на немъ въ запуски съ жеребцами Владиміра (стр. 38 слѣд.); хвастаетъ своей казною, конемъ и матерью Дюкъ Степановичъ — и долженъ дать отвѣтъ, постоять за свою тройную похвалбу (стр. 147 слѣд.), какъ Данило Ловчанинъ, Ставръ и замѣнившій его у Гильф. № 124 Добрыня. Обыкновенно такіа кичливыя рѣчи слышались на пиру, во полу-столѣ; когда Владиміръ сталъ собирателемъ русскаго эпоса, его почетный столъ явился типическимъ и къ нему потянулись всѣ, хваставшіеся дотолѣ на сторонѣ. Разумѣется, это построеніе трудно опереть на фактахъ: если въ трехъ вариантахъ пѣсни объ Алешѣ и Сбродовичнѣ только одна (Жир. II, № 3, стр. 67—9) переноситъ сцену къ столу Владиміра, а бѣлорусская пѣсня даже помѣщаетъ еѣ «у Тлупку на рынкѣ», то возможенъ двойкій вопросъ: являются-ли пѣсни безъ приуроченія къ столу Владиміра отзвукомъ болѣе древняго пѣсеннаго развитія, или, наоборотъ, онѣ забыли, обобщивъ его, самый фактъ приуроченія? Какъ-бы то ни-было, слабая внутренняя связь между

Владиміромъ и такими богатырями, какъ Дюкъ и Иванъ Гостинный сынъ, держащаяся главнымъ образомъ идеей похвалы за столомъ, едва-ли не указываетъ, что именно въ этой сценѣ произошло соединеніе двухъ эпическихъ теченій, привлекшее къ княжескому столу заѣзжихъ молодцевъ, въ составъ русскаго эпоса бродячія, неприуроченныя темы. Свой или чужія — всё равно: ибо *народный* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный*. — Что сцена похвалы за столомъ утратила въ послѣдствіи свое собирательное значеніе и стала общимъ мѣстомъ, показываютъ наур. нѣкоторыя пѣсни о Добрынѣ въ отъѣздѣ (Гильф. №№ 206, 215, 290 и др.), гдѣ она является незначущимъ запѣвомъ, не мотивирующимъ дальнѣйшій ходъ дѣйствія.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Къ стр. 10. *Птица-вѣстникъ*. Библиографія этого пѣсеннаго и сказочнаго мотива можетъ быть значительно пополнена. Такъ въ одной тосканской сказкѣ (Pitrè, Archivio, II, п, р. 168) голубь несетъ отцу дѣвушки, выданной за мага, ея письмо, писанное кровью на концѣ, оторванномъ отъ передника. Въ той-же роли могъ являться соколъ, котораго Сокольникъ передъ боемъ съ Ильей, отсылаетъ къ своей матушкѣ (сл. выше, гл. IX, 309, 311—12, 316—317), хотя въ большей части пересказовъ отпущекъ сокола и выжлеца означаетъ иной актъ: въ предстоящей борьбѣ они не нужны богатырю, ему не до нихъ: «А и ты, бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ, И корми ты свою буйну голову.... Полети ты, соколъ, на сине море, И корми свою буйну голову». Сл. сходный образъ, лишь въ другомъ примѣненіи, въ малор. щедривкѣ: молодець

Пустив коня в чисто поле,
Пустив хорта в темні лѣса,
Пустив сокола по під небеса;
І ківь біжить, пару лошадей мчить,
І хортъ біжить и зайенка мчить,
І соколъ летить и утѣнку мчить,

пану на кушанье, добрымъ людямъ на здоровье (сл. Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малор. народа I, стр. 7). —

Къ птицѣ-вѣстнику сл. еще Вука Караѣ. Србск. нар. песме, II, 45 (два ворона вѣщаютъ Милицѣ о Косовскомъ боѣ), 46 (соколь = Илья несетъ птицу-ластовицу = книгу од Богородице); III, 88 (два врана-гаврана); Ломачевского, Сборн. пѣс. Буковинскаго народа, № 344 (воронъ вѣщаетъ матери о смерти сына); Чубинск., V, 888 (орелъ матери о томъ-же); Головацкаго I, 138 (пташка съ письмомъ). См. славяно-русскій Матеріалъ, собранный Потемней, Замѣтка о двухъ пѣсняхъ (Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 2, стр. 203 слѣд.), изъ которой я выберу кстаги слѣдующія двѣ параллели къ румынской колядкѣ и мордовской пѣснѣ, разобранныхъ мною въ Разысканіяхъ VII, стр. 276—278. Первая записана въ Курской губерніи:

Сѡкаль съ канѣмъ обѣ заклѣтъ блисп,
 Опъ ни ѣ рушь, ни ѣ два и ня во-ста рублей,
 Апъ сваей апъ буйнай галаве:
 Каню бяжѣтъ вакрѣхъ лясѣ,
 А сакалѣ лятѣтъ чирѣсъ тѣмнай лесѣ
 Да таво мѣста да урѡшнава,
 Да калѡдизя да студѣнава.
 Прибѣхшы конь опъ вадѣ испилъ
 и лѣхъ апачилъ.
 Гладѣтъ, сматрѣтъ, анъ саколѣ лятить:
 «Кѡнъ ты мой, конь, ты добра лошадь!
 Ни сяжи ты мне буйнай галавѣ,
 Атсякѣ сакалѣ правая крылѡ
 съ правѣльнымъ пярѡмъ,
 Штоба мне саколѣ сидеть ни лятеть».
 Въ сакала крылья залятучи,
 А глазушки завидѣушная:
 Лятѣлъ саколѣ чирясъ тѣмнай лесѣ,
 Напалася сакалѣ стада либядѣй,
 Убилъ, задралъ, лебидя белавя,
 За темъ саколѣ замешкался. (I. с., р. 200—1).

Малорусская пѣсня (I. с., р. 201—2, изъ Максимовича, Укр. Н. П. М. 1834, стр. 148—9) открывается образомъ казака,

сидящаго на могилѣ и разглядывающаго свои смертельныя раны; непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ бѣгъ взапуски орла съ конемъ:

Закладався орелъ зъ концемъ,
 А за тѣи криниченьки:
 «Ой чи скорійш ти добіжиш,
 Мені крильця повтинаешъ.
 — «Ой ти скорійш да долетишъ,
 Мені ноги повтинаешъ.
 Ой кінъ бѣжить, земля дрожить,
 Орелъ летить, перо дзвенить;
 Ой кінъ біжить все ярами,
 Орелъ летить все дугами,
 Кінь до води прибігае,
 Орла брата виглядае:
 Орелъ летить і несміе,
 Коня брата непізнае.
 «Даруй, коню, крилечками,
 А хто ходить віжечками» (?).

Къ стр. 12 (*не убивать спящаго врага*). Въ одномъ греческомъ изреченіи, приписанномъ Александру Великому, онъ отстраняетъ совѣтъ друзей — напасть на враговъ ночью, ибо это не царское дѣло. Къ примѣрамъ, мною собраннымъ (Къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г., Сентябрь, стр. 65), присоединю еще и нашу Пчелу (изд. Безсоновъ, стр. 29): Сей (Александръ) молимъ сынъ отъ дружины ночью напасти на сопостаты и рече: не царскія есть крѣлости побѣда. — Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως (Wagner, Trois roèmes grecs, p. 14): дружина совѣтуетъ Ахиллу напасть на враговъ ночью; онъ отвѣчаетъ:

426 καλὴ ἐναὶ ἡ στρατιωτικὴ, ἄρχοντες, ἡ βουλὴ σας,
 ἀλλὰ γενναῖον καὶ δυνατὸν οὐκ ἐναὶ ἔργον τοῦτο·
 τοῖς ἀνισχύροις καὶ σαδροῖς δέδοται τὸ ἐξάφνης·
 εἰ γὰρ καὶ νίκος ποιήσωμεν, εἰς ἐντροπὴν μας ἐναὶ.

Сл. Eckenliet, строфа 195: Фазольтъ подозрѣваетъ, что Дитрихъ

убилъ его брата Экке во снѣ: hetestu sláfende in erslagin, — es müese mich verdriezen . . . her Dietrich sprach «mirst leit din haz — und daz du mich sô schendest. — Du must mir drumb ze buose stân».

Къ стр. 13 (Армури v. 86) Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως, I. с. р. 18:

561 καὶ οἱ δώδεκα μὲ τοὺς ἕτεροὺς κόπτουν εἰς τὸ φουσάτον,
τὰς ἄκρας ἐθερίζουσιν οἱ δώδεκα μὲ θράσος.
Ἐἰς ἄκραν ἐπιάλησεν ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ μέγας
καὶ μὲ τὴν ἄλλην ἔσμιζεν ἄκραν, συγκόπτων πάντα.

Къ стр. 25 прим. 2: сл. Nygor, Den oldfranske Heltedigtning, р. 334—5.

Къ стр. 29. Жена велитъ князю Сауру вернуться съ похода, ибо она беременна. Онъ отвѣчаетъ: «Да не въ первый-то разъ она меня обманываетъ». Выраженіе это указываетъ, быть можетъ, на полузабытую подробность: мужъ, недовольный бесплодіемъ жены, идетъ въ походъ, грозя навсегда съ ней разстаться, если къ его возвращенію она не окажется матерью. Такъ у Псевдокалисеена и его отраженіяхъ (о Филиппѣ и Олимпіадѣ); сл. средне-греческ. поэму объ Ахиллѣ, I. с. стр. 2, vv. 35 слѣд.

Къ стр. 56 прим. 1). Работа D'Ancona'ы явилась впоследствии въ сборникѣ его Studj di critica e storia letteraria (1880); сл. стр. 300—2. Съ канвой легенды объ Ильѣ-архитекторѣ сл. подобный-же рассказъ въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Θομῆ: Господь продаетъ его купцу Abbanes, посланному царемъ Гундофоромъ приискать *архитектора*. Сл. Lipsius, Aposcyphe Apostelgeschichten I, 249; ib. II, п, 89 (объ ап. Варроломеѣ).

Къ стр. 63 прим. 1: сл. *Описание бѣга* въ Aiol, ed. Foerster, v. 4236 слѣд.: Aiol бѣтается о закладъ съ Mасаиге скакать взапуски на коняхъ:

4250 Et se li miens peut vaintre, si me pleuis
 .m. mars de blanc argent et .c. d'or fin
 Et del destrier a faire tout mon plaisir.
 Se li tiens uaint li mien, iel fac ausi.

Онъ даетъ ему ускакать впередъ «un grant arpent de tere bien mesure» (4312) и всё-же перегоняетъ Масаиге'а, надъ конемъ котораго глумится молодежь.

Къ стр. 72 (къ описанію чудеснаго ворона въ былинахъ).
 Сл. Гильф. № 49, стр. 243.

Къ стр. 73 прим. 3. Сл. въ Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. с., р. 34,
 v. 1089: дѣвушка говоритъ Ахиллу: ἐγείρου, χρσοπτέρυγε
 φάλακων, ἀπὸ τῆς κλίνης.

Къ стр. 74 прим. 1: сл. Рыбн. III, № 51, стр. 282:
 Чумбаль.

Къ стр. 81: (Пленкъ—Франкъ). Собственное имя изъ эпитета:
 сл. Девгенія Акрита нашей повѣсти; сѣв. Lóðbrókr
 в. Ragnarr (Lóðbrókr) и друг.

Къ стр. 111 прим. 3: Сл. Διήγησις τοῦ Ἀχιλλέως I. с.,
 р. 37—8, v. 1221 слѣд. (Ахиллъ поетъ, подъѣзжая къ замку
 любимой дѣвушки).

Къ стр. 126: Вольнецъ, Галица, Корела у Гильф. № 249.

Къ стр. 138 (воронъ стѣщаетъ битву). Сл. Ефименко,
 Матеріалы, № VII (передъ встрѣчей Алѣши съ Татаринномъ).

Къ стр. 191 прим. 2. (механическія поющія птички). Сл. Διήγησις
 τοῦ Ἀχιλλέως ed. Wagner I. с., р. 23—4, v. 739 слѣд.:
 золотой платанъ и на немъ золотыя птички: 743 ἐπνέασιν

οὐ ἀνεμοὶ καὶ ἐκεῖνα ἐκπλαδοῦσαν. Въ романѣ о Ливистрѣ и Родамиѣ (ed. Wagner, l. c., p. 304, v. 2195 слѣд.) вода поднимается вверхъ по вѣткамъ искусственной виноградной лозы, отчего ея плоды наливаются и зрѣютъ; на вѣтвяхъ порхаютъ птички, точно живыя. — Сл. еще описаніе Порова дворца въ моей статьѣ: Къ вопросу объ источникахъ сербской Александріи, Ж. М. Н. Просв. 1884, Сентябрь, стр. 49—51.

Къ стр. 218 (сл. стр. 222, прим. 1): *Чудеса Гугонова дворца*. Въ неизданной старофранц. поэмѣ о Sone de Nansay, отрывки которой были напечатаны Scheler'омъ, по Туринской рукописи, подробныя извлеченія (изъ той-же рукописи) сдѣланы мною, встрѣчаемъ слѣдующее описаніе:

On mist la table en 1 praiel
 Tel c'onques hons ne vit plus biel;
 Sur les murs deviers mer estoit,
 Mais un biaux mures l'enclooit
 Qui de marbre liois fu fais:
 N'est oisiaus qui n'i soit pourtrais
 Ne bieste ne pissons de mer,
 Mult est plaisans a regarder.
X lupart sur les murs avoit,
Et cascuns la geule beoit,
Et par engien ensi tournoient
La geule u vent adies avoient:
Quant vens i fiert, cascuns sonnoit,
Diviers sons cascuns s'acordoit,
 Ki tant sont biel a escouter:
 Nus ne s'en poroit soeler,
 Jamais nul jour n'anuieroit
 Par dales qui santé aroit.

Къ стр. 226 (*Похвалба*) Обычай gabs и vœux былъ извѣстенъ и на сѣверѣ, гдѣ такъ называемыя heitstrengingar были въ ходу на рождественскихъ пирахъ, тризнахъ и т. п. Сл. Vigfusson and Cleasby, Icel. engl. Dict. a. v.

Интересный обрацникъ *похвалбы* во полу-столѣ представляетъ Sones de Nansay (сл. выше, прим. къ стр. 218): Sones является въ Норвегію, къ королю Alains, ожидавшему нападенія Ирландцевъ и Шотландцевъ:

Li fil le roi ont Sone pris,
 Bas sont a une escame assis.
 Dont veïssiez mes apporter,
 Aussi c'om les puisast en mer;
 Chiervoise et vin partout avoit,
 Car lor coustume telle estoit:
Longement sisent au mangier
 Tant qu'asses peüst annuier
 Qui ensi ne l'etüst use,
Car il se sont si abuvre
Que cascuns sa fable contoit
 Leur nus for lui ne l'escontoit;
 Tant erent en grant de parler,
 Nus ne peüst tout escouter.
 Li tiers du jour fu en mangier,
Cascuns estoit en haubregier,
L'escu au col, ou poing l'espee —
Tout ert Irlande a mort livree,
Et ensi que cascuns disoit
«Que li rois d'Escoche i venroit
Et seroit li premiers tues,
Ses freres qu'est emprisonnes
N'en istera, ce ne puet iestre,
Tant que Dieus sauve men brach diestre».
Ensi partout se combatoient
Et puis le hanap embrachoient.

Sones удивляется этому, а царевичи объясняютъ ему, что таковъ обычай страны:

Ensi wellent le temps passer
 En boire, en mangier, en parler,
En manechier chias qui n'i sont;

L'usage de lor pays font,
Et se primerains vous levies,
D'yaus honnis et blasmés series.

Къ стр. 226, строка 2-ая снизу: читай русскихъ вм. другихъ.

Къ стр. 234 прим. 2. Параллель къ слѣдующему разсказу представляетъ у того-же С. Гальскаго монаха (II, п) извѣстная сцена, когда Откерь и Дезидерій смотрять съ башни на приближающееся войско Карла, а Дезидерій въ каждомъ появляющемся отрядѣ думаетъ увидѣть императора.

Къ стр. 238—250 (*Микула Селяниновичъ*). О сюжетѣ былины говорили проф. В. Миллеръ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Декабрь: По поводу Трояна и Бояна Слова о Полку Игоревѣ (сл. рецензію проф. О. Миллера въ Русск. Филол. Вѣстникъ II, 233) и М. Халанскій, Забѣтки по славянской народной поэзіи I. Къ былинѣ про Микулу Селяниновича, Русск. Фил. Вѣстн. 1881 г., стр. 270—73. — Мое объясненіе имени Hugon, стр. 250, чисто гипотетическое, которое я не пытаюсь помирить съ моимъ прежнимъ отождествленіемъ: Hugues = Hugdietrich (сл. выше, стр. 202—3). Hugdietrich, можетъ быть, отражаетъ франкскаго Hugo-Theodoricus, но тождество имени не обуславливаетъ франкскаго содержанія эпическихъ разсказовъ о первомъ.

Къ стр. 266, строка 6: (у Рыбн. II, № 65 = Гильф. № 116), какъ и въ № 22 Гильф. (Илья Муромецъ и Идолище) значеніе видѣнія не объяснено.

Къ стр. 267 (*оживаніе рыбъ, какъ знаменіе шибели*) Сл. Карачиѣ, Рјечн. а. в. Високи Стефан: онъ бьется съ Турками, прогнавъ ихъ за море, а въ море бросилъ свой буздоханъ, приговаривая: когда выйдетъ тотъ буздоханъ на берегъ, тогда и Турки возвратятся. Море тотчасъ же выбросило буздоханъ.

Сл. его-же, Срб. нар. п. II, № 74, ст. 95—6 (о Маркѣ Крале-
вичѣ).

Къ стр. 268—269 (*Турско царство навасало*). Сл. Dozon,
Болг. п. № 39: Наше царство достанало, — Турско царство
настанало.

Къ стр. 371, строки 4—6 (*Прожорливость Идолица и Бо-
някъ*). Сл. южно-русскія преданія о *Бунякъ-людодѣ* у Костома-
рова, Богданъ Хмѣльницкій I т., стр. 180; Драгомановъ, Малор.
народн. преданія и рассказы, стр. 224—225.

